Batjuškov
37 Bg
1K.
39905

БѢЛОРУССІЯ И ЛИТВА.

5 870
76 H.
12

БѢЛОРУССІЯ И ЛИТВА

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ

П. Н. Батюшковымъ.

Съ одной хромолитографіей, 99 гравюрами и картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Больш. Подъяческая, № 39.
1890.

BAYER. STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Декабря 1889 г.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

От издателя . XV

Алфавитный список сотрудников XXIII

Введеніе.

Мѣстоположеніе Бѣлоруссіи и Литвы, их сосѣдство, близость между собою и общія историческія судьбы; періоды развитія исторической жизни и характеристика этих періодов . 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Сѣверо-западная Русь под властію русских князей.

Населеніе страны.—Кривичи с частію сѣверян и радимичей; дреговичи с древлянами, предѣлы их разселенія и города. — Соединеніе русских племен под властію князей; подчиненіе полочан, древлян, сѣверян, радимичей и дреговичей Русскому государству.—Возстаніе древлян и усмиреніе их; стремленіе Полоцкой земли с Туровскою к независимости и покореніе их Владиміром.—Поход Владиміра на ятвягов, крещеніе им Руси и раздача удѣлов.—Удѣлы Полоцкій, Туровскій и Древлянскій; епископства и первые храмы и монастыри в Полоцкой и Туровской областях; устав св. Владиміра.—Ярослав I: утвержденіе единодержавія; походы на чудь, ятвягов и литву; внутреннее устройство земли и христіанское просвѣщеніе; храмы при Ярославѣ и памятники письменности. — Раздѣленіе Руси на удѣлы послѣ Ярослава и порядок престолонаслѣдія. — Изяславичи полоцкіе и Ярославичи кіевскіе и борьба их между собою; изгнаніе в Грецію и возвращеніе оттуда; построеніе храмов и монастырей, полоцкіе епископы, преп. Евфросинія и святыни полоцкія; раздробленіе Полоцкой земли на удѣлы и упадок ея.—Ярославичи кіевскіе в сѣверо-западной Руси.—Турово-Пинское княжество под властію великих князей кіевских, туровскіе епископы, монастыри и храмы; обособленіе княжества, раздробленіе его на удѣлы.—Княжество Городенское и Берестейская земля.—Вывод из предыдущаго 6

ГЛАВА ВТОРАЯ. Литва, образованіе Литовско-Русскаго государства и развитіе его до перваго соединенія с Польшей в 1386 году.

Литовское племя, первоначальное разселеніе его вѣтвей, сосѣдство с русскими и поляками и историческая связь с ними и зависимость от них.—Причины и начатки образованія и

усиленія Литовско-Русскаго государства.— Мендовгъ, какъ основатель государственнаго единства Литвы; внутреннія возстанія; отношенія къ галицко-волынскимъ князьямъ, Ливонскому ордену и Жмуди.—Смерть Мендовга отъ заговорщиковъ и распри между ними за великокняжескій престолъ; Воишелкъ и Шварнъ; неурядицы по смерти ихъ.— Князь Тройденъ.— Основаніе Гедиминова дома: Лютуверъ, сыновья его Витень и Гедиминъ.—Покровительство Гедимина русской народности и родственныя связи съ домомъ св. Владиміра; присоединеніе къ Литвѣ русскихъ областей; границы государства при Гединѣ; вѣротерпимость его, основаніе Вильны и обрусеніе ея; столкновенія съ Ливонскимъ и Тевтонскимъ орденами; смерть Гедимина.—Сыновья его и раздѣленіе государства на удѣлы; Ольгердъ и Кейстутъ и вокняженіе Ольгерда; борьба ихъ съ крестоносцами и подвиги Кейстута.—Восточныя дѣла Ольгерда и отношенія его къ Руси: пріобрѣтеніе русскихъ земель; покровительство русской народности и вѣрѣ, построеніе православныхъ храмовъ и монастырей, виленскіе мученики; православіе дѣтей и родственниковъ Ольгерда; попытка его основать особую Литовскую митрополію; кончина Ольгерда.—Общее православно-русское направленіе жизни въ государствѣ; поворотъ Ягайла въ другую сторону. 47

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Государственное соединеніе Литвы съ Польшей подъ властію одного рода, но съ особыми государями и съ особымъ внутреннимъ управленіемъ.

Сыновья Ольгерда.—Ягайло—великій князь; бракъ его съ Ядвигой; первое соединеніе Литвы съ Польшей и послѣдствія его.— Назначеніе Скиргайла великимъ княземъ литовскимъ; соперничество съ нимъ Витовта.—Могущество и новые замыслы Витовта; взятіе Смоленска; татарскія дѣла; договоръ съ Польщею 1401 года; столкновенія съ Новгородомъ и Москвою; пораженіе рыцарей подъ Грюнвальдомъ 1410 года; возобновленіе соединенія Литвы съ Польшей въ 1413 году; крещеніе Жмуди въ католичество; отношенія Витовта къ православнымъ; возстаніе Свидригайла и исходъ его; луцкій съѣздъ государей 1429 года и смерть Витовта.—Избраніе Свидригайла на великокняжескій престолъ; Сигизмундъ Кейстутьевичъ; смерть Сигизмунда. 82

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Стремленіе къ сближенію Литвы съ Польшей со времени царствованія Казиміра IV Ягайловича и до люблинской уніи 1569 года.

Общее направленіе дѣятельности Казиміра IV, Александра и Сигизмундовъ I и II къ соединенію и сліянію Литвы съ Польшею.—Казиміръ IV; утвержденіе на престолѣ; избраніе въ польскіе короли; внѣшнія и внутреннія дѣла; отношеніе къ православію.—Отпаденіе русско-литовскихъ князей отъ Литвы.—Александръ Казиміровичъ: общій характеръ его дѣятельности; война съ Іоанномъ III, бракъ съ Еленой; столкновенія съ Іоанномъ III; новая попытка ввести церковную унію; вступленіе на польскій престолъ и возобновленіе союза съ Польшей; успѣхи православной церкви въ Литвѣ.—Сигизмундъ I: война съ Василіемъ III; Глинскій; двукратное возобновленіе войны съ Москвою; перемиріе; положеніе православной церкви; назначеніе сына Сигизмунда Августа литовскимъ княземъ; сближеніе Литвы съ Польшею; королева Бона.—Сигизмундъ II Августъ: управленіе Литвою, изданіе Статута; переселеніе Сигизмунда-Августа въ Литву, начало свободомыслія и разномыслія въ

вѣрѣ; восшествіе на польскій престолъ; упадокъ католичества; состояніе православной церкви; поворотъ къ католичеству и и сближенію Литвы съ Польшей; ливонская война; люблинская унія 1569 года; непрочность ея 121

ГЛАВА ПЯТАЯ. Полное, окончательное соединеніе Литвы съ Польшей въ 1569 году и подчиненіе Литвы польско-католическому вліянію.

Польское господство и вліяніе въ Литвѣ и противодѣйствіе ему литовско-русскаго населенія.—Распространеніе католичества и введеніе уніи при помощи іезуитовъ; ослабленіе сдерживающаго вліянія Москвы на Литву при Баторіѣ и Сигизмундѣ III; покровительство Баторія іезуитамъ и мысль о церковной уніи; осуществленіе ея при Сигизмундѣ III.—Главные дѣятели уніи и поддержка ея Сигизмундомъ III; Ипатій Поцѣй; Іосифъ Вельяминъ-Рутскій, основаніе и распространеніе базиліанскаго ордена, попытки преобразовать свѣтскій уніатскій клиръ; уніатскіе епископы изъ базиліанъ, Іосафатъ Кунцевичъ, дѣйствія его противъ православныхъ, насильственная смерть его и гоненіе на православныхъ.—Положеніе западнорусской православной церкви: оскудѣніе іерархіи; покровительство вельможъ и дворянъ православію; церковныя братства и ихъ дѣятельность; казаки, возстановленіе православной іерархіи, полоцкій православный архіепископъ Мелетій Смотрицкій, ходатайство казаковъ за православную церковь передъ сеймомъ въ 1625 году и посольство въ Москву съ предложеніемъ подданства, усмиреніе казаковъ. — Внутреннее обновленіе и укрѣпленіе западно-русской православной церкви при Сигизмундѣ III и объединеніе силъ православнаго населенія . . 177

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Оживленіе народнаго русскаго самосознанія и борьба съ польско-католиками и уніатами при Владиславѣ IV и Янѣ-Казимірѣ.

Смерть Сигизмунда III; дружныя усилія православныхъ добиться себѣ правъ при восшествіи Владислава IV на престолъ; дарованіе православнымъ правъ, возстановленіе іерархіи и оживленіе православной церкви, особое значеніе кіевскаго митрополита Петра Могилы.—Протесты католиковъ и уніатовъ противъ дарованія православной церкви правъ и ограниченіе и нарушеніе этихъ правъ.—Возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ Польши и сочувствіе ему въ Бѣлоруссіи; зборовскій договоръ Хмельницкаго съ Яномъ-Казиміромъ; ограниченіе его сеймомъ и недовольство этимъ договоромъ; возобновленіе войны съ поляками, пораженіе Хмельницкаго и подданство его царю Алексѣю Михайловичу.—Война Россіи съ Польшей; походы царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлоруссію и Литву въ 1654 и 1655 годахъ и завоеваніе ихъ; возстановленіе въ нихъ православія; война съ Швеціей, перемиріе съ поляками и возобновленіе войны съ ними; утомленіе войною и андрусовское перемиріе 1667 года.—Земельныя, духовно-нравственныя и умственныя пріобрѣтенія Россіи и перевѣсъ ея надъ Польшею. 228

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Религіозныя отношенія и смуты въ Польшѣ съ половины XVII вѣка, вліяніе Россіи и раздѣлы Польши.

Борьба католичества и православія.—Усиленіе католичества и уніи: размноженіе костеловъ и кляшторовъ, окатоличеніе уніи и особенно базиліанскаго ордена, замостьскій соборъ 1720 года, латинскія нововведенія въ уніи, размноженіе базиліан-

скихъ монастырей.—Преслѣдованіе православія: польскія узаконенія и правительственныя постановленія противъ православія; развитіе и примѣненіе ихъ къ дѣлу, съ цѣлію насильственнаго совращенія православныхъ въ унію; недовольство уніею совращенныхъ въ нее. Сохраненіе православной вѣры въ Польшѣ и причины его—стойкость народа и заступничество Россіи.— Состояніе православія въ концѣ XVII вѣка.—Условія договора 1686 г. о православной вѣрѣ и особое значеніе его съ XVIII вѣка; вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши и ходатайство за единовѣрцевъ, возстановленіе и сохраненіе Бѣлорусской епархіи, заступничество Петра I за православныхъ, ослабленіе вліянія Россіи при его преемникахъ и усиленіе при Елизаветѣ Петровнѣ; Георгій Конисскій, Екатерина II, слуцкая конфедерація 1767 года, сеймъ и договоръ съ Россіей въ 1768 году въ пользу православныхъ, барская конфедерація и первый раздѣлъ Польши 1772 года, договоръ 1775 года, ухудшеніе участи православныхъ въ Польшѣ, назначеніе имъ въ епископы Виктора Садковскаго, обвиненіе его и арестъ, пинская православная конгрегація, четырехлѣтній сеймъ 1788—1791 гг., второй раздѣлъ Польши, возстаніе Косцюшки и третій раздѣлъ Польши.—Справедливость и законность возсоединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей. 265

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Внутреннее объединеніе Сѣверо-Западнаго края съ Россіей.

Главныя препятствія къ внутреннему объединенію Сѣверо-Западнаго края съ Россіей и медленность его.—Отношеніе Екатерины II къ Сѣверо-Западному краю: введеніе русскаго управленія, землевладѣнія и законодательства; улучшеніе положенія православія; католическая церковь въ Россіи и стремленіе уніатовъ къ православію.—Павелъ I: возстановленіе имъ польскихъ правъ; благосклонность къ католичеству; взглядъ Павла I на уніатовъ; положеніе православной церкви при Павлѣ I.—Александръ I: сближеніе съ Чарторыйскимъ, возстановленіе польскаго самоуправленія; учебно-воспитальная система Чарторыйскаго; іезуитскія школы; образованіе Наполеономъ I герцогства Варшавскаго и участіе поляковъ въ наполеоновскихъ войнахъ съ Россіей; возстановленіе Александромъ I царства Польскаго, польскія общества и заговоры, увольненіе Чарторыйскаго и охлажденіе императора къ полякамъ.—Отношеніе Александра I къ католичеству и уніи: изгнаніе іезуитовъ; освобожденіе уніатовъ изъ-подъ власти латинянъ; стремленіе нѣкоторыхъ уніатскихъ владыкъ къ очищенію русской обрядности и борьба ихъ бѣлаго уніатскаго духовенства съ базиліанами; окончаніе борьбы въ пользу свѣтскаго клира . . 214

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Возсоединеніе уніатовъ и возстановленіе православія и русской народности.

Николай I: новое поколѣніе уніатскаго духовенства и главный представитель его Іосифъ Сѣмашко, его записка о положеніи уніатской церкви и подготовительныя мѣры къ возсоединенію ея съ православною; происки латино-польской и базиліанской партій; польскій мятежъ 1831 года и правительственныя мѣры по поводу мятежа; уніатскій соборъ 1834 года, введеніе православнаго устройства въ уніатскія церкви, подписки уніатскихъ священниковъ о присоединеніи къ православію, тревога латинянъ и волненія; общее возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году; народное и государственное значеніе этого событія, введеніе русскаго законодательства, инвентари, обезпеченіе духовенства, постройка

и починка церквей, противодѣйствіе со стороны латино-польской партіи и новые политическіе замыслы поляковъ.—Александръ II: мысль объ освобожденіи крестьянъ и мѣры примиренія съ поляками; церковно-строительное дѣло съ 1858 г.; польскій мятежъ и надежды поляковъ на иностранное вмѣшательство; усмиреніе мятежа и дѣятельность М. Н. Муравьева къ умиренію и благоустроенію края; принятіе католиками православія; преемники Муравьева; новое примирительное отношеніе къ полякамъ.—Численность народонаселенія Сѣверо-Западнаго края.—Заключеніе. 351

Примѣчанія 1

Объясненія къ рисункамъ. 39

Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ 167

РИСУНКИ И ГРАВЮРЫ.

А. Священныя изображенія.

1. Крестъ преподобной Евфросиніи 1161 года (хромолитографія на отдѣльномъ листѣ). 24

2. Крестъ, которымъ преподобный Сергій благословилъ князя Димитрія Донскаго на борьбу съ Мамаемъ 119

3. Корсунская или Ефесская икона Божіей Матери 31

4. Минская икона Божіей Матери 31

5. Жировицкая икона Божіей Матери 31

6. Виленская икона Одигитріи (Путеводительницы) 95

7. Виленская Островратская или Остробрамская икона Божіей Матери 145

8. Супрасльская икона Божіей Матери 173

9. Коложская икона Божіей Матери 173

10. Сурдегская икона Божіей Матери. 173

11. Рака преподобной Евфросиніи въ Кіево-Печерской лаврѣ . 27

12. Рака и пещерная церковь виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, въ Виленскомъ монастырѣ Св. Духа. 77

13. Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій и ярославскій . . . 267

14. Икона преподобномученика Аѳанасія (Филипповича), игумена брестскаго 241

Б. Портреты и изображенія историческихъ лицъ.

15. Великій князь литовскій Ольгердъ (Александръ) Гедимоновичъ 55
16. Великій князь литовскій Свидригайло Ольгердовичъ . . . 115
17. Гетманъ литовскій Григорій Александовичъ Ходкевичъ . . 187
18. Литовскій православный митрополитъ Іосифъ Солтанъ . . 191
19. Московскій царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный 207
20. Уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ-Рутскій . . . 209
21. Слуцкій князь Юрій Юрьевичъ Олельковичъ 213
22. Богданъ-Θеодоръ Вильгельмовичъ Стеткевичъ-Заверскій . . 221
23. Полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій. 229
24. Богданъ Хмельницкій 245
25. Іеромонахъ Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ 249
26. Московскій царь Алексѣй Михайловичъ 253
27. Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситняновичъ (Полоцкій). 257
28. Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка 261
29. Императоръ Петръ I Алексѣевичъ. 273
30. Полоцкій уніатскій архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Флоріанъ Гребницкій. 277
31. Императрица Елизавета Петровна 283
32. Литовскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ. 295
33. Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ 301
34. Архіепископъ минскій (впослѣд. черниговскій) Викторъ Садковскій 305
35. Митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи Станиславъ Богушъ-Сестренцевичъ 311
36. Полоцкій уніатскій архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Іасонъ Юнδша-Смогоржевскій 317
37. Уніатскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ 321
38. Министръ народнаго просвѣщенія и президентъ Россійской академіи, Александръ Семеновичъ Шишковъ. 327
39—44. Дѣятели возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью: литовскій митрополитъ Іосифъ

Сѣмашко; минскій архіепископъ Антоній Зубко; брестскій епископъ Игнатій Желѣзовскій; полоцкій архіепископъ, членъ св. синода, Василій Лужинскій; минскій архіепископъ Михаилъ Голубовичъ; протопресвитеръ Виленскаго каѳедральнаго собора Антоній Тупальскій. 333
45. Императоръ Николай I Павловичъ 337
46. Митрополитъ кіевскій и галицкій Платонъ 341
47. Виленскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ 365

В. Виды мѣстностей и зданій.

48. Развалины Трокскаго замка 9
40. Церковь Полоцкаго Спасо-Евфросиніевскаго женскаго монастыря. 20
50—52. Развалины Коложской Борисоглѣбской церкви:
съ сѣверо-восточной стороны 40
со стороны Нѣмана 41
внутренняя часть съ юго-западной стороны 45
53 и 54. Виленская церковь въ честь перенесенія мощей св. Николая чудотворца (до 1864 года и въ настоящее время). . 51
55. Развалины литовскаго замка въ г. Ковнѣ 59
56. Благовѣщенская церковь въ г. Витебскѣ 65
57—59. Церковь св. Параскевы въ Вильнѣ (Пятницкая): 1, въ 1807 году; 2, въ настоящее время; 3, до 1865 года . . 71
60. Развалины дворца и замка великихъ князей литовскихъ въ Вильнѣ 85
61. Стято-Троицкій монастырь въ Вильнѣ. 89
62—65. Виленскій Успенскій соборъ, называемый Пречистенскимъ и Митрополитальнымъ: 1, въ 1601 году; 2, до 1810 года; 3, въ 1864 году и 4, въ настоящее время . . 100 и 101
66. Развалины Лидскаго замка. 125
67. Маломожейковская церковь, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи 129

68. Сынковичская церковь, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи 135
69. Древняя церковь св. Николая въ Брестѣ-Литовскомъ, Гродненской губерніи (заглавный листъ визитаціонной книги XVIII вѣка) 141
70. Развалины Новогрудскаго замка (Минской губерніи) . . . 149
71. Ильинская церковь въ г. Витебскѣ 153
72. Жировицкій мужской Успенскій монастырь, Слонимскаго уѣзда, Минской губерніи 157
73—76. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи:
церковь Супрасльскаго монастыря 165
фресковое изображеніе Спасителя. 168
двѣ фрески съ изображеніями св. Антонія и Улиты. . 169
77. Сурдегскій Свято-Духовскій монастырь, Вилькомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи 183
78. Виленскій Свято-Духовскій монастырь 225
79. Древняя церковь Кутеинскаго мужскаго монастыря въ г. Оршѣ, Могилевской губерніи 233
80. Витебскій Марковъ Свято-Троицкій монастырь. 237
81 и 82. Виленская публичная библіотека:
читальный залъ 353
музей древностей 359
83. Александровская часовня въ г. Вильнѣ на Георгіевской площади 371
84. Георгіевская часовня на Виленскомъ кладбищѣ 371

Г. Разныя изображенія.

85. Туровское рукописное евангеліе XI вѣка 11
86. Двинскіе камни князя Бориса Всеславича 15
87. Камень князя Василія (Рогвольда) Борисовича, въ Могилевской губерніи 35
88. Мстижское рукописное евангеліе XIV вѣка 107
89. Оршанское рукописное евангеліе XIV вѣка. 111

90. Западно-русская рукописная четья 1489 года. 161
91. Супрасльскiй помянникъ или синодикъ. Рукопись 1631 года. 179
92. Виленское изданiе апостольскихъ посланiй 1525 года. Выходной листъ 195
93. Виленское евангелiе 1575 года. Изображенiе евангелиста . 200
94. Виленское евангелiе 1575 года. Первая глава евангелiя отъ Iоанна 201
95. Литовскiй Статутъ 203
96. Гробница Софiи Юрьевны Олельковны, по мужу Радивилъ, нетлѣнно почивающей въ Слуцкомъ Троицкомъ монастырѣ. 217
97. Письмо св. Дмитрiя, митрополита ростовскаго и ярославскаго, къ М. Г. Грохольскому 269
98. Современное аллегорическое изображенiе раздѣла Польши . 289
99 и 100. Медаль въ память возсоединенiя западно-русскихъ унiатовъ съ православною церковью. 344 и 345
Двадцать заставокъ и инициаловъ изъ древнихъ рукописей и первопечати на стр. 1, 6, 47, 82, 121, 177, 228, 265, 314, 351.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ заканчивается трудъ, возложенный Высочайшею волею на издателя въ отношеніи составленія историческихъ очерковъ, касающихся судебъ нашихъ сѣверо и юго-западныхъ окраинъ, за исключеніемъ Подоліи и Бессарабіи, ожидающихъ еще своего описанія.

На основаніи данныхъ, которыя вошли въ прежнія изданія министерства, и по новѣйшимъ изысканіямъ составленъ нынѣ очеркъ историческихъ судебъ Бѣлоруссіи и Литвы и описаніе русскихъ древностей этого края, — по такой же программѣ, какая была положена въ основаніе изданныхъ въ 1887—1888 гг. книгъ: „Холмская Русь" и „Волынь". Но прежде, чѣмъ говорить о вновь вышедшей книгѣ, издатель считаетъ нужнымъ и своевременнымъ предпослать нѣсколько словъ для объясненія причинъ, побудившихъ министерство внутреннихъ дѣлъ обратить вниманіе на исторію западныхъ окраинъ и приступить къ изслѣдованію и изданію ихъ древностей.

Въ концѣ 50-хъ годовъ ни въ одномъ центральномъ учрежденіи Имперіи не имѣлось точныхъ свѣдѣній по статистикѣ и этнографіи западныхъ губерній Россіи. Русская историческая литература и періодическая печать того времени вѣрили на слово источникамъ польскаго происхожденія, иногда апокрифическимъ, часто измышленнымъ и всегда тенденціознымъ. Извращая бытовыя данныя и тѣмъ отрицая самобытность древнихъ элементовъ западной Руси, польская печать, а за нею и русская, въ извѣстной ея части, не признавали неоспоримыхъ народныхъ правъ Россіи на западныя ея окраины. Этотъ взглядъ до того былъ

распространенъ и усвоенъ у насъ, что даже многія находившіяся на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ лица подчинялись безсознательно вліянію польскихъ идей, дѣйствуя въ раіонѣ возложенныхъ на нихъ обязанностей, во вредъ государственнымъ интересамъ.

Въ это тяжелое для русскаго чувства время, служившее предвѣстникомъ возгорѣвшагося затѣмъ польскаго мятежа, въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II благоугодно было обратить вниманіе на прискорбное состояніе православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ и Высочайше повелѣть безотлагательно приступить къ ихъ поддержкѣ и возобновленію, на суммы государственнаго казначейства, отстранивъ при этомъ помѣщиковъ-иновѣрцевъ отъ всякаго участія.

Для осуществленія такой Монаршей воли, ввѣренной къ исполненію пишущему эти строки, было предпринято предварительное обозрѣніе церковныхъ построекъ и точное опредѣленіе числа прихожанъ по каждому приходу отдѣльно.

Съ этою цѣлью, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ было сосредоточено производство этого рода дѣлъ, командировало, по сношенію съ военнымъ министромъ, въ каждую изъ губерній Западнаго края, по одному штабъ-офицеру генеральнаго штаба и поручило имъ собрать и доставить вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о народонаселеніи по вѣроисповѣданіямъ. По полученіи собранныхъ на мѣстѣ данныхъ, министерство поручило ихъ разработку полковнику Риттиху, который, провѣривъ полученный статистическій матеріалъ по свѣдѣніямъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода, департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и центральнаго статистическаго комитета, приступилъ къ составленію спеціальнаго „Атласа населенія девяти губерній Западнаго края по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ“. Атласъ этотъ, съ объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, былъ изданъ въ 1863 году, въ самый разгаръ польскаго мятежа.

Здѣсь не мѣсто распространяться о значеніи этого изданія; не можемъ, однако, умолчать, что по общему выводу племенной градаціи, по картамъ и таблицамъ атласа оказалось между про-

чимъ, что на все населеніе Западнаго края приходится менѣе 9% поляковъ и что, за исключеніемъ Ковенской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстностей Виленской и Гродненской, господствующая въ населеніи вѣра — православіе.

Атласъ былъ повергнутъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, а затѣмъ издателемъ былъ представленъ государственному канцлеру, князю А. М. Горчакову, до опубликованія еще имъ знаменитыхъ нотъ по польскому вопросу.

При исполненіи командированными министерствомъ лицами порученія касательно собиранія свѣдѣній о приходахъ, одинъ изъ нихъ, полковникъ Эртель, донесъ, что при объѣздахъ ввѣреннаго ему раіона онъ встрѣчалъ на пути своего слѣдованія по Волыни развалины православныхъ храмовъ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ глубокой древности и указываютъ на былое процвѣтаніе русскихъ народныхъ началъ въ Западномъ краѣ, во времена св. Владиміра равноапостольнаго, удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, на дѣятельность знаменитыхъ церковныхъ братствъ и ревнителей и поборниковъ исконной въ краѣ православной вѣры, — князей Острожскихъ, Сапѣгъ, Сангушковъ, Ходкевичей, Четвертинскихъ и мн. др., совращенныхъ впослѣдствіи въ латинство. Развалины этихъ храмовъ, вмѣщавшихъ въ себѣ усыпальницы удѣльныхъ князей, строителей братствъ и мѣстныхъ владыкъ, находились въ самомъ жалкомъ видѣ и разрушались не столько отъ дѣйствія времени, сколько отъ святотатственной руки пришлаго люда, враждебнаго православію и народности русской. Остатки этихъ русскихъ святынь стояли одиноко, безъ всякаго за ними надзора со стороны мѣстной администраціи и безпрепятственно расхищались на хозяйственныя постройки жителями близлежащихъ городовъ и мѣстечекъ.

По распоряженію министерства, были сняты фотографіи съ этихъ нѣмыхъ, но краснорѣчивыхъ свидѣтелей великихъ бѣдствій далекаго прошлаго, къ которымъ равнодушно относились тѣ, кому слѣдовало бы чтить и оберегать эти святыни. Съ присланныхъ фотографій воспроизведены были акварели и по нимъ хромолитографическіе рисунки, которые составили цѣлую серію

изображеній русскихъ древностей и историческихъ мѣстностей, свидѣтельствующихъ о русской жизни въ этомъ краѣ. Такія изображенія были изданы подъ названіемъ „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“ (въ числѣ 8-ми выпусковъ), съ приложеніемъ текста, состоящаго изъ историческихъ очерковъ, составленныхъ по народнымъ преданіямъ и документамъ мѣстныхъ книгохранилищъ и монастырскихъ архивовъ, изъ описанія зданій русскаго древняго зодчества и старинной церковной утвари, изъ палеографическихъ и старопечатныхъ снимковъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ; изъ жизнеописаній лицъ, оставившихъ по себѣ историческое имя на западномъ рубежѣ Россіи, съ портретами важнѣйшихъ изъ нихъ, уцѣлѣвшими въ православныхъ монастыряхъ западныхъ епархій и уніатскихъ въ Галиціи, равно у частныхъ лицъ, отъ общаго истребленія въ краѣ поляками и папистами всего того, что напоминало ненавистную имъ Россію.

Изслѣдованіе русскихъ древностей коснулось и древняго Русскаго Забужья, той многострадальной Холмской Руси, которая до послѣдняго времени слыла страною польскою и нынѣ входитъ въ составъ Варшавскаго генералъ-губернаторства. Здѣсь каждый приходъ говорилъ о славномъ прошломъ, напоминая время княженія благовѣрныхъ галицкихъ князей, носившихъ высоко русское знамя, и память о которыхъ жива въ народѣ донынѣ.

Но роскошное изданіе „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ“ не могло сдѣлаться общедоступнымъ, а потому, съ Высочайшаго соизволенія, министерство приступило къ другому, болѣе дешевому изданію, предназначенному преимущественно для руководства учителямъ народныхъ школъ и вообще для широкаго распространенія на западѣ Россіи.

Въ то же время было издано министерствомъ, въ числѣ 10 т. экземпляровъ, хромолитографическое изображеніе Холмской иконы Божіей Матери, чтимой не только въ Забужьѣ, но и въ другихъ краяхъ, населенныхъ русскимъ племенемъ. По народному преданію, она писана рукою св. евангелиста Луки и принесена въ Холмъ св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Съ Высочайшаго соизволенія изданіе было предоставлено Холмскому пра-

вославному Свято-Богородицкому братству, имѣющему счастіе состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Величества.

Въ 1887—1889 гг., какъ сказано выше, появилось изданіе двухъ популярныхъ книгъ —„Холмская Русь" и „Волынь", и по одинаковой съ ними программѣ издана нынѣ книга „Бѣлоруссія и Литва".

Книга эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

Первый заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ обѣихъ смежныхъ странъ,—разнородныхъ по племени и языку, но сходныхъ между собою по вѣрованіямъ, обычаямъ и одинаковому тяготѣнію къ великому отечеству нашему — Россіи. Съ XIV в. онѣ слились въ одно государство — Литовско-Русское, которое во второй половинѣ XVI в. было поглощено Польшею и оставалось во власти ея до окончательнаго возсоединенія съ Имперіею въ 1772—1795 годовъ. Этотъ очеркъ принадлежитъ талантливому перу профессора Кіевской духовной академіи Н. И. Петрова, при сотрудничествѣ профессора той же академіи И. И. Малышевскаго.

Профессоръ Петровъ, по просьбѣ издателя, посѣтилъ многіе города, монастыри и храмы Сѣверо-Западнаго края, и внесъ нынѣ не маловажный вкладъ въ историческую науку, представивъ въ живомъ и сжатомъ разсказѣ, на основаніи документальныхъ данныхъ и личныхъ изслѣдованій и наблюденій, бытописаніе изслѣдованной имъ страны. Его сотрудникъ по историческому очерку Бѣлоруссіи и Литвы, И. И. Малышевскій, составилъ, кромѣ того, нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ книгѣ монографій, а именно: „Богданъ-Ѳеодоръ Вильгельмовичъ Стеткевичъ-Заверскій", „Іасонъ Юндюша Смогоржевскій" и „Развалины Новогрудскаго замка".

Остальныя монографіи, составляющія второй отдѣлъ книги, — почтенный трудъ М. И. Городецкаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ редакціонною частью изданія и наблюдалъ за печатаніемъ книги и воспроизведеніемъ помѣщенныхъ въ ней иллюстрацій.

Рисунки, гравюры и карта Бѣлоруссіи и Литвы воспроизведены въ Петербургѣ лучшими художниками; хромолитографія —

Штадлеромъ и Паттинотомъ, гравюры на деревѣ—ксилографами художникомъ В. В. Матэ, А. И. Зубчаниновымъ, К. П. Вейермановъ и К. Рихтеромъ; фотоцинкографіи — Корнфельдомъ и Полемъ; карта — картографическимъ заведеніемъ А. А. Ильина. Книга напечатана въ типографіи товарищества „Общественная Польза", подъ наблюденіемъ директора товарищества В. И. Вишнякова.

Издатель считаетъ нравственною своею обязанностью и сердечнымъ долгомъ принести глубокую признательность за обязательное содѣйствіе, оказанное всѣмъ означеннымъ изданіямъ: высокопреосвященнымъ митрополитамъ кіевскому и галицкому Платону и московскому и коломенскому Іоанникію; архіепископамъ: холмско-варшавскому, члену Св. Сѵнода Леонтію, литовскому и виленскому — Алексію, бывшему волынскому и житомирскому Палладію, бывшему холмскому викарію, нынѣ епископу волынскому и житомирскому Модесту, минскому и туровскому Варлааму и полоцкому и витебскому Маркеллу; архимандритамъ: намѣстнику Почаевской лавры Модесту; хранителю Патріаршей ризницы Владиміру; ректору Литовской духовной семинаріи Іосифу; протоіерею Виленскаго Пречистенскаго Митрополитальнаго собора І. А. Котовичу; Церковно-археологическому обществу при Кіевской духовной академіи; директору главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, барону Ѳ. А. Бюлеру; директору Императорской публичной библіотеки, академику А. Ѳ. Бычкову; сенатору Д. А. Ровинскому, герольдмейстеру Е. Е. Рейтерну; Гг. начальникамъ губерній: Минской князю Н. Н. Трубецкому, Могилевской — А. С. Дембовецкому, Волынской (нынѣ Курской) — В. В. фонъ-Валю, Витебской — князю В. М. Долгорукову; попечителю Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскому и завѣдывающему Общимъ Архивомъ министерства Императорскаго Двора Г. В. Есипову. Равнымъ образомъ издатель приноситъ свою благодарность консерватору Виленской публичной библіотеки Ѳ. Н. Добрянскому, составителю сборника „Витебская Старина" А. П. Сапунову, директору Полоцкой учительской семинаріи Е. И. Смирнову, редактору Витебскихъ

губернскихъ вѣдомостей В. С. Сафонову и художнику В. В. Грязнову за доставленіе нѣкоторыхъ научныхъ и художественныхъ матеріаловъ для настоящаго изданія.

Въ заключеніе издатель считаетъ нужнымъ приложить къ настоящему выпуску, въ алфавитномъ порядкѣ, общій списокъ сотрудниковъ, внесшихъ свой научный или художественный вкладъ въ тѣ его изданія, которыя появились подъ приведенными выше заглавіями.

Декабрь, 1889 г.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

лицъ, участвовавшихъ въ изданіяхъ: а) «Атласъ народонаселенія Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ»; б) «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ» (8 выпусковъ); в) «Холмская Русь»; г) «Волынь» и д) «Бѣлоруссія и Литва».

1) Акимовъ, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
2) Барановичъ, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
3) Бегровъ, А., художникъ.
4) Будиловичъ, А. С., холмскій священникъ.
5) Васильевскій, В. Г., профессоръ Петербургскаго университета.
6) Вашкевичъ, В. В., дѣйствительный статскій совѣтникъ
7) Вейерманъ, К. П., ксилографъ.
8) Висковатовъ, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
9) Вишняковъ, В. И., директоръ товарищества «Общественная Польза».
10) Гецъ, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
11) Гильтенбрандтъ, П. А., членъ Археографической коммиссіи.
12) Головацкій, Я. Ѳ., предсѣдатель Виленск Археографическ. коммиссіи.
13) Городецкій, М. И., дѣйствительный статскій совѣтникъ.
14) Гошовскій, І., протоіерей Холмскаго каѳедральнаго собора.
15) Грязновъ, В. В., художникъ.
16) Деливронъ, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
17) Демьяновичъ, А., протоіерей Холмскаго каѳедральнаго собора.
18) Елеонскій.
19) Заусцинскій, К. Ю., доцентъ Варшавскаго университета.
20) Зеленскій, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
21) Зубчаниновъ, А. И, ксилографъ.
22) Иловайскій, Д. И., профессоръ Московскаго университета.
23) Ильинъ, А А., генералъ-лейтенантъ, картографъ.
24) Корнфельдъ, цинкографъ.
25) Кояловичъ, М. О., профессоръ С.-Петербургской духовной академіи.
26) Крохинъ, А. Д., художникъ.
27) Кудрявцевъ, художникъ.
28) Кулинъ, В. П., директоръ Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.
29) Левицкій, О И., преподаватель въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

30) Лонгиновъ, А В., предсѣдатель Люблинскаго окружнаго суда.
31) Малышевскій, И. И., профессоръ Кіевской духовной академіи.
32) Матэ, В. В., художникъ-граверъ.
33) Модестъ, архіепископъ нижегородскій.
34) Павловъ, А. С., профессоръ Московскаго университета.
35) Паттинотъ, литографъ.
36) Паевскій, Левъ, священникъ Виленской епархіи.
37) Петровъ, Н. И., профессоръ Кіевской духовной академіи.
38) Поль, цинкографъ.
39) Риттихъ, А. Ѳ., штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.
40) Сидорскій, І. С., помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа.
41) Солнцевъ, профессоръ Академіи художествъ.
42) Станкевичъ, А., служащій въ архивѣ М. И. Д. въ Москвѣ.
43) Страшкевичъ, Н. И., протоіерей Холмскаго каѳедральнаго собора.
44) Трачъ, Т., священникъ Холмско-Варшавской епархіи.
45) Трутневъ, И. П., художникъ, академикъ.
46) Хрусцевичъ, Г. К., преподаватель Холмскаго духовнаго училища.
47) Чемодановъ, Д. И., художникъ.
48) Шолковичъ, С. В., членъ Виленской археографической коммиссіи
49) Штадлеръ, литографъ.
50) Эртель, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Введеніе.

Мѣстоположеніе Бѣлоруссіи и Литвы, ихъ сосѣдство, близость между собою и общія историческія судьбы; періоды развитія исторической жизни и характеристика этихъ періодовъ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время подъ Бѣлоруссіею въ тѣсномъ смыслѣ извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи Могилевская и Витебская, за исключеніемъ трехъ уѣздовъ послѣдней Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго [1]). Но бѣлоруссы живутъ также въ губерніяхъ Минской и Гродненской, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ ихъ, занятыхъ малороссами, въ большей части Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла ея, и въ Смоленской губерніи.

Литовское племя нынѣ населяетъ почти всю Ковенскую губернію, сѣверо-западную часть Виленской, большую часть Сувалкской губерніи и нѣкоторыя мѣстности Гродненской губерніи [2]).

Такимъ образомъ, бѣлоруссы и литвины въ настоящее время населяютъ почти весь Сѣверо-Западный край Россіи, въ иныхъ случаяхъ переступая за его предѣлы, а въ другихъ—не достигая ихъ. Поэтому исторія Бѣлоруссіи и Литвы можетъ быть отождествлена съ исторіей Сѣверо-Западнаго края Россіи. По крайней мѣрѣ, здѣсь, въ предѣлахъ этого края, завязывались почти всѣ главнѣйшія историческія нити обоихъ сосѣднихъ племенъ, бѣлорусскаго и литовскаго, опредѣлившія ихъ взаимныя отношенія между собою.

Изъ всѣхъ народовъ европейской семьи славяне и литовцы находились въ ближайшемъ между собою родствѣ по языку, вѣрѣ и обычаямъ. У литовцевъ было то же поклоненіе верховному богу громовнику Перуну, который политовски произносился Перкунасъ. Это было божество огня. Солнце, какъ источникъ свѣта и тепла, чтилось подъ именемъ Сотвароса, соотвѣтствующаго славянскому Сварогу. Литовскій богъ свѣта или мудрости Коросъ прямо напоминаетъ славянскаго бога Хорса, также выражающаго свѣтъ. Въ числѣ литовскихъ божествъ встрѣчаются славянскіе Лель и Ладо, означавшіе также солнечнаго или свѣтлаго бога. Земное или собственно подземное царство принадлежало Поклусу, который соотвѣтствовалъ славянскому Пекло [3]). Литовскіе праздники довольно похожи на древніе славянскіе. Весенній праздникъ Сутинкау праздновался въ первыхъ дняхъ апрѣля или въ концѣ марта, т. е. въ началѣ перваго литовскаго мѣсяца. Праздновалась встрѣча весны. Дѣвицы съ первыми лучами солнца выбѣгали на улицу, пробѣгали съ пѣснями и хлопаніемъ въ ладоши до конца деревни и такимъ же порядкомъ возвращались назадъ и заходили въ дома, въ которыхъ молодые люди устрояли имъ пиршество. Праздникъ Расса, т. е. росы, былъ совершенно похожъ на древнерусскій праздникъ Купалы. Были также праздники начала и конца жатвы, праздникъ дѣдовъ осенью въ память умершихъ, наконецъ праздникъ Коляды, совершенно сходный съ древнерусскимъ праздникомъ Коляды [4]). Обыденные народные обычаи, повѣрья и обряды частной домашней жизни, доселѣ сохраняющіеся въ Литвѣ и на Руси, во многихъ случаяхъ такъ сходны между собою или даже одинаковы, что литовцы и русскіе являются какъ бы однимъ народомъ, или же родными, не смотря даже на то, что Литвѣ и Жмуди теперь много навязано поляками чужаго и враждебнаго Руси, во время ихъ владычества надъ здѣшнимъ краемъ [5]).

Къ первоначальному, исконному родству славянъ съ литовцами присоединились близкое сосѣдство и историческія связи литвиновъ съ нынѣшними бѣлоруссами. Литва и Русь, поселившись рядомъ одна возлѣ другой, вступили въ тѣсныя связи между собою, которыя повели оба племени къ взаимному вліянію другъ на друга въ языкѣ, вѣрѣ, просвѣщеніи и промышленности и къ совмѣстной самозащитѣ отъ внѣшнихъ враговъ, при чемъ преобладающее значеніе долгое время оставалось на сторонѣ русскаго племени.

Въ общихъ чертахъ, историческія отношенія между Литвою и Русью можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Сначала юго-западныя и западныя русскія племена, сильныя своимъ единеніемъ съ остальными частями Руси, постепенно берутъ верхъ надъ литовскими племенами, проникаютъ въ ихъ предѣлы, поселяются между ними и мало по малу подчиняютъ ихъ своей власти и гражданственности. Но съ конца XII и особенно въ XIII вѣкѣ литовскія племена, тѣснимыя съ сѣвера и сѣверо-запада пришлыми нѣмецкими орденами Ливонскимъ и Тевтонскимъ, съ юга поляками и юго-востока русскими славянами, начинаютъ сплочиваться въ одно государство и подчинять своей власти сосѣднія славяно-русскія племена, ослабленныя къ тому времени раздѣленіемъ русскаго государства на удѣлы и татарскимъ нашествіемъ на Русь. Такимъ образомъ, къ началу XIV вѣка въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи образовалось изъ литовскихъ и русскихъ племенъ могущественное Литовско-Русское государство, въ которомъ однако же русскій языкъ и русская гражданственность получали все болѣе и болѣе видное значеніе. Но окончательному, естественному сліянію литовскихъ и славяно-русскихъ племенъ въ одинъ народъ помѣшалъ противоестественный союзъ русѣвшей и склонявшейся къ православію Литвы съ католической Польшей, вызванный главнымъ образомъ угрожавшею обоимъ государствамъ опасностію отъ нѣмцевъ и возобновлявшійся нѣсколько разъ. Въ первый разъ соединеніе Литовско-Русскаго государства съ Польшею провозглашено было въ 1386 году, а закончилось полнымъ, насильственнымъ сліяніемъ Литовско-Русскаго государства съ Польшей въ 1569 году. Въ этомъ промежутокъ времени польская гражданственность и польское католичество проникаютъ не только въ Литву, но и въ русскія ея области, и производятъ внутренній разладъ между важнѣйшими составными частями населенія Литовско-Русскаго государ-

ства. Русское населеніе его обнаруживаетъ естественное тяготѣніе къ единоплеменному и единовѣрному государству Московскому, которое начинаетъ теперь вмѣшиваться въ дѣла Литвы и Польши и пытается отторгать отъ Литвы русскія ея области. Въ виду обнаружившейся глубокой розни въ самомъ составѣ населенія и угрожавшей опасности отъ Московскаго государства,—польско-литовскіе государи, вельможи, шляхта и польско-католическое духовенство пытаются, съ конца XVI столѣтія, превратить православное населеніе Литовскаго государства въ польско-католическое, чтобы искуственно создать изъ разнородныхъ составныхъ частей одинъ народъ съ одною вѣрою; но всѣ мѣры къ тому, отличавшіяся насильственнымъ характеромъ, привели къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. Оскорбляемое и насилуемое въ самыхъ высшихъ духовныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ своихъ, православное населеніе Польско-Литовскаго государства сильнѣе прежняго стало склоняться своимъ сочувствіемъ къ единовѣрному Московскому государству и затѣмъ къ Россійской имперіи, которая наконецъ въ 1772 и 1793 годахъ окончательно присоединила къ себѣ русско-литовскія области Польско-Литовскаго государства. Съ того времени Сѣверо-Западный край остается подъ владычествомъ Россіи, постепенно очищаясь отъ позднѣйшихъ историческихъ наслоеній, наложенныхъ на него польско-католическимъ ярмомъ.

Сообразно съ главнѣйшими теченіями жизни Бѣлоруссіи и Литвы, исторію ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе періоды: 1) первый періодъ преобладанія западно-русскихъ племенъ надъ Литвою, приблизительно до нашествія татаръ на Россію, въ первой половинѣ XIII вѣка; 2) второй періодъ—развитія и усиленія Литовско-Русскаго государства и подчиненія ему западно-русскихъ областей, до конца XIV вѣка или до перваго соединенія Литвы съ Польшей въ 1386 году; 3) третій періодъ постепеннаго усиленія вліянія Польши и католичества на Литовско-Русское государство до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 году; 4) четвертый періодъ преобладанія полонизма и католичества съ уніей въ Литовско-Русскомъ государствѣ съ 1569 года до перваго раздѣленія Польско-Литовскаго государства между сосѣдними державами въ 1772 году; 5) пятый періодъ возстановленія русскаго господства въ краѣ со времени возсоединенія его съ Россіей въ 1772 году и до настоящаго времени. Въ первые два періода русская народность, сначала господ-

ствующая, а потомъ подчиненная Литвѣ, постепенно возрастаетъ и развивается въ предѣлахъ сѣверо-западной Руси; во второмъ и третьемъ она подавляется насильственнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ на нее польской гражданственности и католичества и ищетъ опоры и защиты для себя у Московскаго государства; въ пятомъ, послѣднемъ періодѣ она переходитъ, вмѣстѣ съ остатками литовскаго племени, подъ власть Россіи и получаетъ всѣ условія и способы къ освобожденію себя отъ чуждыхъ давленій и вліяній и къ самостоятельному развитію.

Глава первая.

Сѣверо-западная Русь подъ властію русскихъ князей.

Населеніе страны.—Кривичи, съ частію сѣверянъ и радимичей; дреговичи съ древлянами, предѣлы ихъ разселенія и города.—Соединеніе русскихъ племенъ подъ властію князей; подчиненіе полочанъ, древлянъ, сѣверянъ, радимичей и дреговичей русскому государству.—Возстаніе древлянъ и усмиреніе ихъ; стремленіе Полоцкой земли съ Туровскою къ независимости и покореніе ихъ Владиміромъ.—Походъ Владиміра на ятвяговъ, крещеніе имъ Руси и раздача удѣловъ.—Удѣлы Полоцкій, Туровскій и Древлянскій; епископства и первые храмы и монастыри въ Полоцкой и Туровской областяхъ; уставъ св. Владиміра.—Ярославъ I: утвержденіе единодержавія; походы на чудь, ятвяговъ и литву; внутреннее устройство земли и христіанское просвѣщеніе; храмы при Ярославѣ и памятники письменности.—Раздѣленіе Руси на удѣлы послѣ Ярослава и порядокъ престолонаслѣдія.—Изяславичи полоцкіе и Ярославичи кіевскіе и борьба ихъ между собою; изгнаніе въ Грецію и возвращеніе оттуда; построеніе храмовъ и монастырей, полоцкіе епископы, преп. Евфросинія и святыни полоцкія; раздробленіе Полоцкой земли на удѣлы и упадокъ ея.—Ярославичи кіевскіе въ сѣверо-западной Руси.—Турово-Пинское княжество подъ властію великихъ князей кіевскихъ, туровскіе епископы, монастыри и храмы; обособленіе княжества, раздробленіе его на удѣлы.—Княжество Городенское и Берестейская земля. — Выводъ изъ предыдущаго.

ВЪ ДРЕВНОСТИ бѣлоруссы, населяющіе нынѣ бо́льшую часть Сѣверо-Западнаго края Россіи, назывались кривичами.

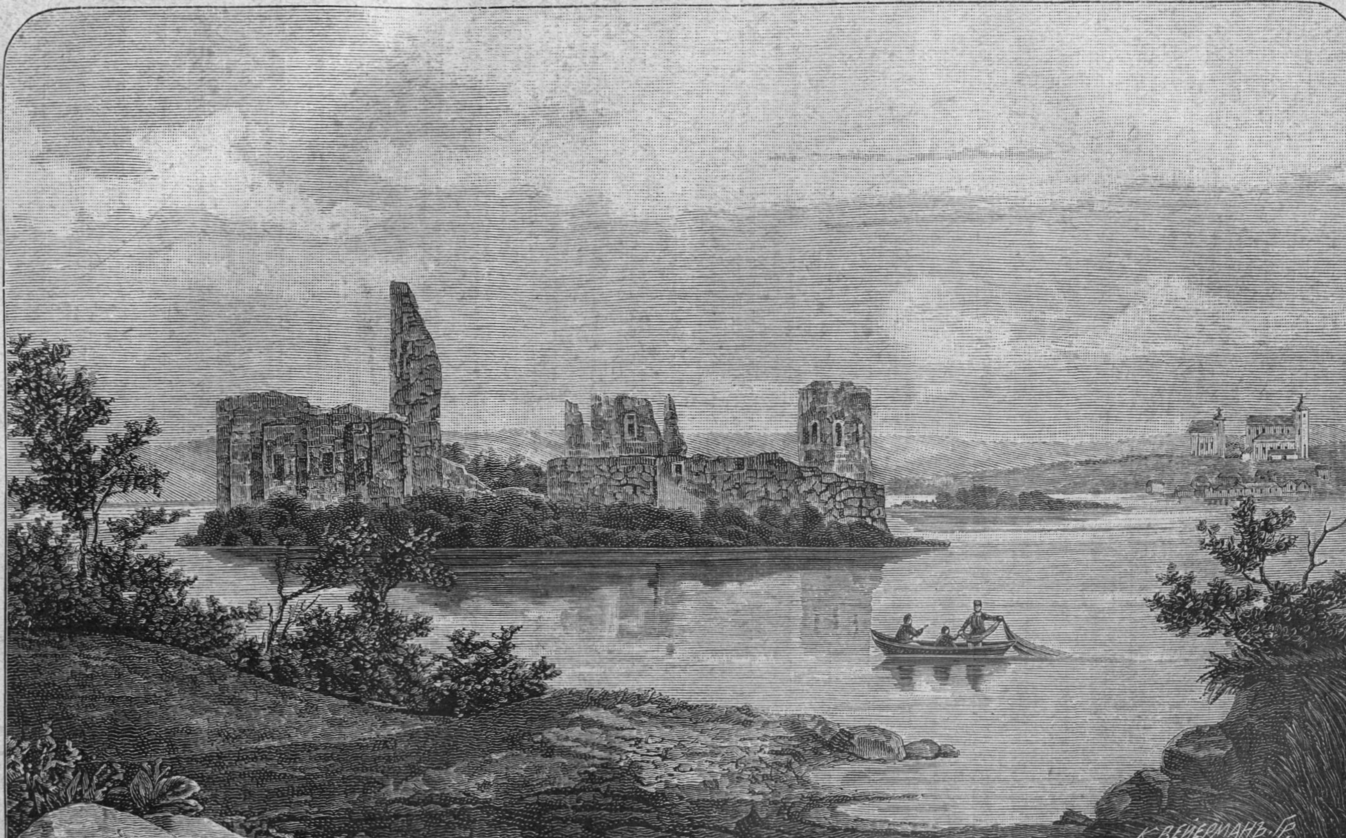
Славяно-русское племя кривичей было весьма многочисленно и раскинуто на огромномъ пространствѣ. Южное побережье области кривичей шло водораздѣломъ между Припетью, Нѣманомъ и Березиной на правой сторонѣ Днѣпра, и волокомъ между Днѣпромъ и Сожей и верхними теченіями сѣверныхъ притоковъ

Десны—на лѣвой сторонѣ Днѣпра. На востокъ область кривичей простиралась до радимичей, жившихъ по рѣкѣ Сожи, и сѣверянъ, жившихъ по Деснѣ, Семи (Сейму) и Сулѣ; на сѣверо-востокъ терялась въ лѣсистомъ и многоводномъ верхнемъ Поволжьи; на сѣверъ доходила до разселеній новгородскихъ славянъ. На сѣверо-западъ кривскія поселенія шли по теченію западной Двины до крутаго поворота ея на сѣверъ отъ Динабурга (по-русски Невгина), а оттуда на югъ вдоль чисто литовскихъ поселеній, перемежаясь съ ними въ области Виліи и Нѣмана до самаго водораздѣла этой послѣдней рѣки съ полостью Припети. Разсѣянное на обширномъ пространствѣ, племя кривичей рано распалось на отдѣльныя земли, главными средоточіями которыхъ были Изборскъ, Полоцкъ и Смоленскъ. Первый изъ нихъ рано примкнулъ къ сосѣднему съ нимъ Новгороду и раздѣлялъ его историческія судьбы, а послѣдніе два сдѣлались средоточіями отдѣльныхъ княжествъ, Смоленскаго и Полоцкаго. Изъ нихъ Смоленское княжество въ общемъ своемъ составѣ имѣло только временную связь съ Литовско-Русскимъ государствомъ и раньше другихъ западно-русскихъ областей присоединено было къ Московскому государству, тогда какъ Полоцкая земля составляла одну изъ важнѣйшихъ частей Литовско-Русскаго государства и имѣла опредѣляющее значеніе въ историческихъ его судьбахъ. Границы Полоцкой земли въ начальную пору русской исторіи прилегали на сѣверѣ къ новгородскимъ, на востокѣ къ смоленскимъ и черниговскимъ, на югѣ къ кіевскимъ, на западѣ и сѣверо-западѣ къ литовскимъ и чудскимъ разселеніямъ [6]). Въ историческое время въ этой области были слѣдующіе города: при Западной Двинѣ Полоцкъ и Витебскъ; при р. Усвятѣ—Усвятъ; къ югу отъ Полоцка—Нѣклочь и Лукомль; при р. Днѣпрѣ—Орша, Стрѣжевъ и Копысь; при р. Друтѣ—Друтескъ (Друтскъ); по р. Березинѣ и ея притокамъ—Борисовъ, Логожскъ, Изяславль и Минскъ; Городецъ на Нѣманѣ, Голотическъ, Одрьскъ и др. [7]). Разселяясь далѣе на сѣверо-западъ по Западной Двинѣ и ея притокамъ, къ поселеніямъ литовскимъ и латышскимъ, полоцкіе кривичи основали здѣсь свои поселенія: Дисну при впаденіи Дисны въ Двину, Друю на сѣверо-западъ отъ Дисны на Двинѣ, Брячиславль, нынѣ Браславъ, Ковенской губерніи, на юго-западъ отъ Друи на озерѣ Дрисвяты, Видзы на югъ отъ Брячиславля, Свѣнцяны на юго-западъ отъ Видзы и, можетъ быть,—Вилькомиръ. Въ началѣ XIII вѣка полоцкіе князья сидѣли на нижнемъ теченіи Зап. Двины, въ городкахъ Кукейносѣ и Герсике. Нѣтъ сомнѣнія,

что полоцкіе кривичи выдвигали свои поселенія и на юго-западъ, въ землю ятвяговъ, хотя и трудно опредѣлить, какія поселенія принадлежали здѣсь полочанамъ и какія—другимъ славяно-русскимъ племенамъ [8]).

Кромѣ области кривичей, въ составъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи входятъ части древнихъ земель Сѣверской съ городами Рѣчицей и Рогачевомъ на Днѣпрѣ и Чечерскомъ и Гоміемъ (нынѣ Гомелемъ) на р. Сожѣ [9]), и земли радимичей съ городами Мстиславлемъ и Пропойскомъ [10]) на востокѣ, и земля дреговичей съ частію Древлянской земли — на югѣ Сѣверо-Западнаго края. Въ послѣднихъ двухъ обитало малорусское или, точнѣе, переходное племя отъ малороссовъ къ бѣлоруссамъ. Главными городами въ Древлянской землѣ были Искорость и Овручъ въ нынѣшней Волынской и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Туровъ въ Минской губерніи [11]). Поселенія дреговичей, получившихъ названіе отъ болотистой мѣстности, лежали къ сѣверу отъ р. Припети по направленію къ Западной Двинѣ и простирались на сѣверъ къ Нареву и Бобру до области Нѣмана, занятой тогда литовскими племенами, и области р. Березины съ кривскимъ населеніемъ, а, можетъ быть, даже и захватывали эту послѣднюю область; на западъ они доходили до области Западнаго Буга, а на югъ сближались съ разселеніями дулѣбовъ или волынянъ въ нынѣшней Волынской губерніи. Главными городами въ землѣ дреговичей были: Туровъ, Минскъ, Слуцкъ, Клеческъ (нынѣ Клецкъ), Несвижъ, Городно (нынѣ м. Городная, Пинскаго уѣзда) и Мозырь. Съ подчиненіемъ ятвяговъ, когда главныя силы ихъ двинулись далѣе на сѣверо-западъ, внизъ по Нѣману, дреговичи съ волынянами съ юга и кривичи съ востока перешли въ область Нѣмана и заселили ее [12]). Древнѣйшими славяно-русскими поселеніями здѣсь были Вслонимъ (Слонимъ) на Шарѣ, Берестье (Брестъ) на Бугѣ, Турійскъ на Нѣманѣ, Волковыскъ на притокѣ Россы, Всвислочь (Свислочь) на верховьяхъ р. Свислочи, Наревъ и Полтовескъ (Пултускъ) по р. Нареву, а впослѣдствіи Городно (Гродна) на Нѣманѣ, и др. [13]).

Различныя вѣтви славяно-русскаго племени, издавна населявшія нынѣшній Сѣверо-Западный край и отчасти прилегавшія къ нему, были родственны между собою и имѣли лишь небольшія отличія, которыя сводились къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія и, можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ

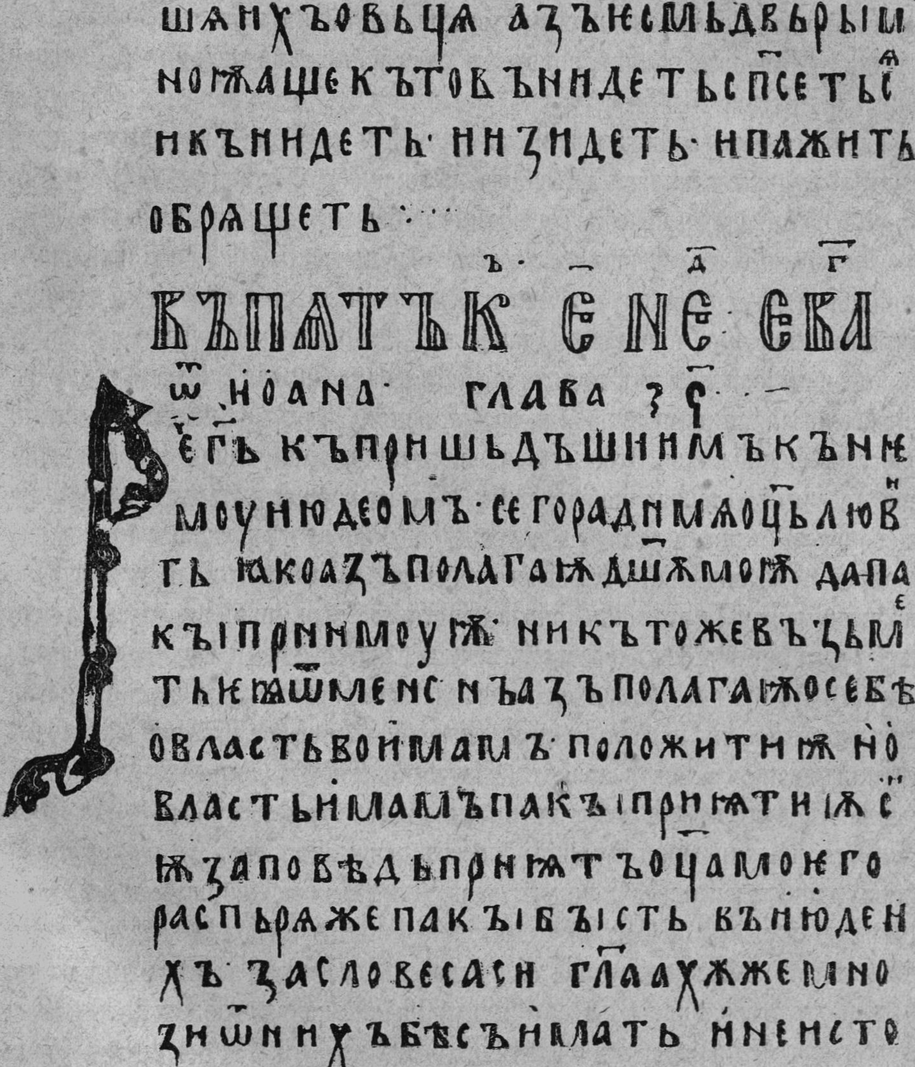

Развалины Трокскаго замка.

и общественномъ быту. Единство происхожденія и родство славяно-русскихъ племенъ между собою располагало ихъ къ единству государственнаго строя, тогда какъ племенныя особенности каждой вѣтви, въ связи съ обособленностію мѣстоположенія и внутренней связи составныхъ частей ея, легли въ послѣдствіи времени въ основу расчлененія Русской земли на удѣлы.

Зачатки государственнаго строя, довольно сильно обнаружившіеся у русскихъ славянъ къ IX вѣку, нашли себѣ могущественную опору въ русскихъ князьяхъ, которые внесли въ жизнь славянъ новыя понятія о княжеской власти, поддерживали ее пришлыми княжескими дружинами и наконецъ скрѣпили всѣ русскія земли неразрывными узами восточнаго православія.

Главными средоточіями государственной жизни русскихъ славянъ первоначально являются Новгородъ и Кіевъ. Чрезъ 20 лѣтъ послѣ образованія этихъ двухъ государственныхъ средоточій, они сливаются въ одно, причемъ сѣверная Русь одержала верхъ надъ Русью южною; но значеніе главнаго средоточія во вновь возникшемъ государствѣ осталось за Кіевомъ. Въ срединѣ между этими двумя главными средоточіями Русской земли, т. е. Новгородомъ и Кіевомъ, и нѣсколько въ сторонѣ отъ ихъ прямаго сообщенія между собою находилась сѣверо-западная Русь, а потому или тяготѣла къ одному изъ этихъ средоточій, или пыталась образовать изъ себя самостоятельное княжество, но во всякомъ случаѣ находилась въ живыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ и связяхъ съ помянутыми средоточіями и входила въ круговоротъ общей жизни Русскаго государства. При Рюрикѣ въ Полоцкѣ, столицѣ полоцкихъ кривичей, сидѣлъ мужъ или намѣстникъ новгородскаго князя. Когда же съ 882 года Кіевъ сдѣлался средоточіемъ русскихъ владѣній Рюриковичей, то различныя части сѣверо-западной Руси мало-по-малу стали входить въ составъ Кіевскаго княжества, которому придавалось попреимуществу названіе Руси, Русской земли. Преемникъ Рюрика — Олегъ, взявъ въ 882 году Кіевъ, въ продолженіи 15 лѣтъ занимался покореніемъ окрестныхъ племенъ—древлянъ, сѣверянъ, радимичей, угличей и тиверцовъ. Къ 883 году лѣтопись относитъ покореніе древлянъ; въ слѣдующіе два года было подчинено населеніе восточнаго побережья Днѣпра — сѣверяне (884 г.) и радимичи, платившіе дотолѣ дань хазарамъ. Время подчиненія дреговичей русскимъ князьямъ неизвѣстно. По всей вѣроятности, земля дреговичей,

шанхъовьцѧ азъѥсмьдвьрыи
ноѭжащекътовънидетьспсеть
икънидеть инзидеть ипажить
обрѧщеть ::

ВЪПАТЪК Є НЄ ЄВА
ѿ иоана глава ҂с
Рєчє гь къпришьдъшиимъкънѥ
моуиюдеомъ сегорадимѧоцьлюб
гь ꙗкоазъполагаѭдшѧмоѭ дапа
къıприимоуѭ никътожевъзьм
тьѥѩѿмене нъазъполагаѭосебѣ
овластьвоимамъ положитиѭ ио
властьимамъпакъıприѩтиѭ с
ѭзаповѣдьприѩтъоцамоѥго
распьражепакъıбъıсть въиюден
хъ засловесасии глаахѫжемно
зиѿнихъбѣсънимать инеисто

Туровское рукописное евангеліе XI вѣка.

по крайней мѣрѣ сѣверная ея половина, первоначально покорена была полочанами и вмѣстѣ съ ихъ землею вошла въ составъ Русскаго государства на первыхъ же порахъ его образованія. Византійскій императоръ Константинъ Порфирородный, которому дреговичи извѣстны подъ именемъ другувитовъ, причисляетъ ихъ къ славянскимъ племенамъ, платившимъ дань Руси. Къ началу X-го столѣтія (907 г.) уже весь восточнославянскій міръ, за исключеніемъ улучей и вятичей, соединился подъ властію русскихъ князей для общей исторической жизни [14]).

Но на первыхъ порахъ соединеніе русскихъ славянъ въ одно государство было болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее. Нѣкоторыя отдѣльныя славяно-русскія племена и земли имѣли еще своихъ князей или изъ туземцевъ, или изъ пришлыхъ варяговъ. Эти мѣстные князья пытались иногда освободиться изъ-подъ власти великаго князя кіевскаго и сдѣлаться независимыми князьями своихъ земель. Когда однажды преемникъ Олега, кіевскій князь Игорь Рюриковичъ находился съ небольшой дружиной въ землѣ Древлянской, творилъ судъ и расправу между жителями и собиралъ съ нихъ дань, то жители древлянскаго города Коростена собрались подъ начальствомъ своего князя Мала, напали на Игоря и варварски умертвили его: они привязали его къ верхушкамъ двухъ нагнутыхъ другъ къ другу деревьевъ, а потомъ пустили, и онъ былъ разорванъ [15]). Но супруга Игоря, св. княгиня Ольга, подавила возстаніе и, обложивъ жителей, въ наказаніе имъ, тяжкою данью, сама лично съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ и дружиною объѣхала всю Древлянскую землю. При этомъ она вездѣ установила «уставы» и «уроки», вѣроятно замѣняя прежній хищническій способъ взиманія княземъ дани болѣе справедливымъ и опредѣленнымъ способомъ и крѣпче привязывая Древлянскую землю къ Кіевскому княженію [16]). Другая попытка стремленія областей къ независимости и самостоятельности имѣла мѣсто въ землѣ Полоцкой. Вѣроятно, во время отдаленныхъ походовъ великаго князя Святослава Игоревича и малолѣтства его дѣтей, въ Полоцкѣ возвысился норманскій князь Рогвольдъ, кажется, сынъ прежняго полоцкаго князя, бывшаго при Игорѣ сподручникомъ кіевскаго князя. Этотъ Рогвольдъ, при помощи своего сподручника Тура, владѣлъ, кажется, и Туровскою областью, бывшею прежде въ подчиненіи Кіеву, и слѣдовательно распространилъ свои владѣнія насчетъ Кіевскаго княжества. Особенное значеніе получила Полоцкая земля по смерти Святослава, когда старшій сынъ его,

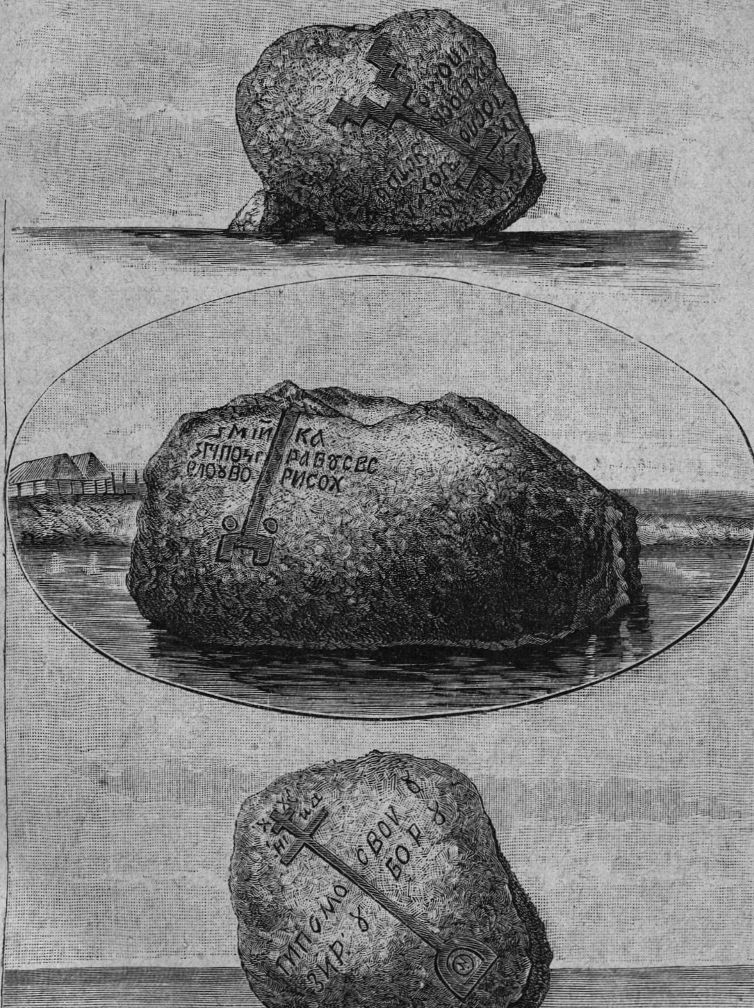
Ярополкъ кіевскій, побѣдивъ и погубивъ брата своего Олега древлянскаго, вступилъ въ борьбу съ младшимъ своимъ братомъ Владиміромъ новгородскимъ, будущимъ просвѣтителемъ Россіи. И Ярополкъ, и Владиміръ,—оба искали руки дочери полоцкаго князя Рогвольда—Рогнѣды, чтобы имѣть въ будущемъ тестѣ союзника и помощника себѣ. Рогнѣда предпочла имѣть женихомъ Ярополка. Тогда Владиміръ пошелъ на Рогвольда войною и побѣдилъ его, причемъ послѣдній погибъ съ двумя своими сыновьями, а Рогнѣда силою принуждена была сдѣлаться женою побѣдителя. Побѣдивъ затѣмъ Ярополка и занявъ Кіевскій престолъ въ 978 году, Владиміръ вскорѣ затѣмъ усмиряетъ или вновь покоряетъ вятичей, радимичей и хорватовъ и налагаетъ на нихъ свою крѣпкую руку [17]), такъ что къ концу X столѣтія не только подчинены были Русскому государству земли, оставшіяся еще непокоренными, но даже прекратились всякія стремленія и попытки отдѣльныхъ земель возвратить свою независимость.

Съ объединеніемъ славяно-русскихъ племенъ въ одно государство и проистекавшимъ отсюда усиленіемъ его, открылась полная возможность не только защищать русскіе предѣлы отъ набѣговъ сосѣднихъ иноплеменныхъ хищниковъ, но и округлять русскія владѣнія насчетъ послѣднихъ. Такими хищниками на сѣверо-западѣ Россіи были ятвяжско-литовскія племена, собственно ятвяги и литва. Первоначальныя поселенія ятвяговъ находились между Русью въ тѣсномъ смыслѣ, червенскими городами и ляхами съ одной стороны, и Литвою—съ другой, между старо-славянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети, Западнаго Буга, и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи, т. е. они занимали тогда почти всю нынѣшнюю Гродненскую губернію и юго-западную часть Минской губерніи. Здѣсь, господствуя надъ теченіемъ Припети, ятвяги могли отрѣзывать и дѣйствительно отрѣзывали пути сообщенія Кіева съ Побужьемъ и Поднѣстровьемъ, съ областью Червенскою, такъ что присоединеніе этихъ областей къ Русскому государству естественно налагало на русскихъ князей обязанность или покорить ятвяговъ, или отодвинуть ихъ далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ. Эту обязанность сознавалъ и началъ выполнять еще св. Владиміръ. Отнявъ у поляковъ въ 981 году города Перемышль, Червенъ и другіе, Владиміръ въ 983 году ходилъ на ятвяговъ и покорилъ ихъ [18]).

Несравненно важнѣе была та внутренняя связь, какую сообщилъ Русскому государству св. Владиміръ введеніемъ въ немъ православной вѣры и раздачею удѣловъ сыновьямъ своимъ. Принявъ въ 988 году православную вѣру и крестивъ кіевлянъ, св. Владиміръ, по словамъ лѣтописей, крестилъ всю Русскую землю отъ конца и до конца: началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ и людей къ крещенію приводить по всѣмъ городамъ и селамъ [19]).

Въ числѣ важнѣйшихъ средствъ къ распространенію и водворенію православной вѣры въ различныхъ областяхъ Россіи, было въ рукахъ Владиміра раздѣленіе Русской земли на удѣлы и раздача ихъ сыновьямъ въ управленіе, подъ верховною властью самаго Владиміра [20]). Самъ онъ оставилъ за собою города и области, находившіяся внутри государства и наиболѣе богатыя, какъ-то: Кіевъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Переяславъ; а сыновьямъ, которыхъ лѣтопись насчитываетъ до 12-ти, роздалъ города, преимущественно расположенные на окраинахъ государственной области. Въ Полоцкѣ онъ посадилъ втораго сына своего, Изяслава, рожденнаго отъ Рогнѣды, въ Туровѣ — Святополка, въ Древлянской землѣ (въ Овручѣ) — Святослава [21]). Впослѣдствіи времени, когда Святополкъ Владиміровичъ Туровскій, прозванный потомъ Окаяннымъ, женившись въ 1010 году на дочери польскаго короля Болеслава I Храбраго, задумалъ, по внушенію бывшаго въ свитѣ жены его латинскаго епископа Рейнберга и съ вѣдома самого Болеслава, возстать противъ отца, то Владиміръ велѣлъ схватить Святополка и Рейнберга, и обоихъ заточилъ, а Туровомъ сталъ править самъ черезъ посадника [22]). Такимъ образомъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи при св. Владимірѣ были удѣльныя княжества: Полоцкое, Туровское, вскорѣ, однако, лишенное своего особаго князя, и часть Древлянскаго.

Находясь подъ верховною властію своего отца, сыновья Владиміра, въ качествѣ удѣльныхъ князей, должны были имѣть непосредственный надзоръ за отдѣльными славянорусскими племенами и областями, производить здѣсь судъ и расправу на общихъ для всѣхъ областей основаніяхъ и правилахъ, сглаживать такимъ образомъ отличительныя особенности и разности между отдѣльными племенами, приводить ихъ къ сознанію народнаго единства и внутренней, духовной связи между собою и быть живыми звеньями и посредниками во внутреннемъ объединеніи и общеніи всѣхъ славянорусскихъ областей не только между собою, но

Двинскіе камни князя Бориса Всеславича.

и съ первопрестольнымъ городомъ Русскаго государства. А такъ какъ главною связующею силою Русскаго государства, по мысли св. Владиміра, должна быть православная вѣра; то сыновья его прежде и болѣе всего и должны были позаботиться о распространеніи и утвержденіи этой вѣры въ своихъ удѣлахъ. Раздавая сыновьямъ удѣлы, св. Владиміръ «посла съ ними священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да кождо въ области своей повелѣваетъ учити и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть», и намѣренъ былъ устроить «въ градахъ епископы во исполненіе благочестія», а потому, посылая сыновей въ удѣлы ихъ, заповѣдалъ имъ совѣтоваться съ епископами [23]). По свидѣтельству позднѣйшихъ русскихъ лѣтописей, «преосвященный митрополитъ (кіевскій) Леонтій (около 992 г.), по даннѣй ему благодати.., избраніе сотворяетъ, якоже есть обычай, и поставляетъ епископы, и посылаетъ ихъ въ кійждо градъ русскія митрополіи, когождо на свой ему богопорученный паствити Христово стадо словесныхъ овецъ, и имѣти попеченіе о тѣхъ единородныхъ безсмертныхъ душахъ; въ душахъ же запустѣвшихъ невѣріемъ всѣяти сѣмя благовѣрія... Первое же посла въ Великій Новградъ епископа Іоакима Корсунянина...; потомъ же митрополитъ Леонтій посла во градъ Черниговъ епископа Неофита, таже посла во градъ Ростовъ епископа Ѳеодора, по сихъ же посла во градъ Владиміръ епископа Стефана, и во иные многіе грады разосла епископы». Къ числу этихъ «многихъ непоименованныхъ городовъ, которые при св. Владимірѣ получили своихъ епископовъ изъ рукъ митрополита Леонтія, предположительно относятъ Полоцкъ и Туровъ, въ которыхъ въ началѣ XII столѣтія несомнѣнно были епископскія каѳедры—Полоцкая, въ первый разъ упоминаемая подъ 1105 годомъ, и Туровская—подъ 1114 годомъ [24]). О Полоцкой епископіи польскій писатель Нѣсецкій положительно говоритъ, что она, вмѣстѣ съ церковію и дѣвичьимъ монастыремъ на верхнемъ замкѣ, основана около 1000 года. Тоже повторяетъ другой польскій писатель Стебельскій, прибавляя, что каѳедра полоцкихъ епископовъ и церковь на верхнемъ замкѣ основаны или св. Владиміромъ, или сыномъ его Изяславомъ. Правда въ лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1105 годомъ упоминается полоцкій епископъ Мина, посвященный въ этомъ году митрополитомъ Никифоромъ I. Но въ житіи Евфросиніи полоцкой говорится, что во время княженія Бориса, роднаго дяди Евфросиніи, преемникъ Луки полоцкій епископъ Илія усту-

пилъ ей для монастыря мѣстность Сельцо, принадлежавшее архіерейскому дому, сказавъ при этомъ: «есть тамъ церковь всемилостиваго Спаса, идѣже братія наша лежать преже насъ бывшіи епископи». Значитъ, у Иліи былъ не одинъ только предшественникъ Мина, а было ихъ нѣсколько. Поэтому основаніе Полоцкой епархіи нужно относить не къ началу XII вѣка, а къ болѣе древнему времени [25]). Менѣе достовѣрна древность Туровской епархіи. Прямое, хотя позднее и малонадежное свидѣтельство объ учрежденіи при св. Владимірѣ Туровской епископіи находится въ статьѣ, бывшей въ рукописномъ печерскомъ патерикѣ кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны (1647—1656 г.), подъ заглавіемъ «Туровской епископіи завѣтъ блаженнаго Владиміра». Въ статьѣ поименовывается первый туровскій епископъ Ѳома, перечисляются города и погосты, причисленные къ Туровской епархіи, и земельныя имѣнія и угодья, приданныя Туровской каѳедрѣ и церквамъ св. Спаса и Богородицы. По этому свидѣтельству, въ 1005 году къ Туровской епархіи принадлежали города и погосты: Пинскъ, Новгородъ, Городенъ, Берестье, Волковыскъ, Здитовъ, Небель, Степань, Дубровица, Высочко, Случескъ, Копись, Ляховъ, Городокъ, Смѣдынь. Но если при св. Владимірѣ и была учреждена Туровская епархія, то едва-ли затѣмъ она продолжала существовать безпрерывно, такъ какъ въ теченіи болѣе 100 лѣтъ не встрѣчается ни одного упоминанія о туровскихъ епископахъ [26]).

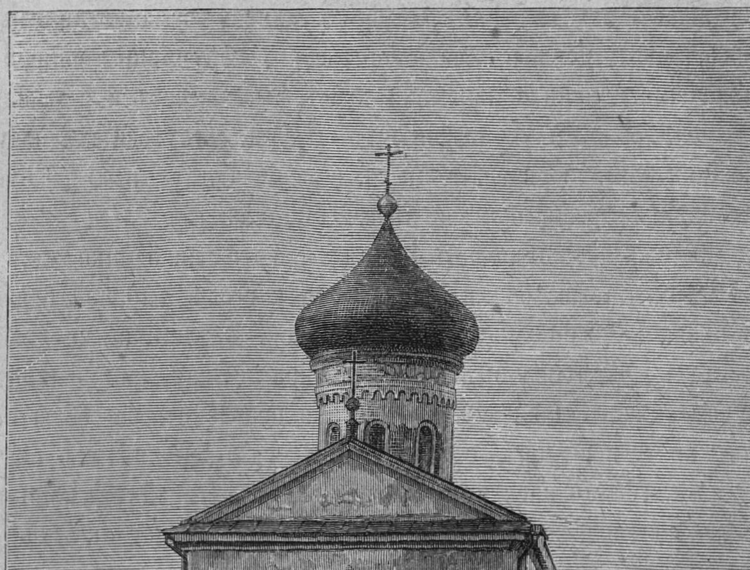
Нѣтъ также достовѣрныхъ историческихъ извѣстій о первыхъ православныхъ храмахъ и монастыряхъ въ сѣверо-западной Руси при св. Владимірѣ. Въ Полоцкѣ, по всей вѣроятности, древнѣйшими храмами были церковь пресв. Богородицы, уже въ 1159 году называемая у лѣтописца «старою» [27]), и загородная архіерейская Спасская церковь на Сельцѣ, ранѣе 1128 года уступленная епископомъ Ильей преподобной Евфросиніи полоцкой [28]). Въ Туровѣ, по свидѣтельству «Завѣта блаженнаго Владиміра», первыми церквами были церкви св. Спаса и Богородицы [29]). Кромѣ того, мѣстныя преданія возводятъ ко временамъ св. Владиміра основаніе Пинской Ѳеодоровской церкви [30]), Пинскаго Лещинскаго Рождество-Богородичнаго монастыря [31]), монастыря св. Анастасіи и приходской церкви въ Изяславлѣ, нынѣшнемъ мѣстечкѣ Заславлѣ, Минской губерніи. Рогнѣда, за покушеніе на жизнь Владиміра, удалена была на свою родину и проживала въ г. Изяславлѣ, построенномъ для нея

Владиміромъ въ 986 году въ предѣлахъ бывшаго княжества ея отца и названномъ Изяславлемъ, въ честь сына ея Изяслава. Принявъ христіанскую вѣру,—говоритъ преданіе,—Владиміръ послалъ туда пословъ передать бывшей княгинѣ отъ его имени слѣдующія слова: «азъ убо нынѣ крещенъ есмь и пріяхъ вѣру и законъ христіанскій, подобаше ми едину имѣти жену, юже поялъ въ христіанствѣ. Избери себѣ отъ вельможъ моихъ, его же хощеши, да сочетаю тя ему». Но гордая и въ изгнаніи Рогнѣда отвѣтила посламъ: «бывъ княгинею, могу ли быть рабою у слуги твоего!» На предложеніе же бывшаго мужа креститься она отвѣчала: «прошу, уневѣсти меня твоему Христу и да приму святый ангельскій иноческій образъ». Владиміръ согласился, и она постриглась подъ именемъ Анастасіи. Для новопостриженной инокини Владиміръ основалъ въ Изяславлѣ женскій монастырь, въ которомъ она и скончалась въ 999 или 1000 году. Кромѣ монастыря, былъ еще въ Изяславлѣ при Рогнѣдѣ православный храмъ, построенный, по преданію, св. Владиміромъ вслѣдъ за основаніемъ монастыря св. Анастасіи. Онъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Преображенская церковь [32]). Мѣстечки Давидъ-городокъ и Петриковъ, Минской губерніи, по мѣстнымъ преданіямъ, основаны были союзниками туровскаго князя Тура, ятвяжскими князьками, принявшими въ крещеніи имена Давида и Петра. О нынѣшнемъ городѣ Игуменѣ, Минской губерніи, мѣстное преданіе гласитъ, будто бы онъ названъ по бывшему здѣсь въ глубокой древности женскому монастырю, основанному какою-то православною игуменьею на мѣстѣ бывшаго языческаго капища [33]).

Положеніе церкви въ новопросвѣщенномъ обществѣ и государствѣ опредѣлялось церковнымъ Уставомъ св. Владиміра. Уставъ этотъ представляетъ съ одной стороны извлеченіе изъ греческаго сборника церковныхъ и гражданскихъ постановленій (изъ Номоканона или Законоправильника), а съ другой—опытъ русскаго самостоятельнаго законодательства. Во владиміровомъ Уставѣ излагается двоякій судъ церкви: судъ, такъ сказать, частный, простирающійся на однихъ людей церковныхъ, и судъ общій, простирающійся на всѣхъ мірянъ, и кромѣ того излагаются два особыя постановленія о десятинѣ и торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ. Одни изъ постановленій этого Устава—противъ волхвованій, чародѣяній и проч., прямо направлены были къ искорененію въ Россіи остатковъ язычества и къ утвержденію православной вѣры и

церкви; другія постановленія, опредѣлявшія въ подробностяхъ отношенія семейныя и преслѣдовавшія преступленія противъ чистоты нравовъ и т. п., имѣли цѣлію пересоздать въ Россіи семейство, а вмѣстѣ очистить, возвысить и утвердить все общество, весь государственный бытъ на новыхъ, христіанскихъ началахъ; третьи, поручавшія покровительству и попеченію церкви больныхъ, нищихъ, странниковъ и т. д., служили первымъ началомъ къ учрежденію въ Россіи богоугодныхъ заведеній общественной благотворительности [34]).

Достойнымъ преемникомъ и продолжателемъ дѣятельности св. Владиміра былъ сынъ его Ярославъ I Мудрый, который, однако же, утвердился на великокняжескомъ престолѣ только послѣ упорной борьбы съ братомъ своимъ Святополкомъ. По смерти св. Владиміра, великокняжескій престолъ захватилъ сынъ его Святополкъ Окаянный, бывшій княземъ туровскимъ. Онъ спѣшилъ не только обезпечить за собою великое княженіе, но и повозможности завладѣть удѣлами другихъ братьевъ, употребляя для этого преступныя средства. Въ самый годъ кончины св. Владиміра Святополкъ умертвилъ, при посредствѣ подосланныхъ убійцъ, братьевъ своихъ, святыхъ Бориса и Глѣба, а также еще одного брата Святослава древлянскаго. Мстителемъ за братьевъ явился Ярославъ новгородскій. Разбивъ Святополка подъ Любечемъ, Ярославъ вступилъ въ Кіевъ и занялъ великокняжескій престолъ, но на этотъ разъ не долго въ немъ оставался. Святополкъ нашелъ убѣжище и помощь у своего тестя, польскаго короля Болеслава Храбраго, который разбилъ Ярослава на берегахъ Западнаго Буга и возстановилъ зятя на великокняжескомъ престолѣ, при чемъ удержалъ за собою нѣкоторыя пограничныя русскія области, напримѣръ червенскіе города. Но Ярославъ, воспользовавшись удаленіемъ Болеслава изъ Руси и охлажденіемъ его къ зятю Святополку, съ новгородскимъ и наемнымъ варяжскимъ ополченіемъ снова пошелъ на Кіевъ и разбилъ Святополка на берегу р. Альты, въ нынѣшней Полтавской губерніи. Святополкъ Окаянный бѣжалъ на западъ къ чехамъ и умеръ гдѣ-то на дорогѣ. Послѣ того Ярославъ прочно утвердился на Кіевскомъ престолѣ, раздѣливъ однако власть надъ Русскою землею съ мужественнымъ братомъ своимъ Мстиславомъ Чермнымъ тмутараканскимъ, который утвердился въ Черниговѣ и владѣлъ областями, лежавшими на восточной сторонѣ Днѣпра. Когда же въ 1036 году умеръ Мстиславъ Чермный, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ,

Церковь Полоцкаго Спасо-Евфросиніевскаго женскаго монастыря.

то всѣ земли его достались Ярославу, который еще разъ соединилъ подъ своею властью всѣ почти русскія области и сталъ единодержавнымъ властителемъ. Это единовластіе дало Русской землѣ тишину внутри и силу противъ внѣшнихъ враговъ.

При Ярославѣ Русь увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и данниковъ, особенно на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Россіи. На сѣверѣ онъ покорилъ чудь, обитавшую на западной сторонѣ Чудскаго озера, и построилъ здѣсь городъ Юрьевъ (нынѣ Дерптъ). На западныхъ предѣлахъ Руси Ярославъ долженъ былъ укрощать своихъ безпокойныхъ сосѣдей—ятвяговъ и литву[35]). Возвративъ въ 1031 году отъ поляковъ червенскіе города, захваченные въ 1019 году, Ярославъ, для обезпеченія за собою этихъ городовъ, предпринялъ въ 1038 году походъ противъ ятвяговъ. По литовско-польскимъ сказаніямъ, предпріятіе Ярослава увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Ятвяжская земля была снова покорена, и въ ней будто-бы были тогда основаны и населены русскими поселенцами города по Бугу: Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ и, можетъ быть, Бѣльскъ. Часть ятвяговъ была переведена въ Русь, другіе отодвинулись на сѣверо-западъ къ Нареву и границамъ прусской Галиндіи. По извѣстію новгородской лѣтописи, на-весну послѣ похода на ятвяговъ Ярославъ заложилъ городъ Новгородъ, можетъ быть Новгородокъ литовскій или Новогрудокъ. Вслѣдъ за покореніемъ ятвяговъ, Русь вошла въ столкновеніе съ Литвою, жившею сѣвернѣе ятвяговъ. Русскія лѣтописи сообщаютъ краткія извѣстія о двухъ походахъ Ярослава I на Литву въ 1040 и въ 1044 годахъ. Польскіе историки Литвы говорятъ, что Ярославъ разбилъ литовцевъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Слонима, затѣмъ перешелъ Нѣманъ и болота, разграничивавшія славянскія поселенія отъ литовской Пелузіи (такъ называлась часть области по р. Вилейкѣ), и подчинилъ себѣ Литву по лѣвый берегъ нижней Виліи; старолитовское поселеніе Курганы (Ghurgani) сдѣлалось будто-бы средоточіемъ русскаго управленія покоренной области и получило названіе Трокъ (теперь Старые Троки, Виленской губерніи[36]). По этимъ сказаніямъ, Ярославъ Мудрый отвоевалъ у ятвяговъ и Литвы юго-западную часть нынѣшней Минской губерніи, почти всю Гродненскую губернію и большую часть Виленской губерніи.

Въ дѣлѣ внутренняго устроенія Русской земли Ярославъ Мудрый отличался любовію къ книгамъ, учреждалъ училища для обученія дѣ-

тей, заботился о постройкѣ и благолѣпіи храмовъ Божіихъ и устроеніи церковнаго священноначалія, издалъ церковный Уставъ, составляющій какъ-бы продолженіе и подробнѣйшее раскрытіе владимірова Устава, и положилъ начало сборнику законовъ, извѣстному подъ именемъ Русской Правды [37]). Плодами его мирной дѣятельности въ этомъ направленіи пользовалась и сѣверо-западная Русь. Ярославу Мудрому преданіе приписываетъ построеніе Новогрудской Борисоглѣбской церкви [38]). Можетъ быть, Ярославомъ же основана въ г. Мельникѣ церковь св. Богородицы, гдѣ въ 1260 году находилась чтимая икона «Спаса Избавника» [39]). Ко временамъ же Ярослава нужно пріурочить преданіе о томъ, будто-бы въ первыя времена христіанства въ Россіи прибыли въ окрестности города Нарева, нынѣ Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, семь монаховъ изъ Кіева и распространили православную вѣру въ этой странѣ [40]). А по слѣдамъ православія распространялась и церковная письменность. Древнѣйшими памятниками ея служатъ Туровское евангеліе XI вѣка, принадлежавшее Туровской Преображенской церкви, и Супрасльская рукопись XI-го же вѣка (Минея-четья) [41]).

Ярославъ еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управленіе или намѣстничество свои земли. Старшій сынъ Владиміръ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, а по смерти его переведенъ въ Новгородъ изъ Турова второй сынъ Изяславъ. Умирая, Ярославъ раздѣлилъ Русскую землю между пятью своими сыновьями: Изяславу онъ отдалъ Кіевъ, Новгородъ и Туровъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленскъ, Игорю Владиміръ-Волынскій. Кромѣ того, существовало еще особое удѣльное княжество Полоцкое, принадлежавшее роду Изяслава Владиміровича, брата Ярослава Мудраго. Дальнѣйшій же порядокъ престолонаслѣдія Кіева и владѣнія удѣлами опредѣлялся родовыми отношеніями. Ближайшій по родству къ родоначальнику Ярославу Мудрому долженъ былъ владѣть Кіевскимъ престоломъ, при чемъ дяди первенствуютъ надъ племянниками, которые становятся старшими только послѣ всѣхъ дядей. Изъ шести сыновей Ярослава старшимъ долженъ бы быть Владиміръ, но онъ умеръ, а право представительства не допускалось въ древней Руси, и сынъ его не можетъ быть старшимъ; слѣдовательно, старшинство переходитъ ко второму и потомъ по порядку къ каждому изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ, а послѣ нихъ—къ старшему изъ сыновей того брата, который первый былъ великимъ кня-

земъ. При каждомъ возвышенiи одного изъ князей на Кiевскiй столъ, его собственный столъ переходилъ къ старшему по немъ. Слѣдовательно, князья не осѣдались на одномъ мѣстѣ, а постоянно передвигались. Волости тѣхъ князей, которые умерли, не достигнувъ старшинства, дѣлились между оставшимися, а сыновья ихъ не получали никакой доли и становились «изгоями»; если же за ними и оставалась ихъ волость, то въ качествѣ совсѣмъ особаго владѣнiя. Такой порядокъ престолонаслѣдiя Кiева и наслѣдованiя удѣловъ не могъ быть прочнымъ и не обѣщалъ спокойствiя Русской землѣ. Съ размноженiемъ княжескаго рода и раздѣленiемъ его на далеко расходящiяся между собою вѣтви, родовыя отношенiя и права владѣнiя запутались и породили множество недоразумѣнiй, смутъ и усобицъ. Обдѣленные изгои, въ свою очередь, не хотѣли мириться со своимъ положенiемъ, старались добыть себѣ удѣлы силою и еще болѣе увеличивали смуты и междоусобiя. Во избѣжанiе послѣднихъ, любечскiй съѣздъ князей въ 1097 году установилъ порядокъ вотчиннаго владѣнiя и наслѣдственности удѣловъ въ одномъ и томъ же племени. Старшiе князья, внуки и правнуки Ярослава, собравшiеся на этотъ съѣздъ, говорили другъ другу: «зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами, а половцы радуются нашимъ междоусобнымъ бранямъ и разносятъ нашу землю? Будемъ отнынѣ заодно, и пусть каждый владѣетъ своею отчиною». Этотъ новый порядокъ владѣнiя удѣлами послужилъ въ послѣдствiи времени точкою опоры для обособленiя удѣловъ въ извѣстномъ княжескомъ родѣ, а вмѣстѣ и поводомъ къ ослабленiю связей удѣльныхъ княжествъ съ первопрестольнымъ городомъ и великимъ княземъ и къ большему ослабленiю Руси [42]).

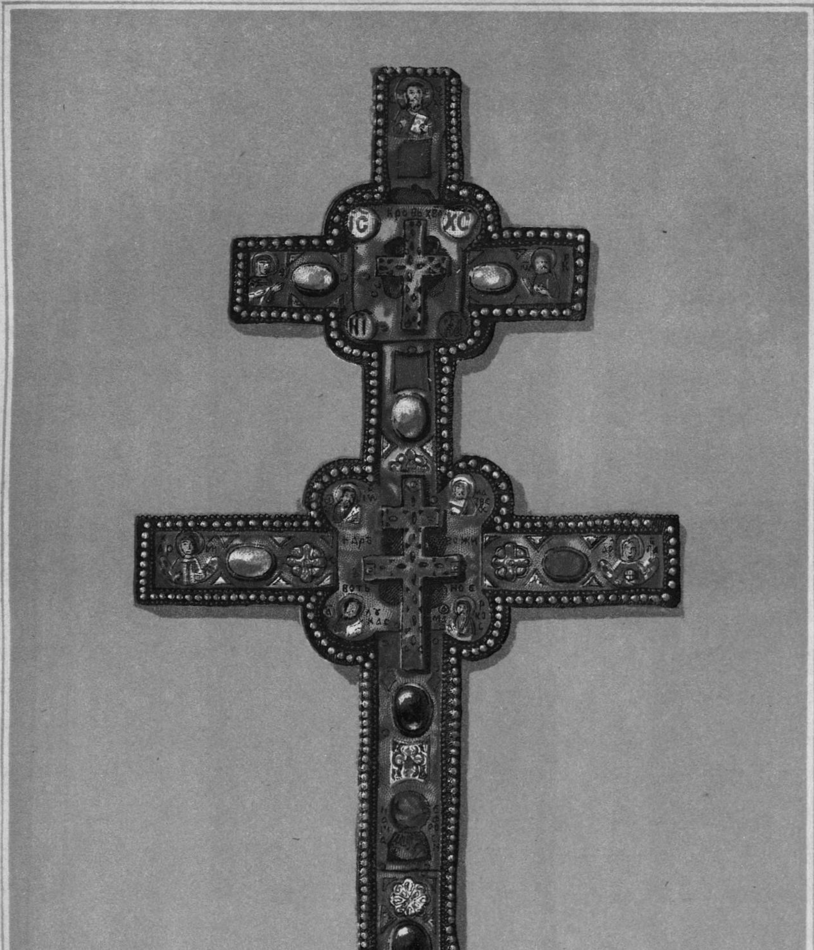
Послѣ смерти Ярослава, на Руси являются слѣдующiя болѣе крупныя княжества: великое княженiе Кiевское и удѣльныя княжества Новгородское, Переяславское, Черниговское и Сѣверское, Смоленское, Туровское, Волынское, Галицкое, Суздальское и Рязанское въ потомствѣ Ярослава Мудраго Владимiровича, и особое удѣльное княжество Полоцкое—въ потомствѣ брата Ярослава, Изяслава Владимiровича.

Исторiя сѣверо-западной Руси по смерти Ярослава Мудраго слагается изъ развитiя двухъ порядковъ удѣльнаго строя, идущихъ отъ двухъ отраслей потомства св. Владимiра—Изяславичей полоцкихъ и Ярославичей кiевскихъ. Первымъ принадлежало, въ предѣлахъ нынѣшней сѣверо-западной Руси, княжество Полоцкое, которое заявляло притяза-

нія на полную независимость отъ великаго князя кіевскаго и отъ остальныхъ частей Руси, а вторымъ—часть Древлянской земли и земля дреговичей съ новыми пріобрѣтеніями Ярослава Мудраго въ Берестейской области. Въ завязавшейся борьбѣ между двумя этими отраслями изъ-за преобладанія и владѣній принимаютъ дѣятельное участіе почти всѣ Ярославичи, не только великіе князья кіевскіе, но и удѣльные князья черниговскіе и смоленскіе, и наконецъ сокрушаютъ могущество Полоцкаго княжества. Но затѣмъ и сами Ярославичи основываютъ въ сѣверо-западной Руси рядъ особыхъ наслѣдственныхъ удѣловъ, а чрезъ это ослабляютъ великаго князя кіевскаго и свои собственныя княжества и такимъ образомъ подготовляютъ упадокъ сѣверо-западной Руси.

Столкновенія Полоцкаго княжества съ Кіевскимъ начались еще при Ярославѣ Мудромъ. Племянникъ Ярослава, Брячиславъ Изяславичъ полоцкій, заявлялъ притязанія на часть Новгородскихъ областей. Получивъ отказъ, онъ напалъ на Новгородъ, взялъ его и разграбилъ (1021 г.). Вѣсть о приближеніи Ярослава съ войскомъ побудила Брячислава удалиться изъ Новгорода; но онъ захватилъ съ собою большое количество плѣнниковъ и заложниковъ. Въ Псковской области, на р. Судомѣ, Ярославъ нагналъ полоцкаго князя, поразилъ его и освободилъ новгородскихъ плѣнниковъ. Послѣ того они заключили миръ, по которому Ярославъ увеличилъ полоцкое княженіе городами Витебскомъ и Усвятомъ [43]). Брячиславу же приписываютъ основаніе г. Браслава (нынѣ мѣстечка Новоалександровскаго уѣзда, Ковенской губерніи), на границѣ русскихъ владѣній съ Литвою [44]).

Замѣчательнѣе былъ сынъ Брячислава, Всеславъ (1044—1068, 1068—1098 г.), о которомъ лѣтопись говоритъ, что онъ родился отъ волхвованія, что у него было на головѣ язвено, почему онъ носилъ какую-то таинственную повязку и оттого немилостивъ былъ на кровопролитіе. «Слово о полку Игоревѣ» представляетъ его какимъ-то чародѣемъ: онъ волкомъ скочилъ до Немиги, онъ «людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь волкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутараканя, великому Хорсови путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвонише заутреннюю рано у св. Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша». Этотъ князь чародѣй, по всей вѣроятности, питалъ къ Ярославичамъ неудовольствіе за то, что его ограничивали одною Полоцкою областію и не давали ему части въ другихъ русскихъ

КРЕСТЪ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНІИ, КНЯЖНЫ ПОЛОЦКОЙ, 1161 г.

Печатать дозволяется, 4го Октября 1889 г. Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

Лит. Штадлеръ и Наттинотъ С.П.Б., Лиговка, 24.

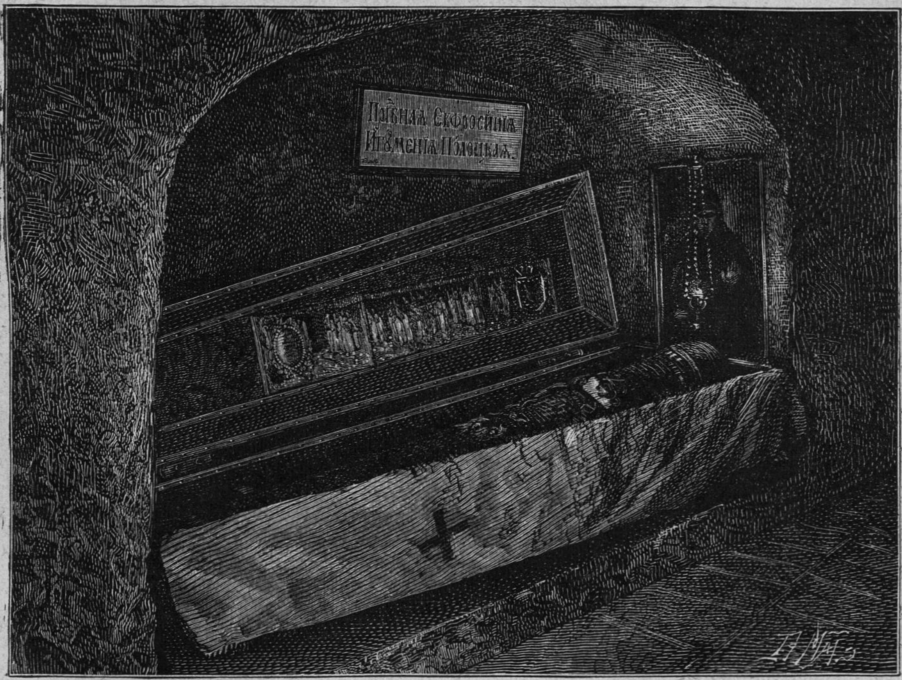
земляхъ. Подобно отцу своему, онъ обнаруживалъ притязанія на Новгородскій край или, по крайней мѣрѣ, на ближнія новгородскія волости. Сначала онъ пытался осаждать Псковъ, но безъ успѣха; затѣмъ явился съ войскомъ подъ самымъ Новгородомъ, ворвался въ него и сжегъ часть города, при чемъ ограбилъ храмъ св. Софіи, снявъ самые колокола и паникадила. Тогда Ярославичи соединенными силами отправились воевать Полоцкую землю. Они взяли городъ Минскъ (1067 г.) и избили мужское населеніе, а женъ и дѣтей роздали въ рабство своимъ дружинникамъ. Всеславъ встрѣтилъ дядей недалеко отъ этого города, на берегахъ рѣчки Немизы и, послѣ упорной битвы, былъ побѣжденъ Ярославичами, которые помрачили славу своей побѣды вѣроломствомъ. Князья съѣхались для переговоровъ гдѣ-то около Смоленска и расположились лагеремъ на противоположныхъ берегахъ Днѣпра. Ярославичи пригласили Всеслава переѣхать на ихъ сторону и поцѣловали крестъ, т. е. присягнули въ его безопасности. Но едва Изяславъ Ярославичъ ввелъ его въ свой шатеръ, какъ полоцкаго князя схватили, отвезли въ Кіевъ и засадили въ порубъ (темницу) вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Такое вѣроломство, по словамъ лѣтописца, не замедлило вызвать Божье наказаніе на князей клятвопреступниковъ. Въ 1068 году на Русь напали новые враги половцы. Разбитые половцами, князья бѣжали въ Кіевъ. Кіевляне требовали оружія, чтобы снова биться съ половцами; но князья отказали имъ, и Изяславъ былъ изгнанъ, а на столъ посаженъ освобожденный изъ поруба Всеславъ. Изяславъ обратился за помощію къ польскому королю Болеславу и съ нимъ явился на Русь. Кіевляне пошли ему на встрѣчу подъ начальствомъ Всеслава; но послѣдній въ Бѣлгородѣ ночью тайкомъ покинулъ кіевскую рать и убѣжалъ въ свой Полоцкъ [45]). Казнивъ тѣхъ кіевлянъ, которые вывели изъ тюрьмы Всеслава, Изяславъ вооружился противъ послѣдняго, выгналъ его изъ Полоцка и посадилъ тамъ сына своего, Мстислава, а когда этотъ послѣдній умеръ, то послалъ на его мѣсто другаго сына, Святополка. Всеславъ бѣжалъ въ Новгородскую область, успѣлъ набрать дружину, выгналъ Святополка изъ Полоцка, и хотя былъ побѣжденъ другимъ Изяславичемъ у Голотичьска, однако успѣлъ удержаться на отцовскомъ столѣ [46]).

Всеславъ оставилъ послѣ себя семь сыновей: Рогвольда, Романа, Бориса, Глѣба, Давида, Ростислава и Святослава [47]). Одинъ изъ нихъ въ 1103 году участвовалъ въ общемъ походѣ Ярославичей противъ полов-

цевъ. Между Всеславичами начались несогласія, въ которыя вмѣшались Ярославичи. Владиміръ Мономахъ два раза ходилъ противъ старшаго изъ полоцкихъ князей Глѣба минскаго и взялъ Оршу, Копысь и Друцкъ; во второй разъ, въ 1119 году, Мономахъ взялъ минскаго князя въ плѣнъ и привелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ. Не смотря, однако, на потерю Минскаго удѣла, полоцкіе князья никакъ не хотѣли, подобно другимъ русскимъ князьямъ, подчиниться великому князю кіевскому и не переставали опустошать пограничныя волости Мономаховичей. Поэтому сынъ Владиміра Мономаха, великій князь кіевскій Мстиславъ, отправилъ на нихъ своихъ братьевъ и сыновей. Черниговскій князь Всеволодъ также долженъ былъ участвовать въ этомъ походѣ. Южныя и сѣверныя дружины съ разныхъ сторонъ вошли въ Полоцкую землю и пограбили въ 1129 году нѣкоторые ея города, напримѣръ Логожскъ и Изяславль. Всеславичи смирились, но не надолго. Въ слѣдующемъ году, когда Мстиславъ Владиміровичъ собиралъ рать противъ половцевъ, Всеславичи, вопреки недавней присягѣ, отказались идти вмѣстѣ съ южнорусскими князьями на «шелудиваго» Боняка. Управившись съ половцами, великій князь рѣшилъ покончить съ враждебнымъ родомъ Всеслава. Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось захватить въ свои руки полоцкихъ князей Давида, Ростислава и Святослава Всеславичей съ ихъ женами и дѣтьми. Затѣмъ онъ посадилъ ихъ въ ладьи и отправилъ въ Царьградъ къ своему родственнику, императору Іоанну Комнену. Тамъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, полоцкіе князья вступили въ греческую службу и отличались своимъ мужествомъ въ походахъ противъ сарацынъ. А волость ихъ была отдана Изяславу, одному изъ сыновей великаго князя. Но при преемникѣ Мстислава, великомъ князѣ Ярополкѣ II, Изяславъ Мстиславичъ, добиваясь удѣла въ южной Руси, покинулъ непріязненный Полоцкій край. Тогда полочане призвали къ себѣ одного изъ внуковъ Всеслава—Василька, который, вѣроятно, избѣжалъ участи другихъ своихъ родичей. Немедленно же послѣ смерти Ярополка II (†1139 г.) въ Полоцкую землю воротились еще двое изъ князей, изгнанныхъ его старшимъ братомъ въ Грецію [48]).

Ко времени изгнанія полоцкихъ князей въ Грецію и возвращенія ихъ оттуда относятся драгоцѣнныя извѣстія о внутреннемъ, христіанскомъ просвѣщеніи Полоцкой земли, заключающіяся преимущественно въ житіи преп. Евфросиніи полоцкой, внучки знаменитаго Всеслава по-

лоцкаго. Вообще всѣ сыновья Всеслава болѣе или менѣе отличались благочестіемъ и усердіемъ къ храмамъ Божіимъ. Изъ нихъ Борисъ Всеславичъ, не довольствуясь древнимъ полоцкимъ храмомъ Богородицы, основалъ каѳедральный Софійскій каменный соборъ о семи верхахъ или главахъ въ самомъ Полоцкѣ, существовавшій на мѣстѣ нынѣшняго Полоцкаго собора, мужской Борисоглѣбскій монастырь на Задвиньѣ, развалины котораго существуютъ и до настоящаго времени, и Пятницкую

Рака преподобной Евфросиніи въ Кіево-Печерской лаврѣ.

церковь надъ р. Бѣльчицею [49]). Борису же Всеславичу приписываютъ нѣсколько двинскихъ камней съ высѣченнымъ на нихъ именемъ Бориса, поставленныхъ имъ въ ознаменованіе какихъ-либо предпріятій и, вѣроятнѣе всего, построеній храмовъ [50]). При немъ, въ 1105 году, кіевскій митрополитъ Никифоръ I рукоположилъ въ Полоцкѣ епископомъ Мину, и съ того времени идетъ цѣлый рядъ полоцкихъ епископовъ, подчинявшихся кіевскому митрополиту, которые, въ свою очередь, заботились объ умноженіи храмовъ Божіихъ. Такъ напримѣръ,

во второй половинѣ XIII вѣка полоцкій епископъ Симеонъ Новгородецъ, извѣстный своею учительностію, основалъ въ Полоцкѣ Николаевскій монастырь на Лучнѣ. Въ числѣ полоцкихъ епископовъ извѣстны и греки, каковы, напримѣръ: Козьма, поставленный въ 1147 г. и прибывшій въ Русь, какъ полагаютъ, съ возвратившимися изъ Греціи полоцкими князьями, при которыхъ онъ могъ быть тамъ священникомъ; Николай, поставленный митрополитомъ Никифоромъ II въ 1183 году. Этотъ Николай, или другой полоцкій епископъ, путешествовалъ въ 1218 году въ Царьградъ, откуда принесъ великому князю Константину Всеволодовичу, во Владимірѣ на Клязьмѣ, часть отъ страстей Господнихъ, часть мощей св. Лонгина мученика и Маріи Магдалины. Вѣроятно, подобныя святыни принесъ онъ и своему епископскому городу. Такимъ образомъ, Полоцкъ, не смотря на свою отдаленность отъ Царьграда, поддерживалъ съ нимъ сношенія, служившія къ укрѣпленію православія въ Полоцкой землѣ [51]). Епископамъ соревновали въ благочестіи и усердіи къ храмамъ Божіимъ и князья и княгини. Жена князя Романа Всеславича, по смерти мужа, поступила въ монахини и спасалась въ женской обители подлѣ Полоцкаго соборнаго Софійскаго храма. Отъ младшаго Всеславича Святослава-Георгія родилась преп. Евфросинія, въ мірѣ Предслава. Еще въ отроческихъ годахъ, когда ей готовилось замужество, Предслава тайно ушла изъ родительскаго дома въ монастырь къ теткѣ своей, вдовѣ князя Романа Всеславича, и постриглась подъ именемъ Евфросиніи, къ великому огорченію своихъ родителей. По ея просьбѣ, полоцкій епископъ Илія позволилъ ей нѣкоторое время жить въ кельѣ, пристроенной къ собору, или въ такъ называемомъ «голубцѣ». Тутъ она занималась списываніемъ церковныхъ книгъ, и деньги, получаемыя отъ этого труда, раздавала нищимъ. Вскорѣ ее осѣнила мысль устроить собственную женскую обитель. Для этой цѣли епископъ уступилъ ей мѣстность Сельцо, гдѣ былъ у него загородный домъ съ небольшою деревянною церковію во имя Спаса Преображенія, въ которой покоились останки прежнихъ полоцкихъ епископовъ. Здѣсь Евфросинія устроила новую обитель, въ которой была поставлена игуменьей. Въ число своихъ инокинь она привлекла родную сестру Гориславу-Евдокію и двоюродную Звениславу-Евпраксію Борисовну. Съ помощію родственниковъ, на мѣстѣ деревяннаго она соорудила и украсила ка-

менный Спасо-Преображенскій храмъ, который былъ освященъ преемникомъ Иліи, епископомъ Діонисіемъ, въ присутствіи всего княжескаго дома, при многочисленномъ стеченіи народа. Храмъ этотъ, небольшой по размѣрамъ, но изящной постройки въ византійскомъ духѣ, въ основныхъ своихъ частяхъ сохранился до настоящаго времени, равно какъ сохранились отчасти и древнія стѣнныя изображенія въ храмѣ, къ сожалѣнію неумѣло возобновленныя уже въ настоящемъ столѣтіи. Чтобы имѣть собственныхъ священнослужителей, преп. Евфросинія основала также поблизости мужской монастырь во имя Богородицы [52]). Щедро украсивъ храмъ своей обители драгоцѣнною утварью и всѣмъ необходимымъ, она пожелала имѣть въ немъ одну изъ тѣхъ трехъ иконъ Богоматери, которыя писаны были еще при жизни пресвятой Дѣвы св. евангелистомъ Лукою, и отправила нарочнаго къ родственнику полоцкихъ князей, греческому императору Мануилу Комнену и константинопольскому патріарху Лукѣ Хрисовергу съ дарами и усердною просьбою прислать въ ея обитель одну изъ этихъ иконъ. Императоръ и патріархъ благосклонно приняли просьбу преп. Евфросиніи и прислали въ ея монастырь Ефесскую икону Божіей Матери. Преп. Евфросинія поставила эту икону въ новоустроенномъ храмѣ и щедро украсила ее золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными камнями. Въ 1239 году эта икона перенесена изъ Спасо-Евфросиніевской обители въ г. Торопецъ (нынѣ Псковской губерніи), по случаю бракосочетанія князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава, и въ настоящее время находится въ соборной Торопецкой Воскресенской церкви и извѣстна подъ именемъ Корсунской. Кромѣ этой иконы, преп. Евфросинія пріобрѣла для своей обители изъ Іерусалима и другихъ мѣстъ православнаго Востока частицу древа отъ животворящаго креста Господня, обагренную святѣйшею кровію Христа, частицы камней отъ гроба Христова и гроба Богоматери и части мощей многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Вся эта святыня помѣщена преподобною въ драгоцѣнномъ крестѣ, который и доселѣ хранится и чествуется въ Спасо-Евфросиніевской обители. Крестъ этотъ, длиною въ $11^3/_8$ вершка, обложенъ золотыми и серебряными листами, на которыхъ находится весьма много драгоцѣнныхъ камней и украшеній и 20 священныхъ изображеній, исполненныхъ такъ называемою византійскою перегородчатою эмалью, представлявшею верхъ художественнаго совершенства византійскаго искусства. Изъ вырѣзан-

ныхъ на крестѣ надписей видно, что крестъ этотъ — работы русскаго мастера Лазаря Богша и положенъ преп. Евфросиніей въ ея Спасскомъ монастырѣ въ 1161 году [53]). Устроивъ свою обитель, преп. Евфросинія постригла въ монахини еще двухъ племянницъ своихъ, Киринію и Ольгу, дочерей Вячеслава, и въ глубокой старости отправилась въ Св. Землю, чтобы посѣтить св. мѣста Палестины и поклониться живоносному гробу Господню, и во время этого путешествія скончалась въ Іерусалимѣ [54]).

Преп. Евфросинія полоцкая почила уже по возвращеніи полоцкихъ князей изъ цареградской ссылки и, слѣдовательно, была свидѣтельницей междоусобій въ родѣ полоцкихъ князей и постепеннаго ослабленія ихъ и начинавшагося распаденія самаго княжества. Перевороты, произведенные въ Полоцкой землѣ Мономахомъ и сыномъ его, Мстиславомъ I, неоднократное плѣненіе, перемѣщеніе и потомъ изгнаніе полоцкихъ князей, должны были перепутать родовые счеты между потомками многочисленныхъ сыновей Всеслава. Земля дробится на многочисленные удѣлы. Кромѣ Полоцка и Минска, удѣльные князья являются въ Витебскѣ, Изяславлѣ, Логожскѣ, Друцкѣ, Стрѣжевѣ, Городцѣ, Клецкѣ, Оршѣ, Свислочи, Лукомлѣ, Кукейносѣ (Кокенгаузенѣ), Герсике и др. Главный Полоцкій столъ становится предметомъ распрей между внуками Всеслава; но тотъ, кому удавалось имъ завладѣть, обыкновенно не пользовался большимъ значеніемъ между другими своими родичами, удѣльными князьями полоцкими. Послѣдніе, напримѣръ князья минскіе, нерѣдко стремятся къ самостоятельности и завязываютъ свои особыя отношенія къ сосѣдямъ. А распри и рознь между потомками Всеслава способствовали ослабленію княжеской власти и усиленію народоправленія или вѣчеваго начала и привели наконецъ Полоцкое княжество къ зависимости отъ другихъ сосѣднихъ русскихъ княжествъ и къ захвату его по частямъ нѣмецкимъ Ливонскимъ орденомъ и Литвою [55]).

Продолжительная распря между полоцкими князьями началась борьбою внуковъ Всеслава, двоюродныхъ братьевъ Рогвольда Борисовича полоцкаго и Ростислава, Всеволода и Володаря Глѣбовичей минскихъ. Недовольные за что-то своимъ княземъ Рогвольдомъ Борисовичемъ, полочане въ 1151 году тайно сговорились съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ, схватили Рогвольда и отправили въ Минскъ, гдѣ онъ былъ посаженъ подъ стражу. Освободившись изъ плѣна, Рогвольдъ обратился въ 1159 г.

Древнія иконы Божіей Матери:

Корсунская или Ефесская.

Жировицкая. Минская.

за помощію къ черниговскому князю Святославу Ольговичу и при его содѣйствіи овладѣлъ городомъ Друтскомъ, изгнавъ изъ него Глѣба Ростиславича; но онъ не могъ возвратить себѣ Полоцка и помирился съ Глѣбовичами. Полоцкимъ княземъ остался Ростиславъ Глѣбовичъ.

Ко времени его княженія относится драгоцѣнное извѣстіе объ одномъ изъ явленій церковно-общественной жизни полочанъ, именно объ обычаѣ братчины. Она начиналась складчиною желающихъ изъ прихожанъ извѣстной церкви или вообще горожанъ къ извѣстному празднику. Насчетъ этой складчины дѣлалось приношеніе на церковь воску, свѣчей и т. п., а послѣ богослуженія устраивался праздничный обѣдъ для братчиковъ и ихъ гостей, съ раздачею милостыни бѣднымъ. О такой братчинѣ въ Полоцкѣ упоминается подъ 1159 годомъ, съ замѣчаніемъ, что она устроена была полочанами на Петровъ день при церкви Богородицы «старой», и что на эту братчину они звали и князя Ростислава Глѣбовича. Это — вообще первое лѣтописное извѣстіе о началѣ древнерусскихъ братчинъ, послужившихъ начальною основою для позднѣйшихъ западно-русскихъ и южно-русскихъ братствъ.

Измѣнивъ Ростиславу Глѣбовичу, полочане принудили его оставить Полоцкъ и бѣжать въ Минскъ къ брату своему Володарю Глѣбовичу, а къ себѣ пригласили прежняго своего князя Рогвольда Борисовича. Рогвольдъ изъ Друтска пріѣхалъ въ Полоцкъ и снова сѣлъ на столѣ дѣда своего и отца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась его война съ Глѣбовичами минскими, для веденія которой онъ получилъ помощь отъ роднаго дяди своей супруги, Ростислава смоленскаго, уступивъ ему за то Витебскъ и другія пограничныя волости. Однако война съ Глѣбовичами была неудачна для Рогвольда. Нѣсколько разъ ходилъ онъ на Минскъ и не могъ взять этого города. Въ 1162 году Рогвольдъ осадилъ Городецъ, въ которомъ оборонялся Володарь Глѣбовичъ съ войскомъ, набраннымъ изъ сосѣдней Литвы. Здѣсь Володарь нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ нанесъ такое пораженіе Рогвольду, послѣ котораго тотъ, потерявъ множество полочанъ убитыми и плѣнными, не осмѣлился показаться въ Полоцкѣ и ушелъ въ свой бывшій удѣльный городъ Друтскъ, гдѣ и оставался, вѣроятно, до своей смерти. По крайней мѣрѣ, имя его сохранилось въ надписи 1171 года на одномъ камнѣ, находящемся въ 20 верстахъ отъ г. Орши по дорогѣ въ Минскъ, на землѣ, принадлежавшей Друтскому удѣлу [56]).

Послѣ удаленія Рогволода Борисовича въ Друтскъ, полочане избрали своимъ княземъ Всеслава Васильковича, находившагося въ свойствѣ съ смоленскими князьями, одного изъ правнуковъ знаменитаго Всеслава. Этотъ Василько могъ держаться на полоцкомъ столѣ только съ помощью смоленскихъ князей. Когда соперникъ Всеслава Васильковича, Володарь Глѣбовичъ, князь городецкій, въ союзѣ съ литовцами, выгналъ Василько изъ Полоцка и вокняжился здѣсь, то Василько нашелъ убѣжище и помощь въ Витебскѣ у одного изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Давида Ростиславича, который отразилъ Володаря отъ Витебска и въ 1167 году вновь посадилъ Всеслава въ Полоцкѣ. Въ другой разъ смоленскіе князья защитили полочанъ отъ Мстислава Храбраго. Въ 1178 году Мстиславъ Храбрый пошелъ съ новгородцами на полочанъ, чтобы отнять у нихъ новгородскій погостъ, захваченный когда-то Всеславомъ Брячиславичемъ. Но Романъ Ростиславичъ смоленскій отправилъ сына на помощь Всеславу Васильковичу, а къ Мстиславу Храброму послалъ отговаривать отъ похода и дѣйствительно убѣдилъ его воротиться назадъ. Полоцкъ такимъ образомъ оказался подъ покровительствомъ Смоленска и въ зависимости отъ него. Правда, вскорѣ полоцкіе князья, тяготясь зависимостію отъ Смоленска и желая возвратить Витебскъ, снова начали искать союзовъ съ Литвою и съ Черниговомъ и успѣли воротить Витебскій удѣлъ въ то время, когда Давидъ Ростиславичъ получилъ волость въ Кіевской Руси (Вышгородъ), отдавъ Витебскъ брату Всеслава полоцкаго, Брячиславу Васильковичу. Но какъ скоро Давидъ Ростиславичъ, по смерти брата своего Романа, вокняжился въ Смоленскѣ, то постарался опять наложить свою руку на полоцкихъ князей. Въ это время въ Друтскомъ удѣлѣ сидѣлъ сподручникъ его, Глѣбъ Рогвольдовичъ, сынъ Рогвольда Борисовича. Ольговичи черниговскіе — Святославъ, великій князь кіевскій, и Ярославъ черниговскій Всеволодовичи, ведя борьбу съ Мономаховичами изъ-за Кіева, направились съ союзными князьями на Друтскъ, чтобы отнять его у сподручника смоленскаго, Мономаховича. Къ нимъ пристала и большая часть полоцкихъ князей и въ томъ числѣ Всеславъ полоцкій и Брячиславъ витебскій Васильковичи, съ литовскими и ливонскими наемными отрядами. Давидъ Ростиславичъ смоленскій поспѣшилъ на помощь Глѣбу Рогвольдовичу, но не рѣшился вступить въ открытую битву съ многочисленными противниками. Но въ 1186 г. онъ воспользовался половецкимъ погромомъ Ольговичей, чтобы смирить полочанъ.

Въ этомъ году Давидъ Ростиславичъ предпринялъ на нихъ зимній походъ изъ Смоленска, а сынъ его, Мстиславъ новгородскій, пошелъ ему на помощь съ новгородцами. На сторонѣ его были еще два удѣльныхъ полоцкихъ князя Всеславъ друтскій и Василько логожскій. Полочане смутились, встрѣтили Давида на границѣ съ поклономъ и честью, поднесли ему многіе дары и согласились на его требованія. По желанію Давида, Витебскъ былъ отданъ его зятю, одному изъ внуковъ Глѣба минскаго. Но Ярославъ Всеволодовичъ черниговскій воспротивился этому распоряженію, и отсюда произошло новое столкновеніе черниговцевъ съ смольнянами въ 1195 году, сопровождавшееся взятіемъ въ плѣнъ Мстислава Романовича друтскимъ княземъ Борисомъ и прекращенное вмѣшательствомъ великаго князя Рюрика Ростиславича. Витебскъ былъ отнятъ у Давидова зятя [57]).

Дальнѣйшая исторія Полоцкаго княжества подъ русскимъ владычествомъ весьма сбивчива и темна. Русскія лѣтописи не говорятъ болѣе о полоцкихъ князьяхъ, которые появляются опять въ исторіи благодаря лишь столкновеніямъ ихъ съ нѣмцами, поселившимися на устьѣ Двины съ 1186 года, и извѣстіямъ лѣтописца Генриха Латыша. Первыя столкновенія полочанъ съ нѣмцами произошли на берегахъ Двины и окончились въ пользу послѣднихъ, благодаря, съ одной стороны, слабости въ это время полоцкаго княженія вообще, а съ другой — начавшемуся напору Литвы, отвлекавшему вниманіе Полоцкой Руси въ иную сторону. Однажды, когда рижскій нѣмецкій епископъ Альбертъ отплылъ въ Германію для сбора крестоносцевъ и всякаго рода пособій, часть ливовъ задумала воспользоваться его отсутствіемъ и малымъ числомъ оставшихся на Двинѣ нѣмцевъ, чтобы свергнуть ихъ иго, и послала звать на помощь Владиміра полоцкаго. Тотъ дѣйствительно приплылъ на судахъ по Двинѣ съ значительнымъ ополченіемъ. Сначала онъ попытался взять Икскуль, но, отбитый камнеметательными орудіями, спустился ниже по рѣкѣ и приступилъ къ Гольму. Осада однако и здѣсь пошла сначала не совсѣмъ успѣшно. Между тѣмъ нѣкоторые ливы извѣстили князя, что на морѣ показались какіе-то корабли. Тогда Владиміръ, послѣ 11-дневной осады Гольма, уже едва державшагося, отступилъ отъ него, сѣлъ на суда и отплылъ обратно. Это было въ 1206 году. А въ слѣдующемъ году тщетно призывалъ къ себѣ полоцкаго князя Владиміра на помощь подручный ему державца городка Кукейноса (нынѣ Кокенгаузена) князь

Вячко (Вячеславъ), тѣснимый нѣмцами, владѣнія которыхъ уже охватывали его со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ обороны, Вячко сжегъ Кукейносъ, а самъ со своимъ семействомъ удалился въ Русь. Новгородцы впослѣдствіи посадили этого князя въ свой пригородъ Юрьевъ (Дерптъ), при взятіи котораго нѣмцами въ 1224 году Вячко

Камень князя Василія (Рогвольда) Борисовича, въ Могилевской губ.

погибъ доблестною смертію. Такая же участь постигла и другаго удѣльнаго князя, Всеволода, который владѣлъ другимъ подвинскимъ городомъ Герсике (близъ нынѣшней усадьбы Шлосбергъ, между имѣніями Ливенгофъ и Царьградъ). Всеволодъ былъ ожесточеннымъ врагомъ латинянъ и постоянно враждовалъ съ нѣмцами. Въ октябрѣ 1209 г. нѣмцы двинулись на Герсике. Русскіе выступили имъ на встрѣчу, но, не выдер-

жавъ натиска, бѣжали въ городъ, а за ними въ ворота ворвались и нѣмцы. Всеволодъ бѣжалъ за Двину. Нѣмцы захватили въ плѣнъ его жену и ограбили городъ. «И собрали они, — пишетъ Генрихъ, — много добычи, сноса со всѣхъ концовъ города одежду и серебро, и пурпуръ, и сгоняя скотъ во множествѣ; взяли и изъ церквей колокола и иконы, и деньги, и много добра». Обобравъ Герсике и забравъ жителей въ плѣнъ, нѣмцы зажгли его. Князь Владиміръ полоцкій не только не подалъ помощи Всеволоду, но даже заключилъ въ слѣдующемъ 1210 году весьма выгодный для нѣмцевъ торговый договоръ, по которому имъ было дозволено свободное плаванiе по Двинѣ. Хитрый нѣмецкій епископъ не только призналъ права Владиміра на дань, которую платили прежде туземцы, но и обязался самъ ежегодно вносить за нихъ эту дань князю. Такимъ образомъ, становясь какъ бы данникомъ полоцкаго князя, епископъ ловко устранилъ его отъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами. Спустя шесть лѣтъ, неудачливый полоцкій князь Владиміръ еще разъ выступаетъ противъ нѣмцевъ. Эсты пытались заключить союзъ съ Владиміромъ, чтобы вмѣстѣ напасть на нѣмцевъ. Полоцкій князь обѣщалъ лично идти Двиною прямо на Ригу. Онъ дѣйствительно собралъ большое ополченіе изъ Руси и латышей. Войско уже готово было къ походу; но, садясь въ ладью, князь вдругъ упалъ и внезапно умеръ (1216 г.). Все предпріятіе, конечно, разстроилось. Съ этихъ поръ князья полоцкіе уже не являются въ борьбѣ съ нѣмцами [58]). Смоленское вліяніе на полоцкія дѣла опять получаетъ силу. Доказательствомъ тому служитъ извѣстная договорная грамота Мстислава Давидовича смоленскаго, 1229 года, съ Ригою и Готландомъ. Этою грамотою смоленскій князь признаетъ Западную Двину свободною для торговыхъ судовъ на всемъ ея теченіи и въ концѣ грамоты объявляетъ договоръ обязательнымъ не только для Смоленской волости, но также для Полоцкой и Витебской. Слѣдовательно, послѣднія находились тогда въ зависимости отъ Смоленска. Но и послѣ этого встрѣчаются еще въ Полоцкѣ свои особые русскіе князья. Изъ извѣстія русской лѣтописи видно, что Александръ Невскій въ 1239 году женился на дочери полоцкаго князя Брячислава [59]). Послѣ этого прекращаются совершенно лѣтописныя извѣстія о полоцкихъ князьяхъ до начала подчиненія Полоцкой земли Литвѣ около половины XIII столѣтія, когда опять изрѣдка упоминается о нѣкоторыхъ русскихъ полоцкихъ князьяхъ, но уже подчиненныхъ литовскимъ князьямъ.

Когда такимъ образомъ угасала жизнь Полоцкаго княжества, потрясеннаго первоначально Ярославичами, вмѣстѣ съ тѣмъ дробились и ослабѣвали и другія области и княжества въ сѣверо-западной Руси, принадлежавшія самимъ Ярославичамъ. На югѣ сѣверо-западной Руси въ разное время образовались особыя области и удѣльныя княжества Турово-Пинское, Городенское и Берестейская область, которыя утратили непосредственную связь съ Кіевомъ и зависимость отъ него. Они образовались и и обособились, повидимому, благодаря обособленію и усиленію Волыни и соперничеству ея съ Кіевомъ, такъ-что впослѣдствіи князья туровскіе и городенскіе являются союзниками волынскихъ князей противъ Кіева [60]).

Княжество Туровское со времени Ярослава Мудраго и въ теченіи ста лѣтъ оставалось только частію Кіевской великокняжеской волости и переходило отъ князя къ князю въ зависимости отъ перемѣнъ въ Кіевѣ. Съ 1157 года оно дѣлается самостоятельнымъ удѣльнымъ княжествомъ со своими наслѣдственными князьями, но ограничивается въ своемъ составѣ лишь городами Туровомъ и Пинскомъ и дробится на меньшія волости, главнымъ образомъ Туровскую и Пинскую. Послѣ татарскаго нашествія, Туровъ приходитъ въ упадокъ и возвышается Пинскъ; но князья пинскіе и туровскіе, подчиняясь галицко-волынскимъ князьямъ, сохраняютъ тѣнь независимости до основанія Литовскаго государства.

По смерти Ярослава Мудраго, кіевскіе великіе князья или сами непосредственно владѣли Туровомъ, управляя имъ чрезъ посадниковъ, или сажали здѣсь своихъ сыновей и родичей въ качествѣ своихъ намѣстниковъ или соправителей. Туровомъ преемственно владѣли сначала сыновья Ярослава Мудраго, великіе князья кіевскіе Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, а потомъ внуки его Ярополкъ и Святополкъ Изяславичи и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Удерживая Туровъ подъ своею властію, Владиміръ Мономахъ учредилъ или возобновилъ здѣсь въ 1114 году епископскій престолъ и, вѣроятно, построилъ въ Туровѣ «епископскій монастырь» съ церковію свв. Бориса и Глѣба, извѣстный по сказанію о Мартинѣ, монахѣ туровскомъ. Съ 1114 года изъ туровскихъ епископовъ извѣстны: Кириллъ I, поставленный въ этомъ году, Симеонъ, Игнатій до 1144 г., Іоакимъ съ 1144 г., Георгій около 1167 года, св. Кириллъ II проповѣдникъ предъ 1169 г. и Лаврентій, упоминаемый подъ 1182 годомъ. Вообще со времени Мономаха Туровъ становится средоточіемъ христіанской жизни и христіанскаго просвѣщенія

въ краѣ. Въ Туровѣ Владиміръ Мономахъ предоставилъ жить и содержаться на средства волости вдовѣ двоюроднаго брата своего Святополка Изяславича съ малолѣтними сыновьями Изяславомъ и Брячиславомъ. Это была та греческая княжна или просто гречанка Варвара, которою принесены были въ Кіевъ мощи св. великомученицы Варвары и положены въ Кіево-Михайловской церкви Святополка. Вѣроятно этой Варварѣ († 1124 г.) принадлежитъ построеніе въ Туровѣ женскаго Варваринскаго монастыря. При св. Кириллѣ II, епископѣ туровскомъ, знаменитомъ проповѣдникѣ своего времени, была въ Туровѣ церковь или обитель св. Николая [61]). Въ XII вѣкѣ, въ епархіи Туровской, существовали въ г. Мозырѣ монастыри мужской Петропавловскій и женскій Параскевіинскій [62]). Въ селѣ Купятичахъ, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, прославилась впослѣдствіи чудотвореніями Купятичская икона Богоматери, имѣющая на себѣ надпись 1182 года [63]).

По смерти Владиміра Мономаха, Кіевомъ и Туровомъ владѣютъ преемственно сыновья его Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ и Юрій Долгорукій, стараясь утвердить оба эти княжества за своими потомками. Во время борьбы Юрія Владиміровича Долгорукаго съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевскій престолъ, въ Туровѣ были нѣкорое время князьями сыновья Юрія Андрей Боголюбскій и Борисъ Юрьевичъ. Воспользовавшись этою борьбою, правнукъ Изяслава Ярославича, единственный уцѣлѣвшій представитель старшей линіи потомства Ярослава Мудраго, изгой Юрій Ярославичъ въ 1157 году захватилъ Туровъ у Бориса Юрьевича съ твердымъ намѣреніемъ основать здѣсь для себя удѣлъ и успѣлъ удержать его въ своихъ рукахъ, не смотря на двукратную осаду его войсками великаго князя. Въ 1162 году великій князь кіевскій Ростиславъ заключилъ съ Юріемъ Ярославичемъ миръ, безъ сомнѣнія признавъ при этомъ за Юріемъ Туровъ и его волость. Съ этой поры Туровъ выдѣляется изъ Кіевской волости въ особое самостоятельное удѣльное княжество, имѣвшее перейти и къ потомству Юрія, какъ отчина. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ переворотъ былъ полезенъ для внутренняго благоустройства княжества, такъ какъ новый князь связывалъ съ Туровомъ судьбу свою и своего рода и естественно долженъ былъ поднять значеніе мѣстнаго населенія и бояръ и заботиться о лучшемъ устройствѣ своего удѣла, поновленіи и укрѣпленіи городовъ, построеніи храмовъ и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдственность удѣла въ одномъ

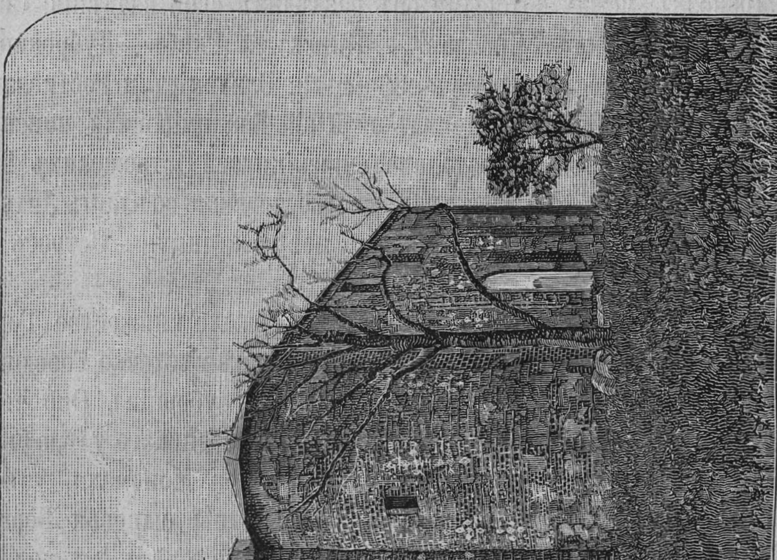
родѣ необходимо должна была привести къ раздробленію княжества между многочисленными потомками этого рода и къ ослабленію его. То и другое дѣйствительно и случилось съ Туровскимъ княжествомъ. У Юрія Ярославича было пять сыновей—Святополкъ, Ярославъ, Иванъ, Глѣбъ и Ярополкъ, между которыми онъ раздѣлилъ свои владѣнія: Святополкъ получилъ Туровъ, Ярославъ — Пинскъ и Глѣбъ—Дубровицу. Изъ потомковъ ихъ впослѣдствіи упоминаются: Владиміръ и Ростиславъ Ярославичи пинскіе; Ѳеодоръ, Демидъ и Юрій Владиміровичи пинскіе; Димитрій Юрьевичъ (1292 г.), родоначальникъ князей Острожскихъ. Вѣроятно, при немъ Пинско-Туровское княжество перешло во власть Литвы. Сынъ его Данило Дмитріевичъ имѣлъ уже новую отчину — Острогъ на Волыни [64]).

Рядомъ съ Турово-Пинскимъ княжествомъ лежало княжество Городенское съ главнымъ городомъ Городномъ, что нынѣ мѣстечко Городная, въ 60-ти верстахъ къ югу отъ Пинска (Минской губерніи). Оно тоже выдѣлилось изъ Кіевской области. Основателемъ Городенскаго удѣла былъ князь-изгой Всеволодъ Давидовичъ, зять Владиміра Мономаха, утвердившійся здѣсь въ 1116 году. Изъ рода его извѣстны сыновья Борисъ и Глѣбъ городенскіе. Въ 1183 или 1184 г. городъ погорѣлъ отъ молніи, при чемъ сгорѣла въ немъ и каменная церковь. Вскорѣ послѣ этого Городенъ переходитъ подъ власть литовскихъ князей [65]).

Образованіе и обособленіе Турово-Пинскаго и Городенскаго княжествъ въ верхнемъ теченіи р. Припети, непосредственно уменьшая и ослабляя великокняжескую волость, имѣло еще тѣ важныя послѣдствія, что преграждало или затрудняло естественный водный путь сообщенія Кіева съ городами великокняжеской волости, лежавшими на сѣверо-западъ и западъ отъ этихъ княжествъ, и ослабляло ихъ связь съ Кіевомъ. На сѣверо-западѣ нѣкоторые города, вѣроятно, достаются полочанамъ (Новгородокъ) и Литвѣ, на западѣ Берестейская область переходитъ къ Волыни.

Первоначально Берестейская земля непосредственно зависѣла отъ великаго князя кіевскаго. Въ 1101 году Ярославъ Ярополковичъ пытался захватить въ свои руки Берестье и добиться себѣ волости, но не имѣлъ успѣха. Когда же на Волыни утвердилась старшая вѣтвь Мономахова рода, въ лицѣ Мономахова внука Изяслава Мстиславича, то Берестейская область подчиняется сосѣднимъ съ нею сильнымъ волын-

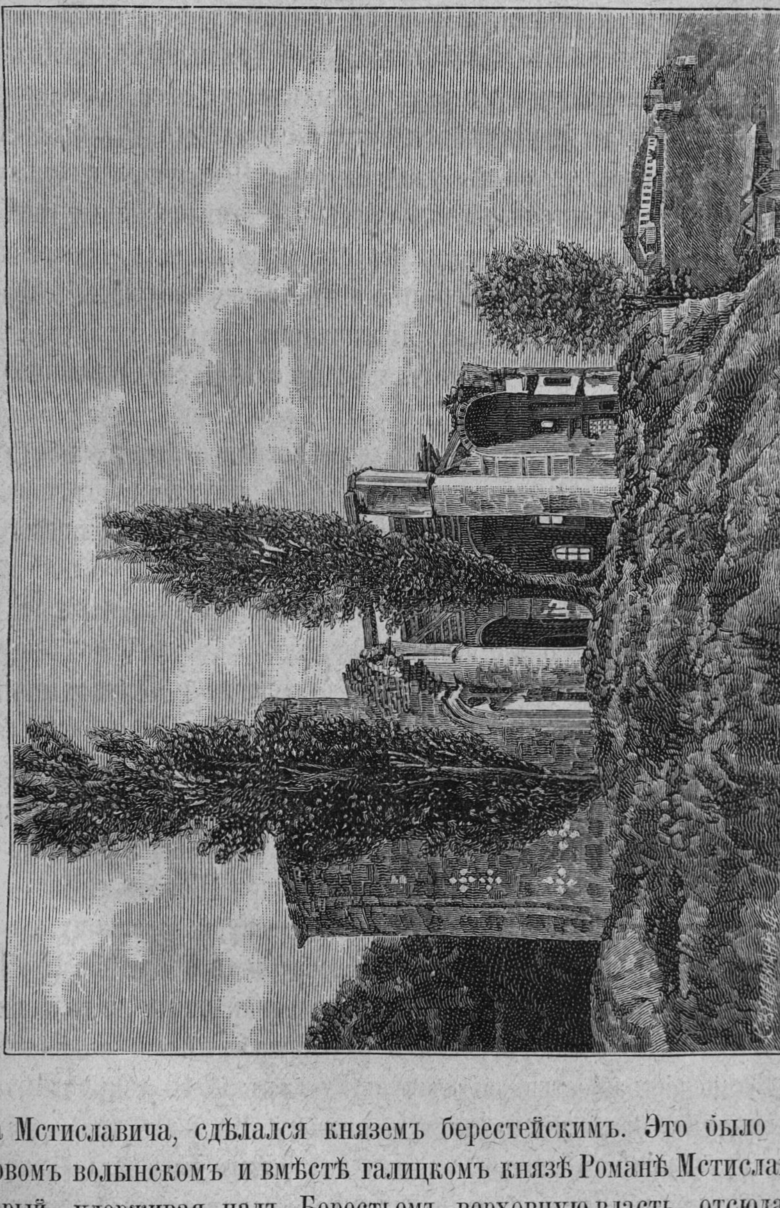
скимъ князьямъ, тѣмъ болѣе, что они заявляли притязанія и на самый Кіевъ. Какъ самъ Изяславъ Мстиславичъ, такъ и потомки его—сынъ Мстиславъ, внукъ Романъ и правнукъ Даніилъ вели постоянную борьбу

Развалины Коложской Борисоглѣбской церкви въ г. Гроднѣ.
Съ сѣверо-восточной стороны.

съ Кіевомъ и по временамъ даже владѣли имъ и слѣдовательно естественнымъ образомъ могли заявлять права и на Берестейскую землю и распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Изяславъ Мстиславичъ посадилъ въ Брестъ сначала брата своего Владиміра Мстиславича, а потомъ двою-

роднаго брата своего Владиміра Андреевича. При сынѣ Изяслава Мстиславѣ въ Берестьи сидѣлъ сынъ его Владиміръ Мстиславичъ, а въ Дрогичинѣ—племянникъ Василько Ярополчичъ, который, по смерти Владимі-

Развалины Коложской Борисоглѣбской церкви въ г. Гроднѣ.
Со стороны Нѣмана.

ра Мстиславича, сдѣлался княземъ берестейскимъ. Это было уже при новомъ волынскомъ и вмѣстѣ галицкомъ князѣ Романѣ Мстиславичѣ, который, удерживая надъ Берестьемъ верховную власть, отсюда дѣлалъ свои походы на ятвяговъ, сдерживалъ ихъ хищные набѣги на Русскую

землю и отодвигалъ ихъ далѣе на сѣверо-западъ. Слава его побѣдъ надъ ятвягами и литовцами вдохнула пѣвцу «Слова о полку Игоревѣ» слѣдующія слова: «А ты, буй Романе и Мстиславе! су суть бо у ваю желѣзныя папорзи подъ шеломами латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны: Литва, Деремела, и Половци сулици своя повергоша подъ тыи мечи харалужныя». Въ малолѣтство дѣтей Романовыхъ Даніила и Василька, Берестье, повидимому, стремится выдѣлиться со своею областью въ особый удѣлъ, и то приглашаетъ къ себѣ младшаго изъ братьевъ Василька Романовича, то опять удаляетъ его. Пользуясь смутными обстоятельствами и непостоянствомъ самихъ берестянъ, хищные сосѣди мало-по-малу начинаютъ расхищать Берестейскую волость. Краковскій князь Лешко Бѣлый захватилъ Берестье и нѣсколько забужскихъ городовъ. Конрадъ мазовецкій овладѣлъ Дрогичиномъ и, чувствуя себя не въ силахъ удержать за собою этотъ городъ, отдалъ его призваннымъ имъ рыцарямъ храмовникамъ, съ тѣмъ, чтобы они защищали его предѣлы отъ Руси и ятвяговъ. Кромѣ того, возобновились въ это время съ особенною силою набѣги ятвяговъ и Литвы, прежде всего опустошая Берестейскую область. Но, возмужавъ, братья Романовичи начинаютъ собирать Русскую землю и въ этихъ видахъ прежде всего обращаютъ свое вниманіе на Берестейскую область. Около 1220 года, вскорѣ послѣ свадьбы своей съ дочерью Мстислава Удалаго, Даніилъ безъ всякой посторонней помощи, съ братомъ только, отвоевалъ у Лешка Бѣлаго Берестье съ забужными городами и отдалъ его брату своему Васильку. Около 1236 года Даніилъ отнялъ у храмовниковъ городъ Дрогичинъ. Противъ ятвяговъ и литовцевъ братья Романовичи сперва вели преимущественно оборонительную войну, такъ какъ заняты были болѣе важными дѣлами. Въ 1226 году ятвяги повоевали около Берестья. Поэтому въ 1227 году Романовичи, идя на помощь Конраду мазовецкому, оставили въ Берестьи Владиміра пинскаго «стеречи землѣ отъ ятьвязь». Въ свою очередь и братья, особенно же Василько Романовичъ, не разъ входили въ Ятвяжскую землю, грабили и опустошали цѣлыя селенія [66]). Грозное татарское нашествіе на южную Русь въ 1240 году отвлекло силы и вниманіе братьевъ въ другую сторону. Но какъ только юго-западная Русь немного оправилась отъ татарскаго погрома,—походы русскихъ князей въ Ятвяжскую и Литовскую земли сдѣлались гораздо чаще и опустошительнѣе. Въ одинъ изъ этихъ походовъ «Данило посла

съ братомъ и съ сыномъ Романомъ люди своя, и взяста Городенъ, а сами воротистася отъ Бѣльска». Это былъ нынѣшній губернскій городъ Гродна на берегу Нѣмана и Городенки, несомнѣнно основанный какими-то русскими князьями [67]). Въ немъ и доселѣ находятся остатки древней православной Борисоглѣбской церкви XII вѣка [68]). Этими походами ятвяги были загнаны въ глубину за-Бобрянскихъ и за-Нарвскихъ болотъ и лѣсовъ: набѣги ихъ на Русь прекращаются, и они исчезаютъ изъ исторіи Руси навсегда. Что же касается сосѣднихъ съ ятвягами литовцевъ, то они объединяются теперь въ одинъ народъ и въ одно государство и начинаютъ захватывать сосѣднія русскія земли. При Даніилѣ и Василькѣ Романовичахъ перевѣсъ былъ на сторонѣ русскихъ князей. Послѣ обоюднаго опустошенія земель, литовскій князь Мендовгъ просилъ у Даніила Романовича мира. Шварнъ Даниловичъ женился на дочери Мендовга, а Романъ Даниловичъ получилъ въ удѣлъ Понѣманье, впрочемъ въ зависимости отъ Мендовга, но правилъ здѣсь очень недолго. По смерти же Даніила и Василька Романовичей Литва беретъ явный перевѣсъ надъ галицко-волынскими князьями.

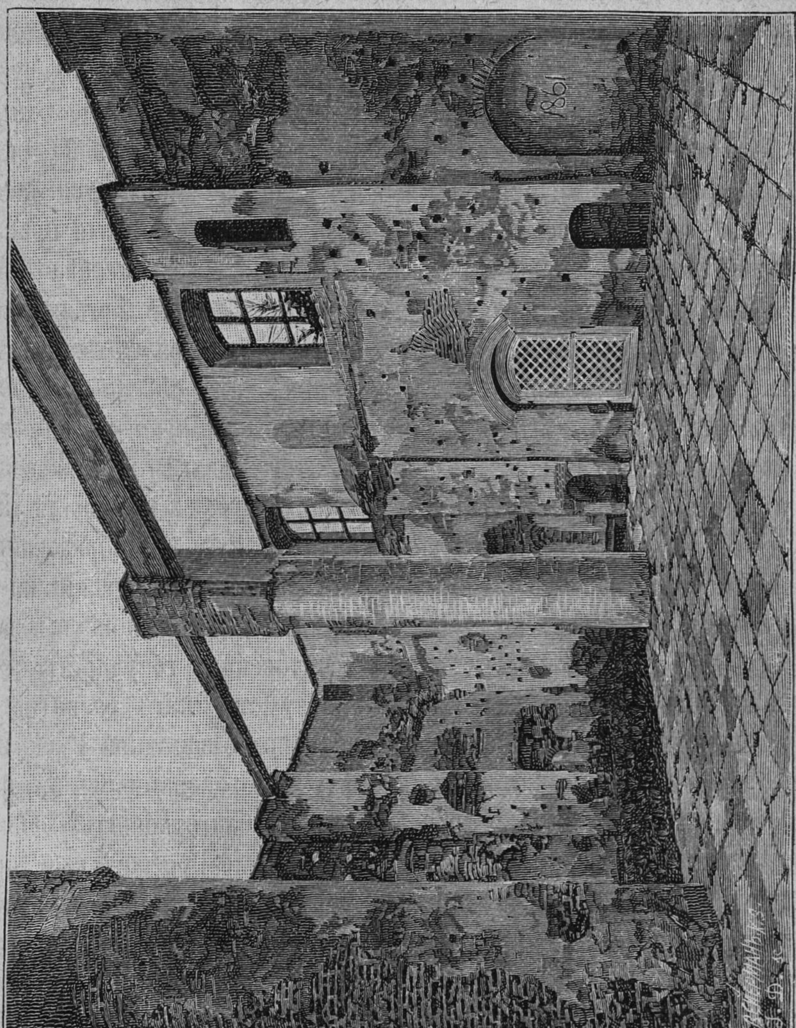
Со смертію Даніила и Василька Романовичей, начинается раздѣленіе Галицко-Волынской земли на удѣлы и рознь въ потомствѣ Романа Мстиславича. Волынь съ Берестейскою областью, почти въ цѣломъ ея объемѣ, досталась по наслѣдству сыну Василька Романовича, Владиміру, тогда какъ остальныя области Галицкаго княжества съ Забужьемъ раздѣлены были между сыновьями Даніила Львомъ, Шварномъ и Мстиславомъ, между которыми старѣйшимъ былъ завистливый, жадный и неразборчивый на средства Левъ Даниловичъ; но первенствующее значеніе между ними, по прекраснымъ качествамъ ума и сердца, удерживалъ Владиміръ Васильковичъ. Сначала Левъ Даниловичъ жилъ въ большой дружбѣ съ однимъ изъ преемниковъ Мендовга, литовскимъ княземъ Тройденомъ, а потомъ разсорился съ нимъ. Тогда Левъ призвалъ на помощь татаръ, въ первый разъ подавъ имъ поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Романовичей, и вмѣстѣ съ Романовичами и другими русскими князьями предпринялъ походъ на Литву и напалъ на Новгородокъ, но успѣлъ взять только «окольный городъ». Черезъ нѣсколько времени опять произошло столкновеніе съ Литвой. Часть пруссовъ, литовскаго племени, тѣснимая на родинѣ рыцарями, переселилась съ позволенія Тройдена на югъ и получила на жительство Слонимскую и

Гроденскую земли. Появленіе новыхъ воинственныхъ сосѣдей и общая отъ нихъ опасность соединили Романовичей, и Владиміръ Васильковичъ, вмѣстѣ съ Львомъ Даниловичемъ, отправились и захватили Слонимъ, литовцы пограбили окрестности Каменца, а Владиміръ—Турійскъ и села по Нѣману. Затѣмъ они помирились, но Владиміръ сейчасъ же началъ укрѣплять свои границы съ этой стороны и положилъ начало городу Каменцу на Леснѣ, основанному въ 1285 году, и укрѣпилъ его каменнымъ столбомъ или башнею [69]). Узнавъ о томъ, что русскіе князья помирились съ литовцами, татарскій ханъ Ногай снова ихъ поссорилъ, предложивъ Романовичамъ свою помощь въ борьбѣ съ литовцами. Князьямъ волей-неволей пришлось идти воевать Литву. Походъ окончился разграбленіемъ татарами Новгородка и осадой Городна.

Вообще, пока былъ живъ Владиміръ Васильковичъ,—онъ не только отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдей на русскія земли и наказывалъ ихъ за эти набѣги, но и поддерживалъ единодушіе между Романовичами и заботился укрѣпить юго-западную Русь какъ построеніемъ и возстановленіемъ крѣпостей, такъ и христіанскимъ просвѣщеніемъ. Построивъ новый городъ Каменецъ на Леснѣ, Владиміръ укрѣпилъ также старый городъ Берестье [70]), и въ первомъ изъ нихъ построилъ храмъ Благовѣщенія, а во второмъ—храмъ св. Петра. Онъ созидалъ церкви и въ другихъ городахъ и, можетъ быть, въ Бѣльскѣ, посылалъ въ нихъ драгоцѣнную утварь и украшенія, самъ переписывалъ «евангелія и раздавалъ ихъ церквамъ, стараясь развить также торговлю въ своихъ владѣніяхъ [71]). Ему же приписываютъ основаніе Кобринскаго Спасскаго монастыря [72]). Но, по смерти Владиміра Васильковича, умершаго бездѣтнымъ, Галицко-Волынское княжество начинаетъ быстро клониться къ упадку. Хотя Юрій I Львовичъ, послѣ смерти своего отца, въ 1301 году, объединилъ въ своихъ рукахъ Галицкую землю и Волынь и даже принялъ королевскій титулъ, но при немъ же началось и распаденіе его государства и расхищеніе его сосѣдями. Въ 1315 году произошло столкновеніе между Юріемъ и братомъ великаго князя литовскаго Витеня Гедиминомъ. Гедиминъ одержалъ верхъ, захватилъ Берестье и Дрогичинъ и овладѣлъ Берестейскою землею [73]).

Такимъ образомъ, создавъ государственное единство, славяно-русскія племена вскорѣ затѣмъ снова распались на составныя свои части, чтобы сосредоточиться въ себѣ самихъ и заняться внутреннимъ своимъ

благоустройствомъ и развитіемъ гражданственности на православно-христіанскихъ основаніяхъ. Дальнѣйшее усвоеніе этихъ основаній и жизненный историческій опытъ должны были повести къ осуществленію на дѣлѣ православно-христіанскихъ понятій о единствѣ, величіи, святости

Развалины Коложской Борисоглѣбской церкви въ г. Гроднѣ.
Внутренняя часть съ юго-западной стороны.

и неприкосновенности верховной государственной власти и къ сознательному, внутреннему объединенію всѣхъ русскихъ земель подъ властію одного государя. Къ этому, дѣйствительно, и направлялся естественный ходъ событій русской исторіи. Послѣ смутнаго и тревожнаго вре-

мени раздѣленія Руси на удѣлы, княжескихъ междоусобій и упадка Кіева, на двухъ противоположныхъ концахъ Русской земли, на юго-западѣ въ Галицко-Волынской землѣ, и на сѣверѣ въ землѣ Суздальско-Владимірской, образуются два ядра русской государственной жизни, которыя притягиваютъ къ себѣ сосѣдніе мелкіе удѣлы и земли, и наконецъ ясно обрисовывается преобладающее, господствующее значеніе Суздальской земли, стремившейся къ объединенію и сплоченію уже всѣхъ русскихъ земель въ одно прочное государственное цѣлое. Одинъ изъ первыхъ основателей могущества Суздальско-Владимірской земли Андрей Боголюбскій, оставаясь на сѣверѣ Россіи, распоряжается древнею столицею Русскаго государства, Кіевомъ, и даетъ властныя приказанія князьямъ сѣверо-западной Руси. Поднявшись на Мстислава Изяславича волынскаго, занявшаго Кіевскій престолъ, Андрей Боголюбскій ведетъ съ собою родственниковъ Мстиславовыхъ, князей смоленскихъ, и приказываетъ подняться, вмѣстѣ съ нимъ, князьямъ сѣверо-западной Руси полоцкимъ, туровскимъ, пинскимъ и городенскимъ, — и они не осмѣливаются ослушаться его [74]). Упроченію этого новаго государственнаго порядка или единодержавія въ сѣверо-западной Руси помѣшали татарское нашествіе, опустошившее юго-западную Русь, и образованіе Литовскаго государства, покорившаго себѣ разрозненныя русскія племена сѣверо-западной Руси, но не въ состояніи были остановить и заглушить его навсегда. Войдя въ составъ Литовскаго государства съ крѣпкими задатками народнаго самосознанія, умственнаго развитія и гражданственности, славяно-русскія племена сѣверо-западной Руси не только не затерлись и не потерялись между необразованнымъ литовскимъ населеніемъ, но и воздѣйствовали на него благотворнымъ образомъ и содѣйствовали развитію могущества Литовско-Русскаго государства, которое спасло сѣверо-западную Русь отъ тѣхъ ужасовъ татарскихъ опустошеній, какіе испытывала Русь юго-западная и отчасти сѣверная. Когда же это Литовско-Русское государство уклонилось съ прямаго пути своего и вошло въ противоестественный государственный союзъ съ иновѣрною и нетерпѣвшею у себя другихъ вѣръ Польшею, — то русское населеніе этого государства устремляетъ свои взоры на сѣверъ Россіи, гдѣ окончательно выработалось уже къ тому времени государственное средоточіе Русской земли, и сознательно и дѣятельно стремится къ нему.

Глава вторая.

Литва, образованіе Литовско-Русскаго государства и развитіе его до перваго соединенія съ Польшей въ 1386 году.

Литовское племя, первоначальное разселеніе его вѣтвей, сосѣдство съ русскими и поляками и историческая связь съ ними и зависимость отъ нихъ.—Причины и начатки образованія и усиленія Литовско-Русскаго государства.—Мендовгъ, какъ основатель государственнаго единства Литвы; внутреннія возстанія; отношенія къ галицко-волынскимъ князьямъ, Ливонскому ордену и Жмуди.—Смерть Мендовга отъ заговорщиковъ и распри между ними за великокняжескій престолъ; Воишелкъ и Шварнъ; неурядицы по смерти ихъ.—Князь Тройденъ.—Основаніе Гедиминова дома: Лютуверъ, сыновья его Витень и Гедиминъ.—Покровительство Гедимина русской народности и родственныя связи съ домомъ св. Владиміра; присоединеніе къ Литвѣ русскихъ областей; границы государства при Гедиминѣ; вѣротерпимость его, основаніе Вильны и обрусеніе ея; столкновенія съ Ливонскимъ и Тевтонскимъ орденами; смерть Гедимина.—Сыновья его и раздѣленіе государства на удѣлы; Ольгердъ и Кейстутъ и вокняженіе Ольгерда; борьба ихъ съ крестоносцами и подвиги Кейстута.—Восточныя дѣла Ольгерда и отношенія его къ Руси: пріобрѣтеніе русскихъ земель; покровительство русской народности и вѣрѣ, построеніе православныхъ храмовъ и монастырей, виленскіе мученики; православіе дѣтей и родственниковъ Ольгерда; попытка его основать особую литовскую митрополію; кончина Ольгерда.—Общее православно-русское направленіе жизни въ государствѣ; поворотъ Ягайла въ другую сторону.

ПЛЕМЯ литовское, состоявшее изъ многихъ разноплеменныхъ народцевъ, первоначально обитало на Балтійскомъ поморьи, между устьями Вислы и Западной Двины. Вглубь материка литовцы врѣзываются клиномъ между славянъ, занимая нижнюю половину области Западной Двины по обѣимъ ея сторонамъ, почти всю область Нѣмана и достигая крайними западными поселеніями до низовья Вислы и южными—до средняго теченія Западнаго Буга.

Серединное положеніе между литовскими народцами занимала область нижняго и средняго теченія Нѣмана съ его правыми притоками Дубиссой, Невяжей и Виліей. Принѣманская Литва дѣлилась на верхнюю Аукстоте или собственно Литву, жившую на среднемъ Нѣманѣ и Виліи, и на нижнюю Жомойтъ или Жмудь (по-латыни Самогитію), обитавшую въ приморскомъ краѣ между низовьями Нѣмана и Виндавой. По языку верхняя литва и жмудь составляли одну и ту же вѣтвь литовской семьи. Народцы, жившіе далѣе къ сѣверу, составляли другую вѣтвь этой семьи, латышскую или леттскую, хотя названіе ея есть видоизмѣненіе того же имени Литва. Къ этой вѣтви принадлежали: корсь или куроны, занимавшіе уголъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ; Жемгала или Зимгола (по-латыни Семигаллія) къ востоку отъ корси на лѣвой сторонѣ Двины; летьгола или собственно латыши, на правой ея сторонѣ до рѣки Аа и далѣе, на пограничьи съ финскими народцами. На западъ отъ принѣманской Литвы жила третья вѣтвь литовской семьи, прусская, которая занимала низменную полосу отъ нижняго Нѣмана и верхняго Прегеля до нижней Вислы, въ нынѣшней Пруссіи. Съ юга къ нѣманской Литвѣ и Пруссамъ примыкалъ народъ, который, по всѣмъ признакамъ, можно считать четвертою вѣтвію литовскаго семейства: это—ятвяги. Они занимали область глухихъ непроходимыхъ пущъ, орошаемыхъ правыми притоками Западнаго Буга и лѣвыми Нѣмана, и по своему положенію врѣзывались узкимъ и длиннымъ клиномъ между польскимъ племенемъ мазовшанами и русскимъ— дреговичами и достигали до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княжества.

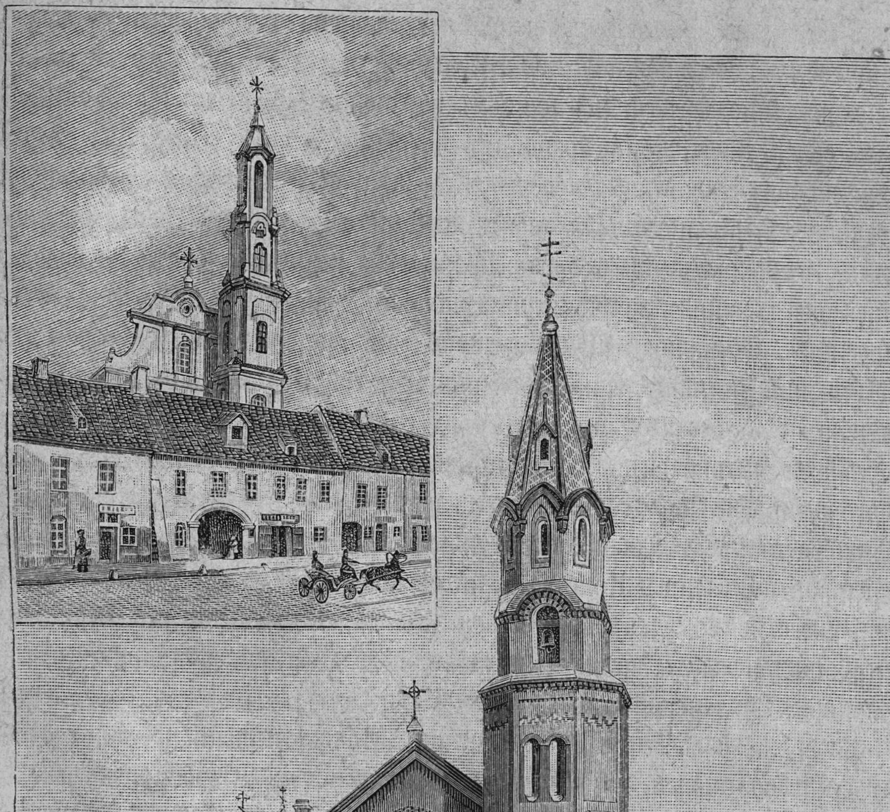
За исключеніемъ небольшаго пространства у устьевъ Западной Двины, гдѣ литовцы соприкасались съ финскимъ племенемъ, ливами,— на всемъ остальномъ протяженіи своихъ границъ литовское племя было сопредѣльно со славянами: на юговосточной границѣ съ русскими племенами кривичей, дреговичей и отчасти волынянъ; на югозападной съ польскими мазовшанами и поморянами. А такое сосѣдство литовскаго племени съ славянами, при сравнительной малочисленности этого племени и меньшей степени развитія гражданственности, должно было поставить судьбу литовцевъ въ зависимость отъ исторической судьбы славянъ и ввести ихъ, раньше или позже, въ теченіе жизни славянскаго міра [75]). И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ исторіи Руси и

Польши, славяне и литовцы вступаютъ во взаимныя отношенія между собою и воздѣйствуютъ одни на другихъ, при чемъ перевѣсъ остается на сторонѣ славянъ. Сначала славяне берутъ явный перевѣсъ надъ Литвою: два литовскіе народа, ятвяги и голядь, жившіе по нижнему теченію Западнаго Буга и по р. Протвѣ, къ половинѣ XII вѣка, поглощены были отчасти русскими, отчасти поляками, а латыши или летты и литва,—въ собственномъ смыслѣ, очень рано стали подчиняться русской власти и гражданственности. Съ конца XII и особенно съ половины XIII вѣка, повидимому, наступаетъ перемѣна во взаимномъ положеніи славянскихъ и литовскихъ племенъ. Въ это время быстро складывается и усиливается Литовское государство и распространяетъ свое владычество вглубь полоцкихъ и волынскихъ земель, подступая въ своихъ набѣгахъ даже къ самому Кіеву. Но это недолговѣчное государство образовалось и усилилось только благодаря дѣятельному участію въ его созданіи русскихъ племенъ и все болѣе и болѣе принимало славяно-русскій характеръ.

Причины образованія и усиленія Литовско-Русскаго государства заключались какъ во внутреннемъ характерѣ и государственномъ бытѣ литовскихъ и русскихъ племенъ, такъ и во внѣшнемъ давленіи на нихъ со стороны другихъ народовъ.

До половины XIII столѣтія литовское племя не имѣло городовъ и князей и не составляло государства. Оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой государственной связи другъ съ другомъ. Народы литовскіе объединялись только единствомъ происхожденія, языка и быта, тождествомъ преданій и языческой вѣры, общими для всего племени святилищами и общимъ сословіемъ жрецовъ, состоявшихъ подъ управленіемъ одного верховнаго жреца Криве-Кривейта [76]). Бѣдность и дикость Литвы побуждала ее иногда предпринимать мелкіе набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т. е. Русь и Польшу. Но эти страны уже вышли изъ того полудикаго состоянія, въ какомъ оставалась Литва, уже развили свой государственный бытъ и свою гражданственность на христіанской основѣ, и потому естественно берутъ верхъ надъ Литвою, если не всегда въ военномъ, то непремѣнно въ гражданскомъ отношеніи, волей-неволей возвышая ее до своего уровня. По свидѣтельству русской начальной лѣтописи, уже св. Владиміръ и сынъ его Ярославъ

Мудрый ходили на Ятвяговъ и на Литву, оттѣсняли ихъ далѣе на сѣверо-западъ и водворяли въ покоренныхъ земляхъ христіанство и гражданственность. Съ тѣхъ поръ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Руси съ Литвою повторяются чаще и чаще. Русскія дружины проникали вглубь литовскихъ земель и брали съ нихъ дань скотомъ, челядью, звѣриными шкурами, а съ бѣднѣйшихъ жителей, по сомнительному свидѣтельству польскаго лѣтописца, будто-бы собирали дань лыками и вѣниками. По раздѣленіи Руси на удѣлы, борьбу съ Литвою вели преимущественно князья волынскіе и полоцкіе. Изъ волынскихъ князей, какъ извѣстно, прославились въ этой борьбѣ особенно Романъ Мстиславичъ, потомъ сыновья его Даніилъ и Василько и внукъ Владиміръ Васильковичъ. Не такъ успѣшно велась она со стороны полоцкихъ князей. Хотя кривскіе торговцы и поселенцы продолжали проникать въ литовскія земли, но сама Полоцкая земля, ослабляемая недостаткомъ прочной единой власти, раздробленіемъ Полоцкаго княжества на мелкіе удѣлы и внутреннею борьбою князей и удѣловъ между собою, во второй половинѣ XII вѣка уже много терпѣла отъ литовскихъ набѣговъ и разореній [77]). Литовцы, безпрестанно призываемые русскими князьями на помощь среди ихъ взаимныхъ междоусобій, начинаютъ все чаще и чаще появляться въ Полоцкой Руси то какъ союзники, то какъ враги отдѣльныхъ князей. Во второй половинѣ XII вѣка князь городецкій Володарь Глѣбовичъ, опираясь на тѣсный союзъ съ сосѣдними литовскими волостями, наводитъ грозу на своихъ родственниковъ. Въ ополченіи противника его Всеслава Васильковича въ 1180 году «бяхуть (были) и Либь и Литва». Неизвѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ князь Всеволодъ изъ Герсики не только состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ литовцами, но женился на дочери литовскаго вождя Дангеруте и признавалъ себя въ извѣстной отъ него зависимости. Такимъ образомъ литовцы постепенно втягиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ и военнымъ искусствомъ русскихъ, свыкаются съ мыслью о ея слабости и внутреннемъ неустройствѣ. Съ конца XII вѣка они уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междоусобіяхъ, но предпринимаютъ походы на Русь съ цѣлью пріобрѣтенія военной добычи, а затѣмъ и съ цѣлью захвата земель. Уже въ концѣ XII вѣка пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», сообщая извѣстіе о неизвѣстномъ по лѣтописямъ городецкомъ князѣ Изяславѣ Васильковичѣ, погибшемъ въ

Виленская церковь въ честь перенесенія мощей св. Николая чудотворца.

(До 1864 года и въ настоящее время).

борьбѣ съ Литвою, въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ современное ему печальное положеніе Полоцкой земли: «Двина мутно течетъ у полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой Литвы. Одинъ только Изяславъ сынъ Васильковъ позвонилъ острыми мечами о шеломы литовскіе, соревнуя славѣ дѣда своего, Всеслава; но и самъ онъ лежитъ на кровавой муравѣ подъ червлеными щитами, изрубленный мечами литовскими. Не было съ нимъ брата Брячислава и другаго брата Всеволода; одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье». Съ начала XIII вѣка нападенія литовцевъ на Русь все дѣлаются чаще и чаще. Они не ограничиваются Полоцкою землею, но по временамъ достигаютъ и другихъ русскихъ земель, лежавшихъ за ея предѣлами: литовскіе набѣги опустошаютъ земли Туровскія, Волынскія. Новгородскія и Смоленскія, и въ половинѣ XIII столѣтія литовцы появляются въ предѣлахъ Кіевскаго княжества. Встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны Волыни и Новгорода, литовскіе набѣги могли тѣмъ не менѣе безпрепятственно распространяться въ другихъ областяхъ Руси, не успѣвшихъ создать крѣпкой внутренней власти, какъ напримѣръ, въ Полоцкой, Смоленской или Кіевской [78]).

Во время борьбы съ Русью мелкіе литовскіе князья начали соединяться и составлять союзы для общаго дѣйствія. Особенно подобные союзы выступаютъ противъ сильныхъ князей волынскихъ. По смерти своей грозы, Романа Мстиславича, князья литовскіе вошли въ переговоры съ его женою и сыновьями и прислали посольство для заключенія мира. По этому поводу волынскій лѣтописецъ сообщаетъ цѣлый рядъ ихъ именъ, называя старѣйшаго между ними Живибундомъ. Подобные союзы, съ старѣйшимъ княземъ во главѣ, естественно вели къ собиранію литовскихъ родовъ и племенъ въ одно государственное цѣлое и пролагали путь единодержавію. Послѣднее явленіе было ускорено новою опасностію, которая стала угрожать литовской вѣрѣ и независимости со стороны двухъ нѣмецкихъ военно-монашескихъ общинъ или рыцарскихъ орденовъ Ливонскаго и Тевтонскаго.

Около половины XII вѣка нѣмецкіе купцы изъ Бремена начали посѣщать нижнее теченіе Западной Двины и торговать съ прибрежными ливами, а вслѣдъ за купцами явились и нѣмецкіе проповѣдники, съ цѣлію распространенія католичества между язычниками. Между нѣмецкими проповѣдниками здѣсь первое мѣсто, если не по времени, то по

успѣху, принадлежитъ монаху Мейнгарду. Весною 1186 года онъ приплылъ на купеческомъ суднѣ въ Двину и высадился верстахъ въ 35 отъ ея устья, на правомъ берегу въ ливонскомъ селеніи Икескола (Икскуль), гдѣ нѣмецкіе купцы успѣли уже построить свой дворъ для склада товаровъ, и, съ позволенія полоцкаго князя, сталъ обращать язычниковъ въ христіанство. Но, замѣтивъ властолюбивыя стремленія нѣмецкихъ поселенцевъ и проповѣдниковъ, литовское племя ливовъ изгоняетъ тѣхъ и другихъ, а принявшіе католичество смываютъ крещеніе въ Западной Двинѣ, какъ бы отправляя его назадъ въ Германію. Этимъ литовскія племена навлекаютъ на себя новую грозу, и въ самомъ началѣ XIII вѣка (1200 г.) является у устьевъ Двины нѣмецкое ополченіе съ епископомъ Альбертомъ Буксгевденомъ во главѣ, который въ 1201 году основываетъ на устьяхъ Двины городъ Ригу и, съ разрѣшенія папы, учреждаетъ въ Ливоніи монашескій рыцарскій орденъ меченосцевъ для борьбы съ туземными язычниками. Огнемъ и мечемъ начинаютъ утверждать католичество нѣмецкіе рыцари въ землѣ ливовъ, латышей, жемгалы и куроновъ. Въ непродолжительное время они покоряютъ себѣ страну, порабощаютъ туземцевъ какъ литовскаго, такъ и финскаго племенъ, строятъ укрѣпленные замки въ Крейцбургѣ, Волькенбергѣ, Динабургѣ, Люцинѣ, Рѣжицѣ, Маріенгаузенѣ и другихъ мѣстахъ, и образуютъ рыцарско-монашеское государство, распространивъ его отъ сѣверныхъ границъ нынѣшней Ковенской губерніи до псковскихъ предѣловъ и Финскаго залива.

Почти одновременно съ Ливонскимъ орденомъ, въ началѣ XIII вѣка утвердился между пруссами другой нѣмецкій орденъ, приглашенный сюда мазовецкимъ княземъ Конрадомъ. Не имѣя мужества и силъ отбиваться отъ нападеній пруссовъ, недальновидный Конрадъ въ 1225 году рѣшилъ призвать, для укрощенія свирѣпыхъ сосѣдей, тевтонскій рыцарскій орденъ храмовниковъ, недавно передъ тѣмъ выгнанный изъ Палестины. Тевтонскіе рыцари явились сюда въ 1228 году и, выговоривъ себѣ разныя права и преимущества, немедленно начали завоеваніе и насильственное крещеніе Пруссіи съ помощью сосѣднихъ католическихъ государей, приводившихъ сюда крестоносныя дружины, особенно съ помощію славянскихъ князей Польши и Поморья. Во время упорной, долгой, но неравной борьбы, пруссы частію переселяются далѣе на юго-

востокъ, частію гибнутъ, а частію сливаются съ побѣдителями, передавъ лишь свое имя нынѣшней Пруссіи [79]).

Въ 1237 году оба ордена, Ливонскій и Тевтонскій, подаютъ другъ другу руку и заключаютъ тѣсный союзъ для совмѣстной борьбы съ сосѣдями, преимущественно съ остававшимися еще литовскими племенами. Теперь очередь дошла до Жмуди и Верхней Литвы, къ которымъ съ двухъ сторонъ придвинулись соединенныя силы двухъ нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ и вели съ ними упорную и продолжительную борьбу въ теченіи почти 200 лѣтъ. Не смотря однако на превосходство вооруженія рыцарей, Жмудь и Верхняя Литва съумѣли не только отстоять право на собственное существованіе, но и заслонить собою Русь и Польшу и спасти ихъ отъ нѣмецкаго ига. Занимая пространство между обоими орденами, Русь и Литва не дали имъ возможности соединиться въ одну обширную нѣмецкую державу, захватить весь Прибалтійскій край и распространить свое владычество вглубь Россіи и Польши [80]).

Могущественными средствами въ борьбѣ съ нѣмецкими рыцарями у Жмуди и Литвы были съ одной стороны объединеніе государственной власти, а съ другой — завоеваніе Литвою русскихъ областей и усиленіе насчетъ ихъ.

Подъ вліяніемъ постоянныхъ военныхъ столкновеній, въ Литвѣ начинаетъ усиливаться значеніе отдѣльныхъ воинственныхъ родоначальниковъ, предводителей или князей, которые подчиняютъ себѣ остальныхъ и стремятся къ единодержавію. Вслѣдствіе этого Литва крѣпнетъ, даетъ чувствительный отпоръ рыцарскимъ орденамъ и постепенно распространяетъ свое владычество вглубь полоцкихъ и волынскихъ земель. То силою оружія, то родственными связями съ русскими князьями и принятіемъ православія сосѣдніе литовскіе вожди водворялись въ русскихъ областяхъ и, подчиняясь русской гражданственности, начинали новое, смѣшанное поколѣніе литовско-русскихъ князей. Возвышенію Литвы насчетъ сосѣднихъ русскихъ областей немало содѣйствовалъ и постигшій послѣдняя татарскій погромъ. Во время этого погрома и усилились преимущественно литовскіе набѣги на русскія земли. Не ограничиваясь добычею и плѣнными, многочисленные литовскіе вожди устремились въ раззоренныя земли и начали захватывать ихъ въ свои руки.

Уже предъ самымъ нашествіемъ Батыя многіе литовскіе вожди успѣли захватить разныя области полоцкихъ, туровскихъ и смоленскихъ

княженій и утвердились въ нихъ въ качествѣ самостоятельныхъ князей. По смутнымъ и сбивчивымъ литовскимъ преданіямъ, — современникъ Батыя, Ердивилъ, сынъ Монтвила, имѣвшій владѣнія въ Жмуди, предпринявъ походъ на пограничныя русскія земли, завладѣлъ такъ называемою Черною Русью, городами Городномъ (нынѣ Гродною), Берестьемъ,

Великій князь литовскій Ольгердъ (Александръ) Гедиминовичъ.

Мельникомъ, Дрогичиномъ, и подчинилъ себѣ пограничныхъ съ этою Русью литовскихъ вождей. Въ то же время другой литовскій вождь Мингайло предпринялъ походъ на Полоцкъ, въ которомъ тогда не было князя, «и мужи полочане вѣчемъ ся справляли, какъ великій Новгородъ и Псковъ». Мингайло успѣлъ весьма легко одолѣть полочанъ и основалъ въ ихъ городѣ другое Литовское княжество. Наконецъ, третій литовскій вождь Скирмунтъ, одержавъ побѣду надъ туровскимъ княземъ Мстисла-

вомъ, овладѣлъ Туровомъ, Пинскомъ и Мозыремъ и основалъ Литовское княжество въ области Припети. Ему преданіе приписываетъ первую побѣду, одержанную на Руси надъ монголами: во главѣ литовскихъ и русскихъ ополченій, онъ поразилъ у Кайданова ханскаго темника и не допустилъ монголовъ брать дань въ своемъ княжествѣ. По свѣдѣніямъ русскихъ лѣтописей, въ 1239 году неизвѣстный по имени литвинъ княжилъ въ Смоленскѣ, откуда изгнанъ былъ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Но истиннымъ основателемъ государственнаго объединенія Литвы и сосѣдней съ нею Руси подъ однимъ княжескимъ домомъ былъ литовскій князь Мендовгъ, сынъ Рингольта.

По литовскимъ преданіямъ, отецъ Мендовга Рингольтъ, сынъ Альгимунта, владѣвшій первоначально Керновскою волостью въ собственной Литвѣ, одержалъ побѣду надъ друтскимъ княземъ Димитріемъ и его союзниками и овладѣлъ Новогродкомъ. Сынъ Рингольта Мендовгъ, получивъ въ наслѣдство Керново-Новогродскую волость, не довольствуясь ею, стремился соединить подъ своею властію многочисленные удѣлы всей Кривичской земли и создать изъ нихъ обширное Литовско-Русское государство. Изъ разсказа Волынской лѣтописи о походѣ Даніила на Мендовга въ 1252—1253 гг. видно, что къ новогродскому княженію принадлежали тогда города Волковыскъ, Слонимъ, Здитовъ и Гродна, и что пинскіе князья признавали надъ собою верховную власть Мендовга. Еще раньше племянники Мендовга, подъ его руководствомъ, утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ и землѣ Смоленской [81]).

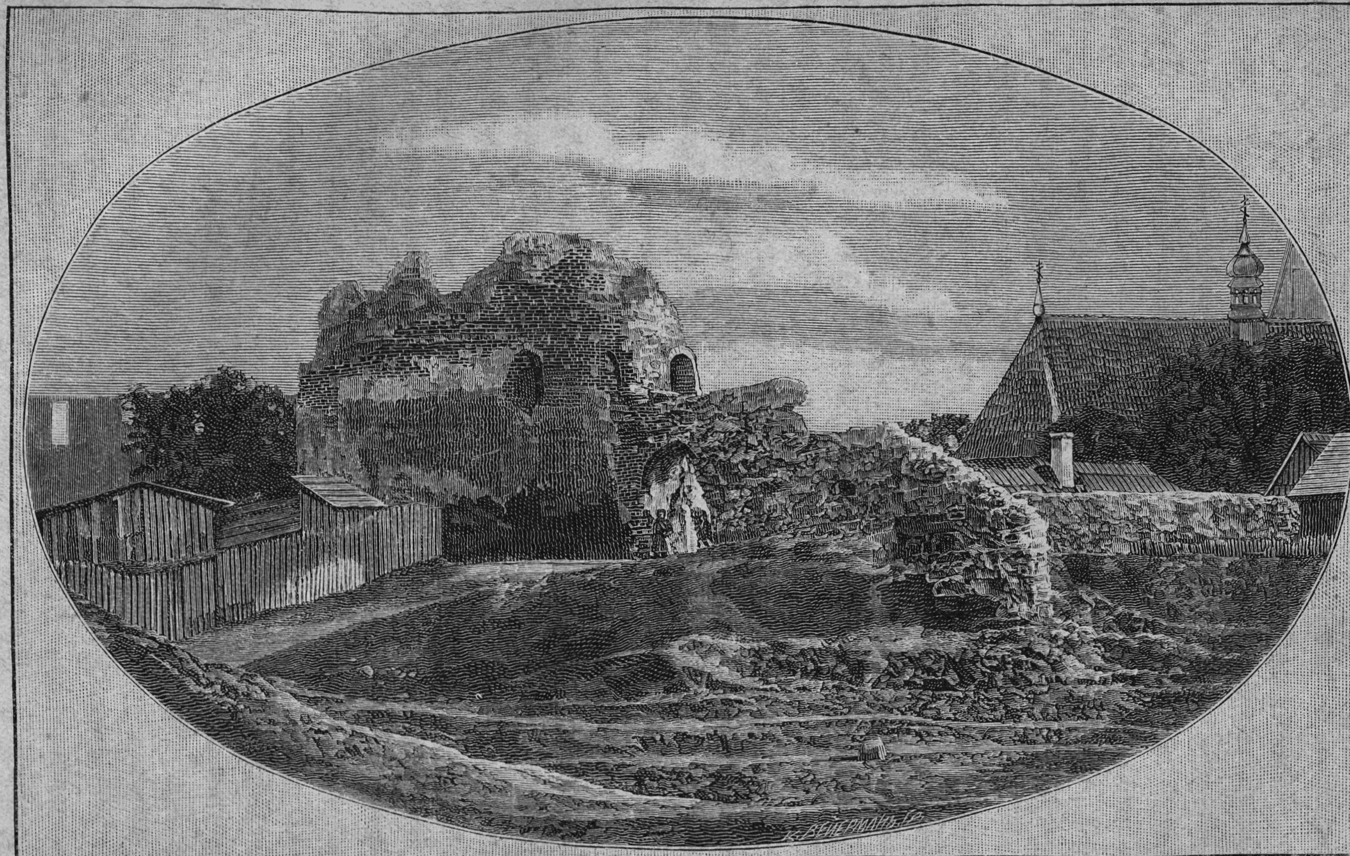
Способы, какіе употреблялъ Мендовгъ въ дѣлѣ объединенія Литовско-Русскаго государства подъ своею властію, состояли въ томъ, что онъ посредствомъ Литвы удерживалъ и пріобрѣталъ русскія земли, а опираясь на ополченія своихъ русскихъ областей, подчинялъ себѣ разрозненныя мелкія литовскія владѣнія. По свидѣтельству Густынской лѣтописи, Мендовгъ даже принялъ будто бы въ 1246 г. «вѣру христіанскую отъ востока со многими своими бояры».

Съ теченіемъ времени разрозненныя составныя части возникавшаго государства, Литва и Русь, должны были слиться одна съ другою внутренно; но на первыхъ порахъ онѣ тянули врознь и стремились къ обособленію, къ отдѣленію одна отъ другой. Уже при самомъ Мендовгѣ племянники его, вокняжившіеся подъ его рукою въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Смоленской области, попытались отложиться отъ него и за то были

изгнаны имъ изъ русскихъ удѣловъ и лишены принадлежавшихъ имъ литовскихъ волостей. Изгнанные князья искали защиты противъ Мендовга и внутри, и внѣ его государства. Товтивилъ полоцкій, шуринъ Даніила Романовича, призвалъ на помощь себѣ этого могущественнаго князя съ братомъ его Василькомъ и, принявъ въ Ригѣ крещеніе, поднялъ на Мендовга Ливонскій орденъ. Въ то же время ятвяги и жмудь, желая поддержать старину, возстали противъ Мендовга подъ руководствомъ двухъ другихъ его противниковъ, Едивида и Выкинта. Такимъ образомъ противъ Мендовга составился грозный союзъ, въ которомъ главное участіе приняли галицко-волынскіе князья Даніилъ и Василько Романовичи, съ безпокойствомъ смотрѣвшіе на возраставшее могущество Литвы, и Ливонскій орденъ. Положеніе Мендовга оказалось весьма затруднительнымъ. Но въ этихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ онъ обнаружилъ замѣчательную находчивость и путемъ переговоровъ успѣлъ спасти начатое имъ дѣло объединенія Литовскаго государства. Послѣ долгихъ усилій, ему удалось замирить сильнѣйшаго изъ противниковъ—галицкаго князя, возвративъ его шурину Товтивилу Полоцкій престолъ и уступивъ Даніилу всѣ захваченныя Мендовгомъ русскія земли. По договору, заключенному въ 1255 году между сыномъ Мендовга, Воишелкомъ, и Даніиломъ Романовичемъ, вся такъ называемая Черная Русь—Новгородокъ литовскій, Слонимъ, Волковыскъ «и вси городы» переданы были Роману Даниловичу, признавшему надъ собою власть Мендовга по отношенію къ этимъ землямъ. Договоръ этотъ скрѣпленъ былъ бракомъ Шварна Даниловича съ дочерью Мендовга и по своимъ послѣдствіямъ выгоднѣе былъ для литовскаго князя, чѣмъ для Даніила Романовича. Съ Ливонскимъ орденомъ Мендовгъ заключилъ мирный договоръ еще раньше, заявивъ готовность принять крещеніе по латинскому обряду и уступивъ ордену разные округи Литвы и Жмуди, которые, кажется, въ сущности не только ему не принадлежали, а, напротивъ, были съ нимъ во враждѣ. Магистръ Ливонскаго ордена съ своей стороны обѣщалъ выхлопотать у папы для Мендовга королевскую корону. Въ 1250 году совершено въ Новгродкѣ литовскомъ торжественное крещеніе Мендовга и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнчаніе его на царство королевскою короною, присланною ему папой Иннокентіемъ III. Но какъ принятіе католичества, такъ и мирный договоръ съ Ливонскимъ орденомъ были у Мендовга только временною уступкою обстоя-

тельствамъ и средствами привлеченія Литвы и Жмуди на свою сторону. Находясь подъ властію ливонскихъ рыцарей, жители литовскихъ и жмудскихъ областей испытали всѣ тягости насильственнаго обращенія въ католичество, отнятія земель у туземныхъ державцевъ и раздачи ихъ духовенству и нѣмецкимъ рыцарямъ, сбора десятины и другихъ поборовъ, а потому скоро возненавидѣли владычество ордена и стали обращать свои взоры и надежды на своего роднаго, могущественнаго князя Мендовга. Подъ его тайнымъ руководствомъ произошли возстанія въ прусскихъ и литовскихъ краяхъ, зависѣвшихъ отъ ордена. Видя единодушіе и успѣхъ возстаній, Мендовгъ и самъ сбросилъ, наконецъ, съ себя личину притворства: вдругъ разорвалъ всѣ связи съ орденомъ, отрекся отъ католичества и даже сталъ преслѣдовать католиковъ, вновь сталъ во главѣ Литовскаго государства и приступилъ къ освобожденію другихъ вѣтвей литовскаго племени, потерявшихъ раньше свою самостоятельность въ борьбѣ съ орденомъ. По внушеніямъ Мендовга и при его помощи, вспыхнули возстанія въ Пруссіи, въ Корси и въ Жемгалѣ, задержавшія надолго натискъ крестоносцевъ на возникавшее Литовско-Русское государство. Только внезапная смерть Мендовга избавила нѣмцевъ отъ дальнѣйшей опасности, а наступившія затѣмъ неустройства въ литовско-русскихъ земляхъ дали имъ время оправиться и упрочить свое владычество.

Своимъ стремленіемъ къ единодержавію Мендовгъ вооружилъ противъ себя мелкихъ удѣльныхъ литовско-русскихъ князей, которые составили противъ него заговоръ. Руководителями заговора были: Довмонтъ,—князь Нальщанскій, Тройнатъ—одинъ изъ владѣтелей Жмуди, Товтивилъ полоцкій и двоюродный братъ Мендовга, Ердень. Въ 1263 г. заговорщики, воспользовавшись походомъ Мендовга на брянскаго князя Романа, убили его въ лагерѣ, на пути, вмѣстѣ съ двумя младшими его сыновьями. Но сами заговорщики, тяготившіеся самовластіемъ Мендовга и убившіе его за стремленіе къ самодержавію, спѣшатъ, немедленно послѣ его смерти, занять созданное имъ положеніе главы обширнаго Литовско-Русскаго государства и, слѣдовательно, признаютъ необходимость и законность того единодержавія, противъ котораго они сами, повидимому, ратовали. Несогласіе, раздоры и междоусобія происходили только изъ-за того, кому изъ соперниковъ занять великокняжескій престолъ, и носили характеръ личной борьбы за этотъ пре-

Развалины Литовскаго замка въ Ковнѣ.

столъ. Но среди этой личной борьбы обозначается и борьба двухъ составныхъ частей Литовско-Русскаго государства за преобладаніе въ немъ, русской и литовской, на которыя и опираются поочередно соискатели великокняжескаго престола [82]).

По смерти Мендовга, представителемъ жмудско-литовской части государства является жмудскій князь Стройнатъ, а приверженцемъ русскаго начала выступаетъ обрусѣвшій литовскій князь Товтивилъ, сидѣвшій въ Полоцкѣ. Въ борьбѣ, возникшей между этими князьями изъ-за Мендовгова наслѣдія, Стройнатъ беретъ верхъ и убиваетъ Товтивила. Но вмѣсто Товтивила, во главѣ русской партіи становится новый, болѣе сильный и предпріимчивый поборникъ ея, Воишелкъ, старшій изъ сыновей Мендовга. Еще въ началѣ княженія отца Воишелкъ управлялъ отъ его имени Новгородкомъ литовскимъ и тянувшею къ этому городу Черною Русью и извѣстенъ былъ тогда страшною жестокостью, съ которою преслѣдовалъ враговъ и недоброжелателей своего отца. Во время столкновенія Мендовга съ Даніиломъ Романовичемъ въ 1255 году, Воишелкъ вошелъ въ сношенія съ послѣднимъ, уступилъ сыну его Роману Даниловичу свой Новгродскій удѣлъ и самъ переѣхалъ въ Холмъ, вѣроятно въ качествѣ заложника, гдѣ познакомился съ лучшимъ развитіемъ тогдашней русской жизни и сблизился съ лучшими ея представителями. Обращенный въ православную вѣру поученіями Григорія, игумена полонинскаго, «иже бысть человѣкъ святъ, яко же не бысть передъ нимъ, и ни по немъ не будетъ», Воишелкъ принялъ новую вѣру съ глубокимъ убѣжденіемъ и со всею пылкостью и страстностью своей натуры. Не удовольствовавшись крещеніемъ, онъ постригся въ монахи, путешествовалъ на Аѳонъ, по возвращеніи въ отечество основалъ въ 1263 году Лавришевскій монастырь, на берегахъ Нѣмана, гдѣ и проводилъ подвижническую жизнь. Послѣ смерта отца своего Мендовга, Воишелкъ бѣжалъ въ Пинскъ и здѣсь оставался въ Лещинскомъ монастырѣ безучастнымъ зрителемъ событій, происходившихъ въ Литвѣ по смерти Товтивила. Но когда, въ лицѣ Стройната, восторжествовала литовская языческая партія, то Воишелкъ поднялся на защиту русской народности, съ которою связанъ былъ неразрывно православною вѣрою. Въ 1265 году онъ сбросилъ монашество, съ помощію пинскихъ князей овладѣлъ своимъ Новгродскимъ удѣломъ и, призвавъ на помощь Шварна Даниловича, началъ кровавую расправу съ

представителями литовской партіи. Стройнатъ погибъ отъ руки подосланныхъ убійцъ; разныя литовскія области заняты были русскими дружинами, и враги великокняжеской власти и русско-православнаго государственнаго начала подверглись казнямъ. Многіе должны были бѣжать навсегда изъ отечества, въ томъ числѣ одинъ изъ убійцъ Мендовга, Довмонтъ князь нальщанскій, прославившійся впослѣдствіи въ Псковѣ, гдѣ онъ принялъ православную вѣру и причисленъ православною церковію къ лику святыхъ. Желая упрочить господство русской гражданственности въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, Воишелкъ рѣшился ввести это княжество въ составъ галицко-русскихъ владѣній. Онъ назвалъ себя сыномъ Василька Романовича волынскаго, въ свою очередь усыновилъ себѣ Шварна Даниловича и передалъ ему княженіе, а самъ удалился опять въ монастырь, «плачася грѣховъ своихъ» [83]). Въ Полоцкѣ является, при Воишелкѣ, какой-то князь Изяславъ, а въ Витебскѣ сидѣлъ другой князь, тоже Изяславъ. Преемниками витебскаго Изяслава были Михаилъ Константиновичъ и Ярославъ Васильевичъ, дочь котораго, Марія, вышла впослѣдствіи замужъ за Ольгерда [84]).

Но Шварнъ Даниловичъ скоро умеръ, а Воишелкъ былъ убитъ братомъ Шварна Львомъ, и въ Литовскомъ княжествѣ наступаетъ полная неурядица, во время которой проявляется стремленіе отдѣльныхъ областей къ обособленію, но опять-таки съ оттѣнкомъ племенныхъ особенностей составныхъ частей Литовско-Русскаго государства [85]).

По смерти Воишелка и Шварна, въ Полоцкѣ и Витебскѣ утвердился самостоятельный литовскій князь Ерденъ, женатый на христіанкѣ Евпраксіи и не стѣснявшій православія. При немъ полоцкій епископъ Симеонъ (1260—1274 г.) основалъ Николаевскій монастырь на Лучнѣ, за Полоцкомъ. Въ 1264 году Ерденъ заключилъ съ Ливонскимъ орденомъ и городомъ Ригою договоръ отъ имени своего и своихъ княжествъ Полоцка и Витебска, не упомянувъ въ немъ вовсе о великомъ князѣ литовскомъ. Земли Полоцкая и Витебская распадались тогда на многіе мелкіе удѣлы, въ которыхъ княжили или сподручные Ердену русскіе князья, или литовскіе вожди, признававшіе надъ собою верховную власть Ердена. Въ собственной Литвѣ и Жмуди также обнаруживаются признаки обособленія и независимости. Подъ 1289 годомъ упоминается самостоятельный князь въ части собственной Литвы Буркивидъ, заключившій договоръ съ волынскимъ княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ, которому

онъ въ залогъ мира уступилъ свой городъ Волковыскъ. Участвовавшій въ заключеніи этого договора жмудскій князь Бутегайде велъ въ то время войну съ Ливонскимъ орденомъ,—и магистръ считалъ его самостоятельнымъ царемъ Жмуди. Но и въ это время все-таки не заглохла еще мысль о единомъ верховномъ государѣ. Въ 1270 году на велико-княжескомъ столѣ появляется Тройденъ. Хотя самъ онъ былъ ярый литвинъ и закоренѣлый язычникъ, но дѣти его Сурпуній, Лѣсій и Свелкеній исповѣдывали православную вѣру, а сынъ Тройдена Римундъ, въ православіи Лавръ или Лаврентій, принялъ даже постриженіе съ именемъ Елисея въ Новогродскомъ Лавришевскомъ монастырѣ, получившемъ отъ него свое названіе, гдѣ построилъ новую церковь Воскресенія Господня и подвизался до самой своей кончины. Тройденъ дѣятельно и мужественно обороняетъ Литву отъ притязаній галицко-волынскихъ князей съ одной стороны и отъ нѣмцевъ—съ другой; но, слабый вслѣдствіе удѣльной розни, падаетъ въ этой борьбѣ. Тевтонскіе рыцари при немъ окончательно добили пруссовъ, ливонскіе—сосѣднюю со Жмудью Жемгалу, а поляки—ятвяговъ[86]).

Болѣе прочное объединеніе литовскихъ и славянскихъ земель и племенъ и усиленіе Литовско-Русскаго государства начинается при новомъ родѣ литовскихъ владѣтелей Гедиминовомъ. Основателемъ этого рода былъ князекъ Лютуверъ, по преданію владѣвшій Эйраголой на Жмуди, который послѣ смерти Тройдена занялъ великокняжескій престолъ. Лютуверъ уступилъ въ 1293 году свое княженіе сыну своему Витеню (1293—1316 г.), который вмѣстѣ съ братомъ своимъ и преемникомъ Гедиминомъ (1316—1341 г.) были дѣйствительными основателями могущества Литовскаго государства. Эти князья умѣли соединить подъ своею властію силы, достаточныя для борьбы съ наступавшими на Литву сосѣдями, успѣли остановить завоевательное движеніе нѣмецкихъ рыцарей, расширили предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ земель и образовали сильное Литовско-Русское государство. Въ описаніяхъ отдѣльныхъ случаевъ борьбы Литовскаго государства съ нѣмецкими рыцарями и въ извѣстіяхъ о внутреннемъ состояніи Литвы при Гедиминѣ ярко выступаетъ подавляющее русское значеніе въ ней. Витень совершаетъ многочисленные и удачные походы противъ нѣмцевъ съ литовскими и русскими войсками. При этомъ, съ приливомъ русскихъ силъ, происходитъ и перемѣна къ лучшему въ

устройствѣ военнаго дѣла и въ государственной жизни великаго княжества Литовскаго. Русскимъ людямъ поручаютъ командовать отдѣльными отрядами и защиту пограничныхъ укрѣпленій отъ нѣмцевъ, какъ например Давиду, старостѣ гродненскому. Русскимъ поручались по преимуществу посольства въ сношеніяхъ литовскихъ князей съ сосѣдними государствами. Въ Литвѣ заводятся русскіе гражданскіе порядки. Нѣкоторыя пограничныя области и мелкія удѣльныя княжества русскія добровольно подчиняются Гедимину, явно покровительствовавшему русской народности и отличавшему русскихъ людей. Самъ князь вступаетъ чрезъ своихъ дочерей и сыновей въ родственныя связи съ домомъ св. Владиміра. Вѣра православная получаетъ свободный доступъ въ Литву и находитъ тамъ многочисленныхъ послѣдователей. Наконецъ, и самъ великій князь принимаетъ громкій титулъ короля Литвы и Руси, какъ бы связывая двѣ сильныя народности подъ одною верховною властію[87]).

Прежде всего, Гедиминъ значительно увеличилъ количество русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. До него къ этому княжеству присоединены были такъ называемая Черная Русь и Полоцкая земля. Послѣдняя, впрочемъ, еще долгое время составляла особый удѣлъ. Полоцкій князь Ердень или одинъ изъ его преемниковъ, принявъ крещеніе, подчинилъ Полоцкъ верховной власти рижскаго архіепископа; но впослѣдствіи рыцари Ливонскаго ордена, враждовавшіе съ архіепископомъ, за денежное вознагражденіе уступили верховное право на Полоцкъ великому князю литовскому. Воспользовавшись пріобрѣтеніемъ этого права, Витень подчинилъ себѣ Полоцкъ въ 1307 году. Съ того времени Полоцкъ находится въ управленіи третьяго брата Витеня и Гедимина, Воина, который передалъ его сыну своему Любку, погибшему въ 1341 году въ стычкѣ съ ливонскими рыцарями. Въ той части Полоцкой земли, которая тянула къ Минску, княжилъ при Гединнѣ какой-то князь Василій, вѣроятно изъ рода Всеславичей; но онъ признавалъ себя сподручникомъ великаго князя литовскаго и упоминается въ числѣ пословъ, отправленныхъ Гедиминомъ въ Новгородъ въ 1326 года. О времени подчиненія минскихъ князей Литвѣ съ точностію неизвѣстно. Нѣтъ также точныхъ указаній на время и обстоятельства присоединенія къ великому княжеству Литовскому княжествъ Туровскаго и Пинскаго, хотя несомнѣнно при Гедиминѣ они входили уже въ составъ его владѣній. Вѣроятно, эти княжества перешли подъ власть

Литвы вскорѣ послѣ 1292 года, въ княженіе турово-пинскаго князя Димитрія Юрьевича. Въ первый разъ при Гедиминѣ входятъ въ составъ Литовскаго государства Берестейская область, княжество Витебское и часть Волыни. Берестейская область, съ городами Берестьемъ, Дрогичиномъ, Мельникомъ, Бѣльскомъ и т. д., служила предметомъ спора еще между Львомъ Даниловичемъ и Тройденомъ непосредственно послѣ смерти Шварна Даниловича. И Гедиминъ въ началѣ своего княженія велъ войну съ галицко-волынскими князьями, имѣвшими притязанія на эту область.

Война окончилась побѣдою Гедимина и присоединеніемъ къ Литвѣ спорной области, которая отдана Гедиминомъ въ удѣлъ сыну его, Кейстуту. Что же касается Витебскаго княжества и части Волыни, то онѣ были присоединены къ Литвѣ путемъ мирныхъ договоровъ и союзовъ. Оставаясь язычникомъ, Гедиминъ какъ самъ имѣлъ русскихъ православныхъ женъ, Ольгу и Еву, такъ и дѣтямъ своимъ не только устраивалъ христіанскіе браки, но и не препятствовалъ имъ принимать крещеніе. Одного изъ своихъ сыновей, Ольгерда, Гедиминъ женилъ на Марьѣ Ярославнѣ, дочери витебскаго князя Ярослава Васильевича, не имѣвшаго мужскаго потомства; а потому, по смерти своего тестя, Ольгердъ наслѣдовалъ въ 1320 году Витебскій удѣлъ. Другого сына, Любарта, Гедиминъ женилъ на дочери послѣдняго волынскаго князя Льва Юрьевича, по смерти котораго Волынь досталась въ 1325 году Любарту [88]).

По присоединеніи новыхъ русскихъ земель къ великому княжеству Литовскому, границы его при Гедиминѣ были слѣдующія. На сѣверѣ онѣ соприкасались съ владѣніями Ливонскаго ордена по границамъ Корси и Ливоніи; затѣмъ, перейдя Западную Двину выше Динабурга, граница шла вдоль южныхъ предѣловъ Псковской земли до рубежа Смоленскаго княженія. Восточную границу составляли владѣнія Смоленскія и затѣмъ по Днѣпру, до устья Припети, земли Сѣверскія и Черниговскія. На югѣ граница проходила южнѣе Припети, соприкасаясь съ сѣверными предѣлами земель Кіевской и Волынской до Западнаго Буга. На западѣ,—вдоль Буга и по водораздѣлу до Гродны на Нѣманѣ, великое княжество Литовское граничило съ Польшею и Мазовіею. Наконецъ, отъ Гродны по Нѣману, до устья этой рѣки, простиралась граница съ прусскими крестоносцами [89]). Такимъ образомъ, Литовское государство при Гединимѣ обнимало почти весь нынѣшній Сѣверо-Западный край, и болѣе двухъ третей его пространства занято было русскимъ народонаселеніемъ.

Не смотря на разность вѣръ, литовцы и русскіе мирно уживались между собою, благодаря широкой вѣротерпимости Гедимина, который дозволялъ безпрепятственно строить и украшать православные храмы въ своихъ владѣніяхъ. Отъ его времени сохранился колоколъ съ надписью 1320 года, принадлежавшій Троицкой церкви въ нынѣшнемъ селѣ Неводницѣ, Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда [90]). Для боль-

Благовѣщенская церковь въ г. Витебскѣ.

шаго объединенія литовско-жмудскаго и славяно-русскаго народонаселенія своего государства, Гедиминъ оставляетъ прежнюю столицу Литвы, Новгородокъ, и на чертѣ соприкосновенія тѣхъ и другихъ племенъ основываетъ преемственно новыя столицы, сначала въ Трокахъ, а потомъ въ Вильнѣ. Онъ обвелъ эти города укрѣпленіями, построилъ замки и покровительствовалъ росту ихъ населенія, состоявшаго не только изъ

литвы и жмуди, но и изъ русскихъ [91]). Мы уже видѣли, что, по свѣдѣніямъ польскихъ историковъ, еще Ярославъ I Мудрый, побѣдивъ Литву, сдѣлалъ Троки средоточіемъ русскаго управленія въ этой странѣ. Что же касается Вильны, то уже самое названіе рѣки (Вилія или Велія), отъ которой заимствовано имя города, принадлежитъ, повидимому, русскому племени, такъ какъ литовцы называли р. Вилію Нерія или Нергисъ. Въ Вильнѣ находилась главная святыня языческой Литвы,—священный огонь Зничъ, и имѣлъ мѣстопребываніе верховный жрецъ Криве-Кривейто. Но здѣсь же процвѣтало и русское населеніе и имѣло свою православную святыню. Съ самаго древняго времени русскіе населяли лучшую и большую часть города Вильны, пространство на востокъ отъ теперешней Большой улицы къ рѣчкѣ Вильнѣ и далѣе за нее, такъ называемое Зарѣчье и Поповщизну. Составляя сплошное и однородное населеніе, русскіе скоро придали русскій оттѣнокъ и всему городу, такъ что уже въ XIV столѣтіи городъ Вильна называется русскимъ городомъ у одного изъ нѣмецкихъ писателей. Поселившееся въ Вильнѣ русское населеніе имѣло свою церковь во имя св. Николая, построенную, по преданію, еще при жизни Гедимина [92]).

Такое увеличеніе и объединеніе силъ великаго княжества Литовскаго при Гедиминѣ было весьма благовременнымъ, такъ какъ теперь съ особенною силою стали налегать на Литву нѣмецкіе военные ордена Ливонскій и Тевтонскій, подошедшіе въ своихъ завоеваніяхъ къ самымъ границамъ Литовскаго государства. Борьба съ этими орденами и наполняетъ почти все время княженія Гедимина.

Въ борьбѣ съ Ливонскимъ орденомъ Гедиминъ воспользовался тою междоусобною враждою, которая кипѣла между этимъ орденомъ съ одной стороны и городомъ Ригою и рижскимъ архіепископомъ—съ другой. Архіепископы рижскіе постоянно жаловались папѣ на поведеніе рыцарей, которые своею алчностью къ добычѣ, къ захвату земель и всякаго рода несправедливостями побудили Миндовга къ отвращенію отъ римской церкви; они отвращаютъ литовцевъ отъ крещенія и слѣдовательно поступаютъ вопреки прямому своему назначенію. Орденъ, съ своей стороны, жаловался на архіепископа и рижскій магистратъ за то, что они не стыдятся заключать союзы съ литовцами и тѣмъ поддерживать ихъ упорство въ сохраненіи язычества. Чтобы снять съ себя упрекъ въ дружбѣ съ язычниками, рижскій архіепископъ и его

сторонники желали устроить добровольное обращенiе литовцевъ въ католичество и въ этомъ смыслѣ старались подѣйствовать на Гедимина, который, съ своей стороны, стремился доставить своему народу спокойствiе, безопасную торговлю и нѣкоторую образованность. Въ этихъ видахъ онъ отправилъ въ 1323 году изъ Вильны грамоты къ папѣ, къ городу Ригѣ и къ приморскимъ Ганзейскимъ городамъ, а также къ монахамъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго. Къ папѣ Гединъ писалъ о себѣ, что онъ вовсе не врагъ католической вѣры, какъ представляютъ его рыцари, что онъ самъ готовъ признать отеческую власть папы, что при немъ находятся монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которымъ онъ даетъ полную свободу проповѣдывать христiанское ученiе. Въ грамотахъ къ орденамъ доминиканскому и францисканскому Гедиминъ просилъ прислать къ нему монаховъ, знающихъ литовскiй и русскiй языки, и изъявлялъ готовность строить для нихъ христiанскiе храмы, по образцу уже существующихъ въ Вильнѣ и Новгородкѣ трехъ церквей, при которыхъ были общины доминиканцевъ и францисканцевъ. Изъ Риги и другихъ торговыхъ приморскихъ городовъ Гедиминъ приглашалъ въ Вильну купцовъ и ремесленниковъ всякаго рода, обѣщая дать имъ всѣ льготы и самоуправленiе по образцу рижскаго городоваго устройства. Получивъ грамоту Гедимина, папа предписалъ рыцарямъ прекратить военныя дѣйствiя противъ Литвы и послалъ къ Гедимину посольство, которое въ 1324 году утвердило въ Ригѣ папскою властiю договоръ, заключенный Гедиминомъ съ духовными и свѣтскими владѣтелями Ливонiи, и вскорѣ затѣмъ представилось самому Гедимину, чтобы условиться съ нимъ о мѣрахъ введенiя католичества въ Литвѣ. Но Гедиминъ объявилъ посламъ, что онъ никогда не думалъ креститься, что если о томъ было написано въ его грамотахъ, то это прибавлено тѣми монахами, которые перелагали посланiя на латинскiй языкъ. «Если когда-либо имѣлъ я намѣренiе креститься,—говорилъ онъ,—то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца; но я сказалъ это потому, что папа старше меня. Всѣхъ стариковъ, и папу, и рижскаго архiепископа, и другихъ, я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ люблю какъ братьевъ, тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю христiанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, русинамъ по

ихъ обычаю и полякамъ по-своему; сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. Всѣ мы, вѣдь, почитаемъ одного Бога». Послѣ такого отвѣта послы поспѣшили воротиться въ Ригу, потерпѣвъ полную неудачу въ своихъ разсчетахъ. Тѣмъ не менѣе, граждане Риги считали утвержденный папою мирный договоръ 1323 года вполнѣ дѣйствительнымъ. Но ливонскіе рыцари немедленно возобновили военныя дѣйствія противъ Литвы, за что рижскій архіепископъ отлучилъ ихъ отъ церкви, какъ не подчиняющихся папской власти. Въ Ливоніи возобновилась междоусобная война, въ которой епископы и городскія общины опирались на свой союзъ съ Гедиминомъ. Въ этой войнѣ орденъ истощилъ свои силы и принужденъ былъ заключить невыгодный для себя договоръ съ архіепископомъ и городомъ Ригою въ 1330 году.

Въ борьбѣ съ другимъ нѣмецкимъ орденомъ Тевтонскимъ или крестоносцевъ, Гедиминъ опирался на союзъ съ Польшею. Въ 1325 году польскій король, Владиславъ Локотокъ, отправилъ посольство въ Литву, предлагая Гедимину заключить мирный договоръ и скрѣпить его семейнымъ союзомъ. Гедиминъ принялъ охотно это предложеніе и заключилъ съ Польшею договоръ о взаимной помощи противъ общихъ враговъ крестоносцевъ, выдавъ дочь свою Альдону, въ крещеніи Анну, за наслѣдника польскаго престола Казиміра. Другая дочь Гедимина вышла замужъ за мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича. Въ союзѣ съ поляками, Гедиминъ перешелъ къ болѣе наступательному образу военныхъ дѣйствій противъ Тевтонскаго ордена и нанесъ ему цѣлый рядъ чувствительныхъ потерь. Наиболѣе важное пораженіе потерпѣли крестоносцы отъ поляковъ въ битвѣ подъ Пловцами въ 1331 году. Тѣмъ не менѣе, борьба съ Тевтонскимъ орденомъ продолжалась и въ послѣдующее время княженія Гедимина. Въ 1341 году, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, Гедиминъ погибъ при осадѣ одной изъ крѣпостей, воздвигнутыхъ крестоносцами, сраженный выстрѣломъ изъ огнестрѣльнаго оружія, въ первый разъ примѣненнаго крестоносцами къ военному дѣлу [93]).

Гедиминъ имѣлъ семь сыновей, которымъ началъ раздавать свои области еще при своей жизни. Послѣ смерти Гедимина, великое княжество Литовское оказалось раздѣленнымъ на 8 удѣловъ между его братомъ и сыновьями. Братъ Гедимина, Воинъ, владѣлъ Полоцкимъ княжествомъ. Старшему изъ Гедиминовичей, Монвиду, досталось Керновское

княжество въ собственной Литвѣ и часть Черной Руси съ городомъ Слонимомъ, другому, Наримунту, въ крещеніи Глѣбу,—княжества Пинское и Туровское, третьему, Коріату-Михаилу,—вся Черная Русь, за исключеніемъ Слонима, съ главными городами удѣла Новгородкомъ литовскимъ и Волковыскомъ, Ольгерду-Александру—княженіе Кревское въ собственной Литвѣ и княженіе Витебское съ городомъ Могилевомъ, доставшееся ему въ качествѣ вѣна его жены; Кейстуту—вся западная полоса великаго княжества Литовскаго, обнимавшая собою Жмудь, Троки, Гродну и Берестье и составлявшая военную границу государства со стороны владѣній Тевтонскаго ордена и Мазовіи. Любартъ (Димитрій) Гедиминовичъ, женившись на дочери послѣдняго луцкаго князя, еще при жизни отца переселился въ землю Волынскую, гдѣ съ 1325 года владѣлъ Луцкимъ княжествомъ. Наконецъ, младшій изъ сыновей Гедимина, Явнутъ, какъ кажется, не надѣленный при жизни Гедимина удѣломъ, получилъ послѣ его смерти тѣ земли, которыя находились въ непосредственной зависимости отъ великаго князя, именно стольный городъ Вильну съ пригородами Ошмяною, Вилькомиромъ и Браславлемъ литовскимъ [94]). Сначала каждый изъ этихъ удѣльныхъ князей, повидимому, считалъ себя самостоятельнымъ государемъ, и никто изъ нихъ не пользовался значеніемъ главы рода и званіемъ великаго князя. Вслѣдствіе такого неопредѣленнаго отношенія литовскихъ князей между собою, Литовское государство съ одной стороны подвергалось опасности разложиться на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, а съ другой—представляло сосѣдямъ удобный случай воспользоваться этимъ разъединеніемъ для захвата ближайшихъ областей. И дѣйствительно, польскій король не замедлилъ заявить притязанія на Волынь, а на сѣверо-западѣ постоянная опасность грозила отъ двухъ нѣмецкихъ орденовъ. Къ счастію для Литвы, это смутное время продолжалось въ ней не болѣе пяти лѣтъ. Конецъ ему положили соединенными силами два самыхъ видныхъ и даровитыхъ князя, Ольгердъ и Кейстутъ Гедиминовичи, рожденные отъ одной матери и связанные взаимною неразрывною дружбою. Ольгердъ превосходилъ всѣхъ своихъ братьевъ умомъ, государственною дальновидностію и чрезвычайно дѣятельнымъ характеромъ. Осторожный, скрытный характеръ Ольгерда какъ нельзя лучше дополнялся характеромъ его друга и брата, Кейстута, который, напротивъ, отличался открытымъ, добродушнымъ нравомъ и крайнею отвагою. Между тѣмъ, какъ Ольгердъ,

женатый на русской княжнѣ и долго проживавшій въ своемъ русскомъ удѣлѣ, усвоилъ себѣ русскую народность и даже втайнѣ исповѣдывалъ православіе,—Кейстутъ, наоборотъ, оставался чистымъ литвиномъ, навсегда сохранилъ преданность старой языческой вѣрѣ предковъ и имѣлъ огромное значеніе среди литовцевъ и жмудиновъ. По самому мѣстоположенію ихъ удѣловъ, вниманіе и дѣятельность братьевъ были направлены въ разныя стороны. Ольгерда занимали болѣе всего отношенія къ восточной Руси, а Кейстутъ стоялъ на стражѣ Литвы отъ тевтонскихъ рыцарей. Отсюда, изъ Пруссіи, и явился главный толчекъ къ скорѣйшему возстановленію потрясеннаго единства великаго княжества Литовскаго.

Получивъ зимою 1345 года извѣстія о приготовленіяхъ ордена къ большому походу на Литву, для котораго явилось въ Пруссію необычайное множество военныхъ гостей изъ Западной Европы, Ольгердъ и Кейстутъ захватили столицу государства, Вильну, вмѣстѣ съ Явнутомъ, чтобы возстановить единодержавіе. Ольгердъ былъ торжественно возведенъ на великокняжескій престолъ. Оба брата скрѣпили свой союзъ и перемѣны въ распредѣленіи удѣловъ клятвеннымъ договоромъ. Остальные братья волей-неволей должны были признать переворотъ 1345 года. Явнутъ, недовольный полученнымъ имъ въ удѣлъ Заславлемъ литовскимъ, убѣжалъ въ Москву и тамъ крестился, принявъ имя Іоанна, но потомъ помирился съ братьями и воротился въ свой удѣлъ.

Совершивъ этотъ переворотъ, Ольгердъ и Кейстутъ успѣли съ своей стороны приготовить достаточныя силы для отпора внѣшнихъ непріятелей. Когда потомъ крестоносцы вторгнулись въ Литву, братья внезапнымъ нападеніемъ на Ливонію развлекли вниманіе нѣмцевъ. Послѣдніе, къ тому же, попали въ пустынныя топкія мѣста, изъ которыхъ они поспѣшно воротились назадъ,—и весь ихъ грозный походъ окончился полною неудачею. Послѣ того крестоносцы измѣнили нѣсколько свой образъ дѣйствій по отношенію къ Литвѣ. Вмѣсто большихъ походовъ, они предпринимаютъ частыя и мелкія вторженія, такъ называемые у нѣмецкихъ писателей «рейзы», то есть внезапно врываются въ ту или другую пограничную область, жгутъ селенія и гумна, истребляютъ часть жителей, а остальныхъ уводятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ захваченными конями, волами и другимъ скотомъ, если только жители не успѣвали во-время узнать объ опасности и укрыться со скотомъ и имуществомъ въ глухія

Церковь св. Параскевы въ Вильнѣ (Пятницкая):
1) въ 1807 году; 2) въ настоящее время; 3) до 1865 года.

лѣсныя и болотистыя трущобы. Иногда въ одинъ годъ было по нѣскольку такихъ вторженій, такъ что въ теченіе 30-лѣтняго княженія Ольгерда (1345—1377), по лѣтописямъ ордена, насчитывается около сотни походовъ на Литву со стороны Пруссіи и Ливоніи. Одновременно съ такою почти непрерывной, мелкой войною магистры Тевтонскаго ордена съ одной стороны возводятъ многочисленные крѣпкіе замки вдоль литовскихъ границъ, чтобы обезопасить свои земли отъ нападеній Литвы и дать опору для нѣмецкихъ вторженій, а съ другой—препятствуютъ литовцамъ укрѣпить ихъ границу и стараются немедленно разрушать всѣ вновь возводимыя ими крѣпости или взять уже прежде существовавшія. Особенныя усилія нѣмцевъ обращены были на городъ Ковну (по-литовски Кауна), который укрѣпленъ былъ каменными стѣнами и имѣлъ еще внутренній замокъ съ крѣпкими каменными башнями. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ овладѣть имъ, наконецъ магистръ Тевтонскаго ордена, Винрихъ фонъ-Книпроде, собралъ всѣ свои силы, призвалъ на помощь ливонскихъ рыцарей и многочисленныхъ гостей изъ Европы, въ 1362 году осадилъ городъ и овладѣлъ его развалинами вмѣстѣ съ небольшимъ остаткомъ храбрыхъ защитниковъ. Но литовцы вскорѣ потомъ рядомъ съ этими развалинами выстроили новую Ковну и точно также обратили ее въ сильную крѣпость. Вообще они не уступили нѣмцамъ ни шагу земли къ востоку отъ Нѣмана [95]).

Всю тяжесть борьбы съ нѣмцами вынесло на своихъ плечахъ почти исключительно населеніе литовскихъ областей великаго княжества, Жмуди и коренной Литвы. Руководителемъ этого населенія и героемъ борьбы съ крестоносцами, въ теченіе почти полустолѣтія, былъ Кейстутъ. Съ удивительнымъ мужествомъ и постоянствомъ онъ защищаетъ каждую мѣстность отъ набѣговъ нѣмцевъ, всюду отражаетъ нѣмецкія «рейзы», отплачиваетъ за нихъ набѣгами на Пруссію и Ливонію, защищаетъ свои крѣпости и ведетъ приступы на нѣмецкіе замки. Онъ постоянно подвергается личной опасности и умѣетъ съ удивительною находчивостію увернуться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ; два раза онъ попадаетъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ и оба раза бѣжитъ съ рѣшимостью, изумлявшею рыцарей до того, что они считали его побѣги чудесными.

Неустанная борьба Кейстута на сѣверѣ и западѣ съ крестоносцами хотя и требовала иногда присутствія и помощи со стороны его

брата, великаго князя Ольгерда, но вообще она оставляла послѣднему свободныя руки для дѣятельности на востокѣ и югѣ, чтобы продолжать дѣло подчиненія сосѣднихъ русскихъ земель литовской власти. По отношенію къ Руси Ольгердъ: 1) стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) поддерживаетъ тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княжествъ Черниговскаго и Кіевскаго, а также Подольскую землю, и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ монголами; 4) наконецъ, поддерживаетъ продолжительную борьбу Любарта съ Польшей за наслѣдіе галицко-волынскихъ князей. Изъ этихъ предпріятій Ольгерда непосредственное отношеніе къ исторіи Бѣлоруссіи и Литвы имѣютъ только его дѣла со Смоленскомъ и борьба за обладаніе галицко-волынскимъ наслѣдствомъ.

Смоленское княжество, незначительное само по себѣ, еще болѣе ослаблено было раздѣленіемъ его на удѣлы между многочисленными потомками рода Ростислава Мстиславича. Поэтому, когда въ XIII и XIV вѣкахъ образовались два средоточія для объединенія русскихъ земель, княжества Владиміро-Московское съ одной стороны и Литовско-Русское съ другой,—Смоленское княжество оказалось между двухъ сильныхъ соперниковъ и рано или поздно должно было подчиниться которому-либо изъ нихъ. Слабое среди двухъ сильныхъ соперниковъ, оно старается спасти свою самостоятельность, прибѣгая поочередно къ союзу и помощи одного изъ двухъ сосѣдей, но за помощь эту оно должно было становиться въ положеніе все болѣе и болѣе зависимое по отношенію къ тому или другому изъ сосѣдей. Прежде всего Смоленское княжество испытало на себѣ тяжелую руку Москвы. Въ княженіе Александра Глѣбовича смоленскаго, московскій князь Юрій Даниловичъ отнялъ у смольнянъ Можайскій уѣздъ. Это обстоятельство повлекло за собою сближеніе смоленскихъ князей съ литовскими. Гедиминъ былъ ихъ союзникомъ, хотя еще не рѣшительнымъ, а Ольгердъ уже явно выступаетъ ихъ защитникомъ противъ дальнѣйшихъ московскихъ притязаній и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ смоленскихъ князей поддержки во всѣхъ столкновеніяхъ съ великимъ княжествомъ Московскимъ и такимъ образомъ низводитъ ихъ на степень зависи-

мыхъ отъ Литвы, сподручныхъ князей. Еще въ 1341 году Ольгердъ предпринималъ походъ съ цѣлію возвратить отъ Москвы въ пользу смоленскаго князя Ивана Александровича Можайскъ. Въ свою очередь, въ 1348 году смоленская рать ходила помогать литовцамъ противъ крестоносцевъ и принимала участіе въ битвѣ на рѣкѣ Стравѣ. Въ 1352 году Ольгердъ опять оказалъ Смоленску важную услугу, одними переговорами остановивъ походъ московскаго великаго князя Симеона Гордаго на Смоленскъ. Но подобныя услуги оказывались, конечно, не даромъ: онѣ ставили Смоленскъ въ прямую зависимость отъ Литвы. Чтобы упрочить эту зависимость, Ольгердъ захватилъ въ 1355 году смоленскій пригородъ на Волгѣ, Ржеву, важный по своему положенію на границѣ съ владѣніями московскими и тверскими. Тогда смоленскій великій князь Иванъ Александровичъ попытался-было освободиться отъ литовской зависимости въ союзѣ съ Москвою и Тверью. Но Симеона Гордаго уже не было въ живыхъ, а преемникъ его, Иванъ Ивановичъ, не отличался рѣшительнымъ характеромъ. Ольгердъ вступилъ въ предѣлы Смоленскаго княжества, взялъ городъ Мстиславль (нынѣ Могилевской губерніи) и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. Въ то же время Андрей Ольгердовичъ полоцкій осадилъ Ржеву, овладѣлъ этимъ городомъ и посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Смольняне должны были смириться. Преемникъ Ивана Александровича, смоленскій князь Святополкъ Ивановичъ (1359—1386 г.), уже является подручникомъ великаго князя литовскаго, такъ что соединяется съ нимъ въ походахъ на Москву и посылаетъ свои дружины ему на помощь противъ крестоносцевъ [96]).

Споръ о галицко-волынскомъ наслѣдствѣ возникъ по случаю прекращенія мужскаго поколѣнія галицко-волынскихъ князей. Послѣдніе волынскіе князья Андрей и Левъ Юрьевичи умерли въ 1324 году. Права ихъ наслѣдства должны были перейти къ дѣтямъ ихъ. Андрей имѣлъ сына Юрія II, который умеръ, не достигнувъ зрѣлаго возраста, и дочь Марію, вышедшую замужъ за мазовецкаго князя Тройдена Болеславовича, а дочь младшаго, Льва, вступила въ бракъ съ Любартомъ Гедиминовичемъ. По смерти Юрія II, галичане пригласили къ себѣ въ князья мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича, тогда какъ въ Луцкомъ удѣлѣ утвердился Любартъ Гедиминовичъ. Но когда Болеславъ Тройденовичъ отравленъ былъ галицкими боярами, то на его наслѣдіе заявилъ притяза-

ніе польскій король Казиміръ Великій, женатый на Аннѣ Гедиминовнѣ. Въ 1340 году онъ занялъ Галицію и часть Волыни до города Кременца включительно, и вошелъ въ столкновеніе съ литовскими князьями Гедиминовичами, особенно Любартомъ, который считалъ себя прямымъ наслѣдникомъ галицко-волынскихъ князей. Война изъ-за галицко-волынскаго наслѣдства возобновлялась нѣсколько разъ, велась съ различнымъ успѣхомъ и кончилась уже при преемникѣ Казиміра, Людовикѣ Венгерскомъ, въ 1377году. По миру, заключенному въ этомъ году Ольгердомъ съ королемъ Людовикомъ Венгерскимъ, Волынь, т. е. Владимірскій и Луцкій удѣлы, а также Берестейская область, отошли къ Литвѣ, а Галиція, съ присоединеніемъ удѣловъ Холмскаго и Белзскаго, осталась за Польшею [97]).

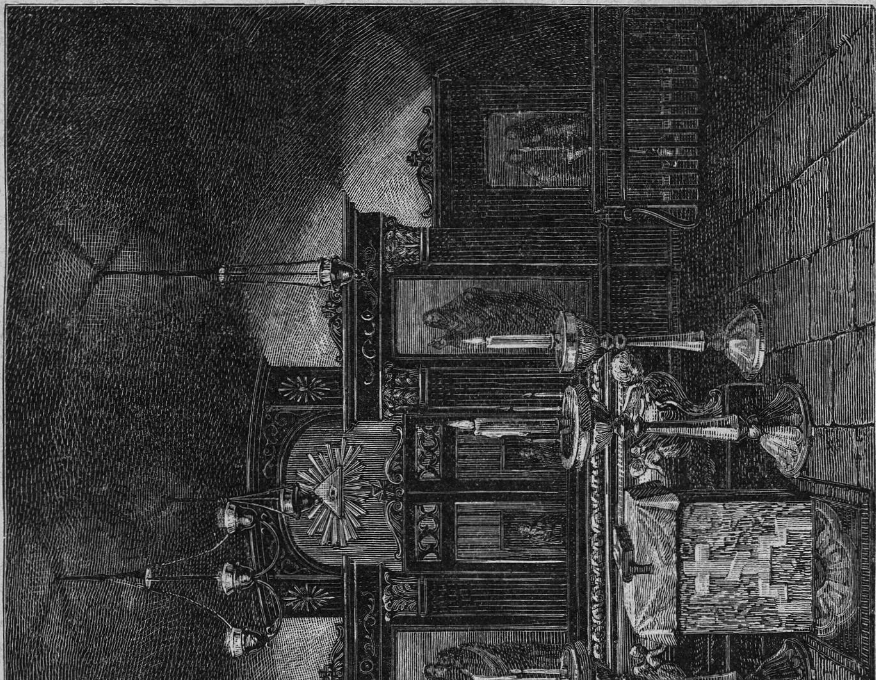
Съ присодиненіемъ къ Литвѣ части Смоленскаго княжества съ Мстиславлемъ и такъ называемаго Подляшья съ Берестьемъ, при Ольгердѣ предѣлы великаго княжества Литовскаго на сѣверо-западѣ почти совпадали съ нынѣшними предѣлами Сѣверо-Западнаго края; а на югѣ и юго-востокѣ оно обнимало Черниговскую и Сѣверскую земли, княжество Кіевское, Волынь и Понизье или Подолію до самаго Чернаго моря.

Тайна громадныхъ и быстрыхъ успѣховъ Ольгерда въ расширеніи границъ Литовскаго государства насчетъ русскихъ земель заключалась въ томъ, что въ своихъ стремленіяхъ онъ всецѣло опирался на русское населеніе своего государства, оберегалъ его вѣрованія, обычаи и права, и взаимно пользовался довѣріемъ и расположеніемъ къ нему русскаго населенія, видѣвшаго въ его могуществѣ оплотъ противъ темной татарской силы. Въ этомъ отношеніи Ольгердъ встрѣтилъ себѣ достойнаго соперника по собиранію русскихъ земель въ одно цѣлое только въ великомъ князѣ московскомъ, который, подобно Ольгерду, хорошо понималъ потребности своего времени, заключавшіяся въ объединеніи Руси, опирался въ своихъ стремленіяхъ на народныя силы своего государства и потому безъ особаго труда противостоялъ завоевательнымъ замысламъ и стремленіямъ литовскихъ государей.

Еще въ ранней молодости, за 27 лѣтъ до своего вокняженія въ Вильнѣ, Ольгердъ женился на витебской княжнѣ Маріи Ярославнѣ и переселился въ Витебскъ. Два года спустя, онъ, послѣ смерти тестя, уже княжилъ въ Витебскѣ, а въ 1342 году, по смерти дяди своего, полоцкаго князя Воина, занялъ и Полоцкое княжество, отдавъ его въ удѣлъ сыну своему Вингольду, въ крещеніи Андрею. Такимъ образомъ, большая

часть жизни Ольгерда протекала на Руси, среди русскаго населенія и подъ вліяніемъ русской гражданственности и просвѣщенія. По всей вѣроятности, здѣсь же, въ Витебскѣ, Ольгердъ принялъ св. крещеніе съ именемъ Александра, хотя и старался придать этому событію частный, негласный характеръ, въ виду сильной еще тогда въ Литвѣ языческой партіи. Когда въ 1342 году псковичи приглашали Ольгерда на княженіе къ себѣ и совѣтовали ему креститься,—онъ отвѣчалъ: «уже крещенъ есмь, и христіанинъ есмь, второе креститися не хощу я». Вмѣстѣ съ первою женою своею Маріею Ярославною онъ построилъ въ Витебскѣ двѣ каменныя церкви, одну Благовѣщенскую въ нижнемъ замкѣ, въ главныхъ частяхъ своихъ существующую и донынѣ, а другую, Свято-Духовскую, въ полѣ, за ручьемъ или замковымъ рвомъ, и при ней учредилъ монастырь; сама же Марія Ярославна сдѣлала запись въ пользу Успенской церкви въ Озерищахъ, обезпечивъ доходы этой церкви уступкою въ ея пользу дани съ трехъ волостей [98]). Сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ и переселившись въ Вильну, Ольгердъ и здѣсь оказывалъ покровительство православію и русской народности, не смотря на близкое сосѣдство главнаго языческаго святилища литвиновъ. Первая жена его Марія Ярославна имѣла при себѣ духовника-монаха Нестора и, по преданію, основала въ Вильнѣ Пятницкую церковь, въ которой и погребена была. Православіе стало мало-по-малу распространяться и между самими литвинами и на первыхъ же порахъ княженія Ольгерда запечатлѣно было здѣсь мученическою кровію. Случилось, что духовникъ великой княгини, монахъ Несторъ, успѣлъ обратить въ православную вѣру двухъ знатныхъ литвиновъ изъ свиты великаго князя. Это сильно раздражило языческихъ жрецовъ, и они, воспользовавшись кончиной великой княгини Маріи Ярославны († 1346 г.), обратились къ Ольгерду съ требованіемъ наказать отступниковъ. Ольгердъ, недавно сѣвшій на великокняжескомъ престолѣ и еще недостаточно укрѣпившійся на немъ, опасался народнаго возмущенія. Онъ уступилъ требованію жрецовъ: Кумецъ и Нежило, въ крещеніи Іоаннъ и Антоній, были заключены въ темницу, гдѣ оставались цѣлый годъ. Не смотря на всѣ угрозы и истязанія, они пребыли твердыми въ своей новой вѣрѣ и примѣромъ своей твердости обращали къ Христу другихъ язычниковъ, за что и были наконецъ преданы мученической смерти. Вскорѣ за ними такой же смерти преданъ былъ ихъ родственникъ, Круглецъ, принявшій крещеніе подъ

именемъ Евстаѳія. Это мученичество трехъ православныхъ литвиновъ совершилось въ 1347 г. Но кровь мученическая не только не могла оста-

Пещерная церковь и рака Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, въ Виленскомъ монастырѣ св. Духа.

новить дальнѣйшихъ успѣховъ православія въ Вильнѣ, а напротивъ содѣйствовала имъ. Въ 1349 году Ольгердъ вновь женился на православной

княжнѣ Іуліаніи тверской,—и дворъ великой княгини сдѣлался новымъ средоточіемъ православія въ Вильнѣ. Окруженная своими сыновьями и многочисленною женскою прислугой, проводила жизнь свою Іуліанія Александровна въ виленскомъ замкѣ и имѣла здѣсь придворную церковь. Кромѣ древнихъ церквей Никольской и Пятницкой, при Іуліаніи Александровнѣ явились двѣ новыя церкви, составлявшія потомъ украшеніе православной Вильны. На томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали виленскіе мученики, основана была церковь, а потомъ и монастырь во имя св. Троицы, гдѣ нѣкоторое время покоились святые останки Антонія, Іоанна и Евстаѳія, почивающіе теперь нетлѣнно въ виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ. Вблизи Троицкаго монастыря,—говоритъ преданіе,—построена была деревянная часовня, въ которой помѣщена была икона пресв. Богородицы, принесенная Ольгердомъ изъ Корсуня и подаренная имъ своей супругѣ, которая, въ свою очередь, передала эту святыню Троицкому монастырю, хранящему ее и до настоящаго времени. Къ концу правленія Ольгерда существовала уже и соборная церковь пресв. Дѣвы (впослѣдствіи Пречистенскій соборъ), освященная, по преданію, митрополитомъ кіевскимъ и московскимъ Алексіемъ, во время проѣзда его чрезъ Вильну. На мѣсто прежней деревянной Николаевской церкви Іуліанія Александровна построила въ Вильнѣ новую каменную [99]). По смерти мужа, владѣя пожизненно Витебскомъ, княгиня Іуліанія отдала землю Ѳеодоровщину на Витебскую церковь Іоанна Богослова [100]). Дѣти Ольгерда отъ двухъ его православныхъ женъ или крещены были по по обряду православной церкви, или, по крайней мѣрѣ, хорошо ознакомлены съ православною вѣрою. По свидѣтельству современниковъ, изъ двѣнацати сыновей Ольгерда, десять были крещены по обряду православной церкви и пять изъ нихъ упоминаются еще при жизни отца съ христіанскими именами. Двѣ дочери Ольгерда, свѣдѣнія о которыхъ остались въ лѣтописяхъ, носили также христіанскія имена и отданы были въ замужество за русскихъ князей [101]). Сыновья, племянники и внуки Ольгерда, владѣя различными участками въ Литовскомъ государствѣ, на первыхъ порахъ тоже не мало содѣйствовали укрѣпленію православія и русской народности въ своихъ удѣлахъ. Андрей Ольгердовичъ, князь полоцкій, далъ жалованную грамоту Полоцкому Троицкому монастырю [102]) и основалъ Никольскую церковь въ Полоцкомъ замкѣ [103]), а сынъ его Михаилъ Андреевичъ († 1385 г.) основалъ Петровскій монастырь въ Полоцкомъ замкѣ [104]). Другой сынъ Ольгерда

Лугвеній-Симеонъ, князь мстиславскій, женатый на родной сестрѣ московскаго великаго князя, Василія Дмитріевича, построилъ близъ г. Мстислава Онуфріевскій монастырь [105]). Въ 1355 году Василій Михайловичъ Скирмунтъ, князь пинскій, построилъ Рождество-Богородичную церковь въ м. Куренцѣ, нынѣ Вилейскаго у., Виленской губерніи [106]). Племянникъ Ольгерда, Витовтъ Кейстутьевичъ, основалъ въ г. Трокахъ, въ 1384 году, монастыри Крожскій и Рождество-Богородичный [107]). Около 1399 года, или раньше, какой-то Онуфрій, князь полоцкій, устроилъ и надѣлилъ землями и людьми Полоцкій Предтеченскій монастырь [108]).

Но, исповѣдуя православіе и покровительствуя ему, Ольгердъ хорошо понималъ, что православная вѣра служитъ для русскаго народа основаніемъ его народности и тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ между собою всѣ разрозненныя въ государственномъ отношеніи русскія племена, а потому пытался обособить русскую православную церковь въ Литовскомъ государствѣ отъ другихъ частей ея, находившихся за предѣлами Литвы, и образовать особую Литовско-Русскую православную митрополію. Кіевскіе митрополиты въ то время предпочитали жить уже не въ разоренномъ татарами и упавшемъ Кіевѣ, а на сѣверѣ Россіи, сначала во Владимірѣ на Клязьмѣ, а потомъ въ Москвѣ, во владѣніяхъ московскаго государя и въ зависимости отъ него. Когда св. Алексій, по ходатайству московскаго великаго князя и прежняго митрополита Ѳеогноста, вызванъ былъ въ Царьградъ для поставленія въ санъ митрополита всея Руси, то Ольгердъ съ своей стороны выбралъ своего кандидата изъ среды своихъ подданныхъ Романа и отправилъ его въ Царьградъ для той же цѣли. Романъ дѣйствительно возведенъ былъ въ санъ митрополита литовскаго, съ подчиненіемъ ему епархій Полоцкой, Туровской и волынскихъ, тогда какъ св. Алексій наименованъ былъ митрополитомъ Кіева и всей Руси. Каѳедра литовскаго митрополита была въ Новгородкѣ литовскомъ. По смерти Романа, св. Алексій утвержденъ былъ властію цареградскаго патріарха митрополитомъ всея Руси; но Ольгердъ въ одно изъ путешествій св. Алексія въ юго-западныя области (1358 г.), напалъ на святителя, обманомъ плѣнилъ всѣхъ его спутниковъ, расхитилъ находившееся при немъ многоцѣнное имущество и самого заключилъ подъ стражу. При содѣйствіи нѣкоторыхъ, святитель тайно ушелъ изъ-подъ стражи и уже болѣе не посѣщалъ владѣній литовскаго князя. А между тѣмъ Ольгердъ, съ

цѣлію вновь получить особаго митрополита литовскаго, жаловался цареградскому патріарху на св. Алексія, будто бы онъ, постоянно живя въ Москвѣ, никогда не посѣщаетъ ни Кіева, ни Литовскаго княжества, и, будучи преданъ одному князю московскому, вовсе не любитъ другихъ князей русскихъ. Патріархъ, для примиренія св. Алексія съ Ольгердомъ, послалъ на Русь своего посла Кипріана, родомъ серба, который, вмѣсто примиренія, съумѣлъ войти въ ближайшую довѣренность и любовь къ Ольгерду и достигъ того, что въ 1376 году самъ рукоположенъ былъ въ санъ митрополита кіевскаго и литовскаго, съ правомъ на всю Россію послѣ Алексія. Кипріанъ не мало содѣйствовалъ утвержденію православія въ Литвѣ, строилъ православныя церкви и возстановилъ православіе въ Новгородкѣ литовскомъ. По смерти св. Алексія, Кипріанъ, послѣ долгихъ усилій, успѣлъ наконецъ воспользоваться своимъ правомъ и соединить на время подъ своею властію всю русскую церковь [109]).

Ольгердъ скончался въ 1377 году, оставивъ свое государство на пути къ полному обрусенію. Православіе и русскій языкъ безпрепятственно развивались въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства. Отъ XIV вѣка сохранились до настоящаго времени слѣдующія церковныя рукописи, принадлежавшія разнымъ православнымъ монастырямъ и церквамъ въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи: Мстижское евангеліе; бесѣды св. Григорія папы римскаго изъ Супральскаго монастыря; отрывокъ изъ Пинскаго евангелія; отрывокъ изъ соборника 12-ти мѣсяцевъ, съ чтеніями изъ апостола и тропарями святымъ, изъ Трокъ [110]); евангеліе изъ Полоцкаго Предтеченскаго монастыря, съ записью полоцкаго князя Онуфрія [111]); Оршанское евангеліе; Лавришевское евангеліе XIV в., со вкладными записями князей Александра-Олелька Владиміровича кіевскаго, Димитрія Ольгердовича и др., находящееся въ библіотекѣ Чарторыйскихъ въ Краковѣ [112]); псалтирь 1397 года, принадлежавшая Виленской Николаевской церкви [113]); октоихъ, хранящійся въ Минской Екатерининской церкви [114]), и др. Сама даже Литва къ концу XIV вѣка получила уже сильную русскую окраску и съ теченіемъ времени могла бы совершенно слиться съ русскою народностію и по вѣрѣ и по языку. Къ этому времени общимъ счетомъ 56 литовскихъ князей исповѣдывали православную вѣру, 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за литовскими князьями и 15 литовскихъ княженъ было выдано за князей русскихъ. Государственнымъ языкомъ

въ Литвѣ былъ языкъ русскій. «Отъ самаго начала власти великихъ князей литовскихъ надъ землями русскими,—говоритъ польскій писатель Нарбутъ,—несмотря на большую разность вѣры, никогда не было нетерпимости христіанства; напротивъ, князья, уважая права, языкъ и обычаи покоренныхъ народовъ, сами заимствовали у нихъ то, что признавали мудрымъ; поэтому православная вѣра путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ распространилась въ Литвѣ прежде, нежели правительство думало принять къ этому мѣры» [115]). Очень рано она проникла даже въ отдаленную и самозамкнутую Жмудь, гдѣ впослѣдствіи становится извѣстнымъ цѣлый рядъ православныхъ храмовъ и монастырей [116]). «Еслибы такое теченіе дѣлъ продолжалось еще нѣкоторое время, — говоритъ другой польскій писатель Ярошевичъ, — то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, частію и русское законодательство, принимая русское вѣроисповѣданіе съ духовной властью русской церкви и вступая часъ отъ часу въ болѣе тѣсныя сношенія съ цѣлой Русью посредствомъ семейныхъ связей своихъ князей, Литва,— говорю,—перемѣнила бы свою литовско-языческую народность на христіанско-русскую» [117]).

Но, вопреки естественному ходу дѣлъ, одинъ изъ сыновей Ольгерда Ягайло рѣшился повернуть исторію великаго княжества Литовскаго въ совершенно другую, противоположную сторону. Получивъ великокняжескій престолъ помимо дяди и старшихъ своихъ братьевъ и раздраживъ ихъ противъ себя, онъ внесъ внутренніе раздоры въ Литовское государство и потерялъ чрезъ то опору для себя въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами своими, а потому примкнулъ къ совершенно чуждому по развитію Польскому государству и польско-католической вѣрѣ, не только самъ принявъ ее, но и обязавшись ввести ее между своими подданными. Обязательства своего онъ не исполнилъ и не могъ исполнить и только внесъ въ свое Литовско-Русское государство вѣроисповѣдную рознь и вражду между своими подданными, тѣмъ самымъ ослабилъ его и былъ причиною совершеннаго почти подчиненія Литовско-Русскаго государства Польшѣ и отторженія русскихъ областей сосѣднимъ Московскимъ государствомъ.

Глава третья.

Государственное соединеніе Литвы съ Польшей подъ властію одного рода, но съ особыми государями и съ особымъ внутреннимъ управленіемъ.

Сыновья Ольгерда.—Ягайло — великій князь; бракъ его съ Ядвигой; первое соединеніе Литвы съ Польшей и послѣдствія его. — Назначеніе Скиргайла великимъ княземъ литовскимъ; соперничество съ нимъ Витовта.—Могущество и новые замыслы Витовта; взятіе Смоленска; татарскія дѣла; договоръ съ Польшею 1401 года; столкновенія съ Новгородомъ и Москвою; пораженіе рыцарей подъ Грюнвальдомъ 1410 года; возобновленіе соединенія Литвы съ Польшей въ 1413 году; крещеніе Жмуди въ католичество; отношенія Витовта къ православнымъ; возстаніе Свидригайла и исходъ его; луцкій съѣздъ государей 1429 года и смерть Витовта. — Избраніе Свидригайла на великокняжескій престолъ; Сигизмундъ Кейстутьевичъ; смерть Сигизмунда.

Ѿ ДВУХЪ женъ своихъ Ольгердъ имѣлъ 12 сыновей, которымъ еще при жизни своей началъ раздавать удѣлы. Отъ Маріи витебской онъ имѣлъ: Андрея-Вингольда полоцкаго, Владиміра кіевскаго, Іоанна-Задзевита подольскаго, Димитрія-Корибута брянскаго, Димитрія трубчевскаго и Бориса-Буттава; отъ Іуліаніи тверской—Якова-Ягайла, Симеона-Лугвенія мстиславскаго, Константина-Коригайла черниговскаго и чарторыйскаго, Мингайла-Василія, князя пинскаго, Іоанна-Скиргайла и Льва-Свидригайла [118]).

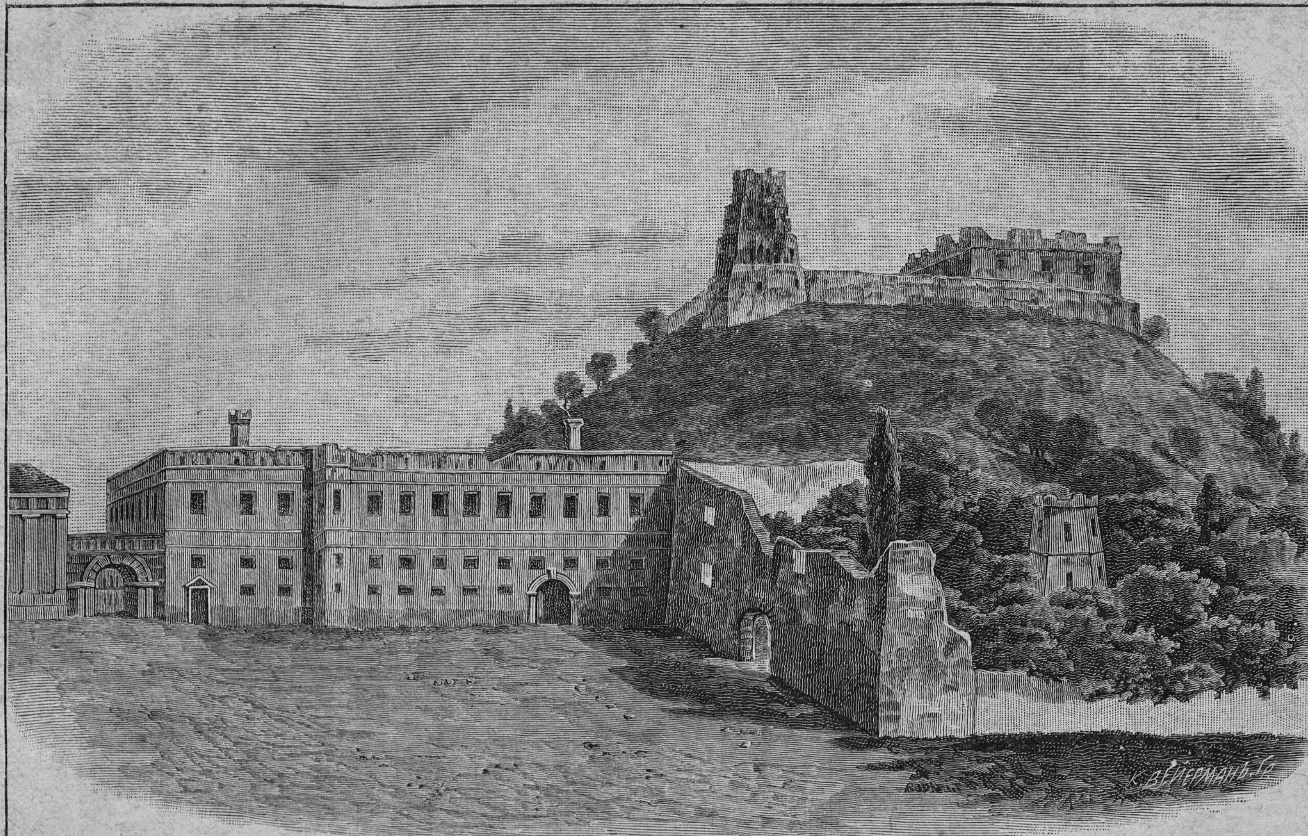
По смерти Ольгерда, старшимъ въ родѣ Гедиминовичей остался братъ его, Кейстутъ, который, однако, по желанію Ольгерда, согласился признать надъ собою старшинство одного изъ племянниковъ своихъ Ольгердовичей и остался по-прежнему удѣльнымъ княземъ трокскимъ. Великимъ княземъ литовскимъ провозглашенъ былъ, по желанію второй супруги Ольгерда, Іуліаніи, любимый и первый сынъ ея, Ягайло, помимо старшихъ сыновей Ольгерда отъ перваго его брака съ Маріей витебской. Эта несправедливость въ престолонаслѣдіи послужила поводомъ къ распрямъ и междоусобіямъ среди литовско-русскихъ князей. Одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, Андрей-Вингольдъ, князь полоцкій, считая себя обиженнымъ, не призналъ правъ Ягайла на великокняжескій престолъ и открыто возсталъ противъ него. Не имѣя достаточно силъ бороться съ Ягайломъ, Андрей бѣжалъ въ Псковъ, жители котораго и посадили его на своемъ столѣ, и призналъ себя подручникомъ великаго князя московскаго Димитрія Ивановича. Московскій князь спѣшилъ воспользоваться наступившими въ Литвѣ смутами, чтобы отнять у нея нѣкоторыя волости въ Сѣверской землѣ. Московское войско, подъ предводительствомъ Владиміра Андреевича серпуховскаго, Димитрія Михайловича волынскаго и Андрея Ольгердовича, въ 1379 году завоевало города Трубчевскъ и Стародубъ, причемъ другой сынъ Ольгерда, Димитрій трубчевскій, не только не оказалъ сопротивленія, но, по примѣру брата Андрея, со своимъ семействомъ и дружиною вступилъ въ службу великаго князя Димитрія и получилъ отъ него въ намѣстничество Переяславль-Залѣскій. Въ слѣдующемъ 1380 году Андрей и Димитрій трубчевскій Ольгердовичи, вмѣстѣ съ третьимъ своимъ братомъ, Димитріемъ-Корибутомъ брянскимъ, принимали славное участіе въ куликовской битвѣ Димитрія Ивановича Донскаго съ Мамаемъ, произведшей переломъ въ исторіи Русскаго государства и поставившей его на прямой и открытый путь къ могуществу и славѣ. Ягайло же, хорошо понимая начавшееся разложеніе своего государства и усиленіе Москвы, принялъ сторону враговъ креста Христова противъ своихъ единовѣрцевъ и явился союзникомъ Мамая, но безславно воротился съ похода, услышавъ о пораженіи татаръ.

Вскорѣ Ягайло, поддавшись коварнымъ внушеніямъ ордена противъ дяди своего Кейстута, заключилъ въ 1380 году съ орденомъ тайный договоръ, который не распространялся на Кейстута и его сыновей съ ихъ владѣніями, и отдалъ Полоцкъ родному брату своему, Скиргайлу. Этими

*

вѣроломными поступками своими Ягайло нажилъ себѣ новыхъ враговъ въ лицѣ Кейстута и полочанъ. Послѣдніе не только не приняли Скиргайла, но, посадивъ его на старую клячу, съ позоромъ выпроводили изъ города. Когда же Ягайло послалъ противъ полочанъ того же Скиргайла съ сильнымъ войскомъ и осадилъ Полоцкъ, — въ это время Кейстутъ, разгадавшій уже намѣренія Ягайла, внезапно явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ городомъ, взялъ въ плѣнъ Ягайла со всѣмъ его семействомъ и провозгласилъ себя великимъ княземъ. Спустя немного времени, великодушный Кейстутъ освободилъ Ягайла изъ-подъ стражи и далъ ему въ удѣлъ Крево и Витебскъ. Получивъ свободу и значительный удѣлъ въ свое распоряженіе, Ягайло воспользовался ими для того, чтобы низложить и погубить своего великодушнаго дядю. Воспользовавшись походомъ Кейстута противъ Димитрія-Корибута новгородъ-сѣверскаго, который не хотѣлъ признать Кейстута великимъ княземъ литовскимъ, Ягайло овладѣлъ стольнымъ городомъ Вильною, захватилъ въ Трокахъ богатства Кейстута и, наконецъ, пригласивъ его къ себѣ яко бы для мирныхъ переговоровъ, вѣроломно захватилъ его и сына его Витовта и отослалъ ихъ въ Кревскій замокъ, гдѣ Кейстутъ вскорѣ погибъ отъ руки подосланныхъ Ягайломъ убійцъ. Та же участь угрожала и Витовту Кейстутьевичу. Но этотъ послѣдній успѣлъ убѣжать изъ Кревскаго замка при содѣйствіи жены своей Анны, княжны смоленской, и удалился сначала къ родственнику своему, Конраду мазовецкому, а потомъ къ магистру Тевтонскаго ордена, Конраду Цольнеру. Послѣдній, имѣя въ виду поддерживать въ Литвѣ смуты и междоусобія и препятствовать ея усиленію, охотно принялъ подъ свое покровительство Витовта и взялъ его сторону противъ Ягайла. Военныя дѣйствія противъ Ягайла, начатыя Витовтомъ съ помощію рыцарей, прекращены были мировою сдѣлкою между двоюродными братьями, по которой Ягайло обязался возвратить Витовту его отцовское княжество, если онъ отстанетъ отъ союза съ орденомъ. Витовтъ не долго колебался и покинулъ рыцарей, но не получилъ всего обѣщаннаго. Ягайло передалъ Витовту русскія владѣнія его отца, т. е. Брестъ, Дрогичинъ, Гродну, Мельникъ, Каменецъ и проч., тогда какъ Троки остались во владѣніи брата Ягайлова, Скиргайла [119]).

Такимъ образомъ, первые годы княженія Ягайла на великокняжескомъ столѣ всѣ наполнены были внутренними смутами въ Литовско-Русскомъ государствѣ, отложеніемъ отъ него нѣкоторыхъ удѣльныхъ

Развалины дворца и замка великихъ князей литовскихъ въ Вильнѣ.

князей и даже явнымъ возстаніемъ ихъ противъ великаго князя. Ягайло не имѣлъ для себя прочной опоры въ своемъ собственномъ государствѣ, и хотя погубилъ опаснаго соперника своего дядю Кейстута, а съ сыномъ его Витовтомъ заключилъ миръ, но обманулъ послѣдняго и не могъ разсчитывать на его искреннюю дружбу и содѣйствіе. Оставался еще въ живыхъ старшій братъ Ягайла, Андрей полоцкій, заявлявшій притязанія на великокняжескій престолъ. А между тѣмъ внѣшнія опасности для Литовско-Русскаго государства умножались и увеличивались все болѣе и болѣе. На сѣверо-западѣ угрожала ему опасная война съ нѣмецкими орденами, а на сѣверо-востокѣ Московская Русь мужественнымъ ударомъ потрясла могущество татаръ, свергнула съ себя монгольское иго и неудержимо устремилась къ объединенію всѣхъ русскихъ православныхъ земель подъ своею властію.

Среди такихъ трудныхъ обстоятельствъ Литовскаго государства, внутреннихъ и внѣшнихъ, вдругъ открываются для Ягайла виды на польскую корону и на государственное соединеніе Литвы съ Польшею.

Въ 1382 году умеръ польскій король Людовикъ Венгерскій, не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Поляки выбрали своей королевой младшую дочь его, Ядвигу, и хотя она еще въ дѣтствѣ обручена была австрійскому князю Вильгельму, однако порѣшили считать ее свободною отъ жениховъ, не желая подчиняться нѣмецкому князю, и самимъ выбрать ей жениха. Выборъ ихъ остановился на государѣ Литвы, съ которымъ у нихъ были счеты и столкновенія изъ-за южнорусскихъ земель и въ которомъ видѣли опору для трудной борьбы съ нѣмцами, одинаково враждебными и Польшѣ и Литвѣ. Съ помощію брака Ягайла съ Ядвигой, поляки не только избавлялись бы отъ опасности со стороны сосѣда, но и дѣлали бы его своимъ неразрывнымъ союзникомъ, котораго, при томъ же, какъ полудикаря, легко можно было подчинить польской гражданственности и сообщить ему желательное для поляковъ внутреннее расположеніе и настроеніе [120]). Ягайло, самъ нуждавшійся въ сторонней помощи, съ радостью согласился на всѣ условія, какія предлагали ему поляки для вступленія въ бракъ съ Ядвигою. Еще въ 1385 году онъ далъ въ Кревѣ письменное обѣщаніе соединить Литву съ Польшею и обязательство возвратить Польшѣ отнятыя кѣмъ-либо у нея земли, присоединить къ ней

литовско-русскія и обратить въ католичество своихъ братьевъ, родственниковъ, бояръ и земянъ [121]). На съѣздѣ представителей Польши и большинства литовскихъ князей въ Волковыскѣ, въ 1386 году, постановлены были слѣдующія условія соединенія Литвы съ Польшей. Въ той и другой будетъ одинъ верховный государь Ягайло. Будутъ общія иностранныя сношенія по дѣламъ, касающимся обоихъ государствъ, и общая защита противъ всякаго врага. Но внутреннее управленіе обоихъ государствъ будетъ совершенно отдѣльно: каждое будетъ имѣть своихъ должностныхъ лицъ, особую казну, особыя войска. Желая уничтожить самую причину существованія прусскаго рыцарскаго ордена, основаннаго для обращенія литовскихъ язычниковъ въ латинство, литовскіе князья согласились, чтобы Литва въ собственномъ смыслѣ, т. е. литовскій языческій народъ, обращена была въ латинство [122]). Но неизвѣстно, съ согласія-ли литовскихъ князей дано Ягайломъ обѣщаніе заплатить 200,000 червонцевъ неустойки бывшему жениху Ядвиги Вильгельму, условленной еще отцомъ Ядвиги Людовикомъ Венгерскимъ при заключеніи договора о бракѣ ея съ Вильгельмомъ. Изъ Волковыска литовскіе князья и знатнѣйшіе сановники отправились въ томъ же 1386 году въ Люблинъ, гдѣ поляки собрались на сеймъ и избрали Ягайла польскимъ королемъ. Оттуда всѣ двинулись въ Краковъ. Здѣсь, 15 февраля 1386 года, произошелъ торжественный переходъ Ягайла изъ православія въ католичество, при чемъ онъ, вмѣсто Якова, названъ Владиславомъ. Вмѣстѣ съ нимъ перешли, по крайней мѣрѣ наружно, изъ православія въ католичество нѣкоторые сопровождавшіе его братья и родственники, въ томъ числѣ Коригайло, Мингайло, Свидригайло и Витовтъ. Послѣдній, во время пребыванія своего въ Пруссіи, крестился изъ язычества въ католическую вѣру; потомъ, во время княженія своего въ западной Руси, принялъ православіе, а теперь, изъ угожденія Ягайлу, вновь перешелъ въ католичество. Другіе же братья Ягайла не захотѣли послѣдовать его примѣру и остались со своими семействами въ православіи [123]).

Но въ то время, когда Ягайло съ Ядвигою былъ еще въ Краковѣ, онъ получилъ извѣстіе о грозномъ возстаніи въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, направленномъ противъ неестественнаго союза Литвы съ Польшею. Извѣстный Андрей Ольгердовичъ, князь полоцкій, желая воспользоваться неудовольствіемъ русскаго населенія въ великомъ

княжествѣ Литовскомъ на переходъ Ягайла въ католичество, вздумалъ отнять у него русскую часть великаго княжества и съ этою цѣлію заключилъ союзъ съ Тевтонскимъ орденомъ, видѣвшимъ опасность для себя въ соединеніи Литвы съ Польшею, и со смоленскимъ княземъ Святославомъ Ивановичемъ, который желалъ воротить нѣкоторые города, отнятые у смоленскихъ князей Ольгердомъ, въ особенности Мстиславль. Андрей Ольгердовичъ и нѣмцы вторгнулись въ великое княжество съ сѣвера. Не успѣвъ взять Лукомля (нынѣ Сѣннинскаго у., Могилевской губ.), раздраженные рыцари опустошили нѣсколько волостей и ушли изъ предѣловъ витебскихъ и полоцкихъ. Ихъ союзникъ, Святославъ Ивановичъ смоленскій, въ томъ же 1386 году пошелъ къ Витебску, а потомъ къ Оршѣ и Мстиславлю. Оршанцы, по стародавнему обычаю, стоя на городскихъ стѣнахъ, начали бранить осаждающихъ и до того раздражили Святослава смоленскаго, что онъ, по выраженію лѣтописца, началъ неистовствовать въ окрестностяхъ Орши, «какъ безсмысленный звѣрь». Онъ сожигалъ беззащитныхъ поселянъ сотнями, давилъ ихъ десятками подъ приподнятыми стѣнами строеній, наконецъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женщинъ. Изъ-подъ Орши смольняне подступили къ Мстиславлю, пользуясь отсутствіемъ изъ него князя Симеона-Лугвенія, бывшаго съ Ягайломъ въ Краковѣ [124]); но здѣсь поражены были войсками Ягайла. Получивъ въ Краковѣ извѣстіе о вторженіи въ Литву непріятелей, Ягайло послалъ противъ нихъ большое войско съ братьями своими, Скиргайломъ, Димитріемъ-Корибутомъ и Симеономъ-Лугвеніемъ, которые 29 апрѣля 1386 года приблизились къ Мстиславлю и недалеко отъ него, на берегахъ рѣки Вехры, разбили смольнянъ нà-голову. Самъ Святославъ палъ, пронзенный копьемъ; оба сына его, Юрій и Глѣбъ, попали въ плѣнъ. Скиргайло по женѣ оказался въ родствѣ съ Юріемъ Святославичемъ; поэтому не только вылѣчилъ его отъ ранъ, но и посадилъ на смоленскомъ столѣ, а Глѣбъ нѣкоторое время оставался въ плѣну. Избавившись такимъ образомъ отъ одного непріятеля, въ слѣдующемъ году Ягайло самъ, вмѣстѣ съ Скиргайломъ, обратился противъ Андрея полоцкаго, который былъ также побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ одинъ польскій замокъ (Хенцинскій, нынѣ въ Келецкой губерніи), гдѣ и просидѣлъ до 1394 года.

Между тѣмъ, еще во время усмиренія этихъ волненій, послѣ пораженія смольнянъ, Ягайло съ Ядвигой прибылъ въ 1387 году въ Вильну

и приступилъ къ обращенію Литвы въ католичество. Въ началѣ 1387 года въ Вильнѣ былъ созванъ сеймъ, на которомъ рѣшено было крестить въ католическую вѣру всѣхъ природныхъ литовцевъ обоего пола и всякаго

Виленскій Свято-Троицкій монастырь.

званія, къ какому бы другому исповѣданію ни принадлежали они. Смѣшанные браки запрещены; но еслибы такой бракъ случился, то сторону некатолическую можно даже тѣлеснымъ наказаніемъ принудить

принять католичество. Чтобы облегчить дѣло крещенія, Ягайло далъ крестившимся литовскимъ боярамъ грамоту, которою они уравнивались въ правахъ съ польскою шляхтою. Боярамъ дано право, безъ ограниченія со стороны князей, распоряжаться своими имѣніями и выдавать замужъ своихъ дочерей по собственному усмотрѣнію. Имѣнія ихъ освобождены отъ повинностей, исключая обязанности строить княжіе замки и отправлять военную службу на собственный счетъ. Далѣе, виленскимъ горожанамъ, послѣ принятія католичества, обѣщано введеніе у нихъ нѣмецкаго городоваго устава или такъ называемаго магдебургскаго права. Но все это не распространяется на тѣхъ, кто или не принялъ католичества, или отрекся отъ него. Послѣ этого, Ягайло велѣлъ разрушить языческія капища въ Вильнѣ и погасить священные огни и крестилъ литовцевъ-язычниковъ въ рѣкѣ Виліи, причемъ новообращенные получали бѣлыя суконныя свиты. Самъ Ягайло принималъ усердное участіе въ дѣлѣ крещенія, и такъ какъ было еще мало ксендзовъ, владѣвшихъ литовскимъ языкомъ, то онъ лично являлся имъ на помощь и объяснялъ народу правила новой вѣры. Окончивъ крещеніе виленскихъ литвиновъ, онъ предпринялъ для той же цѣли поѣздки въ другія мѣста Виленской и Трокской областей. Всего, какъ говорятъ, онъ окрестилъ такимъ образомъ до 30,000 литовскихъ язычниковъ. Жмудь пока сохранила еще свою старую вѣру. Оставлена была въ покоѣ и греческая вѣра, которую исповѣдывало русское населеніе Вильны и другихъ городовъ. Нѣкоторые литовскіе князья и бояре, успѣвшіе прежде принять православіе, остались ему вѣрны. Однако со стороны Ягайла, очевидно, были сдѣланы опыты принудительныхъ мѣръ по отношенію къ нѣкоторымъ литовскимъ боярамъ, такъ какъ дѣло не обошлось безъ мучениковъ православія. Русская лѣтопись говоритъ, что король велѣлъ казнить двухъ изъ своихъ литовскихъ вельможъ, не хотѣвшихъ перемѣнить восточное православіе на латинскую вѣру [125]).

Для утвержденія въ своемъ государствѣ новой вѣры, Ягайло въ томъ же 1387 году построилъ въ Вильнѣ латинскій костелъ во имя св. Станислава и учредилъ при немъ латинскую архіепископскую каѳедру для всѣхъ литовцевъ, назначивъ въ виленскіе архіепископы бывшаго духовника венгерской королевы Елизаветы, поляка Андрея Васило. Онъ построилъ также нѣсколько костеловъ въ разныхъ обла-

стяхъ своего государства и особенно въ Литвѣ, и такимъ образомъ былъ истиннымъ основателемъ латинской церкви въ Литовскомъ государствѣ, до него почти не существовавшей.

Первое свѣдѣніе о латинскихъ костелахъ и монастыряхъ въ Литвѣ относится еще ко времени княженія Мендовга, который, будучи тѣснимъ съ одной стороны галицко-волынскими князьями Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, а съ другой—ливонскими рыцарями, въ 1251 году притворно изъявилъ желаніе принять католичество и допустилъ въ Новгородокъ литовскій латинскаго епископа Христіана, котораго однако же выгналъ оттуда въ 1260 году, снова объявивъ себя язычникомъ [126]). Можетъ быть, этимъ епископомъ построенъ былъ при Мендовгѣ Троицкій костелъ въ Дрогичинѣ, нынѣ Гродненской губерніи [127]). Другой литовскій князь, Гедиминъ, тоже тѣснимый нѣмецкими рыцарями, въ 1323 году послалъ къ папѣ двусмысленное письмо, дававшее поводъ думать о желаніи его принять католичество. Изъ содержанія и обстоятельствъ этого письма видно, что при Гедиминѣ находились католическіе монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, и что для послѣднихъ онъ построилъ или обѣщалъ построить въ Вильнѣ костелъ; но, съ отказомъ Гедимина отъ католичества, исчезли изъ Вильны и католическіе монахи. Лѣтопись замѣчаетъ, что при началѣ княженія Ольгерда «римской вѣры уже не было, только русская замѣшалася». Но при этомъ же князѣ католичество вновь проникло въ Литву и въ частности въ Вильну, хотя и имѣло здѣсь незавидную участь. Около 1365 года одинъ литовскій вельможа, Гастольдъ, бывшій великокняжескимъ намѣстникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, вступая въ бракъ съ дочерью польскаго пана Бучацкаго, ревностнаго католика, принялъ въ Краковѣ латинское крещеніе. Сдѣлавшись потомъ намѣстникомъ виленскимъ, Гастольдъ, съ дозволенія князя, построилъ на своемъ виленскомъ дворѣ францисканскій кляшторъ (монастырь). Когда же Гастольдъ отправился съ Ольгердомъ на войну противъ Московскаго государства, то, пользуясь его отсутствіемъ, толпа виленскихъ язычниковъ бросилась на кляшторъ и сожгла его, а францисканскихъ монаховъ семь человѣкъ убила, другихъ же семерыхъ, привязавъ каждаго къ крыжу (латинскому кресту), пустила внизъ по рѣкѣ Виліи, приговаривая: «съ запада солнца вы пришли, на западъ и ступайте за то, что сказили нашихъ боговъ». Возвратившись изъ похода, князь

жестоко наказалъ участниковъ этого злодѣйства. Если вѣрить литовской лѣтописи, онъ казнилъ не менѣе 500 человѣкъ. Гастольдъ съ своей стороны вызвалъ другихъ монаховъ того же ордена, но уже побоялся оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ и устроилъ для нихъ другое помѣщеніе вблизи новаго своего дома на Пескахъ. Вскорѣ потомъ самъ Гастольдъ поступилъ во францисканскій орденъ и со своими товарищами по монашеству началъ проповѣдывать народу латинство, надѣясь современемъ сдѣлаться бискупомъ литовскимъ; но въ 1374 году онъ погибъ вмѣстѣ со своими товарищами при нападеніи татаръ, которыхъ навели на кляшторъ сами виленцы.

Почти одновременно съ первымъ построеніемъ виленскаго францисканскаго кляштора, францисканскіе монахи проникли и въ Лиду (нынѣ Виленской губ.) и въ 1366 году устроили здѣсь кляшторъ. Хотя черезъ три года лидскіе францискане и были побиты народомъ, но, вѣроятно, продолжали держаться и въ послѣдующее время. Такимъ образомъ, со времени перваго заявленія Мендовга о желаніи принять латинство и до совращенія Ягайла въ католичество, т. е. въ теченіе свыше 130 лѣтъ, успѣхи латинства въ Литвѣ ограничивались только постройкой двухъ-трехъ кляшторовъ, которые притомъ же нѣсколько разъ были разрушаемы народомъ. Ясно, что латинская церковь могла быть введена въ Литвѣ только княжескою властію и не безъ большихъ усилій и принудительныхъ средствъ [128]).

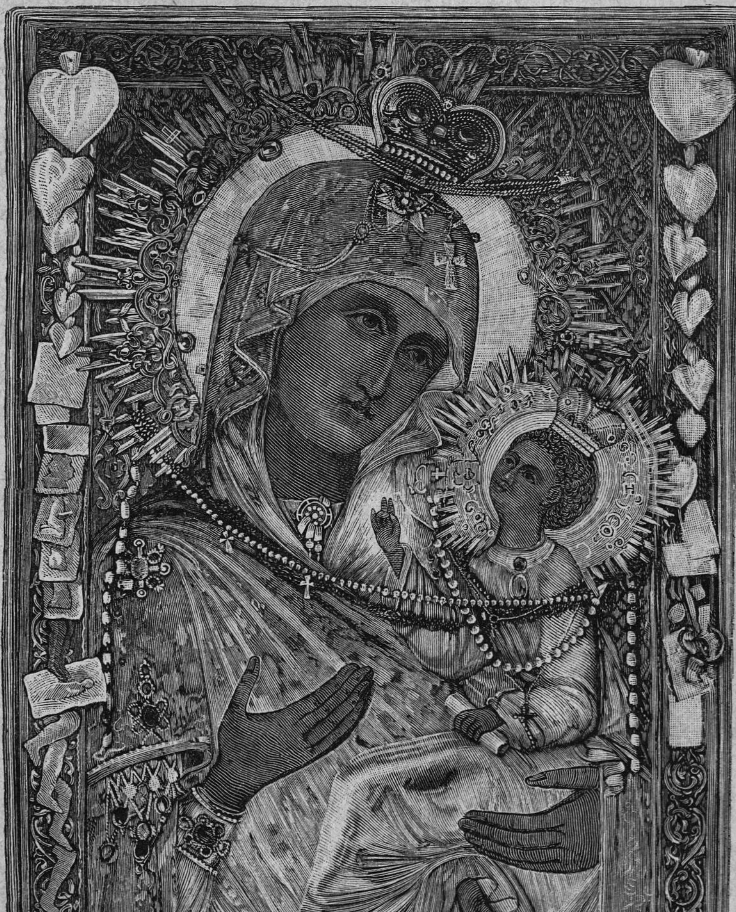
Кромѣ каѳедральнаго Станиславскаго костела, Ягайло основалъ также въ Вильнѣ костелъ св. Мартина, существовавшій, впрочемъ, не долго, и костелъ св. Іоанна (Свято-Янскій), довольно долго остававшійся недостроеннымъ и неосвященнымъ [129]). Въ другихъ городахъ и населенныхъ мѣстностяхъ Литвы и западной Руси Ягайломъ основаны слѣдующіе костелы: въ Вилькомирѣ и Таурогинахъ, нынѣ Вилькомирскаго и Новоалександрійскаго уѣздовъ, Ковенской губерніи [130]); въ Мейшаголѣ, Нѣменчинѣ, Меречи и Кревѣ, нынѣшней Виленской губерніи [131]); въ Брестѣ, Гродненской губерніи; въ Гайнѣ, Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи, въ 1387 году, и въ самомъ Минскѣ въ 1390 году [132]); въ Обольцахъ—Могилевской губерніи [133]). Слѣдовательно, усилія Ягайла къ распространенію католичества направлены были, главнымъ образомъ, на собственную Литву, нисколько не коснулись Жмуди и весьма мало—русскихъ областей великаго княжества Литовскаго. Во всякомъ

случаѣ, латинство, не смотря на незначительность своихъ исповѣдниковъ, получило въ Литовскомъ государствѣ значеніе господствующаго вѣроисповѣданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили большую силу и поляки, потому что латинское духовенство въ Литвѣ сначала по необходимости состояло большею частію изъ поляковъ. Полякамъ черезъ то открывался большой доступъ къ вліянію на дѣла литовскія. Это было тѣмъ важнѣе, что латинская церковь немедленно получила большія земельныя владѣнія [134]).

Поставивъ Литовское государство на путь окатоличенія и ополяченія и вообще сліянія съ Польшею, Ягайло взялъ съ удѣльныхъ князей присяжные листы въ вѣрности себѣ и польской коронѣ, а для непосредственнаго управленія Литвою оставилъ своимъ намѣстникомъ брата своего, Скиргайла, и, въ награду за его храбрость и вѣрную службу, возвелъ его, съ обычными обрядами, въ 1388 году, на великокняжескій престолъ въ Вильнѣ, самъ же большею частію проживалъ въ Польшѣ [135]). Не смотря на свою привязанность и вѣрность къ Ягайлу, Скиргайло преданъ былъ православной вѣрѣ и русской народности и, въ свою очередь, пользовался любовію русскаго населенія Литовскаго государства [136]). О преданности ему русскихъ жителей Литовскаго государства свидѣтельствуютъ всѣ источники. Длугошъ говоритъ, что русскіе въ высшей степени преданы Скиргайлу, какъ своему единовѣрцу. Стрыйковскій замѣчаетъ, что князь этотъ «болѣе старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели о распространеніи вѣры католической, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ». Польскіе и нѣмецкіе писатели называютъ его «схизматикомъ» (отщепенцемъ, т. е. православнымъ), между тѣмъ русская лѣтопись величаетъ его «чуднымъ, добрымъ княземъ» [137]).

Но Скиргайло вскорѣ встрѣтилъ опаснаго соперника себѣ, въ лицѣ двоюроднаго брата своего, Витовта Кейстутьевича. Витовтъ имѣлъ притязаніе на Трокскій удѣлъ, какъ на свое отцовское наслѣдіе, и питалъ большое неудовольствіе на Ягайла за то, что Троки отданы были Скиргайлу. Это неудовольствіе еще болѣе увеличилось, когда Скиргайло былъ возведенъ въ достоинство великаго князя, съ оставленіемъ за нимъ Трокскаго удѣла. Принимая въ Краковѣ вторично католичество, Витовтъ надѣялся самъ стать великимъ княземъ и — обманулся въ

своей надеждѣ. Чтобы не имѣть неудачи Андрея Ольгердовича полоцкаго, Витовтъ повсюду ищетъ себѣ союзниковъ: въ старыхъ своихъ друзьяхъ крестоносцахъ, хотя уже и обманутыхъ имъ однажды, и въ великомъ князѣ московскомъ, Василіѣ Димитріевичѣ, за котораго впослѣдствіи выдалъ дочь свою Софью и союзъ съ которымъ былъ заключенъ раньше, когда Василій бѣжалъ черезъ Литву изъ Орды. Послѣ помолвки Софьи Витовтовны съ Василіемъ Дмитріевичемъ, Ягайло и Скиргайло стали подозрительно смотрѣть на Витовта: запретили ему сношенія съ Пруссіею и Москвою, окружили его соглядатаями и доносчиками, преслѣдовали его родственниковъ и друзей, брали съ него новыя обязательства въ вѣрности и т. п. Все это вызвало, наконецъ, Витовта на новую борьбу. Пользуясь отсутствіемъ Скиргайла, Витовтъ въ концѣ 1389 года сдѣлалъ попытку овладѣть Вильною, но потерпѣлъ неудачу и бѣжалъ въ Пруссію черезъ Мазовію, гдѣ княжилъ зять его, Янушъ, снабдивъ предварительно достаточнымъ войскомъ свои важнѣйшія крѣпости: Гродну, Брестъ, Каменецъ и др. Хотя орденъ и не забылъ недавней измѣны Витовта, однако радъ былъ случаю внести новое междоусобіе въ сосѣднюю страну и помѣшать соединенію Литвы съ Польшею, и потому заключилъ съ Витовтомъ союзъ противъ Ягайла и Скиргайла. Кромѣ Гродненско-Берестейскаго удѣла, на сторонѣ Витовта вскорѣ оказалась почти вся Жмудь и часть православнаго литовско-русскаго населенія въ другихъ областяхъ, недовольная переходомъ Ягайла въ католичество. Русское населеніе на югѣ Литвы обнаруживало явное нерасположеніе къ Ягайлу. Когда рыцари и Витовтъ подступили къ Вильнѣ, то одинъ русскій виленскій монахъ задумалъ-было поджечь виленскую крѣпость, занятую поляками, чтобы она и Вильна достались скорѣе рыцарямъ, чѣмъ Ягайлу. Видя нерасположеніе къ себѣ русскаго населенія и неудобство борьбы съ Витовтомъ, Ягайло рѣшился примириться со своимъ сильнымъ соперникомъ и прибѣгнулъ къ переговорамъ, обѣщавъ Витовту великокняжеское достоинство. Витовтъ и самъ уже тяготился своею зависимостью отъ ордена и рѣшился вторично измѣнить своимъ договорамъ съ нѣмцами, оставивъ въ ихъ рукахъ заложниками брата своего, Конрада, и двухъ малолѣтнихъ сыновей на явную погибель. Примиреніе Витовта съ Ягайломъ состоялось въ Вильнѣ 4 августа 1392 года. Витовтъ получилъ званіе великаго князя литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя, съ обѣщаніемъ оказывать польскому

Виленская икона Одигитріи (Путеводительницы).

королю только свое содѣйствіе и помощь въ случаяхъ нужды, а Скиргайло получилъ Кіевское княжество съ титуломъ «великаго князя русскаго», откуда Витовтъ свелъ Владиміра Ольгердовича, давъ последнему Копыльско-Слуцкое княжество въ нынѣшней Минской губерніи [133]).

Нѣкоторые родные братья Ягайла однако были недовольны такимъ возвышеніемъ надъ ними Витовта и происшедшими тогда перемѣнами въ удѣлахъ. Поэтому послѣ 1393 года мы видимъ, что въ русскихъ областяхъ поднимается бунтъ за бунтомъ. Такъ, извѣстны: бунтъ Глѣба Святославича смоленскаго, бунтъ Корибута сѣверскаго, Владиміра Ольгердовича, Ѳеодора подольскаго и особенно обезпокоивавшій Ягайла бунтъ Свидригайла [139]). Въ 1393 году скончалась въ Витебскѣ супруга Ольгерда, великія княгиня Іуліанія, княжившая здѣсь пожизненно, передавъ Витебскую волость меньшому своему сыну Свидригайлу. Но Ягайло считалъ эту волость выморочною и, причисливъ ее къ коронным имуществамъ, послалъ туда намѣстникомъ любимца своего, ловчаго Ѳеодора Весну. Обиженный Свидригайло удалился за помощью къ рыцарямъ. Отъ нихъ пробравшись потомъ съ небольшимъ войскомъ черезъ лѣса, внезапно явился передъ Витебскомъ и овладѣлъ городомъ. Намѣстника Весну онъ приказалъ сбросить съ высокой замковой стѣны: несчастный, при своемъ паденіи, сломилъ себѣ шею и утонулъ въ Двинѣ. Ягайло, узнавъ объ этомъ, поручилъ Витовту наказать непокорнаго брата. Витовтъ, соединивъ свои войска съ полками Скиргайла, немедленно выступилъ въ походъ противъ Свидригайла. Сперва подступили они къ Друцку. Тамошніе князья не только приняли ихъ дружелюбно, но и дали имъ вспомогательный отрядъ. Отъ Друцка пошли къ Оршѣ, жители которой, державшіе сторону Свидригайла, упорно защищались два дня, а на третій сдались. Наконецъ, союзники явились подъ Витебскомъ. Такъ какъ при осадѣ этого города предстояло много затрудненій, то князья пригласили къ себѣ на помощь смоленскаго князя Юрія Святославича. Свидригайло защищался упорно. Наконецъ Витовтъ овладѣлъ нижнимъ замкомъ. Потомъ, сильнымъ дѣйствіемъ изъ орудій, поставленныхъ у Благовѣщенской церкви, сдѣланы проломы въ стѣнахъ и башняхъ верхняго замка. Союзники уже готовились къ общему приступу, какъ внезапно жители Витебска, устрашенные и сильною ратью, и опасеніемъ казни за сопротивленіе, сдали

свой городъ Витовту. Свидригайло самъ явился съ покорностью къ осаждающимъ и, кажется, былъ прощенъ, потому что вскорѣ является владѣтелемъ Крева. Спустя три года, въ 1396 году, Свидригайло снова бѣжалъ къ ливонскимъ рыцарямъ и, пробравшись съ нѣмецкимъ отрядомъ черезъ псковскія земли, снова, хотя и на короткое время, овладѣлъ Витебскомъ, съ жителями котораго успѣлъ предварительно условиться, изъ прочихъ же городовъ выслалъ великокняжескихъ намѣстниковъ. Но при этомъ онъ допустилъ одну неосторожность, погубившую его дѣло, раздѣливъ свое войско на мелкіе отряды, которыми занималъ почти каждый городъ и каждое мѣстечко. Витовтъ поспѣшилъ съ войскомъ къ Витебску и обложилъ его. Послѣ 30-дневной осады, онъ взялъ штурмомъ нижній замокъ и принудилъ тѣмъ войско и жителей перебраться въ верхній; но отъ этого скопилось тамъ такъ много народу, что воины хотѣли выпроводить горожанъ изъ замка. Открылось замѣшательство между осажденными, и ворота замка растворились передъ осаждающими. Витовтъ явилъ себя, по тогдашнему времени, довольно умѣреннымъ: казнилъ немногихъ, остальныхъ отпустилъ, но самаго Свидрагайла на этотъ разъ въ оковахъ отправилъ къ Ягайлу [140]). Витебскій удѣлъ достался Витовту, равно какъ и Сѣверскій. А смерть великаго князя кіевскаго Скиргайла въ 1395 году отдала въ руки Витовта и Кіевское княжество. Около того же времени Витовтъ завладѣлъ частью Волыни, отданною Владиміру Ольгердовичу взамѣнъ Кіева, и Подольемъ, которое отнялъ у Өеодора Коріятовича [141]).

Достигнувъ великокняжескаго престола и объединивъ Литовское государство, Витовтъ сталъ могущественнымъ государемъ. Но гордому Витовту, способному къ широкимъ предпріятіямъ, было мало этого зависимаго отъ Польши величія. Онъ сознавалъ необходимость создать изъ Литвы великое государство и съ этою цѣлію съ одной стороны стремился къ обособленію великаго княжества Литовскаго отъ Польши и снисканію ему полной государственной самостоятельности, а съ другой стороны увеличить предѣлы своего государства насчетъ сосѣдей и дать ему внутреннюю вѣроисповѣдную связь. Къ этой цѣли направлены были всѣ его дѣйствія, но, къ сожалѣнію, Витовтъ опустилъ изъ виду ту основу, на которой могло бы быть воздвигнуто его зданіе. Мѣняя не разъ вѣру, бывши то язычникомъ, то православнымъ, то католикомъ, онъ не могъ опереться на русское православное населеніе съ той увѣ-

[library stamp]

ренностію и прочностію, которая была бы доступна чисто-православному князю. Къ тому же, онъ понималъ величіе въ западномъ вкусѣ и не могъ отдѣлаться отъ соблазна западной гражданственности съ рыцарствомъ и другими приманками. Поэтому великія силы ума и воли, которыми обладалъ этотъ замѣчательный государь, оказались впослѣдствіи малоплодными [142]).

Едва ли не на первомъ мѣстѣ въ замыслахъ Витовта было расширеніе предѣловъ его государства насчетъ сѣверо-восточной Руси. Сначала орденъ не давалъ Витовту обратить вниманіе на сѣверо-востокъ. Но какъ только заключенъ былъ миръ съ нѣмцами въ 1394 году, Витовтъ въ слѣдующемъ же году захватилъ обманомъ Смоленскъ, отстоявъ его отъ рязанскаго князя Олега, и посадилъ тамъ своего намѣстника, причемъ зять Витовта, великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, не только промолчалъ, но даже и навѣстилъ Витовта въ Смоленскѣ. А въ 1397 году Витовтъ заявлялъ притязаніе на подчиненіе себѣ Новгорода.

Попытку къ возстановленію самостоятельности Литовскаго государства и независимости отъ Польши Витовтъ сдѣлалъ по поводу требованія платы неустойки бывшему жениху Ядвиги, Вильгельму, съ Подольской земли, которою владѣлъ Витовтъ. Ядвига потребовала отъ Витовта, чтобы онъ, владѣя Подольемъ, давалъ съ него, для уплаты неустойки, извѣстную ежегодную дань. Такое требованіе сильно раздражило Витовта, который поэтому созвалъ въ Вильну русскихъ и литовскихъ бояръ и спросилъ ихъ, считаютъ ли они себя подданными польской короны, обязанными платить ей дань. Разумѣется, отвѣтъ былъ отрицательный. Это было въ 1398 году. Въ то же время (осенью 1398 года) Витовтъ заключилъ съ Тевтонскимъ орденомъ отдѣльный отъ Польши союзный договоръ, по которому онъ уступалъ ордену западную Жмудь и обѣщался помогать ему въ завоеваніи Пскова, за что орденъ съ своей стороны обязался помогать Витовту въ завоеваніи великаго Новгорода. Но война съ послѣднимъ была отложена потому, что Витовтъ обратилъ вниманіе на дѣла ордынскія, вмѣшательство въ которыя обѣщало ему болѣе важныя выгоды.

Послѣ куликовской битвы, Мамай былъ свергнутъ съ престола Тохтамышемъ, который въ свою очередь побитъ былъ Тимуромъ или Тамерланомъ, а потомъ изгнанъ изъ Золотой Орды соперникомъ своимъ Те-

миръ-Кутлуемъ. Тохтамышъ обратился съ просьбою о помощи къ Витовту. Витовтъ водворилъ его пока въ Лидскомъ замкѣ и обѣщалъ снова посадить его въ Сараѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою, и въ 1399 году вышелъ съ огромнымъ войскомъ для возведенія его на престолъ. У рѣки Ворсклы полки новаго хана Темиръ-Кутлуя и татарскаго вождя Эдигея встрѣтились съ Витовтомъ и поразили его на-голову. При этомъ убито было свыше 20 литовско-русскихъ князей и между ними Андрей полоцкій и Димитрій Корибутъ Ольгердовичи, Глѣбъ Святославовичъ смоленскій и другіе.

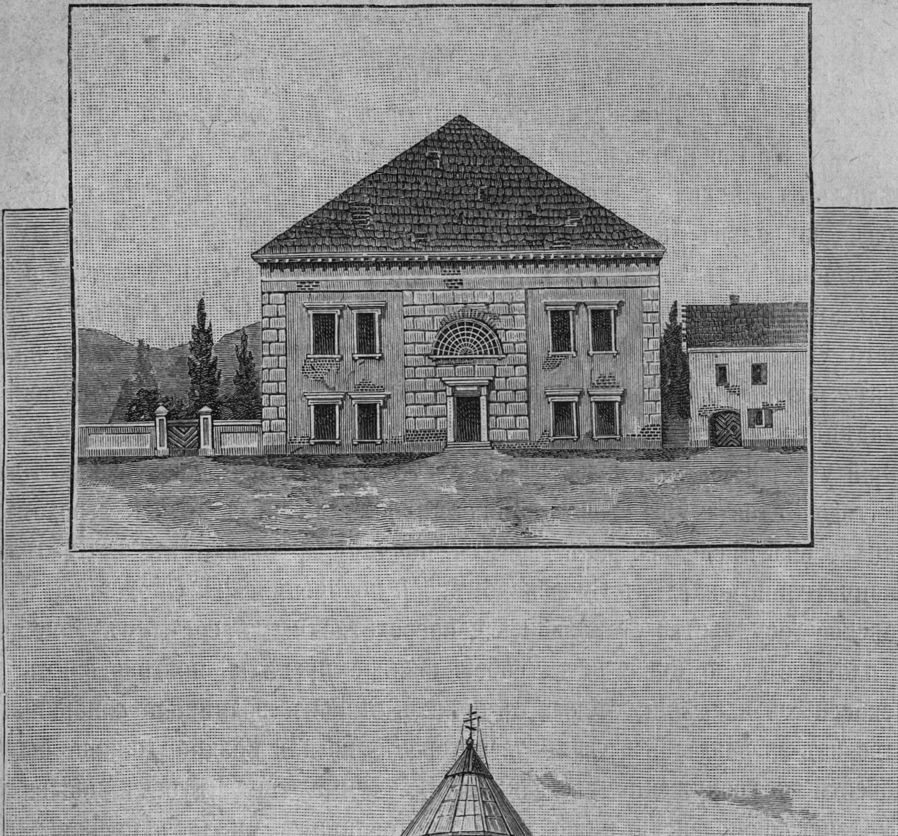
Важнѣйшимъ послѣдствіемъ пораженія Витовта на Ворсклѣ было то, что Московское государство заразъ спасено было отъ двухъ опасныхъ враговъ, т. е. отъ Тохтамыша и Витовта, и породило для послѣдняго такія затрудненія, которыя заставили его отказаться отъ дальнѣйшихъ видовъ на сѣверо-восточную Русь и обратить свое вниманіе въ совершенно другую сторону—на нѣмецкій орденъ. Пользуясь пораженіемъ Витовта и ослабленіемъ силъ Литовскаго государства, начали поднимать голову всѣ обиженные въ какомъ-либо отношеніи Витовтомъ и искать возстановленія попранныхъ своихъ правъ. Витовтъ чувствовалъ безпомощность своего положенія и мирился, съ кѣмъ еще можно было мириться, а противъ другихъ искалъ союзниковъ себѣ. Прежде всего, онъ заключилъ въ 1400 году миръ съ новгородцами по старинѣ [143]). Затѣмъ онъ постарался вновь сблизиться съ Ягайломъ и для этой цѣли отправился въ Краковъ. Поляки постарались воспользоваться положеніемъ Витовта и въ 1401 г. заключили съ нимъ договоръ, которымъ подтверждалось соединеніе Литвы съ Польшею, Витовтъ признавался пожизненнымъ государемъ Литвы, съ тѣмъ, что послѣ него власть возвращается къ Ягайлу, а въ случаѣ, если Ягайло умретъ ранѣе, поляки обязывались не избирать короля безъ согласія Витовта. Этимъ договоромъ поляки думали закрѣпить Литву за Польшею и сдержать самого Витовта, а Витовтъ съ своей стороны разсчитывалъ, вѣроятно, на возможность опираться на Польшу, какъ дѣйствительно и случилось: на сеймѣ въ Радомѣ поляки обязались поддерживать литовскаго князя [144]).

Такой договоръ съ поляками оказался для Витовта благовременнымъ; потому что тотчасъ же по заключеніи его, Витовту приходилось усмирять возстанія противъ него, возникшія подъ вліяніемъ его пораженія отъ татаръ [145]). Давнишній врагъ Витовта Свидригайло Ольгердовичъ въ

*

Виленскій Пречистенскій соборъ:
1) въ 1601 году, 2) до 1810 года.

Виленскій Пречистенскій соборъ:
1) въ 1864 году, 2) въ настоящее время.

1402 году явился подъ Вильною и встрѣтилъ сочувствіе себѣ въ русскомъ населеніи: русскіе монахи,—говоритъ Длугошъ,—стояли на его сторонѣ. Но Свидригайло все-таки потерпѣлъ неудачу и въ 1408 году бѣжалъ въ Москву, а оттуда въ слѣдующемъ году въ Пруссію и, наконецъ, захваченъ былъ Витовтомъ, который продержалъ его въ плѣну и заключеніи 8 лѣтъ. Смольняне, тяготившіеся литовскимъ владычествомъ, приглашали къ себѣ своего прежняго князя Юрія Святославича, жившаго у тестя своего Олега рязанскаго. Олегъ помогъ своему зятю возвратиться на Смоленское княжество и, кромѣ того, пограбилъ литовскія владѣнія и возвратился оттуда съ большою добычею. Но едва только Юрій утвердился въ Смоленскѣ въ августѣ 1401 года, какъ осенью того же года Витовтъ уже стоялъ со своими полками подъ этимъ городомъ; однако онъ нѣсколько разъ терпѣлъ неудачу и только въ 1404 году окончательно овладѣлъ Смоленскомъ. Съ покореніемъ же Смоленска, Литовское государство становилось непосредственнымъ сосѣдомъ Москвы и плотнѣе стало охватывать собою южные предѣлы новгородскихъ и псковскихъ владѣній; отсюда съ обѣихъ сторонъ возникало соперничество изъ-за владѣній и границъ, которое рано или поздно должно было повести къ вооруженному столкновенію. Когда еще Витовтъ добывалъ Смоленскъ, смоленскій князь Юрій Святославичъ умолялъ московскаго государя Василія Дмитріевича о помощи и покровительствѣ, но, не успѣвъ въ этомъ и потерявъ свое княжество, уѣхалъ въ Новгородъ, получилъ здѣсь въ управленіе 13 городовъ и заключилъ съ новгородцами оборонительный союзъ противъ иноплеменниковъ, преимущественно имѣя въ виду литовскаго князя. Но Витовтъ въ слѣдующемъ 1405 году самъ предупредилъ новгородцевъ; объявивъ имъ войну, неожиданно вторгнулся въ Псковскую область, взялъ посадъ Коложе и вывелъ съ собою 11,000 плѣнныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, поселивъ ихъ въ предмѣстьи Гродны, получившемъ съ того времени названіе Коложи. Псковичи и новгородцы не могли и не надѣялись одними собственными силами управиться съ Витовтомъ и просили защиты у московскаго великаго князя. Послѣдній на этотъ разъ разорвалъ миръ съ тестемъ за псковскую обиду, отправилъ брата Петра въ Новгородъ и послалъ свои полки въ Литовскую землю. Витовтъ за это велѣлъ перебить всѣхъ москвичей, находившихся въ его владѣніяхъ, но, въ свою очередь, испыталъ большое неудобство для себя отъ этой вражды: недовольные на-

чали отъѣзжать изъ Литвы въ Москву, и первый пріѣхалъ съ большою дружиною князь Александръ Нелюбъ, которому данъ былъ въ кормленіе Переяславль-Залѣсскій. Оба великіе князья, московскій и литовскій, нѣсколько разъ выходили въ поле, но не вступали въ битву, и наконецъ въ 1409 году заключили на Угрѣ договоръ между собою, послѣ чего миръ болѣе не нарушался. Съ Новгородомъ и Псковомъ при Василіѣ Димитріевичѣ Витовтъ тоже не воевалъ болѣе. Главное вниманіе его теперь обращено было на Жмудь и отношенія ея къ крестоносцамъ [146]).

Во время размолвки Витовта съ Ягайломъ въ 1398 году, Витовтъ уступилъ ордену всю западную Жмудь, до рѣки Дубиссы, чтобы обезпечить себя на время съ этой стороны, но уступилъ для смягченія упорства и строптивости самой Жмуди, еще языческой, и въ полной увѣренности, что жмудины сами могутъ отбиться отъ нѣмцевъ и защитить свою независимость. И дѣйствительно, жмудины съумѣли отстоять себя, хотя и съ величайшими усиліями и жертвами. Съ 1398 года наступила для Жмуди, быть можетъ, самая трудная и кровавая пора въ ея исторіи. Народъ, отстаивая свободу своей старой вѣры и обычаи предковъ, съ удивительнымъ мужествомъ боролся съ нѣмцами. Народное преданіе сохранило память о какомъ-то богатырѣ Телѣ, мужественно оборонявшемъ свой народъ отъ натиска нѣмцевъ и давшемъ свое имя городу Тельши. Въ 1399 году крестоносцы, для большаго успѣха своего предпріятія, созываютъ рыцарей со всей Европы: явились французы, голландцы, подъ предводительствомъ лотарингскаго герцога Карла Смѣлаго. По всей Пруссіи объявлено было поголовное ополченіе; совершались торжественныя молебствія объ успѣхахъ предпріятія. Произошла еще невиданная дотолѣ рѣзня. Жмудь пришла въ уныніе, смирилась на время и выдала заложниковъ. Начальникомъ Жмуди назначенъ былъ какой-то кюхмейстеръ фонъ-Штернбергъ, который и разослалъ по всей странѣ проповѣдниковъ, снабдивъ ихъ на этотъ разъ подарками для желающихъ креститься. Но такихъ было немного, а напротивъ многіе убѣгали въ Литву отъ крещенія и находили пріютъ у того же самаго Витовта, который ихъ продалъ изъ-за своихъ личныхъ политическихъ видовъ. Когда орденъ неотступно требовалъ ихъ выдачи у Витовта, то послѣдній отвѣчалъ: «вы, вѣрно, хотите, чтобы я всѣмъ жмудинамъ заразъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо; но знайте, что эти люди—самые горячіе приверженцы независимости, кото-

рую вы отняли у ихъ земляковъ; никто лучше ихъ не защититъ ее». Угроза Витовта скоро исполнилась. Возстаніе вспыхнуло во всей Жмуди; толпы вышли изъ лѣсовъ и ударили на новопостроенные орденскіе зaмки, сожгли ихъ, изрубили гарнизоны, начальниковъ, рыцарей, духовныхъ побрали въ неволю и въ оправданіе своихъ дѣйствій послали грамоты къ нѣмецкому императору и папѣ съ жалобою на орденъ: «Выслушайте насъ, угнетенныхъ и измученныхъ, выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога,—онъ ищетъ земель нашихъ для себя... Всѣ плоды земли нашей и пчелиные ульи рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ увозили къ себѣ дѣтей нашихъ въ заложники, старшинъ нашихъ завезли въ Пруссію, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силой увлекли,—а еще крестъ святой на платьѣ носятъ! Сжальтесь надъ нами! Мы просимъ крещенія, но вспомните, что мы—люди же, сотворенные по образу Божію, а не звѣри какіе... Они съ намѣреніемъ замедлили крещеніе нашей земли, не построили ниодного костела, не поставили ниодного ксендза. Только благородные князья Витовтъ и Ягайло просвѣтили вѣрою нѣкоторыхъ изъ нашихъ». Къ Витовту посланы были послы съ просьбою принять Жмудь подъ свою защиту. Витовтъ согласился, и началась война. Рыцари, пользуясь отъѣздомъ Витовта къ Ягайлу въ Краковъ, опустошили окрестности Гродны, за что Жмудь взяла Мемель. Два раза потомъ сильное орденское войско опустошало Литву. Витовтъ отплатилъ рыцарямъ опустошеніемъ Пруссіи. Съ обѣихъ сторонъ, впрочемъ, не сдѣлали ничего важнаго и заключили перемиріе, а въ 1404 году вѣчный миръ, который на дѣлѣ оказался весьма кратковременнымъ. Витовтъ принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ этого мира съ орденомъ, потому что долженъ былъ обратить вниманіе свое на отношенія къ сѣверо-восточной Руси. Онъ опять уступилъ Жмудь рыцарямъ, обязавшись даже, въ случаѣ сопротивленія жмудиновъ, помогать ордену при ихъ покореніи [147]). Рыцари вынесли изъ этого возмущенія Жмуди и войны съ Литвой тотъ урокъ, что впервые начали строить католическіе костелы на Жмудской землѣ. Такъ напримѣръ, ими построены были костелы: въ Велюнѣ около 1400 года и въ Кейданахъ въ 1403 году [148]). Несмотря однако на всѣ старанія крестоносцевъ, Жмудь не думала покоряться имъ добровольно. Когда орден-

скія и литовскія войска входили въ ея области, жители преклонялись на время передъ силою, но потомъ возставали опять. Между тѣмъ Витовтъ, управившись на востокѣ, началъ думать о томъ, какъ бы опять овладѣть Жмудью, и сталъ поддерживать жителей ея въ ихъ возстаніяхъ, слѣдствіемъ чего были новыя войны Польши и Литвы съ орденомъ. Въ 1410 году Витовтъ соединился съ Ягайломъ и встрѣтилъ орденское войско подъ Грюнвальдомъ, въ нынѣшней Пруссіи. У рыцарей было 83,000 войска, у Витовта и Ягайла 163,000, между которыми находились русскіе полки смоленскій, полоцкій, витебскій, кіевскій, пинскій и другіе. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ рыцарей; но отчаянное мужество русскихъ смоленскихъ полковъ, выдержавшихъ натискъ нѣмцевъ, дало Витовту возможность поправить дѣло: рыцари потерпѣли страшное пораженіе, потеряли великаго магистра Ульриха фонъ-Юнгингена, болѣе 40,000 убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ [149]).

Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ, которыми рѣшаются судьбы народовъ. Слава и сила ордена погибли въ ней окончательно и поникли предъ соединенными силами трехъ христіанскихъ народовъ,—и если Грюнвальдской битвой не прекращено было самое существованіе Тевтонскаго ордена, то единственно только по оплошности Ягайла, который не ударилъ тотчасъ на самое средоточіе ордена, столицу его Маріенбургъ, и далъ возможность одному изъ орденскихъ начальниковъ (комтуровъ) Генриху фонъ-Плауену нѣсколько оправиться отъ пораженія и устроить оборону Маріенбурга. Къ тому же Витовтъ понялъ, что не слѣдуетъ давать Польшѣ окончательно восторжествовать надъ нѣмцами, и, желая предохранить Литву отъ поглощенія Польшей, первый снялъ осаду Маріенбурга и воротился домой. Война окончилась миромъ въ Торунѣ, по которому Жмудь перешла къ побѣдителямъ, а по смерти Ягайла и Витовта должна быть возвращена рыцарямъ [150]).

Такая условная и временная уступка Жмуди великому княжеству Литовскому, а съ другой стороны замыслы новаго орденскаго магистра воротить потери ордена при помощи Германіи побудили Витовта принять особыя мѣры къ защитѣ отъ нѣмцевъ и упроченію своей власти на Жмуди. Съ этою цѣлію онъ прежде всего заключилъ въ 1413 году съ Польшею такъ называемую городельскую унію. По усло-

віямъ этой уніи, Литва и Польша соединяются въ одно государство. Послѣ смерти Витовта, Литва признаетъ государемъ Ягайла и его дѣтей; послѣ смерти Ягайла, поляки выбираютъ королемъ Витовта. Въ Литву вводятся должности, подобныя польскимъ, и учреждаются въ ней сеймы. Литовское дворянство, по выбору Витовта, приписывается къ польскимъ гербамъ и получаетъ ихъ права; но всѣ эти права доступны только католикамъ, а не еретикамъ и другимъ невѣрнымъ [151]). Благодаря послѣднему условію, имѣвшему силу до 1563 года, собственно литовское населеніе великаго княжества окончательно было закрѣплено католической церкви. Очевидно, статьи относительно еретиковъ и невѣрныхъ направлены были противъ православной вѣры, которой еще держалась часть потомковъ Гедимина и ихъ боярства.

Тотчасъ послѣ заключенія городельской уніи, Ягайло и Витовтъ отправились въ Жмудь, чтобы докончить начатое нѣмцами истребленіе язычества, водворить тамъ католическую церковь и лишить нѣмецкихъ рыцарей поводовъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ дѣла Жмуди. Закоренѣлый въ язычествѣ народъ, имѣвшій еще свое святилище Ромове (между мѣстечками Трусково и Шаты, въ деревнѣ Окойнѣ, Ковен. губ.) и своего верховнаго, послѣдняго уже жреца, неохотно внималъ католической проповѣди [152]). Для новобращаемыхъ католиковъ король и великій князь строили въ важнѣйшихъ жмудскихъ поселеніяхъ приходскіе костелы, какъ напримѣръ въ Мѣдникахъ или Ворняхъ, Веліонѣ, Уцянахъ, Эйшишкахъ, Видуклѣ, Свѣнцянахъ [153]), Ковнѣ, Крожахъ, Лукникахъ, Колтынянахъ, Эйраголѣ, Бетыголѣ, Побойскѣ и Цертахъ [154]). Католичество прежде всего принимали бояре, которые въ свою очередь строили въ своихъ имѣніяхъ католическіе костелы. Такимъ образомъ, при Витовтѣ появились на Жмуди костелы: Аннинскій въ Шавлянахъ, основанный Бутримовичемъ, и въ Лигумахъ—Вековичемъ [155]). Для Жмуди назначенъ былъ особый католическій епископъ, мѣстопребываніемъ котораго назначены въ 1417 году Мѣдники (Ворни). Но уже въ слѣдующемъ году народъ возсталъ, изгналъ епископа и ксендзовъ, разрушилъ костелы и дома крещеныхъ бояръ и вернулся къ своему Перкуну. Витовтъ опять усмирилъ жмудиновъ, но не переставалъ громить и крестоносцевъ, стараясь установить границу Жмуди по устье Нѣмана. Наконецъ, въ 1422 году споры покончены, и Жмудь навсегда признана за наслѣдниками Ягайла и Витовта, хотя волненія

За а҃

ѥѵⷢлⷷ҇ ѿ праксⷮ҇ ѡбъ͡е
поучинаѥ ѿ ıѡана·
Искони бѣ слово и сло
во бѣ к бу и бъ бѣ сло
во и се бѣ искони ѿ
ба и вса тѣмь бы
ша без него не бы ни ѥдино
же иже бысть томь жи
вотъ бѣ и животъ бѣ
свѣтъ чловѣкомъ и свѣ
тъ во тмѣ свѣтит сѧ
и тма ѥго не ѡбѧтъ·
бы члвкъ посланъ ѿ ба
имѧ ѥму ıѡанъ се
приде въ свѣдитель
ство да свѣдителсть
вуѥть ѡ свѣтѣ не бѣ
то свѣтъ да свѣдите
льствуѥть ѡ свѣтѣ
но бѣ свѣтъ истиньны
иже просвѣщаѥть вьсе
ѧкого члвка грѧдѧ
щаго в миръ в мирѣ
бѣ и миръ тѣмь бысть и
миръ ѥго не позна въ
своѧ приде и свои ѥго не
приѧша ѥлико же ихъ
приѧтъ и дасть имъ
власть чадомъ бжиѥмъ
быти вѣрующимъ
во имѧ ѥго иже ни ѿ кро
вии ни ѿ похоти плоть
скыѧ ни ѿ хотѣниѧ
мужьска но ѿ ба роди
шасѧ и слово плоть бы
въ сели сѧ в ны и видѣ
хомъ славу ѥго славу
ѧко ѥдиночадаго ѿ
ѡца исполнь блгти

а

Мстижское рукописное евангеліе XIV вѣка.

на Жмуди и въ Литвѣ еще долго не прекращались и по смерти Витовта [156]).

По отношенію къ литовскимъ и русскимъ областямъ своего государства Витовтъ тоже является на первыхъ порахъ усерднымъ распространителемъ и покровителемъ католичества. Въ его княженіе въ собственной и въ русскихъ областяхъ являются слѣдующіе костелы и кляшторы (монастыри): въ Вижунахъ 1406 года и Браславѣ, нынѣшней Ковенской губерніи [157]); въ Вильнѣ Аннинскій, построенный супругой Витовта Анной въ 1392 г., Никольскій 1400 г.—воеводой Іевно [158]), Яновскій 1427 года—частными лицами [159]); въ Старыхъ Трокахъ Благовѣщенскій 1400 г.—Витовтомъ; въДовгахъ—Витовтомъ; въ Солечникахъ, Лабонарахъ—всѣ три въ концѣ XIV вѣка; въ Старыхъ Трокахъ Богородичный и кляшторъ бенедиктинскій 1405—1410 г.г.—Витовтомъ; въ Гедройцахъ 1410 года—княземъ Гедройцемъ; въ Липнишкахъ 1411 г.—Сигизмундомъ (Кестутьевичемъ?), Прелаѣ, Дубинкахъ и Мerечи 1418 г.—Витовтомъ; въ Вишневѣ 1424 года—Хребтовичемъ; въ Ляцкѣ 1424 г.—Скиндеромъ; въ Ошмянахъ—Витовтомъ, въ нынѣшней Виленской губерніи; въ Гроднѣ въ концѣ XIV вѣка—Витовтомъ; въ Брестѣ августіанскій и въ Волковыскѣ—Витовтомъ, въ нынѣшней Гродненской губерніи [160]); въ Пинскѣ 1396 г.—братомъ Витовта Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ; въ Новгородкѣ литовскомъ—Витовтомъ и въ Слуцкѣ 1419 года, нынѣшней Минской губерніи [161]); въ Полоцкѣ 1409 года—нѣмецкими купцами [162]) и, можетъ быть, въ Витебскѣ нынѣшней Витебской губерніи [163]). Но, при господствѣ русскаго языка въ Литвѣ, католичество являлось здѣсь р у с с к и м ъ к а т о л и ч е с т в о м ъ, въ отличіе съ одной стороны отъ католичества польскаго, а съ другой—отъ восточнаго русскаго православія.

Изъ приведеннаго перечня костеловъ и кляшторовъ, построенныхъ Витовтомъ или въ его княженіе, видно, что большинство ихъ приходится на Жмудь и собственную Литву въ нынѣшнихъ Ковенской и Виленской губерніяхъ, тогда какъ въ чисто русскихъ областяхъ княжества, обнимающихъ нынѣшнія губерніи Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую, построено самое незначительное число костеловъ, изъ коихъ нѣкоторые (Полоцкій и Витебскій), при томъ же, въ скоромъ времени были уничтожены [164]). Православныхъ рѣшено склонять къ католичеству ограничительными мѣрами и лишеніемъ ихъ нѣкоторыхъ

правъ и преимуществъ въ сравненіи съ католиками. Въ 1404 году, по настоянію Витовта, митрополитъ Кипріанъ долженъ былъ снять санъ и отослать въ Москву, въ Симоновъ монастырь, туровскаго епископа Антонія по обвиненію его будто-бы въ сношеніяхъ съ татарами; главною же причиною ненависти литовскихъ князей къ Антонію полагаютъ ревность этого епископа къ православію. Извѣстно также, что еще при первомъ повелѣніи Ягайла о введеніи въ Литву латинства, 1387 года, было постановлено, что «всѣ литвины, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, должны перейти въ латинскую церковь изъ всякой другой секты», слѣдовательно и изъ восточнаго православія, которое латиняне называли сектой. Потомъ, на городельскомъ сеймѣ 1413 года Ягайло и Витовтъ, объявивъ соединеніе Литвы съ Польшей, постановили, что только принадлежащіе къ латинской церкви и принявшіе польскіе гербы князья и бояре литовскіе имѣютъ право пользоваться разными преимуществами и льготами, установленными въ Польшѣ, а также на высшіе должности и чины въ государствѣ должно избирать не иначе, какъ изъ лицъ, принявшихъ латинскую вѣру; равнымъ образомъ и въ совѣтъ государевъ могутъ быть допускаемы только латиняне, а отнюдь не схизматики (отщепенцы, т. е. православные) и иные невѣрные [165]). Давая разнымъ городамъ нѣмецкое магдебургское право, Витовтъ не распространялъ его на православныхъ мѣщанъ. Такъ напримѣръ, въ 1408 году, подтверждая городу Бресту магдебургское право, онъ не распространилъ этого права на новокрещенныхъ литвиновъ и русскихъ [166]). Но едва-ли не самый тяжкій ударъ русскому мѣщанству Витовтъ нанесъ въ 1388 году предоставленіемъ значительныхъ правъ евреямъ [167]), которые въ послѣдствіи времени захватили въ свои руки всю промышленность и торговлю и довели русское мѣщанство до крайняго упадка.

Не смотря однако на различныя ограниченія и стѣсненія православной церкви, она продолжала развиваться въ Литовскомъ государствѣ, благодаря многочисленности и плотности православнаго населенія и покровительству православныхъ удѣльныхъ и служилыхъ русско-литовскихъ князей и вельможъ. Когда жмудины поголовно разрушали латинскіе костелы, построенные Ягайломъ и Витовтомъ, въ то же самое время православные храмы и монастыри свободно строились и учреждались не только въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, но и по литовскимъ и жмудскимъ городамъ. Не желая одновременно поднимать про-

тивъ себя и язычниковъ и православныхъ, Ягайло и Витовтъ рѣшились не принуждать послѣднихъ къ латинству и даже выдали нѣсколько грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность разныхъ православныхъ церквей въ Вильнѣ и другихъ городахъ Литовскаго государства. Сколько было при Витовтѣ православныхъ храмовъ и монастырей въ Литовскомъ государствѣ, объ этомъ нельзя судить даже и приблизительно, потому что они большею частію существовали искони, отъ начала христіанства на Руси, и лишь случайно только отмѣчаемы были въ письменныхъ памятникахъ, притомъ же сравнительно поздняго времени. Кромѣ упомянутыхъ прежде православныхъ монастырей и церквей, въ Литовскомъ государствѣ при Ягайлѣ и Витовтѣ основаны или впервые становятся извѣстными слѣдующіе православные храмы и монастыри: въ Логожскѣ или Логойскѣ Предтеченскій монастырь 1387 года [168]); въ Слуцкѣ Михайловская церковь, обогащенная въ 1392 году княземъ Александромъ-Олелькомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда [169]); въ Кревѣ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка [170]); въ Браславлѣ, Ковенской губерніи, церковь и монастырь въ началѣ XV вѣка; въ Трокахъ—Георгіевская церковь, основанная женой самого Витовта Іуліаніей Гольшанской [171]); въ Мозырѣ—Ясногородскій Петропавловскій монастырь, упоминаемый въ 1401 году; въ Слуцкѣ Успенскій соборъ 1404—1409 г. княгиней Анастасіей Олельковной [172]); въ Витебскѣ Богородичный и близъ Витебска Добѣйскій монастыри, упоминаемые въ 1406 году [173]); въ Маломожейкахъ, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, Пречистенская церковь, основанная въ 1407 году Шимкомъ Мещкевичемъ Шкленскимъ [174]), и въ Сынковичахъ, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи, около того же времени, обѣ сохранившіяся до настоящаго времени [175]); въ Брестѣ Никольская съ древнею иконою св. Николая и Крестовоздвиженская, основанная женой Витовта Анной Святославной, упоминаемыя въ 1412 году [176]); въ Новгородкѣ—замковая Успенская, упоминаемая въ 1416 году [177]); въ Клецкѣ, Минской губерніи, четыре православныя церкви, существовавшія въ первой четверти XV вѣка [178]); Малецкая церковь, Гродненской губерніи, въ 1427 году Александромъ Витовтомъ [179]); въ Оршѣ—древнѣйшая Никольская церковь [180]); въ Казачизнѣ, Ковенской губерніи, православный монастырь XV вѣка [181]), и др. О многочисленности православнаго населенія, православныхъ храмовъ и монастырей въ сѣверо-западной Руси въ это время

Въ поне
н. мы
ꙗ не
е͠ч ꙗ е ѿ маꙗ

Регь блюдѣте не не
родите единого ѿ ма
лыихъ сихъ. глю бова
мъ ꙗко англи ихъ на
нбсьхъ вьинноу видꙗ
ть лице ѡца моего
нбнаго. при де бо снъ
члвчьскыи възиска
ти и спасти погыбъ
шаго. что же сѧ вамъ
мьнить. аще боудеть
нѣкоемоу члкоу р
овьць. и заблоудить
едина ѿ них. не оста
вить ли девѧти и десѧтъ
и девѧти на горахъ. и
шьдъ ищеть заблоуж
шаꙗ. и аще обрѧщеть
ю. аминь глю вамъ. ꙗ
ко радоуеть сѧ паче о
неи. не же едино ѳ. ти

десѧтъ и ѳ. ти не за
блоужьшихъ. тако нѣ
волѧ пред оцмь моимь
ньнебнымь. да погы
бнеть единъ ѿ сихъ
малыхъ. аще съгрѣши
ть братъ твои къ тобѣ
иди обличи и межю со
бою и тѣмь едино мь
аще тебе послоушаеть
приобрѧщеши брата
своего. аще ли тебе не
послоушаеть. поим
ми съ собою единого ли
дъва. да въ оустѣхъ дво
ю или трии съвѣдѣте
ль станеть вьсꙗкъ глъ
аще же не послоушаеть
ихъ. рьци цркви. аще
же и оцркви не родити
начьнеть. да боудеть
ꙗко и ꙗзычьникъ и
мытарь. аминь вамь
глю вамъ. елико а
ще съважете на земли
боудеть съвазанъ на
нбсьхъ. и елико аще
раздрѣшите на земли

Оршанское рукописное евангеліе XIV вѣка.

свидѣтельствуютъ и продолжавшія свое существованіе русскія епархіи митрополичья, Полоцкая и Турово-Пинская, съ частями сосѣднихъ епархій Холмской, Владиміро-Волынской, Луцкой, Кіевской, Черниговской и Смоленской, захватывавшихъ собою окраины теперешней сѣверо-западной Руси. Изъ полоцкихъ епископовъ при Ягайлѣ и Витовтѣ извѣстенъ Ѳеодосій 1406—1416 г., а изъ турово-пинскихъ Ѳеодосій, Антоній и Евѳимій Окушковичъ [182]).

Невозможно было и думать о томъ, чтобы всю эту западно-русскую церковь съ ея іерархіею и паствою можно было обратить въ одинъ или нѣсколько пріемовъ въ латинство; а потому Витовтъ, заботясь о распространеніи и поддержаніи латинства въ своемъ государствѣ, въ то же время прилагалъ старанія къ тому, чтобы образовать особую западно-русскую митрополію, независимую отъ московскаго митрополита, и затѣмъ мало по малу привести ее къ единенію съ римско-католическою церковью, такъ, чтобы была въ его государствѣ одна независимая церковь, безъ раздѣленія ея на польско-католическую и русско-православную, и отличная отъ той и другой.

Когда въ 1406 году скончался митрополитъ всероссійскій Кипріанъ, жившій въ послѣдніе годы своей жизни въ Москвѣ, Витовтъ, имѣвшій тогда размирье со своимъ зятемъ, великимъ княземъ московскимъ, и южно-русскіе епископы избрали въ митрополиты полоцкаго епископа Ѳеодосія, родомъ грека, и послали въ Царьградъ для посвященія. Но въ Царьградѣ Ѳеодосія не посвятили, а въ 1408 году прислали въ митрополиты всей Руси грека Фотія. Тогда Витовтъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Фотій, проживая въ Москвѣ, не радитъ о своей литовско-русской паствѣ, «того убо митрополита Фотія изгна» и послалъ въ Царьградъ къ императору и патріарху игумена Григорія Цамблака, изъ молдовлахійскихъ болгаръ, человѣка ученаго и учительнаго, прося посвятить его въ митрополиты западной Руси. Когда же императоръ и патріархъ отказали въ посвященіи Цамблака, то Витовтъ устроилъ отдѣльную митрополію для южной и западной Руси. «Пусть люди не говорятъ со стороны: государь не въ той вѣрѣ, отъ того и царство оскудѣло,»—писалъ Витовтъ въ объясненіе своей заботливости о православной церкви. Соборомъ западно-русскихъ епископовъ избранъ былъ и въ 1416 году посвященъ въ митрополиты въ Новгородкѣ Григорій Цамблакъ [183]). Права западно-русской церкви опредѣлены были такъ называемымъ Ярославо-

вымъ свиткомъ, который составленъ былъ западно-русскими православными епископами и утвержденъ Витовтомъ. Права владыкъ ограничены были только церковными отношеніями. По Ярославову свитку, митрополиту и епископамъ западной Руси предоставлено: 1) чтобы епископская власть была нерушима и неприкосновенна надъ всѣми пресвитерами, состоящими въ предѣлахъ епархіи, и чтобы никто изъ мірскихъ людей, ни князья, ни бояре, не вступались въ епископскій судъ надъ пресвитерами, подъ угрозою штрафа въ 1,000 грошей широкихъ на соборную церковь или епископскую каѳедру и подъ лишеніемъ правъ на церковное ктиторство; 2) никто изъ мірскихъ властей не долженъ вступаться въ святительскій судъ по брачнымъ дѣламъ, подъ опасеніемъ 500 грошей широкихъ на церковь; 3) кто отъ живой жены женится на другой, съ того епископъ беретъ пеню въ 1,000 грошей широкихъ на церковь, и бракъ со второю женою расторгнуть; а кто не послушаетъ епископа, того судить и казнить мірскимъ судомъ; 4) кто будетъ жить въ явномъ развратѣ, съ того, съ знатнаго человѣка, епископъ взыскиваетъ 500 грошей широкихъ на церковь; 5) епископъ наконецъ долженъ имѣть надзоръ, чтобы въ епархіи не было разврата, и судить дѣла еретическія [184]).

Есть однако основаніе думать, что образованіе особой западно-русской митрополіи вызвано было не одною заботливостію о благѣ православной церкви, а также и желаніемъ соединенія православной церкви съ римскою. Мысль о церковномъ соединеніи, проглядывающая въ дѣйствіяхъ Витовта, находилась въ связи съ развитіемъ гусситства въ Чехіи, которому Витовтъ готовъ былъ подать руку, и съ вопросомъ объ исправленіи римской церкви во главѣ и членахъ ея. Еще въ 1413 году былъ въ Литвѣ и въ самой Вильнѣ сподвижникъ и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій. Онъ посѣщалъ здѣсь православныя церкви, преклонялъ колѣна передъ мощами и иконами въ русскихъ храмахъ, открыто принималъ причащеніе изъ рукъ православныхъ священниковъ, бесѣдовалъ съ Витовтомъ о вопросахъ, относящихся къ различіямъ вѣроисповѣданій. Новоизбранный митрополитъ Григорій, съ другими русскими епископами, посланъ былъ Витовтомъ на констанцскій соборъ, который, кромѣ гусситскаго дѣла, долженъ былъ заняться исправленіемъ католической церкви и вопросомъ о соединеніи церквей. Но православные русскіе епископы, прибывъ въ Констанцъ, узнали, что Янъ Гусъ, защищавшій ученіе и

обрядъ православной церкви и народность въ церковной жизни, сожженъ католиками на кострѣ, и что соборъ уже осудилъ православное пріобщеніе подъ обоими видами (тѣла и крови Христовой). Явившись въ засѣданіе собора, русскіе владыки объявили, что они хотятъ остаться тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и не желаютъ быть послушными римской церкви. По крайней мѣрѣ, своимъ появленіемъ на соборѣ они наглядно опровергли клевету нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ предъ западною Европою, будто Литовское государство погрязаетъ еще въ грубомъ язычествѣ. Но соединеніе церквей не состоялось, а вскорѣ по возвращеніи изъ Констанца умеръ въ 1419 году и Григорій Цамвлакъ. Въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ, который уже не старался объ избраніи особаго митрополита для Литвы, снова призналъ власть митрополита Фотія надъ западно-русскою православною церковію и до конца своей жизни оставался съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ 1421 году митрополитъ Фотій, въ числѣ другихъ городовъ, посѣтилъ Вильну, а въ 1430 году былъ въ Трокахъ и Вильнѣ у Витовта вмѣстѣ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ, причемъ литовскій князь оказалъ митрополиту большую честь [185]).

Во всякомъ случаѣ, католическія стремленія Витовта и его попытки къ обособленію западно-русской церкви и подчиненію ея папѣ породили недовольство между представителями западно-русскаго народа, которые и задумали, если не свергнуть Витовта съ престола, то, по крайней мѣрѣ, намѣтить и приготовить преемника ему, преданнаго русской народности и православію. Съ этою цѣлію въ 1418 году двое русскихъ князей, Даніилъ или Дашко Острожскій и Александръ Носъ, одинъ изъ князей пинскихъ, ворвались въ Кременецкій замокъ, гдѣ томился въ заключеніи расположенный къ православію князь Свидригайло Ольгердовичъ, перебили стражу и освободили узника. Свидригайло со своими освободителями поскакалъ въ Луцкъ, гдѣ былъ дворъ Витовтовъ, наполненный всякаго рода имуществомъ, потомъ удалился въ Молдавію, а оттуда въ Венгрію къ королю Сигизмунду. Послѣдній взялся быть посредникомъ для примиренія его съ Ягайломъ и Витовтомъ и устроилъ соглашеніе съ ними, по которому Свидригайло получилъ себѣ въ удѣлъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ оставался спокойно до конца княженія Витовта [186]).

Къ концу своей жизни Витовтъ думалъ о томъ, чтобы навсегда

обезпечить существованіе отдѣльнаго и самостоятельнаго государства Литовско-Русскаго, и рѣшился возложить на себя королевскій вѣнецъ. Съ этою цѣлію онъ устроилъ въ 1429 году съѣздъ государей на Волыни, въ Луцкѣ, любимомъ своемъ мѣстопребываніи, куда собрались Ягайло, нѣмецкій императоръ Сигизмундъ, московскій великій князь Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ, король датскій, папскій посолъ, гроссмейстеръ прусскій, воевода валахскій, ханъ

Великій князь литовскій Свидригайло Ольгердовичъ.

Перекопской Орды и византійскій посолъ. Кромѣ совѣщаній объ отраженіи турокъ и о примиреніи церквей восточной и западной, на этомъ съѣздѣ поднятъ былъ императоромъ Сигизмундомъ и вопросъ о короновании Витовта королевскимъ вѣнцемъ. Престарѣлый, 80-лѣтній Витовтъ съ жаромъ домогался осуществить эту мысль и даже пригласилъ нѣкоторыхъ гостей къ себѣ въ Вильну на коронацію въ слѣдующемъ 1430 году. Императоръ, тайно желавшій самостоятельности Литвы и разрыва ея съ Польшей, дѣйствительно послалъ Витовту

королевскую корону, но ее перехватили враждебные его видамъ поляки, — и Витовтъ, готовившійся къ торжеству, не вынесъ неудачи и умеръ въ томъ же 1430 году [187]).

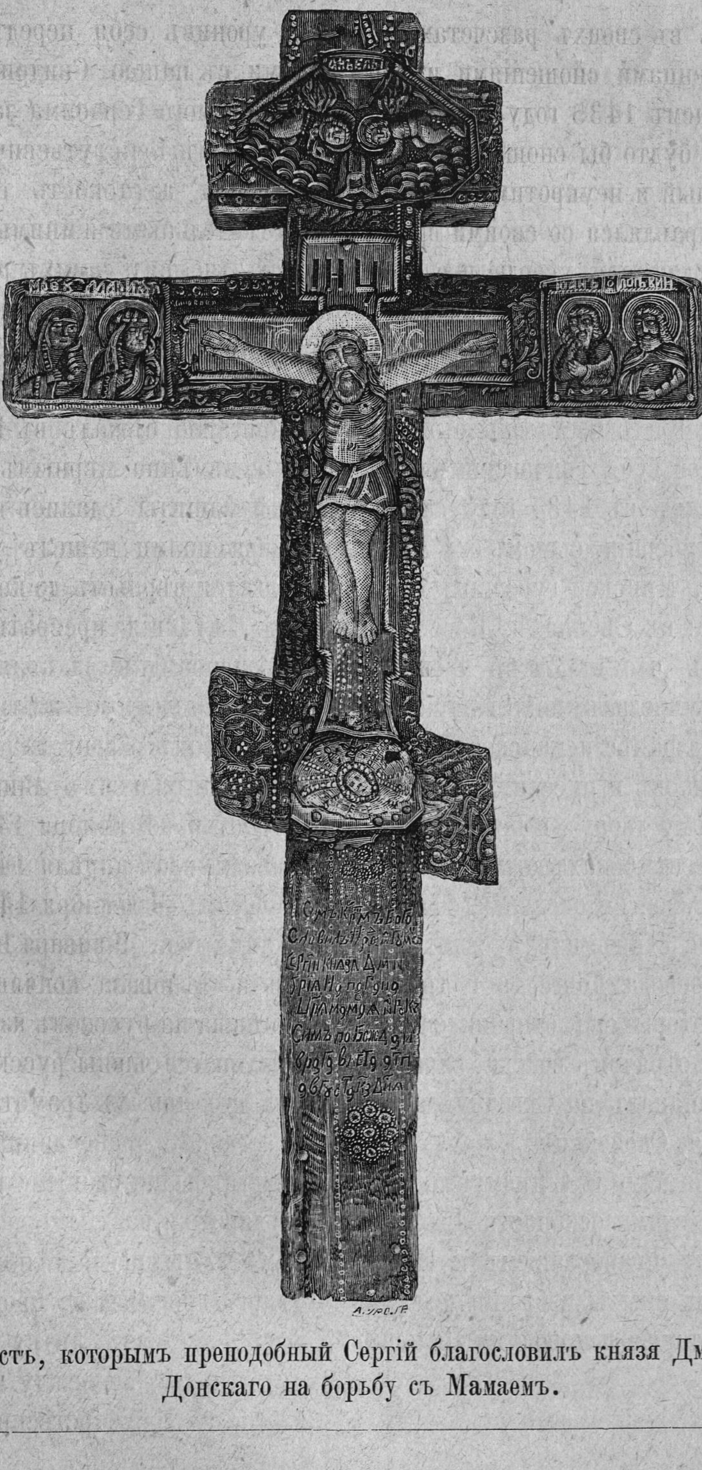
По смерти Витовта, созванъ былъ въ Вильнѣ сеймъ для избранія великаго князя литовскаго. Предложены были: братъ Ягайла, Свидригайло, братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутьевичъ, Александръ-Олелько Владиміровичъ, внукъ Ольгерда, и Сигизмундъ Корибутовичъ. Избранъ былъ вельможами и утвержденъ Ягалоймъ Свидригайло, преданный русской народности и покровительствовавшій православію [188]). Со вступленіемъ Свидригайла на престолъ, явилась въ 1431 году въ Вильнѣ, на городскихъ Острыхъ воротахъ, русская святыня, такъ называемая Островоротная или Остробрамская икона Богоматери, какъ видимый, благодатный знакъ православія и русской народности въ столицѣ Литвы, хотя эта икона, по всей вѣроятности, привезена въ Вильну еще великимъ княземъ Ольгердомъ изъ Корсуня Таврическаго и подарена была имъ монахамъ Троицкаго Виленскаго православнаго монастыря [189]). Вмѣстѣ съ тѣмъ начали сооружаться и православные храмы въ разныхъ мѣстахъ Литовскаго государства. Такъ, наприм., въ это время становятся извѣстными православныя церкви: въ Семятичахъ, нынѣ Гродненской губерніи, 1431 г., построенная Кмитой Судимонтовичемъ [190]), въ гор. Мельникѣ, Гродненской же губерніи, 1431 года [191]), и въ Сулятичахъ, Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, 1433 года [192]).

Но Свидригайло княжилъ недолго. Лишь только онъ вступилъ на великокняжескій престолъ, какъ уже ясно высказалъ свои намѣренія. Въ грамотѣ къ Ягайлу онъ говорилъ, какъ равный съ равнымъ, и тогда же извѣстилъ германскаго императора о своемъ вступленіи на престолъ. Такими дѣйствіями своими, а равно и постоянными укорами королю за прежнія оскорбленія, Свидригайло вооружалъ противъ себя польскихъ пановъ и короля. Раздраженіе возрасло еще болѣе, когда Свидригайло, узнавъ о вѣроломномъ захватѣ поляками литовскихъ крѣпостей на Подоліи, настойчиво и съ угрозами потребовалъ возвращенія ихъ Литвѣ. Послѣ напрасныхъ переговоровъ, началась война, сосредоточившаяся на Волыни и ознаменовавшаяся мужественною защитою Луцка литовско-русскими войсками противъ поляковъ. Но война эта велась нерѣшительно, потому что оба брата, Свидригайло

и Ягайло, часто входили между собою въ мирныя сдѣлки. Наконецъ, они заключили между собою перемиріе, назначивъ срокъ и мѣсто для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Но Свидригайло ни самъ не явился на съѣздъ, ни прислалъ своихъ уполномоченныхъ для заключенія мира. Тогда поляки, не надѣясь справиться съ Свидригайломъ открытою силою, выставили ему соперникомъ младшаго брата Витовта, Сигизмунда Кейстутьевича, ревностнаго католика, и разными способами и внушеніями постарались склонить на его сторону литовскихъ бояръ-католиковъ, недовольныхъ Свидригайломъ. Осенью 1432 года Сигизмундъ явился въ Литву во главѣ значительнаго вооруженнаго отряда, неожиданно напалъ на Ошмяны, гдѣ былъ великій князь, и едва не захватилъ его въ плѣнъ. Вильна, Троки и Гродна сдались Сигизмунду и почти вся литовская часть великаго княжества признала его своимъ государемъ. Свидригайло бѣжалъ въ Полоцкъ и отсюда обратился за помощію къ прежнимъ своимъ союзникамъ, ливонскимъ рыцарямъ. Со многочисленнымъ войскомъ, простиравшимся до 40,000 человѣкъ, онъ двинулся къ Омшянамъ и 2 декабря 1432 года вступилъ въ битву съ соперникомъ, въ которой разбитъ былъ на̀-голову Михаиломъ Сигизмундовичемъ и самъ едва спасся въ Полоцкъ. Оттуда онъ направился къ Витебску, жители котораго отворили ему ворота и приняли его, какъ своего князя, и казнилъ здѣсь сторонниковъ Сигизмунда, князей Ольшанскихъ [193]). Вѣроятно, къ этому времени относится начало сношеній Свидригайла съ папою и переговоровъ о соединеніи церквей, съ цѣлію пріобрѣсть расположеніе и помощь католическихъ государей въ борьбѣ съ соперникомъ. Орудіемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ смоленскій епископъ Герасимъ, котораго Свидригайло, по вступленіи своемъ на престолъ, посылалъ въ Царьградъ для поставленія въ санъ литовскаго митрополита. Герасимъ былъ посвященъ, но прибылъ въ Литву уже послѣ того, какъ Свидригайло свергнутъ былъ съ великокняжескаго престола. Получивъ слухъ о желаніи Свидригайла устроить соединеніе восточной церкви съ западною, папа писалъ въ 1434 году къ Свидригайлу, чтобы онъ посовѣтовалъ Герасиму прежде всего созвать соборъ русскихъ епископовъ и всего духовенства, который бы далъ полномочіе вести съ папою дѣло о соединеніи церквей. Въ томъ же году и въ томъ же смыслѣ папа прислалъ бумагу и къ самому Герасиму. Но Свидригайлу нужны были не переговоры о соединеніи церквей и созваніе для этой цѣли собора, а дѣятельная и скорая помощь. Обма-

нувшись въ своихъ разсчетахъ и только уронивъ себя передъ своими приверженцами сношеніями и переговорами съ папою, Свидригайло въ слѣдующемъ 1435 году сожегъ въ Витебскѣ самого Герасима за измѣнническія будто бы сношенія его съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ [194]). А неровный и неукротимый нравъ Свидригайла, жестокость, съ какою онъ расправлялся со своими врагами, дѣйствительными и мнимыми, еще болѣе охлаждали усердіе и расположенность къ нему самихъ русскихъ и не могли не имѣть вліянія на исходъ его борьбы съ соперникомъ. Въ 1435 году, въ рѣшительной битвѣ у Вилькомира, Свидригайло разбитъ былъ на̀-голову. Болѣе 10 удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ. Самъ Свидригайло бѣжалъ въ Полоцкъ, который, вмѣстѣ съ Витебскомъ, остался неизмѣнно вѣрнымъ ему. Но въ 1437 году и эти города, послѣ упорной защиты, сдались наконецъ Сигизмунду. Свидригайло со своими приверженцами нашелъ убѣжище въ Кіевѣ, который, вмѣстѣ съ Волынью, остался вѣрнымъ до конца своему представителю [195]). Не смотря на послѣдующія превратности въ судьбѣ Свидригайла и его временныя скитанія по чужимъ краямъ, онъ, съ согласія самого короля, удержалъ за собою Волынь, гдѣ жилъ преимущественно въ Луцкѣ. За время великаго княженія Свидригайла извѣстно нѣсколько жалованныхъ грамотъ, данныхъ имъ разнымъ лицамъ. Таковы, напримѣръ, грамоты, писанныя: въ Луцкѣ — 5 ноября 1430 года, въ Житомирѣ—27 декабря 1433 года, въ Кіевѣ—17 апрѣля 1437 года, въ Острогѣ—2 сентября 1438 года, въ Кіевѣ—2 декабря 1442 года, въ Луцкѣ—24 іюля 1445 года, 20 іюля 1446 года, 9 января 1450 года и 22 сентября 1452 года, въ которомъ и послѣдовала кончина его въ послѣднемъ городѣ. Всѣ эти грамоты, писанныя на русскомъ языкѣ, замѣчательны еще тѣмъ, что въ нихъ перечисляются члены русско-литовской велико-княжеской рады, причемъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ впереди другихъ членовъ рады стоятъ лица высшаго православнаго духовенства, каковы: Ѳеодосій, епископъ луцкій, и Авраамій, кіево-печерскій архимандритъ [196]).

Сигизмундъ Кейстутьевичъ овладѣлъ всею сѣверо-западною Русью, но и самъ княжилъ весьма недолго. Получивъ престолъ по проискамъ и при помощи поляковъ, Сигизмундъ обязался поставить Литву въ зависимость отъ Польши и тѣмъ возбудилъ неудовольствіе между литовско-русскими князьями и боярами, поборниками своей государственной само-

Крестъ, которымъ преподобный Сергій благословилъ князя Дмитрія Донскаго на борьбу съ Мамаемъ.

бытности. Притомъ же онъ отличался подозрительностію, жестокостію, съ какою преслѣдовалъ всѣхъ своихъ противниковъ, и слѣпою и изувѣрною привязанностію къ католичеству. За сношенія и союзъ съ Свидригайломъ, Сигизмундъ казнилъ смертію князя Корибута, трокскаго воеводу Монивида, литовскаго маршала Рамбольда, и завладѣлъ ихъ сокровищами, овладѣлъ княжествомъ Мстиславскимъ, а княжившаго тамъ Юрія Лугвеніевича заключилъ въ Трокскій замокъ, и наконецъ около 1440 года схватилъ въ Копылѣ копыльскаго и слуцкаго князя Олелька Владиміровича съ женою и дѣтьми, Симеономъ и Михаиломъ, затѣмъ Олелька заключилъ въ Керновѣ, а его жену и дѣтей—въ Уцянахъ [197]). При Сигизмундѣ построены были костелы и кляшторы: въ Топчевѣ, нынѣ Гродненской губ., Топчевскимъ и Залѣсскимъ; въ Трабахъ, до 1434 года; въ Ошмянахъ въ 1434 году самимъ Сигизмундомъ [198]); въ Койдановѣ, Минской губерніи, сыномъ его, Михаиломъ Сигизмундовичемъ; въ Слуцкѣ и Копылѣ, Минской губерніи, 1439 года; въ Сѣннѣ, Могилевской губ., 1440 года; въ Сѣсикахъ, Ковенской губ., до 1441 года [199]). Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Литвѣ происходятъ вѣроисповѣдныя волненія, Сигизмундъ учредилъ, подъ вліяніемъ ксендзовъ, священную инквизицію, на 43 года ранѣе испанской инквизиціи, съ правомъ разыскивать и карать еретиковъ и русскихъ отщепенцевъ, приводить ихъ «въ послушаніе римскому двору» и не дозволять имъ строить и возобновлять церкви. Будучи не въ силахъ открыто свергнуть Сигизмунда, окруженнаго польскою стражею, недовольные составили тайный заговоръ, во главѣ котораго стали: одинъ изъ русскихъ удѣльныхъ князей, Чарторыйскій, виленскій воевода Довгердъ и трокскій воевода Лелюшъ. Въ 1440 году князь Чарторыйскій отправился въ мѣстопребываніе Сигизмунда, городъ Троки, съ отрядомъ войска, скрытаго въ возахъ съ сѣномъ, проникъ во дворецъ, напалъ на Сигизмунда и поразилъ его при содѣйствіи своего сообщника, Скобейки [200]).

Свидригайло и Сигизмундъ Кейстутьевичъ были уже послѣдними представителями особности Литовскаго государства, раздѣлившагося на себя между православіемъ и католичествомъ. Хотя и въ послѣдующее время были опыты избранія особыхъ государей для Литвы, но они становились также и королями Польши.

Глава четвертая.

Стремленіе къ сближенію Литвы съ Польшей со времени царствованія Казиміра IV Ягайловича и до люблинской уніи 1569 года.

Общее направленіе дѣятельности Казиміра IV, Александра и Сигизмундовъ I и II къ соединенію и сліянію Литвы съ Польшею.—Казиміръ IV; утвержденіе на престолѣ; избраніе въ польскіе короли; внѣшнія и внутреннія дѣла; отношеніе къ православію.—Отпаденіе русско-литовскихъ князей отъ Литвы.—Александръ Казиміровичъ: общій характеръ его дѣятельности; война съ Іоанномъ III, бракъ съ Еленой; столкновенія съ Іоанномъ III; новая попытка ввести церковную унію; вступленіе на польскій престолъ и возобновленіе союза съ Польшей; успѣхи православной церкви въ Литвѣ.—Сигизмундъ I: война съ Василіемъ III; Глинскій; двукратное возобновленіе войны съ Москвою; перемиріе; положеніе православной церкви; назначеніе сына Сигизмунда Августа литовскимъ княземъ; сближеніе Литвы съ Польшею; королева Бона.—Сигизмундъ II Августъ: управленіе Литвою, изданіе Статута; переселеніе Сигизмунда-Августа въ Литву, начало свободомыслія и разномыслія въ вѣрѣ; восшествіе на польскій престолъ; упадокъ католичества; состояніе православной церкви; поворотъ къ католичеству и сближенію Литвы съ Польшей; ливонская война; люблинская унія 1569 года; непрочность ея.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО со второй половины XV вѣка въ жизни Литовско-Русскаго государства замѣчается довольно чувствительная перемѣна противъ прежняго. Тогда какъ со времени Ягайла, несмотря на неоднократные договоры о государственномъ соединеніи Литвы съ Польшею, Литовское государство все-таки имѣло своихъ особыхъ государей, болѣе или менѣе охранявшихъ и защищавшихъ его самостоятельность и самобытность,—со второй половины XV вѣка литовскіе вели-

кіе князья нарочито выбираются поляками и въ короли Польши, съ цѣлію тѣснѣйшаго соединенія этихъ двухъ государствъ, и хотя иногда колеблются своими сочувствіями между Литвой и Польшей, но въ общемъ направленіи своей дѣятельности все-таки являются орудіями и проводниками въ литовско-русскую государственную, общественную и церковную жизнь тѣхъ латино-польскихъ началъ, которыя провозглашены были Ягайломъ еще при первомъ соединеніи Литвы съ Польшею въ 1386 году. Съ половины XV вѣка происходятъ постепенное сглаженіе особенностей литовско-русскаго строя жизни и замѣна его строемъ польскимъ. Этотъ послѣдній состоялъ въ усиленномъ распространеніи католичества въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ ополяченіи этого католичества, первоначально носившаго здѣсь русскій оттѣнокъ, въ чрезмѣрномъ расширеніи правъ дворянства насчетъ верховной власти и другихъ сословій и классовъ населенія, въ освобожденіи его отъ тягостей государственныхъ повинностей и наконецъ въ приниженіи и закрѣпощеніи за дворянствомъ простаго народа. Но этотъ чуждый польскій строй жизни возбуждалъ еще противодѣйствіе себѣ какъ въ бывшихъ удѣльныхъ и служилыхъ князьяхъ литовско-русскихъ, для которыхъ невыгодно было образованіе и возвышеніе въ Литвѣ шляхты, такъ и въ большинствѣ русскаго простаго народа, стѣсняемаго и развитіемъ шляхетства съ его правами, и ограниченіями исповѣдуемой имъ вѣры. Поэтому, рядомъ съ проникновеніемъ польскаго вліянія въ русскую жизнь идетъ въ Литвѣ и дѣятельная борьба противъ этого вліянія. Она выразилась и въ умноженіи православныхъ храмовъ, и въ заботахъ о благоустроеніи православной церкви, и въ нѣкоторомъ подъемѣ духовнаго просвѣщенія и церковно-общественной благотворительности, и наконецъ въ попыткахъ къ отдѣленію отъ Польши и образованію особаго Литовско-Русскаго и даже только Русскаго княжества, или же къ соединенію съ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ Московскимъ государствомъ. Но послѣдняго рода попытки послужили для поляковъ лишь новымъ поводомъ къ полному сліянію Литвы съ Польшею, чего они и успѣли наконецъ достигнуть на люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Рядъ литовско-польскихъ государей, постепенно наклонявшихъ Литовско-Русское государство къ сліянію его съ Польшей, открывается Казиміромъ IV Ягайловичемъ.

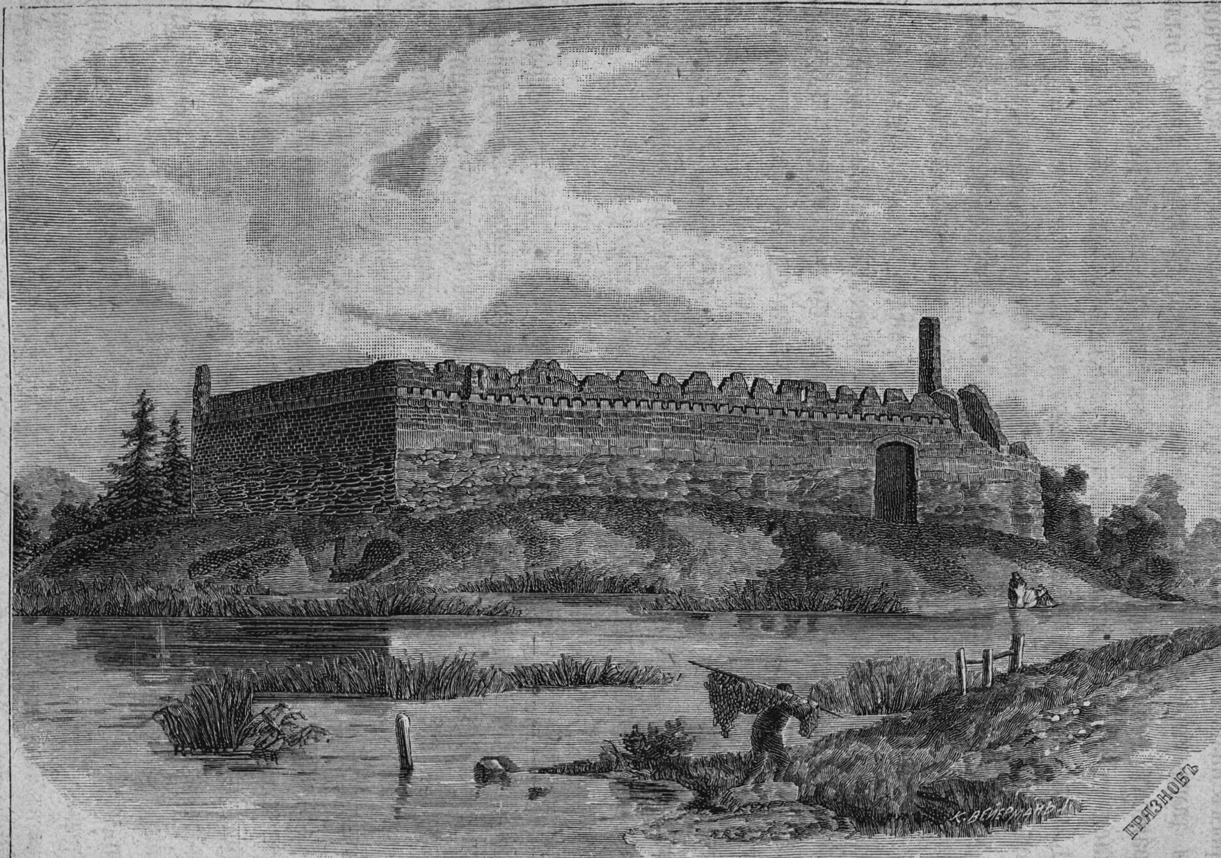
По смерти Ягайла, послѣдовавшей въ 1434 году, на польскій пре-

столъ вступилъ сынъ его Владиславъ, тогда какъ въ Литвѣ продолжали бороться за великокняжеское достоинство Свидригайло Ольгердовичъ и Сигизмундъ Кейстутьевичъ. Когда въ 1440 году убитъ былъ заговорщиками Сигизмундъ Кейстутьевичъ, то въ Литвѣ произошли волненія по поводу избранія великаго князя: одни хотѣли княземъ Сигизмундова сына Михаила, другіе Свидригайла, а иные короля Владислава, на сторонѣ котораго и остался перевѣсъ. Выбранный въ то же время на престолъ венгерскій, Владиславъ долженъ былъ спѣшить въ Венгрію и потому, чтобы не потерять окончательно Литвы, послалъ туда намѣстникомъ брата своего Казиміра, а литвины выбрали его своимъ великимъ княземъ. Король польскій не утвердилъ Казиміра въ званіи великаго князя литовскаго, а недовольные оборотомъ дѣла поляки обнаружили готовность поддерживать соперниковъ Казиміра, чтобы раздробить великое княжество и тѣмъ легче потомъ привести его въ полную зависимость отъ польской короны. Такъ, Свидригайло получилъ отъ польскаго короля въ пожизненное владѣніе Волынь и часть Подоліи. Михаилъ Сигизмундовичъ соединился съ мазовецкими князьями, отдавъ имъ землю Берестейскую; его сторону приняла Жмудь, которая возстала противъ Казиміра и изгнала своего старосту Кезгайла съ его намѣстниками. Русскій городъ Смоленскъ также поднялъ открытое возстаніе. Положеніе Казиміра было трудное; но вокругъ великаго князя составилась рада или совѣтъ литовскихъ вельможъ, во главѣ котораго сталъ умный, опытный виленскій воевода Іоаннъ Гастольдъ, пѣстунъ или дядька юнаго Казиміра; онъ постепенно умиротворилъ великое княжество. Прежде всего, Гастольдъ счелъ необходимымъ упрочить власть новаго великаго князя широкими уступками въ пользу русской народности въ великомъ княжествѣ. Съ этою цѣлію въ 1440 году возстановленъ былъ Кіевскій удѣлъ подъ управленіемъ князя, вполнѣ преданнаго русской народности, и отданъ пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ князю Копыльскому и Слуцкому Александру-Олельку Владиміровичу, который до смерти Сигизмунда Кейстутьевича томился въ заключеніи [201]). Что касается Свидригайла, то онъ самъ отрекся отъ своихъ подчиненныхъ отношеній къ польскому королю, принесъ присягу на вѣрность Казиміру, какъ великому князю литовскому, и спокойно владѣлъ своимъ удѣломъ до конца своей жизни. Противъ Михаила Сигизмундовича Гастольдъ лично отправился съ войскомъ на Западный

Бугъ, гдѣ одними переговорами успѣлъ склонить Брестъ и другіе города подъ власть великаго князя. Точно также онъ успокоилъ жмудиновъ, которымъ назначилъ другаго старосту, по ихъ желанію; а впослѣдствіи, когда тамъ упрочилась власть великаго князя, Кезгайло снова былъ возвращенъ туда. Михаилъ Сигизмундовичъ пріѣхалъ въ Вильну и помирился съ Казиміромъ, получивъ во владѣніе удѣлъ своего отца, но, послѣ попытки своей убить или захватить Казиміра, долженъ былъ бѣжать въ Московское государство. Труднѣе было справиться со Смоленскомъ, жители котораго, узнавъ о смерти Сигизмунда Кейстутьевича, прогнали отъ себя литовскаго воеводу Андрея Саковича и призвали на свой столъ одного изъ внуковъ Ольгерда, князя мстиславскаго Юрія Лугвеніевича, который возмутилъ также противъ Казиміра Полоцкую и Витебскую области и присоединилъ ихъ къ своему удѣлу. Большое литовское войско дважды ходило подъ Смоленскъ. Во второй походъ, предпринятый осенью 1442 года подъ предводительствомъ самого Казиміра, Юрій Лугвеніевичъ покинулъ Смоленскъ и удалился въ великій Новгородъ. Смольняне покорились литовскому государю. Впослѣдствіи Юрій Лугвеніевичъ помирился со своимъ двоюроднымъ братомъ и вновь получилъ Мстиславскій удѣлъ [202]).

Едва только Казиміру или, точнѣе, Гастольду удалось устранить соперниковъ и умиротворить Литву, какъ возникли новыя затрудненія и новая опасность для Литовскаго государства со стороны Польши. Въ концѣ 1445 года братъ Казиміра, польскій король Владиславъ III, погибъ въ битвѣ съ турками подъ Варною, и поляки, имѣя въ виду укрѣпленіе связи между Литвой и Польшей, предложили польскій престолъ Казиміру Ягайловичу. По внушенію литовско-русскихъ вельможъ, Казиміръ долго уклонялся отъ принятія этого предложенія, и только угроза поляковъ выбрать въ польскіе короли мазовецкаго князя Болеслава, тестя Михаила Сигизмундовича, и опасеніе лишиться даже литовскаго престола заставили Казиміра согласиться на предложеніе [203]).

Къ сожалѣнію, Казиміръ IV не стоялъ на высотѣ своего призванія и не могъ управиться надлежащимъ образомъ съ двумя государствами, противоположными одно другому, во главѣ которыхъ онъ стоялъ. Вступивъ на литовскій престолъ еще несовершеннолѣтнимъ юношею, Казиміръ IV и во всю послѣдующую свою жизнь былъ какимъ-то недорослемъ и отличался совершенною безцвѣтностію характера. Пока онъ былъ

Развалины Лидскаго замка.

еще только литовскимъ великимъ княземъ и находился подъ руководствомъ умнаго Гастольда,—его управленіе Литовскимъ государствомъ ознаменовано было добрыми начинаніями. Молодой князь съ любовью сталъ изучать свою родину, русскій и литовскій языки. Во внутреннемъ управленіи государствомъ русскіе порядки, русскій языкъ и русскіе люди опять получили прежнее значеніе въ Литвѣ. При Казимірѣ составленъ былъ такъ называемый «Судебникъ короля Казиміра Ягайловича», который утвержденъ былъ на общемъ сеймѣ литовскомъ и получилъ общее земское значеніе. По нѣкоторымъ встрѣчающимся въ немъ выраженіямъ и по многимъ статьямъ онъ совершенно соотвѣтствуетъ «Русской Правдѣ». Вступая на польскій престолъ, Казиміръ подтвердилъ въ 1447 году неприкосновенность литовскихъ границъ, нарушаемыхъ вторженіями поляковъ въ литовско-русскія владѣнія, и уничтожилъ ограниченія правъ православныхъ жителей великаго княжества Литовскаго, вытекавшія изъ городельскаго договора Ягайлы съ Витовтомъ. Но по восшествіи Казиміра на польскій престолъ, а особенно послѣ смерти Гастольда († 1468 г.), отношенія Казиміра къ Литвѣ, не смотря на его доброе расположеніе къ ней, начинаютъ постепенно ухудшаться. Съ этого времени вниманіе Казиміра главнымъ образомъ поглощено было вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Литвой и Польшей,—вопросомъ, который поднимался почти каждый годъ на многочисленныхъ сеймахъ того времени. Поляки явно стремились къ захвату литовско-русскихъ областей, предъявляли свои притязанія на всю Подолію, Волынь и на область Западнаго Буга и даже предлагали литовцамъ отмѣнить самое названіе особаго великаго княжества и замѣнить его общимъ именемъ Польши. Литовцы съ своей стороны мужественно отстаивали цѣлость и независимость великаго княжества. Положеніе Казиміра было крайне затруднительное. Находясь постоянно подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ теченій, онъ поддавался всегда тому изъ нихъ, которое непосредственно его окружало. Въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранитъ неприкосновенно земли великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ соединенію съ Польшей; вслѣдъ затѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противоположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами, не думая и не имѣя возможности исполнить своихъ обѣщаній. Такъ какъ Казиміръ большую часть времени проживалъ въ Польшѣ, то положеніе Литвы

обыкновенно было болѣе тревожное. Литовско-русскіе князья и вельможи постоянно опасались, чтобы ихъ великій князь не сдѣлалъ, подъ вліяніемъ поляковъ, такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностью самобытности литовско-русскихъ областей, и потому рѣшились настоять на томъ, чтобы Казиміръ или безотлучно жилъ въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Съ этою цѣлью они два раза (въ 1456 и 1461 гг.) отправляли посольство къ Казиміру и предлагали въ намѣстники въ Литву князя кіевскаго Симеона Олельковича. Но эти посольства не только не содѣйствовали рѣшенію вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между Литвою и Польшею, остававшагося открытымъ во все время правленія Казиміра, но и послужили для него побудительною причиною къ совершенному уничтоженію удѣльныхъ княжествъ въ литовской Руси. Въ 1452 году скончался въ Луцкѣ Свидригайло Ольгердовичъ,—и послѣ него Луцкая земля уже не имѣла болѣе своего удѣльнаго князя. Когда въ 1455 году умеръ и кіевскій князь Александръ-Олелько Владиміровичъ, то Казиміръ не дозволилъ сыновьямъ его Симеону и Михаилу раздѣлить между собою Кіевскую землю на правахъ вотчины и отдалъ Кіевъ въ пожизненное владѣніе старшему изъ нихъ Симеону, а младшему Михаилу предоставилъ на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ. По смерти же Симеона († 1471 г.), Казиміръ не передалъ княженія его ни брату его Михаилу, ни сыну Василію, назначивъ въ Кіевъ своимъ воеводою католика Мартина Гастольда, а въ послѣдствіи времени (1482 г.) велѣлъ казнить Михаила Олельковича за участіе въ какомъ-то заговорѣ противъ Казиміра [204]).

Внутреннія недоразумѣнія и смуты не давали Казиміру возможности сосредоточить свое вниманіе на внѣшнихъ дѣлахъ государства, которыя, поэтому, велись неудачно во все продолжительное царствованіе Казиміра. При немъ Литва отодвинута была татарами отъ Чернаго моря. Единственный успѣхъ имѣлъ Казиміръ въ войнѣ съ Тевтонскимъ орденомъ. Въ 1454 году явился къ королю Казиміру посолъ отъ дворянства и городовъ прусскихъ съ просьбою принять ихъ въ подданство. Послѣдствіемъ этого была война съ орденомъ, окончившаяся тѣмъ, что въ 1466 году истощенный орденъ по торунскому трактату уступилъ Польшѣ восточную Пруссію и получилъ въ ленное владѣніе западную [205]).

Незамѣтнѣе, но за то пагубнѣе было для Литвы вторженіе во внутреннюю жизнь ея польскихъ началъ при Казимірѣ IV. Въ наслѣдство

отъ Руси Литва получила роды удѣльныхъ князей, вѣчевое устройство городовъ и единство города и земли. Польша же, наоборотъ, принесла въ нее понятіе шляхетскаго равенства, магдебургское право городовъ и прикрѣпленіе крестьянъ. Бывшіе удѣльные князья и потомки ихъ стали получать во владѣніе вотчины не по наслѣдству, а изъ рукъ и по милости великаго князя за ихъ службу государю, и въ этомъ отношеніи постепенно уравнивались съ боярами не княжескаго происхожденія и вмѣстѣ съ ними составляли высшую правительственную власть въ государствѣ, государственный совѣтъ или раду. А по мѣрѣ ослабленія княжескихъ родовъ начинается возвышеніе въ Литвѣ дворянства или шляхетства, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходило до уравненія въ правахъ съ высшимъ сословіемъ или, по крайней мѣрѣ, стремилось къ тому. Права и отношенія сословій опредѣлялись въ Литовскомъ государствѣ цѣлымъ рядомъ законодательныхъ памятниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ привилеевъ (жалованныхъ грамотъ). Эти привилеи давались или всему великому княжеству (земскіе), или отдѣльнымъ областямъ, отдѣльнымъ городамъ, духовенству и нѣкоторымъ частямъ населенія. Всѣ эти привилеи имѣютъ главною цѣлію введеніе въ Литву польскихъ порядковъ, сближеніе государственнаго строя Литвы съ польскимъ. Ягайло и Витовтъ, на основаніи договоровъ о соединеніи Литвы съ Польшею 1386 и 1413 гг., издавали земскіе привилеи исключительно въ пользу принявшихъ и принимающихъ католичество. Казиміръ Ягайловичъ также издалъ въ 1457 году земскій привилей, впослѣдствіи часто подтверждавшійся великими князьями литовскими, вошедшій многими статьями своими въ статуты и послужившій основою для развитія въ Литвѣ шляхетскихъ вольностей. Но, въ отличіе отъ привилеевъ Ягайла и Витовта, привилей Казиміра не полагаетъ различія между католиками и православными и даже нѣкоторыми статьями своими въ значительной степени противорѣчитъ общей цѣли—теснѣйшему соединенію Литвы съ Польшей. Такъ, король обязуется сохранять древнія границы великаго княжества, не жаловать чужеземцевъ, т. е. поляковъ, имѣніями и должностями и замѣщать духовныя должности преимущественно туземцами. Оставляя въ силѣ всѣ права и привиллегіи, данныя Ягайломъ, Казиміръ прибавилъ еще весьма существенное право: онъ запретилъ въ областяхъ литовскихъ свободный переходъ крестьянъ съ господарскихъ, т. е. великокняжескихъ земель на частныя, и на оборотъ; воспрещеніемъ

посылки къ владѣльческимъ крестьянамъ княжескихъ «дѣцкихъ» (судебныхъ чиновниковъ) онъ окончательно подчинилъ ихъ суду владѣльца [206]).

Рядомъ съ общими земскими привилеями въ Литовскомъ государствѣ области получали свои отдѣльные привилеи. Первые привилеи этого рода изданы были еще Ягайломъ, какъ напр. привилей землѣ Луцкой и

Маломожейковская церковь.
(Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи).

привилей землямъ русскимъ (Галичинѣ). Казиміръ Ягайловичъ въ 1456 году далъ особый привилей землямъ русскимъ, которымъ подтвердилъ всѣ права и преимущества духовенства, пановъ, рыцарства и шляхты, при чемъ обѣщалъ не постановлять ничего, касающагося Руси и Подоліи, безъ согласія рады этихъ земель, не позволять во время своихъ королевскихъ проѣздовъ судить кому либо, кромѣ туземцевъ. По-

добные привилеи даны были Казиміромъ землямъ Дрогицкой (Дрогичинской), Витебской и, можетъ быть, Полоцкой, опредѣлявшіе нѣкоторую ихъ отдѣльность и обособленность отъ собственной Литвы. Привилеемъ Дрогицкой землѣ даруется ей польское право, уничтожается должность «дѣцкихъ». Староста не можетъ ни судить дрогичанъ, ни брать съ нихъ вины. Позывъ на судъ, къ кому бы онъ ни былъ отправленъ, долженъ быть написанъ по-латыни. Шляхтѣ дозволяется избирать земскихъ урядниковъ, которые утверждаются господаремъ, городскіе же назначаются господаремъ, но тѣ и другіе должны быть римской вѣры; жалобы на нихъ подаются господарю. Привилей Витебской землѣ (1444 г.) данъ «князьямъ, боярамъ и слугамъ витебскимъ, войту и мѣщанамъ Витебска и всей землѣ». Въ немъ король даетъ обѣщаніе не вступаться въ домы церковные, въ домъ Пресв. Богородицы, св. Духа, Благовѣщенія и другія церкви, въ благопріобрѣтенныя, наслѣдственныя и пожалованныя имѣнія, предоставляетъ витеблянамъ значительную долю самосуда и самоуправленія, освобождаетъ ихъ отъ нѣкоторыхъ государственныхъ податей и повинностей и обязуется давать имъ воеводу постарому, по ихъ волѣ. Новоназначенный воевода, въ первый же день по прибытіи въ Витебскъ, долженъ былъ цѣловать крестъ къ витеблянамъ на томъ, что безъ права онъ не будетъ казнить ихъ ни въ чемъ. Если бы воевода не понравился витеблянамъ, то король, по ихъ жалобѣ, обязанъ смѣстить его и назначить новаго. Если бы какой витеблянинъ не захотѣлъ болѣе жить въ Витебскѣ, то онъ можетъ свободно уйти изъ Витебска въ отчину короля Литву, ударивши челомъ Благовѣщенію и воеводѣ и сказавшись своей братьи витеблянамъ. «Также кто изъ литвиновъ или поляковъ крещенъ былъ въ русскую вѣру, — писалъ король, — кто изъ этого роду и теперь живетъ (тамъ)», того намъ не трогать, ни въ чемъ не касаться ихъ христіанскаго права. Съ витебскимъ привилеемъ во многомъ сходенъ привилей Полоцкой землѣ, подтвержденный Сигизмундомъ I въ 1511 году и, вѣроятно, ведущій свое начало еще отъ Казиміра [207]).

Вліяніе Польши на Литовско-Русское государство не ограничивалось созданіемъ шляхетства, а простиралось и на города, которые жалуемы были нѣмецкимъ правомъ и тѣмъ отдѣлялись отъ земли. Прежде городъ былъ средоточіемъ волости, которая обязана была его строить и составляла его присудъ. Но съ раздачею земли князьямъ, боярамъ и шляхтѣ

за услуги государству, городъ потерялъ вліяніе на волость, лишился земельныхъ владѣній, замкнулся въ себя и обѣднѣлъ. Для поднятія городовъ, постепенно вводилось въ нихъ нѣмецкое право, предоставлявшее мѣщанамъ долю самоуправленія; но оно еще больше обращало земскій городъ въ мѣщанскій, отчуждало его отъ земли и мало поправило дѣла самихъ городовъ. Магдебургское право было пожаловано городамъ съ болѣе или менѣе значительными ограниченіями и нерѣдко нарушалось или ослаблялось вліяніемъ на городскую общину городскаго замка, старостъ и частныхъ владѣльцевъ, и притомъ же не совпадало съ историческими понятіями и преданіями западно-русскихъ городовъ и потому вызывало иногда большія недоразумѣнія и затрудненія. Такъ было въ Полоцкѣ, который долѣе другихъ западно-русскихъ городовъ удерживалъ старорусскіе разряды общества и вѣчевые порядки. Въ XV вѣкѣ магдебургское право, полное или неполное, дано было слѣдующимъ городамъ въ сѣверозападной Руси и Литвѣ: Бресту и Ковнѣ 1408 г., Тыкоцину 1426 г., Суражу 1440 г., Слуцку 1441 г., Полоцку 1444 и 1456 гг., Трокамъ и Гроднѣ 1444 г., Брянску 1450 г., Мѣдникамъ право хелминское 1491 г., Бѣльску и Витебску 1495 г., Минску и Борисову 1496 г., и др. [208]).

При общемъ стремленіи къ ополяченію Литовско-Русскаго государства, не осталась неприкосновенною въ немъ и православная вѣра. Казиміръ IV старался или ввести церковную унію въ русскихъ областяхъ своего государства, или прямо совращать православныхъ въ католичество.

Еще въ 1437 году открылся церковный соборъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи, на который прибыли императоръ византійскій Іоаннъ Палеологъ, искавшій у папы помощи противъ турокъ, и константинопольскій патріархъ со многими епископами греческой церкви. На этотъ соборъ выпросился у великаго князя московскаго и новоназначенный въ Москву митрополитъ изъ грековъ, Исидоръ, обѣщавъ великому князю принести съ собою древнее благочестіе, а новаго не приносить. На ферраро-флорентинскомъ соборѣ были составлены правила соединенія церквей восточной и западной и подчиненія ихъ папѣ и подписаны, между прочимъ, измѣнившимъ своему обѣщанію митрополитомъ Исидоромъ. Но Исидора не приняли ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ, и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы въ Литву; признанъ былъ здѣсь за митрополита и началъ проповѣдывать соединеніе церквей, составленное на флорентин-

скомъ соборѣ и будто-бы принятое всѣми восточными церквами. Чтобы удобнѣе завлечь православныхъ къ уніи, онъ убѣдилъ въ 1443 году Казиміра Ягайловича дать православному духовенству въ Литвѣ одинаковыя права съ латинскимъ духовенствомъ, какъ уже безразличному будто-бы вслѣдствіе соединенія церквей на флорентинскомъ соборѣ. Но эта мѣра не принесла ожидаемыхъ послѣдствій. Хотя Исидоръ, проживая въ Римѣ, и считался уніатскимъ митрополитомъ западной Руси и присылалъ изъ Рима грамоты къ западно-русскимъ епископамъ, но православные западно-руссы признавали своимъ архипастыремъ московскаго митрополита Іону, такъ что самъ Казиміръ въ 1451 году долженъ былъ дать Іонѣ грамоту на управленіе западно-русскою церковію. Такъ продолжалось до 1458 года, когда Исидоръ, получивъ названіе патріарха константинопольскаго, но безъ дѣйствительной власти, указалъ въ преемники себѣ на западно-русскую уніатскую митрополію любимца и ученика своего уніата, болгарина Григорія, который и посвященъ былъ въ этотъ санъ уніатскимъ константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ IV Маммой и признанъ Казиміромъ. Къ митрополіи Григорія причислены были епархіи: Брянская, Смоленская, Перемышльская, Туровская, Луцкая, Владимірская на Волыни, Полоцкая, Холмская и Галицкая, и нѣкоторые изъ епископовъ этихъ епархій уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и признали его власть. Но на помощь православнымъ западной Руси благовременно явились православные восточной, московской Руси. Въ 1458 году въ Москвѣ былъ созванъ соборъ восточно-русскихъ епископовъ, которые предали проклятію флорентійскую унію и ея ревнителя Григорія и обязались не входить въ общеніе съ Григоріемъ и не принимать отъ него никакихъ грамотъ. Въ томъ же году московскій митрополитъ Іона отправилъ посломъ въ Кіевъ троицкаго игумена Вассіана къ супругѣ кіевскаго князя Александра-Олелька, Анастасіи и ея дѣтямъ, чтобы они твердо держались древняго православія и всѣхъ удерживали отъ общенія съ лже-митрополитомъ Григоріемъ, и съ тою же цѣлію написалъ посланіе къ смоленскому епископу Мисаилу и окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ литовскимъ. Московскій соборъ и посланія митрополита Іоны имѣли громадное значеніе для православныхъ въ западной Россіи: всѣ литовско-русскіе православные князья и почти всѣ литовскіе епископы со своими паствами отказались признавать своимъ митрополитомъ Григорія и остались вѣрными православію. Король Казиміръ, какъ

ревностный латинянинъ, началъ ихъ преслѣдовать подъ именемъ дизунитовъ; но это преслѣдованіе, предпринятое противъ громаднаго большинства, послужило только къ вящшему утвержденію древняго православія, такъ что Григорій не смѣлъ даже пріѣхать въ Кіевъ. А когда онъ въ 1472 году умеръ въ Новгородкѣ Литовскомъ, то православные, не смотря на всѣ происки латинянъ, отказались отъ всякихъ сношеній съ латинскимъ духовенствомъ и унитами и въ 1474 году выбрали на кіевскую митрополію смоленскаго епископа Мисаила, ревностнаго защитника древняго православія. Съ Мисаила собственно и начинается непрерывный рядъ кіевскихъ православныхъ митрополитовъ, отдѣльныхъ отъ московскихъ. Эти кіевскіе митрополиты становятся въ менѣе зависимыя отношенія къ свѣтской власти, нежели митрополиты московскіе, чему не мало способствовало различіе вѣроисповѣданія великихъ князей литовскихъ отъ своихъ русскихъ подданныхъ. Казиміръ и его ближайшіе преемники цѣлымъ рядомъ грамотъ опредѣляютъ и подтверждаютъ независимость митрополичьяго суда и неприкосновенность церковныхъ имѣній и почти не вмѣшиваются въ помѣстные церковные соборы [209]).

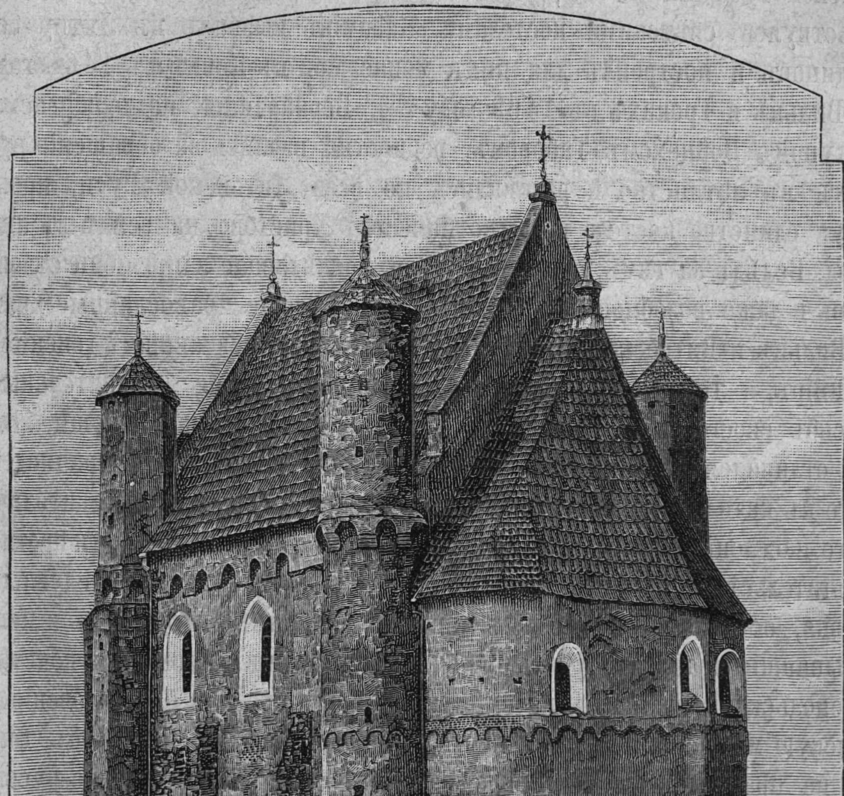
При такихъ обстоятельствахъ, православіе не только не оскудѣвало въ Литвѣ въ царствованіе Казиміра, но еще и увеличивалось, такъ что самъ Казиміръ, въ письмѣ къ папѣ въ 1468 году, признавался, что въ Литвѣ много «схизматиковъ» и что число ихъ возрастаетъ. Самъ Казиміръ въ первые годы своего княженія, именно въ 1447 году, построилъ, по преданію, шесть Ильинскихъ православныхъ церквей: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ, Могилевѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Чериковѣ, въ благодарность Богу за избавленіе жены его въ Ильинъ день отъ опасности [210]). Могущественными покровителями православія въ своихъ владѣніяхъ были князья: Кобринскіе, Слуцкіе Олельковичи, Мстиславскіе, Пеструцкіе и другіе. Особенно размножаются въ это время православные монастыри, какъ наиболѣе надежные оплоты православія противъ напора католичества. При Казимірѣ IV получаютъ начало или извѣстность слѣдующіе православные монастыри и церкви: Слуцкій Троицкій монастырь; Зельжинская церковь 1443 года [211]); Георгіевскія церкви въ Могилевѣ и Оршѣ и Спасская церковь въ Могилевѣ 1447 года [212]); Черейскій монастырь въ Сѣннинскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, основанный въ 1454 году смоленскимъ епископомъ, впослѣдствіи литовскимъ православнымъ митрополитомъ Мисаиломъ, княземъ Пеструцкимъ; Троиц-

кая Мстиславская соборная церковь 1463 года [213]); Петропавловская церковь въ Кобринѣ до 1465 года; Ильинская въ Городцѣ, Кобринскаго уѣзда, и Христорождественская въ Добучинѣ (нынѣ г. Пружанахъ), Гродненской губерніи, князьями кобринскими [214]); Жировицкій монастырь, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи, Александромъ Солтаномъ въ 1480 году, на мѣстѣ явленія благодатной иконы Богородицы въ 1470 году [215]); Ильинскій Слуцкій монастырь, упоминаемый въ концѣ XV вѣка при князѣ Симеонѣ Александровичѣ слуцкомъ, и Воскресенская Слуцкая церковь до 1483 года [216]); церкви Космодаміанская, Сергія и Вакха въ Брестѣ 1485 года [217]); мужской Вознесенскій монастырь въ Минскѣ, упоминаемый подъ 1492 годомъ [218]); Никольская церковь въ Переходовичахъ, Минской губ., одаренная женой Свидригайла, Анной, въ 1492 году [219]); можетъ быть, церкви Жизневская, Ошмянскаго уѣзда, Гродненская св. Креста [220]), Михайловская въ с. Гайнѣ, Борисовскаго уѣзда [221]), и церковь въ с. Николаевѣ, Дисненскаго уѣзда, XV вѣка [222]).

О развитіи славяно-русской церковной письменности въ западной Россіи въ это время свидѣтельствуютъ какъ сохранившіеся отъ того времени списки книгъ, такъ и уцѣлѣвшія рукописи не только богослужебнаго содержанія и характера, но и повѣствовательныя и нравственно-назидательныя, каковы напримѣръ: прологъ за мартовское полугодіе, переписанный въ 1406 году по желанію пана Солтана Солтановича, намѣстника бѣльскаго; минея мѣсячная за мартъ и апрѣль, переписанная въ 1487 году по повелѣнію пана Солтана, маршалка литовскаго, рукою діакона Сенка, родомъ смолнянина [223]), и «четья», списанная въ Каменцѣ-Литовскомъ въ 1489 году поповичемъ Березкой, съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія. Особенное же значеніе имѣютъ литовскія лѣтописи, начало которыхъ восходитъ къ XV вѣку, краткая со смерти Гедимина и даже Ольгерда и до 1446 года, и полная отъ баснословныхъ временъ до 1506 года, — обѣ на русскомъ языкѣ [224]). Ко времени же Казиміра IV относится и первое извѣстіе о Виленскомъ кушнерскомъ братствѣ 1458 года, къ которому прибавляются, въ концѣ XV вѣка, братства: «панское или мѣстское», купецкое, кожемяцкое и росское въ Вильнѣ, послужившія зерномъ для послѣдующаго развитія западно-русскихъ церковныхъ братствъ [225]).

Видя полную безуспѣшность попытокъ привлечь православныхъ

къ уніи съ римскою церковію, Казиміръ, по смерти уніатскаго митрополита Григорія, наконецъ отказался отъ мысли распространять унію и рѣшился обращать православныхъ прямо въ латинство и всѣми возможными средствами преслѣдовать не принимающихъ его. Этой

Сынковичская церковь.

(Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи).

цѣли прежде всего служили католическіе кляшторы (монастыри) и костелы, которыхъ въ долговременное царствованіе Казиміра IV построено было, въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи, до 30. Но преимущественно это были свѣтскіе костелы, построенные частными владѣльцами и безъ видимаго участія короля, и большею частію

приходились на литовскія области Литовско-Русскаго государства, нынѣшнія губерніи: Ковенскую (10), Виленскую (14) и отчасти Гродненскую (4), тогда какъ для русскихъ областей великаго княжества Литовскаго построены были только три костела: въ Пинскѣ и Клецкѣ, Минской губерніи, и въ Дубровнѣ, Могилевской губерніи [226]). Не довольствуясь свѣтскими костелами, Казиміръ вызвалъ въ Литву бернардиновъ и построилъ для нихъ монастыри въ Ковнѣ въ 1468 году, въ Вильнѣ и Трокахъ въ 1469 году [227]). Бернардины, поддерживаемые бискупомъ Войцехомъ Таборомъ, ревностно взялись за обращеніе русскихъ въ латинство и разсѣялись по всей Литовской Руси, проповѣдуя единство костела и намѣстничество Христово на землѣ въ лицѣ папы. Вслѣдъ за тѣмъ, около 1480 года, послѣдовало запрещеніе строить вновь и даже возобновлять и поправлять русскіе православные храмы въ Вильнѣ и Витебскѣ. На эту мѣру, отзывающуюся явнымъ гоненіемъ, Казиміръ, — говорятъ, — рѣшился только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ своего сына, королевича Казиміра, болѣзненнаго юноши, который отличался католическою нетерпимостью, впослѣдствіи причисленъ за то къ католическимъ святымъ и признанъ покровителемъ католическаго населенія Вильны [228]). Защиту русской вѣры и народности противъ посягательствъ Казиміра приняли на себя русско-литовскіе служилые князья, остававшіеся еще въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и исповѣдывавшіе православную вѣру. Въ 1488 году они жаловались константинопольскому патріарху на гоненія за вѣру и просили благословенія на кіевскую митрополію архіепископу полоцкому Іонѣ [229]). Наконецъ, гоненія на православную вѣру произвели то, что цѣлыя литовско-русскія области со своими князьями стали отпадать отъ Литвы и переходить къ государю московскому, Іоанну III Васильевичу, который уничтожилъ раздѣленіе сѣверо-восточной Руси на удѣлы, покорилъ Новгородъ и Псковъ, колебавшіеся дотолѣ между подчиненіемъ Литовскому и Московскому государствамъ, и наконецъ открыто провозгласилъ себя «государемъ всея Руси», а слѣдовательно и Руси Литовской. Въ 1490 году князья Бѣлевскіе, Борятинскіе, Одоевскіе и Воротынскіе со своими владѣніями передались московскому государю, а въ 1491 году также поступили князья сѣверскіе со всею Сѣверскою землею, т. е. съ цѣлымъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, такъ что «Москва, не сдѣлавъ никакихъ усилій, пріобрѣла огромное и богатое княжество». Въ числѣ причинъ къ отпаденію сѣверскихъ

князей отъ Литвы сами польскіе писатели указываютъ и воздвигнутое Казиміромъ гоненіе на послѣдователей восточной церкви въ Литвѣ.

Но и этотъ тяжелый урокъ не только не образумилъ польско-католиковъ, а еще болѣе ожесточалъ ихъ и укрѣплялъ въ стремленіи окатоличить и даже ополячить православную Русь и слить ее съ польско-литовскою народностью. Подъ вліяніемъ тяготѣнія литовско-русскаго населенія въ Литовскомъ государствѣ къ восточной Руси, великіе князья литовскіе, бывшіе вмѣстѣ и польскими королями, считали сосѣднее единоплеменное и единовѣрное Московское государство опаснымъ своимъ врагомъ и надѣялись удержать за собою Литовско-Русское государство посредствомъ окатоличенія его и скрѣпленія союза съ Польшей, но весьма часто достигали другихъ, совершенно противоположныхъ послѣдствій [230]). Въ такомъ направленіи дѣйствовали, съ колебаніями и уклоненіями въ разныя стороны, ближайшіе преемники Казиміра на литовско-польскомъ престолѣ, послѣдніе изъ ягеллоновъ Александръ и Сигизмундъ I Казиміровичи и сынъ послѣдняго Сигизмунъ II Августъ, виновникъ люблинской государственной уніи 1569 года, проложившій путь и вѣроисповѣдной уніи католичества съ западно-русскою церковію.

Казиміръ IV умеръ въ 1492 году. Изъ шести его сыновей старшій Владиславъ, по смерти Георгія Подибрада, былъ призванъ на престолъ Чехіи, а по кончинѣ Матвѣя Корвина, венгры также выбрали его своимъ королемъ. Пятый изъ сыновей, по имени тоже Казиміръ, отличавшійся особою набожностію, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Шестой сынъ Фридрихъ получилъ санъ архіепископа краковскаго, а потомъ кардинала и архіепископа гнѣзненскаго. Второй сынъ Янъ-Альбрехтъ былъ назначенъ преемникомъ отца на польскомъ престолѣ, а третій Александръ предназначенъ отцомъ и выбранъ литовско-русскими вельможами на литовскій престолъ. Только четвертый его сынъ, и самый умный изъ братьевъ, Сигизмундъ оставался пока непристроеннымъ [231]).

Александръ Казиміровичъ былъ искренній католикъ и усердный проводникъ въ Литву польскихъ вліяній. Онъ щедро раздавалъ привилеи, уравнивавшіе высшее сословіе и шляхту въ Литвѣ съ поляками. При самомъ вступленіи на литовскій престолъ въ 1492 году, Александръ выдалъ земскій привилей, которымъ обѣщалъ раздѣлять высшую правительственную власть въ великомъ княжествѣ Литов-

скомъ съ панами-радой; далъ также грамоты на имѣнія служилымъ князьямъ Ѳеодору Ивановичу Ярославичу пинскому и Михаилу жеславскому-мстиславскому, съ широкими правами и полномочіями. Въ 1499 году, въ виду предстоявшей войны съ государемъ московскимъ, литовскій сеймъ подтвердилъ старые пункты городельскіе объ общемъ выборѣ государей Литвы и Польши, въ случаѣ ихъ смерти. Когда же, по смерти брата Яна-Альбрехта, Александръ былъ выбранъ въ 1501 году въ короли Польши, то, подъ вліяніемъ польскихъ пановъ, составленъ былъ новый договоръ о соединеніи Литвы съ Польшею, который, впрочемъ, во все царствованіе Александра не былъ подписанъ высшими литовскими сановниками. Кромѣ того, Александромъ даны вновь привилеи землямъ Жмудской 1492 г., Волынской 1501 г., повѣту Бѣльскому 1501 г., землѣ Смоленской 1505 года, и подтвержденъ въ 1503 году привилей Казиміра IV землѣ Витебской [232]). Но польско-католическія поползновенія и стремленія короля Александра въ значительной мѣрѣ были сдерживаемы и умѣряемы могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла Литвы со стороны московскаго государя Іоанна III Васильевича.

Пользуясь отдѣленіемъ Литвы отъ Польши по смерти Казиміра IV, Іоаннъ III Васильевичъ прямо объявилъ свое право на вмѣшательство за своихъ единовѣрцевъ въ Литвѣ и началъ продолжительную войну съ Литвою. Воеводы его опустошили Мценскъ и Любутскъ и заняли Хлѣпенъ и Рогачевъ [233]). Въ то же время братьямъ Александра, королямъ польскому Яну-Альбрехту и венгерскому Владиславу, угрожали съ одной стороны турки, а съ другой—германскій императоръ, который подстрекалъ также противъ сыновей Казиміра государей московскаго, валашскаго, татаръ и прусскій орденъ. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ дома ягеллоновъ, совѣтники Александра думали найти средство къ прочному миру въ брачномъ союзѣ съ Москвою, къ чему убѣждалъ также Александра и братъ его, польскій король Янъ-Альбрехтъ, чтобы обезопасить себя со стороны Москвы [234]). Въ Москвѣ отнеслись къ сватовству благосклонно, но объявили, что прежде долженъ быть заключенъ миръ съ уступкою всего пріобрѣтеннаго великимъ княземъ московскимъ, а между тѣмъ военныхъ дѣйствій не прекращали. Послѣ разныхъ переговоровъ, въ январѣ 1494 года заключенъ былъ миръ, по которому уступлено Москвѣ нѣсколько пограничныхъ волостей и признаны въ ея подданствѣ отошедшіе къ ней со своими отчинами князья

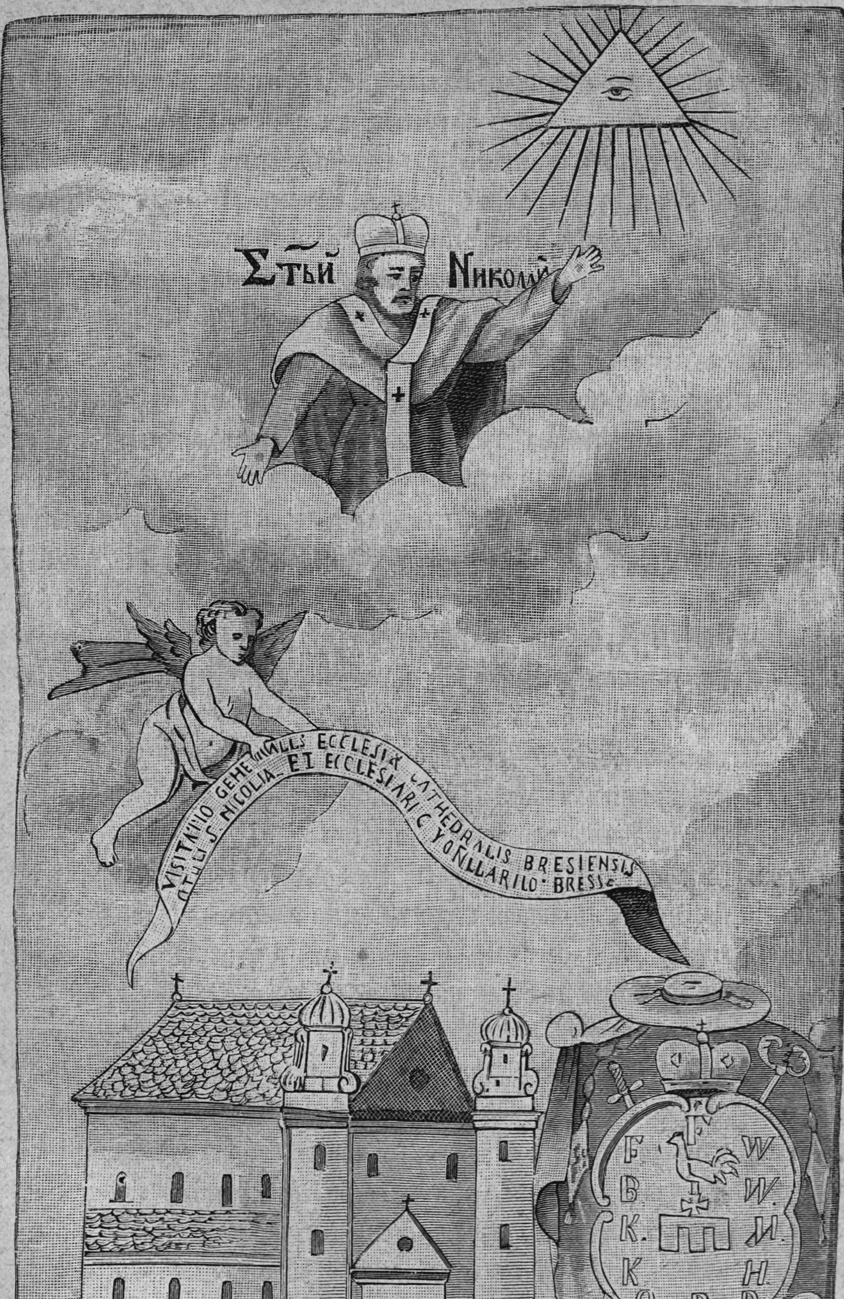
Новосельскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и Бѣлевскіе. Въ договорной грамотѣ Іоаннъ былъ написанъ государемъ всея Руси, великимъ княземъ владимірскимъ, московскимъ, новгородскимъ, псковскимъ, тверскимъ и проч. Затѣмъ оконченъ вопросъ и о сватовствѣ. Іоаннъ согласился выдать дочь свою Елену за Александра, предварительно взявъ съ него грамоту, по которой тотъ обязался отнюдь не принуждать Елену къ перемѣнѣ греческой вѣры на римскую [235]). 15 февраля, 1495 года, Елена Ивановна въѣхала въ Вильну и торжественно встрѣчена виленскимъ населеніемъ. Свадьба была совершена съ соблюденіемъ русскихъ обычаевъ. Католическій епископъ Войцехъ Таборъ и православный священникъ Ѳома, привезенный княжною изъ Москвы, вѣнчали дочь Іоанна III; княгиня Ряполовская держала надъ нею вѣнецъ [236]).

Но этотъ брачный союзъ не только не скрѣпилъ заключеннаго передъ тѣмъ мира, а скоро послужилъ источникомъ новыхъ неудовольствій и столкновеній. Обѣ стороны увидали свои надежды обманутыми: Александръ думалъ съ помощью жены обезпечить свои земли отъ всякихъ притязаній со стороны тестя, а Іоаннъ разсчитывалъ посредствомъ дочери и ея будущихъ дѣтей имѣть вліяніе на литовскую Русь [237]).

Первымъ поводомъ къ неудовольствію и жалобамъ послужилъ наболѣвшій въ Литвѣ вѣроисповѣдный вопросъ. Іоаннъ изъявилъ желаніе, чтобы для дочери его построена была особая «церковь греческаго закону на переходѣхъ подлѣ ея хоромъ». Александръ отказался, однако же, строить православную церковь при своемъ дворцѣ, а скоро отосланы были и московскіе бояре, находившіеся при Еленѣ, и наконецъ Александръ перестал называть Іоанна государемъ всея Руси и, предвидя разрывъ, велѣлъ привести въ оборонительное положеніе замки Полоцкій и Витебскій. Кромѣ того, до великаго князя московскаго доходили слухи, что его зять началъ принуждать свою супругу къ переходу въ католичество По этимъ слухамъ, братъ великаго князя литовскаго, кардиналъ Фридрихъ, виленскій бискупъ Войцехъ Таборъ и католическіе монахи приходили къ великой княгинѣ, говорили ей укоризны, называли «некрещеною», произносили рѣчи недобрыя въ укоръ греческаго закона [238]). И Александръ, хотя и запирался въ этомъ передъ тестемъ, или сваливалъ съ себя вину на другихъ, на самомъ же дѣлѣ потакалъ католическимъ монахамъ и покровительствовалъ имъ. Въ 1498 году онъ учредилъ въ Полоцкѣ бернардинскій монастырь, а въ 1501 году испросилъ у папы разрѣшеніе

построить въ Вильнѣ домъ для постояннаго пребыванія здѣсь доминиканскихъ монаховъ, которымъ отданъ былъ, для ихъ содержанія, приходской католическій костелъ св. Духа, построенный въ правленіе Казиміра [239]). Бернардины приходили къ мѣщанамъ виленскимъ, къ князьямъ и боярамъ русскимъ и ко «всей Руси», т. е. къ простому русскому народу, вездѣ предлагая католическое крещеніе и употребляя даже насилія для совращенія. Твердость Елены Ивановны, угрозы ея отца и опасное волненіе, поднявшееся въ областяхъ русско-литовскихъ, заставили ревнителей католичества умѣрить свою ревность. Увидѣвъ невозможность обратить великую княгиню и ея единовѣрцевъ въ католичество, они задумали возстановить забытую флорентійскую унію и нашли себѣ пособника въ смоленскомъ епископѣ, Іосифѣ Болгариновичѣ, обѣщавъ ему санъ митрополита, если онъ согласится признать флорентійское соединеніе и убѣдитъ великую княгиню признать папскую власть. Странно то, что Болгариновичу обѣщана была митрополія еще при живомъ митрополитѣ, каковымъ былъ въ то время св. Макарій, избранный въ этотъ санъ въ 1495 году изъ архимандритовъ Виленскаго Троицкаго монастыря, и что св. Макарій дѣйствительно вскорѣ принялъ мученическую кончину. Получивъ благословеніе константинопольскаго патріарха, митрополитъ Макарій отправился въ 1497 году въ Кіевъ, чтобы принять въ управленіе свою каѳедру. Онъ уже достигъ предѣловъ Кіевской земли, проѣхалъ Мозырь и направился оттуда къ Кіеву; но на переправѣ черезъ Припеть у села Скригалова, его застигъ загонъ татарской орды, ворвавшейся тогда въ кіевское Полѣсье, и митрополитъ былъ убитъ хищниками. Тѣло его перевезено въ Кіевъ, гдѣ и доселѣ нетлѣнно покоится въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Между тѣмъ, Іосифъ Болгариновичъ согласился на предложеніе римско-католиковъ и, вмѣстѣ съ виленскимъ бискупомъ Войцехомъ Таборомъ и бернардинами, «нудилъ» Елену Ивановну «къ римскому закону». Хотя Іосифъ и не успѣлъ въ своихъ стараніяхъ, но, по кончинѣ св. Макарія, получилъ санъ митрополита и въ 1500 году дѣйствительно вошелъ въ сношенія съ папою, выхлопотавъ у него только разрѣшеніе признавать дѣйствительность православнаго крещенія (въ третьемъ лицѣ) обращающихся въ католичество и унію православныхъ русскихъ и литвиновъ. Но и эта унія не удалась, а виновникъ ея умеръ въ слѣдующемъ году, пробывъ на митрополіи только одинъ годъ [240]).

Іоаннъ III Васильевичъ, услышавъ, что дочь его подверглась новымъ

Заглавный листъ визитаціонной книги XVIII вѣка съ изображеніемъ Брестской церкви св. Николая, гдѣ провозглашена унія 1596 года.

непріятностямъ за вѣрность православію, сталъ готовиться къ войнѣ. Ближайшимъ же поводомъ къ ней послужили новые переходы литовско-русскихъ князей на службу великаго князя московскаго. Такъ, въ 1499 году перешелъ въ московскую службу князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, прямо ссылаясь на притѣсненія православію и понужденія къ перемѣнѣ вѣры. Его примѣру послѣдовали потомки извѣстныхъ московскихъ перебѣжчиковъ временъ Василія Темнаго, именно внукъ Шемяки, Василій, и сынъ Ивана Андреевича Можайскаго, Семенъ, и другіе, тоже по причинѣ гоненія на вѣру. Они поддались государю московскому съ городами: Черниговомъ, Гомелемъ, Любечемъ, Рыльскомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ. Іоаннъ послалъ объявить Александру, что принялъ въ службу Бѣльскаго, Можайскаго съ Шемячичемъ и другихъ, и объявилъ войну своему зятю [241]). 14 іюля, 1500 года, произошла битва на берегахъ Ведроши около Дорогобужа, окончавшаяся полнымъ пораженіемъ литовцевъ. Гетманъ литовскій, князь К. И. Острожскій, и нѣкоторые другіе предводители литовскаго войска попали въ плѣнъ. Никогда еще московскія войска не одерживали такой блистательной побѣды надъ Литвою.

Пораженный вѣстью объ этой побѣдѣ московскихъ войскъ, Александръ укрѣпилъ пограничные города: Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ, Оршу и въ то же время началъ переговоры о мирѣ [242]). Переговоры затянулись по случаю смерти польскаго короля Яна-Альбрехта и новой попытки соединенія Литвы съ Польшей подъ властію одного государя.

По смерти брата своего Яна-Альбрехта, Александръ Казиміровичъ избранъ былъ въ 1501 году и на польскій престолъ. Нуждаясь въ помощи поляковъ для борьбы съ Московскимъ государствомъ, Александръ согласился заключить новый договоръ о соединеніи Литвы съ Польшею, главныя условія котораго были слѣдующія. Польша и Литва соединяются въ одно государство, всегда имѣющее одного государя; у обоихъ общіе сеймы по общимъ дѣламъ; эти сеймы собираются поочередно, то въ Польшѣ, то въ Литвѣ; Литва сохраняетъ только свои отдѣльные частные сеймы и особенность внутренняго управленія. Но этотъ договоръ, заключенный вопреки желанію литовско-русскихъ вельможъ, не принесъ осязательной пользы Литвѣ, такъ какъ Польша все-таки не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ съ Москвою [243]). А между тѣмъ эта война продолжалась и наклонялась въ пользу Московскаго государства. Сынъ Іоанна III Василій долженъ былъ, по распоряженію отца, идти изъ

Новгорода къ сѣвернымъ предѣламъ Литвы; а другое московское войско, 14 ноября 1501 года, одержало близъ Мстиславля знаменитую побѣду надъ литовцами: на мѣстѣ легло до 7,000 непріятелей. Московскія войска, разоривъ окрестности Мстиславля, возвратились въ Москву. Въ іюлѣ слѣдующаго года Іоаннъ опять послалъ многочисленное войско подъ начальствомъ сына своего Димитрія, на Смоленскъ. Московскія войска взяли Оршу, выжгли предмѣстье Витебска, всѣ деревни до Полоцка и Мстиславля, но должны были, за недостаткомъ продовольствія, удалиться отъ Смоленска. Въ декабрѣ того же года, московскіе воеводы снова ходили на Литву. Въ то же время союзникъ Іоанна III, крымскій ханъ Менглигирей, не разъ опустошалъ литовскія и польскія владѣнія и угрожалъ даже самой Вильнѣ, которую въ 1498 году должны были обнести каменною стѣною. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Александръ, не смотря на дѣятельную помощь со стороны Ливонскаго ордена, всячески старался покончить разорительную войну и пролагалъ путь къ миру съ тестемъ, отдавъ въ 1502 году женѣ своей, Еленѣ Ивановнѣ, въ пожизненное владѣніе Могилевскій замокъ. Наконецъ, въ 1503 году, при посредствѣ папы Александра VI, начались мирные переговоры, во время которыхъ Александръ выдалъ грамоту на постройку въ Вильнѣ русскаго гостинаго двора. Іоаннъ III отвѣчалъ папѣ, что-де «короли Владиславъ и Александръ — отчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ; а Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины наша отчина». «Что мы съ Божіею помощью у него (Александра) взяли, — отвѣчалъ Іоаннъ литовскимъ посламъ, — того не отдадимъ. Еще Кіевъ, Смоленскъ и многіе иные города принадлежатъ Россіи: мы и тѣхъ добывать намѣрены» [244]). Большія трудности для заключенія мира представлялъ также вѣроисповѣдный вопросъ. Во время переговоровъ, литовскіе послы съ торжествомъ указывали на папскую буллу, признающую дѣйствительность православнаго крещенія въ третьемъ лицѣ. Принужденія къ римскому закону нѣтъ, — говорили они, — папа требуетъ только, чтобы Елена была послушна римской церкви, причемъ вовсе не нужно, чтобы она и всѣ русскіе снова крестились; пусть только находятся они въ послушаніи престолу апостольскому, по приговору флорентійскаго собора, а жить могутъ по прежнему своему греческому обряду. Когда же Іоаннъ III не согласился на это, то дѣло отложено было до новыхъ переговоровъ съ папою. Тогдашній папа Юлій II отвѣчалъ, что такъ

какъ великій князь московскій обширностью своихъ владѣній и силами превосходилъ короля польскаго и можетъ сдѣлать много вреда владѣніямъ послѣдняго, и такъ какъ, съ другой стороны, онъ старъ и дряхлъ, то можно отложить дѣло до его смерти, или до какого другаго благопріятнаго случая. А послы литовскіе, съ своей стороны, увѣряли Іоанна III, что теперь всякому позволено у нихъ строить церкви, какія кто хочетъ, что прежде нельзя было строить церквей (православныхъ), а теперь позволено. Послѣ многихъ препирательствъ, заключено было перемиріе на шесть лѣтъ, отъ 25 марта 1503 года до 25 марта 1509 г. За Іоанномъ III осталась большая часть завоеванныхъ имъ областей и до 20 городовъ, и между ними Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель и др. При заключеніи договора, Іоаннъ снова и настоятельно потребовалъ отъ зятя, чтобы тотъ не принуждалъ его дочери къ перемѣнѣ вѣры, построилъ бы ей особую придворную церковь, и приставилъ къ ней слугъ и служанокъ православныхъ и, наконецъ, вытребовалъ у Александра новую утвержденную грамоту о греческомъ законѣ, къ которой должны были приложить свои печати архіепископъ краковскій и виленскій католическій епископъ [245]).

Благодаря серьезному наблюденію и грозному могуществу московскаго государя, совѣсть Елены Ивановны не была болѣе тревожима при жизни ея мужа. Елена Ивановна дѣлаетъ отъ себя вклады въ православные монастыри и церкви сѣверо-западной Руси, какъ напр. въ Минскій Вознесенскій, и оказываетъ свое вліяніе на общее положеніе православной церкви въ Литвѣ. Около 1503 года, по желанію и указанію Елены Ивановны, на мѣсто Іосифа Болгариновича поставленъ былъ въ литовскіе митрополиты Іона II, котораго позднѣйшіе уніатскіе писатели называютъ «основателемъ» схизмы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, что указываетъ только на усердіе Іоны къ православію [246]). Съ своей стороны, православные литовско-русскіе служилые князья и вельможи не только охраняли древніе православные храмы и монастыри въ своихъ имѣніяхъ, но и строили новые. Во время царствованія Александра Казиміровича становятся извѣстными слѣдующіе православные монастыри и церкви въ Литовскомъ государствѣ: Никольская въ селѣ Порудоминѣ, Виленской губерніи, наданная въ 1493 году княземъ К. И. Острожскимъ [247]); Кобринскій Спасскій монастырь, Гродненской губерніи, основанный въ 1497 году кобринскимъ княземъ Иваномъ и женой его

Виленская Островратская или Остробрамская икона Божіей Матери.

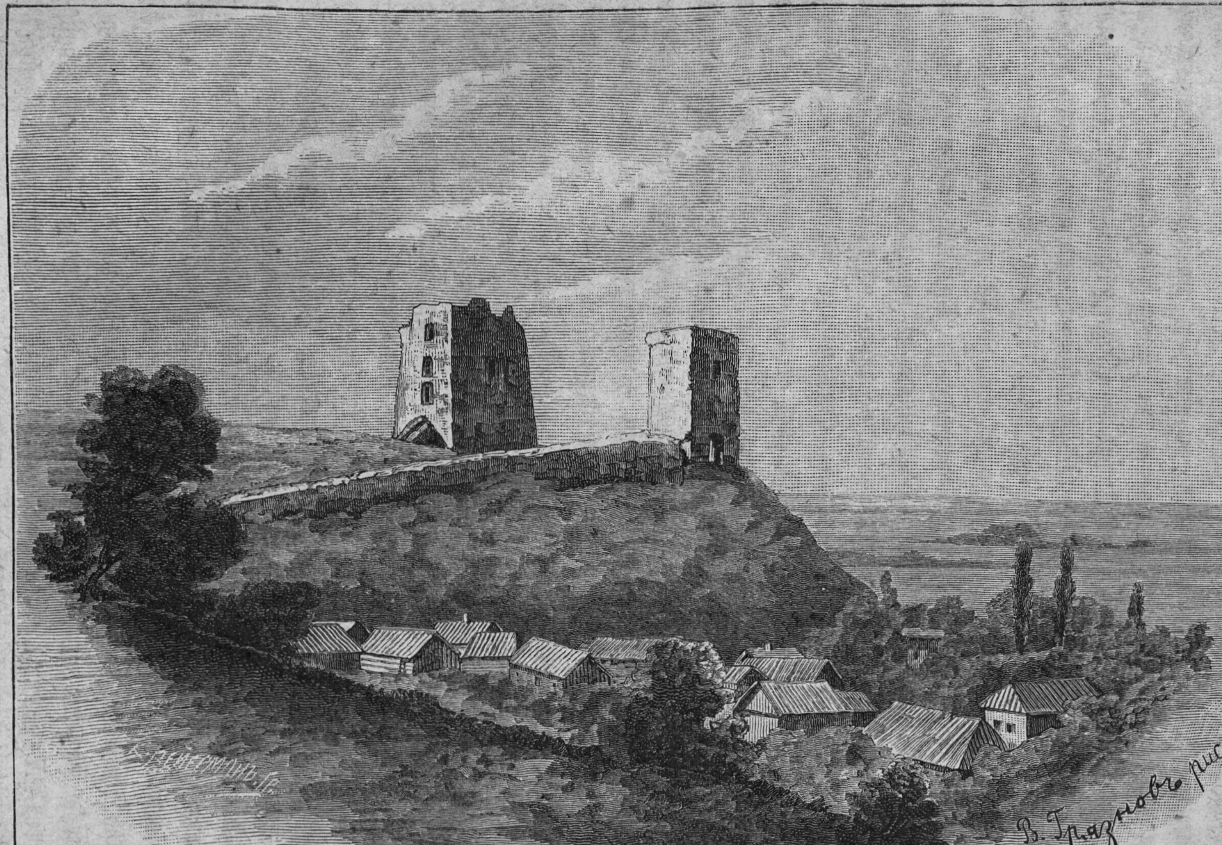
Θеодорой; Никольская Сторожевецкая церковь въ Туровѣ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи, до 1497 года [248]); Супрасльскій монастырь съ иконою Богоматери, основанный сначала въ Городкѣ, въ 1498 году, а потомъ перенесенный въ 1500 году въ Супрасль, Гродненской губерніи, и вновь отстроенный здѣсь Солтаномъ и Ходкевичемъ (онъ замѣчателенъ былъ общежительнымъ уставомъ и богатствомъ рукописей, между которыми важное значеніе имѣетъ Супрасльскій лѣтописный сборникъ) [249]); Рождество-Богородичная церковь въ Минскомъ замкѣ, гдѣ первоначально находилась Минская чудотворная икона Богоматери, относимая къ глубокой древности и перенесенная изъ Кіева въ Минскъ около 1500 года [250]); церковь въ Новомъ Свержнѣ, Минской губерніи, около 1500 года [251]); Пустынскій Мстиславскій монастырь, 1500 года; Троицкій монастырь въ Дрогичинѣ, Гродненской губерніи, около 1500 года [252]); Ильинская церковь въ с. Саковщинѣ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, въ началѣ XVI вѣка; Збирогская церковь, Гродненской губерніи, 1502 года; Никитская церковь въ м. Здитовѣ, Гродненской губерніи, основанная Гуринами въ 1502 году [253]); соборная Дмитріевская церковь въ Пинскѣ, Дмитріевская же въ Давыдгородкѣ, Введенская въ Купятичахъ и Іоакимо-Аннинская въ Ставкѣ, Минской губерніи, получившія въ 1503 и 1504 годахъ вклады отъ князя Θеодора Ивановича Ярославича [254]); Пречистенскій монастырь въ Буйничахъ, близъ Могилева, 1506 года, и Никольскій монастырь въ Высоковомъ, близъ Могилева же, 1506 года [255]); Никольская церковь въ Смолевичахъ, Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи, основанная княземъ К. И. Острожскимъ [256]); Троицкая замковая церковь въ м. Брагинѣ, Минской губерніи, упоминаемая въ 1507 году и одаренная князьями Вишневецкими [257]); Рождество-Богородичная церковь въ Вильнѣ, построенная въ 1507 году, съ разрѣшенія короля Александра, Θедькою Янушевичемъ [258]); Рождество-Богородичная церковь въ г. Бѣльскѣ, Гродненской губерніи, упоминаемая въ 1507 году, но основанная гораздо раньше княземъ Михаиломъ Семеновичемъ городенскимъ, бѣльскимъ и кобринскимъ, и супругой его, Вассой, бабкой короля Александра [259]).

Король Александръ умеръ въ 1506 году, когда на московскомъ престолѣ сидѣлъ уже сынъ Іоанна III и братъ Елены Ивановны, Василій Ивановичъ. Послѣдній, зная доброжелательство городовъ и цѣлыхъ областей западной Руси къ великимъ князьямъ московскимъ, изъявилъ, по

смерти Александра, литовско-русскимъ вельможамъ желаніе быть ихъ государемъ, чтобы навсегда прекратить распрю двухъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ. Но прежде чѣмъ въ Вильнѣ узнали желаніе Василія, братъ Александра, Сигизмундъ I, былъ уже объявленъ великимъ княземъ литовскимъ, а вслѣдъ затѣмъ и королемъ польскимъ. Еще Александръ въ послѣднее время своей жизни обращался къ новому государю московскому съ требованіемъ уступки городовъ, которыми завладѣлъ Іоаннъ III, и получилъ отъ Василія рѣшительный отказъ и взаимное требованіе, чтобы Александръ не принуждалъ своей жены къ перемѣнѣ вѣры. Сигизмундъ I также прислалъ пословъ съ тѣмъ же требованіемъ возвращенія городовъ и получилъ тотъ же отвѣтъ, съ требованіемъ не принуждать Елену Ивановну къ перемѣнѣ вѣры [260]). Обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ: Сигизмундъ I искалъ союза съ крымскими татарами и Ливонскимъ орденомъ, а Василій III Ивановичъ нашелъ себѣ союзника въ самомъ княжествѣ Литовскомъ, въ лицѣ князя Михаила Глинскаго и его сторонниковъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій, потомокъ татарскаго князя, выѣхавшаго изъ Орды при Витовтѣ и крестившагося, пользовался большимъ вліяніемъ и значеніемъ при Александрѣ. Глинскій былъ искусный полководецъ и человѣкъ, по своему времени, очень образованный: 12 лѣтъ провелъ онъ за-границею, изучая военное искусство, перенялъ обычаи нѣмецкіе и проникся западной гражданственностію. Возвратясь въ Литву, Глинскій вошелъ въ милость и довѣріе у короля Александра. Александръ такъ увеличилъ владѣнія Глинскаго, возведеннаго имъ въ званіе надворнаго маршала, что онъ обладалъ «чуть не половиною всего Литовскаго княжества», по преувеличенному выраженію польскаго историка, и стоялъ во главѣ многочисленной русской партіи въ средѣ литовскихъ вельможъ. Оттого по смерти Александра литовскіе вельможи спѣшили избрать Сигизмунда, чтобы только Глинскій не сталъ добиваться великокняжескаго престола. Сигизмундъ, вступивъ на престолъ, оказалъ Глинскому оскорбительную холодность и, не обративъ никакого вниманія на жалобу его на враждебныхъ ему пановъ, во главѣ которыхъ стоялъ Янъ Заберезинскій, уѣхалъ въ Польшу. Тогда Глинскій вошелъ въ сношенія съ крымскимъ ханомъ и съ московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ и, заручившись его помощью, рѣшился отторгнуть отъ Литвы ея русскія

области. Менглигирей обѣщалъ посадить Глинскаго въ Кіевѣ, а Василій Ивановичъ обязался не лишать Глинскаго владѣній, какія онъ завоюетъ отъ Литвы, и не вступаться въ эти владѣнія. Весною 1508 года Глинскій поднялся съ братьями и съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ пробрался въ окрестности Гродны, захватилъ и приказалъ казнить своего главнаго врага, Заберезинскаго, и направился, медленно подвигаясь къ востоку, на встрѣчу московской рати, зазывая на помощь все русское населеніе края и предлагая ему отложиться отъ Литвы. Къ нему пристали и другіе русскіе князья и многіе люди православнаго вѣроисповѣданія и сказывали, что теперь нужда на нихъ пришла большая за греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступать къ римскому закону, и они били челомъ Василію Ивановичу, чтобы онъ пожаловалъ ихъ, за нихъ сталъ и оборонялъ ихъ. Въ числѣ другихъ пристали къ Глинскому князья друцкіе и Лутвеніевичи мстиславскіе. Глинскій опустошалъ волости Слуцкія и Копыльскія, овладѣлъ Туровомъ и Мозыремъ и хотѣлъ овладѣть Слуцкомъ будто-бы для того, чтобы жениться на его княгинѣ Анастасіи и тѣмъ получить право на Кіевъ, которымъ прежде владѣли предки князей слуцкихъ. Въ то же время онъ отправилъ брата Василія, съ предложеніями отдѣлиться отъ Литвы, и въ Кіевъ. Жители Кіевскаго княжества встрѣтили Василія Глинскаго радушно. Узнавъ, что попытка Глинскихъ клонится къ возстановленію самостоятельности Русскаго княжества, города отворяли ему ворота, земяне являлись въ его станъ и приносили присягу. Знаменитый староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашкевичъ, соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Къ несчастію Глинскаго, это обаяніе продолжалось недолго. Въ сѣверо-западной Руси Михаилъ Глинскій встрѣтилъ или враждебное настроеніе, или равнодушіе, и не получалъ въ свое время сильной помощи отъ Москвы. Василій Ивановичъ послалъ въ Литву сравнительно небольшой отрядъ войска, въ соединеніи съ которымъ Михаилъ Глинскій ходилъ подъ Минскъ, разсылая свои загоны вглубь Литвы, къ Вильнѣ, Новгородку и Слониму, но потомъ отступилъ къ Борисову и затѣмъ къ Оршѣ, на соединеніе съ главными московскими силами, и по дорогѣ овладѣлъ Друцкомъ. Сюда же направился и Сигизмундъ I; но, не вступая въ рѣшительную битву, изъ Смоленска началъ переговоры съ Василіемъ Ивановичемъ о вѣчномъ мирѣ, который и заключенъ былъ въ 1508 году. По этому миру, всѣ пріобрѣ-

Развалины Новогрудскаго замка.

тенія Іоанна III остались за Россіей, а все, занятое Глинскимъ, возвращено Литвѣ. Глинскій пріѣхалъ въ Москву и получилъ во владѣніе города Медынь и Малоярославецъ [261]).

Миромъ 1508 года не могли окончиться враждебныя отношенія между Москвой и Литвой. Глинскій не могъ успокоиться, пока не отомститъ своимъ врагамъ, а въ Литвѣ не могли успокоиться, пока былъ живъ Глинскій. Кромѣ того, Василій Ивановичъ долженъ былъ требовать лучшаго обращенія съ сестрою. Въ 1512 году Василій Ивановичъ жаловался Сигизмунду I, что воеводы виленскій и троцкій схватили вдовствующую королеву Елену Ивановну въ Вильнѣ, свели въ Троки, людей ея всѣхъ отослали, казну всю взяли; въ городахъ ея и волостяхъ, данныхъ ей мужемъ, паны ни въ чемъ не даютъ ей воли; держали ее три дня въ Трокахъ, свели въ Биршаны. Сигизмундъ опровергалъ дошедшіе до Василія Ивановича слухи, сознаваясь только въ томъ, что, съ его вѣдома, виленскій и троцкій воеводы дѣйствительно однажды сказали Еленѣ Ивановнѣ, чтобы она на тотъ разъ не ѣздила въ Браславъ, а жила бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ, потому что прошли слухи о небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Натянутость отношеній между двумя сосѣдними государствами поддерживалась также пограничными ссорами и, наконецъ, разрѣшилась въ томъ же 1512 году открытой войной. Василій Ивановичъ по три года сряду ходилъ на Смоленскъ и, наконецъ, взялъ его въ 1514 году. Хотя вскорѣ послѣ этого князь К. И. Острожскій, незадолго передъ тѣмъ бѣжавшій изъ московскаго плѣна, нанесъ при Оршѣ страшное пораженіе московскимъ войскамъ, но не могъ возвратить Литвѣ Смоленска и занялъ только Дубровну, Мстиславль и Кричевъ. Военныя дѣйствія продолжались до 1522 года и сосредоточивались преимущественно въ сѣверо-западной Руси. Московскія войска не разъ приступали къ Витебску и Полоцку и доходили до самой Вильны. Наконецъ, 25 декабря 1522 года заключено было перемиріе на 5 лѣтъ, впослѣдствіи продолженное еще на 6 лѣтъ: Смоленскъ остался за Москвою. Когда же истекъ срокъ перемирія и вмѣстѣ съ тѣмъ скончался въ 1533 году Василій Ивановичъ, то Сигизмундъ I, надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна IV Васильевича, потребовалъ у него всѣхъ городовъ, отнятыхъ у Литвы Іоанномъ III и Василіемъ III Ивановичемъ, и первый началъ войну. Московскія войска вторгнулись въ Литовское государство съ разныхъ

сторонъ, ходили къ Мозырю, Турову и Могилеву, опустошили окрестности Полоцка, Витебска, Браслава, щадя однако же своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, доходили до Молодечны и до самой Вильны и построили на Литовской землѣ крѣпости Иваньгородъ на Себежѣ (нынѣ Себежъ) съ тремя церквами, Заволочье и Велижъ. Литовцы съ своей стороны взяли только Гомель и Стародубъ, но тщетно осаждали Иваньгородъ. Въ память блестящаго успѣха при защитѣ этой крѣпости, мать Іоанна IV Елена велѣла соорудить въ Себежѣ церковь Живоначальныя Троицы. Успѣхи московскихъ войскъ принудили Сигизмунда I заключить въ 1537 году съ Москвой перемиріе на 12 лѣтъ: Москвѣ предоставлено право владѣть новыми крѣпостями, построенными на Литовской землѣ, Себежемъ и Заволочьемъ; за Литвою оставленъ Гомель.

Такимъ образомъ, при Сигизмундѣ I три раза возобновлялась война съ Москвою и каждый разъ оканчивалась отторженіемъ отъ Литвы новыхъ областей и городовъ и присоединеніемъ ихъ къ Московскому государству. Какъ человѣкъ умный, Сигизмундъ не могъ не понимать, что коренная причина начавшагося саморазложенія Литовскаго государства лежала въ вѣроисповѣдной нетерпимости его предшественниковъ и вообще всѣхъ литовско-польскихъ католиковъ къ православному населенію его государства, а потому старался, по возможности, успокоить совѣсть русскихъ православныхъ своихъ подданныхъ и бороться съ католическимъ изувѣрствомъ. При Сигизмундѣ I въ особенномъ почетѣ былъ русскій народъ, и, 60 лѣтъ спустя потомъ, вспоминали, что Сигизмундъ созидалъ и обогащалъ русскія церкви, какъ и католическія [262]). И дѣйствительно, при Сигизмундѣ I въ Литовскомъ государствѣ является едва ли не болѣе православныхъ монастырей и церквей, чѣмъ костеловъ и кляшторовъ. Послѣднихъ при Сигизмундѣ I появилось до 56, но изъ нихъ 21 приходится на Ковенскую губернію, 19 на Виленскую и 13 на Гродненскую, тогда какъ въ остальныхъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края основаны только три кляштора и костела, а именно: въ Пинскѣ самимъ Сигизмундомъ; въ Камени, Минской губерніи, 1522 г., и въ Пинскѣ бенедиктинскій кляшторъ съ 1542 года [263]). Православныхъ же монастырей и церквей при Сигизмундѣ I извѣстно свыше 80, кромѣ упоминавщихся нами прежде. Въ самой Вильнѣ Сигизмундъ I дозволилъ гетману великаго княжества Литовскаго, князю К. И. Острожскому, перестроить заново Пречистенскій

соборъ, гдѣ впослѣдствіи погребена королева Елена Ивановна († 1513 г.), пожертвовавшая сюда драгоцѣнный образъ Богоматери, находящійся теперь въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, а также церковь св. Николая и, можетъ быть, Покровскую [264]). Изъ православныхъ монастырей при Сигизмундѣ I становятся извѣстными слѣдующіе: Никольскій монастырь въ Горахъ, Могилевской губерніи, 1508 г.; Никольскій монастырь въ Морочи, Минской губерніи, 1508 г. [265]); въ Полоцкѣ монастыри Троицкій, Петровскій и Михайловскій-Городецкій, упоминаемые 1509 года [266]); Сурдегскій монастырь съ благодатною иконою Богородицы, основанный Шишъ-Ставецкимъ въ 1510 году; Браславскій женскій монастырь, основанный до 1513 года королевой Еленой Ивановной [267]); Полоцкій Пятницкій монастырь, упоминаемый 1513 года [268]); Тороканскій Троицкій монастырь, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда, основанный въ 1517 году Пясочинскою [269]); Варваринскій Пинскій женскій монастырь, упоминаемый 1520 года [270]); Нобельскій монастырь, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, упоминаемый 1524 года [271]); Логойскій Богоявленскій монастырь, Минской губ., возобновленный около 1531 года Василіемъ Тышкевичемъ [272]); Печерскій Пречистенскій монастырь близъ Могилева, основанный княземъ Алексіемъ Лахтыновичемъ до 1532 года [273]); Минскій Никольскій монастырь, упоминаемый 1533 года [274]); Соломирецкій Покровскій монастырь, Минской губ., основанный князьями Соломерецкими [275]). Строителями и покровителями православныхъ церквей являются: князь К. И. Острожскій, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ пинскій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ, Ив. А. Солтанъ, князь Юрій Семеновичъ Олельковичъ слуцкій, Варвара Забѣлло и др. Православные храмы воздвигаются не только въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, но и въ самой Литвѣ и Жмуди, какъ напр. въ Сурдегахъ и Кейданахъ. Около 1526 года Григорій Ходкевичъ построилъ православную церковь даже въ Балѣ, нынѣ Сувалкской губерніи, Августовскаго уѣзда [276]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сигизмундъ I старался уравнять православныхъ въ правахъ съ католиками. И въ литовскихъ земляхъ, и въ самой Вильнѣ, онъ давалъ магдебургское право «обудву законамъ», т. е. латинскому и греко-восточному, безъ различія и ограниченія, съ тѣмъ, чтобы половина бурмистровъ и радцевъ была изъ католиковъ, а другая изъ православныхъ [277]). Въ 1509 году, въ самой столицѣ княже-

ства, въ «богоспасаемомъ градѣ» Вильнѣ, состоялся достопамятный соборъ православной западно-русской церкви, съ цѣлью установить церковный порядокъ и оградить духовенство отъ вліянія мірской власти. На этомъ соборѣ присутствовало, кромѣ митрополита, 7 епископовъ, 7 архимандритовъ, 6 игуменовъ и 7 лицъ бѣлаго духовенства. Предсѣ-

Ильинская церковь въ г. Витебскѣ.

дательствовалъ на соборѣ митрополитъ Іосифъ Солтанъ, такой же несомнѣнный ревнитель православной вѣры, какъ и его предшественникъ Іона [278]). Правилами этого собора постановлялось: 1) чтобы при жизни митрополита, епископа, архимандрита или священника, никто не смѣлъ подкупаться на ихъ мѣста ради мірской славы и владычества, безъ совѣта и воли митрополита, епископовъ, и избранія князей и пановъ гре-

ческаго закона; 2) чтобы епископамъ не ставить поповъ и діаконовъ въ чужія епархіи безъ повелѣнія и грамоты ихъ епископа; 3) ставить священниковъ только достойныхъ, по ручательству ихъ отцовъ духовныхъ; 4) отлучать отъ божественной службы того епископа или священника, который будетъ уличенъ въ томъ, что при поставленіи скрылъ свои грѣхи; 5) не принимать священниковъ, переходящихъ изъ одной епархіи въ другую безъ отпускной грамоты отъ своего епископа, чтобы не переходили лица, находящіяся подъ запрещеніемъ; 6) безженныхъ (вдовыхъ) священниковъ не допускать къ священнодѣйствію, если не поступятъ въ монахи; 7) не отнимать церкви у священника безъ вины, а отнимать только у тѣхъ, кто «начнетъ домъ свой держати въ небреженіи, безчинно», служить не по уставу или пьянствовать; 8) князьямъ и панамъ, имѣющимъ право патроната (покровительства, попеченія), запрещается отнимать церковь у священника безъ вины и не объявивъ митрополиту; 9) въ случаѣ нарушенія этого постановленія, запрещается ставить въ такую церковь священника; если князь или панъ три мѣсяца не назначитъ къ церкви священника, то назначитъ его митрополитъ; 10) если князь или панъ отниметъ что-нибудь у церкви, то митрополитъ пишетъ къ нему и, въ случаѣ непослушанія, подвергаетъ отлученію; 11) священникъ, служащій безъ благословенія владычняго, лишается сана; 12) монахи не могутъ выходить изъ монастырей безъ грамоты отъ игумена; 13) божественныхъ правилъ (кормчей) мірскимъ людямъ у себя не держать, такъ какъ они, имѣя ихъ у себя, презираютъ законъ и пастырей, сами себѣ законъ бываютъ; 14) епископы не должны принимать на себя мірскихъ дѣлъ и обязаны являться на соборы къ митрополиту, а духовенство къ епископу безъ всякаго ослушанія; 15) правила эти должны соблюдаться неуклонно; если же кто-либо, хотя бы самъ господарь, захочетъ ихъ нарушить, то воли его исполнять не слѣдуетъ, а, подавъ челобитную господарю, непоколебимо стоять, чтобы не была нарушена православная вѣра. Въ томъ же 1509 году, Сигизмундъ I, по жалобѣ и представленію митрополита Іосифа, издалъ окружную грамоту, которою велѣлъ всѣмъ урядникамъ выдавать на судъ митрополита людей, живущихъ не по церковнымъ правиламъ: не вѣнчающихся, не крестящихъ дѣтей, не исповѣдующихся. Въ 1511 году, митрополитъ Іосифъ Солтанъ получилъ отъ Сигизмунда I грамоту, которая обезпечивала за православнымъ духо-

венствомъ полную независимость отъ всѣхъ свѣтскихъ властей, давала духовенству право судить и рядить во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ по старымъ обычаямъ, на основаніи свитка Ярославова и грамотъ предшественниковъ Сигизмунда I. Сверхъ того, королевская грамота касалась вопроса о правѣ «подаванія», столь важномъ въ церковномъ быту княжества, предоставляя частнымъ лицамъ и свѣтскимъ учрежденіямъ, землевладѣльцамъ и городскимъ обществамъ назначать священниковъ къ церквамъ и настоятелей къ монастырямъ, отъ нихъ зависѣвшимъ. По этой грамотѣ, владѣлецъ римскаго закона опредѣляетъ къ находящейся въ его имѣніи православной церкви священника за благословеніемъ митрополита и послѣ не имѣетъ права удалить его отъ церкви, ему поданной, безъ воли митрополита. Въ 1530 году Сигизмундъ I запретилъ виленскимъ городскимъ властямъ судить духовныхъ лицъ; въ 1531 году онъ запретилъ виленскому католическому епископу судить православныхъ церковныхъ урядниковъ. Въ 1538 году Сигизмундъ, по просьбѣ митрополита Макарія, сдѣлалъ письменное распоряженіе, чтобы никто изъ начальствующихъ не препятствовалъ и не дозволялъ препятствовать ни самому митрополиту, ни его намѣстникамъ, въ отправленіи суда, наказаніи и исправленіи подчиненныхъ ему священниковъ и другихъ людей того рода. Наконецъ, въ 1546 году, Сигизмундъ I, услыхавъ отъ многихъ князей и пановъ о непорядкахъ въ церковной жизни православныхъ, предложилъ митрополиту созвать соборъ, на который и позвать, «кого бы вѣдали не въ законѣ мѣшкаючихъ» [279]).

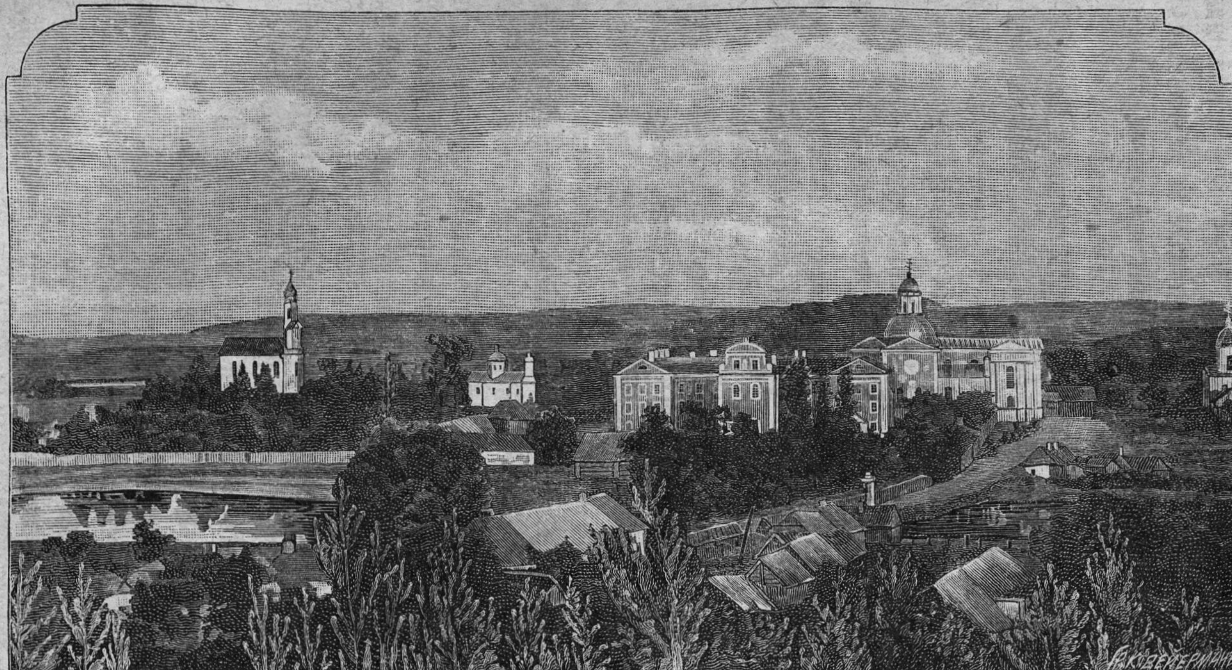
Ко времени Сигизмунда I, отличавшагося любовью къ просвѣщенію, относится и начало славяно-русскаго книгопечатанія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Первая книгопечатня, печатавшая книги на церковно-славянскомъ языкѣ, была заведена около 1491 года, въ Краковѣ, нѣмцемъ Швайпольтомъ Фіолемъ, который, по всей вѣроятности, руководился въ своей издательской дѣятельности промышленными соображеніями и выгодами. Продолжателемъ его дѣла былъ русскій человѣкъ, полочанинъ, докторъ Георгій-Францискъ Скорина, получившій образованіе въ Краковскомъ и, можетъ быть, въ Пражскомъ университетахъ. Въ 1517 году онъ издалъ въ чешской Прагѣ псалтирь, а затѣмъ съ 1517 по 1519 годъ издалъ 22 библейскія книги ветхаго завѣта въ славяно-русскомъ переводѣ, который сдѣланъ былъ преиму-

щественно по церковно-славянскому тексту и чешской библіи 1506 года. Изъ Праги Скорина переселился въ Вильну и издалъ здѣсь въ 1525 году апостолъ и около того же времени «малую подорожную книжицу» и тѣмъ прекратилъ свою дѣятельность. Несмотря на неправославное имя Скорины (Францискъ), всѣ его изданія имѣли православный характеръ и вѣроятно назначались для православныхъ жителей Литвы [280]).

Пользуясь благосклонностію короля, литовско-русскіе вельможи въ 1526 году просили Сигизмунда I дать имъ въ великіе князья своего сына и вѣнчать его тою королевскою короною, которая нѣкогда послана была Витовту, но перехвачена поляками. При этомъ литовцы выставляли на видъ, что поляки давно замышляютъ присоединить княжество къ коронѣ польской, но они не желаютъ быть подданными короны, и что потомкамъ его «лѣпѣй и пожиточнѣй будетъ подъ особнымъ титуломъ и правомъ». Сигизмундъ исполнилъ просьбу литовцевъ и въ 1529 году назначилъ въ Литву великимъ княземъ сына своего Сигизмунда-Августа, дозволивъ возвести его на литовскій престолъ со всѣми обрядами [281]).

Но при всемъ добромъ расположеніи къ литовско-русскимъ своимъ подданнымъ и при сильной волѣ, Сигизмундъ I все-таки былъ иногда послушнымъ рабомъ окружавшихъ его людей и обстоятельствъ. Почти все свое царствованіе Сигизмундъ I долженъ былъ вести борьбу съ возраставшими притязаніями строптивой польской шляхты, и хотя умѣлъ еще поддерживать обаяніе королевской власти, но въ то же время поднималъ значеніе литовско-русской шляхты, постепенно уравнивая ее въ правахъ съ польскою шляхтою, и содѣйствовалъ перенесенію польскихъ началъ и даже самаго польскаго шляхетства на литовско-русскую почву.

Еще при самомъ вступленіи своемъ на престолъ Сигизмундъ I издалъ земскій привилей, которымъ подтверждалъ привилеи своихъ предшественниковъ, и потомъ повторилъ его въ 1522 году. Къ общимъ постановленіямъ Сигизмундова царствованія относятся также «уставы» 1508 года о пріемѣ въ Литвѣ польской монеты и постановленіе 1507 года о доказательствахъ шляхетства. По этому постановленію сейма, если кто-либо оскорбитъ другаго и назоветъ его нешляхетнымъ, то онъ можетъ доказывать свое шляхетское происхожденіе свидѣтельствомъ двухъ шляхтичей; но если онъ имѣетъ родственника шляхтича,

Жировицкій монастырь.

(Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи).

то достаточно его свидѣтельства. Если же нѣтъ свидѣтелей, то шляхетство можетъ быть доказано судовымъ листомъ прежнихъ государей или пановъ-рады, въ которомъ жалующійся былъ бы названъ шляхтичемъ. Сигизмундъ подтверждалъ также привиллегіи отдѣльнымъ землямъ, выданныя его предшественниками отцомъ и братомъ, какъ напримѣръ, привилеи Витебской и Дрогичской землямъ, и давалъ новые привилеи въ томъ же родѣ, напримѣръ, землямъ Кіевской и Полоцкой [282]). Подъ вліяніемъ этихъ привилеевъ, поднимавшихъ значеніе мѣстнаго дворянства и высшихъ сословій, усилилось до высшей степени и народное самочувствіе католической Литвы, такъ что представители ея не хотѣли принимать въ свою среду даже такихъ заслуженныхъ русскихъ вельможъ, каковъ былъ знаменитый гетманъ литовскій, князь К. И. Острожскій. Когда Сигизмундъ I въ 1522 году отдалъ князю Острожскому Трокское воеводство, то въ средѣ литовскаго дворянства поднялась такая буря, что король долженъ былъ дать письменное ручательство въ томъ, что сдѣлалъ это въ виду особыхъ заслугъ князя Острожскаго, и впредь будетъ отдавать высшія литовскія должности не русскимъ, но литвинамъ и католикамъ [283]).

А между тѣмъ сближеніе въ правахъ высшаго сословія и шляхты литовской съ поляками незамѣтно должно было повести къ безразличію и смѣшенію польскихъ и литовскихъ земель и должностей. Еще со временъ Ягайла поляки стали мало-по-малу проникать въ Литву и получать здѣсь осѣдлость; но особенно усилились переселенія поляковъ въ Литву при Сигизмундѣ I. Послѣ смерти пинскаго князя Ѳеодора Ивановича Ярославича и пресѣченіи линіи кобринскихъ князей, Сигизмундъ отдалъ ихъ владѣнія женѣ своей итальянкѣ Бонѣ [284]), которая строила здѣсь костелы и утверждала католичество и польское вліяніе. А вслѣдъ за Боною стали проникать въ Литву и Русь и поляки. На брестскомъ сеймѣ 1542 года литовцы жаловались королю, говоря, что «въ Литвѣ и Руси уряды и тіунства розданы ляхамъ», и высказывали подобныя жалобы на другомъ брестскомъ сеймѣ 1544 года [285]). Усиленію польскаго вліянія въ Литвѣ содѣйствовало и само римско-католическое духовенство, состоявшее въ значительной мѣрѣ изъ поляковъ, которые старались удержать за собою верховенство надъ литовскими католическими духовными и ополячить само литовское католичество. Такъ напримѣръ, бернардинскіе монастыри въ Литвѣ находились подъ управленіемъ поль-

скаго провинціала, естественно благоволившаго къ монахамъ изъ поляковъ, которые не допускали литовцевъ къ исправленію какихъ бы то ни было духовныхъ должностей и службъ духовныхъ и сами получали всѣ выгоды. Выведенные изъ терпѣнія, литовскіе монахи обвиняли поляковъ въ расхищеніи церковнаго имущества и требовали отдѣльнаго провинціала для своихъ монастырей. Великокняжеская рада, вельможи духовные и свѣтскіе приняли сторону своихъ монашествующихъ соотчичей; самъ король былъ на ихъ сторонѣ; папа долженъ былъ принять мѣры для утишенія вражды [286]). Но такое ополяченіе католичества не осталось безслѣднымъ въ дальнѣйшей исторіи Литвы и приготовило почву для протестантскаго вольнодумства, развивавшагося здѣсь въ отпоръ польско-католическимъ притязаніямъ и въ защиту народнаго начала въ дѣлахъ вѣры и церкви.

Довершенію недоразумѣній и неурядицъ, порождаемыхъ столкновеніемъ польско-католическихъ стремленій съ литовскими, содѣйствовала и вторая супруга Сигизмунда I, итальянка Бона. Пользуясь большимъ вліяніемъ на своего престарѣлаго супруга, эта корыстолюбивая и испорченная женщина нерѣдко заставляла его совершать разныя несправедливости, особенно при раздачѣ высшихъ доходныхъ должностей, имѣній и старостъ, которыя просто продавала за деньги. По своему корыстолюбію, она вмѣшивалась даже въ раздачу королемъ епископствъ и размножила число духовныхъ сановниковъ, не отличавшихся образованіемъ и строгими правилами, вообще мало достойныхъ своего званія и возбуждавшихъ противъ себя много недовольныхъ [287]). Этотъ обычай раздачи духовныхъ должностей примѣняемъ былъ при Сигизмундѣ I и къ православнымъ русскимъ монастырямъ и епископствамъ, которые отдавались королемъ или за военныя и гражданскія заслуги, или просто за деньги [288]). Поэтому, когда въ слѣдующее царствованіе появилось въ Литвѣ лютеранство со своими развѣтвленіями, то ни римско-католическое, ни православное духовенство не стояло на высотѣ своего призванія и не обнаружило ни искусства, ни силы для борьбы съ разными ересями и расколами.

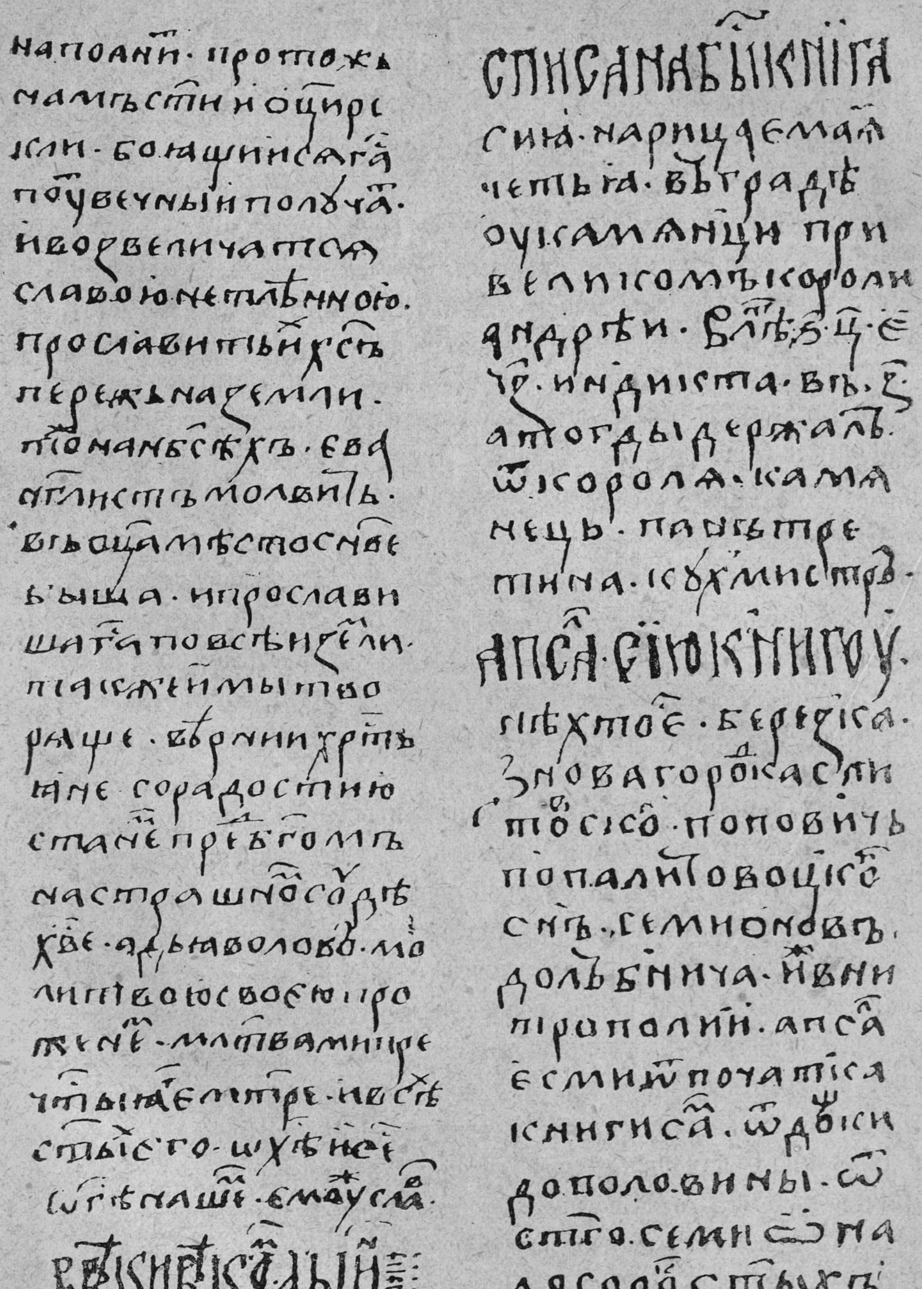
Сигизмундъ I умеръ въ 1548 году, оставивъ преемникомъ по себѣ единственнаго сына своего, Сигизмунда II Августа.

Сигизмундъ-Августъ получилъ отъ матери Боны дурное воспитаніе. Онъ выросъ на рукахъ женщинъ и итальянскихъ учителей, которые сдѣ-

лали изъ него человѣка любезнаго, пріятнаго въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣженнаго, съ слабой волей, наклоннаго къ придворной роскоши и удовольствіямъ, чуждаго мужественныхъ привычекъ, не выносившаго суровостей военнаго стана [289]). По слабости своего характера, онъ обыкновенно склонялся на ту сторону, куда влекли его обстоятельства. Со времени вступленія своего на литовскій престолъ въ 1529 году и до смерти отца Сигизмундъ-Августъ тяготѣлъ своими сочувствіями къ Литвѣ, а съ 1548 года все болѣе и болѣе становится на сторону Польши и ея несправедливыхъ притязаній къ Литвѣ.

Съ 1529 и до 1544 года Сигизмундъ-Августъ только числился государемъ литовскимъ и не жилъ въ Литвѣ, а съ 1544 г. и до 1548 г. онъ самъ управлялъ Литвою, но въ нѣкоторой зависимости отъ своего отца, и только съ 1548 года сдѣлался самостоятельнымъ государемъ Литвы и Польши.

Въ самый годъ вступленія Сигизмунда-Августа на литовскій престолъ (1529 г.) утвержденъ былъ Литовскій Статутъ, составленный вслѣдствіе предложенія Сигизмунда I на виленскомъ сеймѣ 1522 года, для устраненія недостатковъ въ судопроизводствѣ и произвола судей. Этотъ сводъ узаконеній Литовскаго государства основанъ былъ частію на старыхъ русскихъ обычаяхъ и законахъ, а частію на привиллегіяхъ, данныхъ королями шляхтѣ разныхъ областей, и во многихъ случаяхъ напоминалъ древнюю «Русскую Правду». Статутъ этотъ даетъ право не только отчичу, но даже невольнику спасаться отъ неволи или закрѣпощенія и находить свободу въ городахъ; ограничиваетъ право отыскивать бѣглаго отчича только 10-ю годами; ограждаетъ, подобно «Русской Правдѣ», отъ обращенія наймита въ раба и узаконяетъ копный судъ, составлявшій точное воспроизведеніе такъ называемаго извода (разслѣдованія преступленія по живымъ слѣдамъ) «Русской Правды». Какъ общій сводъ законовъ для всѣхъ земель Литовскаго государства, онъ ограждалъ его единство и самостоятельность, а своимъ русскимъ языкомъ свидѣтельствовалъ о продолжающемся господствѣ русской народности въ Литвѣ и узаконялъ его употребленіе въ литовскихъ судахъ. Польшу Статутъ представлялъ страною чужою, поляковъ—иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя пріобрѣтенія въ княжествѣ, даже черезъ браки, такъ что дѣвицы и вдовы, выходя замужъ за чужеземцевъ-поляковъ, могли приносить имъ въ приданое деньги и движимость, но не родовыя имѣнія.

Рукописная четья 1489 года.

Статутъ этотъ началъ дѣйствовать съ 1530 года и впослѣдствіи пересматривался и исправлялся нѣсколько разъ [290]). Но такъ какъ, вопреки Статуту, литовскія имѣнія и должности нерѣдко отдавались королемъ полякамъ, то литовцы, послѣ неоднократныхъ жалобъ, добились наконецъ того, что Сигизмундъ I въ 1544 году сдалъ управленіе великимъ княжествомъ Литовскимъ сыну своему Сигизмунду-Августу, и многихъ изъ нихъ назначилъ на придворныя, почетныя и служебныя должности. Сигизмундъ-Августъ прямо съ сейма переѣхалъ въ Вильну. Здѣсь первенствующее положеніе при немъ заняли Николай-Радивилъ Черный, а потомъ двоюродный братъ его Николай Рыжій, на сестрѣ котораго, Варварѣ, Сигизмундъ-Августъ женился вторымъ бракомъ, и оказывали на великаго князя громадное вліяніе. Литва въ послѣдній разъ блеснула своей самостоятельностью и даже чеканила свою особую монету. Впрочемъ, великій князь скоро наскучилъ правительственными заботами и отдался забавамъ въ кругу веселой шляхты, стекавшейся къ нему съ разныхъ сторонъ, чтобы заискивать милостей у своего будущаго государя. Пиры, музыка, танцы и маскарады, заимствованные у итальянцевъ, не прекращались во дворцѣ великаго князя, не смотря на бѣдствія посѣтившаго страну неурожая и сопряженнаго съ нимъ голода [291]).

Въ это легкомысленное управленіе Литвою стало проникать въ нее свободомысліе и разномысліе въ вѣрѣ, ведущее начало отъ того великаго раскола въ западной римской церкви, который произвели въ ней Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и другіе, тщетно стремившіеся преобразовать римскую церковь и наконецъ отпавшіе отъ нея. Въ Польшѣ и Литвѣ еще раньше существовали гусситскія общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ, ученіе которыхъ нашло здѣсь пріютъ послѣ гоненій въ собственной землѣ. Эти общины пролагали дорогу и новымъ свободомысленнымъ ученіямъ. Вторженію ихъ въ польско-литовскіе предѣлы много помогъ бывшій Тевтонскій рыцарскій орденъ, который, принявъ въ 1525 году ученіе Лютера, вскорѣ затѣмъ превратился въ наслѣдственное свѣтское княжество, частію зависимое отъ Польши, частію уступившее ей свои земли. Отсюда ученіе Лютера оказывало могущественное вліяніе на сосѣднія великопольскія и литовско-русскія области, благодаря расшатанности мѣстной католической церкви, упадку духовенства и притязаніямъ поляковъ подчинить себѣ литов-

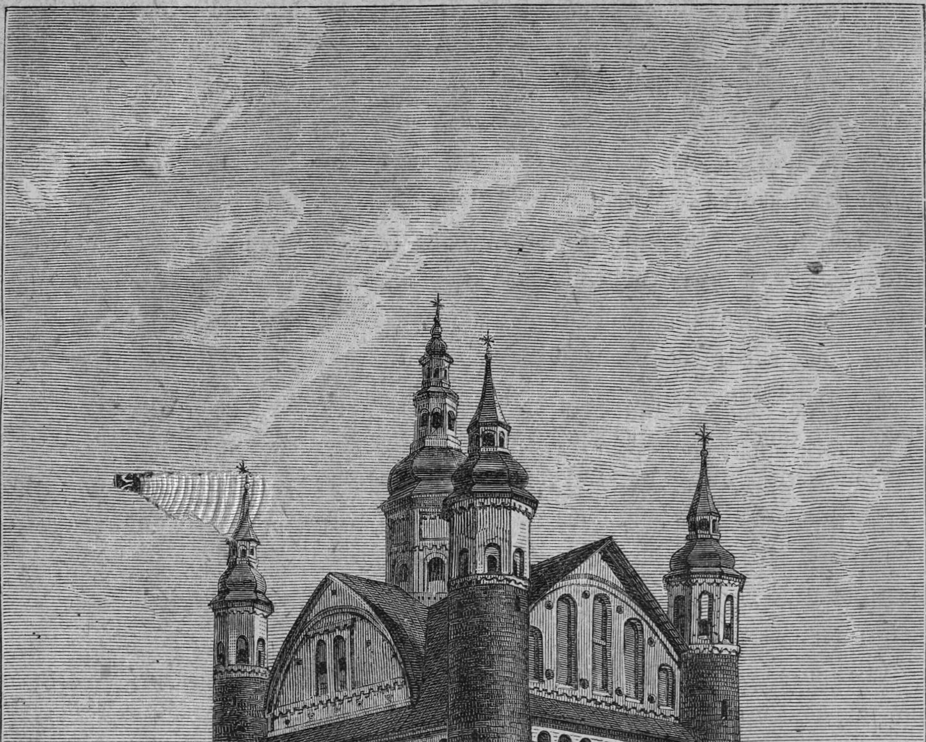
скую католическую церковь и ополячить ее. Сочувствіе къ западному свободомыслію проникло и въ среду придворную. Итальянецъ Лисманини, духовникъ королевы Боны, пользовавшійся вліяніемъ на нее, втайнѣ принялъ протестантство и сдѣлался усерднымъ его проповѣдникомъ; а сынъ и наслѣдникъ короля, управлявшій Литвою, терпѣлъ протестантскихъ проповѣдниковъ при своемъ дворѣ и самъ, повидимому, сочувственно относился къ новомодному ученію. Но пока былъ живъ Сигизмундъ I, реформація не выступала открыто и только подготовляла для себя почву въ Польшѣ и Литовскомъ государствѣ. Рѣшительные успѣхи ея относятся къ тому времени, когда, по смерти отца, Сигизмундъ II Августъ сдѣлался самостоятельнымъ государемъ Литвы и Польши.

Въ первые годы самостоятельнаго управленія государствомъ Сигизмундъ II Августъ далъ полную свободу реформаціонному движенію и содѣйствовалъ быстрому распространенію его какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Сигизмундъ-Августъ держалъ при себѣ реформатскихъ проповѣдниковъ и собиралъ въ своемъ книгохранилищѣ протестантскія сочиненія. Сами главные реформаторы, т. е. Лютеръ, Кальвинъ, Меланхтонъ, Цвингли, посвящали ему свои книги и входили съ нимъ въ переписку. Одно время король даже задумалъ было стать во главѣ церковной реформы въ своемъ государствѣ и обратился къ папѣ Павлу IV съ просьбою дозволить богослуженіе на народномъ языкѣ, причащеніе подъ обоими видами, бракъ священниковъ и т. п., для чего хотѣлъ созвать народный соборъ, но былъ отклоненъ отъ него папскимъ нунціемъ Липпомани. Въ Вильнѣ и другихъ главныхъ городахъ Литвы и западной Руси, какъ и въ Польшѣ, проживало значительное количество нѣмецкихъ поселенцевъ, а потому ученіе Лютера распространялось преимущественно между купцами, мѣщанами и ремесленниками. Гораздо болѣе успѣха имѣлъ кальвинизмъ, который пришелся по вкусу шляхетскому сословію и въ Польшѣ и въ Литвѣ. Въ послѣдней онъ обязанъ своими успѣхами въ особенности родственнику короля по второй женѣ Варварѣ, извѣстному вельможѣ Николаю Радивилу Черному, который познакомился съ этимъ ученіемъ еще въ юности, во время своего заграничнаго образованія. Въ 1553 году Радивилъ открыто принялъ это ученіе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и слугами и учредилъ протестантское богослуженіе въ своемъ

*

загородномъ домѣ, въ виленскомъ предмѣстьи Лукишкахъ; а потомъ, съ позволенія короля, воздвигъ каменный евангелическій соборъ въ самомъ городѣ на Бернардинской площади. Онъ построилъ такіе же евангелическіе храмы и при нихъ школы въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ: въ Несвижѣ, Олыкѣ, Клецкѣ, Брестѣ, Биржахъ и др.; призывалъ въ нихъ изъ Польши извѣстныхъ своею ученостію пасторовъ—Чеховича, Вендраговскаго, Симона Буднаго, Крыжковскаго и др.; завелъ въ Несвижѣ книгопечатню для печатанія кальвинскихъ книгъ; на его счетъ былъ изданъ въ Брестѣ новый исправленный переводъ библіи на польскій языкъ. Примѣру Радивила послѣдовали и нѣкоторыя другія знатныя литовско-русскія фамиліи, католическія и православныя, какъ напр.: Кишки, Ходкевичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Пацы, Воловичи, Огинскіе, Горскіе и проч., а за ними и многочисленная мелкая шляхта.

При наплывѣ новыхъ воззрѣній, при великомъ броженіи умовъ, ознаменовавшихъ паденіе старыхъ вѣрованій, самыя крайнія секты и ученія находили себѣ доступъ въ княжествѣ Литовскомъ. Такова особенно была аріанская секта, отрицавшая ученіе о троичности и божество Іисуса Христа, почему ея члены назывались унитаріями или антитринитаріями, а по имени своихъ учителей, итальянцевъ Фавста и Лелія Социновъ—также и социніанами. Аріанская ересь распространилась особенно въ Малой Польшѣ въ 50-хъ годахъ XVI вѣка и отсюда проникла въ Литву, гдѣ однимъ изъ первыхъ ея открытыхъ проповѣдниковъ явился Петръ изъ Гонёндза (въ древности Ганязя, въ нынѣшней Гродненской губерніи), учившійся въ краковскомъ и германскихъ университетахъ. Къ социніанству пристали сами кальвинскіе пасторы: Бландрата, Чеховичъ, Вендраговскій и Симонъ Будный. Литовскіе социніане нашли себѣ сильнаго покровителя между вельможами въ лицѣ виленскаго каштеляна Яна Кишки, владѣвшаго громадными имѣніями. Подобно Радивилу, онъ не щадилъ издержекъ для собиранія социніанскихъ проповѣдниковъ, заведенія книгопечатенъ и печатанія книгъ въ своихъ имѣніяхъ. Кальвинисты, съ Николаемъ Радивиломъ Чернымъ во главѣ, сильно вооружились противъ аріанской ереси и собирали соборы для ея осужденія; но аріанство продолжало распространяться въ Литовскомъ государствѣ, увлекая многихъ кальвинистовъ и православныхъ. Неожиданное и важное подкрѣпленіе по-

Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.

(Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи).

лучило оно изъ Московской Руси, въ лицѣ извѣстнаго еретика Ѳеодосія Косаго, бѣжавшаго изъ Москвы съ товарищами послѣ собора 1554 года. Ѳеодосій имѣлъ такой успѣхъ въ Литовской Руси, что писавшій противъ него инокъ Зиновій Отенскій замѣтилъ: «востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ (Магометомъ), западъ—Мартиномъ нѣмчиномъ (Лютеромъ), а Литву—Косымъ» [292]).

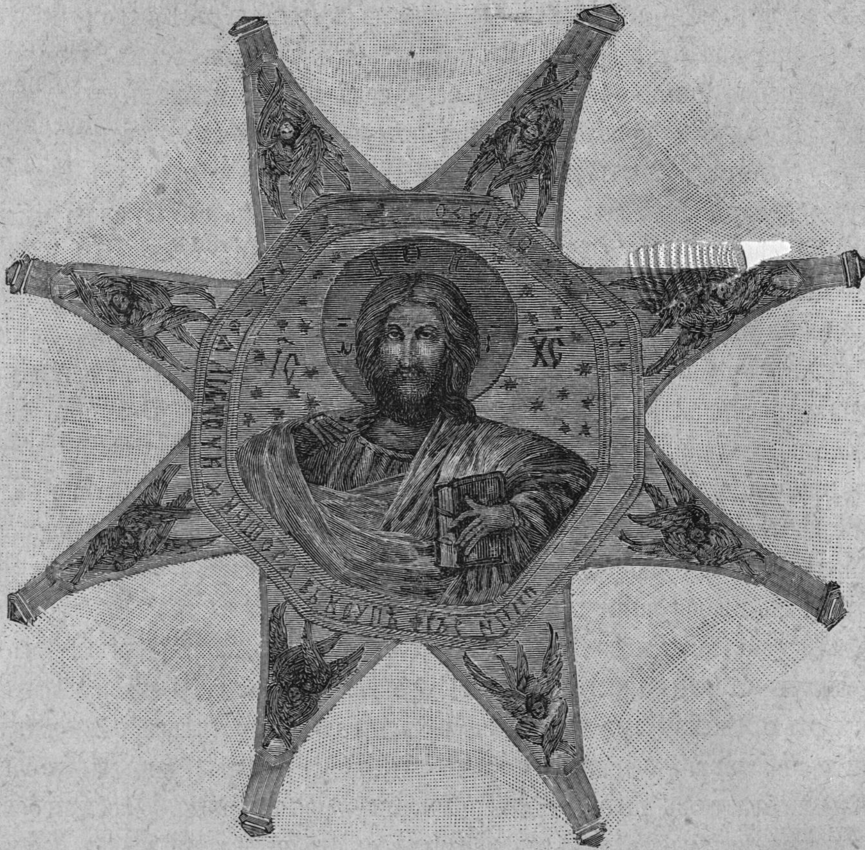
Эти протестантскія секты произвели страшное опустошеніе въ римско-католической церкви, особенно въ Литвѣ и на Жмуди. Здѣсь изъ нѣсколькихъ сотъ латинскихъ приходовъ уцѣлѣло отъ протестантства только шесть. Подобное происходило и въ другихъ областяхъ, гдѣ было латинство. Монастыри быстро пустѣли, ксендзы спѣшили жениться. Соблазнъ новаго ученія былъ такъ великъ, что приняли протестанство католическіе епископы жмудскій Янъ Пяткевичъ и нареченный кіевскій Николай Пацъ, и послѣдній, несмотря на свое отступничество и женитьбу, хотѣлъ еще занимать въ сенатѣ епископское мѣсто между латинскими епископами. Въ литовскомъ сенатѣ въ это время почти всѣ сенаторы были нелатиняне [293]).

Въ виду упадка католической церкви при Сигизмундѣ II, православная церковь въ Литвѣ въ это время пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ и продолжала развиваться. При Сигизмундѣ II Августѣ въ сѣверо-западной Руси и Литвѣ вновь упоминается свыше 95-ти православныхъ монастырей и церквей. Въ это время становятся извѣстными слѣдующіе православные монастыри: Троицкій монастырь въ селѣ Даревѣ, Новогрудскаго уѣзда, основанный въ 1550 году Юрагою [294]); Пятницкій монастырь въ Клецкѣ, упоминаемый въ 1552 году [295]); Спасскій монастырь въ Могилевѣ въ 1552 году [296]); Вознесенскій монастырь въ Полоцкѣ, упоминаемый 1553 года [297]); Троицкій монастырь въ Новгородкѣ, основанный въ 1554 году Солтанами [298]); въ Дятелѣ, Пинскаго уѣзда, Минской губ., монастырь съ госпиталемъ, построенный въ 1510 году княземъ К. К. Острожскимъ [299]). Православныя церкви являются не только въ русскихъ областяхъ великаго княжества Литовскаго, но и въ собственной Литвѣ и Жмуди, какъ напримѣръ, въ Ковнѣ церковь всѣхъ святыхъ, упоминаемая подъ 1553 годомъ, и Никольская въ началѣ XVI вѣка, въ Войборовичахъ, на Жмуди, 1555 года, и въ Мяделѣ, Вилейскаго уѣзда, Виленской губ., 1559 года [300]). Несправедливость къ православнымъ церквамъ допускалась лишь въ томъ отноше-

нiи, что при описи и обмежеванiи королевскихъ имѣнiй королевскiе чиновники нерѣдко брали у церквей лучшiе участки земли, отдавая имъ худшiе, и требовали отъ священниковъ крѣпостныхъ документовъ на ихъ земли и угодья и, въ случаѣ непредставленiя ихъ, отбирали эти земли и угодья въ королевскую казну [301]).

Вѣротерпимость или равнодушiе къ вѣрѣ простирались у Сигизмунда II до того, что въ 1563 году онъ далъ грамоту литовскому и русскому дворянству и рыцарямъ православной вѣры и всѣхъ христiанскихъ исповѣданiй о сравненiи сего сословiя въ правахъ съ дворянами Польскаго королевства, исповѣдующими римско-католическую вѣру, и потомъ подтвердилъ это въ 1565 и 1568 годахъ [302]). Правда, есть основанiе полагать, что грамота эта дана была съ лукавою цѣлью тѣснѣйшаго сближенiя литовско-русской шляхты съ польскою и слѣдовательно въ видахъ ополяченiя ея, и вовсе не имѣла въ виду благосостоянiя иновѣрныхъ церквей. Въ подтвержденiе сего можно указать и на то, что Сигизмундъ II, имѣя право на участiе въ назначенiи настоятелей монастырей и епископовъ, при избранiи ихъ обращалъ вниманiе не столько на нравственныя и умственныя достоинства человѣка, сколько на его услуги государству или собственно королю, а по большей части на дары и деньги, и былъ косвенною причиною непорядковъ и нестроенiй въ западно-русской православной церкви и совращенiя нѣкоторыхъ православныхъ въ протестантскiя секты [303]). Но все-таки образъ дѣйствiй Сигизмунда II по отношенiю къ иновѣрцамъ имѣлъ и хорошую сторону, выгодную для православныхъ. Пользуясь вѣротерпимостью Сигизмунда II, они сами начинаютъ заботиться объ оживленiи православной церкви, учреждаютъ общежительные монастыри, богадѣльни, братства, школы и книгопечатни, даютъ прiютъ у себя просвѣщеннымъ людямъ другихъ православныхъ странъ и сами ведутъ посильную борьбу съ протестантскими сектами. Къ половинѣ XVI вѣка относятъ начало Мстиславскаго православнаго братства [304]). Въ 1572 году князь К. К. Острожскiй записалъ на содержанiе Туровской школы всю землю въ Туровѣ [305]). Богадѣльни или госпитали учреждены были въ Заблудовѣ, Гродненской губ., Гр. Ходкевичемъ въ 1566 г. [306]), при Дятеловецкомъ монастырѣ княземъ К. К. Острожскимъ въ 1570 г. [307]), и въ Гроднѣ при Пречистенской церкви, упоминаемая въ 1565 году [308]). Устроивъ въ Заблудовѣ церковь и богадѣльню, Григорiй Ходкевичъ

вскорѣ затѣмъ принялъ къ себѣ бѣжавшихъ изъ Москвы книгопечатниковъ, діакона Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые устроили въ Заблудовѣ книгопечатню и напечатали въ ней, въ 1569 году, евангеліе учительное на простонародномъ западно-русскомъ языкѣ, а въ 1570 году Иванъ Ѳедоровъ одинъ, безъ Петра Тимоѳеева, издалъ

Фрески Супрасльскаго собора начала XVI вѣка.

еще псалтирь съ часословцемъ и перешелъ во Львовъ, гдѣ въ 1574 году перепечаталъ московское изданіе апостола 1564 года. Въ 1580 году Иванъ Ѳедоровъ работалъ уже въ Острожской книгопечатнѣ надъ псалтирью съ новымъ завѣтомъ и затѣмъ надъ знаменитой Острожской библіей [309]). Между тѣмъ отдѣлившійся отъ Ивана Ѳедорова товарищъ его Петръ Тимоѳеевъ въ 1575 году, при помощи братьевъ Козмы и

Луки Мамоничей, выпустилъ въ Вильнѣ четвероевангеліе, а въ слѣдующемъ 1576 году псалтирь. Слѣдующее изданіе апостола, около 1576 года, напечатали уже Мамоничи съ привилегіей отъ короля, которую выхлопотали послѣ того, какъ воспользовались искусствомъ и принадлежно-

Фрески Супрасльскаго собора начала XVI вѣка.

стями книгопечатанія Петра Тимоѳеева и устранили его отъ дѣла. Такимъ образомъ московскіе книгопечатники положили основаніе двумъ прочнымъ книгопечатнямъ въ юго-западной Россіи, въ Вильнѣ и Острогѣ [310]).

Одновременно съ возобновленіемъ книгопечатанія въ западной Россіи московскими мастерами, начинають появляться здѣсь и труды по части духовнаго просвѣщенія. Литовскій православный митрополитъ Сильвестръ Белькевичъ (1556—1558 г.г.), извѣстный созваніемъ въ 1558 году собора въ Вильнѣ «къ постановленію вѣры и закону христіанскаго», оставилъ послѣ себя поученіе новопоставленному іерею, хотя и не самостоятельное, но проникнутое теплымъ пастырскимъ чувствомъ. Болѣе важное значеніе имѣли въ Литвѣ московскіе выходцы князь Андрей Михайловичъ Курбскій и старецъ Артемій. Андрей Курбскій бѣжалъ изъ Московскаго государства въ 1564 году и нѣкоторое время проживалъ въ Литвѣ, пока не поселился окончательно на Волыни. Этотъ русскій человѣкъ счелъ своимъ долгомъ защищать св. вѣру своими писаніями отъ протестантствующихъ еретиковъ и отъ католиковъ и обогащалъ церковную письменность новыми переводами святоотеческихъ твореній. Старецъ Артемій, бывшій игуменомъ Троицкаго Сергіева монастыря, будучи заподозрѣнъ по какому-то недоразумѣнію въ ереси, бѣжалъ изъ Москвы въ Литовское государство, нашелъ здѣсь пріютъ для себя въ Слуцкѣ у князя Юрія Олельковича и писалъ отсюда посланія къ разнымъ лицамъ, въ обличеніе лютеранъ и увлекавшихся ихъ ученіемъ, свидѣтельствующія о его просвѣщенной ревности по вѣрѣ и ни въ чемъ не противорѣчащія православному ученію [311]).

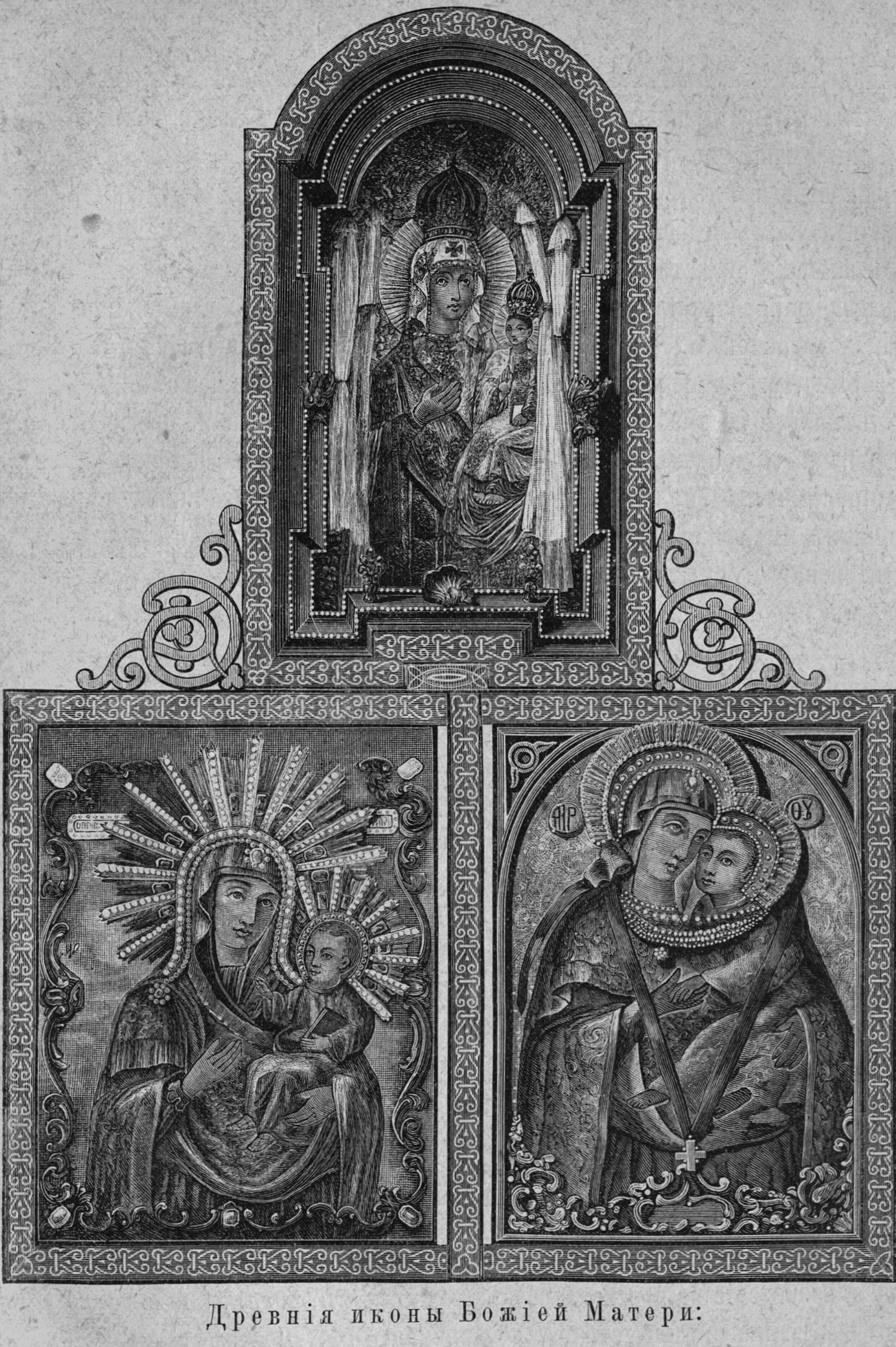
Къ концу царствованія Сигизмунда II, положеніе православной русской церкви и вообще русскаго дѣла въ Литовскомъ государствѣ значительно измѣнилось къ худшему. Сдѣлавшись, по смерти отца, главою обоихъ государствъ, Сигизмундъ II естественно долженъ былъ отложить всякую мысль объ отрозненіи Литвы отъ Польши въ какомъ бы то ни было отношеніи. При томъ же, въ 1551 году умерла любимая его жена литвинка Варвара, а съ нею порвалась и связь, сильнѣе всего соединявшая Сигизмунда II съ Литвою. Онъ женился въ третій разъ на нѣмецкой принцессѣ Екатеринѣ и мало-по-малу сталъ отдаваться въ руки латинянъ и строить костелы [312]), въ то же время пролагая путь къ тѣснѣйшему сближенію Литвы съ Польшею. Въ 1551 году онъ утвердилъ постановленіе пановъ и шляхты полоцкой и витебской, собравшейся въ этомъ году на виленскій сеймъ, о людяхъ «перехожихъ», на которыхъ возлагались этимъ постановленіемъ одно-

образныя подати и повинности во всѣхъ имѣніяхъ, во избѣжаніе перехода этихъ людей отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ [313]), и слѣдовательно сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ закрѣпощенію перехожихъ людей за помѣщиками. Вслѣдствіе этого, положеніе всѣхъ безъ исключенія крестьянъ въ Литовскомъ государствѣ сдѣлалось весьма тягостнымъ. Литвинъ Михалонъ, въ половинѣ XVI вѣка, говоритъ, что крестьяне работаютъ 5 дней помѣщику, а шестой—понедѣльникъ себѣ, и работаютъ всегда въ воскресенье, отчего въ Литвѣ и на Руси не знаютъ праздниковъ; помѣщики дѣлаютъ съ крестьянами что хотятъ,—дерутъ, грабятъ и забираютъ у нихъ всю живность; бѣдняку крестьянину, съ дѣтьми и женою, нечего ѣсть [314]). За то паны и шляхта получали все большія и большія права. Желая расположить къ Польшѣ низшее литовско-русское дворянство, Сигизмундъ II далъ ему въ 1563 году грамоту о равноправности литовскаго дворянства, по примѣру польской шляхты, съ высшими литовскими классами въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Послѣ этого приступлено къ рѣшенію вопроса о дѣйствительномъ и полномъ соединеніи Литвы съ Польшей. Въ томъ же 1563 году, на общемъ варшавскомъ сеймѣ, Сигизмундъ II, будучи бездѣтнымъ, отрекся отъ своего наслѣдственнаго права на Литовско-Русское государство и передалъ его Польскому королевству, съ которымъ первое имѣетъ соединиться въ одно государство, въ одинъ народъ, съ однимъ государемъ, съ одними сеймами и т. п. Въ 1564 году разрѣшено было полякамъ пріобрѣтать поземельную собственность въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ томъ же 1564 году Сигизмундъ II принялъ въ руководство постановленія католическаго тридентскаго собора, а въ слѣдующемъ 1565 году ввелъ въ Польшу, а затѣмъ и въ Литву, новыхъ борцовъ за папскую власть—іезуитовъ [315]). Но окончательный ударъ литовской самостоятельности нанесенъ былъ ливонскою войною, которая, истощивъ Литву, отдала ее въ руки полякамъ и пригнала литвиновъ къ полнѣйшему сліянію Литвы съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Ливонскій орденъ, основавшійся на мѣстѣ русскихъ поселеній и первоначально платившій дань русскимъ князьямъ, въ XVI вѣкѣ отпалъ отъ прусскаго ордена, принявшаго лютеранство, но вскорѣ и самъ заразился имъ и разложился внутренно на два стана, римско-католическій и лютеранскій, и ослабѣлъ. Въ такомъ состояніи своемъ онъ долженъ былъ,

рано или поздно, сдѣлаться добычею сосѣднихъ народовъ и болѣе тяготѣлъ къ Литвѣ, участвуя въ ея войнахъ съ Москвою и всячески препятствуя торговымъ и другимъ сношеніямъ Россіи съ западомъ. Царь Іоаннъ IV Грозный, съ своей стороны, чувствовалъ нужду въ тѣснѣйшемъ общеніи съ западною Европою, ясно сознавалъ историческія права Руси на Ливонію и рѣшился воспользоваться слабостью ордена, для подчиненія его Русскому государству. Поэтому, когда въ 1554 году прибыли въ Москву ливонскіе послы ходатайствовать о продолженіи перемирія, Іоаннъ IV потребовалъ отъ ордена уплаты дани за прежнія 50 лѣтъ и, не получивъ ее, началъ въ 1558 году войну съ Ливоніей. Тогда часть Ливоніи отдалась подъ покровительство польскаго короля; между тѣмъ какъ другія части ея подчинились Швеціи, Даніи и Россіи. На требованіе Сигизмунда II вывести войска изъ Ливоніи Іоаннъ IV отвѣчалъ отказомъ, а бояре присовокупляли, что «не только-что Русская земля вся, но и Литовская земля—вся вотчина государя нашего». Въ переговорахъ и мелкихъ столкновеніяхъ прошелъ весь 1562 годъ, а въ январѣ 1563 года московское войско, подъ предводительствомъ самого царя, двинулось къ Полоцку, который сдался ему 15 февраля. Царскіе воеводы шли къ Вильнѣ, къ Мстиславлю, въ Жмудь. Простой народъ Бѣлоруссіи сочувствовалъ завоеваніямъ православнаго и притомъ не любившаго жидовъ царя. Были въ средѣ образованныхъ западноруссовъ замыслы соединить Литовское княжество съ Московскимъ царствомъ и даже происходили тайныя сношенія по этому предмету. Но жестокости Іоанна IV и бѣгство отъ него въ Литву русскихъ, особенно князя Андрея Курбскаго, разрушали въ русской средѣ Литовскаго княжества всякія надежды на восточную Россію. При такихъ обстоятельствахъ литвинамъ поневолѣ приходилось идти на соглашеніе съ поляками о тѣснѣйшемъ государственномъ соединеніи Литвы съ Польшею [316]). Это соединеніе и совершилось на общемъ люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Ко времени этого сейма литовцы находились въ невыгодномъ положеніи. Они только-что вынесли на своихъ плечахъ тяжелую войну и готовились къ новой войнѣ съ Московскимъ государствомъ и его грознымъ царемъ и потому не могли оказать дѣятельнаго сопротивленія Польшѣ или подѣйствовать на нее угрозою. Притомъ же, они не успѣли создать для себя прочной государственной власти въ лицѣ отдѣльнаго государя, который бы служилъ средоточіемъ и объединеніемъ всѣхъ

Древнія иконы Божіей Матери:

Супрасльская.

Коложская.

Сурдегская.

жизненныхъ силъ княжества. Напротивъ, литовскіе вельможи, стоявшіе во главѣ управленія государствомъ, отталкивали отъ себя своими гордыми замашками и спѣсью литовско-русское дворянство, а своею отрозненностью въ вѣрѣ отъ большинства русско-литовскаго населенія поселяли въ немъ недовѣріе къ себѣ, особенно же въ чисто русскихъ и православныхъ областяхъ княжества. Всѣми этими обстоятельствами и воспользовались поляки на люблинскомъ сеймѣ 1569 года и рѣшились завлечь литовцевъ въ государственную унію, если не добровольно, то хитростью, угрозами и насиліемъ. Литовско-русскіе вельможи и дворяне съѣзжались весьма неохотно и медленно на этотъ сеймъ, не предвидя для себя ничего добраго отъ поляковъ, и прежде всякихъ переговоровъ объ уніи, настоятельно потребовали утвержденія королемъ вновь исправленнаго Литовскаго Статута и обезпеченія цѣлости и самостоятельности Литовскаго государства. Поляки не уступали. Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ, литовскіе и русскіе сенаторы стали самовольно разъѣзжаться по домамъ, чтобы прервать сеймъ и замять или оттянуть дѣло о государственной уніи. Но этимъ-то удаленіемъ литовцевъ съ сейма и воспользовались поляки для своихъ цѣлей и повели дѣло уніи по частямъ, давленіемъ на отдѣльныхъ оставшихся лицъ, на отдѣльные кружки и области, и разными насильственными способами, какъ напр. угрозами и лишеніемъ должностей, заставили нѣкоторыхъ представителей Подлѣсья, наиболѣе подвергавшагося прежде польскимъ вліяніямъ, согласиться на унію съ Польшей. За Подлѣсьемъ послѣдовало присоединеніе къ Польшѣ, такими же способами, Волыни, Подоліи, Брацлавскаго воеводства и Кіева съ Кіевской землей, такъ что Литовское государство осталось только въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи и въ такомъ видѣ отмѣчено на картѣ Литвы, составленной по порученію князя Христофора-Николая Радивила Сиротки. Въ такомъ уменьшенномъ составѣ Литва вынуждена была наконецъ возобновить и укрѣпить союзъ свой съ Польшей. Условіями этого союза утверждалось вѣчное сліяніе государствъ въ одно тѣло, въ одинъ народъ, одно государство съ однимъ всегда государемъ. Прекращается отдѣльное избраніе и возведеніе на престолъ великаго князя въ Литвѣ, но сохраняется титулъ великаго княжества. У соединеннаго государства должны быть общій сенатъ и общіе сеймы, подъ предсѣдательствомъ общаго государя. Отдѣльные государственные сеймы въ Литвѣ уничтожаются, общіе же

созываются въ Польшѣ. Король сохранитъ въ цѣлости всѣ права и преимущества, льготы, почетныя и служебныя должности, суды, званія, княжескія сословія, шляхетскіе роды въ земляхъ соединенныхъ государствъ. Присяга отнынѣ будетъ приноситься одному польскому королевству. Представители соединенныхъ народовъ обязуются помогать одни другимъ и вмѣстѣ дѣлить и радости и горе. Сношенія и союзъ съ другими народами должны быть ведены совѣтомъ и согласіемъ представителей обоихъ народовъ. Монета должна быть общая. Всѣ таможенныя пошлины, водяныя и сухопутныя, уничтожаются, кромѣ обыкновенныхъ купеческихъ пошлинъ; отмѣняются всѣ постановленія, запрещавшія или ограничивавшія пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой. Имѣнія, которыя потомъ могутъ переходить къ королю отъ родовъ княжескихъ, сенаторскихъ, шляхетскихъ, онъ можетъ раздавать лицамъ и родамъ польскимъ и литовскимъ. Крѣпости и имѣнія, отнимаемыя отъ врага—московскаго князя, король будетъ возвращать тому, кому они принадлежали прежде. Ливонія (Инфлянты) признана присоединенною совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, какъ къ одному государству [317]).

Люблинская унія Литвы съ Польшей, 1569 года, на первый разъ, повидимому, имѣла благопріятныя послѣдствія. Окончаніе дѣла уніи произвело сдерживающее вліяніе на Москву, которая въ слѣдующемъ же 1570 году заключила перемиріе съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Но обаяніе этой уніи скоро прошло, такъ какъ она была вынужденною, насильственною, заключена къ выгодѣ поляковъ и униженію литовцевъ, и потому не могла въ дѣйствительности примирить соединенные между собою народы. Литва еще не сразу утратила сознаніе своей государственной самостоятельности и особности. Въ Радивилахъ, Ходкевичахъ и другихъ долго еще не умирала любовь къ своему отечеству Литвѣ. По смерти Сигизмунда II Августа († 1572 г.), литовскіе вельможи готовы были посадить на литовскій престолъ отдѣльнаго государя. Въ годы междуцарствія, въ Литвѣ, постоянно всплывала мысль объ избраніи московскаго царя на литовскій престолъ. При переговорахъ съ поляками объ избраніи новаго короля послѣ Сигизмунда-Августа еще велась рѣчь со стороны литовскаго сената о возвращеніи Литвѣ Волыни, Кіева, Подлѣсья, и о томъ, чтобы Литва не писалась частью Польскаго королевства. По смерти польскаго короля Стефана Баторія, нѣкоторые са-

новники литовскихъ земель готовы были избрать на польскій престолъ московскаго царя. Русскій языкъ въ судопроизводствѣ былъ отмѣненъ только въ 1697 году, хотя началъ выходить изъ употребленія ранѣе, а Литовскій Статутъ сохранялъ свою силу и потомъ. Тѣмъ не менѣе, мѣсто Литовско-Русскаго государства заняло Польско-Русское или, правильнѣе, Польское. Лучшія области прежняго Литовскаго государства были присоединены непосредственно къ Польшѣ и наполнились польской шляхтой. Русская народность не имѣла въ новомъ государствѣ того значенія, какое принадлежало ей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, была принижена и потому стремилась къ соединенію съ Московскимъ государствомъ. Литовская народность также была значительно обезличена въ простомъ народѣ, а высшее литовское сословіе ополячивалось еще быстрѣе русскаго, хотя и не было полнаго сочувствія между поляками и литовцами [318]). Поэтому послѣдующій періодъ исторіи Бѣлоруссіи и Литвы съ 1569 года и до перваго раздѣла Польши въ 1772 году можно назвать періодомъ вліянія и преобладанія польской народности надъ литовскою и русскою съ одной стороны, и противодѣйствія русской и отчасти литовской народности этому преобладанію и вліянію съ другой стороны.

Глава пятая.

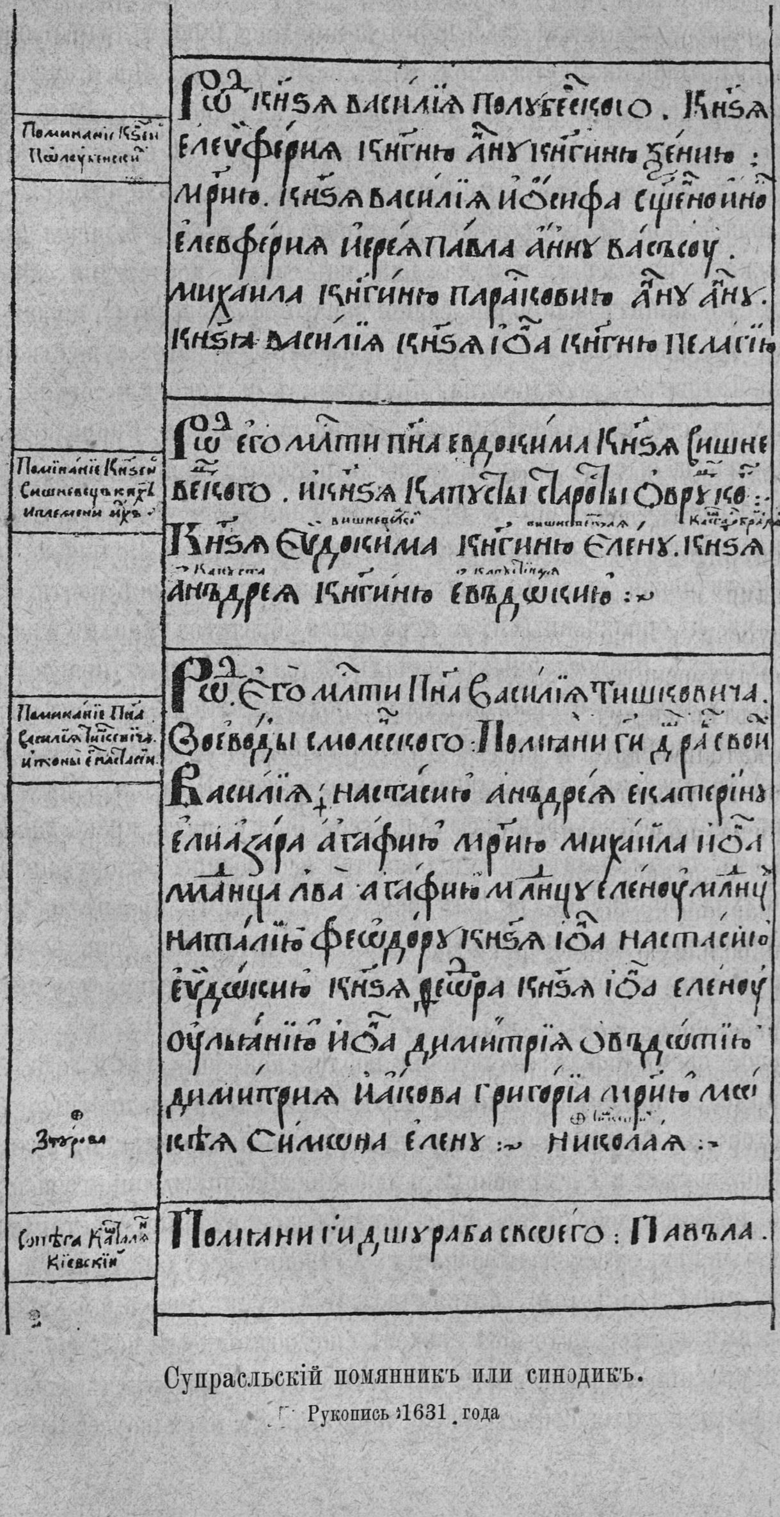
Полное, окончательное соединеніе Литвы съ Польшей въ 1569 году и подчиненіе Литвы польско-католическому вліянію.

Польское господство и вліяніе въ Литвѣ и противодѣйствіе ему литовско-русскаго населенія.—Распространеніе католичества и введеніе уніи при помощи іезуитовъ; ослабленіе сдерживающаго вліянія Москвы на Литву при Баторіѣ и Сигизмундѣ III; покровительство Баторія іезуитамъ и мысль о церковной уніи; осуществленіе ея при Сигизмундѣ III.—Главные дѣятели уніи и поддержка ея Сигизмундомъ III; Ипатій Поцѣй; Іосифъ Вельяминъ Рутскій, основаніе и распространеніе базиліанскаго ордена, попытки преобразовать свѣтскій уніатскій клиръ; уніатскіе епископы изъ базиліанъ, Іосафатъ Кунцевичъ, дѣйствія его противъ православныхъ, насильственная смерть его; гоненіе на православныхъ.—Положеніе западно-русской православной церкви: оскуденіе іерархіи; покровительство вельможъ и дворянъ православію; церковныя братства и ихъ дѣятельность; казаки, возстановленіе православной іерархіи, полоцкій православный архіепископъ Мелетій Смотрицкій, ходатайство казаковъ за православную церковь предъ сеймомъ въ 1625 году и посольство въ Москву съ предложеніемъ подданства, усмиреніе казаковъ.—Внутреннее обновленіе и укрѣпленіе западно-русской православной церкви при Сигизмундѣ III и объединеніе силъ православнаго населенія.

СО ВРЕМЕНИ люблинской уніи 1569 года начинается коренное сближеніе и сліяніе Литвы съ Польшею не только въ государственномъ отношеніи, но и въ общественномъ быту и въ вѣрѣ. При этомъ перевѣсъ значенія и вліянія оставался на сторонѣ поляковъ, которые, составляя господствующую народность въ объединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ, съ одной стороны сами вторгались, подъ разными предлогами, въ литовско-русскія области и получали здѣсь должности и

имѣнія и вообще осѣдлость, а съ другой — давали заправляющій тонъ въ устроеніи и направленіи общественной, семейной и даже церковной жизни въ Литовскомъ государствѣ. Сущность этого польскаго воздѣйствія и вліянія на литовско-русскую жизнь состояла съ одной стороны въ возвышеніи правъ и преимуществъ литовско-русскаго дворянства или шляхты, стремившейся во всемъ уподобиться польской шляхтѣ, съ другой—въ приниженіи и порабощеніи низшихъ сословій въ Литовскомъ государствѣ, крестьянъ и отчасти мѣщанъ,— словомъ, въ строгомъ, послѣдовательномъ проведеніи въ русско-литовскую жизнь польско-шляхетскихъ стремленій. Оно проникало и въ область вѣры и церкви. Польское католичество, какъ извѣстно, ограничиваетъ права пасомыхъ, особенно изъ низшихъ сословій, на какое-либо участіе въ управленіи дѣлами церкви, и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовало польско-шляхетскимъ понятіямъ о государственномъ управленіи, исключавшимъ всякое участіе въ немъ низшихъ, порабощенныхъ сословій, тогда какъ въ восточной православной церкви, наоборотъ, допускались, въ извѣстной мѣрѣ, надзоръ и опека православныхъ міряпъ и братствъ надъ дѣлами церкви и духовенствомъ. Поэтому, рядомъ съ польско-шляхетскими стремленіями, въ литовско-русскихъ областяхъ начинаетъ быстро распространяться католичество и захватывать собою прежде всего высшія сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ самой западно-русской церкви между ея представителями является цѣлая партія, которая стремилась освободиться отъ вліянія на нее мірянъ, преобразовать русскую церковь по образцу польско-католической и ввести вѣроисповѣдную унію польско-католической церкви съ православною, и имѣла нѣкоторый успѣхъ въ этомъ отношеніи.

Но, полагая и усиливая пагубное раздѣленіе между высшими полноправными и низшими порабощенными сословіями, польско-шляхетское вліяніе не могло быстро и прочно утвердиться въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Оно шло въ разрѣзъ выгодамъ служилыхъ князей и вельможъ, ограничиваемыхъ въ своей власти и правахъ возрастающимъ значеніемъ дворянства или шляхты, клонилось къ униженію и порабощенію крестьянства и мѣщанъ, и потому не могло не встрѣтить себѣ сопротивленія и борьбы. Къ тому же, во всѣхъ слояхъ литовско-русскаго населенія и общества сохранялся еще древній, простой образъ жизни, и не забылись еще старыя преданія и вѣрованія, состав-

Поминание Кнзей Полубенских

Родъ кнѧзѧ Василїа Полубенского. Кнѧзѧ
Елевферия кнгиню Анну кнгиню Ѯению:
Марию. Кнѧзѧ Василїа Иѡсифа сщенноинока
Елевферия иерея Павла Анну Василиссу.
Михаила кнгиню Параскевию Анну Анну.
Кнѧзѧ Василїа кнѧзѧ Иоанна кнгиню Пеласию:~

Поминание Кнзей Вишневецких Капустов и племени их

Родъ его мати пна Евдокима Кнѧзѧ Вишне
вецкого. И кнѧзѧ Капусты Старого Овруцкого:
Кнѧзѧ Евдокима кнгиню Елену. Кнѧзѧ
Андрея кнгиню Евдокию:~

Поминание Пна Василия Тишкевича и жоны его Настасии

Родъ его мати пна Василия Тишкевича.
Воеводы Смоленского: Помяни Гди дша раба своего
Василия. Настасию Андрея Екатерину
Елиазара Агафию Марию Михаила Иоанна
Манца Льва Агафию Манцу Елену Манцу
Наталию Феодору кнѧзѧ Иоанна Настасию
Евдокию кнѧзѧ Феодора кнѧзѧ Иоанна Елену
Ульянию Иоанна Димитрия Евдокию
Димитрия Иакова Григория Марию Мои
сея Симеона Елену:~ Николая:~

Зборова

Отца Каллиника Киевский

Помяни Гди дшу раба своего: Павла.

Супрасльскій помянникъ или синодикъ.

Рукопись 1631 года

лявшія основу народныхъ особенностей западной Руси и Литвы и прямо противоположныя шляхетско-польскимъ стремленіямъ. Поэтому, съ самой люблинской уніи 1569 года идетъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ упорная борьба литовско-русскихъ началъ со шляхетско-польскими и католическими, провозглашенными на люблинскомъ сеймѣ 1569 года,—борьба, въ которой участвовали или всѣ классы литовско-русскаго населенія, или каждый изъ нихъ поочередно, нерѣдко прибѣгая къ защитѣ и помощи единовѣрнаго Московскаго государства. Борьба эта продолжалась до конца самостоятельнаго существованія Польско-Литовскаго государства, приготовивъ и ускоривъ его паденіе, и имѣла въ своемъ развитіи нѣсколько видоизмѣненій. Сначала въ ней участвуютъ и высшіе классы литовско-русскаго общества, и церковныя братства, и казачество, и—по временамъ—Московское государство; но, послѣ войнъ царя Алексѣя Михайловича съ Польшею, верхніе слои литовско-русскаго населенія оказались уже всѣ почти окатоличенными и ополяченными, а церковныя братства упали. Хранителями русскихъ православныхъ началъ остались только православное мѣстное духовенство и простой народъ, подвергавшіеся притомъ страшнымъ притѣсненіямъ со стороны ополячившагося высшаго сословія и римско-католическаго и уніатскаго духовенства. Но въ это время Московское государство принимаетъ на себя опеку надъ православнымъ населеніемъ польско-литовскихъ областей и особенно Бѣлоруссіи и постоянно ходатайствуетъ за него передъ польскимъ правительствомъ. Видя, наконецъ, безуспѣшность своихъ ходатайствъ, оно беретъ у Польши большую часть русскихъ областей и возсоединяетъ ихъ съ Россіей.

Первое время послѣ заключенія люблинской уніи 1569 года ознаменовано было особенно сильнымъ возбужденіемъ двухъ противоположныхъ сторонъ, польско-католической и русско-православной, враждебныхъ одна другой и поставленныхъ люблинскою уніею лицомъ къ лицу. Главное вниманіе обращено было на вѣроисповѣданіе, составлявшее основную черту русской народности. Устроивъ государственную люблинскую унію 1569 года, Сигизмундъ II Августъ на самомъ люблинскомъ сеймѣ заявилъ, что онъ думаетъ еще объ одномъ великомъ дѣлѣ, о возстановленіи единства вѣры, котораго хочетъ достигнуть однако же безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильственнымъ мѣ-

рамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти [319]). Цѣль эта достигалась затѣмъ и распространеніемъ католичества въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и введеніемъ церковной уніи восточной церкви съ западною. Той и другой цѣли весьма много содѣйствовали іезуиты, эти новые борцы за папскую власть, въ 1565 году введенные въ Польшу и затѣмъ въ Литву собственно для борьбы съ протестантскими сектами.

Іезуиты приглашены были въ Литву виленскимъ католическимъ епископомъ, Валеріаномъ Протасевичемъ, по представленію котораго Сигизмундъ II Августъ, на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, далъ свое согласіе на допущеніе іезуитскаго ордена въ Литовское государство и на основаніе іезуитской коллегіи въ Вильнѣ. Въ томъ же году іезуиты введены были въ Вильну, въ слѣдующемъ году устроили здѣсь коллегію и въ скоромъ времени завладѣли виленскимъ Свято-Янскимъ костеломъ. Они ревностно занялись воспитаніемъ юношества, провѣдничествомъ, богословскими спорами съ протестантскими сектантами, торжественными процессіями и даже кулачной расправой съ разновѣрцами, и съумѣли проникнуть во дворцы и знатные дома, втереться въ довѣріе литовско-русскихъ вельможъ, зараженныхъ протестантскимъ вольномысліемъ, и обратить ихъ на лоно католической церкви. Въ числѣ первыхъ, совращенныхъ іезуитами въ католичество, были: Иванъ-Іеронимъ Ходкевичъ, бывшій покровитель виленской протестантской церкви, съ сыномъ своимъ, Яномъ-Карломъ, четыре сына Николая Радивила Чернаго, который былъ главнымъ распространителемъ кальвинства въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и подканцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, принадлежавшій дотолѣ къ реформатской общинѣ. При помощи этихъ новыхъ благодѣтелей своихъ, іезуиты достигли того, что ихъ Виленская коллегія возведена была въ 1579 году папою Григоріемъ XIII на степень академіи и сравнена въ правахъ и преимуществахъ съ Краковскою академіею. Первымъ ректоромъ Виленской іезуитской академіи былъ назначенъ іезуитъ Петръ Скарга, знаменитый польскій богословъ и проповѣдникъ своего времени. Въ 1582 году виленскіе іезуиты получили въ свое завѣдываніе двѣ новыя школы, виленскую епархіальную католическую школу, рядомъ съ епископскимъ домомъ, и русскую семинарію, учрежденную въ Вильнѣ папою Григоріемъ XIII для русскаго юношества, съ цѣлію распространенія католичества въ Московскомъ государствѣ, а въ 1589 году

получили отъ Станислава Радивила роскошный лѣтній домъ Радивиловъ, на Лукишкахъ, гдѣ кальвинисты совершали первоначально свое богослуженіе, и на этомъ мѣстѣ, получившемъ впослѣдствіи названіе Закрета, построили большой монастырь для своего лѣтняго пребыванія [320]).

Изъ Вильны іезуиты стали разселяться и по другимъ городамъ и мѣстечкамъ великаго княжества Литовскаго и возстановлять и умножать здѣсь католичество, не оставляя въ покоѣ и православныхъ. Сыновья князя Николая Радивила Чернаго, принявъ латинство, выгнали изъ обширныхъ своихъ имѣній Несвижа, Клецка и другихъ мѣстъ кальвинистовъ и передали кальвинскія церкви съ ихъ имуществами, а также книгопечатни и книжныя лавки, іезуитамъ и вообще латинскому духовенству. Въ короткое время іезуиты наводнили своими монастырями области великаго княжества Литовскаго и въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ утвердили пребываніе и основали училища въ 20 важнѣйшихъ городахъ и, кромѣ того, имѣли при каѳедральныхъ соборахъ такъ называемыя миссіи, а при церквахъ заводили братства [321]). Кромѣ Вильны, іезуиты основали свои костелы и школы: въ Полоцкѣ, Оршѣ, Несвижѣ, Витебскѣ, Слонимѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Смоленскѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Дрогичинѣ, Меречи, Слуцкѣ, Пинскѣ и др. [322]). А вслѣдъ за іезуитами стали размножаться въ литовскихъ областяхъ мужскіе и женскіе монастыри и другихъ католическихъ монашескихъ орденовъ и общинъ, какъ-то: францисканцевъ, домониканцевъ, миссіонеровъ, августиніанъ, бернардиновъ, кармелитовъ босыхъ и обутыхъ, бенедиктинцевъ, тринитаровъ, піаровъ, камедуловъ, картузіанъ, цистерсовъ, капуциновъ, комунистовъ, канониковъ регулярныхъ и канониковъ латеранскихъ, рохитовъ, маріановъ, бонифратровъ, маріавитокъ, екатеринокъ, бригитокъ, шаритокъ и проч. [323]). Со времени люблинской уніи 1569 года и до конца XVI столѣтія, на протяженіи 30 лѣтъ, въ литовско-русскихъ областяхъ появилось до 15 кляшторовъ, и между ними 8 іезуитскихъ, и до 29 костеловъ, а тѣхъ и другихъ около 44. Изъ нихъ 13 падаетъ на нынѣшнюю Ковенскую губернію, 11 на Виленскую, 9 на Минскую, 8 на Гродненскую, 1 на Могилевскую и 1 на Витебскую.

Замѣчательную особенность въ размноженіи католическихъ костеловъ и кляшторовъ за это и послѣдующее время представляетъ то обстоятельство, что число ихъ быстро и несоотвѣтственно съ прежнимъ увеличивается въ чисто русскихъ областяхъ Литовскаго государства. Съ начала

Сурдегскій Свято-Духовскій монастырь.
(Вилькомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи).

XVII вѣка и по 1655 годъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ появилось до 190 польско-католическихъ костеловъ и кляшторовъ, изъ числа коихъ 58 приходится на Ковенскую губернію, 42 на Виленскую, 32 на Минскую, 25 на Могилевскую, 22 на Гродненскую, и 11 на Витебскую [324]). Такое быстрое увеличеніе костеловъ и кляшторовъ въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства объясняется какъ состоявшимся сліяніемъ Литвы и Польши на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, разрушившемъ внутреннія преграды къ распространенію католичества въ Литвѣ, такъ и усердіемъ новыхъ слугъ и защитниковъ папства іезуитовъ. Но нельзя, при этомъ, оставлять безъ вниманія и тогдашняго положенія Московскаго государства, прежде такъ грознаго для Литвы и Польши и сдерживавшаго ихъ католическую ревность. Теперь это грозное дотолѣ государство должно было уступить на время соединеннымъ силамъ Литвы и Польши и воинскимъ дарованіямъ новаго польско-литовскаго государя Стефана Баторія, а вскорѣ затѣмъ и само подверглось внутреннимъ неурядицамъ смутнаго времени самозванцевъ и покушеніямъ поляковъ на его независимость и вѣру, и потому до половины XVII вѣка не могло оказывать сдерживающаго вліянія на внутреннія дѣла Польско-Литовскаго государства.

Послѣ смерти Сигизмунда II Августа († 1572 г.), въ польскіе короли выбранъ былъ братъ французскаго короля Карла IX, Генрихъ Анжуйскій, который однако былъ на польскомъ престолѣ только три мѣсяца и, получивъ извѣстіе о смерти брата, уѣхалъ во Францію. На польскій престолъ избранъ былъ седмиградскій воевода, Стефанъ Баторій (1575—1586 г.г.), человѣкъ умный и воинственный, который, при вступленіи своемъ на престолъ, далъ торжественную клятву возвратить Литвѣ всѣ ея земли, завоеванныя царями московскими, если сенатъ и народъ хотятъ войны съ Россіей. Началась война. Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный въ 1577 году двинулъ въ Ливонію огромныя ратныя силы, пославъ туда напередъ брата датскаго короля, Фридриха II, герцога Магнуса, котораго обѣщалъ сдѣлать королемъ въ Ливоніи, подъ верховной властію Россіи. Вступивъ въ Ливонію, Іоаннъ IV взялъ города Маріенгаузъ, Люцинъ, Розиттенъ (Рѣжицу), Динабургъ, Крейцбургъ, а Магнусъ занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Венденъ и Вольмаръ, провозгласилъ себя королемъ и задумалъ измѣнить Іоанну, но затѣмъ изъявилъ покорность и примирился съ царемъ. Въ это время Баторій занятъ былъ осадою Данцига, не хотѣвшаго признавать его

королемъ. Покончивъ съ Данцигомъ, лѣтомъ 1579 года Баторій осадилъ и взялъ Полоцкъ, несмотря на мужественную защиту его московскими воеводами, взявъ также нѣсколько близлежащихъ крѣпостей—Соколъ, Красный, Козъянъ, Ситну, Туровль и Нещерду. Въ то же время князь Острожскій опустошалъ область Сѣверскую до Стародуба и Почепа, а староста оршанскій Кмита—Смоленскую. На другой годъ Баторій предпринялъ новый походъ и, несмотря на мирныя предложенія Іоанна IV, двинулся въ предѣлы псковскіе и новгородскіе; по дорогѣ захватилъ Велижъ и Усвятъ и 5 сентября 1580 года взялъ Великія Луки. Ему сдались также Невель, Озерище и Заволочье. Въ это время московскіе воеводы ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову и Могилеву, но не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій. Въ такихъ обстоятельствахъ Іоаннъ IV отправилъ гонцовъ къ нѣмецкому императору и папѣ съ просьбою о посредничествѣ. Папа Григорій XIII внялъ просьбамъ Грознаго и послалъ іезуита Антонія Поссевина къ Баторію и Іоанну для примиренія ихъ между собою и для переговоровъ съ Іоанномъ о соединеніи русской церкви съ католическою. Но Баторій, въ августѣ 1581 года, быстро двинулся къ Пскову. Блестящая защита этого города нѣсколько смирила гордость Баторія, который послѣ этого заключилъ въ 1582 году съ Грознымъ договоръ. Послы Іоанна IV отказались отъ Ливоніи, уступили и Полоцкъ съ Велижемъ, а Баторій согласился не требовать денегъ, возвратить Іоанну Великія Луки, Заволочье, Невель, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ и всѣ другіе занятые имъ псковскіе пригороды. На этихъ условіяхъ положили быть десятилѣтнему перемирію отъ 6 января 1582 года. Преемникъ же Баторія, Сигизмундъ III, дѣйствовалъ противъ Московскаго государства не столько открытою силою, сколько коварствомъ, поддерживая, по смерти сына Іоанна Грознаго Ѳеодора Іоанновича, притязанія завѣдомыхъ самозванцевъ на московскій престолъ, и въ разгаръ порожденныхъ имъ же самимъ смутъ не только отнялъ у Россіи Смоленскъ, но и самъ хотѣлъ сѣсть и утвердить свое потомство на московскомъ престолѣ. Вновь избранный на всероссійскій престолъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ почти все время своего царствованія долженъ былъ отбиваться отъ поляковъ и по деулинскому миру 1618 года, подтвержденному поляновскимъ договоромъ 1634 года, вынужденъ былъ уступить Польско-Литовскому государству Смоленскъ, Бѣлый, Дорогобужъ, Рославль, Черниговъ, Стародубъ,

Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красный и Велижскую область [325]).

Во все это время ослабленія Россійскаго государства русское православное населеніе Литвы предоставлено было собственнымъ своимъ силамъ и безнаказанно увлекаемо было польско-католиками или прямо въ католичество, или же первоначально въ унію.

Король Стефанъ Баторій понималъ, что Польско-Литовское государство состоитъ изъ разнородныхъ, не легко примиримыхъ народностей, изъ коихъ наиболѣе многочисленная, русская, обнаруживаетъ постоянное тяготѣніе къ однородному къ ней государству Московскому, и задумалъ объединить внутренно свое государство одною католическою вѣрою. Съ этою цѣлію онъ дѣлалъ притѣсненія православнымъ, запретивъ имъ въ 1577 году строить въ Вильнѣ храмы и школы [326]), и поддерживалъ іезуитовъ и вообще католичество. Отнявъ у Россіи Полоцкъ, Баторій немедленно возстановляетъ въ немъ католичество, посылаетъ туда изъ Виленской коллегіи двухъ іезуитовъ и предписываетъ полоцкому городничему Жуку немедленно построить въ замкѣ хотя бы деревянный костелъ для служащихъ въ замкѣ католиковъ [327]). Въ 1582 году Баторій отдалъ полоцкимъ іезуитамъ почти всѣ тамошніе православные монастыри и церкви, съ вотчинами и имуществомъ ихъ, оставивъ неприкосновенною одну только епископскую каѳедру, т. е. храмъ св. Софіи, несмотря на то, что все полоцкое дворянство возставало противъ этой неправды и доказывало, что церковныя пожалованія сдѣланы его предками въ пользу православія, въ которомъ и оно хочетъ оставаться. Вѣроятно, отъ руки полоцкихъ іезуитовъ безслѣдно погибло богатое книгохранилище церковно-славянскихъ книгъ и лѣтописей, найденное при взятіи этого города Баторіемъ [328]).

Но такъ какъ громадное большинство русскаго населенія въ Литвѣ не только твердо держалось православія, но и стало обнаруживать особенную дѣятельность къ защитѣ своей вѣры учрежденіемъ церковныхъ братствъ и поднятіемъ образованія [329]), и потому не предвидѣлось надежды въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ обратить его прямо въ католичество; то при Баторіѣ возобновилась мысль о церковной уніи (соединеніи) восточной церкви съ западною и о привлеченіи къ этой уніи не только православнаго населенія Литвы, но и сѣверо-восточной, московской Руси. Въ 1577 году іезуитъ Петръ Скарга издалъ книгу

Григорій Александровичъ Ходкевичъ,

гетманъ литовскій.

«О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ сего единства отступленіи», въ которой проводилъ ту мысль, что для православной западно-русской церкви будто бы нѣтъ и не можетъ быть другаго выхода изъ того жалкаго, разстроеннаго положенія, въ которомъ она тогда находилась, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на флорентійскомъ соборѣ соединеніе съ католическою церковію подъ главенствомъ папы, но съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ. Другой іезуитъ, Антоній Поссевинъ, отправленный папою для примиренія Іоанна Грознаго съ Баторіемъ, думалъ-было начать въ Москвѣ переговоры съ Іоанномъ Грознымъ о соединеніи русской церкви съ католическою; но Іоаннъ IV отклонилъ предложеніе Поссевина и совершенно разрушилъ надежды папистовъ на совращеніе Россіи въ унію. За то тѣмъ большее вниманіе обращено было ими на западно-русскую церковь и рѣшено съ нея начать подчиненіе Руси папѣ. Раскрывая подробно свою мысль въ перепискѣ съ папою, Поссевинъ указалъ на вѣроисповѣдную унію, какъ на удобнѣйшій способъ приведенія русскихъ къ латинству, съ тѣмъ, чтобы дозволить имъ до времени удержать свои обряды и богослуженіе и разрѣшить священникамъ вступать въ бракъ по греческому обычаю. Впрочемъ, эта мысль о вѣроисповѣдной уніи не была осуществлена при Баторіѣ, который къ концу своего царствованія охладѣлъ къ іезуитамъ. Вѣроятно, по этой причинѣ онъ отмѣнилъ изданный имъ же самимъ, по внушенію іезуитовъ, указъ о принятіи новаго григоріанскаго календаря всѣми православными и въ 1585 году подтвердилъ грамоту, данную православнымъ въ 1511 году Сигизмундомъ I на всѣ вообще церковныя права, по грамотамъ Витовта, Казиміра и Александра.

Мысль о вѣроисповѣдной уніи была окончательно выработана и примѣнена къ дѣлу уже при преемникѣ Баторія, королѣ Сигизмундѣ III. При немъ, въ 1590 году, Скарга вновь издалъ свою книгу «О единствѣ церкви» и здѣсь прямо говорилъ, что забота объ уніи составляетъ долгъ не одного католическаго духовенства въ Литвѣ и Польшѣ, но и долгъ короля и католическихъ пановъ и особенно русскихъ іерарховъ [330]). Согласно наставленію Скарги, Сигизмундъ III вошелъ въ тайныя сношенія съ западно-русскими православными іерархами, большею частію людьми недостойными, воспитавшимися во время упадка западно-русской церкви, которые съ своей стороны желали освободиться отъ над-

зора и опеки мірянъ и церковныхъ братствъ, расширить свою власть надъ духовенствомъ и мірянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть уравненія въ льготахъ и правахъ съ польско-католическимъ духовенствомъ, и потому согласились принять унію съ католическою церковію, всегда державшею мірянъ въ почтительномъ отдаленіи отъ іерархіи. Къ числу этихъ недостойныхъ іерарховъ относятся: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы владиміро-волынскій, Ипатій Поцѣй, луцкій—Кириллъ Терлецкій и холмскій—Діонисій Збируйскій, тогда какъ львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, перемышльскій Михаилъ Копыстенскій и большинство бѣлаго и монашествующаго духовенства и мірянъ остались вѣрными православію. Унія съ Римомъ провозглашена была на брестскомъ соборѣ 1596 года и, несмотря на малочисленность своихъ представителей и послѣдователей и на несогласіе большинства православныхъ, принята была Сигизмундомъ III подъ особое покровительство и около двухъ съ половиною столѣтій насиловала совѣсть и вѣрованія послѣдователей восточной церкви въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, хотя и не смогла совершенно подавить православія.

Продолжительное 44-лѣтнее царствованіе Сигизмунда III весьма много способствовало водворенію уніи въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Ревностный до изувѣрства католикъ, Сигизмундъ III поддерживалъ унію всѣми зависящими отъ него средствами и, по крайней мѣрѣ, достигъ того, что на этотъ разъ унія не исчезла такъ быстро и безслѣдно, какъ она не разъ исчезала въ Литвѣ въ прежнее время.

Прежде всего Сигизмундъ III далъ широкія права и преимущества уніатской іерархіи, въ ущербъ народному представительству въ дѣлахъ церкви. Все уніатское духовенство король увѣрялъ и обѣщалъ ему господарскимъ словомъ, что, еслибы оно предано было какой-либо клятвѣ со стороны греческихъ іерарховъ, то эта клятва должна считаться недѣйствительною, и уравнялъ его въ правахъ и преимуществахъ съ латинскимъ духовенствомъ. Всѣ достоинства, архіепископства, епископства, которыми владѣютъ уніаты, король обѣщалъ не отнимать у нихъ при жизни, не давать другимъ лицамъ, но, напротивъ, постоянно заботиться объ ихъ пріумноженіи. Митрополію и епископства могутъ получать лица только греческаго обряда. Церквамъ должны быть возвращены всѣ пожертвованныя имѣнія, которыя розданы были разнымъ свѣтскимъ лицамъ и для церкви пропали безслѣдно. Всѣми этими имѣніями должны

завѣдывать каѳедральные капитулы, преобразованные на латинскій ладъ изъ прежняго учрежденія клирошанъ, безъ участія свѣтскихъ лицъ. Въ трибунальскомъ судѣ уніаты могли имѣть двухъ повѣренныхъ по своимъ дѣламъ по образцу латинянъ. Всѣ братства, какъ основанныя патріархами, такъ и утвержденныя королемъ, должны зависѣть отъ мѣстныхъ архіереевъ. Митрополиту, епископу и другимъ духовнымъ властямъ дано полное право наказывать ослушниковъ своей власти; разныя государственныя правительственныя учрежденія должны были содѣйствовать этому.

Независимо отъ общихъ правъ и преимуществъ, данныхъ уніатской церкви, король щедро одарилъ ея представителей и главныхъ виновниковъ уніи. Прототроній кіевскаго митрополита, Григорій (въ монашествѣ Германъ) Загорскій еще при жизни полоцкаго епископа Аѳанасія Селецкаго объявляется его коадъюторомъ, съ обѣщаніемъ ему и самой епископіи по смерти Селецкаго. Сдѣлавшись полоцкимъ архіепископомъ, онъ получилъ отъ короля Загорское имѣніе въ награду за труды, понесенные имъ въ проповѣданіи слова Божія. Іона Гоголь, подписавшійся на унію, изъ кобринскаго архимандрита сдѣланъ пинскимъ епископомъ. Кириллъ Терлецкій получилъ въ пожизненное управленіе Кобринскій Спасскій монастырь; Михаилъ Рагоза—Кіевопечерскій, которымъ, впрочемъ, онъ никогда не владѣлъ въ дѣйствительности; Діонисій Збируйскій—Пинскій Лещинскій Николаевскій монастырь; Ипатій Поцѣй получилъ въ свое владѣніе и управленіе брестскую русскую школу съ пожалованными на ея содержаніе двумя монастырскими селами. Сдѣлавшись въ 1599 году уніатскимъ митрополитомъ, Поцѣй удержалъ за собою и Владиміро-Брестскую епархію и въ разное время получилъ отъ короля Слуцкую архимандрію, Пинскій Лещинскій Николаевскій монастырь съ вотчинами и угодьями, Кіевскій Златоверхо-Михайловскій монастырь и др. [331]).

Получивъ отъ короля обезпеченіе своей неприкосновенности и доходныя должности и имѣнія, большая часть уніатскихъ іерарховъ и духовныхъ лицъ вполнѣ удовлетворилась личными выгодами своими и не заботилась о преуспѣяніи уніи, а нѣкоторые изъ совѣстливыхъ уніатскихъ епископовъ даже горько сожалѣли о своемъ отступничествѣ отъ православія, какъ напр. полоцкій архіепископъ, Германъ Загорскій, и преемникъ его, Гедеонъ Брольницкій. Да и сама унія, въ первоначальномъ своемъ видѣ, мало-чѣмъ разнилась по внѣшности отъ православія и легко могла

Іосифъ Солтанъ,
литовскій православный митрополитъ.

быть забыта при первомъ удобномъ случаѣ. Но она нашла дѣятельнаго поборника въ даровитѣйшемъ изъ виновниковъ и вожаковъ уніи, Ипатіѣ Поцѣѣ, человѣкѣ съ польско-католическими убѣжденіями и замашками, который одинъ изъ своихъ сотоварищей-отступниковъ, послѣ долгихъ колебаній въ разныя стороны, искренно убѣдился въ спасительности уніи и старался поддержать и распространить ее всѣми зависѣвшими отъ него средствами, которыми онъ пользовался съ іезуитскою безразборчивостію. Онъ уберегъ и укрѣпилъ унію, во-первыхъ, тѣмъ, что въ продолженіи своего почти 14-лѣтняго митрополитскаго служенія велъ за нее непрерывную войну со своими противниками и съумѣлъ одолѣть ихъ, восторжествовать надъ ними; во-вторыхъ, тѣмъ, что приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ въ лицѣ Рутскаго, Мороховскаго, Кунцевича и др., которые впослѣдствіи упрочили и продолжили то, чему онъ положилъ начало.

Такъ какъ унія получила признаніе со стороны государственной власти въ Польско-Литовскомъ государствѣ, то Поцѣй, какъ уніатскій митрополитъ, чувствовалъ себя законнымъ и полноправнымъ главою западно-русской церкви, а не хотѣвшихъ признавать его власти и противившихся ему православныхъ считалъ лишь непослушными сынами уніатской церкви и ослушниками королевской воли. И если православные ссылались на стародавнія права, дарованныя православной церкви въ разныя времена прежними государями—Ягайломъ, Витовтомъ, Казиміромъ, Александромъ, Сигизмундомъ I и Сигизмундомъ II, то Поцѣй объяснялъ, и доказывалъ, будто бы эти права даны были западно - русской церкви за принятіе или подъ условіемъ принятія ею уніи, непрерывно будто бы существовавшей въ Польско-Литовскомъ государствѣ съ давняго времени, и слѣдовательно, относятся къ уніатской церкви, а не къ православной, не имѣющей никакихъ правъ на свое существованіе. Въ 1605 году онъ представилъ въ Виленскій магистратъ документъ о существованіи будто бы уніи въ западно - русской церкви въ 1476 году. Опираясь на право мнимой давности уніи и на государственное признаніе ея исключительно законною, Поцѣй не стѣснялся никакими насильственными мѣрами противъ православія: схватывалъ непокорявшихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ головы и бороды, третьихъ выгонялъ изъ приходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ, наиболѣе же упорныхъ выставлялъ въ глазахъ правительства

какъ мнимыхъ бунтовщиковъ, подлежащихъ суровымъ карательнымъ мѣрамъ. Нерѣдко онъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, вторгался въ православные храмы, арестовывалъ священниковъ, собственноручно обдиралъ престолы, грабилъ церковную утварь и уничтожалъ или уносилъ съ собою антиминсы, налагая этимъ способомъ на непокорные ему приходы своего рода запрещеніе. Своими распоряженіями противъ Стефана Зизанія, извѣстнаго проповѣдника и противника уніи, Поцѣй такъ стѣснилъ его, что тотъ принужденъ былъ спасаться изъ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря чрезъ печную трубу. Когда настоятель Супрасльскаго монастыря, Иларіонъ Массальскій, не хотѣлъ повиноваться Поцѣю и возбуждалъ къ тому же мѣстную братію, то король, по настоянію Поцѣя, объявилъ его бунтовщикомъ и осудилъ на изгнаніе изъ государства. Съ особеннымъ ожесточеніемъ Поцѣй преслѣдовалъ ненавистныя ему православныя братства: силою отбиралъ у нихъ церкви и школы, разгонялъ священниковъ и учителей, предавалъ братчиковъ торжественно анаѳемѣ, побуждалъ короля уничтожать выданныя раньше братствамъ грамоты и привиллегіи, производить обыски въ ихъ книгопечатняхъ, осуждать на изгнаніе выдающихся братчиковъ и т. п. Въ 1597 году, будучи еще владиміро-брестскимъ епископомъ, Поцѣй отнялъ заведенную незадолго передъ тѣмъ въ г. Брестѣ православную братскую школу и преобразовалъ ее въ уніатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ вывезеннаго имъ изъ Рима доктора богословія, греко-уніата Петра Аркудія, и выхлопоталъ ему у короля Лавришевскую архимандрію и Тороканскій монастырь [332]). По просьбѣ Поцѣя, въ 1601 году уничтожена была данная Виленскому Троицкому братству Стефаномъ Баторіемъ привиллегія на право покровительства Свято-Троицкому монастырю, послѣ чего Поцѣй могъ назначать туда монашествующихъ и архимандритовъ по своему выбору. Въ томъ же году онъ осудилъ заочно и присудилъ къ изверженію рукоположенныхъ патріаршимъ экзархомъ, львовскимъ православнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, двухъ братскихъ священниковъ, Карпа Лазаревича и Григорія Ждановича, служившихъ при Свято-Духовской церкви. Въ 1605 году тоже сдѣлано съ другими двумя священниками братскими. Архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря Поцѣй назначилъ въ 1607 году Самуила Сенчиловича или Сенчилу. Когда же этотъ послѣдній, замѣтивъ католическія наклонности и стремленія Поцѣя и его наперстниковъ, Рутскаго и Кунцевича, оста-

вилъ унію и, вмѣстѣ съ протоіереемъ Виленскаго Пречистенскаго собора и намѣстникомъ митрополита Жашковскимъ, записался въ члены православнаго Свято-Духовскаго братства, то Поцѣй объявилъ ихъ ослушниками королевской власти, вручившей ему управленіе западно-русскою церковію, и проклялъ. Послѣ разныхъ взаимныхъ жалобъ и судебныхъ разбирательствъ, королевскій задворный судъ, находившійся подъ сильнымъ давленіемъ Сигизмунда III, рѣшилъ дѣло въ пользу Поцѣя. За нимъ признано право распоряжаться всѣми церквами греческой вѣры, которыя поэтому должны быть возвращены въ его распоряженіе, а Самуилъ Сенчило и протопопъ Жашковскій признаны бунтовщиками противъ законной власти. Троицкій монастырь и всѣ виленскія церкви, за исключеніемъ Свято-Духовской, переданы были въ вѣдѣніе и подъ власть уніатскаго митрополита [333]). Отъ уніатскаго духовенства взято было письменное обязательство на вѣрность уніи и повиновеніе уніатскому митрополиту. Обязательство это подписано было архимандритомъ виленскимъ, минскимъ, гродненскимъ и вмѣстѣ браславскимъ Іосифомъ Рутскимъ, протопопами гродненскимъ, царисскимъ, торчинскимъ, любартовскимъ и новогрудскимъ, и священниками жировицкимъ, лѣсокскимъ, марковскимъ, бабицкимъ, мозырскимъ, новогродскимъ, двумя минскими и др. [334]). Тотчасъ по отнятіи виленскихъ церквей у православныхъ, въ Вильнѣ сдѣлано было покушеніе на жизнь самого Поцѣя однимъ гайдукомъ или лакеемъ, который однако же подъ страшной пыткой не только не указалъ именъ подустителей, но утверждалъ, что рѣшился на преступленіе самъ по себѣ, безъ всякаго подговора, изъ одной ревности по вѣрѣ и ненависти къ митрополиту за то, что онъ отнялъ у православныхъ церкви. Тѣмъ не менѣе этотъ случай, въ связи съ вызвавшими его обстоятельствами, сильно подѣйствовалъ на православныхъ. Потерявъ всякую надежду на возвращеніе Свято-Троицкаго монастыря, Виленское православное братство поселилось окончательно при недавно отстроенной Свято-Духовской церкви [335]).

Подъ давленіемъ насильственныхъ мѣръ, въ унію первоначально переходили люди, нетвердые въ своихъ убѣжденіяхъ и нравственности, которыми не могла утвердиться унія. Уніатскіе монастыри и церкви пустѣли, расхищались самимъ духовенствомъ и приходили въ упадокъ. По свидѣтельству православнаго митрополита Петра Могилы, въ Супрасльскомъ монастырѣ, вмѣсто прежнихъ 80—100 мона-

ПОСЛАНИЯ:~

Поконаня есть сия книга зовемая апос
тол, еже замыкает в собе наипервей
деяния апостольская. Потомъ посланией
святыхъ апостолъ, соборныхъ седмъ:~
Тако же епистолъ светого павла ді:~ Ле
та по нарожении нашего спасителя Ісуса
христа сына божиа. тысещнаго, пятьсо
таго, и двадесеть патого. Месеца мар
та:~ Придержанем наяснейшего го
сподаря Жикгимонта Казимировича,
Короля полского. И великого князя Ли
товского, и руского, и жомойтского
и иныхъ. В славном месте виленском
выложена, и вытиснена. Працею и вели
кою пилностию. Доктора франциска
скорины с полоцка:~ Богу в тройци еди
ному. И пречистой матери его марии, со в
семи светыми кчьти. И лю
дем посполитымъ к доб
рому научению:~

Виленское изданіе апостольскихъ посланій 1525 года.

Выходной листъ.

ховъ, въ началѣ уніи осталось только нѣсколько монаховъ, а имѣнія и доходы его и старинные монастырскіе образа и оклады обращены на удовлетвореніе частныхъ нуждъ. Запустѣли также и разорены были уніатами богатые прежде монастыри: Лавришевскій, Новогродскій, Черейскій, Лещинскій, Онуфріевскій, Пустынскій и др. На мѣстѣ Виленской Пятницкой церкви, по переходѣ ея въ унію, явилась корчма и домъ терпимости; на мѣстѣ Христорождественской церкви въ Минскѣ поставлена была татарская мечеть [336]). Но дурное состояніе уніатскаго духовенства не смутило Поцѣя. Онъ рѣшился образовать изъ него живую, дѣятельную силу, передѣлавъ ее на латинскій ладъ, и двинуть эту силу на борьбу съ православными.

Главнымъ помощникомъ и орудіемъ Поцѣя въ преобразованіи уніатскаго монашества былъ іезуитскій воспитанникъ, Іосифъ Вельяминъ-Рутскій, для котораго съ такою настойчивостью отнятъ былъ у уніата Сенчилы Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Здѣсь Рутскій сошелся съ другимъ ревнителемъ уніи и воспитанникомъ іезуитовъ, изувѣромъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ принялся за преобразованіе уніатскаго монашества съ первыхъ же дней своего поступленія въ этотъ монастырь. Сущность этого преобразованія состояла въ слѣдующемъ. Все уніатское монашество освобождается изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и составляетъ одно общество, подчиненное власти одного протоархимандрита или генерала, свободно избираемаго на конгрегаціи или общемъ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ монастырей и изъ среды самого же общества. Общество избираетъ своимъ покровителемъ св. Василія Великаго, почему и называется братствомъ или чиномъ (орденомъ) св. Василія Великаго. Всѣ монастыри, входящіе въ составъ ордена, во внутренней своей жизни слѣдуютъ общежительному уставу своего св. покровителя. Примѣнительно къ правиламъ этого устава составляются новыя правила и постановленія, сообразныя съ духомъ времени и потребностями ордена. Главная цѣль, къ которой должна быть направлена дѣятельность ордена,—распространеніе уніи и сближеніе ея съ латинствомъ. Для достиженія этой цѣли, орденъ долженъ заботиться объ умноженіи числа своихъ членовъ и о распространеніи своего вліянія на свѣтское общество посредствомъ замѣщенія своими членами всѣхъ высшихъ церковно-іерархическихъ мѣстъ и должностей, а главное—посредствомъ общественнаго воспитанія, которое отнынѣ должно сосредо-

точиться въ рукахъ ордена. Для большаго успѣха въ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, орденъ долженъ избрать себѣ въ помощники и руководители іезуитовъ и всегда дѣйствовать въ союзѣ съ ними. Вотъ планъ, по которому устраивался и дѣйствовалъ орденъ св. Василія или базиліанскій въ теченіи двухъ слишкомъ вѣковъ! Но іезуиты, призванные на помощь базиліанамъ, уже слишкомъ быстро повели уніатскихъ монаховъ по пути окатоличенія, такъ что послѣдніе сами ужаснулись при видѣ тѣхъ вредныхъ послѣдствій для уніи, какія произошли отъ ихъ сближенія съ латинянами вообще и въ частности съ іезуитами, угрожавшими существованію самой уніи, хотя и не могли уже поправить дѣла. Базиліанскій орденъ сталъ лишь однимъ въ числѣ многихъ другихъ монашескихъ орденовъ римской церкви и въ послѣдствіи времени не отличался отъ нихъ даже по внѣшности [337]).

Базиліанскій орденъ прежде всего началъ распространяться въ епархіяхъ, непосредственно подчиненныхъ митрополиту Поцѣю. По свидѣтельству холмскаго уніатскаго епископа, Якова Суши, Рутскій «многихъ и знатныхъ юношей принялъ въ орденъ, коего колоніи основалъ сначала въ Новгородкѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ, Бытенѣ». Сдѣлавшись, по смерти Поцѣя, уніатскимъ митрополитомъ, Рутскій выпросилъ въ 1616 году у Сигизмунда III подтвержденіе для себя грамоты Сигизмунда I, данной въ 1511 году православному кіевскому митрополиту, Іосифу Солтану, о подчиненіи и подсудности ему всего русскаго духовенства, съ цѣлію имѣть вліяніе на внутреннія дѣла другихъ уніатскихъ епархій и распространять въ нихъ базиліанскій орденъ, а въ 1617 году собралъ въ Новгородкѣ первый базиліанскій съѣздъ. На этомъ съѣздѣ самъ митрополитъ Рутскій, въ видѣ исключенія, избранъ былъ въ протоархимандриты ордена и постановлено ходатайствовать передъ королемъ, чтобы на будущее время уніатскій митрополитъ и епископы избирались исключительно изъ базиліанъ и обязывались быть защитниками и распространителями ордена въ своихъ епархіяхъ. Въ силу этого постановленія, при Рутскомъ изъ базиліанъ возведены были въ епископскій санъ: Іосафатъ Кунцевичъ, архіепископъ полоцкій, товарищъ и сотрудникъ Рутскаго; Левъ Креуза Ржевусскій, архіепископъ смоленскій, бывшій протоархимандритъ ордена; Рафаилъ Корсакъ, епископъ пинскій и протоархимандритъ ордена, и Меѳодій Терлецкій, епископъ холмскій. Первый изъ нихъ при-

соединилъ къ ордену монастыри своей епархіи: Могилевскій, Полоцкій и Мстиславскій; смоленскій архіепископъ Креуза—монастыри Смоленскій и Пустынскій; пинскій епископъ, Рафаилъ Корсакъ—Пинскій монастырь. Къ концу жизни Рутскаго, въ составъ базиліанскаго ордена входили слѣдующіе уніатскіе монастыри въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, обращенные изъ православныхъ: Виленскій, Полоцкій, Минскій, Новогродскій, Супрасльскій, Черейскій, Браславскій, Могилевскій, Пустынскій, Мстиславскій, Смоленскій, Троцкій, Гродненскій, Кобринскій, Лещинскій, Жировицкій, Лавришевскій и Пинскій. Кромѣ того, вновь построены для базиліанъ монастыри Черлонскій и Бытенскій. При нѣкоторыхъ изъ этихъ монастырей въ XVII вѣкѣ были базиліанскія школы для самихъ монаховъ и для свѣтскаго юношества, какъ напр. при монастыряхъ Виленскомъ, Новогродскомъ, Минскомъ и Жировицкомъ. Кромѣ того, уніатскіе воспитанники имѣли доступъ въ разные папскіе алюмнаты или семинаріи [338]).

Вслѣдъ за преобразованіемъ монашества, Рутскій хотѣлъ преобразовать и свѣтскій клиръ, устроить его по образцу базиліанъ и, для большей независимости его въ житейскомъ отношеніи, ввести между нимъ безженство. По мысли Рутскаго, къ подобной цѣли должно было вести воспитаніе, устройство особой семинаріи съ извѣстнымъ направленіемъ. Въ 1626 году онъ созвалъ въ Кобринѣ помѣстный уніатскій соборъ, на которомъ предложилъ учредить главную семинарію для всей уніатской церкви, и открылъ подписку на учрежденіе и содержаніе этой семинаріи. Минскій монастырь со всѣми своими доходами былъ обращенъ въ пользу предполагаемой семинаріи. Но базиліанскіе монахи, видя въ преобразуемомъ клирѣ опаснаго соперника своему ордену, не хотѣли дѣлать обѣщанныхъ ими взносовъ на семинарію и всячески тормозили ея открытіе. Она открыта была и существовала нѣкоторое время при уніатскомъ митрополитѣ Антотоніѣ Селявѣ, но, по разрушеніи ея въ 1655 году московскими войсками, не возобновлялась болѣе. Все преобразованіе свѣтскаго клира, повидимому, ограничивалось только тѣмъ, что онъ, по словамъ Рутскаго, увлеченный примѣромъ базиліанъ, по своей простотѣ, слѣдуетъ за своими епископами, бываетъ на соборахъ, которые ежегодно отправляются епископами, принимаетъ посвященіе, беретъ мѵро [339]).

Новое поколѣніе уніатскаго духовенства, особенно монашествую-

щаго, созданное Поцѣемъ и Рутскимъ, несомнѣнно принесло громадную пользу уніи и упрочило ее на долгое время, выставивъ изъ своей среды людей, искренно убѣжденныхъ въ святости уніи и преданныхъ ей всѣми силами своей души, строгихъ подвижниковъ, образованныхъ проповѣдниковъ и защитниковъ уніи и проч. Уніаты и въ частности базиліане не безъ основанія гордились такими столпами уніи и свѣтилами ея, какими были: самъ Рутскій, Іосафатъ Кунцевичъ, Яковъ Суша, Симеонъ Яцкевичъ и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ вѣетъ тѣмъ страшнымъ изувѣрствомъ и тою безчеловѣчною нетерпимостію въ вѣрѣ, которые воздвигали въ католической Европѣ костры для истребленія иновѣрцевъ и разномыслящихъ въ вѣрѣ и которые такъ претятъ здоровому человѣческому чувству. Въ этомъ отношеніи созданное Поцѣемъ молодое поколѣніе уніатскаго монашества превзошло его самого въ утонченности и жестокости гоненій на православную западно-русскую церковь. Таковы особенно были базиліане, достигшіе епископской власти, и самый худшій изъ нихъ Іосафатъ Кунцевичъ, полоцкій уніатскій епископъ. Въ Пинскѣ преемственно два уніатскихъ епископа, Паисій и Григорій, воздвигаютъ гоненіе на православіе. Первый изъ нихъ разрушилъ въ 1614 году Полозовскій Богоявленскій монастырь въ Пинскѣ, незадолго передъ тѣмъ построенный Гарабурдою [340]); а по жалобѣ и представленію Григорія, Сигизмундъ III въ 1627 году приказывалъ пинскимъ мѣщанамъ отступиться отъ православныхъ церквей и священниковъ и пристать къ уніи и велѣлъ отобрать у православныхъ Пинскую Ѳеодоровскую церковь [341]). Въ епархіи самого Рутскаго, въ Вильнѣ,—по словамъ Лаврентія Древинскаго,—«тѣло мертваго благочестиваго православнаго, когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота, коими всѣ ходятъ и ѣздятъ, даже жиды и татары, запираютъ такъ, что православные находятъ себя вынужденными мертвеца своего выносить въ тѣ ворота, коими одну только нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ, непреклонныхъ къ уніи, ловятъ, бьютъ, въ темницы заключаютъ. Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются» [342]). Но болѣе всѣхъ отличался изувѣрствомъ Іосафатъ Кунцевичъ. Сдѣлавшись въ 1617 году епископомъ-коадъюторомъ Полоцкой епархіи, а въ слѣдующемъ году и самостоятельнымъ архіепископомъ полоцкимъ, Кунцевичъ занесъ въ городскія книги списокъ извѣстнаго «Свитка Ярославова», какъ основаніе своей епископской власти и правъ [343]), и выхлопоталъ у короля грамоту на подчине-

Виленское евангеліе 1525 года.

Изображеніе евангелиста.

Ѿ Іѡанна Ст҃аго Благовѣствованїе

В началѣ бѣ слово, и слово
бѣ ѹ Бога, и Богъ бѣ слово. Се Гла
бѣ искони ѹ Бога. Вся тѣмъ а
быша. И безнего ни
чтоже бысть еже бы

Виленское евангеліе 1525 года.

Первая глава евангелія отъ Іоанна.

ніе своей власти всѣхъ православныхъ монастырей и церквей, находившихся въ предѣлахъ Полоцкой епархіи. Затѣмъ, онъ разослалъ по своей епархіи грамоты, возвѣщавшія о соединеніи церквей, и требовалъ отъ священниковъ, чтобы они немедленно со своими прихожанами пристали къ уніи, угрожая, въ противномъ случаѣ, священникамъ лишеніемъ приходовъ и передачею ихъ, вмѣстѣ съ церквами, уніатамъ. Съ тѣхъ поръ онъ стремился всѣми силами къ искорененію православія. За то, когда Кунцевичъ, въ 1619 году, отправился въ Могилевъ, то жители этого города заперли городскія ворота и навели на Кунцевича крѣпостныя пушки. То же было сдѣлано и въ Оршѣ. Свѣтская власть приговорила зачинщиковъ возмущенія къ смертной казни, отъ которой однако они освобождены были подъ условіемъ принятія уніи и обращенія въ нее всѣхъ могилевскихъ церквей. Но лишь только рукоположенъ былъ, въ 1621 году, въ Полоцкъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ православный архіепископъ Мелетій Смотрицкій и сталъ разсылать свои краснорѣчивыя посланія по епархіи, какъ невольные уніаты стали оставлять насильно навязанную имъ унію и возвращаться въ православіе, такъ что въ Витебскѣ оставалось едва нѣсколько уніатовъ. Кунцевичъ обращался къ властямъ, требуя подавленія непокорныхъ ему насиліемъ. Напрасно предостерегалъ его католикъ, канцлеръ Левъ Сапѣга. «Вы,— писалъ онъ Кунцевичу,— наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія канцеляріи позвами, тяжбами, доносами, чѣмъ не только нельзя распространить уніи, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ обществѣ и наполнить сеймы и управы раздоромъ и ссорами... Апостолы никогда такъ не поступали». Кунцевичъ жаловался своему митрополиту Рутскому на самого Сапѣгу и усилилъ свое гоненіе на православныхъ. Такъ, въ Полоцкѣ онъ приказалъ вырыть изъ могилы недавно умершихъ православныхъ и отдать на съѣденіе собакамъ. Всѣ церкви тамъ были отобраны, и православные принуждены были совершать богослуженіе въ частныхъ домахъ. Въ 1623 году Кунцевичъ отправился въ Витебскъ и, не смотря на раздраженіе народа, рѣшился отслужить во всѣхъ витебскихъ церквахъ, чтобы затѣмъ считать уже ихъ уніатскими. Церкви очищались силою отъ непокорнаго духовенства и народа. Вытѣсненные изъ своихъ храмовъ, православные строили себѣ на окраинахъ и внѣ города шалаши, въ которыхъ и совершали богослуженіе. Но Кунцевичъ не оставилъ ихъ въ покоѣ

Але самого Бога и его светобю справедливости и право посполи
тое и сумненье свое перед очима маючи, а не для роков николи
не умешкиваючи про великое и правдивое злотное хоробы а ли
на том справедливе присегаю так ми Боже помози. А естли бы
несправедливе Боже ма убей. А писар земский мает по руску
литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати
а не иншим езыком и словы, а присегнути мает на вряд свой
писарский тыми словы. Я N присегаю Пану Богу в Троицы едино
му на том иж справедливе водле Бога и того права писаного
и водле уставы мовенья и споров сторон ничого не прикладаючи ани
ужимуючи буду записывати и радити ... и поведати верне и спра

Литовскій статутъ.

и здѣсь. Онъ подавалъ жалобы, будто бы при этихъ новыхъ церквахъ составляются мятежныя сходки, и ловилъ священниковъ, отправлявшихся туда для богослуженія. Выведенные изъ терпѣнія, жители Витебска, по поводу новаго насилія надъ однимъ православнымъ священникомъ, пришли наконецъ въ такую ярость, что открыто напали на архіерейскій домъ, убили Кунцевича и трупъ его бросили въ Двину. Это прискорбное, во всякомъ случаѣ, событіе случилось 12 ноября, 1623 года, и имѣло печальныя для православія послѣдствія. Сигизмундъ III, узнавъ объ убіеніи Кунцевича, для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ и наказанія виновныхъ нарядилъ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ Льва Сапѣги, которая осудила около ста человѣкъ на смертную казнь. Городъ лишенъ былъ магдебургскаго права, съ ратуши и церквей сняты колокола, а оставшіеся на-лицо жители Витебска обязаны были на свой счетъ отстроить съ великолѣпіемъ соборную Пречистенскую церковь въ Витебскѣ, при которой убитъ Кунцевичъ. Папа Урбанъ VIII поощрялъ Сигизмунда III къ кровавой расправѣ съ Витебскомъ и потомъ одобрилъ ее, а Кунцевича причислилъ къ лику блаженныхъ мучениковъ римской церкви [344]). Не ограничиваясь казнію Витебска, латино-уніаты воздвигли новое гоненіе на всю православную церковь и особенно на видныхъ ея представителей и іерарховъ, какъ на подстрекателей къ убійству Кунцевича. Чтобы смягчить нѣсколько то впечатлѣніе, какое произведено на католиковъ и уніатовъ убіеніемъ Кунцевича, и ослабить воздвигнутое на православную церковь гоненіе, православные подали въ 1625 году, чрезъ казацкихъ пословъ, на варшавскомъ сеймѣ записку о тѣхъ утѣсненіяхъ, какія терпѣла и терпитъ православная вѣра въ Польшѣ и Литвѣ. Въ этой запискѣ указывалось, что въ Полоцкѣ и Витебскѣ ни въ одной церкви не дозволялось совершать богослуженія, а священниковъ, какъ только покажутся въ городѣ, сажаютъ въ тюрьмы; дѣти умираютъ безъ крещенія, люди живутъ безъ вѣнчанія и отходятъ на тотъ свѣтъ безъ исповѣди и св. причастія, а полоцкій владыка (Кунцевичъ) приказывалъ выкапывать изъ земли погребенныхъ на кладбищѣ и бросать на съѣденіе собакамъ. «Ксендзъ митрополитъ Рутскій въ Вильнѣ взялъ подъ арестъ виленскихъ предмѣщанъ, и они до сихъ поръ сидятъ за порукою подъ слѣдствіемъ. Въ Вильнѣ и Полоцкѣ выгнали изъ урядовъ и радъ мѣщанъ греческой религіи и лишаютъ ихъ тѣхъ правъ, какими они до сихъ поръ пользовались. Уряды

не хотятъ даже принимать просьбъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ людямъ греческой вѣры отъ отступниковъ, а между тѣмъ безпокоятъ мандатами и тянутъ въ суды шляхту, которая скрываетъ у себя священниковъ греческой вѣры. Въ Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Дриссѣ и другихъ литовскихъ городахъ Полоцкой епархіи отступникъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и много убійствъ учинилъ надъ людьми. Въ Пинскѣ и во всей Пинской епархіи отступникъ Шаховскій отнялъ церкви на унію и людей насилуетъ... Въ Кременцѣ, Брестѣ и другихъ городахъ епархіи Владимірской, въ Бускѣ, Бельзѣ, Сокалѣ, Красноставѣ холмскій отступникъ Пакоста, въ Ярославѣ отступникъ Крупецкій, также въ Перемышлѣ отнимаютъ церкви, мучатъ поповъ и людей», и проч. [345]). Но записка эта не имѣла успѣха: гоненіе на православныхъ продолжалось до конца царствованія Сигизмунда III. Преемникъ Іосафата Кунцевича, полоцкій уніатскій архіепископъ Антоній Селява, зорко слѣдилъ за православными архипастырями, построеніемъ православныхъ храмовъ и совершеніемъ православнаго богослуженія въ предѣлахъ своей епархіи и выпрашивалъ у короля грозные указы противъ православныхъ [346]).

Всѣ эти гоненія на православную церковь, напоминающія собою гоненія языческихъ римскихъ императоровъ на христіанъ въ первые вѣка христіанства, не могли не отозваться печальнымъ образомъ на положеніи западно-русской православной церкви. Прежде всего они произвели значительное опустошеніе въ ея священноначаліи. Съ совращеніемъ большинства западно-русскихъ іерарховъ въ унію, на сторонѣ православія остались только епископы: львовскій Гедеонъ Балабанъ, съ званіемъ экзарха константинопольскаго патріарха, и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій. Они рукополагали священниковъ не только въ свои епархіи, но и въ сосѣднія. Вѣдѣнію владыки Гедеона Балабана подлежала и вся нынѣшняя сѣверо-западная Россія, куда онъ рукополагалъ священниковъ, напр. въ Виленское братство, и посылалъ пастырскія грамоты подвизавшимся за православіе. Одна изъ такихъ грамотъ, писанная въ 1605 году къ Могилевскому братству, сохранилась и до настоящаго времени. Но въ 1607 году скончался Гедеонъ Балабанъ, а въ 1612 году и Михаилъ Копыстенскій,—и на всю западно-русскую церковь остался одинъ только львовскій епископъ, преемникъ Балабана, Іеремія Тиссаровскій, который не могъ удовлетворять всѣмъ нуждамъ православной западно-русской церкви. Но въ такихъ затруднительныхъ обстоятель-

ствахъ ея выступаетъ на защиту вѣры и церкви православной сам литовско-русское православное населеніе, беретъ на себя, по требованію обстоятельствъ времени, руководительство дѣлами вѣры и церкви и пріобрѣтаетъ исключительное, небывалое дотолѣ, церковно-общественное значеніе и вліяніе. Совокупными силами, или же поочередно, выступаютъ на защиту православія и русской народности высшее сословіе и дворяне, не преклонившіе еще колѣнъ своихъ предъ папою, церковныя братства, состоявшія изъ вельможъ, дворянъ, духовенства и особенно мѣщанства, и наконецъ низшее сословіе въ лицѣ казачества, и съ честію отстаиваютъ свою вѣру и народность до тѣхъ поръ, пока не оправилось Русское государство и не возобновило своего заступничества за своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Самыми главными и естественными защитниками православія и русской народности въ Литвѣ являются литовско-русскіе православные вельможи и дворяне, имѣвшіе широкія права въ своихъ поземельныхъ населенныхъ имѣніяхъ и принимавшіе участіе въ управленіи государствомъ и внѣшней защитѣ его. Тотчасъ послѣ люблинской государственной уніи 1569 года, въ сѣверо-западной Руси встрѣчается множество православныхъ храмовъ и монастырей, устрояемыхъ и покровительствуемыхъ князьями и вельможами Олельковичами, Острожскими, Массальскими, Вишневецкими, Капустами, Огинскими, Хрептовичами, Солтанами, Сапѣгами, Ходкевичами, Верещаками и многими другими [347]). По обстоятельствамъ времени, требовавшимъ обновленія и оживленія православной церкви, могущественные покровители ея изъ вельможъ устрояли при своихъ церквахъ монастыри, какъ болѣе устойчивыя сообщества духовныхъ лицъ монашествующихъ, богадѣльни, школы и книгопечатни, и даже сами собственноручно переписывали церковно-славянскія богослужебныя книги и передавали ихъ покровительствуемымъ ими церквамъ. Такъ напр., въ 1570 году князь К. К. Острожскій основалъ, недалеко отъ Пинска, Дятеловецкій монастырь съ госпиталемъ [348]), а въ 1572 году записалъ свою землю въ Туровѣ на содержаніе Туровской школы [349]). Подобная школа основана была и въ Слуцкѣ князьями Олельковичами. Въ 1581 году іезуитъ Антоній Поссевинъ жаловался папѣ, что «нѣкоторые русскіе князья, каковы: Острожскій, Слуцкій, имѣютъ свои училища, въ которыхъ питается ихъ расколъ» (т. е. православіе) [350]). Вѣроятно, изъ Слуцкой школы

Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный,

царь московскій.

вышелъ извѣстный впослѣдствіи времени защитникъ православія, слуцкій протоіерей Андрей Мужиловскій. Въ 1584 году слуцкій князь Юрій Олельковичъ пожертвовалъ Слуцкому Троицкому монастырю собственноручно переписанное имъ четвероевангеліе, въ серебряномъ окладѣ [351]).

Покровительствуя православію въ своихъ владѣніяхъ, православные князья и вельможи принимали участіе и въ общецерковныхъ дѣлахъ. Когда огласились переговоры русскихъ архіереевъ съ польскимъ правительствомъ насчетъ уніи, то князь К. К. Острожскій издалъ окружное воззваніе къ православнымъ жителямъ Литвы и Польши, духовнымъ и свѣтскимъ, и убѣждалъ всѣхъ и каждаго твердо стоять за отеческую вѣру противъ отступниковъ и предателей и общими силами противиться ихъ злымъ замысламъ, а на брестскомъ соборѣ 1596 года самъ лично присутствовалъ съ сыномъ своимъ Александромъ, государственными сановниками, дворянами, мѣщанами, многочисленными послами отъ всѣхъ почти западно-русскихъ земель, воеводствъ и повѣтовъ и представителями церковныхъ братствъ и городскихъ общинъ, и рѣшительно возсталъ противъ уніи [352]). Не успѣвъ предотвратить ея, князь К. К. Острожскій старался, по крайней мѣрѣ, упреждать настоятельныя нужды православныхъ, лишившихся своихъ пастырей, и съ 1599 года постоянно содержалъ въ Степанскомъ монастырѣ своемъ, на сѣверѣ Волыни, православныхъ греческихъ и югославянскихъ митрополитовъ и епископовъ, которые удовлетворяли духовнымъ нуждамъ окрестнаго православнаго населенія. Для большаго успѣха въ самозащитѣ отъ насилій католиковъ и уніатовъ, тотъ же князь К. К. Острожскій съ сыномъ Александромъ устроилъ въ маѣ 1599 года въ Вильнѣ общій съѣздъ православныхъ и протестантовъ и пытался заключить между ними союзъ ко взаимной оборонѣ противъ католиковъ, хотя попытка эта и не имѣла послѣдствій [353]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого съѣзда, въ томъ же году на полоцкомъ сеймикѣ, подъ предсѣдательствомъ полоцкаго подвоеводы Боркулаба-Корсака, составленъ былъ протестъ противъ уніи, на которомъ подписались и приложили печати болѣе 80 лицъ православной бѣлорусской шляхты [354]). Подобные протесты повторялись и на другихъ дворянскихъ съѣздахъ. Въ 1607 году на съѣздѣ подъ Сендомиромъ дворянство постановило просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, принявшіе унію, были лишены должно-

стей и чтобы на будущее время іерархическія должности и церковныя имѣнія раздаваемы были только православнымъ. Король, напуганный возмущеніемъ противъ него Зебжидовскаго, обѣщалъ православнымъ свободу вѣры, но уніатскіе епископы сохранили свои должности. Въ постановленія варшавскаго сейма 1607 года была внесена даже осо-

Іосифъ Вельяминъ-Рутскій,
уніатскій митрополитъ.

бая статья «о вѣрѣ греческой». Король обѣщался не нарушать правъ русскаго народа въ отношеніи къ вѣрѣ и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ. Православнымъ братствамъ подтверждались всѣ ихъ права и преимущества. На сеймѣ 1609 года это постановленіе было вновь подтверждено, съ запрещеніемъ уніатамъ

насильно обращать въ унію православныхъ мірянъ и духовныхъ. Но постановленія эти остались только на бумагѣ. Послѣ того дворянство посылало почти на каждый сеймъ просьбы и поручало своимъ посламъ лично ходатайствовать о возстановленіи правъ православной церкви; но его просьбы и ходатайства оставлялись безъ вниманія [355]).

Съ теченіемъ времени ряды православныхъ князей, вельможъ и дворянъ въ Литовскомъ государствѣ начали значительно рѣдѣть: нѣкоторые роды или вѣтви ихъ вымерли, а другіе совращены были, преимущественно іезуитами, въ католичество. Такъ, совершенно прекратились роды знаменитыхъ нѣкогда защитниковъ православія князей Олельковичей и Острожскихъ. Изъ дѣтей Юрія Юрьевича Олельковича Слуцкаго два сына Иванъ-Симеонъ и Александръ совращены были въ католичество и только третій Юрій оставался вѣрнымъ православію; но и онъ рано скончался († 1578 г.), оставивъ послѣ себя дочь Софію, которая выдана была замужъ за князя Януша Радивила и нынѣ нетлѣнно почиваетъ въ Троицкомъ Слуцкомъ монастырѣ [356]). Въ началѣ XVII вѣка пресѣкся и родъ князей Острожскихъ. Константинъ Константиновичъ Острожскій имѣлъ троихъ сыновей, изъ коихъ двое Константинъ († 1595 г.) и Александръ († 1603 г.) умерли еще при жизни отца, скончавшагося въ 1608 году, а третій, Янушъ, совращенъ былъ въ католичество и умеръ въ 1620 году, не оставивъ мужскаго потомства [357]). Къ 1610 году католичество произвело уже страшное опустошеніе въ рядахъ православныхъ вельможъ и дворянъ. Въ своемъ сочиненіи «Ѳриносъ» (Плачъ), вышедшемъ въ 1610 году, Мелетій Смотрицкій, оплакивая отъ лица православной церкви погибель въ латинствѣ лучшихъ родовъ западно-русскихъ, писалъ слѣдующее: «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ, въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Каширскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго всему міру силою

и могуществомъ народа русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Чолненскіе, Калиновскіе, Кирдѣи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи и другіе?.. Вы, злые люди, (своею измѣною) обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго однако вы всѣ вышли!» [358]).

Нужно, однакоже, замѣтить, что и въ это тяжелое для православной западно-русской церкви время далеко не всѣ литовско-русскіе князья, вельможи и дворяне отступились отъ нея и перешли въ католичество. Оставались въ православіи еще цѣлыя фамиліи или, по крайней мѣрѣ, вѣтви ихъ, какъ напримѣръ: Друцкіе-Горскіе, Корибуты-Вишневецкіе, Огинскіе, Соломерецкіе, Ходкевичи, Тышкевичи, Корсаки, Скумины, Володковичи, Сурины, Гарабурды, Воловичи, Войны, Зеновичи, Суходольскіе, Стабровскіе, Селицкіе, Селявы, Стеткевичи, Унѣховскіе, Долматы, Каменскіе, Копти, Мирскіе, Ставицкіе, Стоцкіе, Абрамовичи и многіе другіе [359]), которые поддерживали православіе зависѣвшими отъ нихъ средствами въ XVII и даже отчасти въ XVIII вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Сигизмунда III, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ основаны были православными вельможами и дворянами слѣдующіе православные монастыри: Грозовскій Іоанно-Богословскій, Минской губерніи, въ 1600 году—Мартиномъ Володковичемъ; Новодворскій монастырь, Минской губерніи, около 1608 года—Григоріемъ Володковичемъ при церкви, въ которой находилась чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданію, св. Петромъ, митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, на Волыни, въ устроенномъ имъ монастырѣ на урочищѣ Новомъ Дворѣ [360]); въ Брагинѣ Ключѣ, Минской губерніи, мужской и женскій монастыри въ 1609 году—княземъ Адамомъ Корибутомъ-Вишневецкимъ и женой его Александрой Ходкевичъ [361]); въ Пинскѣ Полозовскій монастырь, около 1614 года,—Гарабурдою [362]); Ціперскій монастырь, Минской губерніи, въ 1618 году—К. Б. Далматомъ [663]); въ Минскѣ Петропавловскій женскій монастырь около 1618 года—Анною Стеткевичъ, урожденною княжною Огинскою [364]); въ Могилевѣ Богоявленскій монастырь со школами, въ 1618—1619 г.г.,—княземъ Иваномъ Богдановичемъ Огинскимъ [365]); Евейскій монастырь, Виленской губерніи, въ

1619 г.,—Богданомъ и Анной Огинскими [366]); Дятловицкій монастырь, Минской губерніи, въ 1622 г.—К. Б. Долматомъ [367]); Борколабовскій женскій монастырь, Могилевской губерніи, въ 1626 г.,—Богданомъ Соломерецкимъ и Богданомъ Стеткевичемъ, по завѣщанію жены послѣдняго, урожденной княжны Соломерецкой [368]); Кронскій монастырь, Виленской губ., въ 1626 году,—женой Богдана Огинскаго, Раиной [369]); Тупичевскій монастырь съ иконою Богоматери, Могилевской губерніи, около 1626 года,—К. И. Маскевичемъ [370]); Оршанскій Кутеинскій Богоявленскій мужской монастырь, Могилевской губерніи, начатый уже въ 1627 году,—Богданомъ Стеткевичемъ-Заверскимъ [371]); Купятицкій монастырь, Минской губерніи, въ 1628 году,—Аполлоніей Воловичевной Войною и сыномъ ея, Василіемъ Коптемъ [372]); Бѣлковскій монастырь, Могилевской губерніи, въ 1630 году,—Яномъ Стеткевичемъ-Заверскимъ и женой его Анной [373]); Оршанскій Кутеинскій женскій монастырь въ томъ же году—Богданомъ Стеткевичемъ-Заверскимъ и матерью его Еленой Богдановной, урожденной княжной Огинской [374]); въ Сельцѣ, Минской губерніи, Воскресенскій монастырь, переведенный сюда изъ Логойска Юріемъ Тышкевичемъ и женой его Анной Унѣховской въ 1631 году [375]).

Не довольствуясь единоличною дѣятельностію на пользу и въ защиту православія, литовско-русскіе православные вельможи и дворяне съ конца XVI вѣка пристаютъ также къ церковнымъ братствамъ, которыя съ этого времени постепенно преобразуются изъ благотворительныхъ въ церковно-оборонительныя и просвѣтительныя общества и чрезвычайно размножаются.

Важнѣйшимъ церковнымъ братствомъ въ сѣверо-западной Руси было братство Виленское, учрежденное по образцу Львовскаго. Уставъ послѣдняго утвержденъ былъ въ 1586 году пріѣзжавшимъ во Львовъ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который далъ братству широкія права и полномочія, даже право нѣкотораго надзора за мѣстными епископами. Права братства подтвердилъ и цареградскій патріархъ Іеремія, дважды проѣздомъ посѣтившій сѣверо-западную Русь въ 1588 и 1589 годахъ. Онъ даровалъ право ставропигіи братствамъ Львовскому и Виленскому, то-есть изъялъ ихъ совершенно изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ, и изрекъ свое неблагословеніе на всякаго, кто бы дерзнулъ разорять братство, или клеветать на него, или вносить въ него несогласіе и

раздоръ, будетъ ли то архіепископъ, или епископъ, или кто-либо иной изъ духовенства. Виленскому братству, основанному еще въ 1584 году, благословлялось имѣть въ своемъ дому братскую школу языка греческаго, латинскаго и русскаго, а также книгопечатню. Первоначально оно основалось при Свято-Троицкомъ монастырѣ и открыло братскую школу,

Слуцкій князь Юрій Олельковичъ.

въ которой ученые люди, вызванные братствомъ, стали преподавать языки греческій, латинскій, русскій и польскій. Изъ Львова явился учитель Кириллъ, изъ Бреста, гдѣ тоже были учреждены братство и школа, другіе преподаватели [376]). Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые западно-русскіе епископы и съ ними митрополитъ согласились на унію, то это произвело въ Вильнѣ страшное волненіе. Учитель братской школы

и проповѣдникъ, Стефанъ Зизаній, перешедшій въ Вильну изъ Львова, съ пламенною ревностію возбуждалъ православныхъ къ защитѣ вѣры. Митрополитъ грозилъ братству и особенно Зизанію духовнымъ судомъ и дѣйствительно созвалъ въ Новгородкѣ соборъ или лучше «нѣкое смятеніе», на которомъ Зизаній былъ осужденъ вмѣстѣ съ двумя братскими священниками. Король утвердилъ такое осужденіе; но другіе члены братства обратились съ жалобой въ трибунальный судъ, который призналъ митрополита превысившимъ свою власть, а слѣдовательно, косвенно осудилъ и самого короля, утвердившаго приговоръ митрополита. Тѣмъ не менѣе, послѣдній успѣлъ вытѣснить Зизанія изъ Вильны и овладѣть Троицкимъ монастыремъ. Тогда православное братство переселилось въ 1609 году въ Виленскій Свято-Духовскій монастырь, который начатъ постройкою еще въ 1592 году, и здѣсь продолжало мужественную защиту православія и борьбу съ католиками и уніатами. Первымъ настоятелемъ Свято-Духовскаго монастыря и начальникомъ православной братской школы былъ Леонтій Карповичъ, отъ котораго осталось нѣсколько печатныхъ проповѣдей, а преемникомъ его — даровитый и получившій блестящее по тому времени образованіе Мелетій Смотрицкій, впослѣдствіи православный архіепископъ полоцкій. При нихъ Свято-Духовскій монастырь и братство, не смотря на усиливавшіяся гоненія со стороны польско-католиковъ и уніатовъ, находились въ цвѣтущемъ состояніи и имѣли огромное значеніе въ краѣ и во всей западно-русской церкви. Изъ братской книгопечатни вышелъ цѣлый рядъ книгъ на защиту православія и въ обличеніе уніи и въ числѣ ихъ проповѣди Зизанія, «Апокрисисъ» Филалета 1597 года, «Ѳриносъ или плачъ восточной церкви на отступленіе нѣкоторыхъ сыновъ ея отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху константинопольскому», Мелетія Смотрицкаго, 1610 года, и др. Когда же за послѣднее изданіе братская книгопечатня запечатана была въ 1610 году по королевскому приказанію; то печатаніе богослужебныхъ и поучительныхъ книгъ перенесено было въ 1611 году въ мѣстечко Евье, Трокскаго уѣзда, въ имѣніе князя Богдана Огинскаго, гдѣ имъ основанъ былъ въ 1619 году православный Евейскій монастырь, зависѣвшій отъ Свято-Духовскаго. Но съ 1621 года книгопечатаніе возобновляется и при Свято-Духовскомъ монастырѣ. Кромѣ Евейскаго, Свято-Духовскому монастырю подчинены были и другіе монастыри ихъ основателями и благотворителями, какъ напр. Минскій Петропавловскій

мужской, съ состоявшимъ при немъ женскимъ монастыремъ, Ц еперскій, Слуцкій, Троцкій, Брагино-Селецкій, Кронскій, Купятицкій и др. [377]). Надобно полагать, что, какъ въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ, такъ и въ зависѣвшихъ отъ него монастыряхъ соблюдался одинаковый уставъ монашескаго общежитія. О третьемъ настоятелѣ Свято-Духовскаго монастыря и начальникѣ братскихъ школъ, Іосифѣ Бобриковичѣ, извѣстно, что онъ жилъ нѣкоторое время въ Угорницкой обители, въ нынѣшней Галиціи, у аѳонскаго подвижника, Іова Княгининскаго, для изученія монашескаго общежитія по чину св. Василія Великаго [378]).

Кромѣ Виленскаго братства, патріархъ Іеремія благословилъ еще въ литовскихъ странахъ братства Могилевское [379]), Бѣльское [380]) и, можетъ быть, Оршанское Рождество-Богородичное, извѣстное уже въ 1599 г. [381]). Извѣстны также братства: Мстиславское [382]), Слонимское Преображенское XVI в. [383]), Брестское съ 1590—91 гг. [384]), Слуцкое Преображенское [385]), Кричевское съ 1599 г. [386]), Минское Петропавловское съ 1612 года [387]), Полоцкое [388]), Витебское Никольское около половины XVII вѣка [389]), Шкловское [390]) и многія другія. Всѣ почти они въ большей или меньшей мѣрѣ зависѣли отъ Виленскаго Свято-Духовскаго братства и перенимали его порядки. Важнѣйшими изъ нихъ были братства Могилевское, Минское и Слуцкое.

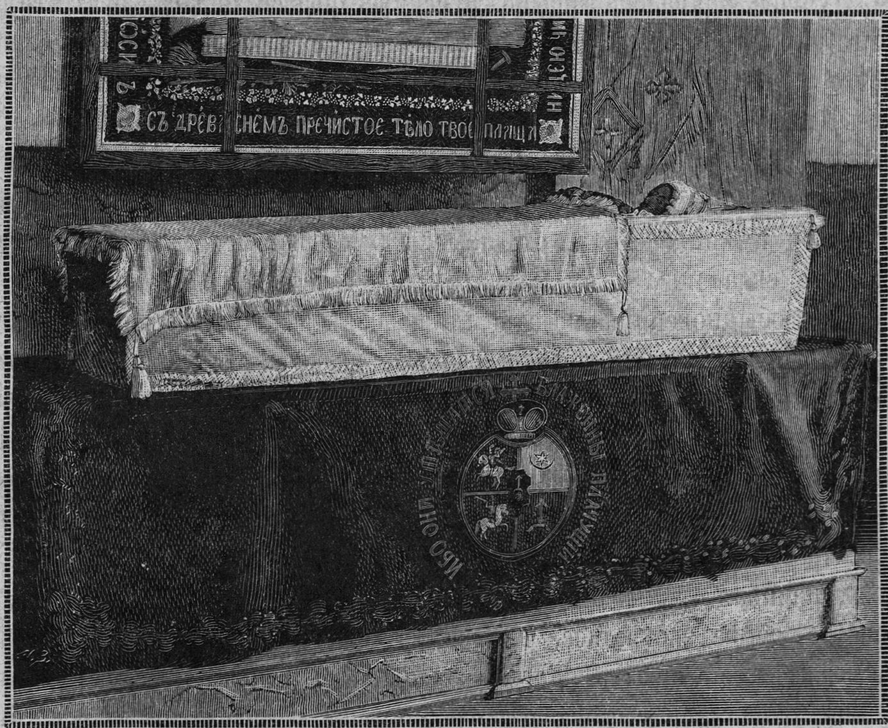
Въ Могилевѣ братство существовало уже въ 1578 году при церкви Входа Господня во Іерусалимъ и содержало въ это время школу [391]). Въ 1589 году оно получило благословенную грамоту отъ константинопольскаго патріарха Іереміи и основалось при Могилевскомъ Спасскомъ монастырѣ, который въ 1590 году уступилъ могилевскимъ мѣщанамъ полоцкій православный архіепископъ Аѳанасій Терлецкій. Въ этомъ году въ монастырѣ находилась уже мѣстно чтимая икона Богоматери [392]). О дѣятельности Могилевскаго братства на пользу православія въ началѣ XVII вѣка свидѣтельствуетъ львовскій православный епископъ Гедеонъ Балабанъ, который въ посланіи своемъ къ братчикамъ отъ 25 августа 1605 года писалъ слѣдующее: «Поэтому и воинъ не во время мира и домашнихъ занятій познается, но во время рати, а кормчій на морѣ показываетъ свое искусство не во время тишины и благопріятнаго вѣтра, но во время бушеванія морскихъ и противныхъ вѣтровъ, когда спасаетъ себя самаго и находящихся съ нимъ въ кораблѣ. Такъ и вѣра и твердость истинныхъ христіанъ обнаруживаются во время возстанія многихъ

напастей и соблазновъ [393]). Есть основаніе полагать, что при Могилевскомъ братствѣ заведена была и славяно-русская книгопечатня. По словамъ нѣкоторыхъ знатоковъ старопечатныхъ славяно-русскихъ книгъ, въ Могилевѣ напечатанъ былъ въ 1616 году служебникъ, вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1617 году [394]). За то, что въ 1619 году могилевцы не пустили въ свой городъ уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, послѣдній, по распоряженію короля, отобралъ у православныхъ всѣ могилевскія церкви и Спасскій монастырь. Тогда члены братства и иноки, купивъ мѣсто для постройки церкви съ монастыремъ, просили Виленское Свято-Духовское братство убѣдить члена его, князя Ивана Богдановича Огинскаго, взять это мѣсто на свое шляхетское имя и записать вкладомъ, отъ собственнаго лица, на имя Виленскаго Свято-Духовскаго братства. Послѣднее съ удовольствіемъ исполнило это порученіе и 29 мая 1619 года, посылая могилевскимъ братчикамъ копію съ крѣпостнаго документа на передачу означеннаго мѣста Свято-Духовскому братству, просило и убѣждало ихъ пребывать непоколебимыми въ православной вѣрѣ, запечатлѣнной кровію мучениковъ, и переносить за нее всякія скорби, лишенія и бѣдствія, съ надеждою на Христа Спасителя [395]). Братство продолжало содержать школу, въ которой преподавали два учителя и одинъ помощникъ ихъ [396]). Когда же, по поводу убіенія Іосафата Кунцевича, усилилось гоненіе на православныхъ и въ частности на Могилевъ, то православные могилевцы, по свидѣтельству полоцкаго уніатскаго архіепископа Антонія Селявы, купили, совмѣстно съ оршанскими мѣщанами, имѣніе близъ Орши на имя Богдана Стеткевича и жены его Елены Соломерецкой и около 1627 года построили здѣсь Богоявленскій Оршанскій Кутеинскій монастырь, куда перенесли изъ оршанскихъ церквей всю церковную утварь [397]).

Въ Минскѣ еще подъ 1600 годомъ упоминаются два госпитальныхъ братства [398]). Въ 1612 году православные обыватели Минскаго и другихъ воеводствъ устроили при Минскомъ Петропавловскомъ монастырѣ братство, по примѣру Виленскаго, и при немъ училище для образованія православнаго юношества, съ тѣмъ, чтобы монастырь навсегда оставался въ православіи и послушаніи константинопольскому патріарху и для этой цѣли состоялъ въ вѣдѣніи Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря. Не смотря на противодѣйствіе уніатскаго митрополита Іосифа Рутскаго и козни минскаго уніатскаго духовенства, Петропав-

ловскій монастырь получилъ, по ходатайству своихъ ктиторовъ и потомъ кіевскихъ православныхъ митрополитовъ, грамоты отъ польскихъ королей, утверждавшія его безопасность отъ враговъ православія и давшія ему право обезпечить свое существованіе значительными пожертвованіями со стороны ревнителей православія [399]).

Въ Слуцкѣ братство учреждено было при Преображенскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1600 году, и, вмѣстѣ съ нимъ, находилось

Гробница Софіи Юрьевны Олельковны по мужу Радивилъ, нетлѣнно почивающей въ Слуцкомъ Троицкомъ монастырѣ.

въ вѣдѣніи Слуцкаго Троицкаго монастыря, который сначала зависѣлъ отъ Виленскаго Свято-Духовскаго братства, а потомъ сталъ правительственнымъ средоточіемъ духовнаго управленія въ части Бѣлоруссіи, подвѣдомой кіевскому митрополиту. Кромѣ Преображенскаго, Слуцкому Троицкому монастырю подвѣдомы были монастыри: Старчицкій Петропавловскій, два Грозовскихъ, Мороцкій Успенскій женскій, Слуцкій Ильинскій, Заблудовскій Успенскій и другіе. Около 1610 года

мѣстный владѣлецъ князь Янушъ VI Христофоровичъ Радивилъ дозволилъ учредить въ Слуцкѣ православное братство при церкви Преображенія Господня. Въ 1625 году князь Христофоръ II Радивилъ, братъ Януша, просилъ кіевскаго православнаго митрополита Іова Борецкаго прислать ему русскаго учителя для русскихъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что не нашелъ такого. «Впрочемъ, —писалъ онъ,—въ Слуцкѣ нѣтъ недостатка въ ученыхъ людяхъ, знающихъ по-русски» [400]).

Лучшей похвалой западно-русскимъ православнымъ братствамъ этого времени можетъ служить отзывъ о нихъ самихъ уніатовъ, которые въ 1624 году доносили въ Римъ слѣдующее: «Подъ предлогомъ благочестивыхъ дѣлъ, они (т. е. православные) во всѣхъ городахъ составили братства, сложили свои законы, сдѣлали оффиціальныхъ чиновниковъ. Первоначально они наложили общую подать на всѣ свои имѣнія, потомъ, сходясь между собою еженедѣльно, дѣлаютъ частную складчину и, въ случаѣ крайней необходимости, назначаютъ и сверхъобыкновенную подать; въ проповѣдяхъ съ каѳедры проповѣдуютъ народу давать столько, сколько назначаютъ совѣтники; многихъ убѣждаютъ къ этому, а членовъ братства обязываютъ. Цифра этихъ приношеній бываетъ такъ велика, что одно Виленское братство, глава другихъ, отъ начала уніи, для противодѣйствія ей, употребило до сихъ поръ, по его словамъ, 200,000 злотыхъ... Такія братства чрезвычайно умножались по всѣмъ меньшимъ городамъ, и теперь, начиная отъ Кіева, образовывали какъ бы какое-то новое государство, самое зловредное, что́ чрезвычайно смущаетъ насъ и сильно тревожитъ государство. Когда назначаются общіе государственные сеймы, они тайно составляютъ свои сходки и, собравши деньги, отправляютъ письма и выборныхъ съ жалобою и бранью противъ насъ по всѣмъ частнымъ дворянскимъ сеймикамъ, которые шестью недѣлями предшествуютъ сеймамъ... Этотъ родъ противодѣйствія уніи приноситъ намъ величайшій вредъ. Правда, что въ братствахъ участвуютъ лица болѣе низшихъ сословій, но они имѣютъ возможность собирать огромныя деньги, и все имъ повинуется; на своей сторонѣ они имѣютъ многочисленныхъ дворянъ. Притомъ же братства существуютъ въ городахъ, гдѣ наши каѳедральныя церкви. Здѣсь живутъ одни горожане, занимающіеся торговлею, разными ремеслами: при ихъ содѣйствіи, они наносятъ намъ чрезвычайный вредъ. Посылая многочисленныхъ

молодыхъ купцовъ во всѣ части великаго княжества Литовскаго, они переманиваютъ отъ насъ клиръ и дѣлаютъ это не только въ Вильнѣ, но, съ непостижимою быстротою, по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ». Въ противодѣйствіе православнымъ братствамъ, уніаты пытались создать свои уніатскія братства, которыя однакоже всегда были безсильны нравственно, отличались рабскимъ направленіемъ и не занимались усердно дѣлами вѣры [401]).

Въ то время, какъ православное духовенство, дворяне и мѣщане напрягали и истощали свои силы въ борьбѣ съ католичествомъ и уніей, соединившись въ братства,—на защиту православія выступаетъ еще одно сословіе—казаки, представлявшіе изъ себя ту военную силу, которой лишены были другія сословія и безъ которой нравственная сила братствъ, среди преслѣдованія, могла ослабѣть и погибнуть въ неравной борьбѣ съ противниками [402]). Первоначально украинское казачество возникло подъ вліяніемъ борьбы съ татарами и получаетъ извѣстность въ первой четверти XVI вѣка, а въ 60-хъ годахъ XVI вѣка получаетъ начало и знаменитая Сѣчь Запорожская. Поставляя главною своею задачею борьбу съ невѣрными и защиту южной Руси отъ ихъ набѣговъ, украинское казачество, набиравшееся преимущественно изъ людей, чѣмъ-либо обездоленныхъ, съ конца XVI вѣка начинаетъ заступаться и за простой русскій народъ, все болѣе и болѣе угнетаемый панскимъ произволомъ, и за исповѣдуемую этимъ народомъ православную вѣру. Главнымъ поприщемъ дѣятельности украинскихъ казаковъ была собственно южная Русь или Малороссія, но нерѣдко они вторгались и въ нынѣшнюю Бѣлоруссію, особенно въ южные малорусскіе ея уѣзды, и во всякомъ случаѣ своими успѣхами или неудачами оказывали рѣшающее вліяніе на историческія судьбы Бѣлоруссіи и Литвы.

Первое вторженіе казаковъ въ Бѣлоруссію произошло во время казацкаго возстанія Наливайка и Лободы и совпало со введеніемъ вѣроисповѣдной уніи въ русскихъ областяхъ Польши. Наливайко былъ уроженецъ города Острога на Волыни и состоялъ на службѣ у князя Острожскаго. Когда владѣлецъ мѣстечка Гусятина Калиновскій отнялъ у Наливайкова отца земельный участокъ и нанесъ ему смертельные побои,— Наливайко, ожесточившись противъ панскаго произвола, сдѣлался непримиримымъ врагомъ всего панства и шляхетства, сблизился и подружился

съ казацкимъ гетманомъ Лободою и въ 1595 году поднялъ открытое возстаніе противъ Польши. Пользуясь раздраженіемъ православнаго народа противъ гнета помѣщиковъ и противъ затѣвавшейся церковной уніи, Наливайко набралъ на Волыни значительное ополченіе и двинулся съ нимъ на сѣверъ въ Бѣлоруссію, гдѣ приставали къ нему новыя толпы панскихъ хлоповъ. Наливайко напалъ на Слуцкъ и такъ неожиданно, что владѣлецъ Слуцка Іеронимъ Ходкевичъ не успѣлъ принять мѣръ къ оборонѣ. Наливайко овладѣлъ городомъ, взялъ съ мѣщанъ 5,000 копъ литовскихъ, забралъ въ замкѣ огнестрѣльное оружіе и повернулъ къ Могилеву, который взялъ 30 ноября 1595 года приступомъ. Но тутъ онъ застигнутъ былъ литовскимъ гетманомъ Христофоромъ Радивиломъ, который осадилъ Наливайка въ Могилевѣ. Въ городѣ произошелъ пожаръ, произведенный шляхтой или могилевскими мѣщанами, чтобы погубить въ немъ казаковъ или заставить ихъ выйти изъ города. Оставивъ городъ, Наливайко уклонился отъ столкновенія съ литовскимъ гетманомъ и ушелъ въ Рѣчицу, потомъ взялъ Пинскъ, забралъ ризницу и бумаги пинскаго владыки, бывшаго въ числѣ виновниковъ уніи, ограбилъ имѣнія Яроша Терлецкаго, брата луцкаго владыки, въ отместку за унію, и сталъ у Острополя. Одновременно съ нимъ ходилъ по Бѣлоруссіи другой предводитель казацкой ватаги, Савула. Въ послѣдствіи времени казаки, стѣсненные королевскимъ войскомъ близъ города Лубенъ, въ нынѣшней Полтавской губерніи, выдали полякамъ Наливайку, который казненъ былъ въ Варшавѣ мучительною смертію. Около 1602 года другой предводитель казаковъ, Дубина, ходилъ по Бѣлоруссіи и пойманъ былъ въ Витебскѣ.

Возрастанію казачества значительно помогли украинскіе вельможи Вишневецкіе, Рожинскіе, Сапѣги, Зборовскіе и другіе и даже самъ Сигизмундъ III, набиравшіе и выводившіе толпы своевольныхъ казаковъ въ Московское государство. Но, размножившись, казаки усилили свои нападенія на татаръ и турокъ и вызывали постоянныя жалобы послѣднихъ на Польское государство, а потомъ обратили свое оружіе и противъ самихъ поляковъ и особенно противъ шляхетства [403]). Около 1618 года какой-то полковникъ казацкій, Сумма, ходилъ со своими казацкими шайками по Бѣлоруссіи и былъ недалеко отъ Могилева, чѣмъ и воспользовались могилевцы и не пустили къ себѣ уніатскаго архіепископа Кунцевича, направивъ противъ него городскія пушки и объясняя

впослѣдствіи, что пушки поставлены были на валахъ изъ боязни нападенія Суммы. Послѣ неудачнаго похода польскаго королевича Владислава на Россію въ 1618 и 1619 годахъ, казаки, подъ вліяніемъ своего гетмана Сагайдачнаго, торжественно сознались въ своемъ грѣхѣ, что воевали противъ русскихъ, и получили прощеніе отъ бывшаго тогда въ

Богданъ Стеткевичъ,

ревнитель православія.

Россіи и въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана[404]). Въ это время Польша вела войну съ Турціей и, проигравъ сраженіе подъ Цецорою, готовилась къ новому походу противъ турокъ и потому нуждалась въ помощи казаковъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался гетманъ Са-

гайдачный и упросилъ проѣзжавшаго черезъ Кіевъ патріарха Ѳеофана поставить православнаго митрополита и епископовъ на всѣ русскія епархіи въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Патріархъ исполнилъ его просьбу и въ 1620 и 1621 годахъ посвятилъ въ кіевскіе митрополиты Іова Борецкаго, въ епископы: Исаію Копинскаго въ Перемышль, Мелетія Смотрицкаго въ Полоцкъ съ званіемъ архіепископа, Іезекіиля Курцевича во Владиміръ-Волынскій и Брестъ, Исаакія Борисковича въ Луцкъ и Острогъ, Паисія Ипполитовича въ Холмъ и Белзъ, а на туровскую и пинскую каѳедру назначилъ греческаго стагонскаго епископа Авраамія. Почти одновременно съ рукоположеніемъ первыхъ двухъ іерарховъ, на варшавскомъ сеймѣ 1620 года членъ Виленскаго братства, чашникъ Волынской земли, Древинскій, сказалъ рѣчь, въ которой яркими красками изобразилъ страданія православныхъ. По настоянію его и другихъ православныхъ пословъ и особенно казаковъ, Сигизмундъ III подтвердилъ сеймовое постановленіе 1607 года, которымъ запрещалось преслѣдованіе православныхъ и предоставлялась имъ полная свобода въ отправленіи богослуженія, но разсмотрѣніе жалобъ православныхъ на обиды отъ уніатовъ, по недостатку будто бы времени, отложилъ до будущаго сейма.

Повидимому, православная церковь въ Литвѣ была обезпечена въ своемъ существованіи и правахъ. Мелетій Смотрицкій, воротившись изъ Кіева въ Вильну въ санѣ полоцкаго архіепископа, поселился въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, въ качествѣ его настоятеля, и отсюда сталъ писать горячія посланія въ обличеніе уніатовъ и защиту православія, которыя быстро распространялись по всей Литвѣ и сильно волновали умы. Въ Витебскѣ, Мстиславлѣ и Полоцкѣ поднялось движеніе, составлялись приговоры и рѣшенія въ пользу православія и противъ уніи. Такъ, напр., жители Витебска заявляли, что они не хотятъ знать уніатскаго епископа (Кунцевича) и будутъ признавать своимъ епископомъ Смотрицкаго. Поляки и уніаты сильно встревожены были этимъ движеніемъ въ пользу православія. Въ февралѣ 1621 г. уніатскій митрополитъ Рутскій выпросилъ у короля грамоты, которыми повелѣвалось схватить всѣхъ новопоставленныхъ владыкъ, какъ самозванцевъ, измѣнниковъ и бунтовщиковъ. Взводимыя этими грамотами обвиненія на православныхъ были такъ неосновательны, что даже канцлеръ литовскій, католикъ Левъ Сапѣга, колебался утверждать грамоты своею печатью и требовалъ благоразумія и осторожности въ дѣйствіяхъ противъ право-

славныхъ. Надъ Мелетіемъ Смотрицкимъ наряженъ былъ судъ. Новою грамотою 22 марта король приказывалъ всѣмъ его вѣрноподданнымъ развѣдывать, гдѣ находятся, не только уже владыки, а и содѣйствовавшіе какимъ-либо образомъ ихъ поставленію, вслѣдствіе чего схвачено и посажено было въ тюрьму нѣсколько богатыхъ и знатныхъ виленскихъ православныхъ купцовъ и вообще воздвигнуто жестокое гоненіе на православныхъ. Но все-таки обаяніе казацкой силы сдерживало нѣсколько гонителей, и королевскія угрозы о поимкѣ новопоставленныхъ православныхъ святителей не примѣнялись строго на дѣлѣ. Архіепископъ Мелетій Смотрицкій оставался въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ, разсылая свои посланія по епархіи Полоцкой и издавая сочиненія въ защиту православной церкви. Въ 1623 году онъ и православный митрополитъ кіевскій Іовъ Борецкій получили даже отъ короля охранныя грамоты для поѣздки въ Варшаву ко времени открывавшагося здѣсь сейма и представили королю просьбу объ утвержденіи православной іерархіи и вообще о возстановленіи правъ южно-русской церкви. Эта просьба поддержана была на сеймѣ православнымъ дворянствомъ Литвы и Польши, которое потребовало отмѣны королевскихъ грамотъ противъ православной іерахіи и добилось того, что ей, наравнѣ со всѣмъ православнымъ южно-русскимъ населеніемъ, обѣщано было, впредь до окончательнаго успокоенія греческаго вѣроисповѣданія, спокойное существованіе. Къ сожалѣнію, насильственная смерть Кунцевича въ Витебскѣ, случившаяся въ дни засѣданій варшавскаго сейма, раздражила еще болѣе польско-католиковъ и уніатовъ противъ православныхъ и ухудшила положеніе православной церкви. Устрашенные витебляне, чрезъ нарочитыхъ гонцовъ, будто бы звали къ себѣ на помощь казаковъ, но казаки не пришли и не избавили Витебска отъ жестокаго наказанія. Самъ архіепископъ Мелетій Смотрицкій заподозрѣнъ былъ въ косвенномъ подстрекательствѣ къ убійству Кунцевича и, считая себя небезопаснымъ въ Вильнѣ, тайно удалился изъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря и въ началѣ 1624 года черезъ Кіевъ отправился на Востокъ. Здѣсь онъ выхлопоталъ у константинопольскаго патріарха грамоты объ ограниченіи правъ западно-русскихъ православныхъ братствъ, дѣйствительно получившихъ, по требованію обстоятельствъ времени, чрезмѣрное развитіе, о подчиненіи почти всѣхъ братствъ власти мѣстныхъ епископовъ и о назначеніи въ западно-русскія епархіи одного экзарха отъ константи-

нопольскаго патріарха, по всей вѣроятности въ лицѣ самого Смотрицкаго. Но слухъ о содержаніи патріаршихъ грамотъ распространился въ южно-русскихъ областяхъ еще до возвращенія Мелетія въ Россію и произвелъ сильное недовольство и волненіе въ средѣ православныхъ иноковъ и братчиковъ, въ глазахъ которыхъ Мелетій являлся измѣнникомъ, нарушителемъ церковнаго покоя, честолюбцемъ, желавшимъ захватить въ свои руки неограниченную власть надъ русскою церковію. «Когда я возвратился,—писалъ впослѣдствіи Мелетій въ письмѣ къ патріарху,—завистливые, неблагодарные люди только-что не распяли меня; неутомимая зависть, вмѣстѣ съ мерзкимъ невѣжествомъ, лишь только я показался, напали на меня съ такимъ ожесточеніемъ, что, еслибы не сознаніе невинности и правоты моей совѣсти, то я рѣшился бы бѣжать отъ этого народа» [405]). Возвратившись съ востока, вѣроятно, въ концѣ 1625 года, Смотрицкій въ началѣ слѣдующаго 1626 года является на короткое время въ предѣлахъ своей епархіи, въ Борколабовѣ, въ нынѣшней Могилевской губерніи, у ревнителя православія, князя Богдана Соломерецкаго; но и здѣсь онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе себѣ со стороны полоцкаго уніатскаго епископа Антонія Селявы, пожаловавшагося на него королю за возмущеніе будто-бы покоя уніатской церкви въ его епархіи [406]). Послѣ этого Смотрицкій проживалъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, вошелъ въ сношенія съ уніатами, измѣнилъ православію и поселился въ Дерманскомъ монастырѣ на Волыни, удержавъ при себѣ высланныя ему Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ книги. Здѣсь онъ и умеръ въ 1633 году [407]).

Довольно поздно надумались казаки защищать православную іерархію, возстановленную подъ ихъ же покровительствомъ. Въ 1625 году они послали на сеймъ своихъ уполномоченныхъ съ требованіями обезпечить древнюю православную вѣру, удалить уніатовъ отъ церквей и церковныхъ имѣній, признать законными духовныхъ лицъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, и уничтожить изданныя во вредъ имъ грамоты, дозволить казакамъ проживать спокойно во всѣхъ коронныхъ и дѣдичныхъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства, уничтожить всѣ стѣснительныя для нихъ постановленія, и проч. Отправляясь въ Варшаву, казацкіе послы, по совѣту кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, заѣзжали въ Вильну къ ректору братскихъ школъ и проповѣднику,

Виленскій Свято-Духовскій монастырь.

Іосифу Бобриковичу, чтобы получить отъ него наставленія, и передали ему письмо митрополита и нѣсколько мембрановъ (бѣловыхъ листовъ съ подписями) за собственноручной его подписью и печатью, съ просьбою написать на этихъ мембранахъ, по своему усмотрѣнію, ходатайства отъ имени его митрополита къ болѣе важнымъ особамъ сейма, и вручить таковыя ходатайства казацкимъ посламъ. Вѣроятно, Бобриковичемъ, или подъ его руководствомъ, и составлена была записка о тѣхъ утѣсненіяхъ, какія терпѣла и терпитъ православная вѣра въ Польшѣ и Литвѣ,—записка, приложенная потомъ къ просьбѣ казаковъ. Въ запискѣ съ особенною силою указывалось на жестокости Кунцевича, какъ бы въ объясненіе и извиненіе убійства его жителями Витебска. Но вслѣдъ затѣмъ казаки, не надѣясь на успѣхъ своего ходатайства предъ сеймомъ, по соглашенію съ митрополитомъ Іовомъ, отправили къ московскому царю посольство съ просьбою принять казаковъ подъ свое покровительство. Московское правительство нашло однако несвоевременнымъ принимать казаковъ подъ свое покровительство, а поляки на этотъ разъ смирили ихъ силою оружія [408]).

Такимъ образомъ, во все время царствованія Сигизмунда III, почти безъ перерывовъ продолжались гоненія на православную западно-русскую церковь. Конечно, эти гоненія не могли не произвести въ ней значительныхъ опустошеній. Много знатныхъ литовско-русскихъ домовъ совращено было въ католичество, а простой народъ загоняемъ былъ въ унію или открытымъ насиліемъ пановъ, или недостаткомъ духовныхъ православныхъ лицъ, стараясь и въ уніи удержать слѣды православія. Но эти же гоненія имѣли и освѣжающее дѣйствіе на западно-русскую православную церковь. Подъ бременемъ гоненій, отпали отъ нея наиболѣе слабые въ нравственномъ отношеніи члены ея, но за то осталась отборная, провѣянная пшеница, люди твердой воли и глубокихъ, искреннихъ убѣжденій, которыхъ не могли сломить никакія внѣшнія насилія. Православная церковь обновилась и укрѣпилась внутренно. Воздвигнутыя на нее гоненія еще тѣснѣе сплачивали православныхъ между собою и подготовляли въ будущемъ торжество западно-русской православной церкви. Уже въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III весьма замѣтнымъ становится сближеніе между собою, для защиты общаго дѣла православія, и представителей православнаго духовенства, и дворянъ, и церковныхъ братствъ, и—наконецъ—казачества, которые, однако, не

надѣясь на однѣ собственныя силы, обращаются съ просьбою о помощи къ единовѣрному Московскому государству. Но болѣе полное и рѣшительное объединеніе и развитіе этихъ силъ происходитъ уже въ послѣдующее время, съ царствованія преемника и сына Сигизмундова, Владислава IV.

Глава шестая.

Оживленіе народнаго русскаго самосознанія и борьба съ польско-католиками и уніатами при Владиславѣ IV и Янѣ-Казимірѣ.

Смерть Сигизмунда III; дружныя усилія православныхъ добиться себѣ правъ при восшествіи Владислава IV на престолъ; дарованіе православнымъ правъ, возстановленіе іерархіи и оживленіе православной церкви, особое значеніе кіевскаго митрополита Петра Могилы.—Протесты католиковъ и уніатовъ противъ дарованія православной церкви правъ и ограниченіе и нарушеніе этихъ правъ.—Возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ Польши и сочувствіе ему въ Бѣлоруссіи; зборовскій договоръ Хмельницкаго съ Яномъ-Казиміромъ; ограниченіе его сеймомъ и недовольство этимъ договоромъ; возобновленіе войны съ поляками, пораженіе Хмельницкаго и подданство его царю Алексѣю Михайловичу.—Война Россіи съ Польшей; походы царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлоруссію и Литву въ 1654 и 1655 годахъ и завоеваніе ихъ; возстановленіе въ нихъ православія; война съ Швеціей, перемиріе съ поляками и возобновленіе войны съ ними; утомленіе войною и андрусовское перемиріе 1667 года.—Земельныя, духовно нравственныя и умственныя пріобрѣтенія Россіи и перевѣсъ ея надъ Польшею.

Король Сигизмундъ III умеръ въ апрѣлѣ 1632 г., положивъ своею смертію начало лучшей эпохѣ для православія и русской народности въ западной Россіи. Это болѣе отрадное время продолжалось при преемникахъ Сигизмунда Владиславѣ IV и Янѣ Казимірѣ.

По польскому обычаю, за смертію короля слѣдовали сеймы: конвокаціонный (созывательный), на которомъ дѣлался обзоръ предыдущаго царствованія и подавались мнѣнія

и требованія о разныхъ улучшеніяхъ для руководства будущему королю, затѣмъ избирательный сеймъ для выбора новаго короля и наконецъ коронаціонный. Перемѣною царствующей особы и рѣшились воспользоваться православные польско-литовскихъ областей, чтобы добиться отмѣны ограничительныхъ постановленій и мѣръ противъ православія и призна-

Мелетій Смотрицкій,

полоцкій архіепископъ.

нія правъ и льготъ за православною церковію и ея представителями. Дворянство, избирая на сеймикахъ пословъ на предстоящіе сеймы, строго наказывало, чтобы они, не заручившись согласіемъ сейма на возстановленіе правъ православной церкви и обезпеченіе свободы вѣры для всѣхъ, не приступали ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, а тѣмъ болѣе къ

королевскому избранію. Съ своей стороны казаки, указывая на бѣдствія православныхъ отъ латино-уніатовъ, чрезъ своихъ уполномоченныхъ просили депутатовъ конвокаціоннаго сейма, чтобы унія была окончательно уничтожена и чтобы уніаты, владѣющіе чужимъ добромъ, отдали его по принадлежности духовенству древней греческой вѣры. При этомъ они въ письмѣ къ королевичу Владиславу многознаменательно заявляли, что «еслибы, сохрани Боже, дѣла приняли другой оборотъ, то намъ пришлось бы искать другаго пути для успокоенія своей совѣсти». Ставропигіальныя братства вошли въ сношенія съ другими, младшими братствами, начали дѣлать денежныя складчины для предстоящихъ поѣздокъ и посылали отъ себя выборныхъ на областные и общіе сеймы съ порученіемъ хлопотать о возстановленіи правъ православной церкви. Кромѣ того, Виленское Свято-Духовское братство издало ко времени конвокаціоннаго сейма на польскомъ языкѣ «Синопсисъ или краткое описаніе правъ, льготъ и вольностей православнаго древняго русскаго народа», а къ избирательному сейму—другую книжку «Дополненіе къ Синопсису», для руководства и пособія православнымъ депутатамъ на этихъ сеймахъ. Представителемъ и главнымъ дѣятелемъ отъ лица православнаго духовенства является въ это время кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила [409]), который велъ переговоры и переписку съ передовыми лицами и учрежденіями православными, приглашалъ даже представителей протестантскаго исповѣданія общими силами домогаться возстановленія правъ православной церкви и протестантскаго исповѣданія и на сеймовыхъ коммиссіяхъ лично велъ пренія съ уніатскими представителями Іосифомъ Рутскимъ и Пахоміемъ Войной-Оранскимъ. Вообще все правоспособное западно-русское православное народонаселеніе принимало дѣятельное участіе въ хлопотахъ о возстановленіи правъ своей церкви и на этотъ разъ имѣло значительный успѣхъ, которому содѣйствовала и предстоявшая война Польши съ Московскимъ государствомъ.

На конвокаціонномъ сеймѣ особою коммиссіей подъ предсѣдательствомъ королевича Владислава выработаны были, а на избирательномъ пересмотрѣны, исправлены и дополнены «Статьи для успокоенія народа русскаго». Этими статьями всѣмъ уніатамъ и неуніатамъ предоставлялись свободное отправленіе своего богослуженія, совершеніе св. таинствъ, починка своихъ церквей и постройка новыхъ, съ дозволенія короля, также учрежденіе богадѣленъ, семинарій, школъ, книго-

печатней, и неуніатамъ открывался свободный доступъ къ городскимъ должностямъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ государства. Всѣ церковныя братства, доселѣ бывшія и имѣющія учредиться, должны оставаться въ спокойномъ и безпрепятственномъ владѣніи православныхъ. Митрополитъ неунитскій долженъ быть избираемъ всегда, при посредствѣ русскаго дворянства, духовенствомъ и обывателями греческой вѣры. Неунитамъ отданъ пустынный монастырь подъ Гродною, для мѣстопребыванія или самого православнаго митрополита, или его коадъютора. Кромѣ митрополита, неуниты имѣютъ избирать себѣ четырехъ епископовъ львовскаго, перемышльскаго, луцкаго и мстиславскаго. Послѣдній будетъ называться мстиславскимъ, оршанскимъ и могилевскимъ, а каѳедру свою имѣть въ Могилевѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, и получать жалованье по 2000 злотыхъ ежегодно, взамѣнъ епископскихъ имѣній, остававшихся за полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ. Виленскому Свято-Духовскому братству дозволялось окончить начатую имъ каменную церковь, и, взамѣнъ Свято-Троицкой церкви, передавались ему въ Вильнѣ три церкви Воскресенія, св. Іоанна и св. Юрія на предмѣстьи. Неунитамъ назначались, для отправленія богослуженія, церкви: въ Мстиславлѣ двѣ—Троицкая и Спасская; въ Могилевѣ, кромѣ Спасскаго монастыря, четыре церкви—Успенская, Троицкая, Воскресенская и Вознесенская; въ Оршѣ двѣ—Ильинская и Воскресенская; въ Диснѣ одна Воскресенская; въ Полоцкѣ также одна. На коронаціонномъ сеймѣ будетъ назначена королемъ коммиссія, которая немедленно объѣдетъ всѣ города, мѣстечки и села и, примѣнительно къ числу уніатовъ и неуніатовъ въ каждомъ мѣстѣ, распредѣлитъ между ними церкви. Уніатамъ предоставлялось свободно переходить въ православіе и православнымъ въ унію. Обѣ стороны должны жить въ мирѣ и покоѣ и прекратить взаимные споры и тяжбы. Представители католической и уніатской церкви занесли протесты противъ постановленія коммиссіи и послали жалобу въ Римъ къ папѣ; но тѣмъ не менѣе Владиславъ, избранный въ короли Польши, далъ клятвенное обѣщаніе успокоить людей греческой вѣры, согласно съ составленнымъ комиссіей постановленіемъ. Не разъѣзжаясь съ избирательнаго сейма, православные послы тутъ же въ Варшавѣ выбрали въ кіевскіе митрополиты Петра Могилу, на епископію Луцкую—князя Александра Пузыну, а на Мстиславскую—игумена Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря и

ректора школы при семъ монастырѣ, Іосифа Бобриковича. Львовскимъ епископомъ оставался прежній епископъ Іеремія Тиссаровскій, еще прежде признанный польскимъ правительствомъ въ этомъ санѣ.

Тотчасъ послѣ коронаціи, Владиславъ IV немедленно приступилъ къ выполненію данныхъ православнымъ обѣщаній: выдалъ грамоты Петру Могилѣ на Кіевскую митрополію, Пузынѣ на епископію Луцкую и Острожскую и Іосифу Бобриковичу на Мстиславскую, предоставивъ послѣднему право безпрепятственно принимать въ православіе уніатовъ и свободно ѣздить по епархіи; далъ дипломъ всѣмъ вообще православнымъ, предоставляющій имъ свободу вѣроисповѣданія, и, кромѣ того, выдалъ православнымъ нѣсколько частныхъ грамотъ, которыми передавались имъ нѣкоторыя церкви, находившіяся во владѣніи уніатовъ, утверждались привиллегіи братствъ, разрѣшалось открытіе новыхъ братствъ и т. п. [410]). Не смотря на сопротивленіе со стороны уніатовъ, православнымъ переданы были, въ разное время: въ Могилевѣ всѣ церкви, въ Пинскѣ Ѳеодоровская, въ Бѣльскѣ Богоявленская братская, Воскресенская и Никольская [411]), въ Полоцкѣ Христорождественская, въ Клещеляхъ Никольская, въ Дрогичинѣ Спасская, Троицкая и Никольская [412]), въ Брестѣ Рождество-Богородичная съ Симеоновскимъ монастыремъ [413]), въ предмѣстьи Борисова Воскресенскій монастырь [414]) и въ 1635 году въ Диснѣ Воскресенская церковь. Виленское Свято-Духовское братство получило милостивую королевскую грамоту, которою подтверждались прежнія права сего братства и монастыря и подчинялись ему монастыри Минскій Петропавловскій, Евейскій, Цеперскій, Сновскій, Новодворскій, Купятицкій, Селецкій и др. Подтверждены были прежнія права братствъ Минскаго Петропавловскаго и Бѣльскаго. Въ томъ же 1633 году возобновлена постройка Могилевскаго братскаго Богоявленскаго монастыря, начатаго еще въ 1618 году, и испрошена королевская утвердительная грамота на братство и школу при немъ [415]). Съ своей стороны, могилевскіе мечники, слесари, котляры и кузнецы въ 1634 году принимаютъ на себя обязательство приносить воскъ въ братскую Богоявленскую церковь. Православные вельможи Стеткевичи и Соломерецкіе достраиваютъ начатые еще при Сигизмундѣ III монастыри Кутеинскіе мужской и женскій и Борколабовскій, вновь строятъ православные монастыри Буйницкій въ 1633 году [416]) и Прилуцкій въ 1635 году [417]), преобразовываютъ около 1641 года Борколабовскій монастырь изъ мужскаго въ женскій [418]), отстраиваютъ за-

ново въ томъ же году Тупичевскій монастырь [419]), даютъ формальныя записи всѣмъ своимъ монастырямъ на имѣнія и при нѣкоторыхъ изъ нихъ учреждаютъ школы, какъ наприм. при Оршанскомъ, Бѣлковскомъ и Холмянскомъ. На школу и книгопечатню при Оршанскомъ монастырѣ испрошена была королевская грамота. Всѣ монастыри, построенные Стеткеви-

Древняя церковь Оршанскаго Кутеинскаго монастыря, Могилевской губерніи.

чами и Соломерецкими, образовали изъ себя плотный союзъ, во главѣ котораго стоялъ Оршанскій Богоявленскій монастырь, славившійся многолюдствомъ монашествующихъ и строгими общежительными порядками. При митрополитѣ Петрѣ Могилѣ въ этомъ монастырѣ было до 200 монаховъ, «подражающихъ въ тѣлѣ житію ангельскому» [420]). Первымъ на-

стоятелемъ его былъ Іоиль Труцевичъ, который, по свидѣтельству житія патріарха Никона, «бысть игуменъ лавры тоя, и не токмо сію едину, но ины многи своими труды и поты сооружи и иночествующихъ множество собра, и во своей паствѣ всѣхъ имѣяй и благочестіе во всей Бѣлой Россіи утверждаяй и удерживаяй во время гоненія отъ развращенныхъ уніатовъ»[421]). Въ 1633 году князья Огинскіе выпросили у короля грамоту на возобновленіе Полоцкаго Богоявленскаго братскаго монастыря и при немъ школы и госпиталя, а земскій судья браславскій, Севастіанъ Мирскій, возобновилъ этотъ монастырь и далъ ему фундушевую запись, основавъ также Міорскій православный монастырь, который онъ приписалъ къ Кутеинскому монастырю. Въ томъ же 1633 году земяне повѣта Пинскаго и Пинское братство испросили у Владислава IV грамоту на построеніе новой церкви и Пинскаго братскаго Богоявленскаго монастыря, согласно благословенной грамотѣ патріарха, и на учрежденіе свободныхъ наукъ языковъ греческаго, латинскаго, русскаго и польскаго, семинаріи и госпиталя. Въ 1636 году Анна Городецкая-Биллевичева, урожденная Ставецкая, возобновила православный Сурдегскій монастырь въ нынѣшней Ковенской губерніи. Изъ другихъ православныхъ монастырей и церквей, построенныхъ въ царствованіе Владислава IV, извѣстны: Голдовскій монастырь, въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, основанный около 1633 года Александромъ Тризной[422]); въ Минскѣ женскій монастырь въ 1637 году Евгеніей Шембелевной; Лепесовскій монастырь въ Берестейскомъ воеводствѣ, основанный въ 1638 году Пришихотскими; православная церковь въ Тыкоцинѣ, Ломжинской губерніи, въ 1637 г.[423]); Грозовскій монастырь, Минской губерніи, основанный въ 1639 году гр. Март. Володковичемъ; Марковъ монастырь близъ Витебска, основанный въ 1642 году княземъ Львомъ Богдановичемъ Огинскимъ[424]); въ Могилевѣ женскій монастырь, основанный въ 1646 году[425]).

Замѣчательную особенность въ устроеніи православныхъ монастырей и церквей въ это время представляетъ то обстоятельство, что въ королевскихъ городахъ они строятся преимущественно на частныхъ земляхъ извѣстныхъ вельможъ, или даже за чертою земельныхъ владѣній города, куда не могла простираться королевская власть со своими стѣснительными указами и распоряженіями относительно православія. Таковы, напримѣръ, были Кутеинскіе монастыри подъ Оршею, Марковъ монастырь подъ Витебскомъ, Симеоновскій монастырь подъ Брестомъ и др.

По возстановленіи западно-русской православной іерархіи въ 1632 г, въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи находились часть митрополичьей епархіи, обнимавшая приблизительно нынѣшнія губерніи Ковенскую, Виленскую и Минскую, часть Луцкой епархіи, заключавшая Берестейскую землю, и епархія Мстиславская. Но власть митрополита, въ лицѣ Петра Могила, простиралась и на другія епархіи, кромѣ его собственной. Онъ еще въ 1629 году исходатайствовалъ себѣ у константинопольскаго патріарха званіе экзарха, которое предоставляло ему нѣкоторыя патріаршія права и давало ему возможность принимать непосредственное участіе въ управленіи и другими епархіями, а по вступленіи на Кіевскую митрополію удержалъ за собою и Кіево-Печерскую лавру съ ея богатыми имѣніями, какъ опору своей митрополичьей власти. Петру Могилѣ непосредственно подчинены были братства Виленское, Минское, Слуцкое, Могилевское, Оршанское съ зависѣвшими отъ нихъ монастырями, монастыри Марковъ Витебскій, Прилуцкій и др. [426]). Въ 1643 году Петръ Могила предоставляетъ монахинямъ братскаго Могилевскаго Богоявленскаго женскаго монастыря печеніе просфоръ для братскаго храма [427]), а въ 1635 и 1640 годахъ приглашаетъ Минское Петропавловское братство къ принятію участія въ приношеніяхъ для исканія на сеймахъ защиты православной церкви [428]). Узнавъ, что церковь Купятицкаго монастыря—старая и ветхая, Петръ Могила далъ въ 1637 году фундушъ на этотъ монастырь и разрѣшилъ сборъ подаяній на обновленіе церкви. Игуменъ возложилъ это послушаніе на своего намѣстника Аѳанасія Филипповича, который путешествовалъ за сборомъ милостыни въ Москву, по возвращеніи оттуда назначенъ былъ въ игумены Брестскаго Симеоновскаго братскаго монастыря и скончался мученически отъ поляковъ въ 1648 году. Основавъ въ 1637 г. монастырь при Каменецкой Воскресенской церкви, Гродненской губерніи, Петръ Могила назначилъ туда игуменомъ купятицкаго инока, Макарія Токаревскаго, который впослѣдствіи принялъ на Украинѣ мученическую кончину отъ турокъ [429]). Въ 1637 году Петръ Могила испросилъ разрѣшеніе Владислава IV на построеніе въ Могилевѣ Никольской церкви и монастыря при ней [430]). Особенно широкій кругъ дѣятельности открылся для Петра Могилы въ сѣверо-западной Руси по смерти перваго епископа новоучрежденной Мстиславской епархіи Іосифа Бобриковича въ 1635 г., скончавшагося въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ. Петръ Мо-

гила самъ лично отправился въ Вильну для погребенія этого достойнаго сотрудника своего и на обратномъ пути въ Кіевъ былъ въ Минскѣ, Оршѣ, Кутейнѣ, Могилевѣ, Буйницкомъ монастырѣ и во всѣхъ городахъ, лежащихъ по Днѣпру, обозрѣвая, какъ пастырь [431]). Въ Минскѣ онъ благословилъ построеніе женскаго Петропавловскаго монастыря, въ Могилевѣ далъ подтвердительную грамоту мѣстному братству, а въ Оршѣ освятилъ храмъ мужскаго Кутеинскаго монастыря. Наконецъ, благодаря личнымъ связямъ и вліянію, Петръ Могила много сдѣлалъ и для дальнѣйшаго успокоенія всей западно-русской православной церкви. По настоянію его, въ 1638 году сеймовымъ постановленіемъ запрещено трибуналамъ утѣснять разновѣрцевъ на судахъ и предписано не затруднять для обидимыхъ жалобы къ сейму. Въ 1641 году, по жалобамъ православныхъ на притѣсненія и несправедливость трибунальскихъ судовъ, всѣ духовныя дѣла изъяты сеймовымъ постановленіемъ изъ трибуналовъ и перенесены въ королевскій реляційный судъ. Въ 1647 году сеймовымъ постановленіемъ опредѣлены коммиссары для приведенія въ дѣйствіе того, что постановлено въ пользу православныхъ на избирательномъ сеймѣ 1632 года [432]).

Не смотря однако на доброе расположеніе новаго короля Владислава IV къ западно-русскому православному населенію, спокойствіе западно-русской православной церкви не было прочнымъ и продолжалось не долго, такъ какъ власть короля въ Польско-Литовскомъ государствѣ все болѣе и болѣе падала и становилась безсильною передъ усиливавшимся своеволіемъ высшихъ сословій и шляхетства и нарушаема была вмѣшательствомъ сторонней силы, въ лицѣ папства, во внутреннія дѣла Польши. Папа, какъ и слѣдовало ожидать, остался недоволенъ тѣми уступками, какія король сдѣлалъ въ пользу православія, и поручилъ уніатскому митрополиту Рутскому и своему легату въ Польшѣ, архіепископу Ларисскому, отклонять короля и поляковъ отъ православныхъ. Поэтому, хотя на сеймѣ 1635 года права православныхъ внесены были въ сеймовыя постановленія; но въ то-же время они значительно измѣнены и ограничены были въ пользу уніатовъ. Въ своей грамотѣ, выданной уніатамъ 14 марта 1635 года, Владиславъ IV писалъ: «для общаго блага, мы постановили и даемъ наше свидѣтельство въ томъ, что мы людямъ, находящимся въ уніи съ римскою церковію, милостиво сохраняемъ на вѣчныя времена, вмѣстѣ съ митрополіею и принадлежащими

Витебскій Свято-Троицкій Марковъ монастырь.

ей имуществами, архіепископство Полоцкое, епископства Владимірское, Пинское, Холмское, Смоленское, съ монастырями, церквами и принадлежащими имъ имуществами, которыя должны оставаться навсегда при уніатахъ, а также Виленскій Свято-Троицкій монастырь съ братствомъ, съ церковію св. Пятницы и принадлежащими ей фундушами, равно какъ и монастыри Гродненскій, Жидичинскій, Могилевскій, Минскій, Новогродскій, Онуфріевскій Мстиславскій, Пустынскій, Полоцкій, Браславскій и другіе, которые теперь находятся въ ихъ владѣніи: всѣ они должны оставаться на вѣчныя времена при уніатахъ. Въ Витебскѣ же, Полоцкѣ и въ Новгородкѣ неуніаты никогда не должны будутъ имѣть никакой церкви. Скрѣпляемъ это право за насъ и за августѣйшихъ нашихъ преемниковъ, т. е. чтобы эти епископства, архимандритства, игуменства, ни нами, ни нашими преемниками никому другому не были передаваемы, кромѣ базиліанскихъ монаховъ, которыхъ будетъ предлагать намъ и нашимъ преемникамъ настоящій уніатскій митрополитъ и его преемники уніаты». Этою грамотою коренными образомъ отмѣнялось прежнее распоряженіе Владислава IV объ отводѣ православнымъ церквей во всѣхъ городахъ Литовскаго государства и отнимались у нихъ предназначенные имъ монастыри и церкви Жидичинскій на Волыни, Могилевскій Спасскій и Гродненскій монастыри и Христо-Рождественская церковь въ Полоцкѣ. Правда, новою грамотою 18 марта того же года король отдалъ православнымъ Кіево-Выдубицкій монастырь взамѣнъ Гродненскаго и Крестовоздвиженскую церковь въ Могилевѣ взамѣнъ Спасскаго монастыря; но вмѣстѣ съ тѣмъ допустилъ и новыя ограниченія правъ православной церкви, передавъ Луцкое епископство въ пожизненное управленіе уніатскому епископу [433]). При томъ же и эти ограниченія правъ православной церкви не удовлетворили рьяныхъ католиковъ и уніатовъ, которые, въ числѣ 47 человѣкъ, тотчасъ же по окончаніи сейма 1635 г., занесли въ варшавскія городскія книги заявленіе, что какъ они еще на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ, въ виду предстоявшей войны, только не препятствовали утвержденію «статей объ успокоеніи народа русскаго», но не соглашались на нихъ, такъ и теперь не соглашаются на постановленіе нынѣшняго сейма о вѣрѣ греческой. 20 марта того же 1635 года и папскій нунцій въ Польшѣ занесъ свою протестацію противъ дарованныхъ православнымъ правъ и притѣсненія будто бы уніатовъ православными [434]).

Въ виду этихъ заявленій противъ дарованныхъ православной западно-русской церкви правъ, королевскія грамоты и сеймовыя постановленія въ пользу православныхъ теряли обязательную силу для своевольныхъ пановъ и шляхтичей римской вѣры и для католическаго и уніатскаго духовенства, слушавшагося болѣе Рима, чѣмъ польскаго короля. Съ іезуитскою изворотливостію, уніатскіе епископы и духовныя власти стали смотрѣть на грамоту Владислава IV отъ 14 марта 1635 года въ пользу уніатовъ, какъ на отмѣну недавно дарованныхъ православной церкви правъ, и относились къ православнымъ, какъ къ отщепенцамъ, ослушникамъ своей власти и бунтовщикамъ. Вслѣдствіе этого, вновь оживилась борьба между православіемъ и уніей и постепенно наклонялась въ пользу послѣдней.

Какъ только берестейскіе православные жители пріобрѣли Симеоновскій монастырь и Рождество-Богородичную церковь, тотчасъ же начались сильныя колебанія между уніатами, выражавшими явное желаніе оставить унію и вновь присоединиться къ древней православной церкви. По свидѣтельству уніатовъ, какъ вообще берестейскіе мѣщане, такъ въ особенности русскіе старшіе и младшіе братчики цеховъ сапожническаго, кожевеннаго и скорняжнаго совсѣмъ вышли изъ послушанія уніатскому владыкѣ, побросали свои приходы и церкви, перешли къ церкви св. Симеона и отдались подъ послушаніе православнаго луцкаго епископа Пузыны. Примѣръ этихъ цеховъ такъ великъ, что увлекъ за собой и многіе другіе цехи. Владиміро-брестскій уніатскій епископъ, брестская его капитула и римско-католическое духовенство не разъ жаловались за это на брестскихъ мѣщанъ и священниковъ, обвиняя первыхъ въ томъ, что они не исполняютъ своихъ прежнихъ обязательствъ по отношенію къ берестейскому римско-католическому приходскому костелу и каѳедральному уніатскому собору, католическихъ и уніатскихъ мастеровъ лишаютъ цеховыхъ правъ, обходя ихъ выборомъ въ старшіе братчики и проч., и вообще не исполняютъ многаго, что̀ постановлено грамотой Сигизмунда III. Такимъ образомъ, основаніемъ жалобы послужила старая грамота Сигизмунда III, не смотря на то, что она должна была потерять свою силу по объявленіи свободы вѣроисповѣданія и перехода изъ одного изъ нихъ въ другое. Тѣмъ не менѣе король принялъ жалобу и, разобравъ дѣло въ присутствіи повѣренныхъ тяжущихся сторонъ въ задворномъ ассессорскомъ судѣ, постановилъ по нему слѣдую-

щее рѣшеніе. Грамота, которую онъ прежде далъ неунитамъ (вѣроятно, 1633 года), уничтожается настоящею грамотою. За неунитами остается только право свободнаго совершенія богослуженія. Затѣмъ, обжалованные православные цеховые братчики обязываются давать воскъ на уніатскій соборъ, ходить на римско-католическія и уніатскія погребальныя процессіи. Въ старшинство цеховыхъ братчиковъ должны быть производимы половина изъ католиковъ и половина изъ уніатовъ и неунитовъ, но при этомъ преимущество должно всегда оставаться при старшинствѣ римско-католическихъ братчиковъ. Уніатскіе и православные братчики не могутъ дѣлать никакихъ собраній, если не присутствуютъ братчики римско-католической вѣры [435]).

Въ городѣ Бѣльскѣ, нынѣ Гродненской губерніи, въ 1633 году возвращена была православнымъ Богоявленская церковь, при которой они возстановили и братство; но скоро затѣмъ она была насильно отнята у нихъ уніатами. Въ мартѣ 1636 года, когда сюда прибыли вновь королевскіе коммиссары, чтобы распредѣлить городскія церкви между уніатами и неунитами, то нашли здѣсь только нѣсколько уніатовъ, а неунитовъ великое множество, и возвратили послѣднимъ три церкви—Богоявленскую, Воскресенскую и Николаевскую, передавъ ихъ подъ власть луцкаго православнаго епископа, а уніатамъ оставили двѣ церкви—Пречистенскую и Троицкую. Но черезъ два мѣсяца городской подстароста вооруженною силою отнялъ у православныхъ всѣ три церкви, а уніатскій священникъ Малишевскій въ 1644 году сдѣлалъ открытое нападеніе на православнаго іеромонаха Никодима Ѳеодоровича. Церкви православнымъ были возвращены въ Бѣльскѣ, но притѣсненія отъ уніатовъ не прекращались.

Особенно борьба уніи съ православіемъ обострилась въ Мстиславской епархіи, обнимавшей собою нынѣшнія губерніи Могилевскую и Витебскую. Въ 1633 году прибыли въ Полоцкъ изъ Вильны нѣсколько лицъ православныхъ и во главѣ ихъ какой-то Стефанъ Аѳанасовичъ. Они въ короткое время успѣли отвлечь жителей Полоцка отъ подчиненія уніатскому архіепископу Антонію Селявѣ, который въ 1633 и 1634 годахъ жаловался на православныхъ полоцкихъ мѣщанъ, будто-бы они покушались «съ того свѣта згладити его» [436]). Но движеніе въ пользу православія усилилось, когда преемникомъ Іосифа Бобриковича на Мстиславскую епархію назначенъ былъ въ 1635 году Сильвестръ Косовъ.

Икона св. Аѳанасія (Филиповича).

Въ 1636 году два священника въ его епархіи отреклись отъ уніи, а витебскіе мѣщане отказались давать деньги на построеніе уніатской церкви. Едва преосвященный Сильвестръ явился въ 1637 году, въ сопровожденіи нѣсколькихъ помѣщиковъ, въ Полоцкъ и совершилъ тамъ богослуженіе въ нарочно приготовленномъ для этого сараѣ, какъ многіе оставили унію и возвратились въ православіе. Онъ переосвящалъ уніатскихъ священниковъ и присоединялъ ихъ съ прихожанами къ православію. Въ 1639 году игуменъ уніатскаго Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря жаловался, что мѣщане полоцкаго предмѣстья Кобака имѣютъ свою особливую неунитскую церковь, гдѣ завсегда теперь бываютъ, и поступаютъ такъ «въ презрѣніе къ св. вѣрѣ», т. е. къ уніи. Подобное происходило и въ Витебскѣ и въ Могилевѣ. Около 1636 года православные жители Витебска и Витебскаго воеводства построили въ этомъ городѣ будку для православнаго богослуженія и, когда эта будка разрушена была, по приказанію коммиссаровъ, до основанія, то они снова построили сарай и приглашали туда для богослуженія монаховъ подгородняго Маркова монастыря, угрожая уніатскимъ священникамъ и самому Селявѣ. По словамъ жалобы уніатскаго духовенства на православное духовенство и мѣщанъ города Могилева, «Косовъ такъ много будокъ своихъ съ попами схизматицкими и теперь по волости Могилевской такъ много набудовалъ и насветилъ, же наши (уніатскіе) бѣдные священници только при щекгульныхъ церквяхъ зостали, а всѣ парафѣяне, за его власне бунтами, листами и попами, по всей волости, на перешкоду нашимъ, разесланными, до ихъ безбоженства схизматицкого пошли и удалися». Мѣщане могилевскіе говорили уніатамъ: «убьемъ васъ и утопимъ въ этой лужѣ, хотя бы и намъ, какъ было въ Витебскѣ, отрубили головы, или же уплатимъ штрафъ изъ послѣдняго шелега, имѣя твердую надежду, что подобная витебской штука здѣсь въ Могилевѣ не очень-то скоро вамъ удастся». Въ 1645 году оршанскіе православные священники и магистратъ отняли у уніатовъ нѣсколько церквей. Въ 1648 году жители города Быхова, по словамъ его владѣльца, Льва Сапѣги, устраивали тайныя сходки для православнаго богослуженія [437]). Для утвержденія добраго порядка въ церкви и наставленія священниковъ въ основныхъ истинахъ православной вѣры, преосвященный Сильвестръ Косовъ созвалъ въ Могилевѣ, въ октябрѣ 1637 года,

епархіальный соборъ, на которомъ устно преподалъ собравшимся священникамъ краткое ученіе о седми таинствахъ, напечатанное въ томъ же году въ Кутеинскомъ монастырѣ и имѣвшее нѣсколько изданій. Въ Кутеинскомъ же монастырѣ, равно какъ и въ книгопечатнѣ Спиридона Соболя, помѣщавшейся то въ Буйничахъ, то въ Могилевѣ, печатались и другія книги, какъ для церковнаго употребленія, такъ и для назидательнаго чтенія и школьнаго обихода [438]).

Насколько велико было въ бѣлорусскомъ населеніи усердіе къ православію, настолько увеличивалась и злоба враговъ его. Въ предѣлахъ Мстиславской епархіи свирѣпствовалъ противъ православія ярый противникъ и врагъ его, полоцкій уніатскій архіепископъ Антоній Селява. Подобно своему предшественнику Кунцевичу, Селява постоянно занятъ былъ то насиліями противъ православныхъ, то жалобами на православныхъ мѣщанъ полоцкихъ, витебскихъ, оршанскихъ, то безконечною тяжбою съ православнымъ епископомъ Сильвестромъ Косовымъ изъ-за въѣзда послѣдняго въ Полоцкъ и обращенія уніатовъ въ православіе. Послѣ сейма 1635 года, въ г. Диснѣ передана была православнымъ присужденная имъ Воскресенская церковь. Но Селява употреблялъ всѣ усилія къ отнятію этой церкви у православныхъ и не допускалъ ихъ совершать въ ней богослуженія, не смотря на неоднократныя убѣжденія короля, чтобы ни самъ Селява, ни его помощники, не дѣлали притѣсненій православнымъ дисненскимъ мѣщанамъ и оставили ихъ въ покойномъ обладаніи Воскресенскою церковью. Въ 1646 году Селява жаловался на нѣкоторыхъ членовъ Витебскаго магистрата за то, что они «дерзнули пригласить схизматицкихъ чернецовъ и при стеченіи до 3,000 вооруженныхъ витебскихъ мѣщанъ, въ воскресный день, 11 марта 1646 года, торжественно сопровождать тѣло умершей матери бургомистра, Матвѣя Жилки, мимо уніатскихъ церквей, за городъ, и тамъ похоронить». «Такимъ образомъ,—говорится далѣе въ жалобѣ,—члены магистрата, обязанные искоренять въ Витебскѣ и окрестностяхъ его православіе, не только допустили означенный безпорядокъ, но, будучи втайнѣ православными, и сами участвовали въ ономъ», и дѣлали это «изъ явнаго презрѣнія къ уніатской и католической вѣрѣ». Особенно Селява преслѣдовалъ преосвященнаго Сильвестра Косова и всѣми силами старался воспретить ему доступъ въ Полоцкъ и Витебскъ. Хотя въ жалованной грамотѣ Владислава IV предшественнику Косова, Іосифу Бобриковичу, и предоставлялось ему право «ѣхать до По-

лоцка, Витебска, Мстиславля и до иншыхъ мѣстъ и мѣстечокъ нашихъ, до монастыровъ и церквей своихъ, не въ уніи въ тыхъ воеводствахъ и повѣтахъ знайдующихся»; но Антонію Селявѣ удалось выхлопотать въ 1636 году у того же короля наказъ, запрещающій епископу Сильвестру Косову пріѣзжать въ Полоцкъ и Витебскъ, въ которыхъ грамотою 1635 года не полагалось православныхъ церквей, и совершать въ этихъ городахъ богослуженіе. Это то и послужило поводомъ къ долголѣтней тяжбѣ между Селявою и епископомъ Косовымъ. По жалобѣ Селявы, въ 1636 году рѣшеніемъ Виленскаго трибунала преосвященный Сильвестръ Косовъ признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что прибылъ въ епархію Селявы, въ городъ Полоцкъ, въ сопровожденіи толпы разныхъ людей, съ шумомъ и воинскимъ оружіемъ, переосвящалъ уніатскихъ священниковъ и присоединилъ ихъ съ прихожанами къ православію, нарушая тѣмъ общее спокойствіе и покушаясь завладѣть давнимъ достояніемъ уніатскаго архіепископа. Въ виду сего и въ огражденіе на будущее время спокойствія, уголовный трибунальный судъ, въ составѣ свѣтскихъ и духовныхъ судей, постановилъ взыскать съ епископа Косова и всякаго его имущества штрафъ 10,000 злотыхъ польскихъ, опредѣленный ко взысканію съ тѣхъ, кто нарушитъ законныя права какъ уніатовъ, такъ и неуніатовъ. Въ слѣдующемъ году этотъ штрафъ, за мнимое сопротивленіе епископа Сильвестра трибунальнымъ рѣшеніямъ, увеличенъ до 42,250 злотыхъ. Такіе же штрафы, по 10,000 злотыхъ, наложены трибунальнымъ Виленскимъ судомъ на преосвященнаго Сильвестра за постройку Юріемъ Пыпкою и его женою православной церкви въ Витебскѣ за Двиною, на слободскомъ посадѣ, и за мнимое завладѣніе въ городѣ Мстиславлѣ двумя церковными грунтами [439]).

Что же касается православныхъ монастырей и церквей въ частныхъ владѣніяхъ католическихъ помѣщиковъ, то послѣдніе не стѣснены были никакими сеймовыми постановленіями и королевскими грамотами и распоряжались православными церквами по произволу. Въ 1636 году литовскій канцлеръ Радивилъ отнялъ у православныхъ Добойскій монастырь, въ селѣ Дубояхъ, Пинскаго уѣзда, и отдалъ его уніатамъ или даже іезуитамъ [440]).

Король самъ не могъ обуздать своеволіе поляковъ и на просьбы казаковъ защитить ихъ и русскій народъ отъ притѣсненій отвѣчалъ: «знаю я объ утѣсненіяхъ казаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ.

Богданъ Хмельницкій.

Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы—воины: у васъ есть сабли; кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда буду вашимъ благодѣтелемъ» [441]). Вслѣдствіе этого съ 1648 года начались войны Богдана Хмельницкаго съ поляками, встрѣтившія сочувствіе себѣ и въ Бѣлоруссіи. Въ послѣдствіи времени въ бѣлорусскихъ городахъ православные толковали: «когда у поляковъ съ черкасами (малорусскими казаками) будутъ бои, и станутъ поляки черкасовъ осиливать, то мы всякихъ чиновъ люди поднимемся на поляковъ и сдѣлаемъ у себя такихъ Хмельницкихъ десять человѣкъ, а войска 100,000, и станемъ Польшу и Литву воевать, для того: если поляки черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ поляковъ стоять и биться, пока нашей мочи будетъ» [442]).

Побѣдивъ поляковъ подъ Желтыми Водами и Корсунемъ, Богданъ Хмельницкій распустилъ свои казачьи загоны по всей юго-западной Руси, которые съ одной стороны доходили до Кобрина и Бреста, умерщвляя вездѣ ксендзовъ, шляхту, жидовъ и уніатовъ, а съ другой распространили народное возстаніе и въ Бѣлоруссіи. Первый, принесшій въ Бѣлую Русь призывъ къ освобожденію, былъ шляхтичъ Головацкій, составившій ополченіе около Стародуба, который въ іюлѣ 1648 года достался во власть казаковъ, добровольно призванныхъ стародубскими православными жителями. Изъ Стародуба Головацкій вступилъ въ Бѣлорусскій край, и хотя скоро ушелъ оттуда, но посѣщеніе его оставило слѣды. Крестьяне, поджигаемые воззваніями Хмельницкаго, предавали мечу и огню владѣльческія усадьбы и римско-католическую святыню. Возстаніе распространилось по Бѣлоруссіи съ быстротою. Крестьяне соединились въ загонъ подъ начальствомъ Небабы, родомъ изъ Коростышева, и пустились истреблять неправославныхъ. Одновременно съ нимъ бушевали другіе загоны Напалича, Хвеська, Михненка, Кривошапки, Горкуши. Города Мозырь, Туровъ, Гомель, Лоевъ, Брагинъ сами отворяли имъ ворота. Литовскій гетманъ лежалъ при смерти; помощникъ его былъ въ отлучкѣ. Возстанцы долго не встрѣчали никакого сопротивленія; только оршанская шляхта, подъ начальствомъ Друцкаго-Горскаго, вела съ ними мелкую наѣздническую войну. Наконецъ, польный гетманъ, Янушъ Радивилъ, послалъ противъ нихъ Мирскаго и польнаго писаря литовскаго, Воловича, въ разныя стороны

съ дружинами нѣкоторыхъ пановъ. Мирскій былъ разбитъ нà-голову при деревнѣ Горволѣ на Березинѣ. Воловичъ пошелъ противъ Небабы. Мятежники переправились черезъ Припеть. Въ то же время ударилъ на нихъ нечаянно Воловичъ и загналъ въ городъ Пинскъ. Жители приняли ихъ съ радостью, какъ единовѣрцевъ и единоземцевъ, перерѣзали и перетопили всѣхъ католиковъ обоего пола, не исключая и дѣтей, разорили и ограбили костелы и сами взялись сражаться съ казаками противъ пановъ. Напрасно Воловичъ требовалъ, чтобы мѣщане выдали бунтовщиковъ, и угрожалъ карою не только имъ, но женамъ ихъ и дѣтямъ. «Они, — говоритъ польскій лѣтописецъ, были схизматики и потому такъ отвѣчали: лучше погибнемъ, чѣмъ выдадимъ тѣхъ, которые ратуютъ за вѣру нашу». Чрезъ нѣсколько времени Воловичъ взялъ Пинскъ штурмомъ и велѣлъ перетопить почти все народонаселеніе. Небаба бѣжалъ изъ пылающаго города, но былъ настигнутъ поляками, отчаянно дрался и погибъ въ сѣчѣ. Кривошапка свирѣпствовалъ противъ враговъ русской народности на Сожѣ. Онъ взялъ мѣстечко Чериковъ. Вслѣдъ затѣмъ казаки напали на Могилевъ, перебили всѣхъ евреевъ и католиковъ, ограбили всѣ лавки и разсѣялись по околицѣ, увеличивъ свои полчища поселянами. Въ Мстиславскомъ краѣ внезапно, въ разныхъ сторонахъ, вспыхнуло возстаніе: крестьяне начали сожигать дворянскія усадьбы, но были укрощены Друцкимъ-Горскимъ [443]).

На другой годъ военныя дѣйствія въ Литвѣ начались очень рано. Оставленное Радивиломъ на зимовыхъ квартирахъ, на лѣвой сторонѣ Припети, литовское войско было разбито предводителемъ украинскихъ хлоповъ, Ильей Голотою, котораго послалъ туда Богданъ Хмельницкій. Сначала отрядъ Голоты простирался только до 10,000; но едва въ Литвѣ разнесся слухъ, что гетманъ украинскій прислалъ новыя силы на помощь русской землѣ, народъ хлынулъ къ нему со всѣхъ сторонъ, и число казаковъ увеличилось. Они напали на зимовыя квартиры литовцевъ и, пользуясь ихъ безпечностью, множество перебили, а остальные, покинувъ свои походныя имущества, разбѣжались. Города за Припетью поднялись; составлялись загоны; шляхта покидала дома свои и замерзала толпами по дорогамъ. Узнавъ о пораженіи литовцевъ, Винцентій Гонсѣвскій набралъ нà-скоро нѣсколько отрядовъ нѣмецкой пѣхоты, началъ заворачивать бѣгущихъ жолнеровъ и, нечаянно напавъ на Голоту, обратилъ его въ бѣгство и наконецъ почти совершенно истребилъ его отрядъ на одномъ

изъ островов Припети. Считая Бѣлоруссію очищенною отъ казаковъ, Радивилъ сталъ съ главнымъ корпусомъ литовскаго войска близъ Рѣчицы, намѣреваясь вторгнуться въ Украйну въ то время, когда Хмельницкій съ казаками воевалъ на Волыни. Хмельницкій послалъ противъ литовцевъ свѣжій десятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Подобайла, приказавъ ему только удерживать вторженіе Радивила. Подобайло окопался при впаденіи рѣки Сожи въ Днѣпръ, противъ Лоева, и сожегъ этотъ городъ, чтобы не дать утвердиться въ немъ непріятелю. Вслѣдъ за Подобайломъ посланъ былъ Хмельницкимъ въ Бѣлоруссію съ другимъ сильнѣйшимъ войскомъ, въ числѣ 30,000 человѣкъ, задушевный другъ Хмельницкаго, казацкій полковникъ Кречовскій. Хотя оба эти казацкіе вождя не успѣли соединиться между собою и поочередно были разбиты войскомъ Радивила; но они все-таки выполнили свое назначеніе и задержали Радивила въ Литвѣ. Послѣдній вырѣзалъ здѣсь русское населеніе городовъ Мозыря и Турова [444]).

Главное, рѣшающее значеніе имѣли битвы самого Богдана Хмельницкаго. Разбивъ снова поляковъ подъ Пилявцами и осадивъ Збаражъ и Броды, Хмельницкій пріостановилъ на время военныя дѣйствія, по случаю смерти Владислава IV († 1648 г.), и вошелъ съ новымъ королемъ, Яномъ-Казиміромъ, въ переговоры, которые привели только къ кратковременному перемирію. Во время перемирія Хмельницкій дѣятельно приготовлялся къ продолженію войны и раздѣлилъ всю Малороссію на осѣдлые полки, къ числу которыхъ принадлежалъ и Брагинскій полкъ, на югѣ нынѣшней Минской губерніи. По истеченіи срока перемирія, Хмельницкій двинулся противъ поляковъ къ Збаражу (въ нынѣшней Галиціи), гдѣ стояло польское войско, и обложилъ польскій станъ. Но узнавъ, что король идетъ на него съ главными польскими силами, Хмельницкій, оставивъ часть казаковъ подъ Збаражемъ, съ главными своими силами пошелъ на встрѣчу королю, въ августѣ 1649 года одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду подъ Зборовомъ и заключилъ съ королемъ мирный договоръ. По зборовскому договору, казакамъ возвращались всѣ старинныя права и льготы, и ихъ число могло простираться до 40,000 человѣкъ. Жиды не допускаются въ мѣста пребыванія казаковъ. Относительно уничтоженія уніи, возвращенія и неприкосновенности православныхъ церквей и церковныхъ вотчинъ будетъ сдѣлано постановленіе на сеймѣ, въ присутствіи и по желанію православнаго митрополита кіевскаго, который по-

лучаетъ мѣсто въ сенатѣ. Іезуиты не имѣютъ права находиться въ Кіевѣ и другихъ городахъ, гдѣ есть привиллегированныя русскія школы, но должны непремѣнно перейти всѣ въ другія мѣста. Всѣ русскія школы, существующія издавна, должны оставаться въ цѣлости [445]).

Игнатій Оксеновичъ - Старушичъ.

Для утвержденія зборовскаго договора, въ январѣ 1650 года, созванъ былъ въ Варшавѣ сеймъ, который однако-же сдѣлалъ значительныя ограниченія въ этомъ договорѣ. Кіевскому православному митрополиту не дано мѣста въ сенатѣ, и унія не была уничтожена, а только сдѣланы

православію нѣкоторыя уступки. Во исполненіе сеймоваго постановленія, Янъ-Казиміръ грамотою 12 января 1650 года возвращалъ православнымъ праздныя епископства Луцкое, Холмское, Витебское съ Мстиславскимъ, съ принадлежащими къ нимъ церквами, предоставлялъ кіевскому митрополиту, Сильвестру Косову, преемнику Петра Могилы, Лещинскій монастырь и отдавалъ на содержаніе витебскому и мстиславскому православному епископу половину имѣній полоцкаго уніатскаго архіепископа Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, согласно статьямъ успокоенія греческой вѣры, утвержденнымъ покойнымъ королемъ, Владиславомъ IV, возвращались православнымъ церкви: въ Смоленскѣ Борисоглѣбская и мѣсто упраздненной Авраамієвской церкви; въ Могилевѣ—Спасскій монастырь; въ Вильнѣ—монастырь Воскресенскій и церкви св. Іоанна и св. Юрія на предмѣстьи; въ Трокахъ—Пречистенская, въ Гроднѣ—Воскресенская, въ Минскѣ—Свято-Троицкая, въ Полоцкѣ—Христорождественская, въ Мстиславлѣ—Троицкая, въ Кобринѣ—Рождество-Богородичная, въ Витебскѣ—Благовѣщенская и Свято-Духовская, въ Новогродкѣ—св. Іоанна, въ Лидѣ—Спасская, въ Игуменѣ—Пречистенская, въ Бобруйскѣ—Спасская, въ Толочинѣ—Спасская же. На мѣсто сгорѣвшихъ и опустошенныхъ церквей въ Пинскѣ и Мозыри разрѣшалось построить новыя церкви. Обезпечивалась неприкосновенность духовнаго суда по грамотѣ Сигизмунда I митрополиту Іосифу Солтану въ 1511 году, а также—церковныхъ имѣній, братствъ и въ ихъ числѣ Смоленскаго Борисоглѣбовскаго и Бѣльскаго, школъ, книгопечатенъ, свобода богослуженія и выбора православныхъ на уряды. Православное духовенство освобождалось отъ повинностей и обязательныхъ работъ. Исполненіе другихъ условій Зборовскаго договора отлагалось до будущаго сейма [446]).

Православные сѣверо-западной Руси спѣшили воспользоваться, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что дано было, и сначала избрали въ могилевскіе епископы бывшаго ректора Кіевской академіи и настоятеля Кіево-Выдубицкаго монастыря Игнатія Оксеновича-Старушича, а по смерти его—Іосифа Кононовича Горбацкаго, тоже бывшаго профессоромъ и ректоромъ Кіевской академіи [447]), который, при поставленіи своемъ въ санъ епископа, далъ письменное обязательство «стараться о томъ, чтобы въ нашемъ русскомъ народѣ процвѣтали науки для образованія юношества нашего народа, дабы оно могло быть подпорою и служить св. восточной церкви, распространяя славу Божію и храня православіе [448]). Въ это время въ

сѣверо-западной Россіи являются вновь слѣдующіе православные монастыри и церкви: въ Могилевѣ, на Луполовѣ, Васильевская церковь, построенная въ 1649 году Іосифомъ Стоцкимъ [449]); церковь въ м. Кейданахъ, Ковенскаго уѣзда, основанная въ 1650 году второй женой Януша XI Радивила, Маріей Могилянкой, и въ Заблудовѣ монастырь со школою при тамошней церкви, основанный тою же Маріей Могилянкой и около того же времени [450]).

Впрочемъ, и то, что обѣщано было православнымъ на варшавскомъ сеймѣ 1650 года, не все было выполнено. Ни поляки, ни казаки не были довольны зборовскимъ договоромъ и не думали выполнять его. Полоцкій уніатскій архіепископъ, Антоній Селява, заявилъ протестъ противъ отдѣленія половины архіепископскихъ его имѣній православному епископу, витебскому и могилевскому, и противъ передачи православнымъ нѣкоторыхъ церквей и не хотѣлъ исполнять королевской грамоты. Въ 1650 году пріѣзжалъ въ Москву игуменъ Полоцкаго Воскресенскаго монастыря, Аѳиногенъ Крижановскій, съ жалобою царю Алексѣю Михайловичу на притѣсненія православной вѣрѣ [451]). Богданъ Хмельницкій тоже обратился къ московскому государю съ просьбою о покровительствѣ, а къ концу 1650 года на новый сеймъ въ Варшавѣ послалъ своихъ пословъ, которые потребовали уничтоженія уніи, утвержденія статей договора присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ, и чтобы въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ ни одинъ панъ землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ крестьянами. Для православной церкви послы потребовали возвращенія и обезпеченія за нею епископствъ Владимірскаго, Брестскаго, Холмскаго, Белзскаго, Острожскаго, Пинскаго, Смоленскаго и Полоцкаго и нѣкоторыхъ монастырей и церквей. Поляки отказались удовлетворить требованіямъ казаковъ, и 24 декабря 1650 года порѣшили возобновить войну съ ними [452]).

Начались военныя дѣйствія. На этотъ разъ счастіе измѣнило Хмельницкому, который потерпѣлъ въ 1651 году страшное пораженіе отъ поляковъ подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ на Волыни. Вскорѣ затѣмъ Кіевъ занятъ былъ литовскимъ гетманомъ Радивиломъ. Въ сентябрѣ 1651 года казаки вынуждены были заключить въ Бѣлой Церкви мирный договоръ съ поляками, по которому Украина приводилась къ тому же положенію, въ какомъ она находилась до 1648 года. Войско казацкое ограничено 20,000, остальные возвращались въ крестьянское сословіе и подлежали

власти старостъ и помѣщиковъ [453]). Для православныхъ обезпечены были только свобода вѣроисповѣданія и уравненіе съ уніатами. Вслѣдствіе этого Янъ-Казиміръ 20 февраля 1652 года подтвердилъ грамоту Владислава IV отъ 14 марта 1635 года въ пользу уніатовъ и отнялъ у православныхъ то, что̀ самъ далъ имъ за два года передъ тѣмъ [454]). Русскій народъ приходилъ въ отчаяніе, обнаруживалъ попытки возстать и противъ поляковъ, и противъ Хмельницкаго, и наконецъ многочисленными толпами бросился къ востоку за Днѣпръ, въ предѣлы Московскаго государства, испрашивая здѣсь, въ нынѣшнихъ Курской, Полтавской, восточной части Екатеринославской, въ Харьковской, Воронежской губерніяхъ мѣста для поселеній. Самъ Богданъ Хмельницкій, боясь, чтобы всѣ украинцы не перебрались на новоселье, и опасаясь потерять совершенно и любовь народную, и благосклонность царя, весною 1652 года послалъ въ Москву посольство съ предложеніемъ, въ которомъ была своеобразная мысль переселить всѣхъ казаковъ на царскую землю. Царь Алексѣй Михайловичъ милостиво принялъ посольство и хотя отклонилъ предложеніе Хмельницкаго, но въ іюлѣ слѣдующаго 1653 года, послѣ новаго пораженія, нанесеннаго Богдану Хмельницкому поляками, послалъ къ польскому королю Яну-Казиміру боярина Репнина-Оболенскаго съ требованіемъ, чтобы король и паны-рады успокоили междоусобіе съ черкасами, возвратили православнымъ церкви, которыя были оборочены подъ унію, не дѣлали впредь никакого притѣсненія православнымъ и помирились съ ними по зборовскому договору. Паны отвѣчали русскому послу: «истребить унію значило бы тоже самое, какъ истребить въ Россіи стародавняго греческаго закона вѣру». Между тѣмъ Богданъ Хмельницкій настоятельно просилъ царя Алексѣя Михайловича о присоединеніи Малороссіи къ Московскому государству. Вслѣдствіе этого, на московскомъ земскомъ соборѣ въ октябрѣ 1653 года единогласно постановлено было: «гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское съ городами и съ землями принять подъ свою государеву высокую руку». Въ началѣ 1654 года бояринъ Бутурлинъ отправился въ Переяславъ и тамъ привелъ Хмельницкаго со всѣми старшинами къ присягѣ [455]).

Естественнымъ послѣдствіемъ возсоединенія Малороссіи съ Россіей была война Алексѣя Михайловича съ Польшей. Необходимо было защитить новоприсоединенную страну отъ поляковъ, очистить ее отъ нихъ

Алексѣй Михайловичъ,

царь московскій.

и упрочить за Россией. Русскія силы направились въ юго-западную Россію въ двѣ стороны: небольшой русскій отрядъ, подъ начальствомъ Бутурлина, пошелъ въ Малороссію, дѣйствовалъ въ соединеніи съ Богданомъ Хмельницкимъ въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ и доходилъ до Львова и Люблина; главныя же русскія силы, подъ верховнымъ начальствомъ самого Алексѣя Михайловича, двинулись въ Бѣлоруссію [456]). Хмельницкій послалъ на помощь царю три казацкихъ полка: Черниговскій, Нѣжинскій и Стародубскій, и охотныхъ казаковъ, всего до 20,000 войска, подъ главнымъ начальствомъ наказнаго гетмана Золотаренка [457]). Кромѣ того, на мѣстѣ находился и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ осѣдлый казачій полкъ чаусскаго наказнаго полковника Нечая, состоявшій изъ 22 сотенъ городовъ Чаусъ, Чечерска, Черикова, Могилева, Мстиславля, Горъ, Пропойска и др. [458]).

Главныя силы, подъ начальствомъ самого царя, двинулись къ Смоленску; бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ направился на литовско-русскіе города по Двинѣ, а отдѣльные русскіе отряды Трубецкаго и Черкасскаго и казаки дѣйствовали въ Мстиславскомъ воеводствѣ.

Отрядъ боярина Шереметева взялъ города Невель, Полоцкъ, Дисну, Друю, Озерище, Глубокое, Усвятъ и осадилъ Витебскъ.

Отряды князей Трубецкаго и Черкасскаго завладѣли нынѣшнею Могилевскою губерніею, съ городами Дубровной, Мстиславлемъ, Оршею, Копысомъ, Горами и др. Казаки же, подъ начальствомъ Золотаренка и черниговскаго полковника Подобайла, взяли Рѣчицу, Гомель, Чечерскъ, Пропойскъ, Новый Быховъ; но Подобайло былъ убитъ при осадѣ Стараго Быхова, а Золотаренко съ казаками явился къ царю подъ Смоленскъ.

Главное литовское войско снаряжено было только въ августѣ. Собралось посполитое рушенье, и Радивилъ двинулся отбивать Смоленскъ. Отрядъ Гонсѣвскаго и Мирскаго напалъ подъ Оршею на спящихъ русскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ князя Черкасскаго, и разбилъ ихъ. На помощь Черкасскому спѣшилъ изъ Мстиславля князь Трубецкой. Радивилъ и Гонсѣвскій, соединившись вмѣстѣ, отступили; но подъ Шкловомъ они настигнуты были русскимъ войскомъ, въ которомъ было 15,000 московскихъ людей подъ начальствомъ Трубецкаго и нѣсколько тысячъ казаковъ съ Золотаренкомъ, и 12 августа разбиты на̀-голову. Русскіе побрали у нихъ всѣ пушки и знамена; самъ гетманъ едва

спасся отъ погони и убѣжалъ въ Минскъ. Эта побѣда доставляла въ руки русскихъ почти половину Литовскаго государства. Города сдавались одни за другимъ. «Города,—писали поляки, участвовавшіе въ войнѣ,—угрожаютъ явно возмущеніемъ, а другіе наперерывъ сдаются на имя царское.., мужики молятъ Бога, чтобы пришла Москва». 24 августа городъ Могилевъ, по совѣту кутеинскаго настоятеля Іоиля Труцевича, сдался Поклонскому, литовскому шляхтичу, который еще въ іюлѣ, явившись въ лагерь подъ Смоленскъ и предложивъ царю свои услуги, былъ пожалованъ въ полковники собраннаго имъ казачьяго полка.

Наконецъ, послѣ двухмѣсячной осады, 13 сентября 1654 года сдался царю Смоленскъ. Вступивъ торжественно въ этотъ городъ и приказавъ обращенные изъ церквей костелы снова передѣлать и освятить на православныя церкви, царь Алексѣй Михайловичъ оставилъ Смоленскъ и уѣхалъ въ столицу, между тѣмъ какъ московскія и казацкія войска продолжали брать литовскіе города и зàмки. 22 ноября 1654 года В. П. Шереметевъ взялъ Витебскъ и оставленъ въ этомъ городѣ осаднымъ воеводою. Въ началѣ 1655 года наказной гетманъ казацкій, Золотаренко, ходилъ изъ-подъ Стараго Быхова на Бобруйскъ, Глускъ и Королевскую Слободу, истребивъ ихъ жителей, выручилъ, вмѣстѣ съ московскимъ воеводою Михайломъ Дмитріевымъ, Могилевъ, осажденный Радивиломъ и Гонсѣвскимъ, и снова занялся осадой Стараго Быхова [459]).

Весною 1655 года царь Алексѣй Михайловичъ снова отправился изъ Москвы къ Смоленску для продолженія военныхъ дѣйствій и 24 мая выступилъ изъ Смоленска, положивъ идти прямо на Вильну и Варшаву. И этотъ походъ его сопровождался не менѣе блистательными успѣхами, какъ и первый. 30 іюня Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ былъ взятъ Велижъ; бояринъ князь Хворостининъ овладѣлъ Минскомъ; 29 іюля князь Черкасскій, соединившись съ Золотаренкомъ, въ полмилѣ отъ Вильны разбилъ гетмановъ Радивила и Гонсѣвскаго и взялъ Вильну, которая сильно пострадала при этомъ отъ разоренія. Алексѣй Михайловичъ торжественно вступилъ въ литовскую столицу и повелѣлъ именовать себя «всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ». Въ началѣ августа русскія войска взяли Ковну, а въ концѣ этого мѣсяца — Гродну. Въ сентябрѣ князь Волконскій, вышедши на судахъ изъ Кіева, взялъ

города по рѣкѣ Припети Туровъ, Давидгородокъ, Столинъ и Пинскъ и воротился въ Кіевъ [460]).

Такимъ образомъ, въ два похода, въ теченіи двухъ лѣтъ, Алексѣй Михайловичъ покорилъ своей власти почти всю Бѣлоруссію и Литву въ тѣхъ предѣлахъ, какіе намѣчены были еще Іоанномъ Грознымъ. Намѣреваясь удержать за собою навсегда эти пріобрѣтенія, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ вездѣ, въ русскихъ областяхъ, изгонять евреевъ [461]) и уничтожать унію и возстановлялъ православные храмы, монастыри и іерархію. За время этой войны отняты были у уніатовъ монастыри Онуфрейскій, Браславскій, Полоцкій, Мстиславскій, Пустынскій, Смоленскій и др.; разорены ихъ монастыри Бытенскій, Жировицкій, Брестскій, въ которомъ убитъ былъ при этомъ монахъ Симеонъ Рупартовичъ, также Минскій Свято-Духовскій монастырь съ семинаріею для свѣтскаго клира и базиліанскою школою, Новогродскій съ базиліанской школой и Рожанскій, а въ Вильнѣ закрытъ былъ папскій алюмнатъ [462]). Уніатское духовенство удалилось изъ завоеванныхъ областей, и самъ уніатскій митрополитъ долженъ былъ, для своего спасенія, переходить изъ одного мѣста въ другое и возить съ собою останки тѣла Кунцевича [463]). Когда же въ 1657 году доведено было до свѣдѣнія Алексѣя Михайловича, что уніаты возвращаются въ занятую его войсками Вильну и другіе города и уѣзды и отправляютъ службу по своему обычаю; то онъ послалъ грамоту своимъ воеводамъ, чтобы они выслали изъ Вильны и другихъ городовъ и мѣстъ всѣхъ уніатовъ и впредъ высылали вонъ и не принимали. Виленскій воевода князь Шаховской, собравъ всѣхъ уніатовъ—бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ, объявилъ имъ, чтобы они или принимали православіе, или удалились вонъ изъ города, по указу государеву. Чрезъ нѣсколько дней, явясь къ воеводѣ, они заявили, что готовы принять православіе. Воевода приказалъ переписать ихъ имена и отдалъ списокъ ихъ въ Свято-Духовъ монастырь намѣстнику Даніилу Дороѳеевичу, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ ихъ въ православную церковь. Тотчасъ по взятіи извѣстнаго города, востановлялись и освящались въ немъ православные монастыри и церкви и возвращались имъ тѣ имѣнія, какими они владѣли прежде, до уніи. Такъ напр., въ Вильнѣ всѣ церкви переданы были православнымъ, вмѣстѣ съ розысканною утварью, которая отчасти спрятана, отчасти даже вывезена была уніатами [464]). Вслѣдъ за занятіемъ Полоцка и Витебска, московскій

патріархъ Никонъ назначилъ игумена Витебскаго Маркова Свято-Троицкаго монастыря Каллиста Доровеевича Риторайскаго намѣстникомъ Полоцкой епархіи, а затѣмъ, съ соизволенія царя Алексѣя Михайловича, посвятилъ Риторайскаго въ санъ полоцкаго епископа [465]). Памятниками

Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситняновичъ (Полоцкій).

торжества православія и русской народности въ сѣверо-западной Руси при Алексѣѣ Михайловичѣ служатъ также нѣкоторыя мѣстныя святыни, сохраняющіяся до настоящаго времени. Къ нимъ прежде всего нужно отнести чудотворную икону Богоматери въ Могилевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, которая, по мѣстному преданію, прославилась чудо-

твореніемъ во время осады города польскими войсками въ февралѣ 1655 г., избавивъ городъ отъ польскаго разоренія [466]). Въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ чествуется Иверская икона Богоматери, а въ Марковомъ Витебскомъ и въ Кутеинскомъ женскомъ монастыряхъ—иконы Казанской Божіей Матери, несомнѣнно или съ большою вѣроятностью принесенныя сюда изъ сѣверной Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Икона Богоматери въ Гродненскомъ монастырѣ, судя по характеру иконописи, написана не раньше половины XVII вѣка и тоже можетъ быть отнесена ко времени царя Алексѣя Михайловича [467]).

Къ сожалѣнію, царь Алексѣй Михайловичъ встрѣтилъ, среди блистательныхъ завоеваній своихъ, опасныхъ завистниковъ и соперниковъ себѣ и вскорѣ долженъ былъ возвратить Польско-Литовскому государству большую часть своихъ пріобрѣтеній. Шведскій король Карлъ X Густавъ, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши, вторгнулся въ нее, овладѣлъ Великою Польшею, Познанью, Мазовіей, Варшавою и Краковомъ и принудилъ Яна-Казиміра бѣжать въ Силезію. Карлъ-Густавъ вступилъ въ переговоры съ Алексѣемъ Михайловичемъ, предлагая ему удовольствоваться Бѣлоруссіей и Литвой, но не трогать Курляндіи и Польши, которыя онъ предоставлялъ себѣ. Царь отвѣчалъ уклончиво, не желая уступать шведамъ историческихъ правъ Россіи на Ливонію. А литовскій гетманъ Радивилъ, разбитый русскими подъ Вильною, поддался шведскому королю съ тою цѣлію, чтобы окончательно поссорить съ нимъ русскаго царя и вовлечь соперниковъ въ войну изъ-за Литвы. Радивилу содѣйствовали въ этомъ отношеніи сами поляки и германскій (австрійскій) императоръ, но иными путями. Поляки стали внушать Алексѣю Михайловичу, что онъ можетъ быть государемъ всей Польши, будетъ избранъ поляками послѣ Яна-Казиміра, и въ то же время просили германскаго императора о посредничествѣ. Послѣдній, завидуя Алексѣю Михайловичу и опасаясь окончательнаго паденія Польши и возникновенія на восточныхъ границахъ Австріи могущественнаго славянскаго государства подъ державою Алексѣя Михайловича, охотно принялъ предложеніе и коварно вовлекъ царя московскаго въ войну со шведами. По возвращеніи Алексѣя Михайловича въ Москву изъ втораго похода въ ноябрѣ 1655 года, здѣсь условленъ былъ съѣздъ великихъ пословъ для окончательныхъ переговоровъ о мирѣ съ поляками, а 17 мая слѣдующаго 1656 года объявлена Швеціи война [468]).

Въ маѣ Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Москвы въ третій походъ, но уже не противъ Литовско-Польскаго государства, которое онъ могъ считать своимъ, а противъ врага этого государства, шведскаго короля. 27 іюня государь прибылъ въ Витебскъ, а 5 іюля въ Полоцкъ, гдѣ въ присутствіи его освящены были возвращенные православію Спасо-Евфросиніевская церковь и Софійскій соборъ. Отправивъ отсюда пословъ въ Вильну для переговоровъ съ поляками, самъ царь выступилъ 15 іюля изъ Полоцка противъ шведовъ въ Ливонію, взялъ Динабургъ и Кукейносъ, переименовавъ ихъ въ Борисоглѣбовъ и Царевичевъ-Дмитріевъ, и 23 августа осадилъ Ригу. Осада шла неудачно. Царь велѣлъ снять осаду и отступить въ Полоцкъ. Дерптъ сдался русскимъ, но этимъ и кончились ихъ пріобрѣтенія въ Ливоніи.

Возвратившись въ Полоцкъ, Алексѣй Михайловичъ дожидался здѣсь конца переговоровъ своихъ уполномоченныхъ съ поляками. Переговоры тянулись болѣе двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, 17 октября 1656 года подписанъ былъ предварительный договоръ. Царь Алексѣй Михайловичъ признается королемъ польскимъ при жизни Казиміра, по смерти котораго русскій государь вступаетъ на польскій престолъ. Бѣлоруссія и Малороссія присоединяются къ Московскому государству. Послѣдователямъ православной и римской вѣры въ польскихъ областяхъ предоставляется полная свобода богослуженія. Россія и Польша до окончательнаго соединенія, безъ общаго согласія, не заключаетъ мира, ни всупаетъ въ войну съ сосѣдями. Окончательное утвержденіе этихъ условій зависѣло отъ сейма.

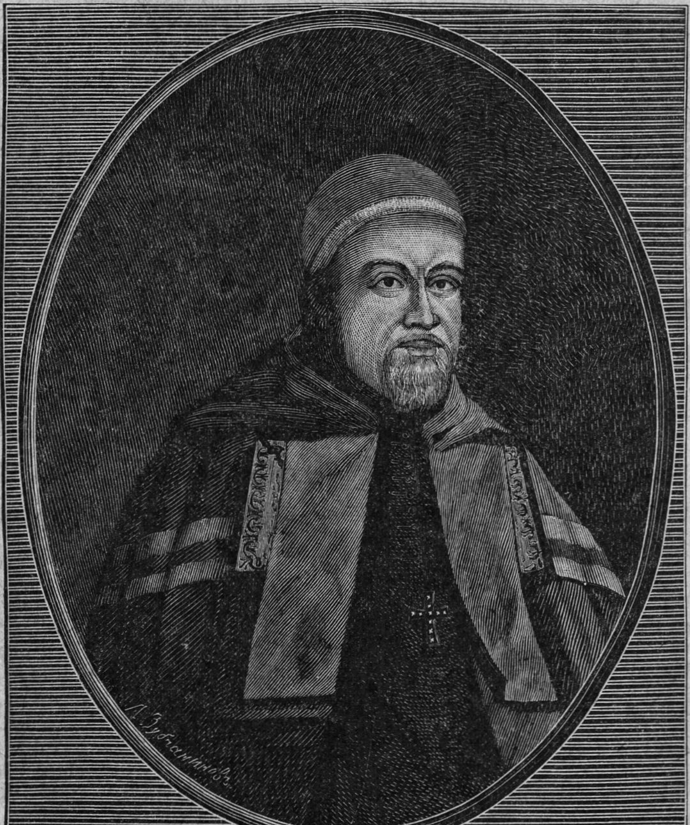
Но сеймъ, на утвержденіе котораго представленъ былъ этотъ договоръ, привлекши на свою сторону преемника Богдана Хмельницкаго, гетмана Ивана Выговскаго, льстивыми и несбыточными обѣщаніями, нашелъ 21 причину, — почему ни русскій царь, ни его сынъ не могли быть выбраны въ польскіе короли. Очевидно, полякамъ нужно было только поссорить царя съ королемъ шведскимъ, подготовить измѣну Выговскаго и продлить время. Узнавъ о двоедушіи поляковъ, Алексѣй Михайловичъ немедленно прекратилъ военныя дѣйствія противъ шведовъ и въ 1660 году заключилъ съ ними миръ, отказавшись отъ своихъ завоеваній въ Ливоніи. Польша съ своей стороны также старалась помириться съ Швеціей и въ 1660 году заключила съ ней оливскій до-

говоръ, вся выгода котораго заключалась въ томъ, что поляки могли всецѣло броситься на борьбу съ Россiею [469]).

Вторая война Россiи съ Польшей при Алексѣѣ Михайловичѣ была неудачна для русскихъ. Алексѣй Михайловичъ, занятый внутренними дѣлами, не могъ лично руководить войною. Казачiй вспомогательный отрядъ, завоевавшiй южную часть Бѣлоруссiи, разсѣялся по смерти Золотаренка, убитаго при осадѣ Стараго Быхова, а полковникъ Поклонскiй измѣнилъ Россiи. Въ самой Малороссiи, по смерти Богдана Хмельницкаго († 1657 г.), духъ шляхетства и стремленiе къ особымъ правамъ и преимуществамъ успѣли проникнуть и въ среду казаковъ и произвели въ нихъ колебанiе между подчиненiемъ Россiи, Польшѣ и даже Турцiи, вслѣдствiе чего украинское казачество не только не помогало русскимъ войскамъ въ Литвѣ, но и вообще не оказывало болѣе никакого почти влiянiя на историческiя судьбы Бѣлоруссiи и Литвы. Русскiе воеводы, оставленные царемъ въ Бѣлоруссiи и Литвѣ и обезсиленные отвлеченiемъ части войскъ на войну со шведами, въ своихъ отпискахъ постоянно жалуются на недостатокъ войска, хлѣба, денегъ. Сочувствiе къ нимъ мѣстнаго населенiя пошатнулось какъ вообще вслѣдствiе утомленiя тягостями продолжительной войны и начинавшихся неудачъ русскихъ войскъ, такъ и вслѣдствiе недоразумѣнiй между московско-казацкими войсками и мѣстнымъ населенiемъ, особенно имущественными его классами. Польская шляхта стала поднимать голову и смущать бѣлорусскiй народъ. Оттого въ Бѣлоруссiи чаще стали повторяться неудачи русскихъ: города одинъ за другимъ возвращались къ Польшѣ. Граница русскихъ завоеванiй дальше и дальше отодвигалась на востокъ къ Днѣпру [470]).

Въ Литвѣ и Бѣлоруссiи дѣйствовали воеводы Петръ Долгорукiй и Хованскiй. Долгорукiй 8 октября 1658 года разбилъ гетмана Гонсѣвскаго и взялъ его въ плѣнъ, но самъ отступилъ къ Кричеву. Въ январѣ 1660 года Хованскiй взялъ Брестъ, но 18 iюня того же года былъ разбитъ подъ Полонкой польскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Павла Сапѣги, Полубенскаго и Кмитича. Потерявъ пушки и весь свой обозъ, Хованскiй отступилъ къ Полоцку. Побѣдители пошли искать Долгорукова, хотѣли овладѣть Борисовомъ, но, не взявъ его, перешли Днѣпръ ниже Могилева и 8 октября напали на Долгорукаго, однако же, не смотря на кровопролитное сраженiе, не могли его выбить изъ укрѣп-

леннаго лагеря. Въ это время Хованскій, собравшись снова съ силами у Полоцка, началъ наступать на поляковъ сзади. Чарнецкій и Сапѣга обратились на него и принудили бѣжать въ Полоцкъ. Во всякомъ случаѣ, становилось очевиднымъ, что московскіе воеводы изъ наступательнаго положенія перешли въ оборонительное. Въ виду такой перемѣны военнаго

Левъ Кишка,
уніатскій митрополитъ.

счастія, въ Могилевѣ составился противъ русскихъ властей заговоръ, которымъ руководилъ бургомистръ Леоновичъ. Незначительный русскій гарнизонъ могилевскій былъ вырѣзанъ, а командовавшіе имъ московскіе воеводы закованы въ кандалы и отправлены къ королю въ Варшаву.

Наконецъ и самъ король, послѣ варшавскаго сейма 1661 года, предпринялъ походъ въ Литву и съ небольшимъ отрядомъ двинулся къ

Гроднѣ. Русскіе, занимавшіе Гродну, съ приближеніемъ королевскаго войска, оставили Гродненскую крѣпость. Занявъ Гродну, король направился къ Вильнѣ, которую осаждалъ гетманъ литовскій, Пацъ. Здѣсь мужественно отбивался отъ поляковъ доблестный русскій воевода, князь Данило Мышецкій, съ небольшою горстью русскихъ воиновъ. Вытѣсненный изъ самаго города превосходными силами непріятеля, русскій отрядъ заперся въ Виленскомъ замкѣ и на предложеніе о сдачѣ отвѣчалъ выстрѣлами изъ пушекъ въ городъ. Восемь мѣсяцевъ держался еще князь Мышецкій въ Виленскомъ замкѣ съ горстью солдатъ. Всѣ почти польскія силы, съ королемъ во главѣ, сосредоточились около Вильны. Мышецкій мужественно отбивалъ всѣ приступы. У него оставалось уже всего 78 солдатъ, но на требованіе сдаться онъ отвѣчалъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ это сдѣлаетъ. Король распорядился готовиться къ приступу. Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ въ подпольѣ приготовить 10 бочекъ пороху, чтобы взорвать себя съ защитниками и крѣпость на воздухъ. Но три измѣнника изъ числа гарнизона схватили воеводу, сковали и выдали королю. Милосердія у него князь Мышецкій, не смотря на предложеніе, не хотѣлъ просить и былъ осужденъ на смертную казнь. Іезуиты пытались-было обратить князя въ католичество, обѣщая ему спасеніе жизни, но князь отвергъ предложеніе и 30 ноября 1661 года былъ казненъ. Обезглавленное тѣло его погребено было въ Свято-Духовскомъ монастырѣ.

Подвигъ князя Мышецкаго задержалъ на время подъ Вильною главныя польскія силы и далъ возможность приготовиться къ защитѣ другимъ русскимъ воеводамъ, дѣйствовавшимъ въ Бѣлоруссіи. Поэтому, когда король изъ Вильны двинулся къ Глубокому (Дисненскаго уѣзда), то воевода князь Хованскій, стянувъ изъ разныхъ крѣпостей войска въ одно мѣсто, задумалъ дать рѣшительное сраженіе королю и пошелъ ему навстрѣчу. Но въ битвѣ при Кушликахъ Хованскій былъ разбитъ нà-голову, потерялъ пушки и множество плѣнныхъ и спасся съ остатками войска въ Полоцкъ.

Затѣмъ военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ велись все слабѣе и слабѣе. Польскіе отряды приходили подъ Витебскъ, Полоцкъ и Великія Луки, разоряли села и истребляли хлѣбные запасы. Въ декабрѣ 1662 года Чарнковскій взялъ приступомъ Усвятъ и перевѣшалъ нѣсколькихъ шляхтичей и мѣщанъ за то, что они не сдали города. Рус-

скіе держались еще въ Полоцкѣ, Витебскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Бѣлоруссіи и пытались повернуть на свою сторону военное счастіе. Въ 1666 году русскіе, подъ начальствомъ князей Черкасскаго, Прозоровскаго и Воротынскаго, пытались снова взять Могилевъ и подступили къ нему, предварительно занявъ Шкловъ и Копысь, но были отбиты гетманомъ Пацемъ, при чемъ убитъ былъ ядромъ и самъ Черкасскій.

Изнуренныя продолжительною войною, Россія и Польша заключили наконецъ въ 1667 году въ Андрусовѣ перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ, по которому Россія получила отъ Польши воеводства Смоленское съ городами Невлемъ, Себежемъ и Велижемъ, Черниговское или лѣвобережную Украину и на два года Кіевъ съ окрестностями на разстояніи одной мили, и возвратила Польшѣ воеводства Полоцкое, Витебское и Инфлянтское. Запорожье оставалось подъ властью обоихъ государей. Католикамъ предоставлялось въ мѣстахъ, отошедшихъ къ Россіи, свободно отправлять свое богослуженіе въ домахъ, православные же въ Польско-Литовскомъ государствѣ сохраняли свое право на свободное богослуженіе въ церквахъ [471]).

Кромѣ земельныхъ пріобрѣтеній, Россія почерпнула въ этой войнѣ и нравственныя и умственныя силы для своего возрожденія привлеченіемъ къ себѣ лучшихъ западно-русскихъ дѣятелей и литературными заимствованіями у бѣлоруссовъ и поляковъ. Въ 1654 году патріархъ Никонъ, только-что устроившій Иверскій монастырь, услышавъ о добромъ житіи настоятеля Оршанскаго Кутеинскаго Богоявленскаго монастыря Іоиля Труцевича, выпросилъ у царя Алексѣя Михайловича дозволеніе взять къ себѣ настоятеля этого монастыря съ нѣкоторымъ числомъ братіи, чтобы устроить, при ихъ помощи, общежитіе и въ Иверскомъ монастырѣ. Вслѣдствіе этого Іоиль Труцевичъ въ томъ же году переселился съ нѣкоторымъ числомъ братіи въ Иверскій монастырь, куда перенесъ и кутеинскую книгопечатню [472]). Въ 1664 году прибылъ въ Москву изъ Полоцка даровитый воспитанникъ Кіевской академіи, іеромонахъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря, Симеонъ Ситняновичъ, понравившійся царю Алексѣю Михайловичу во время пребыванія его въ Полоцкѣ, и навсегда остался въ Россіи. Здѣсь онъ былъ воспитателемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича, положилъ въ Москвѣ начало прочному школьному образованію и оставилъ послѣ себя много

ученыхъ и литературныхъ трудовъ [473]). Съ этого же времеи нусиливаются переводы съ бѣлорусскаго и польскаго на русскій языкъ разныхъ сборниковъ, разсказовъ, отдѣльныхъ повѣстей духовныхъ и свѣтскихъ, басенъ, сказокъ, смѣхотворныхъ повѣстей, фацецій, жартъ польскихъ и т. п., положившихъ начало свѣтской русской литературѣ, переводной и подражательной [474]).

Испробовавъ свои силы въ борьбѣ съ Польшею и одержавъ надъ нею верхъ, Россія, послѣ андрусовскаго перемирія, перешедшаго вскорѣ въ вѣчный миръ, успокоилась насчетъ Польши, перестала ея бояться и обратила свое вниманіе въ другую сторону, занялась рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія, вопросовъ о преобразованіяхъ, о пріобрѣтеніи новыхъ средствъ къ продолженію исторической жизни. Между тѣмъ въ то-же время начинаются для Польши продолжительныя, почти полуторавѣковыя предсмертныя судороги, обусловливаемыя внутреннимъ ея ослабленіемъ и распаденіемъ. Поэтому вліяніе Россіи на Польшу усиливается постепенно безъ всякой борьбы, вслѣдствіе только постепеннаго усиленія Россіи и равномѣрнаго внутренняго ослабленія Польши, и разрѣшается раздѣлами самой Польши между сосѣдними державами.

Глава седьмая.

Религіозныя отношенія и смуты въ Польшѣ съ половины XVII вѣка, вліяніе Россіи и раздѣлы Польши.

Борьба католичества и православія.—Усиленіе католичества и уніи: размноженіе костеловъ и кляшторовъ, окатоличеніе уніи и особенно базиліанскаго ордена, замостьскій соборъ 1720 года, латинскія нововведенія въ уніи, размноженіе базиліанскихъ монастырей.—Преслѣдованіе православія: польскія узаконенія и правительственныя постановленія противъ православія; развитіе и примѣненіе ихъ къ дѣлу, съ цѣлію насильственнаго совращенія православныхъ въ унію; недовольство уніею совращенныхъ въ нее. Сохраненіе православной вѣры въ Польшѣ и причины его—стойкость народа и заступничество Россіи.—Состояніе православія въ концѣ XVII вѣка.—Условія договора 1886 г. о православной вѣрѣ и особое значеніе его съ XVII вѣка; вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши и ходатайство за единовѣрцевъ, возстановленіе и сохраненіе Бѣлорусской епархіи, заступничество Петра I за православныхъ, ослабленіе вліянія Россіи при его преемникахъ и усиленіе при Елизаветѣ Петровнѣ; Георгій Конисскій, Екатерина II, слуцкая конфедерація 1767 года, сеймъ и договоръ съ Россіей въ 1768 году, въ пользу православныхъ, барская конфедерація и первый раздѣлъ Польши 1772 года, договоръ 1775 года, ухудшеніе участи православныхъ въ Польшѣ, назначеніе имъ въ епископы Виктора Садковскаго, обвиненіе его и арестъ, Пинская православная конгрегація, четырехлѣтній сеймъ 1788—1791 гг., второй раздѣлъ Польши, возстаніе Косцюшки и третій раздѣлъ Польши.—Справедливость и законность возсоединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей.

ТОТЧАСЪ послѣ войнъ царя Алексѣя Михайловича съ поляками, въ Польско-Литовскомъ государствѣ усиливается внутренняя борьба различныхъ вѣроисповѣданій, которая, не будучи сдерживаема и умѣряема безсильнымъ польскимъ правительствомъ, принимаетъ опасные для государства размѣры и даетъ поводъ сосѣднимъ державамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и распоряжаться ея судьбами. Сущность этой борьбы состоитъ въ томъ, что римско-католическая вѣра,

слившись окончательно и отождествившись съ польскою народностію, заявляетъ рѣшительное притязаніе на исключительное преобладаніе и господство въ русскихъ областяхъ Польско-Литовскаго государства и истребленіе въ нихъ русской вѣры не только православной, но и уніатской, съ цѣлію путемъ окатоличенія и ополяченія разорвать связи русскаго мѣстнаго населенія съ Россіею, какъ страною православною, и поскорѣе объединить и слить его съ Польшею. Но это притязаніе встрѣтило естественное сопротивленіе себѣ въ русскомъ населеніи, которое никакъ не хотѣло разстаться съ вѣрою своихъ предковъ, сдѣлавшеюся какъ бы существенною, основною чертою его народнаго характера, и свято сохраняло ее даже подъ внѣшнимъ покровомъ насильственно навязанной ему уніи. При неравенствѣ силъ и неравноправности борющихся сторонъ, польско-католики являются притѣснителями, а русскіе православные и даже отчасти уніаты притѣсняемыми.

Правда, такое же отношеніе польско-католиковъ къ православнымъ и уніатамъ замѣчалось и въ прежнее время, до войнъ царя Алексѣя Михайловича съ Польшею; но теперь, послѣ этихъ войнъ, оно расширяетъ кругъ дѣйствія и принимаетъ болѣе настойчивый и злокачественный характеръ. Во второй половинѣ XVII вѣка западно-русское дворянство почти поголовно совращено было въ католичество и отшатнулось отъ казацкаго сословія, стоявшаго не только за православную вѣру, но и за равноправность сословную, а слѣдовательно враждебнаго и дворянству, независимо отъ его вѣроисповѣданія. Католичество съ этого времени становится какъ бы панскою вѣрою, а русская вѣра, т. е. православіе и унія, вѣрою простонародья, хлопскою вѣрою. Притомъ же, ко второй половинѣ XVII вѣка уже сошло съ поприща дѣятельности прежнее поколѣніе польско-литовскихъ католиковъ, въ родѣ Льва Сапѣги, получившихъ воспитаніе въ свободолюбивое царствованіе Сигизмунда II Августа и отличавшихся большею или меньшею вѣротерпимостью, и замѣнилось новымъ дворянскимъ поколѣніемъ, которое воспитано было въ іезуитскихъ школахъ, насквозь пропитано духомъ нетерпимости къ другимъ некатолическимъ вѣроисповѣданіямъ, заражено іезуитскимъ нравоученіемъ, дозволяющимъ всякія, даже безнравственныя сдѣлки съ совѣстью ради блага католичества, и обучено всякимъ хитросплетеніямъ и пустымъ словоизвитіямъ для сокрытія истины и правды. Пользуясь неограниченною властью въ своихъ имѣніяхъ и стоя у кормила государ-

Святой Димитрій,

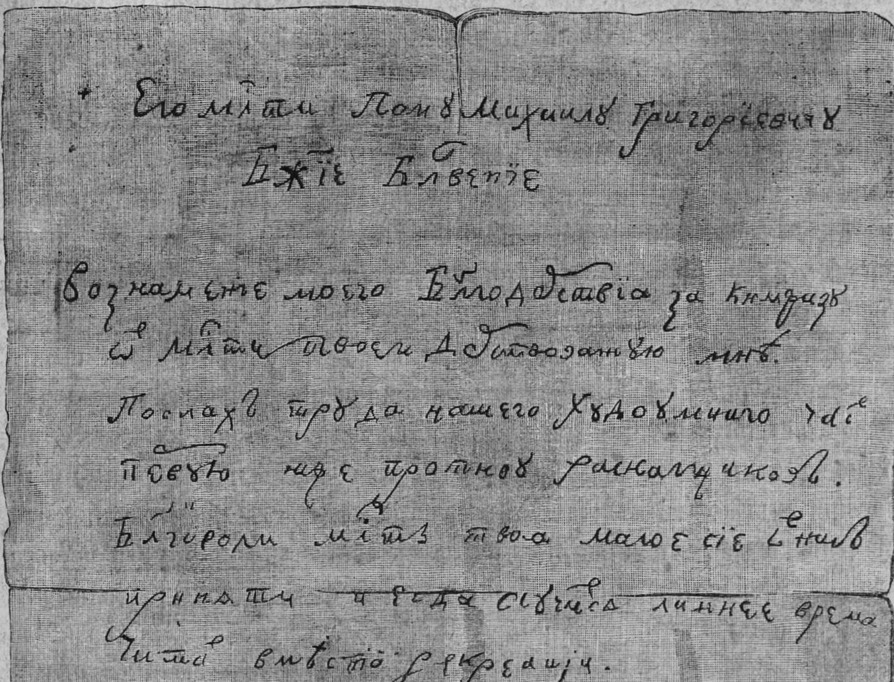
митрополитъ ростовскій и ярославскій.

ственнаго управленія, это новое поколѣніе дворянства вносило въ частныя отношенія и въ государственныя дѣла Польши несправедливость, двоедушіе, коварство и обманъ, которые подрывали и въ подданныхъ и въ сосѣднихъ государяхъ всякое довѣріе къ Польшѣ, къ ея обѣщаніямъ, постановленіямъ и международнымъ договорамъ и дѣлали необходимымъ вмѣшательство сосѣднихъ государей во внутреннія дѣла Польши.

Главными средствами къ окатоличенію и ополяченію русскихъ областей Польши въ послѣднее столѣтіе ея существованія были: усиленное размноженіе католическихъ костеловъ и кляшторовъ (монастырей), окатоличеніе самой уніи и особенно базиліанскаго ордена и угнетеніе православныхъ самимъ польскимъ правительствомъ, католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ и частными землевладѣльцами.

Съ совращеніемъ западно-русскаго дворянства въ католичество, естественно умножилось въ Сѣверо-Западномъ краѣ и количество католическихъ костеловъ и кляшторовъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ здѣсь были католическія епархіи Виленская, Жмудская, части Луцкой и Кіевской, Смоленская и Инфляндская или Ливонская [475]). Въ губерніяхъ съ русскимъ или смѣшаннымъ русско-литовскимъ населеніемъ со второй половины XVII вѣка появилось до 327-ми костеловъ и кляшторовъ, а именно: въ Виленской губерніи 114, Гродненской 43, Минской 55, Витебской 91 и Могилевской 24. Кромѣ того, въ этихъ же губерніяхъ построено было до 53 каплицъ съ престолами для богослуженія и значительное число такихъ костеловъ и кляшторовъ, время основанія которыхъ съ точностію неизвѣстно [476]). Нѣкоторые изъ костеловъ и кляшторовъ лишь преобразованы были изъ русскихъ церквей и монастырей, какъ напр. Велижскій 1754 года, а другіе воспользовались русскими святынями, какъ напр. костелъ въ Заскоркахъ, Витебской губерніи, 1792 г., гдѣ находится икона св. Николая съ русской надписью [477]). Всѣ эти костелы и кляшторы въ большей или меньшей мѣрѣ были орудіями окатоличенія и ополяченія русскаго и литовскаго населенія этихъ губерній.

Но такъ какъ большинство православныхъ жителей нельзя было прямо совратить въ католичество; то переходною ступенью къ нему служила вѣроисповѣдная унія. Въ первоначальномъ своемъ видѣ эта унія была весьма недалека отъ православія и потому не пользовалась расположеніемъ польско-католиковъ, которые иногда довольно презрительно

\+ Его мл҃сти Пану Михаилу Григориевичу

Бж҃іе Бл҃веніе

Вознамѣніе моего бл҃годарствіа за книжку
ѿ мл҃сти твоей дарованую мнѣ.
Послахъ труда нашего худоумного часть
псевто наре противнов раскольниковъ.
Бл҃городи мл҃сть твоа маюе сіе с нимъ
приняти и егда случися лишнее время
читати вмѣсто рекреацїи.

Мл҃сти твоей всего добра желающїй
Смиренный Архиерей Димитрій

8бріа 20. Ао: 1709.

Письмо св. Димитрія, митрополита ростовскаго, къ М. Г. Грохольскому.

смотрѣли на нее и даже требовали уничтоженія ея и полнаго подчиненія католичеству. Доходы русскихъ уніатскихъ священниковъ были столь скудны, что настоятелю прихода для прокормленія семьи приходилось въ потѣ лица обработывать свой кусокъ земли наравнѣ съ крестьянами. Вмѣсто принятія какихъ либо разумныхъ мѣръ, польское правительство отдало русскихъ священниковъ въ кабалу помѣщикамъ, жидамъ-арендаторамъ, латинскимъ ксендзамъ и епископамъ. По свидѣтельству короля Яна-Казиміра, мѣстные землевладѣльцы лично и чрезъ своихъ подчиненныхъ и управителей принуждаютъ русскихъ духовныхъ лицъ къ отбыванію повинностей наравнѣ съ крестьянами и къ выполненію самыхъ унизительныхъ услугъ, запрещаютъ имъ сноситься со своимъ епископомъ, подстрекаютъ ихъ къ неповиновенію владыкѣ, подчиняютъ своей власти, сажаютъ въ тюрьмы, вслѣдствіе чего они лишаются возможности отправлять божественную службу къ великому ущербу для спасенія душъ христіанскихъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ арендовали жиды, всѣ сельскіе обыватели, въ томъ числѣ и священникъ, по условію договора, обязывались покупать жизненные припасы только у жида, и то по возвышеннымъ цѣнамъ, и не смѣли молоть хлѣбъ иначе, какъ на жидовской мельницѣ. Латинское духовенство, имѣвшее приходы среди русскаго населенія, вымогало десятины съ русскихъ приходовъ, находившихся въ предѣлахъ его прихода, и такимъ путемъ, не смотря на свое болѣе чѣмъ достаточное обезпеченіе, умаляло и безъ того нищенскіе доходы уніатскихъ священниковъ. Наконецъ, латиняне прямо домогались уничтоженія особой уніатской іерархіи и подчиненія уніатовъ римско-католической іерархіи. «Жалуются достопочтенные уніатскіе епископы предъ Богомъ, предъ святѣйшимъ отцомъ и св. римскою церковію,— писалъ въ 1664 году холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша,— жалуются, видя съ изумленіемъ, что повсюду въ нашемъ отечествѣ находится не мало господъ латинянъ, домогающихся предъ св. престоломъ того, чтобы насъ, уніатскихъ епископовъ, уничтожить, чтобы имѣнія наши присоединить къ латинскимъ епископіямъ и чтобы оставить намъ только монаховъ и бѣлыхъ священниковъ, но подчинить ихъ власти латинянъ» [478]).

Но послѣ войнъ царя Алексѣя Михайловича съ Польшею, унія хотя и не получила полныхъ правъ гражданства въ Польшѣ, однако же пользовалась сравнительно бо̀льшимъ вниманіемъ со стороны польско-като-

ликовъ, которые видѣли въ ней ступень къ католичеству, старались тѣснѣе сблизить ее съ нимъ и, по мѣрѣ приближенія ея къ католичеству, давали ей нѣкоторыя права и льготы.

Лучшимъ орудіемъ къ окатоличенію и ополяченію уніи былъ въ рукахъ польско-католиковъ монашескій базиліанскій орденъ, въ самомъ началѣ своего учрежденія принявшій обычаи и порядки латинскихъ монашескихъ орденовъ. Въ дальнѣйшей своей жизни онъ все болѣе сближался съ католичествомъ, освободился отъ подчиненія епархіальнымъ архіереямъ и митрополиту, завися непосредственно отъ папы, и въ то же время обнаруживалъ сильное вліяніе на дѣла уніатской церкви и іерархіи и велъ за собою бѣлое уніатское духовенство и мірянъ къ тѣснѣйшему сближенію съ католичествомъ. Со второй половины XVII вѣка базиліане съ особенною ревностію заботятся о прославленіи вышедшаго изъ ихъ среды изувѣра Кунцевича, выставляютъ его передъ поляками святымъ заступникомъ и покровителемъ Польши и ходатайствуютъ передъ папою о причисленіи къ лику святыхъ римской церкви [479]). Въ то же время, на основаніи тридентскаго собора, они всѣми силами стремятся освободиться изъ-подъ власти уніатскихъ митрополитовъ и, по примѣру другихъ католическихъ орденовъ, зависѣть только отъ Рима. Послѣ сорокалѣтней, упорной борьбы съ уніатскими митрополитами Селявой, Колендой и Жоховскимъ, базиліане, при посредствѣ римскаго двора, заключили въ 1686 году съ уніатскимъ митрополитомъ союзъ или мировую сдѣлку, въ силу которой предоставлено базиліанскому ордену внутреннее самоуправленіе и дано генералу или протоархимандриту ордена право обозрѣвать всѣ монастыри, не исключая и архимандритскихъ, съ дозволенія впрочемъ митрополита, ревизовать приходскія церкви ордена и поставлять и смѣнять выбираемыхъ на опредѣленный срокъ игуменовъ. По стараніямъ базиліанъ, на замостьскомъ соборѣ 1720 года, созванномъ уніатскимъ митрополитомъ изъ базиліанъ Львомъ Кишкой, всѣ уніатскіе монастыри включены въ составъ базиліанскаго ордена, проведена мысль объ избраніи уніатскихъ владыкъ исключительно изъ монаховъ базиліанъ и положено прочное начало латинскимъ нововведеніямъ въ уніатскую церковь. На этомъ соборѣ приняты были уніатами утвержденное папою Урбаномъ VIII исповѣданіе вѣры съ прибавленіемъ словъ «и отъ Сына», и ученіе о непогрѣшимости папы, и признаны восьмой якобы вселенскій соборъ и сдѣланныя на немъ римско-ка-

толическія нововведенія. Рѣшено было также, чтобы имя папы римскаго внесено было въ помянники и возносимо было на литургіи во время перенесенія даровъ внятно, громко и ясно. Вскорѣ послѣ собора, по приказанію римской конгрегаціи о распространеніи вѣры, пересмотрѣны были русскія богослужебныя книги и устранено изъ нихъ все, что не согласовалось съ римскимъ вѣроисповѣданіемъ. Уніатскій митрополитъ Ираклій Лисовскій въ окружномъ посланіи своемъ 1795 года писалъ, что со времени замостьскаго собора уніаты перестали употреблять при богослуженіи древніе служебники, совершать литургію по древнему обряду, пѣть символъ безъ прибавленія, возносить на литургіи мѣстнаго епископа или архіепископа, стали употреблять монстранціи и вводить другія чинопослѣдованія, чуждыя обряду греческому. Послѣ замостьскаго собора, сначала изъ Супрасльской книгопечатни, потомъ Уневской, Виленской и Почаевской, вышли въ свѣтъ, безъ вѣдома даже римскаго престола, новые испорченные служебники, непристойно составленные изъ латинскаго и греческаго обряда, явились въ церкви другія безчисленныя новшества, порчи, безобразія, ошибки и злоупотребленія [480]).

Самыми рьяными проводниками католическихъ началъ въ жизнь уніатской церкви были все тѣ же базиліане. Они наводнили своими монастырями всѣ русскія и литовскія области Польши, устраивали свои монашескія и свѣтскія школы, учреждали миссіи, испрашивали различныя индульгенціи или такъ называемые «одпусты» и втирались въ епархіальное управленіе уніатскихъ епископовъ.

Въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и Литвы въ XVII и XVIII вѣкахъ было до 88 базиліанскихъ монастырей. Незначительная часть ихъ совращена была въ унію при самомъ ея введеніи, какъ напримѣръ монастыри: Жировицкій, Пинскій, Виленскій Свято-Троицкій, Лавришевскій, Супрасльскій, Браславскій, Мстиславскій, Онуфрейскій Пустынскій, Гродненскій, Лещинскій, Полоцкій Борисоглѣбскій, Минскій, Кобринскій, Черейскій и Трокскій. Для самихъ базиліанъ въ разное время основано было въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, въ XVII и XVIII вѣкахъ, до 57 монастырей, изъ коихъ 3 приходится на нынѣшнюю Ковенскую губернію, 6—на Виленскую 13—на Гродненскую, 14—на Минскую, 11—на Витебскую и на Курляндію и 10—на Могилевскую [481]). Кромѣ того, со второй половины XVII вѣка вновь отняты у православныхъ и обращены на унію монастыри: Мозырскій, Ясногорскій-Петропавловскій монастырь въ 1652 году [482]), Міор-

Императоръ Петръ I Алексѣевичъ.

скій въ 1690 году [483]), Лепесовскій въ 1691 году [484]), Циперскій въ 1696 году [485]), Лукомскій въ 1715 году, Стрекаловскій въ 1722 году [486]), Мазаловскій въ 1727 году, Новодворскій и Терешковскій въ 1743 году [487]), Сверженскій и Друйскій до 1747 года [488]), Голдовскій около 1747 года [489]), Оголицкая или Бобыницкая пустынька близъ Петрикова въ 1748 году [490]). Селецкій монастырь въ 1751 году, Соломерецкій и Борисовскій Воскресенскій въ 1753 году [491]). При нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ базиліанскихъ монастыряхъ были учреждаемы миссіи «для попеченія о спасеніи вѣрующихъ», какъ напримѣръ базиліанская миссія въ Мозырѣ, упоминаемая подъ 1747 годомъ, при чемъ этимъ миссіямъ давались разныя индульгенціи и предоставлялось миссіонерамъ право благословлять и раздавать народу медальоны и корунки и водружать кресты на мѣстѣ совершенія миссій. При другихъ монастыряхъ содержались школы или для самихъ монашествующихъ, или же для свѣтскаго юношества. Для монашествующихъ въ XVIII вѣкѣ извѣстны школы—богословскія въ Вильнѣ и Полоцкѣ и философскія въ Жировицахъ и Полоцкѣ; а для свѣтскаго юношества—прежняя Жировицкая философская школа, имѣвшая до 300 учениковъ, и вновь основанныя—Сверженская семинарія воспитанниковъ, учрежденная въ 1743 году княземъ Радивиломъ, Боруньская философская съ 300 учениковъ и Якобштадтская реторическая въ Курляндіи съ 200 учениковъ. По изгнаніи іезуитовъ изъ Польши въ 1772 году, базиліане старались занять ихъ мѣсто и захватить въ свои руки народное образованіе [492]). Вообще къ концу существованія Польши базиліанскій орденъ сдѣлался почти католическимъ и польскимъ и служилъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ къ окатоличенію и ополяченію западно-русскаго населенія.

Съ совращеніемъ западно-русскаго дворянства въ католичество, размноженіемъ католическихъ костеловъ и монастырей и окатоличеніемъ самой уніи и особенно базиліанскаго ордена, одинъ только простой западно-русскій народъ со своими духовными пастырями оставался неизмѣнно вѣренъ отеческимъ преданіямъ и православію; но зато онъ подвергается притѣсненіямъ и со стороны самого польскаго правительства, и со стороны латино-уніатскаго духовенства и преимущественно іезуитовъ, и со стороны помѣщиковъ и арендаторовъ населенныхъ имѣній, и насильственно принуждается къ принятію уніи и даже католичества.

Со времени войнъ царя Алексѣя Михайловича съ Польшею поста-

новленія польскихъ сеймовъ, обезпечивавшія прежде свободу православнаго вѣроисповѣданія или уклонявшіяся отъ рѣшенія вопроса, теперь высказываются рѣзко въ пользу уніи, и при каждомъ возможномъ случаѣ издаются постановленія, все болѣе и болѣе враждебныя для православія Притомъ же эти постановленія нерѣдко имѣютъ негласный характеръ, съ цѣлію отвести глаза сосѣднимъ государствамъ и самимъ притѣсняемымъ и обмануть ихъ. Хотя гадячскимъ договоромъ измѣнника Выговскаго, заключеннымъ съ поляками въ 1658 году и утвержденнымъ сеймовымъ постановленіемъ 1659 года, положено было уничтожить унію, а православнымъ предоставить свободу вѣроисповѣданія и вновь возвратить нѣсколько епископствъ; однако же эти договоръ и постановленіе не только не приводились въ исполненіе, но вскорѣ истолкованы были въ пользу уніатовъ. Въ негласномъ постановленіи сейма 1661 года было сказано, что русскій народъ ненасытенъ, все требуетъ бо̀льшаго и бо̀льшаго и даже невозможнаго; посему, «дабы при нападеніи совнѣ не обратились къ князю московскому или къ другому иностранному государю», объявляемъ, что «условія гадячскія должны относиться къ старымъ уніатамъ, а потому возвращаемъ уніатамъ всѣ епископства, церкви и имѣнія, запрещаемъ казакамъ жить въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ, ограничиваемъ число ихъ 50,000-ми и условія гадячскія считаемъ ничтожными, возвращаемъ имѣнія тѣмъ, кому они принадлежали до и послѣ заключенія гадячскихъ условій». Въ 1667 году, одновременно съ заключеніемъ андрусовскаго договора, издано было сеймомъ постановленіе, въ силу котораго уніатское духовенство было освобождено на вѣчныя времена отъ всѣхъ военныхъ повинностей, но православное духовенство оставлено на уровнѣ податныхъ сословій—мѣщанъ и крестьянъ. Въ условія, въ соблюденіи которыхъ присягалъ новый король, стала вноситься статья, которою король обязывался при первой возможности уладить безотлагательно несогласія, «возникшія отъ раздвоенія людей греческой религіи», и притомъ обѣщалъ «имѣній и духовныхъ должностей греческой церкви не предоставлять лицамъ недостойнымъ и не дозволять такимъ лицамъ пользоваться ими по переуступкѣ». Здѣсь, подъ успокоеніемъ несогласій, разумѣлось водвореніе уніи насчетъ православія, а подъ лицами недостойными—православное духовенство. Въ 1668 году король Янъ-Казиміръ, по просьбѣ уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ

право завѣдывать и управлять всѣми праздными епископскими мѣстами въ Польшѣ и Литвѣ «какъ для сохраненія церковныхъ правъ, такъ и для того, чтобы имѣнія и документы не расхищались свѣтскими покровителями, особенно же для того, чтобы этими имѣніями не завладѣли схизматики, которые много зла могутъ сдѣлать и дѣлаютъ, безъ намѣренія возвратить имѣнія, которыми иногда завладѣваютъ во время вдовства уніатскихъ каѳедръ». По словамъ уніатовъ, этою грамотою уничтожены были права, данныя польскими королями православнымъ митрополитамъ Петру Могилѣ, Сильвестру Косову и другимъ на митрополію Кіевскую. Всѣ православныя епархіи, не исключая и занимаемыхъ наличными епископами, считались праздными и числились въ завѣдываніи уніатскихъ митрополитовъ. Въ томъ же 1668 году генеральная конфедерація, во время междуцарствія, постановила слѣдующій законъ: «Аріане и отступники отъ католической вѣры, равно какъ и отъ уніи, перешедшіе въ другое вѣроисповѣданіе, не должны пользоваться покровительствомъ сеймовыхъ постановленій, обезпечивающихъ свободу вѣроисповѣданія; отступниковъ должно наказывать изгнаніемъ изъ отечества, если вина ихъ будетъ доказана судебнымъ порядкомъ». Постановленіемъ сейма 1676 года, подтвержденнымъ на сеймахъ 1678 и 1699 годовъ, ставропигіальнымъ православнымъ братствамъ и вообще всѣмъ православнымъ воспрещалось выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда, сноситься съ константинопольскимъ патріархомъ и представлять на его рѣшеніе дѣла, касающіяся вѣры. Братства должны были подчиниться мѣстнымъ епископамъ, а въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе должны были представлять споры въ дѣлахъ вѣры на рѣшеніе гражданскихъ судовъ. Это запрещеніе выѣзда за границу не только лишало церковныя братства возможности общенія съ патріархомъ, но и направлено было къ разрушенію православной іерархіи, которой неоткуда было получать посвященія [493]). Въ 1697 году, подъ предлогомъ уравненія правъ Литвы съ Польшей, было закономъ постановлено, чтобы во всѣхъ судахъ великаго княжества Литовскаго употреблялся польскій языкъ вмѣсто русскаго, который съ этого времени былъ совершенно вытѣсненъ изъ судебнаго дѣлопроизводства [494]). Сеймовымъ постановленіемъ 1699 года только «мѣщане правдивые уніаты объявлены исключительно способными къ занятію выборныхъ магистратскихъ должностей», отъ которыхъ на-

всегда устранялись православные. На сеймѣ 1712 года изданъ былъ законъ, въ силу котораго запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только акты эти, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что либо выгодное для лицъ не католическаго

Флоріанъ Гребницкій,

полоцкій греко-уніатскій архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ.

вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ послѣдніе лишались покровительства закона и предоставлялись на произволъ буйства ничѣмъ необузданной католической шляхты. На сеймѣ 1716 года, по поводу вопроса о диссидентахъ реформатахъ въ Мазовіи, постановлено было, чтобы церкви, построенныя вопреки конституціямъ, были уничтожены, и чтобы тѣ,

которые различнаго мнѣнія въ вѣрѣ, «во время настоящей шведской войны» не имѣли никакихъ ни общественныхъ, ни частныхъ собраній, не произносили неприличныхъ проповѣдей и не пѣли никакихъ вредныхъ пѣсней. Постановленіе это, утвержденное въ ограничительномъ смыслѣ по отношенію къ мазовецкимъ диссидентамъ, и притомъ на время войны, распространено на всѣхъ православныхъ Польши и Литвы, и хотя въ 1717 году было ограничено королевскою грамотою, но имѣло силу и въ послѣдующее время и давало поводъ къ постояннымъ гоненіямъ на православіе. Около 1717 года появился пресловутый негласный проэктъ объ уничтоженіи русской вѣры и народности въ русскихъ областяхъ Польши, обрекавшій на это уничтоженіе не только православную, но и уніатскую вѣру, которая все же была русскою. Послѣ смерти Августа II конфедераціею, устроенною во время междуцарствія въ 1732 году, опредѣлены были слѣдующія узаконенія: «церковь католическая не должна никоимъ образомъ терпѣть рядомъ съ собою другихъ вѣроисповѣданій; иновѣрцы, то есть православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и въ особыя коммиссіи, составляемыя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно ходить по улицамъ со св. дарами; крещеніе, бракъ, похороны они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія католическаго ксендза, за установленную послѣднимъ плату. Торжественныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ; въ селахъ не должны имѣть колоколовъ при церквахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны причисляться къ католической церкви и даже православные пасынки вотчима католика должны принять католичество. Каноническіе законы католиковъ должны быть обязательны для иновѣрцевъ». Въ 1747 году латиняне выпросили у короля запретительный указъ, чтобы въ экономіяхъ королевскихъ на убылыя мѣста послѣ умершихъ православныхъ и уніатскихъ священниковъ не производить ставлениковъ къ церквамъ безъ именнаго королевскаго согласія. Этимъ совершенно затруднялось рукоположеніе новыхъ священниковъ на праздные приходы. На сеймѣ 1764 года постановлено было карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католичества въ другое вѣроисповѣданіе, и

опредѣлено было записывать въ крѣпостные сыновей православныхъ священниковъ, если они до 15-лѣтняго возраста не выберутъ себѣ рода жизни. Въ 1766 году епископъ краковскій, Солтыкъ, предложилъ сейму объявить врагомъ отечества каждаго, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона [495]).

Какъ ни враждебны были православію всѣ перечисленныя законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія, — они даютъ только слабое понятіе о томъ горестномъ положеніи православной церкви, въ какомъ она находилась въ Польшѣ со второй половины XVII столѣтія. Католическое и уніатское духовенство и особенно іезуиты, судебныя и исполнительныя власти и разнузданная своевольная шляхта съ замѣчательною изобрѣтательностію и изворотливостію проводили въ жизнь эти узаконенія и распоряженія и примѣняли ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ и даже нерѣдко предупреждали своими дѣйствіями самыя узаконенія и правительственныя распоряженія. Передовыми дѣятелями въ этомъ отношеніи были латино-уніатское духовенство и особенно іезуиты, захватившіе въ свои руки воспитаніе шляхетскаго юношества и развращавшіе его совѣсть. Они первые, еще до изданія особыхъ законовъ и постановленій о воспрещеніи православнымъ открытаго совершенія богослуженія и требъ и объ отступничествѣ отъ католичества и уніи, уже практиковали то, что впослѣдствіи постановлено было подъ ихъ вліяніемъ. Такъ наприм., еще въ 1681 году полоцкій православный монастырь, братство и мѣщане жаловались королю Яну Собѣскому, что уніатскій митрополитъ Жоховскій и Полоцкій іезуитскій коллегіумъ дѣлаютъ имъ великія притѣсненія, препятствуютъ отправленію богослуженія, останавливаютъ на дорогѣ священниковъ, идущихъ къ больнымъ со св. дарами, не позволяютъ провожать умершихъ на кладбища, наносятъ оскорбленія инокамъ и похваляются отнять у нихъ монастырь [496]). Въ послѣдствіи времени подобныя нападенія іезуитовъ, ихъ воспитанниковъ и вообще латино-уніатскаго духовенства на православныхъ совершались въ Дрогичинѣ въ 1715, 1717, 1722, 1732, 1733, 1738 и 1742 годахъ, въ Пинскѣ и Брестѣ въ 1724, 1730 и 1752 годахъ, въ Вильнѣ въ 1745 и 1755 гг., въ Минскѣ въ 1755 году, и др. [497]). Бывали случаи, что католическіе ксендзы, уніатскіе попы и шляхтичи разбойническимъ образомъ нападали на православныхъ

священниковъ, отправлявшихся для требоисправленія, истязали и даже убивали ихъ. Но весьма часто іезуиты, ихъ воспитанники и латино-уніатское духовенство нападали на православные монастыри и церкви и на представителей православія безъ всякаго внѣшняго повода и наружнаго оказательства православія. Такъ напр., около 1722 года іезуитскіе воспитанники въ Оршѣ съ оружіемъ напали на Кутеинскій женскій монастырь и подожгли его, съ цѣлію похитить изъ монастыря чудотворную икону Богоматери, а въ 1744 г. іезуитскими воспитанниками сожжены въ Слуцкѣ три православныя церкви Воскресенская, Замковая и Варваринская и митрополитанскій домъ [498]).

При господствѣ католичества и уніи, самое существованіе, рядомъ съ ними, православныхъ монастырей и церквей считалось какъ бы преступнымъ оказательствомъ православія и вызывало неистовства католической и уніатской іерархіи. Католическіе и уніатскіе епископы и другія духовныя лица считали себя полноправными хозяевами на пространствѣ своихъ епархій и приходовъ и обращались съ православными, какъ съ непослушными своими пасомыми. Въ 1674 году пинскій уніатскій епископъ Бѣлозоръ жаловался суду на старостъ города Турова за то, что они не допустили его обозрѣвать (православныя) церкви въ городѣ и близъ лежащихъ селахъ, вслѣдствіе чего каптуровый судъ приговорилъ отдать всѣ церкви Бѣлозору [499]). Въ 1668 году уніатскій митрополитъ Коленда выпросилъ у короля Яна-Казиміра указъ начальству Полоцкаго воеводства объ отнятіи на унію православнаго Богоявленскаго монастыря въ Полоцкѣ. Тотъ же Коленда въ 1670 году писалъ къ бургомистрамъ и ратманамъ Витебска, прося ихъ «не дозволять марковскимъ (монахамъ) преподавать по домамъ духовныя требы и заражать ихъ зловоніемъ схизмы». Преемникъ Коленды Кипріанъ Жоховскій прямо запретилъ жителямъ Витебска посѣщать православный Марковъ монастырь, а въ Полоцкѣ всѣми силами старался воспрепятствовать построенію новой церкви, при Богоявленскомъ монастырѣ, вмѣсто сгорѣвшей, и въ 1682 году жаловался на Богоявленское братство и полоцкихъ мѣщанъ королю, обвиняя ихъ даже въ покушеніи на свою жизнь [500]). Тамъ, гдѣ представлялись случай и возможность, латинскіе епископы прибѣгали даже къ открытому насилію противъ православныхъ. Въ февралѣ 1722 года канцлеръ князь Вишневецкій выдавалъ своихъ дочерей замужъ, одну за ордината Замойскаго, другую за Огин-

скаго, сына воеводы Трокскаго. Въ Пинскъ наѣхало множество сенаторовъ, а Замойскіе привезли съ собою отрядъ войска съ артиллеріей. Въ числѣ гостей были католическій луцкій епископъ Рупіевскій и уніатскій пинскій епископъ Годебскій, которые воспользовались даннымъ случаемъ и, вмѣстѣ съ другими гостями и войскомъ, дѣлали заѣзды на православныя церкви, ругались надъ святынею, били монаховъ и забрали на унію православные монастыри и церкви въ Пинскѣ и его окрестностяхъ, причемъ похищены были и церковные документы. Около 1720 г. уніатскій митрополитъ Левъ Кишка ѣздилъ по Литвѣ и, съ согласія и при помощи мѣстной шляхты, католическихъ ксендзовъ и уніатовъ, насильно принуждалъ православныхъ къ уніи. Около 1722 года уніатскій смоленскій архіепископъ Друцкой-Соколинскій, жившій въ помѣстьяхъ своихъ въ Бѣлоруссіи, желая увеличить свою крайне малочисленную паству, нападалъ на православныя мстиславскія церкви и жестоко мучилъ православныхъ, защищавшихъ свою святыню. А по примѣру епископовъ, и католическіе и уніатскіе монастыри и отдѣльныя духовныя лица дѣлали нападенія на православные монастыри и церкви, съ цѣлію совращенія ихъ въ унію или, по крайней мѣрѣ, нанесенія имъ вреда. Извѣстны нападенія плебана Юревича съ католиками и уніатами въ 1691 году на Минскій Петропавловскій православный монастырь, въ 1743 году цеперскихъ базиліанъ на Новодворскій монастырь, въ 1747 году виленскихъ базиліанъ на Виленскій Свято-Духовскій монастырь, въ 1753 году якобштадтскихъ базиліанъ на якобштадтскаго православнаго игумена и монастырь. Около 1744 года слуцкіе іезуиты отняли у Слуцкаго Троицкаго монастыря земли мили на полторы въ окружности, насильственно принуждали православныхъ къ уніи, захватывали православныя церкви и выгоняли священниковъ. Не осталась неприкосновенною отъ насилій латино-уніатскаго духовенства даже личность православнаго могилевскаго епископа. Могилевскіе іезуиты домогались у литовскаго гетмана Сапѣги и другихъ сенаторовъ, чтобы отдать имъ каѳедральную Могилевскую Спасскую церковь, упразднить православную могилевскую каѳедру и учредить католическую. Въ 1726 году могилевскій плебанъ Волчекъ посадилъ въ костельную тюрьму одного епископскаго священника, ловилъ и билъ епископскую прислугу и даже ночью напалъ на епископскій дворъ, намѣреваясь убить самого епископа. Преосвященный могилевскій Сильвестръ, князь Святополкъ-Четвертинскій, опа-

сался даже послать отъ себя кого либо съ жалобою на сеймъ, такъ какъ помянутый плебанъ, а также іезуитъ Гинтофтъ обѣщались убить того, кто будетъ посланъ. Плебанъ Гриневичъ, поступившій въ Могилевъ въ 1745 году, непрестанно вымышлялъ и произносилъ на могилевскаго преосвященнаго Іеронима Волчанскаго и весь народъ православный могилевскій «разныя въ свѣтѣ неслыханныя порѣченія, напасти и пасквили», подавалъ манифесты, протестаціи и проч. Въ 1759 году католическіе миссіонеры, въ бытность преосвященнаго могилевскаго Георгія Конисскаго въ Оршѣ, напали со своими слугами на церковь, въ которой служилъ преосвященный Георгій, и вынудили его прекратить служеніе и выйти изъ церкви подъ угрозами изувѣровъ, преслѣдовавшихъ его съ оружіемъ въ рукахъ. Преосвященный едва могъ найти убѣжище въ стѣнахъ Кутеинской обители. Но разъяренные изувѣры окружили и монастырь, въ намѣреніи непремѣнно тутъ убить его. Чтобы спастись отъ ярости губителей и неминуемой страдальческой смерти, приказалъ онъ положить себя въ крестьянскую телѣгу и, прикрывъ навозомъ, вывезти изъ монастыря. Въ 1761 году могилевскій плебанъ Зеновичъ, собравъ іезуитскихъ воспитанниковъ и вооруживъ ихъ ружьями, саблями и дубинами, ворвался ночью въ домъ преосвященнаго Георгія Конисскаго и въ православную семинарію. Бѣшеная толпа, разломавъ ворота, переранила многихъ воспитанниковъ и монаховъ и, производя различныя безчинства, съ криками искала своей жертвы. Архіерей съ величайшимъ трудомъ успѣлъ укрыться отъ своихъ убійцъ въ низкомъ и сыромъ подвалѣ своего дома [501]).

Но такъ какъ открытыя нападенія на православныхъ вызывали заступничество за нихъ со стороны русскаго правительства, то они съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе прикрываются законными основаніями, дѣйствительными, или вымышленными. Нерѣдко православные монастыри и церкви передавались уніатамъ на томъ основаніи, что будто бы они построены были для уніатовъ. На этомъ основаніи еще въ 1666 году присуждена была уніатамъ Заблудовская церковь, хотя въ дѣйствительности она построена была православнымъ вельможею Ходкевичемъ и для православныхъ еще въ 1563 году, когда въ Литвѣ вовсе не было и уніи [502]). А такъ какъ документы прямо говорили, что извѣстные монастыри и церкви построены для православныхъ, то латиноуніаты или поддѣлывали эти документы, или отнимали ихъ у право-

Императрица Елизавета Петровна.

славныхъ. Около 1745 года кричевскій плебанъ Илличъ, «выбравши изъ метрическихъ книгъ великаго княжества Литовскаго старыя привиллегіи русскихъ церквей, приписалъ въ нихъ новыя придачи, аки бы они имѣли быть отъ основанія своего уніатскими», съ помощію такихъ подложныхъ документовъ выпросилъ у короля привиллегію на русскія церкви въ Кричевѣ и отобралъ ихъ на унію. Около 1747 года, въ ожиданіи коммиссіи для разбора жалобъ православныхъ на отнятіе у нихъ церквей латино-уніатами, полоцкій уніатскій оффиціалъ Ираклій Лисянскій объѣздилъ всѣ церкви въ Бѣлоруссіи, отнятыя въ разное время на унію, и какія нашелъ древнія фундушевыя записи, ставленыя грамоты, православные антиминсы и богослужебныя книги, все забралъ съ собою, дабы и память православія истребить, а уніатскимъ попамъ по всей Бѣлоруссіи бороды побрилъ и на головахъ волосы остригъ по римски, дабы и виду на нихъ грекороссійскаго закона не было [503]).

Такой же способъ распространенія уніи и католичества, основаный на правѣ мнимой давности, примѣнялся и къ исповѣдникамъ православной вѣры. Около 1732 года копыльскій ксендзъ Пенскій принуждалъ побоями православныхъ жителей принимать унію, основываясь на томъ положеніи, что предки ихъ будто бы были уніаты; неповинующихся ему травилъ собаками, приказывалъ отпускать имъ по 150 палочныхъ ударовъ, принуждалъ родителей носить дѣтей ко св. крещенію въ костелъ, запрещалъ священникамъ напутствовать умирающихъ и хоронить мертвыхъ, вязалъ ихъ и билъ, въ случаѣ если они отправляли крестные ходы [504]). Около 1753 года брестскіе іезуиты вымыслили и изобрѣли ложныя метрики «на нѣсколько знатныхъ православныхъ фамиліантовъ, якобы оныхъ предки родились въ ихъ папежской вѣрѣ, и оныя метрики представляли въ трибуналъ коронный въ Люблинѣ, съ котораго трибунала состоялся такой декретъ, что ежели кто изъ означенныхъ въ метрикахъ фамиліантовъ православныхъ не принялъ бы вѣры предковъ своихъ, то лишать движимаго и недвижимаго имущества и живота, и таковымъ ложнымъ и страшнымъ образомъ всѣхъ означенныхъ въ метрикѣ принудили до своей папежской вѣры» [505]).

Впрочемъ, и сами латино-уніаты не вѣрили въ право давности уніи и потому предпочитали преслѣдовать православныхъ на основаніи польскихъ законовъ и постановленій объ отступникахъ отъ католичества и уніи и о смѣшанныхъ бракахъ. Достаточно было ксендзу хоть разъ

отслужить въ православной церкви, разъ совершить требу для православной семьи или одного члена ея, чтобы считать церковь и семью принадлежащими католичеству или уніи, отступленіе отъ которыхъ было строго возбранено. И въ этомъ отношеніи ксендзы отличались чрезвычайною изобрѣтательностію. Въ 1752 году, во время совершенія православной литургіи въ церкви села Голеневскаго, Могилевской епархіи, прокрался въ церковь ксендзъ Бутримовичъ, поставилъ столъ передъ иконою св. Николая за правымъ клиросомъ, отправилъ тихую мшу и затѣмъ заперъ церковь своимъ замкомъ, какъ уже принадлежащую католичеству. Подобнымъ образомъ ксендзы врывались въ православныя семейства, крестили дѣтей православныхъ родителей помимо ихъ воли, тайно приходили къ тяжко больнымъ, клятвенно обѣщая имъ, что они будутъ здоровы, если примутъ римскую вѣру, и считали ихъ своими католиками. Если впослѣдствіи такія лица возвращались въ православіе, то подвергались отъ ксендзовъ жестокимъ истязаніямъ. Въ 1732 г. въ Вильнѣ консисторія Виленской римской капитулы потребовала къ себѣ многихъ православныхъ молодыхъ людей и, голословно утверждая, что родители ихъ, живущіе въ другихъ городахъ, недавно приняли римское исповѣданіе, принуждала и дѣтей къ принятію католичества и воспретила имъ ходить въ православныя церкви [506]). Управляющій Петриковскимъ имѣніемъ шляхтичъ Гребницкій, племянникъ уніатскаго епископа, потребовавъ на судъ экономіи приходскаго священника села Лясковичъ Прохора Забытневича, обвинилъ послѣдняго голословно въ обращеніи въ православіе 20 человѣкъ уніатовъ, приказалъ ему, въ замѣнъ за уніатовъ, отчислить отъ своего прихода 20 человѣкъ въ унію, самаго священника посадилъ въ тюрьму и подвергалъ истязаніямъ и большее число церквей и селъ отписалъ на унію и насильно принуждалъ къ ней крестьянъ [507]).

Самымъ удобнымъ случаемъ къ насильному, хотя и наружному, совращенію православныхъ въ католичество и унію были такъ называемыя миссіи, католическія и базиліанскія. Особенно прославился своими насильственными и кощунственными дѣйствіями миссіонеръ Овлочимскій съ сопутствовавшими ему доминиканами. «Прибывши въ городъ (Шкловъ), съ помощію шляхты и уряду, римской и уніатской религіи, сгоняетъ людей съ селъ, какъ уніатовъ, такъ и благочестивыхъ, а согнавши, купно съ мѣщанами благочестивыми-жъ, по всякъ день яко

овецъ до костеловъ гонитъ, и тамо заключая, въ первыхъ нѣсколько седмицахъ ласкаетъ словами и прельщаетъ ложными и смѣха достойными чудесами». При этомъ миссіонеры заставляли православныхъ исповѣдываться у себя. Если же кто сопротивлялся имъ, то для устрашенія таковыхъ вкапывали столбы, раскладывали большія кучи розогъ и терновника и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Улѣ, въ самомъ дѣлѣ стращали этими орудіями, притомъ же, разлучивъ матерей съ дѣтьми и дѣтей съ матерями. Въ заключеніе миссіи, миссіонеры выводили изъ города на поле какъ уніатовъ, такъ и православныхъ, оставшихся непреклонными въ своей вѣрѣ. Новопрельщенные уніаты тащили съ собою большіе кресты, въ память исшествія своего изъ Египта, т. е. изъ православія. На мѣстѣ совершенія миссіи и въ память о ней водружался большой деревянный крестъ, причемъ миссіонеръ, ставъ на высокій столъ, ставилъ уніатовъ направо, а православныхъ налѣво, и первыхъ присуждалъ къ блаженству, а послѣднихъ обрекалъ на муку. Подъ клятвою папы миссіонеры обязывали католиковъ дворянъ, чтобы они впредь не дозволяли православнымъ оставаться въ своей вѣрѣ, а принуждали къ уніи, и не соглашавшихся на нее изгоняли вонъ. Иногда, впрочемъ, и сами миссіонеры отнимали церкви у православныхъ и обращали ихъ въ унію. Въ 1765 году миссіонеры іезуиты, поставивъ въ селѣ Осмоловичахъ каплицу близъ православной церкви, подъ видомъ совершенія крестнаго хода, напали на православную церковь. Когда же осмоловицкіе однодворцы-шляхтичи хотѣли защитить свою церковь отъ нападенія, то ксендзъ миссіонеръ, шедшій во главѣ хода съ деревяннымъ крестомъ, нарочно упалъ и, сломавъ поперечникъ креста, закричалъ: «схизматики руку Христу отломили!» Боясь строгой отвѣтственности за свой мнимый проступокъ, осмоловицкая шляхта разбѣжалась по лѣсамъ и болотамъ; за нею охотились здѣсь съ собаками, ловили ее и доставляли въ мстиславскій судъ, который угрожалъ ей смертною казнью и заставилъ ее перейти въ католичество или унію [508]).

Остатки православія латино-уніаты старались истребить запрещеніемъ строить вновь православныя церкви, возобновлять истребленныя пожаромъ и обгорѣвшія и починять обветшавшія. Какъ основаніе для такого запрещенія, обыкновенно указывали на постановленія Польско-Литовскаго государства; но въ самомъ дѣлѣ оно опиралось только на постановленіи виленскаго бискупа въ 1748 году о недозволеніи дисси-

дентамъ строить церкви, да развѣ на польскомъ законѣ объ обязательности каноническихъ постановленій римской церкви. Тѣмъ не менѣе это постановленіе имѣло широкое примѣненіе. Въ Гомелѣ мѣстный ксендзъ запрещалъ православнымъ строить каменную церковь, не смотря на то, что на постройку ея дана была привиллегія отъ князей Нейбургскихъ. Вновь строющіяся и возобновляемыя православныя церкви разорялись, или же запрещалось освящать ихъ и служить въ нихъ. Равно воспрещалось починять ветхія церкви. На православную церковь и святыхъ ея, на русскихъ государей изрыгались нестерпимыя хулы. Во время римско-католическихъ и уніатскихъ процессій и праздниковъ православнымъ приказывали звонить въ церковные колокола. Могилевскій плебанъ Волчекъ запрещалъ въ день пасхи звонить по церквамъ раньше, чѣмъ онъ начнетъ свою службу, и православнымъ ходить въ свои церкви дотолѣ, пока онъ не отправитъ своего богослуженія [509]).

Примѣру своихъ духовныхъ отцовъ и руководителей во всемъ слѣдовали и помогали имъ и землевладѣльцы и управляющіе изъ католиковъ. Они дѣлали заѣзды на православные монастыри и церкви, производили здѣсь буйство, выгоняли монаховъ и монахинь, раздѣвъ послѣднихъ до-нага, и, очистивъ такимъ образомъ монастырь или церковь, передавали ихъ уніатамъ [510]). Подобные заѣзды сдѣланы были минской шляхтой на Минскій Петропавловскій монастырь и витебской шляхтой на Марковъ монастырь. Въ 1732 году стольникъ ошмянскій Познякъ, прибывъ въ Вильну для засѣданія въ трибуналѣ, домогался имѣть себѣ квартиру въ православномъ Свято-Духовскомъ монастырѣ, вѣроятно на томъ основаніи, что православное духовенство, по польскимъ законамъ, не изъято было изъ податныхъ сословій и подлежало отбыванію квартирной повинности. Получивъ отказъ въ своемъ требованіи, Позиякъ дѣлалъ нападенія на монастырь, публично издѣвался надъ его настоятелемъ и мучилъ его [511]). Но въ рукахъ землевладѣльческой шляхты и управляющихъ было еще одно особое, страшное орудіе противъ православія, это—безграничная власть помѣщиковъ и управляющихъ въ своихъ имѣніяхъ не только надъ крестьянами, но и надъ сельскимъ духовенствомъ и мѣстными церквами. Помѣщики обыкновенно наслѣдовали отъ своихъ православныхъ предковъ права фундаторовъ и ктиторовъ православныхъ монастырей и церквей, а съ 1647 г. получили право давать согласіе или одобреніе (презенту) кандидату во

священство, который безъ этого одобренія не могъ получить и прихода [512]). Поэтому помѣщики и управляющіе считали себя въ правѣ распоряжаться церковію и священникомъ по своему произволу. Большею частію они смотрѣли на нихъ, какъ на доходную статью, вымогали съ духовенства деньги и отдавали церкви въ аренду наравнѣ съ другими хозяйственными статьями. Арендаторы, большею частію жиды, требовали плату за каждое богослуженіе и священное дѣйствіе, совершаемое въ храмахъ [513]). Иногда помѣщики прямо отбирали у церквей земли, пожалованныя имъ православными предками ихъ, и оставляли ихъ за собою, или же передавали уніатскимъ священникамъ. Считая священниковъ податными людьми, помѣщики и управляющіе требовали отъ священниковъ отбыванія барщины [514]) и исполненія самыхъ унизительныхъ работъ. Такъ напр., около 1724 года управляющій Копысскимъ имѣніемъ предписалъ бабеницкому священнику снять съ петли повѣшеннаго преступника и за ослушаніе велѣлъ мучительски бить священника. Чтобы водворить унію въ своихъ имѣніяхъ, помѣщики не выдавали православнымъ кандидатамъ во священство одобреній или согласій, или отъ рукоположенныхъ уже священниковъ требовали, чтобы они брали у помѣщика новое одобреніе и платили за него деньги. А между тѣмъ доходы православныхъ священниковъ все болѣе и болѣе ограничивались. Около 1724 года по могилевской экономіи предписано было, чтобы православные священники, но не уніатскіе, довольствовались только подаяніемъ за вѣнчаніе и похороны. Если эти косвенныя мѣры не приводили къ цѣли, т. е. къ совращенію въ унію; то предпринимались болѣе прямыя и рѣшительныя мѣры къ тому, какъ напр. запрещеніе въ извѣстномъ имѣніи ставить православныхъ священниковъ, различныя истязанія священникамъ и заключеніе ихъ въ тюрьму. Священникамъ отрубали пальцы, привязывали ихъ нагими къ четыремъ кольямъ, привѣшивали за руки и за ноги къ шестамъ, заставляли ѣсть сѣно, бѣгать на арканѣ за лошадьми, выгоняли вонъ и проч. Православные священники обращались съ жалобами и просьбою о защитѣ къ своему епископу, но этотъ послѣдній не могъ оказать имъ существенной помощи и самъ даже подвергался оскорбленіямъ и нападеніямъ со стороны шляхтичей. Около 1722 года шляхтичъ Свяцкій истязаніями принуждалъ православнаго священника въ своемъ имѣніи къ уніи. Преосвященный могилевскій Сильвестръ, встрѣтившись съ Свяцкимъ на дорогѣ

Современное аллегорическое изображеніе раздѣла Польши.

подлѣ Могилева, сталъ говорить ему объ обидѣ священника. Свяцкій бросился на Сильвестра съ саблею, нанесъ ему два удара и ранилъ въ руку. Если такъ или иначе удавалось помѣщику или управляющему совратить священника въ унію, то и весь приходъ и церковь считались уже уніатскими. Въ послѣдствіи времени, въ виду жалобъ православнаго населенія польскому и русскому правительствамъ на обиды, гоненіе на православіе со стороны помѣщиковъ принимаетъ болѣе изворотливый, а вмѣстѣ и насмѣшливый характеръ. Около 1749 года борисовскій староста Огинскій, принудивъ разными неправдами борисовскаго игумена и горожанъ къ уніи, требовалъ отъ нихъ письменнаго завѣренія въ томъ, что они приняли унію добровольно, и дѣйствительно получилъ отъ игумена такое завѣреніе. Тотъ же Огинскій, а за нимъ и другіе помѣщики, на мѣсто ветхихъ православныхъ церквей, строили и дозволяли строить новыя, но освящали ихъ на унію и заставляли крестьянъ ходить въ эти церкви, оставляя на долю православія однѣ пустыя, ветхія церкви [515]). И всѣ эти и подобныя насилія и безобразія, творимыя помѣщиками и управляющими, вполнѣ соотвѣтствовали общему строю государственной и общественной жизни въ Польско-Литовскомъ государствѣ и казались полякамъ вполнѣ естественными. Русскій резидентъ въ Польшѣ Голембовскій объяснялъ, что «шляхетство, а особливо которые высшаго достоинства суть, въ ихъ собственныхъ поссессіяхъ, деревняхъ, и въ постановленіи церквей никѣмъ возбраняемы быть не могутъ и никакого правила въ томъ принимать не хотятъ, и на мои представленія мнѣ отвѣчаютъ, что они въ своихъ деревняхъ обрѣтающихся тамъ церквей господа суть и что имъ вольно есть такихъ духовныхъ персонъ опредѣлять, кои имъ угодны» [516]).

Всѣ эти мѣры противъ православія и къ совращенію въ унію, какъ насильственныя, не могли расположить къ ней русское населеніе. Новообращенные уніаты въ Брестѣ, Бѣшенковичахъ, Шкловѣ и другихъ мѣстахъ при первомъ удобномъ случаѣ заявляли, что они насильно совращены въ унію и не хотѣли бы оставаться въ ней [517]). «Хотя иныя церкви уже по 20 лѣтъ въ уніи состоятъ,—писалъ преосвященный Георгій Конисскій въ 1757 году, — однако и нынѣ еще бѣдные тѣхъ церквей прихожане приходятъ ко мнѣ тайно, страха ради римскаго, и съ плачемъ просятъ,—не можно ли имъ помочь, дабы попрежнему быть въ православіи». Латинское духовенство хорошо видѣло, что навязы-

ваемая русскому народу унія принимается имъ не искренно, а наружно и только по необходимости, и потому употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы разрѣшенъ былъ свободный переходъ изъ уніи въ католичество, или, по крайней мѣрѣ, чтобы унія тѣснѣе сблизилась съ католичествомъ [518]). Но и противъ этихъ поползновеній латинскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ учреждаются уніатами и размножаются церковныя братства, которыя имѣли цѣлію отстоять хоть остатки преданій восточной церкви въ уніи [519]).

Значительная часть западно-русскаго населенія, не смотря на стѣсненное и гонимое положеніе свое, все-таки не была совращена въ унію до конца существованія Польши. Православіе устояло въ литовско-русскихъ земляхъ благодаря совокупности трехъ причинъ: стойкости русскаго населенія и особенно крестьянъ, заступничеству Россіи и внутреннему разложенію шляхетскаго общества, ускорившему паденіе Польши.

Послѣ войнъ царя Алексѣя Михайловича съ поляками, православное населеніе въ польско-литовскихъ областяхъ оказалось въ двусмысленномъ положеніи. Съ одной стороны, латино-уніаты стали теперь смотрѣть на западно-русскихъ православныхъ, какъ на измѣнниковъ и враговъ отечества, сочувствовавшихъ русскому государю. Еще въ 1661 г., когда Бѣлоруссія и Литва не были еще совершенно оставлены московскими войсками, базиліане написали и издали злостную книжечку, въ которой Виленскій Свято-Духовскій православный монастырь заподозривался въ измѣнѣ Польскому государству, обвинялся въ томъ, будто онъ пособлялъ Москвѣ овладѣть Вильною, помогалъ грабить и разорять уніатскія церкви и католическіе костелы, отнялъ у Виленскаго Троицкаго уніатскаго монастыря на 100,000 копъ церковнаго имущества и колоколъ «Лебедь» и производилъ другія беззаконія [520]). Съ другой стороны, поляки старались заманить на свою сторону православное населеніе, его представителей и православную іерархію и склонить ихъ къ уніи, а потому, до начала XVIII вѣка, оказывали еще имъ нѣкоторую снисходительность. Каждый новый польскій король, при вступленіи своемъ на польскій престолъ, клялся соблюдать выработанныя въ междуцарствіе условія, которыми все еще обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія для всѣхъ подданныхъ Польско-Литовскаго государства. Въ 1668 году коммисарскій судъ присудилъ православнымъ въ городѣ Бѣльскѣ, Гродненской губерніи, церкви Воскресенскую, Богоявленскую и Никольскую [521]).

*

Пользуясь нѣкоторымъ расположеніемъ польскаго правительства, православные выпрашивали у него для себя особыя жалованныя грамоты, особенно при вступленіи новыхъ королей на польскій престолъ. По отреченіи Яна-Казиміра отъ польскаго престола въ 1668 году, новый король Михаилъ Вишневецкій въ 1669 году выдалъ духовному православному братству въ Оршѣ подтвердительную грамоту на заведеніе училища и такую же грамоту Пинскому Богоявленскому монастырю. Въ томъ же году въ Могилевѣ учреждено было младшее православное братство [522]). Преемникъ короля Михаила Янъ III Собесскій, вступивъ на престолъ въ 1674 году, въ томъ же году возвратилъ православнымъ Могилевскій Спасскій монастырь, для пребыванія въ немъ православнаго епископа Θеодосія Василевича. Особенно пользовались благосклонностью польскаго правительства православные жители города Могилева, добровольно сдавшагося въ 1660 году полякамъ и истребившаго московскій гарнизонъ. За эту услугу Польшѣ король Янъ-Казиміръ еще въ 1661 году дозволилъ могилевцамъ безпрепятственно строить въ городѣ православныя церкви, что подтвердилъ и въ 1666 году. Въ 1672 году король Михаилъ далъ грамоту на построеніе въ Могилевѣ Воскресенской церкви, сожженной во время непріятельскаго нападенія на Могилевъ, а въ 1673 году разрѣшилъ могилевцамъ, за ихъ заслуги передъ Польшей въ московскую войну, заново перестроить Могилевскую Успенскую церковь [523]). Въ 1676 году тотъ же Янъ Собесскій утвердилъ привиллегію на учрежденіе въ Могилевѣ книгопечатни, для свободнаго печатанія всякаго рода польскихъ и русскихъ духовныхъ книгъ, что подтвердилъ въ 1701 году и новый польскій король Августъ II [524]). Пользуясь расположеніемъ къ себѣ польскаго правительства, могилевцы ухитрились даже выпросить у него разрѣшеніе на постройку новой часовни или церкви. Для этого они обобщили нѣсколько извѣстное чудо отъ иконы Богоматери, спасшей Могилевъ отъ нападенія поляковъ и разоренія, черезъ 40 слишкомъ лѣтъ послѣ этого событія представили его на видъ польскому правительству въ такомъ обоюдномъ смыслѣ, что оно могло быть истолковано и въ пользу поляковъ, и на этомъ основаніи въ 1702 году выпросили у короля Августа II разрѣшеніе построить на мѣстѣ явленія чудотворной иконы, на Вѣтряной улицѣ, часовню или церковь. По примѣру польскаго правительства, и частные владѣльцы давали иногда нѣкоторыя льготы православнымъ въ своихъ имѣніяхъ

Въ 1660 году, съ дозволенія князя Полубенскаго, построены были православныя церкви въ Горахъ и Горкахъ, а въ 1661 году Іеронимъ Сенявскій разрѣшилъ православнымъ строить въ Шкловѣ церкви, въ благодарность за содѣйствіе горожанъ къ изгнанію московскихъ войскъ [525]). Кромѣ того, оставалось еще нѣсколько дворянъ, не измѣнившихъ православію, которые безпрепятственно строили въ своихъ имѣніяхъ православные монастыри и церкви. Въ 1657 году Аполлонія Зеновичева построила въ своемъ имѣніи Манкевичахъ, Ошмянскаго уѣзда, православную церковь [526]); въ 1665 году Маріанна Суходольская основала Мазаловскій женскій православный монастырь близъ Мстиславля [527]). Въ концѣ XVII вѣка основанъ былъ Старчицкій православный монастырь, въ нынѣшней Минской губерніи [528]), и подъ 1672 годомъ упоминается Тройчанскій монастырь, близъ Слуцка [529]).

Объединяющею силою для западно-русскаго православнаго населенія была православная іерархія, которая, въ началѣ второй половины XVII вѣка, была еще довольна значительна. Кромѣ митрополичьей, оставались еще православныя епархіи: Львовская съ Галицкою, Перемышльская, Луцкая и Бѣлорусская. Въ 1658 году, послѣ измѣны гетмана Выговскаго Россіи, переселился въ польскую, правобережную Украину и новоизбранный кіевскій православный митрополитъ Діонисій Балабанъ, соблазнившись широкими правами, какія обѣщаны были ему поляками, и въ 1659 году учредилъ свою консисторію въ Слуцкѣ [530]). Русское правительство не хотѣло болѣе признавать его власти и назначало своихъ администраторовъ Кіевской митрополіи, каковыми преемственно были черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ и мстиславскій бѣлорусскій епископъ Меѳодій Филимоновичъ. Но за то польское правительство, хотя и не дало Діонисію Балабану всего обѣщаннаго, тѣмъ охотнѣе дозволило ему безпрепятственно пользоваться своими митрополитскими правами и рукополагать епископовъ на праздныя епископскія каѳедры. Вслѣдствіе этого, въ 1661 году Діонисій Балабанъ рукоположилъ въ бѣлорусскіе епископы Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, не смотря на то, что на эту каѳедру въ томъ же году рукоположенъ уже былъ въ Москвѣ Меѳодій Филимоновичъ [531]), а въ 1663 году рукоположилъ въ луцкіе епископы князя Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго. Преемники Діонисія Балабана митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и соперникъ и совмѣстникъ его Антоній Винницкій тоже безпре-

пятственно рукополагали православныхъ епископовъ. Въ 1669 году назначенъ и посвященъ былъ на бѣлорусскую каѳедру архимандритъ Ѳеодосій Василевичъ [532]).

Но при этихъ же двухъ митрополитахъ начинается поворотъ къ худшему въ положеніи западно-русской православной іерархіи и церкви. Самъ митрополитъ Тукальскій въ 1664 году былъ схваченъ безъ всякой вины и повода, безъ всякаго суда, какъ сознаются въ томъ даже польскіе историки, и заточенъ въ Маріенбургскую крѣпость, въ которой томился до 1667 года [533]). При немъ въ 1673 году отмѣнена была королемъ, по домогательству уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, жалованная грамота Ѳеодосію Василевичу на Бѣлорусское епископство, хотя Василевичъ оставался бѣлорусскимъ епископомъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1678 году [534]). Когда въ 1676 году умеръ митрополитъ Тукальскій, то львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, добиваясь митрополіи, въ 1677 году подалъ королю на гродненскомъ сеймѣ письменное обязательство принять унію, если его сдѣлаютъ митрополитомъ. Къ Шумлянскому пристали кандидатъ на епископство Перемышльское Иннокентій Винницкій и нѣкоторые другіе честолюбцы. Принятіе ими уніи должно было пока составлять тайну, а для подготовленія другихъ православныхъ къ уніи предположено было созвать въ 1680 году въ Люблинѣ съѣздъ православныхъ и уніатовъ всѣхъ чиновъ и званій на братское собесѣдованіе о дѣлахъ вѣры. Съѣздъ этотъ привлекъ весьма малое число православныхъ и разстроился благодаря усиліямъ Луцкаго православнаго братства [535]); но въ то же время онъ открылъ глаза православнымъ на происки латино-уніатовъ. На съѣздѣ представителей ставропигіальныхъ братствъ и православнаго духовенства, состоявшемся послѣ люблинскаго съѣзда въ августѣ того же 1680 года въ Новомъ-Дворѣ, обсуждались средства для противодѣйствія уніи и подтверждено обязательство стоять за православіе. Между прочимъ было постановлено пользоваться соборами и съѣздами, предполагавшимися по плану Шумлянскаго, и предъявлять на нихъ свои права и грамоты, обезпечивавшія свободу богослуженія, а также стараться при выборѣ депутатовъ на сеймы включать въ ихъ инструкціи статьи, направленныя къ защитѣ православія. Но обѣ эти мѣры оказались неисполнимыми: правительство удерживалось отъ созыванія съѣздовъ, количество же православныхъ дворянъ было дотого ничтожно, что голосъ ихъ на сеймикахъ не имѣлъ

почти никакого значенія. Послѣднее обстоятельство сознавали и сами православные на съѣздѣ въ Новомъ-Дворѣ. Обсуждая возможность дѣйствовать посредствомъ вліянія на инструкціи депутатамъ, они рѣшили, что слѣдуетъ попытаться снискать вліяніе на сеймикахъ посредствомъ подкупа шляхтичей, «не жалѣя на этотъ предметъ издержекъ». Но и этотъ исходъ оказался невозможнымъ, такъ какъ братства и ихъ члены

Генералъ-фельдмаршалъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

не располагали достаточными средствами для того, чтобы соблазнить большинство шляхтичей, съѣзжавшихся на сеймики [536]).

На этотъ разъ православному западно-русскому населенію пришло на помощь Московское государство. Въ 1686 году заключенъ былъ между Россіей и Польшей договоръ о вѣчномъ мирѣ между этими державами, которымъ обезпечивалась для православныхъ западно-руссовъ свобода

вѣроисповѣданія и неприкосновенность православныхъ епархій: Луцкой, Львовской съ Галицкою, Перемышльской и Могилевской или Бѣлорусской, съ монастырями: Виленскимъ, Минскимъ, Полоцкимъ, Оршанскимъ и другими, и предоставлялось православнымъ епископамъ этихъ епархій принимать рукоположеніе отъ кіевскаго митрополита, каковымъ назначенъ былъ въ 1685 году со стороны Россіи бывшій луцкій православный епископъ Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій [537]).

Поляки, очевидно, слишкомъ легкомысленно смотрѣли на эту статью вѣчнаго договора и желали ею только обмануть русское правительство, такъ какъ очень хорошо знали, что къ 1686 году не только Львовская, Галицкая и Перемышльская, но и Луцкая епархіи заняты были епископами, тайно принявшими унію. Не думали они также оставлять неприкосновенною и Бѣлорусской епархіи. Послѣ смерти Θеодосія Василевича († 1678 г.), въ Бѣлоруссіи долгое время не было уже православныхъ епископовъ, которые замѣнялись здѣсь нареченными епископами и администраторами. Таковы были: настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Климентъ Тризна съ 1680 года, Сильвестръ Волчанскій, скончавшійся въ 1686 году, настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Петръ Пашкевичъ-Толоконскій въ 1688 году, Иларіонъ Потельницкій съ 1694 года, витебскій и слуцкій архимандритъ Польховскій, въ 1697 году получившій королевскую грамоту на Могилевскую епископію. Но въ 1699 году король Августъ II, по настоянію полоцкаго уніатскаго архіепископа Мартіана Бѣлозора, объявилъ эту грамоту недѣйствительною, такъ какъ «не только въ Бѣлорусской епархіи, но и по всему великому княжеству Литовскому чрезъ посвященіе въ священническій санъ схизма начала множиться». Тѣмъ не менѣе Сильвестръ Польховскій продолжалъ именовать себя епископомъ мстиславскимъ, оршанскимъ и могилевскимъ и въ этомъ званіи разрѣшилъ въ 1700 году вновь построить монастырь при Шкловской Воскресенской братской церкви. Онъ скончался въ 1704 году [538]).

Между тѣмъ русское правительство придавало весьма большое значеніе и силу статьѣ вѣчнаго мира съ Польшею объ обезпеченіи православія въ ея предѣлахъ и на ней основывало свои отношенія къ западной Россіи и дальнѣйшія ходатайства предъ польскимъ правительствомъ за своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Въ самый годъ заключенія вѣчнаго мира московскій патріархъ Іоакимъ далъ грамоту Полоцкому

Богоявленскому монастырю, которою предоставилъ ему зависимость только отъ патріаршаго престола и благословилъ тамошнему игумену Игнатію Жихмонтову и его преемникамъ освящать православныя церкви и исправлять прочія духовныя дѣла въ томъ краѣ, доколѣ по волѣ Божіей собственные въ той епархіи архіереи устроятся. Въ то-же время кіевскій митрополитъ Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, на основаніи статьи вѣчнаго договора Россіи съ Польшей о православной вѣрѣ, возстановилъ свою власть въ заграничныхъ областяхъ своей митрополичьей епархіи, окончательно присоединивъ къ ней бывшую Турово-Пинскую епархію и часть Луцкой, обнимавшей Берестейскую землю. Намѣстниками его здѣсь были слуцкіе архимандриты и виленскіе настоятели, до подчиненія послѣднихъ въ 1722 году непосредственно Св. Синоду. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII вѣка въ предѣлахъ нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи обозначились двѣ православныя епархіи—митрополичья и бѣлорусская. Впослѣдствіи онѣ нерѣдко входили въ столкновеніе между собою изъ-за границъ и вліянія, хотя на самомъ дѣлѣ должны были служить да и дѣйствительно служили существеннымъ восполненіемъ и опорою одна другой. Бѣлорусскіе епископы, находясь въ средоточіи своей епархіи, удобнѣе могли удовлетворять насущнымъ потребностямъ мѣстнаго православнаго населенія, чѣмъ кіевскіе митрополиты, жившіе за границей Польши, но за то сами не обезпечены были въ своемъ существованіи и средствахъ, и преемственность ихъ нерѣдко прерывалась насильственнымъ образомъ. Кіевскіе же митрополиты, хотя и не имѣли непосредственнаго общенія съ бѣлорусскою частію своей епархіи, но представляли собою независимую и устойчивую духовно-нравственную силу и имѣли достаточныя средства для поддержанія православія въ Бѣлоруссіи. Они постоянно снабжали не только свою епархію, но и бѣлорусскую, просвѣщенными мужами, получившими образованіе въ Кіевской академіи. Достаточно указать изъ воспитанниковъ Кіевской академіи св. Димитрія Ростовскаго, бывшаго проповѣдникомъ въ Слуцкѣ, архимандритовъ Слуцкаго монастыря—Іосифа Оранскаго, Михаила Казачинскаго, Досиѳея Галаховскаго, Давида Нащинскаго, настоятелей Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Амвросія Юшкевича, Сильвестра Добрыню, Сильвестра Ляскоронскаго, бѣлорусскихъ епископовъ Арсенія Берла и особенно Георгія Конисскаго и др. [539]).

Особенное значеніе получилъ договоръ 1686 года о вѣчномъ мирѣ

Россіи съ Польшею съ XVIII вѣка, когда съ одной стороны усилились внутренніе безпорядки въ Польшѣ и преслѣдованія разновѣрцевъ и особенно православныхъ, а съ другой — въ такой же мѣрѣ возрасло могущество Россіи и вліяніе ея на внутреннія дѣла Польши. Съ этихъ поръ договоръ 1686 года о вѣчномъ мирѣ съ Польшею постоянно служилъ для русскаго правительства основаніемъ ходатайствовать предъ польскимъ правительствомъ и заступаться за угнетаемыхъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Послѣ казацкой, русской, шведской войны при Янѣ-Казимірѣ, послѣ турецкой при Собесскомъ и послѣ шведской войны при Карлѣ XII, Польша пришла въ страшное изнеможеніе. Необходимъ былъ для нея укрѣпляющій отдыхъ, необходима была для нея не громкая, но спокойная жизнь. А между тѣмъ внутренній строй Польши все больше и больше былъ разъѣдаемъ и подтачиваемъ борьбою различныхъ партій и отдѣльныхъ личностей и безграничнымъ произволомъ шляхты. При избраніи каждаго новаго короля составлялись различныя партіи, которыя стояли за своихъ кандидатовъ, тянули въ разныя стороны и прибѣгали къ помощи сосѣднихъ государствъ. Власть короля, обыкновенно избираемаго какой либо одной партіей, теряла свое общеобязательное значеніе, постепенно падала и все болѣе заслонялась властію сеймовъ; сеймы же въ свою очередь срывались одни за другимъ своевольною шляхтою, и потому на нихъ не предпринималось никакихъ мѣръ къ внутреннимъ улучшеніямъ въ государствѣ. Вездѣ царили полный шляхетскій произволъ, самоуправство, преслѣдованіе иновѣрцевъ и безнаказанность преступленій [540]). Уважалось и имѣло значеніе одно только право внѣшней, грубой силы; но этой силы не было на сторонѣ православныхъ, и потому они обречены были на жестокія преслѣдованія со стороны польско-католиковъ. Съ отпаденіемъ высшихъ сословій отъ православія, въ XVIII вѣкѣ въ западной Россіи исповѣдывали православную вѣру почти исключительно духовенство, мѣщане и крестьяне, т. е. сословія или вполнѣ безправныя, или крайне стѣсненныя въ правахъ своихъ безпорядками польскаго общественнаго строя. Сколько нибудь дѣятельнаго и сильнаго сопротивленія и противодѣйствія своимъ полноправнымъ притѣснителямъ не могли оказать эти безправныя и приниженныя сословія сами по себѣ. Лишь на окраинѣ Бѣлоруссіи, около Кричева, гдѣ были нѣкогда осѣдлые казаки, русское населеніе разъ заявило себя въ сороко-

выхъ годахъ XVIII столѣтія такъ называемымъ вощиловскимъ крестьянскимъ бунтомъ, кончившимся впрочемъ весьма печально [541]). Были и частныя попытки сопротивленія притѣснителямъ и защиты русской святыни отъ посягательствъ латино-уніатовъ. Въ 1691 году архимандритъ Минскаго Петропавловскаго монастыря Петръ Пашкевичъ, съ оружіемъ въ рукахъ и съ каменьемъ, въ теченіи трехъ сутокъ отстаивалъ свой монастырь отъ нападенія плебана Юревича и дѣйствительно успѣлъ отстоять его. Иногда даже городскіе и сельскіе прихожане со своимъ священникомъ, собравшись вмѣстѣ, силою отстаивали свою церковь отъ покушеній латино-уніатовъ насильно завладѣть ею, какъ напр. это было въ 1720 году въ Мстиславлѣ [542]), Себежѣ и Невелѣ, въ 1742 году въ Дубровнѣ [543]), и въ другихъ мѣстахъ. Но большею частію мѣщане и крестьяне ограничивались страдательнымъ сопротивленіемъ уніи и католичеству. Вездѣ, гдѣ представлялась возможность, прихожане продолжаютъ пользоваться стариннымъ правомъ выбора приходскаго священника и стараются направить выборъ такъ, чтобы избѣгать лицъ, склонныхъ къ уніи. Если крестьянамъ удавалось снискать по какому либо поводу согласіе помѣщика, то они немедленно низлагали уніатскаго священника, отнимали у него церковные ключи, уничтожали уніатскій антиминсъ и вручали приходъ своему избраннику. Иногда крестьянамъ удавалось умилостивить помѣщика подаркомъ; въ другихъ случаяхъ они пользовались его ссорами съ сосѣдями и вообще не опускали ни малѣйшей возможности и случая отстоять, хотя на время, свою церковь отъ вторженія уніатовъ и католиковъ. Но всѣ эти попытки противодѣйствія и самозащиты были разрозненны, случайны, безсвязны, и не могли бы спасти въ западной Руси православія, если бы его не поддержало русское правительство.

Съ XVIII столѣтія Россія оказываетъ могущественное вліяніе на государственныя дѣла Польши, возводитъ на польскій престолъ и поддерживаетъ на немъ угодныхъ себѣ лицъ и постоянно заступается за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ. Начиная съ Петра I, до конца XVIII столѣтія не проходило ни одного почти года, въ теченіи котораго русскіе посланники и резиденты въ Варшавѣ не напоминали бы польскимъ властямъ о томъ, что образъ дѣйствій, принятый ими по отношенію къ православнымъ жителямъ Польши, несогласенъ съ обѣщаніями польскаго правительства, обезпеченными имъ въ договорахъ съ Россіею, и

что онъ можетъ нарушить мирныя отношенія между обоими государствами [544]). Въ 1704 году, по вліянію императора Петра I, избранъ былъ въ бѣлорусскіе епископы Сильвестръ, въ мірѣ Сергій-Вячеславъ, князь Святополкъ-Четвертинскій, изъ игуменовъ Четвертинскаго на Волыни монастыря, и съ тѣхъ поръ преемство православныхъ бѣлорусскихъ епископовъ продолжалось, почти безъ перерывовъ, до конца самостоятельнаго существованія Польши. Преосвященный Сильвестръ Святополкъ-Четвертинскій скончался въ 1728 году. За нимъ слѣдовали: Арсеній Берло 1728—1732 г., Іосифъ Волчанскій 1732—1742 г., Іеронимъ Волчанскій 1744—1754 г. и Георгій Конисскій съ 1755 года и до конца существованія Польши [545]). Эти епископы были объединяющею силой для православнаго бѣлорусскаго населенія; они ходатайствовали предъ польскимъ и особенно русскимъ правительствами за свою паству и собрали и сохранили для нашего времени бо̀льшую часть тѣхъ свѣдѣній о гоненіяхъ на православіе въ Польшѣ, которыя служили русскому правительству основаніемъ и поводомъ къ заступничеству за православныхъ подданныхъ Польши.

Впрочемъ, Петръ I имѣлъ возможность самъ лично присмотрѣться къ положенію дѣлъ въ Польшѣ. Во время великой сѣверной войны, Петръ I, заключивъ союзъ съ польскимъ королемъ Августомъ II противъ шведскаго короля Карла XII, проживалъ долгое время въ разныхъ областяхъ Бѣлоруссіи и Литвы и успѣлъ хорошо ознакомиться со взаимными отношеніями между латино-уніатами и православными. Въ Полоцкѣ онъ самъ лично оскорбленъ былъ базиліанами. Однажды, проходя мимо Полоцкаго базиліанскаго монастыря во время вечерни, Петръ I полюбопытствовалъ посмотрѣть уніатское богослуженіе, вошелъ въ церковь и затѣмъ хотѣлъ войти въ алтарь. Уніатскіе монахи воспылали слѣпою ревностію и не пускали его въ алтарь, съ дерзостію называя его еретикомъ, потомъ съ такою же дерзостію отвѣтили ему, когда Петръ, увидѣвъ изображеніе Іосафата Кунцевича, спросилъ, чей это образъ. Разгнѣванный Петръ I собственноручно казнилъ наиболѣе дерзкихъ изъ нихъ и послѣ того всею душею возненавидѣлъ всѣхъ уніатовъ. Занимая своими войсками многія области Польши, онъ далъ русскимъ приказаніе ловить уніатскихъ архіереевъ, такъ что тѣ сочли благоразумнымъ запрятаться вглубь Польши [546]). Въ это же время перенесены были уніатами изъ Полоцка въ Бѣлу останки изувѣра Кунцевича и тамъ

оставались и во все послѣдующее время [547]). За то православнымъ Петръ I оказывалъ всякую поддержку и помощь: давалъ щедрыя пожертвованія, напримѣръ Виленскому Свято-Духовскому монастырю, выслушивалъ ихъ жалобы и удовлетворялъ ихъ просьбы и, по возможности, старался обезпечить имъ свободу вѣроисповѣданія своимъ предстательствомъ за нихъ предъ королемъ польскимъ. Утвердивъ Августа II

Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ.

на польскомъ престолѣ, Петръ I отправилъ въ 1710 году въ Могилевъ стольника Богуслава Шипневскаго, въ качествѣ коммиссара, для охраненія православныхъ отъ обидъ и притѣсненій, и въ то же время поручилъ своему посланнику въ Варшавѣ князю Долгорукову настоятельно домогаться у польскаго правительства, чтобы какъ на Львовскую, такъ и на прочія благочестивыя епископіи никто изъ уніатовъ допущенъ не

былъ, а были бъ посвящены изъ благочестивыхъ монаховъ. Эти домогательства, правда, не имѣли успѣха [548]); но все же Петръ I успѣлъ оказать сильную поддержку православнымъ монастырямъ и церквамъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. По настоянію Петра I, король Августъ II въ 1720 году выдалъ жалованную грамоту въ защиту остававшейся еще Бѣлорусской епархіи и православныхъ монастырей и церквей въ воеводствахъ и повѣтахъ великаго княжества Литовскаго. Въ этой грамотѣ упоминаются и обезпечиваются слѣдующіе православные монастыри: Мстиславскій Троицкій и Могилевскій Спасскій каѳедральные, Виленскій братскій Свято-Духовскій съ подчиненными ему монастырями Грозовскимъ Слуцкаго уѣзда, Мороцкимъ Мозырскаго уѣзда, Заблудовскимъ Бѣлостокскаго уѣзда и Старчицкимъ Слуцкаго уѣзда, Кутеинскій Оршанскій Богоявленскій монастырь съ принадлежащими къ нему монастырями, Могилевскій братскій Богоявленскій, Витебскій Марковъ монастырь съ принадлежащими къ нему церквами, Буйницкій Свято-Духовскій Могилевскаго у., Тупичевскій Мстиславскаго у., Мстиславскій Свято-Духовскій, Полоцкій братскій Богоявленскій, Минскій, Кронскій Трокскаго у., Сурдегскій Вилькомирскаго у., Селецкій Борисовскаго у., Новодворскій и Купятицкій Пинскаго у., Голдовскій Лидскаго у., Евейскій Трокскаго у., Кейданскій Ковенскаго у., Прилуцкій Минскаго у., Друйскій Дисненскаго у., Пинскій, Соломерецкій Минскаго у., Шкловскій, Горецкій Чаусскаго у., Слуцкій братскій, Дятеловецкій Пинскаго у., Брестскій, Яблочинскій въ Холмщинѣ [549]), Борисовскій, Дисненскій, Невельскій, Якубово-Крыжгорскій (Якобштадтъ-Крейцбургскій) въ Курляндіи, Охорскій, близъ села Охра Чериковскаго у., Гріевскій (иначе Григѐрскій, Гривенскій), Терешковскій Рѣчицкаго у., и женскіе монастыри Виленскій, Минскій, Слуцкій, Кутеинскій Оршанскій, Борколабовскій Быховскаго у., два Могилевскихъ братскій и Никольскій, Мазаловскій Мстиславскаго у., Шкловскій и Костюковскій Климовичскаго у. [550]). Въ другой разъ, когда въ 1722 году Пинскій монастырь и сосѣднія церкви насильно отняты были у православныхъ епископами католическимъ Рупіевскимъ и уніатскимъ Годебскимъ, то Петръ I настоялъ на томъ, чтобы отнятые монастыри и церкви возвращены были православнымъ [551]). По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ заступничества Петра I за православныхъ, даже нѣкоторые частные владѣльцы сочли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки православію въ своихъ владѣ-

ніяхъ. Такъ напр., въ 1722 году гетманъ А. Н. Сенявскій разрѣшаетъ православнымъ построить въ Маслакахъ церковь, а въ слѣдующемъ 1723 году каштелянъ витебскій Огинскій отмѣняетъ прежнее свое распоряженіе о томъ, чтобы жители Борисова обращались со своими духовными нуждами въ уніатскія церкви [552]).

По смерти Петра I, вліяніе Россіи на внутреннія дѣла Польши нѣсколько ослабѣло и не оказывало должнаго дѣйствія на улучшеніе положенія православія въ русскихъ областяхъ Польши. Когда, по смерти преосвященнаго Сильвестра Святополкъ-Четвертинскаго, въ 1728 году избранъ былъ и посвященъ на его мѣсто настоятель Кіево-Межигорскаго монастыря Арсеній Берло, то король Августъ II, по представленію полоцкаго уніатскаго архіепископа Флоріана Гребницкаго, издалъ грамоту, которою воспрещалось могилевцамъ признавать своимъ епископомъ лицо, не утвержденное королемъ [553]). Правда, и въ это время русское правительство имѣло своихъ коммиссаровъ и резидентовъ въ Польшѣ, дѣлало польскому правительству представленія въ пользу православныхъ и въ 1735 году даже выхлопотало у новаго короля Августа III подтвержденіе грамоты 1720 года; но дѣйствительной пользы отъ этого не было. Русскія представленія или оставлялись безъ отвѣта, или признавались неосновательными, или откладывались для разсмотрѣнія на сеймахъ, которые постоянно срывались своевольною шляхтою и не доводились до конца [554]). Болѣе оживленныя и дѣятельныя сношенія съ польскимъ правительствомъ въ защиту западно-русскихъ православныхъ начались съ воцаренія достойной дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны. Въ это время во главѣ духовнаго правительства въ Россіи стоялъ новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, бывшій нѣкогда настоятелемъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря и тяжелымъ опытомъ знавшій несчастное положеніе православныхъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Въ 1743 году императрица Елизавета Петровна рѣшительно потребовала отъ польскаго короля совершеннаго удовлетворенія православнымъ и возвращенія отнятыхъ на унію монастырей и церквей съ ихъ имѣніями. Вслѣдствіе этого, для разсмотрѣнія и рѣшенія жалобъ со стороны православныхъ предположено было составить въ Польшѣ особую коммиссію, и хотя эта коммиссія, по обыкновенію, не состоялась [555]), тѣмъ не менѣе, по распоряженію короля, возвращены были православнымъ въ королевскихъ имѣніяхъ нѣкоторыя церкви,

отнятыя у нихъ на унію, какъ наприм. Гречивская и Голеневская [556]). Но громадное число отнятыхъ на унію православныхъ церквей и монастырей все-таки оставалось за уніатами. Съ 1686 года и до 1754 года всего совращено было въ унію въ одной Бѣлорусской епархіи отъ 5 до 7 монастырей и 164 церкви, тогда какъ оставалось въ православіи 130 церквей. При новомъ бѣлорусскомъ православномъ епископѣ Георгіѣ Конисскомъ сдѣланы были новые захваты православныхъ церквей на унію и нанесены новыя оскорбленія православнымъ [557]); но при немъ же начался уже и рѣшительный поворотъ къ лучшему въ положеніи западно-русской православной церкви, благодаря съ одной стороны высокимъ личнымъ достоинствамъ этого выдающагося своими способностями и образованіемъ и неутомимо дѣятельнаго святителя, а съ другой—дѣятельной поддержкѣ русскаго правительства. Преосвященный Георгій не только успѣлъ отстоять остатки своей паствы отъ дальнѣйшихъ на нее посягательствъ со стороны латино-уніатовъ, но и содѣйствовалъ русскому правительству въ возсоединеніи этого края съ Россіей и бывшихъ уніатовъ съ православною церковію. Непрестанно ходатайствуя предъ польскимъ и русскимъ правительствами за свою паству, Георгій Конисскій обратилъ особенное вниманіе на собираніе и разработку церковныхъ документовъ, основывался на нихъ въ своихъ представленіяхъ и слѣдовательно стоялъ на совершенно законной, даже съ точки зрѣнія поляковъ, основѣ. Враги православія, захватывая церковныя имѣнія, старались всѣми силами похищать и истреблять документы, на основаніи которыхъ эти церкви владѣли ими. Георгій тщательно собиралъ ихъ и устроилъ нарочно для этого предмета архивъ при архіерейской каѳедрѣ, въ которомъ сохранилъ отъ расхищенія и уничтоженія множество актовъ, составившихъ впослѣдствіи любопытные матеріалы для исторіи Бѣлоруссіи. Въ видахъ просвѣщенія и благоустроенія своей паствы, Георгій Конисскій учредилъ въ Могилевѣ при архіерейской каѳедрѣ семинарію для приготовленія достойныхъ священниковъ. Вскорѣ потомъ онъ учредилъ при архіерейскомъ домѣ книгопечатню, въ которой напечатанъ былъ катихизисъ Ѳеофана Прокоповича. Эту книгу онъ разослалъ по всѣмъ церквамъ своей епархіи, вмѣнивъ настоятелямъ приходовъ въ непремѣнную обязанность обучать по ней прихожанъ правиламъ вѣры [558]). А славное царствованіе Екатерины Великой открыло преосвященному Георгію доступъ и къ широкой государственной дѣятельности на пользу

не только своей епархіи, но и всей западно-русской православной церкви.

При вступленіи своемъ на престолъ въ 1762 году, императрица Екатерина II заявила, что главнѣйшею ея задачею будетъ защита рус-

Викторъ Садковскій,
архіепископъ минскій (впослѣд. черниговскій).

скаго православія и русскаго народа отъ иноземныхъ злоумышленій. Преосвященный Георгій Конисскій одинъ изъ первыхъ понялъ и оцѣнилъ великую монархиню, присутствовалъ въ Москвѣ на коронаціи Екатерины, принесъ ей всеподданнѣйшее поздравленіе отъ Бѣлоруссіи и выразилъ надежду бѣлорусскаго народа на избавленіе его отъ бѣдствій.

И надежда эта не была обманчива. Возведя въ 1764 году на польскій престолъ Станислава-Августа Понятовскаго, Екатерина II особою грамотою поручала вниманію новаго короля преосвященнаго Георгія, который, явившись въ 1765 году въ Варшаву, произнесъ предъ королемъ знаменитую рѣчь о страданіяхъ русскаго народа въ Польшѣ, сдѣлавшуюся извѣстной и въ Западной Европѣ, и въ подтвержденіе своей рѣчи подалъ королю сильную и обстоятельную записку объ обидахъ православію. Представленія Георгія Конисскаго поддержаны были и русскимъ правительствомъ чрезъ своихъ посланниковъ въ Польшѣ. А такъ какъ эти представленія не только не имѣли успѣха, а вызвали еще на польскомъ сеймѣ 1766 года новыя выходки противъ православія; то всѣ дворяне не католики составили въ 1767 году въ Слуцкѣ конфедерацію или союзъ и, требуя равноправности и терпимости вѣроисповѣданій, обратились за помощью къ Россіи и къ протестантскимъ державамъ. Къ этому союзу присталъ и преосвященный Георгій Конисскій. Императрица Екатерина II приняла союзъ подъ свое покровительство и потребовала отъ Польши обезпеченія вѣротерпимости для ея подданныхъ некатоликовъ. Рѣшительныя угрозы русскаго посланника князя Репнина и страхъ передъ русскими войсками подѣйствовали на сеймъ, созванный королемъ въ 1768 году. На этомъ сеймѣ назначена была коммиссія изъ 70 лицъ, которая заключила съ Репнинымъ договоръ, хотя отчасти облегчавшій участь православныхъ въ Польшѣ. Договоромъ этимъ опредѣлено: католическая вѣра въ Польшѣ признается господствующею, переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе почитается преступленіемъ; но за то православнымъ предоставляется право поддерживать, строить и содержать церкви, дома церковные, школы, больницы. Духовнымъ дозволялось свободно напутствовать больныхъ, хоронить публично умершихъ, совершать крестные ходы. Они освобождались отъ зависимости отъ польскихъ ксендзовъ и отъ даней, платимыхъ въ пользу послѣднихъ. Дѣтямъ, рожденнымъ отъ смѣшанныхъ браковъ, дозволено было слѣдовать: сыновьямъ—вѣроисповѣданію отца, дочерямъ—матери. Православные освобождались отъ обязательнаго присутствованія при католическихъ процессіяхъ, и для разбирательства вѣроисповѣдныхъ столкновеній учрежденъ былъ смѣшанный судъ изъ 17-ти католиковъ и 8 протестантовъ и православныхъ. Обѣщано было королемъ сохраненіе равноправности

при раздачѣ должностей. Обиды, причиненныя диссидентамъ и неунитамъ съ 1717 года, должны быть вознаграждены. Кромѣ того, на сеймѣ 1768 года отнято было у пановъ право жизни и смерти надъ своими крестьянами, и послѣдніе судились уже общимъ для всѣхъ судомъ, а не домашнимъ судомъ своего господина. За убійство «хлопа» господинъ отвѣчалъ предъ правосудіемъ, какъ за свободнаго человѣка. Положено ввести въ войскѣ строжайшій порядокъ; запрещалось панамъ дѣлать наѣзды другъ на друга; виновнымъ въ этомъ угрожало наказаніе. Россія обезпечивала неприкосновенность новоустановленнаго порядка [559]).

Но это облегченіе, доставленное православнымъ подданнымъ Польши при содѣйствіи Россіи, было непродолжительно. Изувѣрная польская шляхта озлобилась противъ указанныхъ условій договора. Вспыхнула такъ называемая барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлыхъ четыре года, вовлекшая Россію въ войну съ Турціей и усмиренная наконецъ русскими войсками. По окончаніи войны, Россія согласилась на давнія и настойчивыя предложенія Пруссіи раздѣлить Польское государство и произвела въ 1772 году этотъ раздѣлъ, такъ называемый первый раздѣлъ Польши между Пруссіей, Австріей и Россіей. Россіи достались воеводства Мстиславское, Могилевское, часть Полоцкаго съ Инфлянтами и часть Минскаго. Первымъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ новоприсоединенной части Бѣлоруссіи былъ графъ Захарій Чернышевъ [560]).

Послѣ перваго раздѣла Польши, за нею оставалась еще западная часть нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи, съ губерніями Минской, Гродненской, Виленской, Ковенской и частію Витебской. Она теперь лишилась своего непосредственнаго православнаго архипастыря бѣлорусскаго, перешедшаго подъ власть Россіи, а русское правительство, принявшее на себя обязанность надзора и наблюденія за внутреннимъ положеніемъ и теченіемъ дѣлъ въ Польшѣ, сдѣлало даже нѣкоторыя уступки закоренѣлымъ предразсудкамъ поляковъ насчетъ православія и допустило нѣкоторое ограниченіе его правъ. По договору 1775 года съ Польшею, Россія соглашалась, чтобы впредь православные были исключены изъ сената и министерствъ. Хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами своего сословія наравнѣ съ дворянами католиками, однако законъ этотъ не будетъ распространяться на тѣ лица, которыя приняли бы православіе послѣ заключенія

договора. На сеймѣ не должно быть никогда болѣе трехъ депутатовъ некатоликовъ. Смѣшанный судъ уничтожается, и подвѣдомственныя ему дѣла переносятся въ ассесорскій королевскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ, равно какъ и употребленіе колоколовъ при церквахъ. Такимъ образомъ православные въ польскихъ областяхъ лишались послѣдней опоры, на которую до того времени могли разсчитывать. Конечно, распространеніе шляхтичами уніи и изгнаніе ими послѣднихъ православныхъ духовныхъ должно было теперь продолжаться съ полнымъ успѣхомъ и достичь давно желанной цѣли [561]). Вмѣстѣ съ тѣмъ усилились заботы польскаго правительства и римскаго двора объ окатоличеніи уніи. Уніатскій базиліанскій орденъ, наполовину наполненный католиками, старается во всемъ уподобиться католическимъ орденамъ, истребить у себя и въ народѣ слѣды православія, получаетъ изъ Рима множество правъ и индульгенцій чисто католическихъ и замѣняетъ собою изгнанныхъ въ 1772 году изъ Польши іезуитовъ, принимая на себя ихъ обязанности по воспитанію свѣтскаго юношества и вообще по духовному руководительству народа въ польско-католическомъ направленіи. По изгнаніи іезуитовъ изъ Польши, базиліане просили короля уступить имъ нѣкоторыя поіезуитскія зданія, съ обязательствомъ принять на себя лежавшія на іезуитахъ обязанности по воспитанію юношества, а именно зданія поіезуитскихъ коллегій Брестской, Минской, двухъ Новогрудскихъ, Гродненской и Пинской. Кромѣ того, они обязывались содержать школы въ Антополѣ, Вильнѣ, Сверженѣ, Черeѣ, Казимірѣ и Ушачѣ. Просьба базиліанъ не была вполнѣ уважена, такъ какъ поіезуитскія имѣнія въ 1775 году переданы были вновь учрежденной въ Польшѣ коммиссіи народнаго просвѣщенія; но эта коммиссія отъ себя уже передала базиліанамъ нѣкоторыя поіезуитскія коллегіи [562]).

Русское правительство рѣшилось поправить дѣло и съ этою цѣлію въ 1785 году, на основаніи договоровъ Россіи съ Польшей 1768 и 1775 гг., настояло на учрежденіи въ Польшѣ православной епископіи, въ качествѣ викаріатства Кіевской митрополіи, съ наименованіемъ ея Переяславскою и Бориспольскою. Православнымъ епископомъ для этой епархіи назначенъ былъ Викторъ Садковскій. Мѣстопребываніемъ для новаго епископа назначенъ былъ Слуцкъ, гдѣ учреждена была имъ православная семинарія. Кромѣ того, русское правительство потребовало

отъ Польши учрежденія смѣшанной коммиссіи для возвращенія православнымъ церквей, отнятыхъ у нихъ уніатами послѣ 1717 года, обѣщанной еще въ 1768 году, и поручило преосвященному Виктору собирать негласно свѣдѣнія о православныхъ монастыряхъ и церквахъ съ ихъ прихожанами. По желанію поляковъ, Екатерина II разрѣшила преосвященному Виктору принять польское подданство.

Не смотря однако же на осторожность и умѣренность дѣйствій русскаго правительства, назначеніе православнаго епископа для русскихъ православныхъ въ Польшѣ произвело здѣсь взрывъ негодованія и воплей, особенно когда преосвященный Викторъ въ 1788 году сдѣлалъ обозрѣніе своей паствы и тѣмъ невольно вызвалъ въ русскомъ народѣ сильное стремленіе къ возвращенію въ православіе. По обозрѣніи имъ южныхъ областей своей епархіи, въ короткое время, вмѣсто прежнихъ 94 православныхъ приходовъ, явилось 300, перешедшихъ изъ уніи. Такое движеніе русскаго населенія къ православію возбудило въ полякахъ опасеніе народнаго бунта. Одно убійство шляхетскаго семейства Вылежинскихъ, совершонное злодѣями изъ-за денегъ, принято было поляками за починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Увѣрившись же, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, польскіе обыватели пришли къ заключенію, что все это—козни Россіи, и что за тѣмъ-то именно приходятъ въ польскія владѣнія великоруссы, которыхъ называли маркитантами. То были офени или коробейники, разносившіе по юго-западной Россіи мелочные товары и во время странствій своихъ нерѣдко пристававшіе у священниковъ. По убѣжденію поляковъ, они поджигали хлоповъ и священниковъ къ бунту и раздавали ножи для рѣзни поляковъ. Страхъ распространился по Украинѣ, Подоліи, Волыни, въ Слуцкѣ, Пинскѣ и другихъ мѣстахъ. Въ разныхъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и уніатскими духовными, надъ русскими хлопами и россійскими подданными. Самъ православный архіерей Садковскій заподозрѣнъ былъ въ подстрекательствѣ народа къ бунту противъ поляковъ, по приказанію сейма арестованъ на дорогѣ, заключенъ въ оковы и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими православными привезенъ въ Варшаву и посаженъ въ заключеніе. Въ самомъ началѣ своего ареста, по требованію поляковъ, онъ выдалъ окружное посланіе къ своей паствѣ, съ приглашеніемъ быть вѣрною королю и Польшѣ и ничего не замышлять противъ нихъ. Съ своей стороны, польское правительство предписало всѣмъ

выходцамъ изъ Россіи и странствующимъ монахамъ удалиться изъ предѣловъ Польши въ теченіи двухъ недѣль, а всѣмъ мѣстнымъ духовнымъ принести присягу на вѣрность польскому королю и государству и впредь не поминать на богослуженіи царскихъ особъ иноземныхъ, подъ страхомъ удаленія изъ Польши, или неминуемаго наказанія. Но настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Варлаамъ Шишацкій отказался отъ этой присяги, «какъ присяжный и природный Россіи подданный». Остальныхъ приводили къ присягѣ сами поляки. По Бѣлоруссіи ѣздилъ польскій поручикъ Мировскій. Онъ изобрѣлъ свою присягу, которая требовала вѣрности не только польскому королю и польскому государству, но и мѣстному пану и его преемникамъ, и призывала всѣ бѣдствія и казни на присягавшаго и его домъ, если онъ преступитъ эту присягу. Въ предотвращеніе подобныхъ воображаемыхъ бунтовъ на будущее время, польскій сеймъ призвалъ представителей православія на совѣщаніе объ устройствѣ ихъ самостоятельнаго церковнаго управленія. Составленъ былъ проэктъ, затѣмъ созвана въ 1791 году пинская конгрегація, которая, подъ руководствомъ польскихъ коммиссаровъ, рѣшила установить для православныхъ Польши народную церковь съ зависимостью отъ константинопольскаго патріарха, съ архіепископомъ, тремя епископами и многосложнымъ внутреннимъ устройствомъ, напоминавшимъ и протестантскія общины, и уніатскія конгрегаціи, и польскіе сеймики и сеймы; но этой народной церкви строго запрещалось общеніе съ единовѣрною Россійскою церковію [563]).

Въ это время Россія связана была войною съ Турціей. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, поляки задумали совсѣмъ освободиться отъ русскаго вліянія и измѣнить свой образъ правленія, обезпеченный русскимъ правительствомъ. На четырехлѣтнемъ сеймѣ 1788—1791 гг. они выработали и утвердили цѣлый рядъ внутреннихъ преобразованій своего государства. Власть короля и правительства усиливалась; допускалось рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ, а не по единогласному согласію. Но и въ этой конституціи попрежнему нѣтъ свободы совѣсти. Латинство въ ней признается также изувѣрно господствующимъ, какъ и въ старыя времена. Иновѣрцамъ дается только частная, личная свобода въ предѣлахъ вѣротерпимости, но безъ равноправности въ государственной средѣ. Закончивъ сеймъ, поляки стали приготовляться къ войнѣ съ Россіей, увеличивали свое войско и принимали мѣры къ его

продовольствію. Поэтому Екатерина II, заключивъ въ январѣ 1792 года миръ съ Турціей, высказала намѣреніе твердо поддерживать прежній образъ правленія въ Польшѣ, установленный въ 1775 году, и ниспровергнуть постановленія четырехлѣтняго сейма, обнародованныя 3 мая 1791 года. Въ самой Польшѣ составилась тарговицкая конфедерація,

Станиславъ Богушъ-Сестренцевичъ,

митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.

которая жаловалась сосѣднимъ правительствамъ на незаконность преобразованій четырехлѣтняго сейма и призывала ихъ возстановить въ Польшѣ прежній порядокъ. Екатерина II быстро заняла русскія области Польши для окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи, а въ слѣдующемъ 1793 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши между сосѣдними державами, по которому къ Россіи отошла средняя часть Сѣверо-Запад-

наго края по Динабургъ, Друю, Нарочъ, Дуброву, Минскъ, Несвижъ и Пинскъ, обнимающая нынѣшнюю Минскую губернію и восточную часть Виленской. Генералъ-губернаторомъ новоприсоединенныхъ областей назначенъ былъ Т. И. Тутолминъ [564]). Остальная часть Сѣверо-Западнаго края, съ городомъ Вильною, до Нѣмана и дальше, оставалась еще за Польшею. Въ память присоединенія этихъ областей къ Россіи, Екатерина II велѣла выбить медаль, съ изображеніемъ карты присоединенныхъ областей и съ надписью кругомъ ея: «Отторженное возвратихъ» [565]).

Въ 1794 году поляки еще разъ попытались возвратить Польшѣ самостоятельность и утраченныя области. Въ этомъ году они собрали оставшіяся у нихъ силы, увлекли и своего короля Станислава и возстали противъ Россіи и Пруссіи. Вслѣдъ за Варшавою возстаніе разразилось въ Вильнѣ, гдѣ повстанцы перебили или арестовали часть русскаго отряда, остававшагося еще въ Вильнѣ, а другую заставили удалиться изъ города. Главнымъ героемъ и руководителемъ этого возстанія былъ извѣстный польскій генералъ Тадеушъ Косцюшко. Союзники опять подавили поляковъ, причемъ особенно много сдѣлалъ нашъ знаменитый Суворовъ. Вильна взята была отрядомъ генерала Кнорринга, при чемъ убиты были съ русской стороны храбрые полковники Дѣевъ и Короваевъ. Въ 1795 г. Польша подверглась третьему раздѣлу и на этотъ разъ раздѣлена уже вся. Россія получила западную часть Бѣлоруссіи и восточную Литвы до Нѣмана и Малороссію по Западный Бугъ. Первымъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ былъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Пруссія прибавила себѣ занѣманскую Литву, большую часть сѣверной половины Польши съ Варшавой, съумѣла ворваться даже въ предѣлы бѣлорусскаго племени, Подлѣсье, и врѣзалась даже далѣе на юго-востокъ, въ нынѣшній Бѣлостокскій уѣздъ, Гродненской губерніи [566]). Для русскаго населенія, отошедшаго къ Пруссіи, учреждена была въ 1799 году Супрасльская уніатская епархія, въ которой числилось до 40,000 уніатовъ. Но въ 1807 году, по тильзитскому миру, Бѣлостокская область возвращена Россіи, а черезъ два года упразднена и Супрасльская епархія [567]).

Послѣ третьяго раздѣла Польши и возвращенія отъ Пруссіи Бѣлостокской области, Россія почти достигла въ сѣверо-западной Руси и Литвѣ тѣхъ историческихъ границъ, какія намѣчены и установлены были еще св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, сыномъ его,

Ярославомъ Мудрымъ, и ихъ ближайшими потомками и преемниками. Послѣдующіе русскіе государи, какъ потомки и преемники св. Владиміра и Ярослава, очень хорошо знали, что въ этихъ предѣлахъ искони жили русскій народъ со своими князьями и зависѣвшія отъ нихъ, а потомъ сроднившіяся съ Русью инородческія литовскія и финскія племена, а потому никогда не отказывались отъ историческихъ своихъ правъ на эту страну. Еще въ XVI вѣкѣ бояре царя Іоанна IV Грознаго, на требованіе Сигизмунда II Августа вывести московскія войска изъ Ливоніи, отвѣчали его посламъ, что «не только-что русская земля вся, но и Литовская земля—вся вотчина государя нашего [568])», а царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 и 1655 годахъ на самомъ дѣлѣ овладѣлъ на короткое время почти всѣми тѣми землями въ сѣверо-западной Руси и Литвѣ, какія намѣчены были еще при Грозномъ и потомъ присоединены къ Россіи при Екатеринѣ II и отчасти Александрѣ I. Екатерина II, имѣя въ виду и преслѣдуя историческія задачи Россіи, была лишь счастливѣе своихъ предшественниковъ: она нанесла послѣдній, рѣшительный ударъ вѣковой соперницѣ Русскаго государства, Польшѣ, и, избавивъ отъ нея русско-литовскія области, навсегда возсоединила ихъ съ Россіей. Со времени Екатерины II эти области, не смотря на всѣ препятствія и происки со стороны враговъ Россіи, начинаютъ быстро и тѣсно сближаться и сливаться съ нею въ одно тѣло, въ одинъ народъ русскій, и тѣмъ даютъ новое доказательство въ пользу естественности, справедливости и законности государственнаго возсоединенія этихъ областей съ Россіею.

Глава восьмая.

Внутреннее объединеніе Сѣверо-Западнаго края съ Россіей.

Главныя препятствія къ внутреннему объединенію Сѣверо-Западнаго края съ Россіей и медленность его.—Отношеніе Екатерины II къ Сѣверо-Западному краю: введеніе русскаго управленія, землевладѣнія и законодательства, улучшеніе положенія православія; католическая церковь въ Россіи и стремленіе уніатовъ къ православію.—Павелъ I: возстановленіе имъ польскихъ правъ, благосклонность къ католичеству; взглядъ Павла I на уніатовъ; положеніе православной церкви при Павлѣ I. — Александръ I: сближеніе съ Чарторыйскимъ, возстановленіе польскаго самоуправленія; учебно-воспитательная система Чарторыйскаго; іезуитскія школы; образованіе Наполеономъ I герцогства Варшавскаго и участіе поляковъ въ наполеоновскихъ войнахъ съ Россіей возстановленіе Александромъ I царства Польскаго, польскія общества и заговоры, увольненіе Чарторыйскаго и охлажденіе императора къ полякамъ.—Отношеніе Александра I къ католичеству и уніи; изгнаніе іезуитовъ, освобожденіе уніатовъ изъ-подъ власти латинянъ; стремленіе нѣкоторыхъ уніатскихъ владыкъ къ очищенію русской обрядности и борьба ихъ и бѣлаго уніатскаго духовенства съ базиліанами; окончаніе борьбы въ пользу свѣтскаго клира.

БЛИЖАЙШЕЕ общеніе и тѣснѣйшее внутреннее объединеніе Сѣверо-Западнаго края съ Россіей началось немедленно по возсоединеніи его съ ней и постепенно продолжается и до настоящаго времени. Это объединеніе могло бы завершиться гораздо скорѣе, если бы на коренной пластъ западно-русскаго населенія не насѣли позднѣйшія наслоенія польской или ополяченной шляхты и латино-уніатскаго духовенства, которыя собственно и замедляли естественное и неминуемое объединеніе

этого края съ остальной Россіей. Шляхта и латино-уніатское духовенство, владѣя образованіемъ, населенными имѣніями и богатствомъ, представляли изъ себя весьма значительную умственную и государственно-общественную силу, съ которой необходимо было считаться и мѣстному западно-русскому и литовскому населенію, и русскому правительству. Послѣднее отличаясь, въ противоположность Польшѣ, широкою терпимостію въ дѣлахъ вѣры и внутренняго самоуправленія въ возсоединенныхъ областяхъ, имѣло еще особыя побужденія ласкать высшія иноплеменныя и иновѣрныя сословія въ сѣверо-западной Руси, чтобы расположить и привязать ихъ къ себѣ, и съ этою цѣлію давало имъ разныя права и преимущества, въ ущербъ коренному западно-русскому населенію; но всегда почти достигало прямо противоположныхъ послѣдствій. Польско-католическая шляхта и латино-уніатское духовенство обыкновенно пользовались этими правами и преимуществами лишь для того, чтобы поработить себѣ западно-русское населеніе и закрѣпить его за собою, утвердить въ краѣ господство польской народности и католичества [369]) и осуществить несбыточную мечту о воскрешеніи умершаго Польскаго государства и возстановленіи его въ прежнихъ предѣлахъ. Тогда русское правительство, научаемое горькими опытами, старалось ограничивать права и преимущества польской или ополяченной шляхты и латино-уніатскаго духовенства и выдвигало на первый планъ и поддерживало мѣстныя литовско-русскія народныя силы. Такое колебаніе въ настроеніи русскаго правительства и наклоненіе его въ ту или другую сторону замѣчается, за нѣкоторыми исключеніями, почти при всѣхъ русскихъ государяхъ, до нынѣшняго царствованія, и хотя значительно тормозило дѣло возстановленія и поднятія русской народности и православія въ краѣ, но все-таки, въ общемъ итогѣ, мало-по-малу подвигало его къ желанной развязкѣ. Такъ напр., послѣ польскаго мятежа 1831 года и подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ него, произошло всеобщее и окончательное возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію, а одновременно съ послѣднимъ польскимъ повстаніемъ 1860-хъ годовъ осуществлено задуманное еще ранѣе освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а въ западной Россіи и отъ вліянія польскаго шляхетства и католичества.

Императрица Екатерина II, при твердости своихъ государственныхъ взглядовъ и направленія, тоже допустила нѣкоторое колебаніе въ сво-

ихъ отношеніяхъ къ польско-католикамъ и къ русскому православному населенію въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Правда, она вводила въ новоприсоединяемыхъ областяхъ русское управленіе и отчасти русское землевладѣніе и стремилась обрусить даже латино-уніатскую церковь; но въ тоже время давала широкій просторъ дѣйствіямъ католической и уніатской церквей въ Бѣлоруссіи, въ ущербъ коренному православному населенію, пока не убѣдилась въ необходимости поднять это послѣднее и освободить его отъ вліянія латино-уніатовъ.

Послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 году, отошедшая къ Россіи часть Бѣлоруссіи раздѣлена была на губерніи Могилевскую и Полоцкую и образовала изъ себя Бѣлорусское намѣстничество. Жители новоприсоединенныхъ областей были сравнены въ правахъ и преимуществахъ съ прочими подданными имперіи введеніемъ учрежденія о губерніяхъ 1775 года, послѣ чего теряли свое значеніе и отмѣнялись Литовскій статутъ и Магдебургское право. Положено было начало русскому землевладѣнію въ краѣ пожалованіемъ русскимъ вельможамъ имѣній изъ бывшихъ королевскихъ владѣній и изъ конфискованныхъ у мятежныхъ поляковъ имуществъ. Князю Потемкину отданъ Кричевъ, графу Румянцеву-Задунайскому—Гомель, графу Захару Григорьевичу Чернышеву—Чечерскъ, генералъ-адъютанту Зоричу—Шкловъ, князю Голицыну—Пропойскъ, графу Салтыкову—Тетеринъ, графу Остерману—Стрѣшинъ, Турчанинову—Староство Заблоцкое и Пассеку—Буйничи [570]). Въ церковномъ отношеніи новоприсоединенная часть Бѣлоруссіи раздѣлена была между двумя православными епархіями: провинціи Могилевская, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская вошли въ составъ прежней Бѣлорусской епархіи, въ 1774 году возведенной въ разрядъ второклассныхъ, подъ управленіемъ Георгія Конисскаго [571]); а провинціи Витебская, Полоцкая и Двинская отчислены къ Псковской епархіи и оставались за ней до 1795 г., въ которомъ присоединены къ Могилевской епархіи [572]). Положеніе православныхъ бѣлоруссовъ, ставшихъ теперь русскими подданными, сразу улучшилось безо всякихъ особенныхъ мѣръ. Они сдѣлались членами господствующей въ Россіи церкви и обезпечены отъ посягательствъ со стороны латино-уніатовъ. Въ указѣ 1772 года объ устройствѣ дѣлъ латинской и уніатской церквей предписано «губернаторамъ псковскому и могилевскому крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе и уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные

отнюдь не дерзали ни подъ какимъ видомъ ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ нашего греческаго исповѣданія въ другой законъ».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность православной церкви въ Бѣлоруссіи значительно была стѣснена и ограничена тѣмъ положеніемъ, какое успѣли пріобрѣсть и создать себѣ латино-уніаты въ Бѣлоруссіи при

Іасонъ Юноша-Смогоржевскій,

полоцкій греко-уніатскій архіепископъ, впослѣд. митрополитъ.

Екатеринѣ II. Послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина приказала губернаторамъ объявить, что «всемилостивѣйшая государыня изволитъ не только всѣхъ (ея новыхъ подданныхъ) подтверждать при совершенной и ничѣмъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, но и совершенно ихъ подъ державою своею усыновляя, всѣхъ и каждаго (изволитъ) на-

граждать и еще отнынѣ въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе ея подданные пользуются, такъ что всякое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ съ самаго сего дни во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству имперіи Россійской» [573]). Во исполненіе этого обѣщанія своего, Екатерина II учредила въ 1773 году для бѣлорусскихъ и другихъ латинскихъ церквей и монастырей въ Россіи званіе католическаго епископа, которому и предоставила управлять ими подъ высшимъ надзоромъ юстицъ-коллегіи, а не Рима. Никакія папскія буллы и повелѣнія, а также предписанія заграничныхъ духовныхъ властей не должны быть обнародоваемы въ Бѣлоруссіи прежде разсмотрѣнія ихъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ и высочайшаго утвержденія. Католическимъ епископомъ назначенъ былъ въ 1773 году виленскій каноникъ Богушъ-Сестренцевичъ, которому Екатерина II дала грамоту на основаніе римско-католической епархіи въ Россіи и на заведеніе въ Могилевѣ книгопечатни [574]). Основавъ въ 1778 году въ Могилевѣ католическую семинарію, Сестренцевичъ впервые ввелъ въ курсъ ея преподаванія русскій языкъ и находилъ нужнымъ преподавать въ семинаріи «каноническое право въ тѣхъ границахъ, которыя будутъ начертаны императорскою властію для католической въ имперіи церкви, пользующейся ея покровительствомъ» [575]). Въ 1782 году Екатерина II пожаловала Сестренцевича въ архіепископы всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи и исходатайствовала ему у папы посвященіе въ этотъ санъ въ С.-Петербургѣ. Въ коадъюторы Сестренцевичу назначенъ былъ въ 1784 году динабургскій каноникъ изъ іезуитовъ, Бениславскій.

Въ 1795 году католическая іерархія въ Россіи увеличилась вслѣдствіе послѣднихъ двухъ раздѣловъ Польши. Для духовнаго католическаго управленія новоприсоединенныхъ областей, императрица учредила три католическія епархіи—Инфлянтскую, Пинскую и Летичевскую. Епископамъ этихъ епархій предоставлены были тѣ же права относительно бѣлаго и монашествующаго духовенства, какими пользовался Сестренцевичъ въ Могилевской епархіи, и католическому духовенству вмѣнено въ обязанность не подчиняться никакой власти, внѣ имперіи находящейся, и не призывать и не держать у себя заграничныхъ духовныхъ лицъ. Независимо отъ того, Екатерина II удержала въ Бѣлоруссіи іезуитскій орденъ, уничтоженный въ 1773 году папою Климентомъ XIV во

всѣхъ другихъ государствахъ Европы, и продлила существованіе этого коварнаго и вреднаго ордена до возстановленія его впослѣдствіи самимъ римскимъ дворомъ. Вѣроятно, она хотѣла воспользоваться раздраженіемъ іезуитовъ противъ римскаго двора, присудившаго ихъ орденъ къ уничтоженію, сдѣлать его орудіемъ противодѣйствія папскимъ притязаніямъ на римско-католическую церковь въ Россіи и заставить его служить выгодамъ Россіи и въ частности духовному просвѣщенію римско-католическихъ подданныхъ Россіи. Но эта временная, второстепенная польза соединялась съ вредомъ продолжительнымъ и значительнымъ. Ставъ твердою ногою въ Россіи и особенно въ Бѣлоруссіи, іезуиты устранили себя, по обыкновенію и на основаніи привиллегій своего ордена, отъ власти католическаго епископа, употребляли противъ Сестренцевича всякаго рода происки и производили замѣшательство въ правильномъ устройствѣ духовнаго католическаго управленія въ Россіи. Мало того, учредивъ въ Полоцкѣ новиціатъ для распространенія своего ордена и содержа въ Бѣлоруссіи, кромѣ небольшихъ школъ, шесть коллегій, они мѣшали разумному просвѣщенію, укоренили въ латинствѣ весьма еще неокрѣплыхъ въ немъ уніатовъ бѣлорусскихъ и совратили въ католичество много православныхъ [576]).

Подобнымъ образомъ Екатерина II старалась обезпечить неприкосновенность и уніатской церкви въ Бѣлоруссіи и тѣмъ искусственно задержала естественное стремленіе уніатовъ къ православію. Еще передъ первымъ раздѣломъ Польши открылось повсемѣстное желаніе уніатовъ возвратиться къ праотеческой вѣрѣ, т. е. къ православію. Тогдашній православный епископъ бѣлорусскій Георгій Конисскій, зная хорошо, что тысячи народа готовы бросить ненавистную унію, сильно настаивалъ при заключеніи договора о раздѣлѣ Польши, чтобы въ этомъ договорѣ ограждена была свобода совѣсти и прямо дозволено было оставлять унію тѣмъ, которые приведены къ ней насиліемъ. Даже уніатскіе епископы, предчувствуя недолговѣчность уніи, должны были выбирать между православіемъ и католичествомъ и, повидимому, склонялись къ первому. Они открывались въ Варшавѣ Георгію Конисскому, что имъ не сладка унія и не легка папская власть. «Полоцкій уніатскій архіепископъ Смогоржевскій, да коадъюторъ епископіи Владимірской, Молодовскій,—писалъ преосвященный Георгій,—также оффиціалъ епископа луцкаго, именемъ его, имѣютъ со мною частые уговоры, желая оставить папскую надъ

собою власть, присоединиться попрежнему къ греко-восточной православной церкви. И то дѣлаютъ они не сами собою, но и отъ прочихъ братіи своей епископовъ; понеже на нихъ, яко ученѣйшихъ, всѣ прочіе слагаются. Я совѣтовалъ имъ, оставивъ двусмысленности, прямо послать о таковомъ желаніи челобитную къ ея величеству. Но они опасаются еще рѣшиться на то, сказывая: учинимъ-де такимъ образомъ преступленіе противъ государства» [577]).

Но усилія Георгія Конисскаго были напрасны, а опасенія уніатскихъ епископовъ преждевременны. Екатерина II, наравнѣ съ католичествомъ, обезпечивала неприкосновенность и свободу вѣроисповѣданія и уніатамъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Въ Бѣлоруссіи, во время присоединенія ея къ Россіи, было два уніатскихъ епископа, смоленскій архіепископъ Лобковичъ, почти не имѣвшій епархіи, и полоцкій Смогоржевскій. Послѣдній принесъ въ 1772 году присягу на вѣрность Россіи, признанъ былъ въ званіи епископа бѣлорусскихъ уніатовъ, съ подчиненіемъ ему и монаховъ базиліанъ, и послѣ этого не только оставилъ свое прежнее намѣреніе присоединиться къ православной церкви, но и сталъ на сторону поляковъ и ополяченныхъ базиліанъ и, управляя также польскою частію своей архіепископіи, имѣлъ постоянныя сношенія съ друзьями своими въ Польшѣ и съ иноземною духовною властію, вопреки прямому запрещенію Екатерины II. Поэтому, когда въ 1780 г. польскій король обратился къ Екатеринѣ II съ просьбою о возведеніи Смогоржевскаго въ санъ митрополита для уніатовъ въ Польшѣ,—императрица согласилась, но въ то же время на просьбу Смогоржевскаго остаться и архіепископомъ полоцкимъ отвѣтила отказомъ, на томъ основаніи, что Смогоржевскій, учинившись гражданиномъ въ другомъ государствѣ, не можетъ служить вмѣстѣ двумъ разнымъ государямъ. На мѣсто Смогоржевскаго она назначила въ 1784 году полоцкимъ архіепископомъ для русскихъ уніатовъ Ираклія Лисовскаго [578]), который подчинилъ своей власти базиліанъ, удерживавшихъ при Смогоржевскомъ свое самоуправленіе, и заботился объ очищеніи уніатскаго обряда отъ римскихъ нововведеній, хотя самъ искренно преданъ былъ уніи [579]).

Въ виду обезпеченія неприкосновенности и свободы римско-католической и уніатской церквей въ Бѣлоруссіи, православная церковь первоначально принимала желающихъ перейти въ нее уніатовъ и католиковъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, по личному желанію и просьбѣ

каждаго; но не было рѣшено вопроса о совокупномъ обращеніи въ православіе цѣлыхъ приходовъ съ ихъ священниками. Уніатское духовенство полагало даже, что русскіе законы ограждаютъ цѣлость уніатской церкви, и что русскія власти обязаны принимать мѣры противъ нарушителей этой цѣлости, а потому не разъ жаловалось русскимъ властямъ

Іосафатъ Булгакъ,
греко-уніатскій митрополитъ.

на присоединеніе бывшихъ уніатовъ къ православію. Вслѣдствіе этого, обращеніе къ православію уніатовъ, насильственно совращенныхъ въ унію, замедлялось и происходило лишь въ отдѣльныхъ, единичныхъ случаяхъ. Съ 1768 и до начала 1775 года преосвященному Георгію Конисскому подано было до 80 прошеній о присоединеніи цѣлыхъ сельскихъ общинъ уніатскихъ къ православію. Преосвященный Георгій

настойчиво ходатайствовалъ о присоединенiи желающихъ къ правосла-вiю, опираясь на договорѣ 1768 года Россiи съ Польшею, по которому всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранные у православныхъ съ 1717 года, должны быть возвращены имъ; но не получалъ отвѣта на свои ходатайства. Лишь только въ нѣкоторыхъ частныхъ имѣнiяхъ, розданныхъ императрицею русскимъ сановникамъ, по ходатайству пос-лѣднихъ, преосвященный Георгiй на свой страхъ освятилъ нѣсколько православныхъ церквей для возсоединявшихся съ православною цер-ковiю бывшихъ унiатовъ. Нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ поло-женiи православной церкви послѣдовала по обнаруженiи вѣроломства Смогоржевскаго. Въ 1780 году послѣдовалъ высочайшiй указъ на имя графа З. Г. Чернышева объ учрежденiи Полоцкой унiатской консисто-рiи, въ которомъ, между прочимъ, писалось: «въ случаѣ вакансiи при которомъ либо (унiатскомъ) приходѣ священническаго мѣста, препору-чите вы людямъ надежнымъ спрашивать и навѣрное освѣдомляться отъ прихожанъ, желаютъ ли они имѣть священника нашего православнаго восточнаго закона, въ каковомъ случаѣ преосвященные архiепископъ псковскiй и епископъ могилевскiй, первый въ Полоцкой губернiи, а послѣднiй въ Могилевской, обязаны опредѣлить людей достойныхъ; если же прихожане похотятъ имѣть священника унитскаго, то консисторiя сихъ церквей должна препоручать приходъ праздный священнику бли-жайшаго прихода, покуда съ постановленiемъ отъ насъ настоящаго архiерея могутъ быть рукополагаемы новые священники». Не смотря на ограничительный смыслъ указа, народъ толпами являлся съ про-шенiями о принятiи православiя, такъ что въ теченiи одного мѣсяца въ Бѣлорусской епархiи присоединилось къ православiю до 10,000 че-ловѣкъ, преимущественно въ имѣнiяхъ русскихъ помѣщиковъ, а всего къ 1784 году по Могилевской и Полоцкой губернiямъ присоединено къ православiю до 117,116 человѣкъ.

Наконецъ, неистовства поляковъ противъ западно-русскаго насе-ленiя и русскаго правительства передъ вторымъ раздѣломъ Польши побудили Екатерину II разрѣшить въ основѣ русско-польскую тяжбу и избавить отъ польскаго ига народъ этой страны. Въ рескриптѣ но-вому послу въ Польшѣ Сиверсу отъ 22 декабря 1792 года, рѣшав-шемъ судьбу Польши, Екатерина, исчисливъ дѣла поляковъ того вре-мени, такъ заключила свою рѣчь: «сiи и многiя другiя уваженiя рѣ-

шили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія, имъ угрожающихъ». Въ слѣдующемъ 1793 году, 13 апрѣля, еще до утвержденія польскимъ сеймомъ втораго раздѣла, Екатерина издала указъ, которымъ устроялись церковныя дѣла новоприсоединяемыхъ областей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, вся новоприсоединяемая страна, раздѣленная на губерніи Минскую, Изяславскую (Волынскую) и Брацлавскую, должна была составлять попрежнему одну епархію, подъ названіемъ Минской, и поручалась освобожденному изъ польскаго заключенія преосвященному Виктору Садковскому, который при этомъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа. Мѣстопребываніе преосвященному Виктору назначено было въ Минскѣ, и для этого назначались два бывшихъ уніатскихъ монастыря, мужской и женскій,—одинъ для помѣщенія самого преосвященнаго, а другой для помѣщенія иноковъ православнаго монастыря. Бывшіе уніаты въ этихъ областяхъ заявляли рѣшительное желаніе и намѣреніе возстановить у себя православіе и на этотъ разъ встрѣтили полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны русскаго правительства. «Ея императорское величество, увѣдомившись, что жители губерній Брацлавской, Изяславской и Минской, которыхъ предки, а иные и сами исповѣдывали православную греческую восточную вѣру, но потомъ лестію и притѣсненіемъ, во время польскаго владѣнія, обращены были на унію съ римлянами, изъявляютъ нынѣ усердное ихъ желаніе возвратиться къ истинной ихъ матери церкви благочестивой, высочайше повелѣть соизволила опредѣленному въ тѣхъ губерніяхъ въ должность генерала-губернатора господину генералу-порутчику и сенатору Тимоѳею Ивановичу Тутолмину въ исполненіи такого святаго намѣренія вѣрныхъ ея подданныхъ преподавать въ чемъ надлежитъ отъ свѣтскаго начальства защиту и пособіе; а св. правительствующему синоду предоставляетъ препоручить преосвященному архіепископу минскому, изяславскому и брацлавскому, чтобы онъ обнародовалъ свою пастырскую грамоту, вызывая обитающихъ въ епархіи его къ возвращенію въ благочестіе, которому издревле предки ихъ, а иные и сами послѣдовали». При рескриптѣ генералъ-губернатору Тутолмину отъ 22 апрѣля 1794 г. приложена была и самая грамота преосвященнаго Виктора, для всена-

роднаго ея объявленія, при чемъ прямо говорилось въ рескриптѣ объ искорененіи уніи и объявлялось, что возсоединеніе есть надежнѣйшее средство къ утвержденію народа въ единомысліи и что противодѣйствіе возсоединенію со стороны латинянъ и уніатовъ будетъ принято за уголовное преступленіе, подлежащее суду и влекущее за собою секвестръ имѣнія. Въ помощь преосвященному Виктору и мѣстному духовенству вызвано было нѣсколько духовныхъ лицъ изъ сосѣднихъ епархій.

Послѣдствія этихъ мѣропріятій были чрезвычайныя. Не смотря на польскій мятежъ 1794 года, охватившій и новоприсоединенныя области, въ теченіи полугода съ небольшимъ обратилось къ православію почти полтора милліона уніатовъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши, уніатская митрополичья каѳедра и всѣ уніатскія епископіи въ русскихъ областяхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи по второму и третьему раздѣламъ, были закрыты; уніатскимъ архіереямъ, заявившимъ себя привязанностію къ Польшѣ и враждою къ Россіи, предоставлено выбрать мѣстопребываніе внѣ предѣловъ западной Россіи и назначена пенсія, равно какъ и всѣмъ уніатскимъ священникамъ, оставшимся безъ приходовъ. Предположено было закрыть безполезные уніатскіе монастыри. Всѣ уніаты подчинялись бѣлорусскому уніатскому архіепископу Лисовскому; но при этомъ было заявлено, что это подчиненіе лишь временное и не должно мѣшать возсоединенію. Возсоединеніе уніатовъ продолжалось и послѣ третьяго раздѣла Польши въ епархіяхъ Минской, которая увеличена была новыми, литовскими областями, и Могилевской, къ которой присоединена была въ 1795 году Полоцкая губернія—но уже не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ прежде. Въ новоприсоединенныхъ частяхъ Минской епархіи, наиболѣе ополяченныхъ, всего присоединено къ православію лишь около 80,000 [580]); въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой, въ которыхъ возсоединеніе началось еще съ 1773 года, въ теченіи 1794 и 1795 годовъ вновь присоединилось къ православію около 110,000 и въ томъ числѣ въ одномъ только Себежѣ и его уѣздѣ 10,740 человѣкъ [581]). Но по смерти Георгія Конисскаго (†1795 г.), при преемникѣ его Аѳанасіѣ, обнаружились здѣсь и препятствія дѣлу православія, преимущественно со стороны польскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ, противодѣйствовавшихъ возсоединенію уніатовъ. Съ другой стороны, накопилось здѣсь много безмѣстныхъ, озлобленныхъ уніатскихъ священниковъ, которые естественно примыкали къ панамъ

и ксендзамъ и усиливали смуту. Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина II съумѣла бы преодолѣть эти затрудненія,—но она умерла въ самомъ началѣ ихъ († 6 ноября 1796 года), а при преемникѣ ея, Павлѣ Петровичѣ, дѣла такъ пошли, что существовавшія затрудненія пріобрѣли чрезвычайную упругость и создались новыя.

Императоръ Павелъ I, одушевляемый возвышенными мыслями, хотѣлъ исправить мнимыя неправды своей матери по отношенію къ западнымъ окраинамъ Россіи и дать имъ долю самостоятельнаго развитія. По вступленіи на престолъ, онъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на сосланныхъ за мятежъ 1794 года поляковъ, въ первый же годъ своего царствованія освободилъ ихъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ и возвратилъ имъ конфискованныя имѣнія, изъ которыхъ предварительно вывелъ русскихъ людей, вознаградивъ ихъ имѣніями внутри имперіи. Затѣмъ, онъ возстановилъ въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Литовскій Статутъ, отъ котораго въ Бѣлоруссіи успѣли уже отвыкнуть, и дозволилъ собирать сеймики, для выбора, вмѣсто предводителей дворянства, маршалковъ и другихъ чиновныхъ людей [582]). Вслѣдствіе этого, польское вліяніе въ Бѣлоруссіи значительно усилилось при Павлѣ I, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было само собою усилиться и значеніе католичества. Но Павелъ I употреблялъ и особыя, нарочитыя мѣры къ поднятію католичества въ западной Россіи. Задавшись мыслію о дружномъ соединеніи всѣхъ христіанъ, безъ различія вѣроисповѣданій, для борьбы съ развивавшимся на западѣ Европы свободомысліемъ и невѣріемъ, Павелъ I обласкалъ латинянъ, подчинивъ имъ и уніатовъ, и ограничилъ дѣятельность православной церкви по обращенію уніатовъ въ православіе [583]).

Въ первые годы своего царствованія Павелъ I благоволилъ къ могилевскому католическому архіепископу Сестренцевичу, въ 1798 году присвоилъ ему титулъ митрополита и исходатайствовалъ у Рима для него и его преемниковъ кардинальскую одежду. Въ 1797 году учрежденъ былъ при юстицъ-коллегіи особый департаментъ для дѣлъ римскаго духовенства, а въ слѣдующемъ году этотъ департаментъ отдѣленъ былъ отъ коллегіи и подчиненъ архіепископу, который чрезъ это получилъ еще большее значеніе и сдѣлался полновластнымъ главою всей католической церкви въ Россіи. По внушенію Сестренцевича, въ 1798 году послѣдовало новое распредѣленіе и увеличеніе числа като-

лическихъ епархій въ Россіи. Ихъ учреждено было шесть, а именно: архіепископство Могилевское, епископства Виленское для губерній Литовской (нынѣшнихъ Виленской и Гродненской) и Курляндской, Самогитское въ нынѣшней Ковенской губерніи, Луцкое, Каменецъ-Подольское и Минское. Въ помощь каждому епископу положенъ суффраганъ, а архіепископу приданы три суффрагана,—одинъ для Могилева, другой для Полоцка и третій для Кіева. Такое увеличеніе католической іерархіи, не вызываемое дѣйствительными нуждами католиковъ въ Россіи, клонилось только къ совращенію въ католичество изъ другихъ вѣроисповѣданій. Къ чести Сестренцевича нужно замѣтить, что онъ искренно желалъ возвысить католическую церковь, улучшить духовенство, но самобытно, безъ вмѣшательства римскаго двора, весьма часто заботившагося болѣе о своихъ правахъ, чѣмъ о вѣрѣ, которой обязанъ служить, и въ этихъ видахъ содѣйствовалъ удаленію изъ Петербурга папскаго нунція въ Россіи, графа Литты, а регламентомъ или уставомъ 1798 года старался подчинить власти епархіальныхъ епископовъ своевольные монашескіе католическіе ордена и въ томъ числѣ іезуитовъ. Но іезуиты не простили Сестренцевичу его покушенія на ограниченіе ихъ самоуправленія и независимости. По ихъ козням, Сестренцевичъ въ ноябрѣ 1800 года лишенъ былъ власти и сосланъ въ его помѣстья, въ Могилевскую губернію, а на его мѣсто предсѣдателемъ въ римско-католическую коллегію назначенъ былъ сторонникъ іезуитовъ викарій его, Бенславскій. При немъ составлено и обнародовано было 11 декабря 1800 года новое положеніе объ управленіи дѣлами латинской церкви, по которому власть епископовъ была ограничена, а монашескія сословія и особенно іезуиты выдвинуты на первый планъ. Въ 1801 году Павелъ I исходатайствовалъ у папы формальное возстановленіе или,—точнѣе,—признаніе іезуитскаго ордена въ Россіи, подъ условіемъ, чтобы іезуиты преподавали въ своихъ коллегіяхъ науки на русскомъ языкѣ, въ своихъ монастыряхъ или коллегіяхъ не допускали ничего такого, что могло бы представлять малѣйшее неудобство для господствующаго вѣроисповѣданія, и не совращали въ католичество юношества другихъ вѣроисповѣданій [584]).

По образцу римско-католической церкви и въ зависимости отъ нея, устроена была при Павлѣ I и уніатская церковь въ Россіи. Извѣстно, что Павелъ I неблагосклонно смотрѣлъ на унію и даже не терпѣлъ ея.

Онъ часто говорилъ католическому архіепископу Сестренцевичу въ разговорахъ объ уніатахъ: «я не люблю ихъ; они ни то, ни сё, ни рыба, ни мясо». Однажды въ 1799 году онъ сказалъ ему еще яснѣе: «я не терплю уніатовъ; вы хорошо понимаете меня». Указомъ 30 декабря 1797 года Павелъ I повелѣлъ приступить къ предположенному Екате-

Александръ Семеновичъ Шишковъ,

министръ народнаго просвѣщенія и президентъ Россійской академіи.

риною II сокращенію числа базиліанскихъ монастырей и размѣщенію уніатскихъ монаховъ въ другіе монастыри. Этимъ двусмысленнымъ, неопредѣленнымъ положеніемъ уніатской церкви и воспользовались католики, чтобы подчинить ее себѣ. При учрежденіи въ 1798 году департамента юстицъ-коллегіи для римско-католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданій, не было дозволено уніатскимъ епархіямъ имѣть своихъ

представителей или членовъ въ этомъ департаментѣ. При учрежденіи въ апрѣлѣ того же года шести латинскихъ епископовъ и епархій для католиковъ въ Россіи, учреждены были три епископа и три епархіи и для уніатовъ. Указомъ 28 апрѣля утверждалась власть полоцкаго уніатскаго архіепископа, Ираклія Лисовскаго, надъ бѣлорусскими уніатами и возстановлялись епархіи Брестская для Минской и Литовской областей и Луцкая для Кіевской, Подольской и Волынской губерній; но во всемъ остальномъ, касающемся церковнаго управленія, монаховъ, школъ, разныхъ учрежденій и проч., повелѣно сообразоваться съ указомъ объ учрежденіи шести католическихъ епархій. 3 ноября 1798 года обнародованъ былъ регламентъ или уставъ для католическаго духовенства обоего обряда, т. е. для католиковъ и уніатовъ, и уніатскіе монахи базиліане какъ бы признаны были латинскимъ монашескимъ сословіемъ. Въ послѣдствіи времени, когда бывшій уніатскій митрополитъ Ростоцкій сдѣлалъ представленіе императору о назначеніи уніатскихъ представителей въ римско-католическую коллегію, Павелъ I отвѣчалъ: «уніаты, такъ какъ они присоединены или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ (въ римско-католической коллегіи) не могутъ имѣть» [585]). По удаленіи Сестренцевича отъ предсѣдательства въ департаментѣ юстицъ-коллегіи, 11 декабря 1800 года изданъ былъ регламентъ или уставъ «для духовенства обоихъ римско-католическихъ обрядовъ», т. е. латинянъ и уніатовъ, которымъ базиліане освобождены были отъ подчиненія епархіальнымъ архіереямъ и получали свое орденское самоуправленіе [586]).

Такимъ образомъ, уніаты не имѣли ни митрополита, ни самостоятельнаго управленія, а подчинялись управленію римско-католической коллегіи и отдавались во власть латинянъ. Такое подчиненіе уніатской церкви латинянамъ имѣло горестныя послѣдствія для уніи и вообще для русскаго дѣла въ юго-западной Руси. Унія въ полномъ смыслѣ слова порабощена была католичествомъ. Католики понимали, что унія, искуственно поддерживавшаяся польскимъ правительствомъ, сдѣлалась невозможною въ Россіи, и потому заблаговременно старались воспользоваться ею для своего приращенія. Иногда римско-католическая коллегія сама распоряжалась уніатскими монастырями, какъ своими собственными, и отдавала ихъ католическимъ монахамъ. Когда въ 1798 г. императоръ Павелъ принялъ въ Россію французскихъ монаховъ тра-

пистовъ, то для ихъ помѣщенія отведены были въ Оршѣ два монастыря, одинъ бернардинскій для монаховъ трапистовъ, а другой базиліанскій для монахинь трапистокъ. Въ 1798 году св. синодъ сообщилъ сенату, что «римско-католицкая консисторія дозволила унитскимъ попамъ исправлять священнослуженіе въ римскихъ костелахъ съ тѣмъ единственно, какъ то изъ послѣдствія открывается, дабы, приласкавъ къ себѣ унитскихъ поповъ, привлечь чрезъ то въ римскую религію и прихожанъ ихъ, унитовъ». Католическіе монахи распускали молву, будто бы русское правительство намѣрено насильно обращать уніатовъ въ православіе; а польскіе помѣщики, по внушенію ксендзовъ, угрожали уніатскимъ попамъ, что, если они не сдѣлаются католиками, то лишатся не только своихъ приходовъ, но и собственности, и нерѣдко приводили эти угрозы въ исполненіе. Поэтому нѣкоторые несчастные священники, будучи семейными, рѣшились числиться въ католичествѣ и стали уговаривать прихожанъ послѣдовать ихъ примѣру, а помѣщики приказывали крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія, исполнять это. Но такъ какъ простой уніатскій народъ русскій ни зачто не хотѣлъ разстаться съ обрядами греко-восточной церкви, то для него сдѣланы были уступки греко-восточному обряду: введено въ литургію только нѣсколько римскихъ обрядовъ и опрѣсноки, тогда какъ всѣ остальные обряды оставлены прежніе, такъ что крещеніе, вѣнчаніе, погребеніе и другія духовныя требы не были измѣнены и отправлялись на церковно-славянскомъ языкѣ [587]). Въ послѣдствіи времени въ могилевской митрополитанской типографіи напечатаны были особые латинскіе миссалы, въ которыхъ на одной сторонѣ латинскій текстъ напечатанъ былъ польскими буквами, а на другой—польскій переводъ латинскаго текста для незнающихъ по латыни [588]). Въ такомъ видѣ католичество до того смѣшалось съ уніей, что постороннему наблюдателю трудно было отличить ихъ одно отъ другой. Уніатскіе попы, числясь священниками при прежнихъ своихъ приходахъ, принявшихъ православіе, совершали свое богослуженіе въ домовыхъ помѣщичьихъ римско-католическихъ костелахъ и каплицахъ, или въ приписныхъ уніатскихъ каплицахъ и часовняхъ, и преподавали прихожанамъ и даже православнымъ всякія требы. Не довольствуясь объединеніемъ уніатовъ и латинянъ въ богослуженіи и костелахъ, латинскіе и уніатскіе священники вмѣстѣ объѣзжали приходы и совращали народъ въ католичество или въ унію. Въ 1797 году православный священникъ

Микулинской церкви, Бѣлорусской епархіи, доносилъ своему архіерею, что уніатскіе попы и ксендзы склонили его микулинскихъ прихожанъ принять—однихъ католичество, а другихъ—унію. Въ Сѣннинскомъ уѣздѣ бернардинъ и уніатскій священникъ совратили 500 домовъ. «Въ Бѣлорусской губерніи не только изъ унитовъ, но изъ присоединившихся къ благочестію, въ римскую религію совращены цѣлые приходы, въ немаломъ числѣ душъ состоящіе» [589]). Къ 1803 году въ одной Полоцкой уніатской епархіи, наполненной іезуитами, совращено было въ католичество до 22 приходовъ съ ихъ священниками и отъ 80 до 100 тысячъ прихожанъ [590]). Вѣроятно, къ концу царствованія Павла I относится записка уніатскаго архіепископа Лисовскаго о положеніи уніатовъ въ Россіи, поданная имъ папѣ, въ которой онъ высказывалъ желаніе, «чтобы въ это время великаго бѣдствія уніатовъ верховный первосвященникъ (папа) поддержалъ ихъ какимъ либо спасительнымъ образомъ. Одно изъ двухъ средствъ остается для этого,—писалъ Лисовскій: или переходъ всѣхъ, если можно, въ обрядъ латинскій, но это весьма трудно по причинѣ грубости и невѣжества народа; другой же способъ, самый желательный, къ коему склоняются мысли всѣхъ,—возобновить желаніе и позаботиться объ общей и полной уніи русскихъ церквей съ римскою». Ссылаясь на примѣръ Сорбоннской академіи, предложившей Петру I вопросъ о соединеніи церквей, Лисовскій продолжаетъ: «итакъ, было бы весьма умѣстно, если бы въ настоящія времена священный престолъ внушилъ милостивѣйшему и благочестивѣйшему императору Россіи и склонилъ его душу къ тому, чтобы онъ по крайней мѣрѣ устно открылъ свою мысль и волю предстоятелямъ Россіи и католическимъ епископамъ, въ такомъ именно родѣ, что ему весьма пріятно было бы, если бы духовные сами собой уничтожили и отвергли эту язву, эту стѣну раздѣленія, какъ собственное ихъ дѣло. Это средство въ настоящій вѣкъ какъ нельзя болѣе пригодно и къ утвержденію давно ожидаемаго мира» [591]). Неизвѣстно, на сколько искрененъ и продуманъ былъ планъ Лисовскаго о новой уніи всей православной русской церкви съ католичествомъ; но кажется несомнѣннымъ, что этимъ планомъ онъ хотѣлъ только отстоять въ уніи греко-восточный обрядъ, какъ необходимое условіе для предполагаемой уніи съ православною церковію, и защитить самую унію.

Въ сравненіи съ католичествомъ, православная церковь въ западной

Россіи занимала скромное положеніе при Павлѣ I, который не позволялъ ее обижать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣснялъ ея естественное развитіе насчетъ другихъ вѣроисповѣданій и особенно уніатскаго. Когда до его свѣдѣнія дошло, что нѣкоторые польско-католическіе помѣщики и латино-уніатское духовенство въ юго-западной Руси стали притѣснять ново-присоединенныхъ православныхъ и совращать ихъ въ унію,—то императоръ 18 марта 1797 года издалъ указъ, которымъ повелѣвалось, «дабы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ нашихъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско-католическое исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свободою исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно совѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно, всякаго рода вѣрноподданныхъ нашихъ, одну съ нами православную греко-россійскую вѣру исповѣдующихъ, но даже не стѣсняли бы свободы тѣмъ, кои, по добровольному руководству совѣсти, сами отъ другихъ исповѣданій къ православной церкви присоединяться возжелаютъ, не дѣлая отнюдь и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ сей церкви и не оскорбляя ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ за преслушаніе сей нашей воли наказанія по всей строгости законовъ» [592]). Но послѣдующіе указы и распоряженія Павла I были менѣе благопріятны для православной церкви. Указомъ 17 мая того же 1797 года императоръ, вслѣдствіе жалобъ на насильственное якобы обращеніе бывшихъ уніатовъ въ православіе, приказалъ минскому губернатору Карнѣеву «объѣхать всѣ тѣ селенія, въ которыхъ уніатскія церкви превращены въ благочестивыя, но жители въ тѣ церкви ходить и священныя требы получать уклоняются, и буде онъ, господинъ губернаторъ, найдетъ, что жители добровольнаго желанія къ присоединенію къ церкви нашей не объявили и всегда желали оставаться въ уніи, тамъ имъ ни препятствія, ниже принужденія никакого чинить не позволять, однимъ словомъ стараться возстановить спокойствіе каждаго въ его совѣсти и отвратить раздоръ и ссоры». Губернаторъ, объѣздивши указанныя поселенія, пришелъ однако къ убѣжденію, что зло происходитъ не только отъ того, что уніаты противъ воли были обращаемы въ православіе, но и отъ того, что уніатскіе священники всякими неправдами включали возсоединенныхъ въ списки своихъ прихожанъ. По совѣщаніи съ новымъ минскимъ православнымъ еписко-

помъ Іовомъ, онъ предположилъ, для упорядоченія отношеній между православными и уніатами, поручить преосвященному Іову наблюденіе за метрическими книгами какъ православными, такъ и уніатскими, и обязать уніатское духовенство доставлять ему эти книги. Эта мѣра утверждена была императоромъ и, по увѣренію епископа Іова, дѣйствительно обезпечивала на нѣкоторое время миръ въ средѣ православной и уніатской. Вслѣдствіе жалобъ папскаго нунція Литты на насильственное будто бы обращеніе уніатовъ въ православіе, въ октябрѣ 1798 года св. синодъ, по волѣ императора, предписалъ православнымъ архіереямъ въ юго-западной Руси «строжайше подтвердить своимъ духовнымъ съ подписками, чтобы они, препровождая добродѣтельное и непостыдное для православной церкви житіе, отнюдь не дерзали дѣлать въ обращеніи къ благочестію состоящимъ въ уніи жителямъ никакого насилія, подъ опасеніемъ осужденія по строгости законовъ и лишенія чиновъ своихъ, поступая въ семъ благочестивомъ подвигѣ со всякою христіанскою кротостію по апостольскому ученію» и проч. [593]).

Подобно Павлу I, сынъ и преемникъ его Александръ I тоже обнаруживалъ, въ первую половину своего царствованія, широкую вѣротерпимость и возвышенные и человѣколюбивые взгляды на польскую народность; но въ то-же время онъ способенъ былъ оказывать вниманіе и справедливость и русской народности въ западной Россіи, а къ концу своего царствованія, наученный тяжелыми опытами неблагодарности поляковъ къ нему и Россіи, рѣшительно сталъ поддерживать въ западной Россіи мѣстныя народныя русскія силы противъ притязаній поляковъ.

Императоръ Александръ I, воспитанный швейцарцемъ Лагарпомъ, для котораго не могли не быть чужды особенности русскаго народа, исторія Россіи и ея нужды, сблизился, еще будучи наслѣдникомъ престола, съ молодымъ ополяченнымъ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, происходившимъ изъ древнерусскаго княжескаго рода, не разъ выслушивалъ его изліянія скорби по поводу мнимыхъ бѣдствій поляковъ и Польши, сожалѣлъ о бѣдствіяхъ этого народа и нерѣдко высказывалъ желаніе облегчить его участь по вступленіи своемъ на престолъ. И дѣйствительно, лишь только онъ вступилъ на престолъ отца, какъ возстановилъ польское управленіе въ западно-русскихъ областяхъ во всей почти старой полнотѣ: полякамъ дозволено было составлять сеймики и

Дѣятели возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью:

Епископъ Василій Лужинскій. Архіепископъ Антоній Зубко. Епископъ Игнатій Желѣзовскій.
Епископъ Михаилъ Голубовичъ. Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. Протопресв. Антоній Тупальскій.

выбирать на нихъ судей и другихъ должностныхъ лицъ. Русское управленіе въ странѣ подкапывалось этимъ путемъ въ самомъ корнѣ. Всѣ важнѣйшія отрасли управленія перешли въ руки поляковъ [594]).

Но Чарторыйскій не удовлетворился и этими преимуществами, дарованными Александромъ I польской народности въ юго-западной Россіи. Пользуясь расположеніемъ Александра I къ себѣ и къ польской народности, Чарторыйскій задумалъ подготовить въ будущемъ возстановленіе Польши посредствомъ образованія польскаго юношества и ополяченія русскаго населенія въ юго-западной Россіи. Когда въ 1803 году учреждено было въ Россіи министерство народнаго просвѣщенія и затѣмъ образовано шесть учебныхъ округовъ, то Чарторыйскій назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и въ этомъ званіи преобразовалъ бывшую Виленскую іезуитскую академію въ университетъ и основалъ цѣлый рядъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Образованіе для Чарторыйскаго было не цѣлію для просвѣщенія и благосостоянія народа, а лишь средствомъ для ополяченія русскаго населенія края, утвержденія польской народности и распространенія впослѣдствіи предѣловъ Польши, которая, по его понятіямъ, должна заключать въ себѣ не только собственно польскія области, но и Литву, и Бѣлоруссію, и даже значительную часть Малороссіи съ Кіевомъ [595]). Извѣстный Лелевель сталъ утверждать, будто западныя русскія области, населенныя русскимъ народомъ, искони входили въ составъ Польши; усиливался доказывать, будто Кіевская и Подольская области населены были въ старину поляками, что первоначальный лѣтописецъ называетъ жителей тѣхъ областей полянами, т. е. будто бы поляками [596]). Основою развитія молодежи, по плану Чарторыйскаго, было картинное изображеніе передъ нею Польши, но не той, какою она была въ дѣйствительности, а Польши подкрашенной, представлявшей собою образецъ совершенства. Поэтому съ особенною нѣжностію развивались передъ молодыми людьми всѣ мелочи историческія и устранялось все, дававшее событіямъ ихъ истинный, безобразный видъ. Затѣмъ, всюду слышались возгласы о любви къ отечеству, подъ которымъ разумѣлась опять-таки Польша, а не Россія. Россію называли Москвою, которая изображалась какою-то злою силою, мертвящею все живое и оледеняющею всякія чувствованія [597]). Приняты были мѣры не только къ устраненію чтенія русскихъ книгъ, но и къ уничтоженію священныхъ и историческихъ памятни-

ковъ русской старины. Древняя Виленская Пречистенская митрополитанская церковь, перешедши въ руки уніатскаго духовенства, доведена была имъ до крайней степени запустѣнія. Чарторыйскій ложно представилъ императору Александру, будто эта церковь находится въ такомъ ветхомъ состояніи, что ежеминутно грозитъ разрушеніемъ, а потому выпросилъ разрѣшеніе употребить стѣны ея на сооруженіе анатомическаго театра и кабинета при университетѣ. Во время перестройки этой церкви въ анатомическій театръ найдена въ погребахъ серебряная доска съ надписью, свидѣтельствовавшею о погребеніи на этомъ мѣстѣ великой княгини и королевы Елены Іоанновны, дочери Іоанна III, но неизвѣстно куда исчезла [598]). Въ университетѣ и народныхъ школахъ польскій языкъ имѣлъ неизмѣримое преимущество передъ русскимъ. Въ уставахъ Виленскаго округа, подъ названіемъ словесность, разумѣлась не русская, а польская словесность; да и всѣ науки излагались тамъ на польскомъ языкѣ. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподаватель польской грамматики состоялъ въ спискѣ старшихъ учителей, а преподаватель русскаго языка считался младшимъ, наравнѣ съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованія [599]).

Къ ополяченію страны привлекалось и католическое и уніатское духовенство. При Виленскомъ университетѣ учреждена была главная семинарія для католическаго и уніатскаго духовнаго юношества, предназначавшагося, съ теченіемъ времени, для занятія высшихъ духовныхъ должностей и учительскихъ мѣстъ въ школахъ. По распоряженію Чарторыйскаго и приказанію епископовъ, нѣкоторые католическіе монастыри содержали школы, замѣнявшія уѣздныя училища. Такихъ школъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1807 году было около 40, кромѣ базиліанскихъ и іезуитскихъ. Изъ нихъ 10 содержалось піарами, 9 доминиканами, 2 францисканами, 2 тринитарами, 5 бернардинами, 3 кармелитами, 4 канониками регулярными, 1 августіанами и 5 миссіонерами. Кромѣ того, при женскихъ католическихъ монастыряхъ содержалось значительное число дѣвичьихъ училищъ. Что же касается уніатскаго базиліанскаго ордена, то предполагалось обратить его, въ цѣломъ его составѣ, въ учебно-воспитательный орденъ, за что Чарторыйскій обѣщалъ базиліанамъ выхлопотать у русскаго правительства сохраненіе уніатскихъ монастырей, предположенныхъ къ уничтоженію, и возстановленіе ихъ орденскаго самоуправленія. Предположенія Чарторыйскаго,

вовсе неизвѣстныя главному уніатскому духовенству, безъ вѣдома коего все это было сдѣлано, получили въ 1807 году высочайшее утвержденіе. Узнавъ объ этомъ, уніатскій митрополитъ Лисовскій настоялъ на томъ, чтобы такое вредное для уніатской церкви постановленіе было уничтожено; тѣмъ не менѣе базиліане содержали 14 школъ для свѣтскаго юношества и 12 монастырскихъ новиціатовъ. Свѣтскія базиліанскія школы въ Бѣлоруссіи и Литвѣ были слѣдующія: въ Вержбиловѣ Витебской губерніи, Толочинѣ Могилевской губ., Жировицахъ и Брестѣ Гродненской губ., Подубисѣ Ковенской губ., Борунахъ Виленской губ. и Лядѣ и Березвечѣ Минской губерніи [600]). Исключеніе въ средѣ латино-уніатскаго духовенства представляютъ только іезуиты, которымъ удалось освободить свои учебныя заведенія отъ подчиненія Виленскому университету и составить изъ нихъ особый іезуитскій округъ, сосредоточенный около Полоцкаго коллегіума, съ возведеніемъ послѣдняго въ 1812 году на степень академіи. Кромѣ академіи въ Полоцкѣ, іезуиты имѣли свои коллегіи въ Могилевѣ, Мстиславлѣ, Чечерскѣ, Оршѣ, Витебскѣ и Динабургѣ, резиденціи въ Ушвальдѣ, Дагдѣ, Авлеймѣ, Пушѣ, Фащевѣ, Халчѣ, Сокольникахъ или Соколицѣ, Лозовичахъ и Раснѣ. Не смотря однако же на нѣкоторое соперничество между іезуитскимъ орденомъ и Виленскимъ учебнымъ округомъ, оба высшихъ заведенія Западнаго края Россіи, т. е. іезуитская академія въ Полоцкѣ и университетъ въ Вильнѣ, близко сходились въ своей дѣятельности, стремясь къ одной цѣли—ослабленію здѣсь русскаго духа. Но въ то время, какъ іезуитская академія преслѣдовала исключительно вѣроисповѣдную задачу, т. е. распространеніе латинства,—университетъ задавался преимущественно свѣтскими, государственными и польско-народными видами, причемъ латинство служило только однимъ изъ многихъ другихъ средствъ, ведущихъ къ цѣли, но не самою цѣлью [601]).

Плоды этого польско-латинскаго образованія должны были взойти и созрѣть только съ теченіемъ времени; но войны Наполеона I съ Пруссіей, Австріей и Россіей дали полякамъ случай и возможность вкусить отъ этихъ плодовъ раньше срока. Въ 1806 году Наполеонъ, завоевавъ почти всю Пруссію, взволновалъ поляковъ, желая поставить ихъ противъ Россіи, защищавшей Пруссію, но въ слѣдующемъ году долженъ былъ заключить съ Россіей миръ, по которому уступилъ ей отнятую у Пруссіи Бѣлостокскую область, а изъ остальныхъ областей, присоеди-

Императоръ Николай I Павловичъ.

ненныхъ къ Пруссіи отъ Польши съ 1772 года, составилъ Варшавское герцогство, отдавъ его саксонскому королю. Въ 1809 году, нанеся новый ударъ Австріи, Наполеонъ отнялъ у нея западную часть Галиціи, т. е. воеводства Подляшское, Люблинское и Сендомирское, и присоединилъ ихъ къ Варшавскому герцогству. Этимъ онъ хотѣлъ расположить къ себѣ поляковъ и имѣть въ нихъ и ихъ герцогствѣ точку опоры для своихъ дѣйствій противъ Россіи, и не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Когда онъ двинулся въ 1812 году на Россію съ 700-тысячною арміею, составленною изъ 20 побѣжденныхъ имъ народовъ, то поляки Варшавскаго герцогства, не смотря на свои скудныя средства, доставили Наполеону 80,000 войска, подъ командою Іосифа Понятовскаго, племянника послѣдняго короля польскаго, и, вмѣстѣ съ непріятелями, наводнили и разорили Бѣлоруссію и Литву. Поляки дрались съ русскими подъ стѣнами Смоленска и на поляхъ Бородина, потомъ въ занятой Наполеономъ Москвѣ усердно помогали французамъ истреблять священные предметы народнаго русскаго благоговѣнія. Варшава блистательно торжествовала наполеоновы побѣды, какъ будто свои собственныя [602]). Даже польско-латинскіе и уніатскіе изъ базиліанъ епископы, долженствовавшіе служить примѣромъ своему духовенству и паствѣ въ вѣрности присягѣ Россіи, явно сочувствовали Наполеону и содѣйствовали ему всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Курляндскій суффраганъ, Коссаковскій, принималъ Наполеона въ Вильнѣ; самогитскій коадъюторъ, князь Игнатій Гедройцъ, перешелъ на сторону французовъ; минскій епископъ Дедерко, разъѣзжая съ французскимъ отрядомъ по уѣздамъ Минской губерніи, возмущалъ народъ, подговаривалъ молодежь вступать въ армію Наполеона, отказывавшихся отъ этого подкупалъ деньгами, или угрожалъ проклятіями церкви, и съ донесеніями своими являлся въ главную квартиру Наполеона. Въ Вильнѣ учрежденъ былъ «религійный комитетъ» подъ предсѣдательствомъ ректора Виленскаго университета Ивана Снядецкаго, въ составѣ котораго были уніаты: виленскій епископъ Головня, троцкій архимандритъ Ленартовичъ и провинціалъ ордена, архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря Каминскій со своими консулторами. Въ комитетѣ предположено было удалить отъ мѣстъ уніатскихъ митрополита Кохановича и полоцкаго архіепископа Красовскаго, происходившихъ изъ бѣлаго клира, и замѣнить ихъ базиліанами. Не остались вѣрными и преданными Россіи и іезуиты, наиболѣе обла-

годѣтельствованные ею. Имѣя всегда значительныя связи, они не оказали никакой помощи Русскому государству въ трудную годину 1812 г., и большая часть ихъ ушла изъ Бѣлоруссіи. Нѣсколько студентовъ Полоцкой іезуитской академіи вступили даже на службу во французскую армію и сражались противъ русскихъ, а оставшіеся на мѣстѣ іезуиты не показывали ни малѣйшаго сочувствія къ русскимъ войскамъ [603]).

Походъ Наполеона на Россію, какъ извѣстно, кончился неудачно. Въ томъ же 1812 году самъ онъ и остатки его громадной арміи бѣжали назадъ, окончательно разоривъ и опустошивъ Бѣлоруссію и Литву. За ними пошли русскія войска и заняли Варшавское герцогство. Они пылали народною ненавистью къ неблагодарной странѣ и готовы были превратить ее въ пустыню; но Польшу спасло отъ этого бѣдствія великодушіе Александра I и даже дало полякамъ поводъ вновь домогаться возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года. Однако на просьбу объ этомъ Чарторыйскаго, Огинскаго и другихъ Александръ I отвѣчалъ: «Относительно собственной Польши (Варшавскаго герцогства) я все сдѣлаю, что вы желаете; но относительно Литвы, Подоліи и Волыни не сдѣлаю: вы не забывайте того, что эти области —русскія, и населеніе ихъ до сего времени считаетъ себя русскими». Въ 1815 году, на вѣнскомъ конгрессѣ (съѣздѣ), Александръ I преодолѣлъ всѣ препятствія и возстановилъ Варшавское герцогство подъ именемъ царства Польскаго, съ присоединеніемъ его къ Россіи, и въ томъ же году далъ новому царству конституцію. Великій князь Константинъ Павловичъ поставленъ былъ во главѣ его по военному управленію. На вѣнскомъ конгрессѣ обѣщано было расширеніе царства. Поляки понимали это обѣщаніе такъ, что къ царству будетъ присоединена западная Россія. Самъ императоръ Александръ какъ бы утверждалъ поляковъ въ этой мысли и подчинилъ Константину Павловичу прилегающія къ Польшѣ западныя губерніи, впрочемъ въ военномъ, а не въ гражданскомъ отношеніи [604]).

Этотъ рѣшительный шагъ Александра I къ возстановленію самостоятельности Польши былъ многознаменательною попыткою отдѣлаться отъ безпокойной Польши возстановленіемъ ея самостоятельности въ предѣлахъ польской народности, но попыткою неудачною и безплодною. Оказалось, что поляки никакъ не могли представить себѣ

своего государства безъ юго-западныхъ русскихъ областей, которыми временно владѣли прежде, и при Александрѣ же I составили цѣлую сѣть тайныхъ обществъ и заговоровъ не только въ царствѣ Польскомъ, но и въ западно-русскихъ областяхъ, съ цѣлію присоединенія этихъ послѣднихъ къ Польшѣ. Таково было прежде всего «патріотическое общество» въ Варшавѣ, основанное въ 1819 году Лукасинскимъ. Въ Вильнѣ учреждены были: «общество шубравцевъ»; «общество филоматовъ», основанное Заномъ и составленное преимущественно изъ университетской молодежи, среди которой были Мицкевичъ, Одынецъ и другіе; «общество лучезарныхъ», основанное Заномъ же, и «общество филаретовъ», выдѣлившееся изъ общества «лучезарныхъ» и основанное студентомъ Ежовскимъ и др. Всѣ виленскія тайныя общества сосредоточивались около университета. Къ нимъ пристали даже нѣкоторые профессора университета, какъ напр. Лелевель, Голуховскій, Даниловичъ и даже, если вѣрить доносамъ базиліанъ, уніатъ Бобровскій. Они очень часто и передъ студентами, и передъ обществомъ изображали печальную якобы участь поляковъ и побуждали ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для возстановленія Польши. Наконецъ, всѣ виленскія тайныя общества связали свои дѣйствія съ «Варшавскимъ патріотическимъ обществомъ» и разослали своихъ членовъ по всѣмъ областямъ бывшаго Литовскаго государства. Къ началу 1822 года почти по всему Юго-Западному краю разсѣялись заговорщики и завлекли въ свои сѣти около 5,000 человѣкъ шляхты. Но вскорѣ государю стало извѣстно о существованіи тайныхъ студенческихъ обществъ и о связяхъ ихъ съ «Варшавскимъ патріотическимъ обществомъ». По разслѣдованіи дѣла Новосильцевымъ, князь Чарторыйскій, по высочайшему повелѣнію, уволенъ былъ отъ должности попечителя; удалены самимъ Новосильцевымъ отъ должностей ректоръ университета, пять профессоровъ, директоръ гимназіи и нѣсколько учителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а наиболѣе виновные студенты арестованы и преданы суду. Попечителемъ Виленскаго округа сдѣланъ былъ Новосильцевъ, который усилилъ въ университетѣ преподаваніе русскаго языка и русской литературы, завелъ строгій порядокъ и усилилъ полицейскій надзоръ за студентами, но все-таки не успокоилъ совершенно волненій между университетскою молодежью. Въ годъ смерти императора Александра I, въ 1825 году,

Митрополитъ Платонъ,

одинъ изъ дѣятелей возсоединенія уніатовъ 1839 г.

вновь обнаружена была подпольная дѣятельность «Варшавскаго патріотическаго общества», которое на этотъ разъ вошло въ сношенія съ русскими заговорщиками, такъ называемыми декабристами, но разошлось съ ними изъ-за своихъ притязаній на юго-западную Русь [605]).

Такимъ образомъ, къ концу своего царствованія Александръ I все болѣе и болѣе постигалъ истинное положеніе дѣлъ въ краѣ, охладѣвалъ къ полякамъ и въ то же время пытался водворить господство русскихъ началъ въ краѣ.

Подобная перемѣна замѣчается и въ отношеніяхъ Александра I къ католичеству и уніи во вторую половину его царствованія. Тогда какъ въ началѣ его царствованія католичество пользовалось въ западной Россіи всѣми правами и преимуществами и господствовало надъ уніатскою церковію, — съ теченіемъ времени оно испытываетъ нѣкоторыя ограниченія въ своихъ правахъ и лишается власти надъ уніатскою церковію, которая вслѣдствіе этого пріобрѣтаетъ самостоятельность и развивается въ русскомъ направленіи.

Въ царствованіе императора Александра I римская вѣра и ея служители пользовались въ Россіи не только терпимостью, но и покровительствомъ. При ненарушимой свободѣ богослуженія для исповѣдниковъ этой вѣры, латинское духовенство оставалось въ полномъ своемъ составѣ, сохранило за собою огромныя имѣнія, имѣло въ главномъ управленіи своего представителя, защищавшаго какъ его, такъ и его имущества, наконецъ получило болѣе епархій, чѣмъ сколько ихъ было въ тѣхъ мѣстностяхъ во время существованія Польши. Россія оказала особую услугу католичеству сохраненіемъ и возстановленіемъ іезуитскаго ордена. Не пользуясь сочувствіемъ Александра I, іезуиты однако успѣли усилиться и основаться въ разныхъ мѣстахъ Россіи и особенно въ Бѣлоруссіи, создали здѣсь свой особый учебный округъ, добились подтвержденія ихъ ордена папою и наконецъ получили въ Россіи тѣ исключенія и изъятія изъ общихъ правилъ, которыя имъ нужны были для совершенной самостоятельности. Вообще духовенство господствующаго православнаго вѣроисповѣданія не пользовалось тѣми преимуществами, которыя даны были латинскому духовенству, не владѣло уже обширными населенными имѣніями, не имѣло въ Западномъ краѣ, по относительному количеству народонаселенія, столько епархій, сколько римское католичество; численность его была несравненно мень-

шая, а православные храмы, ветхіе, деревянные, часто не имѣвшіе даже и вида церквей, поставленные подлѣ великолѣпныхъ костеловъ, какъ бы свидѣтельствовали, что панская и хлопская вѣра остались въ этой странѣ тѣ же, что̀ и при польскомъ владычествѣ. Но, въ сравненіи съ царствованіемъ Павла I, католичество испытало при Александрѣ I и нѣкоторыя ограниченія, къ которымъ относятся изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи и изъятіе уніатской церкви изъ-подъ вѣдѣнія католиковъ.

Добившись въ 1814 году торжественнаго возстановленія своего ордена папою, іезуиты стали смѣлѣе и открытѣе совращать и перекрещивать православныхъ въ католичество и дошли наконецъ до такой дерзости, что совратили въ латинство племянника главноуправляющаго духовными дѣлами, несовершеннолѣтняго юношу, князя Александра Голицына, о чемъ доведено было до свѣдѣнія государя. Поэтому 16 декабря 1815 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о высылкѣ іезуитовъ изъ Петербурга и запрещеніи имъ въѣзда въ обѣ столицы, а въ 1820 году іезуиты совсѣмъ изгнаны были изъ Россіи.

Изъятіе же уніатской церкви изъ-подъ власти латинянъ началось вскорѣ по восшествіи Александра I на престолъ. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Александръ I, возвративъ католическаго архіепископа Сестренцевича на прежнюю его должность, сдѣлалъ его предсѣдателемъ преобразованной римско-католической коллегіи для управленія католиками и уніатами и поручилъ ему составить новое положеніе объ управленіи католическою и уніатскою церквами въ Россіи, въ силу котораго уніатскій базиліанскій орденъ лишался своей самостоятельности и подчинялся епархіальнымъ архіереямъ. Слѣдовательно, на первыхъ порахъ царствованія Александра I уніатская церковь по прежнему подчинена была латинянамъ. Ближайшимъ поводомъ къ освобожденію ея изъ-подъ власти латинянъ было совращеніе къ 1803 году въ Бѣлоруссіи громаднаго числа уніатовъ въ латинскій обрядъ. Собравшись въ этомъ году въ путешествіе въ Іерусалимъ, полоцкій уніатскій архіепископъ Лисовскій послалъ въ Петербургъ изъ своего клира уніатскаго священника Іоанна Красовскаго, съ жалобою на латинянъ за совращеніе уніатовъ въ латинство и на римско-католическую коллегію, которая не принимала отъ уніатовъ никакихъ жалобъ по этому случаю и не возбраняла совращеній, и добился того, что латинскій митрополитъ Сестренцевичъ обязанъ былъ предписать

своему духовенству возвратить совращенныхъ въ латинство уніатовъ въ ихъ прежній обрядъ. Не ограничиваясь этимъ, Лисовскій ходатайствовалъ передъ русскимъ правительствомъ, чтобы управленіе уніатскою церковію было вовсе отдѣлено отъ латинскаго духовнаго вѣдомства. Вслѣдствіе этого, въ 1804 году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы въ римско-католической коллегіи, въ которой доселѣ не было ни одного уніата, присутствовали одинъ епископъ и три засѣдателя отъ уніатовъ по выбору трехъ епархіальныхъ начальниковъ, и каждому изъ этихъ членовъ присвоено по два голоса, чтобы уравнять ихъ съ членами латинскихъ епархій, коихъ было восемь. Вслѣд-

Медаль въ память возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

ствіе новыхъ настояній архіепископа Лисовскаго, указомъ 16 іюля 1805 года, римско-католическая коллегія раздѣлена была на два департамента или отдѣленія, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ дѣлами римско-католической церкви, а другой—уніатскими; для сужденія же по дѣламъ, касающимся обоихъ исповѣданій, составлялось изъ сихъ департаментовъ общее собраніе. Для предсѣдательствованія во второмъ уніатскомъ департаментѣ коллегіи вызванъ былъ изъ своей епархіи архіепископъ Лисовскій, который въ слѣдующемъ 1806 году, по смерти бывшаго уніатскаго митрополита Ростоцкаго, возведенъ былъ въ санъ митрополита.

Съ освобожденіемъ же уніатской церкви отъ ига латинянъ, въ ней начинается замѣтное оживленіе и стремленіе ея въ противоположную отъ латинства сторону, т. е. къ очищенію уніатской церкви отъ латинскихъ нововведеній и приближенію ея къ церкви православной. Вслѣдствіе этого, выдвигается на первый планъ бѣлое уніатское духовенство, какъ наиболѣе сохранившее русскій свой обликъ и православныя преданія, и мало по малу одерживаетъ верхъ надъ ополяченными и окатоличенными монахами базиліанами. Самъ уніатскій митрополитъ Лисовскій, не смотря на то, что по происхожденію былъ католикъ и принадлежалъ нѣкогда къ базиліанскому ордену, всю свою дѣятельность

Медаль въ память возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

на митрополичьей каѳедрѣ посвятилъ на то, чтобы очистить уніатскую церковь отъ намѣренныхъ искаженій, произведенныхъ въ ней латинствомъ, охранить ея восточные обряды и внутреннее устройство и поднять бѣлое уніатское духовенство. Въ 1806 году онъ предписалъ всему уніатскому духовенству возносить въ церковныхъ службахъ прежде имя государя, а потомъ уже папы; ходатайствовалъ о подчиненіи базиліанъ епархіальнымъ епископамъ и недопущеніи ихъ ордену превратиться въ учебно-воспитательный, о возвращеніи бѣлому духовенству имѣній, насильно отнятыхъ у него базиліанами, объ уничтоженіи права ктиторства помѣщиковъ надъ уніатскими церквами, и устроилъ епар-

хіальную уніатскую семинарію для бѣлаго клира. Въ началѣ царствованія Александра I было шесть уніатскихъ семинарій: двѣ въ епархіи Брестской, именно въ Лавришовѣ и Сверженн, и четыре въ Луцкой, но въ такомъ упадкѣ, что многія изъ нихъ впослѣдствіи были закрыты, потому что содержать ихъ было нечѣмъ. Въ Полоцкой епархіи, простиравшейся на всю Бѣлоруссію, вовсе не было семинаріи, и архіепископъ Лисовскій изъ собственныхъ доходовъ содержалъ въ своемъ архимандричьемъ Онуфріевскомъ Мстиславскомъ монастырѣ одного учителя для преподаванія богословія вступающимъ въ бѣлое священство. Полоцкіе уніатскіе архіепископы не имѣли даже пристанища при своемъ Полоцкомъ соборѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи базиліанъ. Но архипресвитеръ Іоаннъ Красовскій, завѣдуя дѣлами Полоцкой епархіи въ званіи оффиціала, отыскалъ въ документахъ, что находившіяся въ рукахъ полоцкихъ базиліанъ богатыя имѣнія, заключавшія болѣе 2,000 душъ крестьянъ, были даны королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ не базиліанамъ, а полоцкимъ архіепископамъ, съ тѣмъ, чтобы они держали 12 монаховъ при каѳедральномъ соборѣ. По сдѣланному о томъ представленію, въ 1803 г. возвращены были эти имѣнія въ вѣдѣніе полоцкихъ архіепископовъ, съ тѣмъ, чтобы они содержали, кромѣ 12 монаховъ, и епархіальную семинарію. Семинарія эта первоначально помѣщалась въ Струни, близъ Полоцка, а вскорѣ переведена въ самый Полоцкъ и первоначально состояла здѣсь изъ пяти классовъ, съ однѣми общеобразовательными науками. По окончаніи пятикласснаго ученія, семинаристы ходили, для дальнѣйшаго образованія, въ Полоцкую іезуитскую коллегію или академію, до изгнанія іезуитовъ изъ Россіи, послѣ чего при Полоцкой семинаріи учрежденъ былъ богословскій классъ. Въ этой семинаріи получили первоначальное образованіе будущіе дѣятели по возсоединенію уніатовъ съ православною церковію, преосвященные Василій Лужинскій и Антоній Зубко. Къ концу жизни своей митрополитъ Лисовскій, по поводу присоединенія въ 1807 году къ Россіи Бѣлостокской области, исходатайствовалъ въ 1809 году новое распредѣленіе уніатскихъ епархій, съ цѣлію расширенія круга своихъ дѣйствій. Указомъ 14 февраля 1809 года выдѣлена изъ Брестской епархіи прежняя митрополичья Литовская епархія, заключавшаяся въ губерніяхъ Виленской, Курляндской и отчасти Минской, и оставлены прежнія епархіи Полоцкая архіепископская въ губерніяхъ Витебской и Могилевской, Луцкая въ губер-

ніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, и Брестская въ губерніи Гродненской, части Минской и области Бѣлостокской. Изъ нихъ митрополичья и Полоцкая архіепископская епархіи отданы были самому Лисовскому, а въ Луцкую епархію назначенъ былъ епископомъ бывшій суффраганъ Лисовскаго, Григорій Кохановичъ, происходившій изъ свѣтскаго клира. По смерти Лисовскаго († 1809 г.) и согласно его желанію, митрополитомъ назначенъ былъ Кохановичъ, съ оставленіемъ за нимъ и Луцкой епархіи, кромѣ митрополичьей, а полоцкимъ архіепископомъ—извѣстный архипресвитеръ Красовскій,—оба дѣйствовавшіе въ духѣ и направленіи Лисовскаго. Изъ базиліанъ оставался самостоятельнымъ епископомъ одинъ только Іосафатъ Булгакъ, епископъ брестскій, уступившій значительную часть своей епархіи митрополиту, да нѣсколько суффрагановъ или викаріевъ [606]). Но и въ самой епархіи Булгака поднялось противъ базиліанъ мѣстное бѣлое духовенство и, опираясь на митрополита и уніатскихъ епископовъ изъ свѣтскаго клира, вступило въ борьбу съ базиліанскимъ орденомъ изъ-за имѣній, преобладанія и власти.

Представителемъ бѣлаго духовенства въ Брестской епархіи былъ брестскій капитулъ или совѣтъ епископа, учрежденный въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія по образцу латинскихъ капитуловъ и составлявшій старшее духовенство епархіи. Съ образованіемъ особой Литовской митрополичьей епархіи, брестскій капитулъ раздѣлился между двумя епархіями, Брестской и Литовской митрополичьей, составляя однако же одно учрежденіе. Еще въ 1807 году этотъ капитулъ предъявилъ искъ къ базиліанскому ордену за незаконное присвоеніе имъ фундушей и капиталовъ, принадлежавшихъ соборамъ въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Минскѣ, Брестѣ и многимъ церквамъ Брестской епархіи. Въ 1810 году онъ подалъ жалобу во второй департаментъ коллегіи и министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, на неправильный захватъ базиліанами 23-хъ приходскихъ церквей, обращенныхъ въ монастыри, на стѣсненіе базиліанами доступа къ занятію высшихъ епаріальныхъ должностей священникамъ, «въ богословіи просвѣщеннымъ», на то, что обучающіеся въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ клирики, по окончаніи курса, будутъ поставлены въ трудное положеніе, за неимѣніемъ фундушей на ихъ содержаніе, и въ заключеніе своей просьбы умолялъ правительство обратить вниманіе на нищенское положеніе свѣтскаго клира,

прося о приведеніи въ исполненіе высочайшихъ указовъ о закрытіи базиліанскихъ монастырей. Вслѣдствіе этого, главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, высочайшимъ указомъ 2 сентября 1810 года, предписано исполнить указъ 1804 года объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей, приведя число монашескихъ обителей въ соразмѣрность съ числомъ церквей въ епархіяхъ. Дѣло затянулось и пріостановилось вслѣдствіе отечественной войны 1812 года [607]). А между тѣмъ въ 1814 году умеръ уніатскій митрополитъ Кохановичъ. По предсмертному его желанію, митрополичья епархія поручена была во временное управленіе полоцкому архіепископу Красовскому. Но брестскій уніатскій епископъ Іосафатъ Булгакъ успѣлъ выхлопотать себѣ въ 1817 году митрополичью каѳедру, а Красовскій былъ оклеветанъ базиліанами, удаленъ въ 1821 году отъ управленія своей епархіей и преданъ духовному суду. На мѣсто Красовскаго переведенъ былъ въ Полоцкъ луцкій епископъ Іаковъ Мартусевичъ, расположенный къ латинскому обряду. Повидимому, базиліанская партія въ уніи начинала торжествовать. Въ 1818 году новый уніатскій митрополитъ Булгакъ ходатайствовалъ о допущеніи католиковъ въ базиліанскій орденъ и вошелъ съ представленіемъ объ ограниченіи доступа къ архіерейству прелатамъ и каноникамъ и вообще духовнымъ лицамъ свѣтскаго клира [608]). Но къ этому времени обозначился уже поворотъ въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ русскаго правительства въ пользу народнаго дѣла въ юго-западной Россіи, и бѣлое уніатское духовенство настолько уже вышло изъ своего приниженнаго положенія и подняло голову, что смѣло продолжало борьбу за свои права съ базиліанами и съ уніатскими епископами изъ базиліанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вступилось за поруганную честь своего любимаго архіепископа Красовскаго. Въ 1819 году представители Брестской и Виленской епархій, собравшись въ общее засѣданіе брестскаго капитула, подали министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія докладную записку, въ которой просили: уничтожить вредное вліяніе безиліанскаго ордена на епархіальное управленіе и опеку его надъ бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ; упразднить тѣ базиліанскіе монастыри, которые обращены изъ приходскихъ церквей и воспользовались ихъ имѣніями, и между ними Жировицкій монастырь, какъ наиболѣе удобное мѣсто для помѣщенія семинаріи, каѳедральнаго собора и консисторіи; завести семинаріи, въ которыхъ получали бы образованіе молодые люди изъ уніатовъ, же-

лающіе быть священниками, и основать училище для образованія дѣвицъ духовнаго званія. Главными дѣятелями со стороны капитула были каноники Антоній Тупальскій, Антоній Сосновскій и профессоръ Михаилъ Бобровскій. Помянутая записка брестскаго капитула оставалась безъ движенія до 1822 года, когда прибылъ въ Петербургъ, въ качествѣ обвиняемаго, бывшій полоцкій архіепископъ Красовскій. Здѣсь онъ нашелъ защитниковъ себѣ въ самой римско-католической коллегіи, въ лицѣ уніатскихъ членовъ ея изъ бѣлаго духовенства Іосифа Сѣмашка и Василія Маркевича, и впослѣдствіи переведенъ былъ на Луцкую епархію, на которой и скончался въ 1827 году. Въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ представился въ 1822 году императору Александру I, которому раскрылъ всю исторію базиліанскихъ дѣйствій, страданія отъ него митрополита Лисовскаго и свои личныя, преслѣдованіе базиліанами бѣлаго духовенства и ихъ связи съ латино-польской партіей, поддерживавшей базиліанскій орденъ ко вреду греко-уніатской церкви, и произвелъ на императора сильное впечатлѣніе. Вѣроятно подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, въ августѣ 1822 года Александръ I приказалъ князю Голицыну немедленно привести въ исполненіе его прежніе указы объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей съ цѣлію устройства епархіальныхъ семинарій и улучшенія быта бѣлаго греко-уніатскаго духовенства. Во исполненіе высочайшей воли, князь Голицынъ предложилъ второму департаменту римско-католической коллегіи разсмотрѣть совмѣстно съ консисторіями, въ которыхъ находятся представители бѣлаго духовенства, просьбы и жалобы брестскаго капитула и для сего потребовать отъ монашескихъ провинціаловъ и отъ консисторій свѣдѣній и соображеній о базиліанскихъ монастыряхъ. Виленская и брестская консисторіи, составлявшія брестскій капитулъ, въ отвѣтъ на это предложеніе донесли, что, по ихъ мнѣнію, изъ 39-ти монастырей Литовской базиліанской провинціи подлежало закрытію 23 монастыря, а для семинарій наиболѣе удобны монастыри Жировицкій въ Брестской епархіи и Виленскій Свято-Троицкій въ Виленской; для призрѣнія священническихъ вдовъ и сиротъ и устройства училища для дѣвицъ духовнаго званія предполагался въ Брестской епархіи Тороканскій монастырь. Полоцкая уніатская консисторія съ своей стороны предполагала изъ 19 базиліанскихъ монастырей епархіи упразднить 11. Представленія уніатскихъ консисторій не были вполнѣ уважены, но несомнѣнно

приняты были во вниманіе новымъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія, Шишковымъ. Онъ назначенъ былъ на эту должность 15 мая 1824 года, немедленно обнаружилъ народное русское направленіе въ своей дѣятельности по отношенію къ западной Руси и окончательно рѣшилъ тяжбу между уніатскимъ орденомъ и бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ въ пользу послѣдняго, но достигъ этого уже въ слѣдующее царствованіе императора Николая I. 9 октября 1827 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ объ утвержденіи въ греко-уніатской церкви древнихъ обрядовъ богослуженія, народами русскаго племени свято почитаемыхъ, съ повелѣніемъ: не допускать въ монашество людей другаго обряда, а изъ самого греко-уніатскаго духовенства допускать къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только такихъ, которые имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія; учредить училища для наставленія греко-уніатскаго юношества духовнаго званія, какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого указа было упраздненіе намѣченныхъ къ тому базиліанскихъ монастырей и передача ихъ свѣтскому клиру, для помѣщенія въ нихъ семинарій и духовныхъ училищъ [609]).

Нѣтъ сомнѣнія, что съ побѣдой бѣлаго уніатскаго духовенства надъ ополяченными и латиномудрствующими базиліанами, уніатская церковь получила болѣе народное русское направленіе и приблизилась къ православной церкви; но эта побѣда не вела прямо и непосредственно уніатскую церковь къ возсоединенію съ православною. Главные борцы за бѣлое уніатское духовенство противъ базиліанъ далеки были отъ мысли объ этомъ возсоединеніи. Митрополитъ Ираклій Лисовскій, какъ уже извѣстно, мечталъ даже объ уніи православной церкви съ римско-католическою, а члены брестскаго капитула Михаилъ Бобровскій и особенно Антоній Сосновскій впослѣдствіи не соглашались на возсоединеніе съ православною церковію [610]). Послѣднее совершилось уже при посредствѣ новаго поколѣнія бѣлаго уніатскаго духовенства, воспитаннаго на иныхъ началахъ, и при помощи новаго всероссійскаго императора Николая I, неуклонно преслѣдовавшаго въ своей государственной дѣятельности русскія задачи.

Глава девятая.

Возсоединеніе уніатовъ и возстановленіе православія и русской народности.

Николай I: новое поколѣніе уніатскаго духовенства и главный представитель его Іосифъ Сѣмашко, его записка о положеніи уніатской церкви и подготовительныя мѣры къ возсоединенію ея съ православною; происки латино-польской и базиліанской партій; польскій мятежъ 1831 года и правительственныя мѣры по поводу мятежа; уніатскій соборъ 1834 года, введеніе православнаго устройства въ уніатскія церкви, подписки уніатскихъ священниковъ о присоединеніи къ православію, тревога латинянъ и волненія; общее возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году; народное и государственное значеніе этого событія, введеніе русскаго законодательства, инвентари, обезпеченіе духовенства, постройка и починка церквей, противодѣйствіе со стороны латинопольской партіи и новые политическіе замыслы поляковъ. Александръ II: мысль объ освобожденіи крестьянъ и мѣры примиренія съ поляками; церковно строительное дѣло съ 1858 года; польскій мятежъ и надежды поляковъ на иностранное вмѣшательство; усмиреніе мятежа и дѣятельность М. Н. Муравьева къ умиренію и благоустроенію края; принятіе католиками православія; преемники Муравьева; новое примирительное отношеніе къ полякамъ. Численность народонаселенія Сѣверо-Западнаго края.—Заключеніе.

ГЛАВНЫМИ двигателями уніи въ смыслѣ возсоединенія ея съ православною церковію при императорѣ Николаѣ I выступаютъ молодые представители бѣлаго уніатскаго духовенства, вышедшіе изъ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ, т. е. томъ самомъ университетѣ, который предназначался, по мысли князя Чарторыйскаго, для утвержденія польской народности въ западной Россіи. Дѣло въ томъ, что мысль о поднятіи и укрѣпленіи польской народности, проповѣдывавшаяся въ стѣнахъ Виленскаго университета, способна была обобщиться и прилагаться, кромѣ поль-

ской, и ко всякой другой народности, а слѣдовательно и къ русской. Послѣ наполеоновскихъ войнъ, окончившихся вѣнскимъ конгрессомъ, пробудились и возродились народныя стремленія не только у германцевъ и итальянцевъ, но также у грековъ и славянъ австрійскихъ, турецкихъ и др. Появились ученые славянолюбцы, слависты и славянофилы, представителемъ которыхъ въ Виленскомъ университетѣ былъ профессоръ священнаго писанія и ученый славистъ-богословъ, уніатскій каноникъ Бобровскій, возстановленный въ должности профессора министромъ Шишковымъ [611]). Поэтому, въ комъ изъ университетскихъ слушателей русскаго происхожденія мало-мальски не были подавлены и заглушены основы русской народности,—въ томъ онѣ могли получить лишь большее развитіе и сознательное уясненіе. Въ этомъ отношеніи въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія своего русскаго народнаго чувства находились бѣлорусскіе воспитанники изъ Полоцкой епархіи, какъ напр. Лужинскій и Зубко, а особенно уроженецъ южной части Кіевской губерніи, наименѣе ополяченной, Іосифъ Сѣмашко. «Складъ его мыслей и чувствованій,—говоритъ о Сѣмашкѣ младшій товарищъ его по главной семинаріи, преосвященный Антоній Зубко,—былъ крѣпко основанъ на почвѣ народной, малорусской, не совращенной польскимъ гимназическимъ воспитаніемъ. Онъ—родомъ изъ Кіевской губерніи; я много отъ него слышалъ малороссійскихъ пѣсенъ и поговорокъ, въ которыхъ ясно высказывались нелюбовь къ ляхамъ и даже къ уніи». Къ этому нужно еще добавить, что князь Адамъ Чарторыйскій видимо желалъ освободить здѣшнее римско-католическое духовенство отъ католической исключительности и нетерпимости и старался подбирать для университета соотвѣтственныхъ этому направленію профессоровъ богословія, которые нерѣдко позволяли себѣ высказывать передъ студентами сомнѣнія и даже насмѣшки насчетъ нѣкоторыхъ положеній римской церкви. Поэтому воспитанники главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ не могли выносить изъ него съ собою слѣпой привязанности къ католичеству.

Уніатскіе воспитанники главной семинаріи, по окончаніи въ ней курса, занимали видныя мѣста въ управленіи уніатскими епархіями, или же назначались преподавателями въ уніатскія семинаріи для свѣтскаго клира, въ прежнюю Полоцкую и въ новую Жировицкую, открытую въ 1827 году, въ бывшемъ базиліанскомъ монастырѣ. Здѣсь, подъ

Виленская публичная библіотека: читальный залъ.

ближайшимъ надзоромъ и завѣдываніемъ управлявшаго Брестскою епархіею, оффиціала Антонія Тупальскаго, образовалась тѣсно сплоченная, дружественная семья новаго уніатскаго поколѣнія, къ которой принадлежали ректоръ семинаріи Антоній Зубко и профессора ея и члены консисторіи Михаилъ Голубовичъ, Ипполитъ Гомолицкій, Плакидъ Янковскій, Ѳома Малишевскій, Игнатій Желѣзовскій и другіе, бывшіе впослѣдствіи дѣятелями въ возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію [612]). Самый починъ этого великаго дѣла принадлежалъ тоже воспитаннику главной семинаріи, вышеупомянутому Іосифу Сѣмашкѣ, который, будучи вызванъ въ С.-Петербургъ для засѣдательствованія во второмъ департаментѣ римско-католической коллегіи, имѣлъ случай и и возможность расширить въ столицѣ имперіи свой умственный кругозоръ, покинуть узкую уніатскую точку зрѣнія на русскую народность и вѣру и войти въ виды русскаго правительства относительно возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, а польское повстаніе 1831 года, порожденное ближайшимъ образомъ тайными польскими обществами, ускорило дѣло возсоединенія. Понятно, впрочемъ, что одинъ Іосифъ Сѣмашко не могъ бы ничего сдѣлать для возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, если бы не нашелъ поддержки себѣ у государя императора Николая I.

Высочайшій указъ 9 октября 1827 года, которымъ подтверждалось запрещеніе совращать уніатовъ въ латинство и принимать католиковъ въ уніатское монашество и повелѣвалось учредить училища для уніатскаго духовнаго юношества, послужилъ для Іосифа Сѣмашка однимъ изъ поводовъ къ составленію имъ записки «О положеніи уніатской въ Россіи церкви и средствахъ возвратить оную на лоно православной церкви». Главная мысль этой записки состояла въ томъ, чтобы нѣсколько удалить уніатовъ отъ католиковъ и базиліанъ, и дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства, которое поведетъ за собою и уніатскій народъ. Съ этого времени Іосифъ Сѣмашко становится главнымъ орудіемъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ уніи, имъ же самимъ предначертанныхъ въ его запискѣ. Въ томъ же году онъ подвинулъ далѣе дѣло объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей и обращеніи ихъ достоянія на многоразличныя потребности уніатской церкви, преимущественно же на учрежденіе семинарій и духовныхъ

училищъ, и провелъ это дѣло чрезъ уніатскій департаментъ римско-католической коллегіи. Въ четырехъ уніатскихъ епархіяхъ Полоцкой, Луцкой, Брестской и Виленской положено оставить неприкосновенными только 23 монастыря и изъ нихъ 6 только на время, 28 обратить въ свѣтскія приходскія церкви и 21 вовсе упразднить. Всѣ фундуши монастырей, упраздняемыхъ или обращаемыхъ въ свѣтскія приходскія церкви, а именно 1959 крестьянъ и 247,417 руб., должны были войти въ общій составъ церковныхъ имѣній и капиталовъ греко-уніатскаго духовенства. Предполагалось сократить число греко-уніатскихъ епархій и устроить семинаріи и училища для бѣлаго уніатскаго духовенства. Кромѣ Полоцкой и Жировицкой семинарій, предполагалось учредить семинарію въ Березвечскомъ монастырѣ для Виленской епархіи, замѣненную, впрочемъ, духовнымъ училищемъ, и духовныя училища при каждой семинаріи и отдѣльно отъ нихъ въ Витебскомъ, Толочинскомъ и Пустынскомъ монастыряхъ для Полоцкой епархіи, въ Кобринскомъ, Супрасльскомъ, Лавришевскомъ, Лещинскомъ и Суховицкомъ для Брестской, и въ Борунскомъ, Ляданскомъ и Раковскомъ для Виленской епархіи. Всѣ эти предположенія одобрены и утверждены были высочайшимъ указомъ 22 апрѣля 1828 года. Сенатскимъ указомъ 8 мая того же года учреждена была для уніатскихъ дѣлъ въ Россіи независимая отъ римско-католической греко-уніатская духовная коллегія; уніатскія церкви, вмѣсто прежнихъ четырехъ епархій, раздѣлены между двумя епархіями—Бѣлорусской и Литовской. При обоихъ каѳедральныхъ соборахъ назначено по 6 старшихъ и 12 младшихъ соборныхъ протоіереевъ, украшенныхъ наперстными крестами и обезпеченныхъ пенсіею; базиліанскіе монастыри и монашество подчинены епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ. Этотъ указъ заключалъ въ себѣ всѣ главныя основанія для дѣйствія на уніатовъ въ предположенной цѣли. Для лучшаго успѣха дѣла, протоіерей Сѣмашко, высочайшимъ указомъ 21 апрѣля 1829 года, назначенъ былъ викарнымъ епископомъ и предсѣдателемъ консисторіи Бѣлорусской уніатской епархіи, съ наименованіемъ епископомъ мстиславскимъ и съ предоставленіемъ ему права присутствовать и въ уніатской коллегіи, когда будетъ находиться въ Петербургѣ [613]).

Всѣ эти мѣры, какъ и естественно было ожидать, вызвали самые усиленные происки со стороны польской и латинской партій. Черезъ

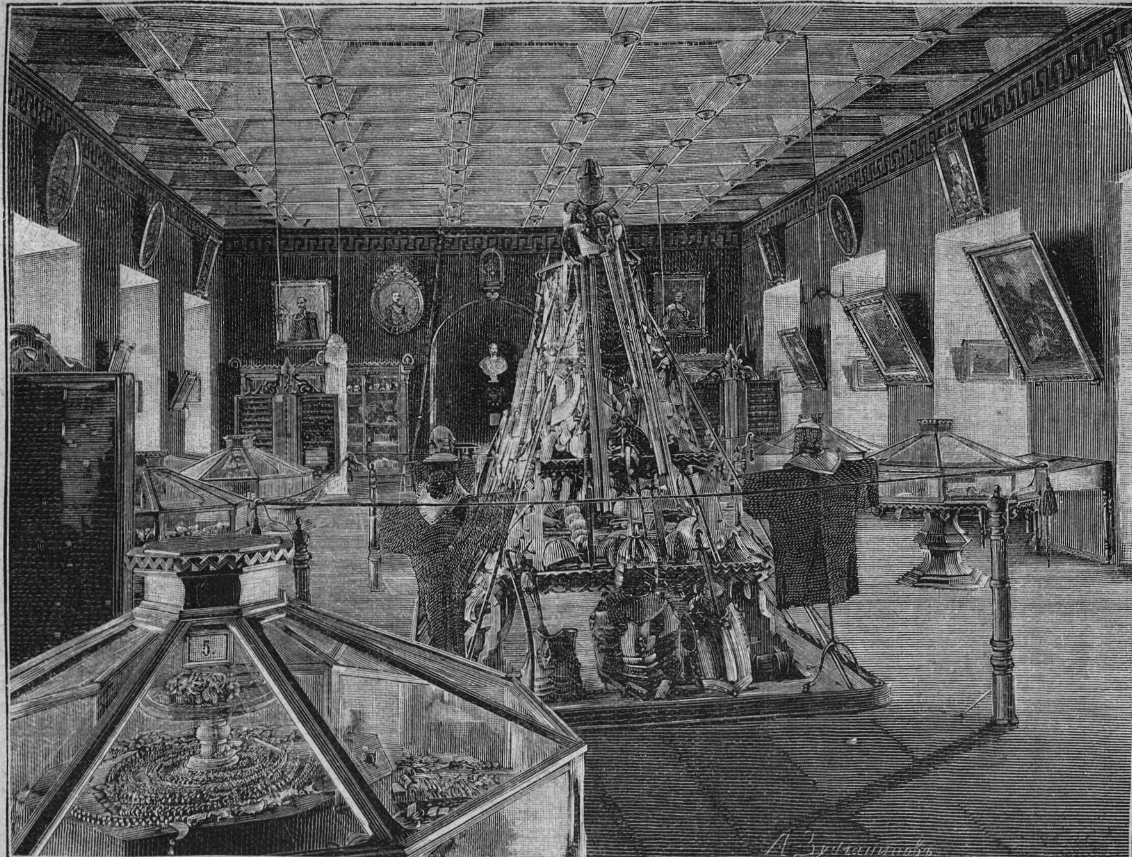
Варшаву было пущено въ Петербургъ безъимянное письмо, въ которомъ стремленіе уніатовъ къ православію представлялось недостойной интригой бѣлаго духовенства противъ монаховъ базиліанъ, а базиліане выставлены, какъ неутомимые двигатели истины и просвѣщенія, и сравнены съ іезуитами латинской церкви. Но одного уже такого сравненія достаточно было для русскаго правительства, чтобы оно ясно поняло, что такое базиліане. Въ отчаяніи базиліане рѣшились на невѣроятную мѣру: они предложили святѣйшему синоду взять ихъ орденъ въ свое управленіе, только бы его не подчиняли бѣлому уніатскому духовенству, т. е. епархіальному управленію. Поляки, между тѣмъ, подстерегали ревнителей православныхъ обрядовъ между уніатскими священниками и нерѣдко расправлялись съ ними самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Сохранилось нѣсколько дѣлъ объ истязаніи священниковъ и крестьянъ за приверженность къ православнымъ обрядамъ [614]). Нѣтъ сомнѣнія, что и самое польское повстаніе 1831 года, если не ускорено, то усилено было недовольными начатымъ преобразованіемъ уніатской церкви [615]); но это же повстаніе было невольнымъ орудіемъ дальнѣйшаго сближенія уніатской церкви съ православною.

Преобразовавъ въ 1832 году внутреннее управленіе въ царствѣ Польскомъ, русское правительство обратило особенное свое вниманіе на русско-литовскія области бывшей Польши и между прочимъ на Сѣверо-Западный край, съ цѣлію ослабленія здѣсь польскаго вліянія и поднятія русской народности и вѣры. Въ этихъ видахъ сдѣлано было распоряженіе о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство Юго-Западнаго края [616]). Такъ какъ учебныя заведенія Виленскаго округа, начиная съ университета и кончая уѣздными училищами, не только выражали свое сочувствіе повстанцамъ, но очень часто оказывали имъ и дѣятельное пособіе, то оказалось необходимымъ преобразовать ихъ на новыхъ началахъ. Виленскій учебный округъ былъ сокращенъ, и одна часть его отошла къ новому учебному округу Кіевскому, а другая — къ округу Бѣлорусскому. Виленскій университетъ былъ переведенъ въ Кіевъ, а въ Вильнѣ оставлена только медицинская академія съ ветеринарнымъ отдѣленіемъ, существовавшая здѣсь до 1842 года. Русскій языкъ получилъ права гражданства, и преподаватели его стали именоваться старшими учителями. Вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, въ кругъ преподаванія включены были еще русская исторія и статистика, которыя должны были

преподаваться на русскомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ правительственныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ подавленіи мятежа, какъ напримѣръ графъ Строгановъ, предлагали еще болѣе рѣшительныя мѣры, а именно назначеніе на преподавательскія мѣста лицъ русскаго происхожденія; но этой мѣрѣ суждено было осуществиться лишь по истеченіи 30 лѣтъ. Надъ виновными въ мятежѣ назначена была слѣдственная коммиссія. Одни изъ нихъ подвергнуты были наказанію, а другіе прощены, но главные вожаки успѣли бѣжать за границу. Въ числѣ ихъ были бывшій попечитель округа князь Чарторыйскій и профессоръ Лелевель, которые, живя заграницей, дѣйствовали противъ Россіи всевозможными способами, поддерживали въ ней польскую смуту и подготовили послѣднее польское повстаніе 1863 года [617]). За участіе римско-католическаго духовенства въ мятежѣ, въ 1832 году изъ 304 католическихъ монастырей упразднено 191, съ обращеніемъ большею частію въ приходскіе костелы, а въ остальныхъ монастыряхъ воспрещено имѣть служителей православнаго и уніатскаго исповѣданія [618]). Предписано было, чтобы въ западныхъ губерніяхъ члены католическихъ консисторій и ксендзы къ приходамъ назначались не иначе, какъ по сношенію съ начальникомъ губерніи, и приняты особыя мѣры къ предотвращенію отлучекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства [619]). Въ 1832 году состоялось высочайшее повелѣніе совершать въ костелахъ молебствіе за августѣйшій домъ на мѣстномъ языкѣ большинства населенія. Въ слѣдующемъ 1833 году высочайше повелѣно обучать воспитанниковъ католическихъ семинарій произношенію проповѣдей на мѣстномъ языкѣ и всѣ науки въ семинаріяхъ Западнаго края преподавать не иначе, какъ полатыни или поруски. Въ Вильнѣ изданъ былъ католическій катихизисъ на русскомъ языкѣ, одобренный профессоромъ Виленскаго университета ксендзомъ Антоніемъ Фіалковскимъ [620]). Въ видахъ освобожденія уніатовъ отъ вліянія польско-католиковъ, отмѣнено право ктиторства, по которому предоставлялось помѣщикамъ представлять въ своихъ имѣніяхъ кандидата на открывающіяся вакансіи приходскихъ уніатскихъ священниковъ [621]). Наконецъ, 30 апрѣля 1833 года возстановлена была самостоятельная православная Полоцкая и Виленская епархія, на которой преемственно были епископы Смарагдъ Крыжановскій и Исидоръ Никольскій (нынѣ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій), и началось присоединеніе къ православію не только уніатовъ, но и католи-

ковъ. Съ 1833 по 1835 годъ въ одной только этой епархіи присоединено къ православію 1,714 католиковъ и 122,416 уніатовъ, всего 124,130, съ 91 церковью и 9 филіями [622]).

Это сильное движеніе уніатовъ и отчасти католиковъ на сторону православія показывало, что наступало время и всей уніатской церкви, въ цѣломъ ея объемѣ, возсоединиться съ православною церковью. Тотчасъ же послѣ польскаго мятежа начинается оживленіе уніатской іерархіи въ этомъ направленіи. Въ началѣ 1833 года умеръ преданный католичеству полоцкій уніатскій епископъ Іаковъ Мартусевичъ, управлявшій и Луцкою епархіею. На Полоцкую епархію переведенъ былъ съ Литовской епархіи уніатскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, а на Литовскую назначенъ преосвященный Іосифъ Сѣмашко. Въ виду глубокой старости уніатскаго митрополита Булгака и предстоявшаго оскудѣнія уніатской іерархіи, въ концѣ 1833 года назначены были, изъ благонадежныхъ лицъ, три уніатскихъ викарныхъ епископа: предсѣдатель Бѣлорусской консисторіи протоіерей Василій Лужинскій, ректоръ Литовской семинаріи протоіерей Антоній Зубко и базиліанскій провинціалъ архимандритъ Іосафатъ Жарскій, съ возведеніемъ котораго въ епископскій санъ должность базиліанскаго провинціала осталась незамѣщенною и упразднилась сама собою. Первый изъ нихъ назначенъ былъ викаріемъ Бѣлорусской епархіи, а остальные двое — Литовской. Отъ всѣхъ трехъ новоназначенныхъ викаріевъ преосвященный Іосифъ Сѣмашко взялъ письменныя обязательства въ томъ, что они во всякое время готовы присоединиться къ православной церкви. Престарѣлый митрополитъ Булгакъ не противился сближенію уніатовъ съ православными; однако же не желалъ, чтобы возсоединеніе, которое онъ предвидѣлъ, совершилось при его жизни. Въ 1834 году обновленная уніатская іерархія составила въ Петербургѣ соборъ, или, точнѣе, засѣданіе, на которомъ рѣшено было немедленно ввести въ уніатскую церковь православное устройство—иконостасы, утварь, священныя облаченія и употребленіе православныхъ книгъ московской печати. Непосредственными исполнителями этого рѣшенія были викаріи: преосвященный Василій по Бѣлорусской епархіи и Антоній—по Литовской, которые, возстановляя въ уніатскихъ церквахъ обряды и обычаи восточной церкви, въ то же время исподоволь располагали уніатское духовенство къ возсоединенію съ православіемъ и брали отъ благочинныхъ и священниковъ

Виленская публичная библіотека: музей древностей.

подписки, съ изъявленіемъ желанія ихъ участвовать въ свое время въ общемъ возсоединеніи греко-уніатовъ съ православною церковью.

Всѣ эти мѣры встревожили польско-католиковъ и особенно помѣщиковъ, которые увѣщевали бѣдныхъ священниковъ крѣпко держаться уніи, не соглашаться на принятіе московскихъ служебниковъ, задабривали ихъ различными подарками, а еще больше обѣщаніями или же угрожали имъ лишеніемъ житейскихъ выгодъ. И, дѣйствительно, внушенія польско-католиковъ произвели нѣкоторое волненіе среди уніатскаго духовенства, но только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не на-долго. Во всей Литовской епархіи, имѣющей около 700 церквей, все духовенство, за исключеніемъ развѣ Новогрудскаго благочинія, безъ замѣтнаго колебанія приняло служебники московской печати. Подписки же съ согласіемъ принять православіе отказались дать въ Литовской епархіи только 4 священника, изъ коихъ трое дали требуемыя подписки впослѣдствіи. Къ началу 1839 года всѣхъ подписавшихся уніатскихъ священниковъ и подавшихъ отдѣльныя просьбы о присоединеніи къ православію было 1,305 человѣкъ [623]).

Такимъ образомъ, почти все уніатское духовенство уже расположено было къ православію и въ свою очередь располагало къ нему народъ. Но, чтобы переходъ къ православію не былъ рѣзкимъ, придуманы были нѣкоторыя другія общія подготовительныя мѣры къ тому. Въ 1835 году учрежденъ былъ секретный комитетъ по уніатскимъ дѣламъ и подчинены уніатскія духовныя училища коммиссіи духовныхъ училищъ, а въ началѣ 1837 года уніатскія дѣла переданы были изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство синодальнаго оберъ-прокурора, сдѣлавшагося объединяющимъ звеномъ между православною и уніатскою церквами. Единственное препятствіе къ возсоединенію уніатовъ съ православіемъ заключалось въ уніатскомъ митрополитѣ Булгакѣ. Но онъ умеръ въ началѣ 1838 года, а почти одновременно съ нимъ скончался и викарный епископъ Іосафатъ Жарскій, нерасположенный внутренно къ православію. Оставшіеся уніатскіе епископы Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій и Антоній Зубко съ высшимъ духовенствомъ собрались въ началѣ февраля 1839 года въ древнемъ Полоцкѣ, 12 февраля, въ недѣлю православія, подписали соборный актъ о желаніи своемъ возсоединиться съ православною церковью и положили просить государя императора Николая I о принятіи этого акта и о по-

веленіи привести желаніе ихъ въ исполненіе. Къ акту приложены были отдѣльно всеподданнѣйшія прошенія епископовъ. Соборный актъ и прошенія епископовъ представлены были преосвященнымъ Іосифомъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова, государю императору, который, милостиво принявъ представленіе обращающихся и возблагодаривъ Бога, повелѣлъ оберъ-прокурору внести означенный актъ и прошенія въ святѣйшій синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами святой церкви постановленіе. Святѣйшій синодъ немедленно сдѣлалъ постановленіе «о принятіи греко-уніатской церкви въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія Восточныя Церкви и въ нераздѣльный составъ Церкви Всероссійскія» и представилъ государю императору, который, 25 марта, въ день Благовѣщенія, на подлинномъ докладѣ святѣйшаго синода начерталъ: «Благодарю Бога и принимаю». 30 марта преосвященный Іосифъ Сѣмашко принятъ былъ, въ полномъ собраніи святѣйшаго синода, въ общеніе съ православною церковью. Положено было также торжественно заявить о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью совокупными въ разныхъ мѣстностяхъ служеніями древлеправославнаго и возсоединеннаго духовенства. Весною того же года митрополитъ кіевскій Филаретъ, возвращаясь изъ столицы въ свою епархію, заѣхалъ, по порученію св. синода, въ Витебскъ и здѣсь, совмѣстно съ преосвященнымъ Исидоромъ полоцкимъ и Василіемъ оршанскимъ, 14 мая, совершилъ торжественное служеніе въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ, а на слѣдующій день—въ Витебской Петропавловской церкви. Совершались совмѣстныя богослуженія древлеправославнаго и возсоединеннаго духовенства и въ другихъ мѣстахъ, причемъ въ Бѣлорусской епархіи особенно потрудились древлеправославные преосвященные: Смарагдъ могилевскій, Исидоръ полоцкій и Никаноръ минскій [624]). Въ Вильну назначенъ былъ въ 1839 году настоятелемъ Свято-Духовскаго монастыря архимандритъ Платонъ Городецкій, впослѣдствіи епископъ ковенскій, викарій Литовской епархіи (нынѣ митрополитъ кіевскій), который высоко держалъ въ Вильнѣ знамя русской народности и православія [625]).

Объявленіе синодальнаго указа и грамоты о возсоединеніи по приходамъ имѣло громадный успѣхъ: всего возсоединилось съ православною церковью свыше 1.500,000 уніатовъ. Но были, по мѣстамъ, и нѣкоторыя волненія. Около 15-ти упорныхъ въ уніи и непослушныхъ свя-

щенниковъ выслано въ великороссійскія епархіи; впрочемъ, большая часть ихъ покорилась и возвращена обратно. Для неблагонадежныхъ базиліанъ учреждена въ Курскѣ временная обитель, которая тоже вскорѣ оказалась излишнею и закрыта послѣ того, какъ многіе изъ нихъ одумались. Въ память возсоединенія уніатовъ выбита особая медаль. Въ послѣдствіи времени, русское правительство пыталось даже возвратить изъ католичества совращенныхъ въ него въ прежнее время уніатовъ и въ этомъ отношеніи имѣло нѣкоторый успѣхъ [626]). Въ 1843 году, императоръ Николай I далъ высочайшій указъ правительствующему сенату о томъ, чтобы сдѣланъ былъ разборъ прихожанъ самимъ латинскимъ духовенствомъ, совмѣстно съ православнымъ, касательно совращенныхъ въ католичество людей, по имѣющимся при церквахъ документамъ, вслѣдствіе чего передано изъ латинства 8,000 въ одной только Витебской губерніи [627]).

Возсоединеніемъ западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью разрушались многовѣковыя усилія поляковъ и латинянъ поглотить и уничтожить русскую народность и вѣру въ Западномъ краѣ Россіи, и прерывались тѣ нити, которыя искусственно связывали западно-русскій народъ съ польскимъ католичествомъ. Становилось яснымъ для всѣхъ, что коренное населеніе въ западной Руси есть русское, однородное съ населеніемъ другихъ частей Россіи. Поэтому открывалась возможность и даже необходимость отмѣнить въ западной Россіи дѣйствіе польско-литовскаго Статута и Магдебургскаго права. 4 декабря 1840 года послѣдовало распоряженіе о введеніи въ дѣйствіе русскаго Свода Законовъ въ юго-западныхъ губерніяхъ [628]). Для огражденія крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, въ 1846 году введены были такъ называемые инвентари, которыми предполагалось обезпечить крестьянамъ извѣстныя права за исправно отбываемыя повинности [629]). Бѣдное духовенство обезпечено было высочайше утвержденными въ 1842 году окладами жалованья, но съ отобраніемъ у него въ казну населенныхъ имѣній, гдѣ таковыя были. Кромѣ того, послѣдовало высочайшее повелѣніе относительно устройства православныхъ храмовъ и обезпеченія сельскихъ причтовъ домами и прочими пособіями при содѣйствіи помѣщиковъ, которымъ правительство предлагало на этотъ предметъ денежныя ссуды на выгодныхъ условіяхъ. Нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе землевладѣльцы, понявъ въ требова-

ніяхъ правительства свою прямую пользу, дѣйствительно построили или починили церкви, обезпечили причты прекрасными домами и оказывали духовенству всякое пособіе. Во многихъ приходахъ открыты были духовенствомъ сельскія приходскія училища [630]). Для возвышенія образованія самого духовенства, Литовская духовная семинарія, вмѣстѣ со всѣмъ епархіальнымъ управленіемъ, перенесена была въ 1845 г. изъ Жировицъ въ Вильну и помѣщена въ зданіи Троицкаго монастыря, а въ 1860 году учреждено и открыто въ Вильнѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія.

Польско-католическое населеніе Сѣверо-Западнаго края, присмирѣвшее на время послѣ мятежа 1831 года, стало понемногу оправляться и, принаравляясь къ обстоятельствамъ, противодѣйствовать возстановленію русской народности и православія въ краѣ. Тотчасъ по возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году пущена была на западѣ Европы въ ходъ молва о томъ, будто бы возсоединеніе уніатовъ совершено было насиліемъ, и выдумана была сказка, державшаяся нѣсколько лѣтъ, о семилѣтнемъ преслѣдованіи и мученіи уніатскихъ монахинь, числомъ 61, за то, что онѣ не хотѣли стать православными во время общаго возсоединенія уніатовъ [631]). Но самое вѣрное и сильное средство въ рукахъ поляковъ къ подавленію русской народности и православія въ краѣ заключалось въ крѣпостномъ правѣ и въ отношеніяхъ поляковъ-помѣщиковъ къ церковно-строительному дѣлу. Не смотря на введеніе инвентарей и въ обходъ имъ, почти всѣ западно-русскіе крестьяне были доведены до нищеты, невиданной внутри Россіи, и не могли удѣлять ни копѣйки на свои храмы. Помѣщики же, не смотря на высочайшее повелѣніе, въ большинствѣ случаевъ уклонялись отъ постройки и починки православныхъ храмовъ и причтовыхъ помѣщеній. По вѣдомостямъ, доставленнымъ изъ Западнаго края, о состояніи православныхъ церквей, оказывалось, что свыше 3000 церквей изъ находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ большею частію полякамъ, были въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что многія изъ нихъ грозили разрушеніемъ и были потому запечатаны, а остальныя, по своему безобразію, убожеству и ветхости, требовали безотлагательной помощи. Оказывалось также, что во многихъ мѣстностяхъ, за недостаткомъ церквей и необходимѣйшей утвари, въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ, не совершалось богослуженія; въ

церквахъ же, перешедшихъ изъ уніи, употреблялись прежніе почти негодные по своей ветхости богослужебные предметы и книги типа уніатскаго, и наконецъ, ни въ одномъ почти приходѣ не существовало народныхъ школъ, и дѣти православныхъ родителей нерѣдко посѣщали училища, содержимыя ксендзами при сосѣдственныхъ костелахъ [632]). Открытыя духовенствомъ сельскія приходскія училища оставались пустыми, такъ какъ большая часть помѣщиковъ въ грамотности крестьянъ видѣла почему-то большую для себя и для нихъ невыгоду и не хотѣла отдавать крестьянскихъ дѣтей въ училища къ православнымъ священникамъ. Около 1851 года послѣдовало особое высочайшее повелѣніе, съ подтвержденіемъ помѣщикамъ озаботиться построеніемъ и поддержаніемъ церквей и причтовыхъ построекъ; но оно имѣло обратное желаемому дѣйствіе и служило только поводомъ къ насмѣшкамъ надъ правительственнымъ распоряженіемъ [633]). Восточная война 1853—1855 годовъ отвлекла вниманіе русскаго правительства отъ западной Россіи въ другую сторону, чѣмъ и не преминули воспользоваться поляки для достиженія своихъ цѣлей. Въ эту войну литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко опасался отъ поляковъ Сѣверо-Западнаго края непріятныхъ для Россіи случайностей, и въ январѣ 1855 года указывалъ оберъ-прокурору св. зинода, графу Протасову, что численное преобладаніе въ западномъ краѣ чиновниковъ польскаго происхожденія можетъ вредно отозваться на Сѣверо-Западномъ краѣ, и что между поляками и теперь уже происходитъ что-то подозрительное, и считалъ необходимымъ, чтобы прислано было въ Западный край поболѣе чиновниковъ русскаго происхожденія [634]).

При такихъ обстоятельствахъ скончался императоръ Николай I и вступилъ на престолъ сынъ его, Александръ II отличавшійся особенною добротою и великодушіемъ. Немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, онъ задумалъ освободить во всей имперіи своей крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и въ то-же время хотѣлъ испытать мѣры примиренія съ поляками. Этимъ и хотѣли воспользоваться поляки, чтобы затормозить въ западной Россіи дѣло освобожденія крестьянъ и даже сдѣлать его орудіемъ къ достиженію своекорыстныхъ видовъ, къ упроченію польской народности въ краѣ и возстановленію государственной самостоятельности Польши. Польскіе помѣщики западныхъ губерній одни изъ первыхъ изъявили согласіе на освобожденіе

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ,
виленскій генералъ-губернаторъ.

крестьянъ, но безъ надѣла ихъ землею, и такимъ образомъ разсчитывали удержать русское и литовское простонародье въ безусловной зависимости отъ себя и навсегда упрочить свое господство надъ нимъ. «Польскіе дворяне, имѣли въ виду интересы политическаго свойства: сохранить за помѣщикомъ власть надъ крестьянскими участками отстраненіемъ принципа безсрочнаго пользованія; вмѣсто безграмотнаго, какъ они называли, волостнаго суда, ввести судъ и разбирательство помѣщика, назначить помѣщиковъ начальниками волостей, съ предоставленіемъ имъ, между прочимъ, надзора за всѣми учебными и благотворительными заведеніями въ предѣлахъ волости; не допускать въ невеликороссійскихъ губерніяхъ установленія крестьянскихъ общинъ, не давать крестьянамъ самоуправленія, однимъ словомъ, удержать крестьянское населеніе, т. е. русскихъ и литвиновъ, въ полной административной и политической зависимости отъ дворянства — вотъ чего добивались поляки западныхъ губерній, пока приготовлялась крестьянская реформа![635])» Въ то-же время, въ видахъ ополяченія края и возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года, поляки выпрашивали у государя все новыя и новыя льготы. Въ 1856 году, по ходатайству поляковъ, учреждены были въ Вильнѣ музей и археологическая коммиссія. Хотя эти учрежденія, повидимому, должны были служить къ вящшему объединенію западной Руси съ великороссіей; но на самомъ дѣлѣ служили цѣлямъ ополяченія края. Виленскій музей наполнился польскими портретами и вообще польскими предметами; все же русское, въ особенности древнее, спрятано было отъ глазъ посѣтителей. Въ курсъ гимназическаго преподаванія введенъ былъ польскій языкъ, тогда какъ русскій языкъ отошелъ на послѣдній планъ и занялъ мѣсто едва терпимаго предмета.

Къ счастію, заявленія польскаго дворянства западныхъ губерній объ освобожденіи крестьянъ безъ земли и противъ крестьянскаго самоуправленія не были услышаны русскимъ правительствомъ[636]), которое, продолжая ласкать поляковъ, въ то же время принимало нѣкоторыя мѣры къ поднятію русской народности и православія въ Западномъ краѣ Россіи. Видя безуспѣшность прежнихъ мѣръ къ благоустроенію православныхъ храмовъ въ западной Россіи, русское правительство въ 1858 году, наканунѣ освобожденія крестьянъ, рѣшило отстранить помѣщиковъ отъ заботъ по устройству церквей въ ихъ имѣніяхъ и вести

дѣло частію на пособія отъ казны, частію на пожертвованія, собираемыя со всѣхъ концовъ русской земли. По высочайшему повелѣнію, это дѣло поручено было П. Н. Батюшкову, который счелъ нужнымъ ознакомиться сначала съ составомъ народонаселенія всего Западнаго края по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ, при чемъ обратилъ вниманіе и на памятники русской старины въ юго-западныхъ областяхъ. Плодомъ этихъ предварительныхъ работъ было изданіе «Атласа народонаселенія Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ» и «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Церковно-строительное дѣло находилось въ рукахъ Батюшкова до 1867 г. и пережило послѣдній польскій мятежъ 1863 года. Въ теченіе десяти лѣтъ было осмотрѣно, устроено и снабжено утварью и богослужебными принадлежностями болѣе 4000 храмовъ. Казеннныя пособія, отпущенныя съ 1858 по 1867 годъ, достигли 2.174.872 р. или около $2^1/_2$ тысячъ рублей на церковь. Успѣхъ дѣла вызвалъ сочувствіе всей Россіи, которое выразилось въ громадныхъ пожертвованіяхъ на обновленіе и украшеніе храмовъ. Особенное участіе въ этомъ, съ благословенія московскаго митрополита Филарета, приняли граждане Москвы и между ними И. И. Четвериковъ, снабдившіе до 2000 церквей всѣми необходимыми для безостановочнаго богослуженія предметами. Полное вниманіе оказано было церквамъ и въ Бозѣ почившими государыней императрицей и цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, равно другими членами Императорскаго Дома, и наконецъ высшимъ обществомъ Петербурга и Москвы. Частныхъ пожертвованій деньгами собрано было 416,000 рублей, разныхъ церковныхъ принадлежностей почти на милліонъ рублей, книгъ до 50,000 экземпляровъ, и все это разослано въ 4,120 мѣстностей края [637]). На пособіе государыни императрицы, въ 1860 году учреждено было, по мысли и почину г. Пущиной, въ Минской епархіи Паричское училище дѣвицъ духовнаго званія [638]). Но такими необычайными успѣхами своими церковно-строительное дѣло въ западныхъ губерніяхъ Россіи въ значительной мѣрѣ обязано было послѣднему польскому мятежу 1863 года, который вообще произвелъ на русскихъ сильное впечатлѣніе и обратилъ особенное ихъ вниманіе на западную Россію.

Нежелательный для поляковъ поворотъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ надѣломъ ихъ землею и самоуправленіемъ, былъ ближайшею причиною ускоренія послѣдняго

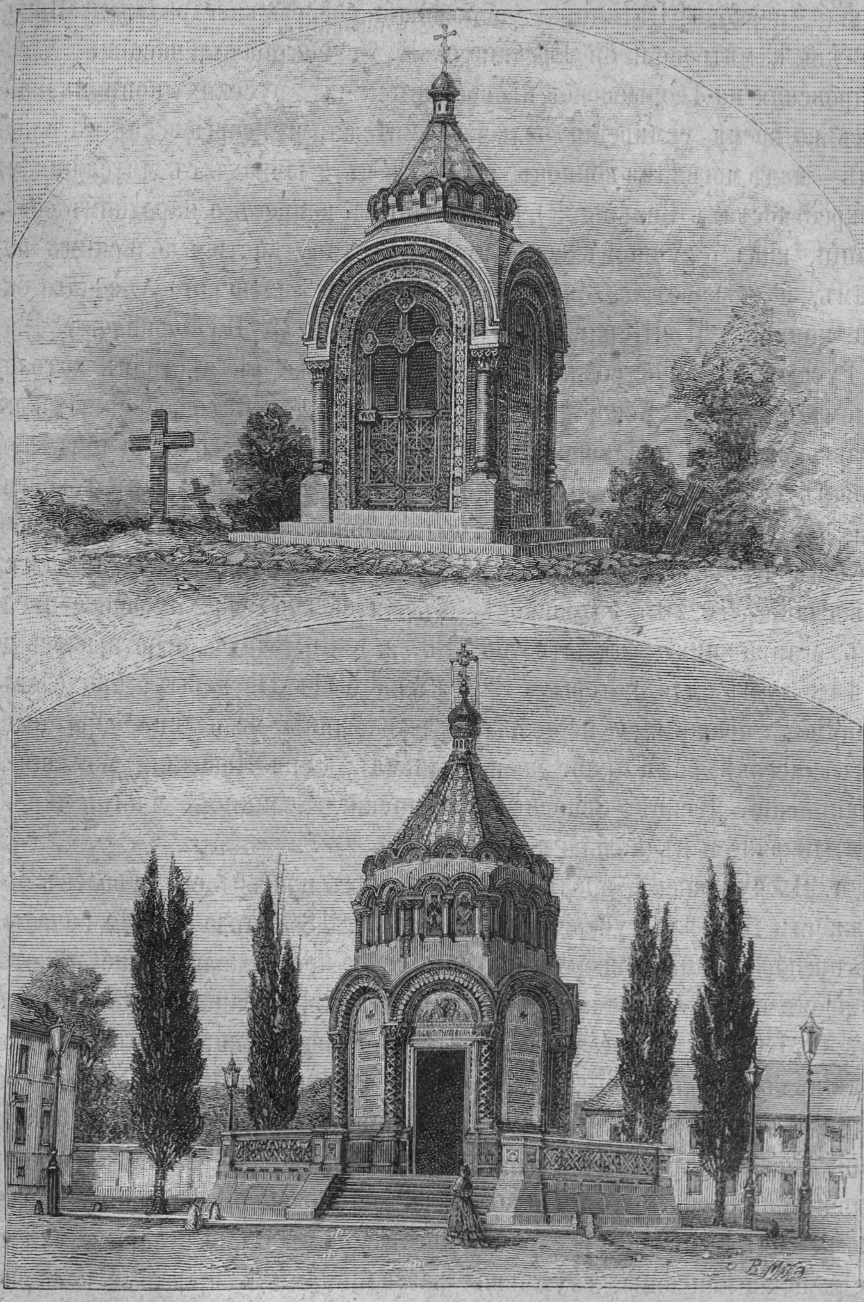
польскаго мятежа. Поляки увидѣли, что съ этимъ освобожденіемъ у нихъ исчезаетъ почва подъ ногами, что освобождаемый русскій народъ окончательно и безповоротно сольется съ остальной Россіей, а потому, сдѣлавъ отъ себя все возможное, чтобы ослабить и уничтожить благодѣтельныя послѣдствія освобожденія крестьянъ, произвели новую, окончательную попытку возстановить Польшу и для этого привлечь къ себѣ мѣстное русское и литовское населеніе обѣщаніемъ ему полной свободы отъ крѣпостничества. На свои собственныя силы поляки не могли разсчитывать въ неравной борьбѣ съ Россіей, но ихъ воодушевляли и за нихъ ходатайствовали передъ западной Европой польскіе выходцы, которые увѣряли западно-европейцевъ, что естественныя границы со стороны Россіи составляютъ Днѣпръ и Двина, что тутъ кончается европейскій міръ и начинается азіатскій монгольскій, что между этими двумя мірами нѣтъ никакого возможнаго союза, никакого сближенія, что москвитяне должны, во что бы то ни стало, быть отброшены въ свои степи, что подъ этимъ только условіемъ Европа будетъ спокойна отъ нашествія татарскаго варварства [639]).

Предвѣстниками польскаго мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ были попытки католическаго духовенства къ многолюднымъ совращеніямъ православнаго населенія въ католичество. Такъ, въ 1858 году въ мѣстечкѣ Порозовѣ, Волковыйскаго уѣзда, совращено было въ латинство болѣе 100 православныхъ прихожанъ, которые впрочемъ стараніями преосвященнаго Іосифа Сѣмашка возвращены на лоно православія. Въ 1859 году латинскій яновскій епископъ, на Подляськи, Веніаминъ Шиманскій, получивъ изъ Рима отъ папы Пія IX мощи мученика Виктора, предпринялъ торжественное перенесеніе этихъ мощей изъ варшавскаго монастыря капуциновъ въ мѣстечко Яновъ, за Бугомъ. Торжество это устроено было ближайшимъ образомъ для совращенія русскаго населенія. О немъ заблаговременно разносили вѣсть по городамъ и селамъ, уніатскимъ и православнымъ, сестры разныхъ полумонашескихъ и полумірскихъ общинъ іосафатокъ, терціарокъ, феліціанокъ и т. д. Это преднамѣренное перенесеніе мощей надѣлало много шуму и тревоги и было причиною многихъ совращеній въ латинство, между прочимъ, и въ Литовской епархіи: въ Клещельскомъ приходѣ совращено было въ латинство до 300 человѣкъ, а Кленицкіе прихожане оказали сопротивленіе совершенію крестнаго хода по чину восточной церкви [640]).

Въ самой Варшавѣ безпорядки начались костельной процессіей. Въ первый разъ они обнаружились 19 февраля 1861 года, въ торжественный день воспоминанія восшествія на престолъ государя императора, и совпали съ изданіемъ въ этотъ день указа объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сначала поляки просили государя только о томъ, чтобы возстановлено было въ царствѣ Польскомъ народное правленіе и дарованы были нѣкоторыя вольности дворянству. Государь обѣщалъ въ непродолжительномъ времени учредить при варшавскомъ намѣстничествѣ особое отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, а также польскій государственный совѣтъ и выборные окружные и муниципальные совѣты, и началъ приводить свое обѣщаніе въ исполненіе. Но, не смотря на то, варшавское дворянство въ сентябрѣ 1862 года рѣшительно и дерзко заявило, что оно до тѣхъ поръ будетъ дѣйствовать противъ русскаго правительства, пока послѣднее не соединитъ съ царствомъ Польскимъ Литву, Бѣлоруссію, Волынь, Подолію и Малороссію, и не отдастъ его въ управленіе самимъ полякамъ. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло открытое, вооруженное возстаніе, которое въ 1863 году проникло въ Литву и Бѣлоруссію. Поляки, разсчитывая на вмѣшательство и помощь западной Европы, очевидно старались показать, что Литва и Бѣлоруссія суть польскія области; но этимъ повредили себѣ даже во мнѣніи своихъ заступниковъ. Съ одной стороны, русское населеніе въ литовско-русскихъ областяхъ, за весьма малыми исключеніями, осталось вѣрно русскому правительству и не только не пристало къ полякамъ, не смотря на ихъ щедрыя обѣщанія, но и помогало русскимъ войскамъ ловить мятежниковъ и даже само жестоко расправлялось съ ними; а съ другой, русскій канцлеръ, Горчаковъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ нелѣпыя притязанія поляковъ на литовско-русскія области, твердо и рѣшительно отвѣчалъ на заступничество Франціи, Англіи и Австріи за поляковъ, что русскій императоръ ни подъ какимъ видомъ не допуститъ ничьего вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Въ томъ же 1863 году возстаніе подавлено было въ бывшемъ царствѣ Польскомъ помощникомъ намѣстника царства, графомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ.

Не ограничиваясь подавленіемъ вооруженнаго мятежа, М. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ началъ принимать мѣры къ очищенію всѣхъ при-

сутственныхъ мѣстъ отъ чиновниковъ польскаго происхожденія и замѣнять ихъ русскими; пригласилъ въ Вильну нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и другихъ дѣятелей для пересмотра и передѣлки составленныхъ подъ вліяніемъ польскихъ пановъ уставныхъ грамотъ и облегченія крестьянъ, и вообще занялся внутреннимъ устройствомъ Сѣверо-Западнаго края въ смыслѣ поднятія въ немъ русской народности и православія. Въ началѣ 1864 года послѣдовалъ указъ объ освобожденіи мѣстныхъ крестьянъ отъ непосредственной зависимости ихъ отъ помѣщиковъ, въ силу котораго всѣ условія и обязательства, заключенныя между крестьянами и помѣщиками съ мая 1863 года, считались недѣйствительными, крестьяне становились съ этого времени свободными собственниками тѣхъ чиншевыхъ участковъ, которыми они владѣютъ съ давняго времени, и всѣ денежные взносы, слѣдуемые помѣщикамъ, доставлялись прямо правительству. Въ томъ же году, по распоряженію М. Н. Муравьева, упразднено было 30 католическихъ монастырей, закрыты многіе костелы, произвольно устроенные среди русскаго населенія для его окатоличенія, прекращено повсемѣстно въ дѣловой перепискѣ, учебныхъ заведеніяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ употребленіе польскаго языка, а рядомъ послѣдовательныхъ предписаній дѣйствія римско-католическаго духовенства подчинены строжайшему наблюденію мѣстныхъ властей. Въ видахъ поднятія православія, распредѣлено до 400,000 рублей ежегодной прибавки къ жалованью православнаго духовенства [641]). Независимо отъ дѣятельности П. Н. Батюшкова и даже отчасти въ подрывъ ей, М. Н. Муравьевъ испросилъ въ 1864 году отпускъ изъ государственнаго казначейства, собственно для церквей Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, 500,000 руб., съ разсрочкою на 5 лѣтъ, заимствовалъ для той же цѣли изъ бывшихъ въ его распоряженіи суммъ и привлекъ къ дѣлу построенія и возобновленія православныхъ храмовъ и самихъ прихожанъ съ ихъ духовенствомъ, объединявшихся въ церковныхъ братствахъ. Въ 1868 году въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ существовало до 187 православныхъ церковныхъ братствъ, большинство которыхъ возникло послѣ 1863 года. Въ самомъ средоточіи Сѣверо-Западнаго края, Вильнѣ, дѣятельно производилось возстановленіе древнихъ памятниковъ русской святыни. Согласно высочайше утвержденному представленію М. Н. Муравьева, обновлена древняя Николаевская церковь, возстановлена древ-

Православныя часовни въ г. Вильнѣ:

1) **Георгіевская** на могилахъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ окресностяхъ Вильны въ битвахъ съ мятежниками. и 2) **Александровская** на Георгіевской площади въ воспоминаніе подвиговъ русскихъ воиновъ въ 1863 году.

нѣйшая церковь Пятницкая, обновлены соборы каѳедральный Николаевскій и митрополичій Пречистенскій, и построены часовни: Александровская на Георгіевской площади въ память русскихъ воиновъ, павшихъ во время усмиренія польскаго мятежа, и Георгіевская на кладбищѣ—надъ могилами воиновъ, павшихъ въ стычкахъ съ мятежниками въ окрестностяхъ Вильны [642]). Поднятъ былъ вопросъ о народномъ образованіи, какъ о лучшемъ средствѣ для противодѣйствія польскимъ началамъ, и разработывался при попечителяхъ Виленскаго учебнаго округа, князѣ А. П. Ширинскомъ-Шихматовѣ и И. П. Корниловѣ [643]).

Русское народное сознаніе пробудилось даже въ мѣстномъ католическомъ населеніи. Вскорѣ послѣ мятежа, многіе изъ совращенныхъ въ прежнее время и ополяченныхъ мѣстныхъ русскихъ, смущенные позорнымъ участіемъ въ мятежѣ многихъ изъ латино-польскаго духовенства, почувствовали потребность быть единой вѣры съ Царемъ-Освободителемъ. Въ 1866 году, въ одной Минской губерніи присоединилось къ православію 20,705 католиковъ. Въ Литовской епархіи общее число лицъ, оставившихъ латинство въ 1865 и 1866 годахъ, простиралось до 29,448 душъ, для которыхъ учреждено было 19 новыхъ приходовъ. Принимали православіе не только простолюдины, но и лица образованныхъ классовъ, какъ напр. князь Радивилъ, князь Любецкій, помѣщики Лопацинскій, Деспотъ-Зеновичъ, Бѣлинскій, Белнингъ, многіе чиновники, дворяне и нѣсколько ксендзовъ [644]).

М. Н. Муравьевъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ его, уволенъ отъ должности генералъ-губернатора 17 апрѣля 1865 года [645]). Но начатыя имъ преобразованія Сѣверо-Западнаго края продолжались еще нѣкоторое время при его преемникахъ Кауфманѣ, гр. Барановѣ и даже Потаповѣ. Съ 1866 года, послѣ предварительной переписки, начато закрытіе излишнихъ католическихъ костеловъ и каплицъ, и въ 1868 году закрыто ихъ до 31 [646]). По вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, по инициативѣ попечителя П. Н. Батюшкова, усиленъ составъ инспекторовъ народныхъ училищъ, положено основаніе высшему образцовому шестиклассному женскому институту въ Вильнѣ, закрыты частные женскіе пансіоны, служившіе разсадниками и пріютами польско-католическихъ стремленій, привлечены къ занятію учительскихъ должностей лучшія русскія силы, съ устраненіемъ поляковъ, и проч. При томъ же попечителѣ сдѣланъ былъ переводъ католическаго катехи-

зиса и молитвенниковъ для воспитанниковъ учебныхъ заведенiй изъ бѣлоруссовъ и отчасти литвиновъ, которые, замѣнивъ для воспитанниковъ учебныхъ заведенiй польскiе молитвенники заграничнаго изданiя съ тенденцiознымъ направленiемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ послужили основанiемъ къ введенiю нѣкоторыми ксендзами русскаго языка въ такъ называемое дополнительное римско-католическое богослуженiе, и докончено было очищенiе и освобожденiе Виленскаго музея древностей отъ польскаго характера и обстановки, предначертанное еще при М. Н. Муравьевѣ, при чемъ 256 предметовъ, напоминавшихъ собою о временномъ владычествѣ поляковъ въ краѣ, исключено изъ Виленскаго музея и перевезено въ Московскiй Румянцевскiй музей. Но это были уже послѣднiя рѣшительныя мѣропрiятiя въ духѣ и направленiи М. Н. Муравьева, клонившiяся къ поднятiю русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ и освобожденiю его отъ польскихъ влiянiй. Со времени управленiя краемъ генерала Потапова, начались въ краѣ новыя вѣянiя и новыя попытки примирительныхъ отношенiй къ полякамъ, тѣмъ безпрепятственнѣе развивавшiяся, что въ 1868 году скончался знаменитый поборникъ православiя и русской народности въ краѣ митрополитъ Iосифъ Сѣмашко. Дѣятельность попечителя Виленскаго учебнаго округа въ чисто русскомъ духѣ оказалась несоотвѣтствующею общему направленiю дѣятельности главнаго управленiя въ краѣ, и неудобные для генерала Потапова попечитель Батюшковъ и губернаторъ Шестаковъ (впослѣдствiи управляющiй морскимъ министерствомъ) были одновременно уволены отъ должностей [647]). Съ тѣхъ поръ дальнѣйшее сближенiе Сѣверо-Западнаго края съ остальною Россiей совершается почти исключительно посредствомъ общихъ для всей Россiи законодательныхъ мѣръ и учрежденiй, какъ напр. всеобщей воинской повинности, новыхъ судовъ, народнаго образованiя, постройки желѣзныхъ дорогъ и проч.

Въ настоящее время численное отношенiе разныхъ народностей и племенъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ приблизительно слѣдующее: славянъ русскихъ 3.474,883, поляковъ 744,410, литовцевъ 2.295,300, евреевъ 1.200,522, нѣмцевъ 149,020, татаръ 14,839; разныхъ народностей 74,598, а всего 7.953,572 [648]).

Бросая заключительный взглядъ на взаимныя отношенiя между поляками и русско-литовскимъ населенiемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, мы не можемъ не замѣтить, что, тогда какъ послѣднее составляетъ бо-

лѣе двухъ третей всего народонаселенія края, поляки не составляютъ и десятой части его. Притомъ же, это—собственно и не поляки, а преимущественно ополяченные въ разное время литвины и русскіе и, слѣдовательно, не имѣютъ подъ собою въ краѣ чисто народной польской основы мы знаемъ, что до конца XIV вѣка вовсе не было поляковъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи, равно какъ не было здѣсь и римско-католическихъ костеловъ. А между тѣмъ, эти преобразовавшіеся, съ теченіемъ времени, въ поляковъ литвины и русскіе занимали и отчасти занимаютъ въ краѣ господствующее положеніе, котораго достигли не только своимъ богатствомъ и доступнымъ для нихъ образованіемъ, но и тѣсными связями съ дѣйствительною польскою народностью, находящеюся внѣ предѣловъ Сѣверо-Западнаго края, и съ римскимъ католичествомъ, ставшимъ почему-то какъ бы основою польской народности и въ свою очередь получившимъ здѣсь сильную польскую окраску. Поэтому, задача русскаго правительства въ дѣлѣ обрусенія Сѣверо-Западнаго края Россіи состояла и состоитъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, прервать связь ополяченной части населенія этого края съ собственно польскими областями, служившую постояннымъ источникомъ польскихъ мятежей, и, во-вторыхъ, освободить римскій католицизмъ въ этомъ искони русско-литовскомъ краѣ отъ польской окраски. Въ первомъ отношеніи, русское правительство всегда оставалось болѣе или менѣе вѣрнымъ себѣ. Сѣверо-Западный край, въ главныхъ своихъ частяхъ, не входилъ въ составъ ни герцогства Варшавскаго, ни царства Польскаго, и имѣлъ свое управленіе и внутреннее устройство, болѣе или менѣе направлявшееся, хотя и не всегда, къ внутреннему объединенію этого края съ Россіей. Но предѣлы этого края еще и доселѣ не совпадаютъ съ историческими предѣлами литовско-русскихъ племенъ, даже тѣми, какіе установлены были на люблинской уніи Литвы съ Польшею въ 1569 году: внѣ Сѣверо-Западнаго края остаются еще чисто литовская по населенію Сувалкская губернія, числящаяся уже въ Виленскомъ военномъ округѣ, и юго-восточная часть Ломжинской губерніи. Что же касается очищенія римскаго католичества въ Сѣверо-Западномъ краѣ отъ польской окраски, то и оно уже начиналось нѣсколько разъ въ прежнія царствованія, особенно при Екатеринѣ II, Николаѣ I и Александрѣ II, введеніемъ русскаго или литовскаго языка въ преподаваніе Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ католическія семинаріи и въ костельное такъ называемое допол-

нительное богослуженіе и проповѣдь, но, при малѣйшемъ послабленіи, немедленно прекращалось и забывалось до другаго случая, вновь обращавшаго вниманіе русскаго правительства на этотъ предметъ. Это очищеніе католичества въ Сѣверо-Западномъ краѣ доселѣ не закончено еще не только по отношенію къ мѣстному ополяченному католическому населенію, но и по отношенію къ литвинамъ и жмудинамъ, исповѣдующимъ католическую вѣру. Причина медленности и малоуспѣшности этого дѣла заключается въ упругости силы самого римскаго католичества, съ которымъ поляки хотятъ соединить и отождествить дѣло своей народности, въ тяготѣніи западно-русскихъ католиковъ къ главѣ римской церкви, заявляющему притязанія на всемірное главенство, независимому отъ русскаго правительства, но въ то же время мѣшающемуся въ его внутреннія дѣла. Императрица Екатерина II прекрасно понимала тотъ вредъ, какой приноситъ государству вмѣшательство въ его внутреннія дѣла и отношенія посторонней, заграничной духовной власти, и потому имѣла въ виду образовать въ возсоединенныхъ съ Россіею литовско-русскихъ областяхъ независимую отъ папы римско-католическую церковь, подобно тому, какъ на западѣ Европы образовалась независимая отъ папы Утрехтская католическая церковь. Такую церковь имѣлъ нѣкогда образовать въ Польшѣ и польскій король Сигизмундъ II Августъ. Но образованіе въ Россіи самостоятельной, независимой отъ папы католической церкви составляетъ самый щекотливый вопросъ для русскаго правительства, принадлежащаго другому вѣроисповѣданію и нежелающаго стѣснять свободы совѣсти своихъ подданныхъ не одного съ нимъ вѣроисповѣданія. Чтобы сколько-нибудь обезвредить польское католичество въ Сѣверо-Западномъ краѣ и противопоставить ему духовно-нравственное средоточіе для русской народности и православія, для этого предполагалось учредить въ Вильнѣ, на мѣсто Виленскаго университета, русскій университетъ съ факультетами богословскимъ и историко-филологическимъ, или же православную русскую духовную академію. Послѣднее учрежденіе несомнѣнно имѣло бы большое значеніе для подъема русской народности въ краѣ и главномъ средоточіи его, Вильнѣ, но едва ли способно само по себѣ и непосредственно ослабить силу польскаго католичества, при замѣтномъ отчужденіи послѣдняго отъ всего русскаго и православнаго [649]). Вообще, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между польско-католиками, католиками-литовцами

и русскими православными въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не смотря на всѣ старанія русскаго правительства, еще далеко не достигъ окончательнаго своего разрѣшенія, и въ этомъ отношеніи для русскаго правительства и русскаго общества предстоитъ не мало труда въ дѣлѣ окончательнаго умиротворенія края и упроченія въ немъ русскихъ историческихъ началъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) «Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ», *О. Турчиновича*, С.-Петербургъ, 1857 г., стр. VII.

2) «Чтенія по исторіи западной Россіи», *М. О. Кояловича*, С-Петербургъ, 1884 года, чтеніе второе и этнографическая карта при этой книжкѣ.

3) «Разсказы изъ русской исторіи, книга 4, часть 1. Исторія Полоцка или сѣверо-западной Руси», *Ив. Бѣляева*, Москва, 1872 г., стр. 62 и 63; «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго*, т. I, ч. 2, Москва, 1876—1880 г., стр. 112 и 113.

4) «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *М. Кояловича*, стр. 89.

5) Подробнѣе объ этихъ обычаяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ см. «Разсказы изъ русской исторіи», *И. Бѣляева*, кн. 4, ч. I, стр. 65—68. Описаніе ихъ см. въ «Матеріалахъ для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края», *П. В. Шейна*, т. I, ч. I, С.-Петербургъ, 1887 г.

6) «Очерки русской исторической географіи», *Н. П. Барсова*, Варшава, 1885 г., стр. 174, 179-181 и 183.

7) Тамъ-же, стр. 186 и 187; «Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи», проф. *Е. Замысловскаго*, С.-Петербургъ, 1887 г., стр. 41 и 42; «Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи», *Н. Барсова*, Вильна, 1865 г., стр. 55.

8) «Разсказы изъ русской исторіи», *И. Бѣляева*, кн. 4, ч. 1, стр. 10, 11, 15, 25 и слѣд.

9) «Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи», *Е. Замысловскаго*, стр. 44.

10) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *А. С. Дембовецкаго*, Могилевъ, 1882 г., кн. I, стр. 1, и 1884 г., кн. II, стр. 56.

11) «Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи», *Е. Замысловскаго*, стр. 20.

12) Тамъ же, стр. 46 и 47; «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова*, стр. 124—126; «Область дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія», *В. З. Завитневича*, въ «Трудахъ Кіевск. дух. академіи», августъ, 1886 г., стр. 578 и 590.

13) «Разсказы изъ русской исторіи», *И. Бѣляева*, кн. 4, ч. 1, стр. 10, 26 и 27; «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова*, стр. 133.

14) «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова*, стр. 79, 80, 89—92, 129 и 130; «Русская Исторія», *К. Бестужева-Рюмина*, С.-Петербургъ, т. I, 1872 г., стр. 100 и слѣд ; «Владиміръ св., какъ политическій дѣятель», *Р. Завитневича*, въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи», іюнь, 1888 г., стр. 357, и особымъ оттискомъ; «Область дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія», *его же*, тамъ же, августъ, 1886 г., стр. 586.

15) «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго*, т. I, ч 1, стр. 38.

16) «Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель», *В. Завитневича*, Кіевъ, 1888 г., стр 22. По лѣтописи *Аверки*, св. Ольга будто бы въ 974 году, побѣдивъ ятвяговъ и печенѣговъ, на обратномъ пути основала Витебскъ, построила въ верхнемъ замкѣ каменную церковь св. Михаила, а въ нижнемъ—Благовѣщенія и, пробывъ два года, возвратилась въ Кіевъ. См. «Витебскую Старину», *А. Сапунова*, Витебскъ, т. I, 1883 г., стр. 455 и 615. Опроверженіе этого преданія см. въ «Очеркѣ исторіи Турова», *И. И Малышевскаго*, въ книгѣ «Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго», Кіевъ, 1880 г., стр. XL–XLI.

17) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 1, стр. 62; «Владиміръ св., какъ политическій дѣятель», *В. Завитневича*, стр. 24 и 25.

18) «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова*, стр. 91, 39 и 40.

19) Хромолитографированныя изображенія св. равноапостольнаго князя Владиміра помѣщены въ изданіяхъ *П. Н. Батюшкова*: «Холмская Русь, историческія судьбы Русскаго Забужья», Спб., 1887 г., стр. 7, и «Волынь, историческія судьбы Юго-Западнаго края», Спб., 1888 г., стр 14. Въ послѣдней книгѣ, кромѣ того, воспроизведено шесть монетъ св. Владиміра. стр 16.

20) «Волынь, историческія судьбы Юго-Зап. края», Спб.. 1888 г., стр. 17.

21) «Владиміръ св., какъ политическій дѣятель», *В. Завитневича*, стр 27 и 28.

22) «Очеркъ исторіи Турова», *И. Малышевскаго*, въ книгѣ «Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго», Кіевъ, 1880 г., стр. III.

23) «Волынь», С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 18.

24) «Исторія русской церкви *Макарія (Булгакова)*, т. I, стр. 26 и 213; «Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ», *В. Калинникова*, въ «Трудахъ Кіевской дух. академіи», іюль 1888 г., стр. 489, 573–575.

25) «Витебская Старина», *А. Сапунова*, т. I, стр. 597.

26) «Очеркъ исторіи Турова». *И. Малышевскаго*, стр. XLIII.

27) «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», *П. Барсова*, Вильна, 1865 г., стр. 165.

28) См. выше примѣч. 25.

29) См. выше примѣч. 26. О древности Спасо-Преображенской Туровской церкви свидѣтельствуетъ и Туровское евангеліе XI вѣка, принадлежавшее этой церкви.

30) «Минскія епархіальныя вѣдомости», 1874 г., № 5, стр. 151.

31) «Историко-статистическое описаніе Минской епархіи», *архим. Николая*, С.-Петербургъ, 1864 г., стр. 135.

32) «Изяславль и Туровъ», *А. Слупскаго*, въ «Сѣверо-Западномъ календарѣ на 1888 г.» Минскъ, 1888 г., стр. 126 и 130.

33) «Памятная книжка Минской губерніи 1878 года», Минскъ, 1878 г., ч. 2, стр. 22, 104 и 105. Кромѣ того, архимандритъ *Николай* въ своемъ «Историко статистическомъ описаніи Минской епархіи» (стр. 5 и 79) передаетъ, будто бы въ бывшемъ Минскомъ Вознесенскомъ монастырѣ были двѣ каменныя плиты съ надгробною надписью 1000 года, изъ коихъ одна находится теперь въ стѣнѣ Минскаго каѳедральнаго собора. Болѣе дѣльное опроверженіе этого ошибочнаго мнѣнія см. въ «Минскихъ епарх. вѣдомостяхъ» 1878 г., № 4, въ статьѣ «Плита съ древнею надписью въ Минскомъ Петропавловскомъ каѳедральномъ соборѣ». *Р. Игнатьева*, который относитъ надпись ко времени между 1499–1599 или 1606 годами.

34) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. I, стр. 138, 143 и слѣд.

35) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I ч. I, стр. 89–97.

36) «Очерки русской исторической географіи», *Н. Барсова*, стр. 40 и 42.

37) «Русская Исторія», *К Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 106; «Исторія Россіи»,

Д. Иловайскаго, т. I, ч. I, стр. 103—108; «Исторія русской церкви» *Макарія,* т. II, стр. 218 и др.

38) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго,* т. III, Варшава, 1846 г.. стр. 613; «Памятн. книжка Мин. губ.», 1878 г., ч. 2, стр. 48.

39) «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», *Н. Барсова,* стр. 131.

40) «Вѣстникъ юго-зап. и западн Россіи», ноябрь 1864 г., отд. II, стр. 32 и 33

41) «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи», изд. по высочайшему повелѣнію *П. Н. Батюшковымъ,* вып. VI, № 12; «Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки», *Ф Добрянскаго,* Вильна, 1882 г., №№ 1 и 271.

42) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова,* 1888 г., стр. 32—34. Въ томъ же изданіи, на стр. 85, помѣщенъ рисунокъ гробницы Ярослава I, находящейся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

43) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. I. ч. 1 стр. 94; «Витебская Старина», *А. Сапунова,* т I, стр. 560.

44) «Сурдегскій Свято-Духовскій монастырь», С.-Петербургъ 1875 г., стр. 14; «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго,* т. III, 286.

45) «Русская Исторія», *К. Бестужева-Рюмина,* т. I, 163 и 180, «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго,* т. I, ч. 1 стр. 111, 112 и 116.

46) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», *С. Соловьева,* т. II 1852 г., стр. 17 и 68

47) «Витебская Старина». *А. Сапунова,* т. I. отд. XI.

48) «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго,* т. I. ч. I, стр 138, 143, 198 и 206; «Исторія Россіи», *С. Соловьева,* т. II, стр. 78, 80, 93, 94 и 122.

49) «Историческія свѣдѣнія о Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ», *К. Говорскаго,* въ «Вѣстникѣ юго-зап. и зап. Россіи», февраль, 1864 г., отд. II, стр 77 и сл.; «Историческое описаніе Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря», *его же,* тамъ же, ноябрь 1864 г., отд. II стр 1 и слѣд.; «Житіе преп. Евфросиніи, княжны полоцкой», свящ *М. Дубровскаго,* Полоцкъ 1887 г. стр. 5 и 12

50) «Исторія Россіи», *Д. Иловайскаго,* т. I, ч. 2, стр. 101 и 533.

51) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. II. стр 11 270 и 286, т III, стр. 21, 155 и 255, и т. IV, кн. I стр 171; «Витебская Старина», *А. Сапунова,* т. I, 518 и слѣд. Здѣсь перечисляются слѣдующіе полоцкіе епископы: Мина 1105—1116 г; Илія, упом. предъ 1128 г; Косьма 1143—1166 г.; Діонисій † 1183 г.; Николай съ 1183 г.; Владиміръ около 1218 г.; Алексѣй около 1231 г.; Симеонъ Новгородецъ 1260—1274 г.; Іаковъ около 1300 г.; Григорій около 1331 г.—О епископахъ изъ грековъ см. Ипат. лѣтоп. 224; Лаврентьев. лѣт., 419, 426.

52) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. I, ч. 2, стр. 105 и 106; но отзывъ о фресках храма принадлежитъ намъ.

53) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. III, стр. 71, 75 и 76; «Житіе преп. Евфросиніи, княжны полоцкой», *М. Дубровскаго,* стр. 7, 8, 20—22. Но мы въ первый разъ относимъ этотъ крестъ къ такъ называемымъ византійскимъ перегородчатымъ эмалямъ. См. о нихъ «Перегородчатыя эмали А. В. Звенигородскаго», проф *Н. В. Покровскаго,* во 2-мъ выпускѣ II-го тома «Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», С.-Петербургъ, 1887 г., и отдѣльнымъ оттискомъ.

54) «Житіе преп. Евфросиніи, княжны полоцкой», *М. Дубровскаго,* стр. 8—10. О преп. Евфросиніи полоцкой и Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ см. также «Вѣстникъ юго-западной Россіи», 1863 г., за май и іюнь, и «Полоцкія епархіальныя вѣдомости» за 1885 годъ; «Житіе преп. Евфросиніи, княжны полотскія» (по тремъ редакціямъ), *А. Сапунова,* Витебскъ, 1888 г. Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что мы вовсе не касались извѣстнаго у уніатскихъ преимущественно писателей житія преп.

Параскевіи-Пракседы, княжны полоцкой, будто бы путешествовавшей въ Римъ, такъ какъ житіе это въ послѣднее время признано вымышленнымъ. См. «Католическая легенда о Параскевѣ, княжнѣ полоцкой», *А. Сапунова*, С.-Петербургъ, 1888 года.

55) «Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи», *В. Б. Антоновича*, т. I, Кіевъ, 1885 г., стр. 20; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 97.

56) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, стр. 199, 229—232; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 98—100 и 533. Надпись на камнѣ читается такъ: *«въ лѣто 6679 (1171) мая въ 7 день доспѣнъ крестъ сей. Господи, помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволъду, сыну Борисову»*. *Стрыйковскій*, а вслѣдъ за нимъ и другіе польскіе писатели, ошибочно читали въ этой надписи, вмѣсто *Борисова*, *Гинвилова*. О братчинахъ см. Ипат. лѣтоп., стр. 340.

57) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 91, 92, 101—103; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, стр. 303, 334 и др.

58) «Инфлянты. Историческія судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Инфлянтъ», *А. Сапунова*, въ «Памятной книжкѣ Витебской губерніи на 1887 годъ», и особымъ оттискомъ, стр. 8—11; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, стр. 381—386 и 388—393.

59) «Витебская Старина», *А. Сапунова*, т. I, стр. 15; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 103, 534 и 535.

60) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, стр. 255.

61) «Очеркъ исторіи Турова», *Малышевскаго*, въ книгѣ «Творенія св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго», Кіевъ, 1880 г., стр. 3—8, 36, 37, 47—77.

62) «Мозырь, Минской губерніи», *Хотомскаго*, въ «Минскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ», 1887 г., № 21.

63) «Историко-статистическое описаніе Минской епархіи», *архим. Николая*, С.-Петербургъ, 1864 г., стр. 65. Изображеніе этой иконы, находящейся нынѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ южномъ придѣлѣ апостола Андрея, помѣщено въ VIII выпускѣ «Памятниковъ русск. стар. въ западн. губ.», изд. *П. Н. Батюшкова*, и въ «Холмской Руси», *его же*.

64) «Очеркъ исторіи Турова», *Малышевскаго*, стр. 4—36; «Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи», *Антоновича*, т. I, стр. 46.

65) «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», *Барсова*, стр. 56; «Памятная книжка Минской губерніи 1878 года», Минскъ, ч. 2, стр. 70; «Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія», *А. М. Андріяшева*, Кіевъ, 1887 г., стр. 79, 80, 121, 129 и 136; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, стр. 122.

66) «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андріяшева*, стр. 115—181; «Брестъ-Литовскій», *П. Бобровскаго*, въ «Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи», 1867 г., кн. XI, отд. 2, стр. 63 и сл.

67) «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», *Барсова*, стр. 56; «Объясненіе къ учебному атласу по русской исторіи», *Замысловскаго*, С.-Петербургъ, 1887 г., стр. 42.

68) «Историко-статистическое описаніе Гродненской губерніи», *П. Бобровскаго*, С.-Петербургъ, 1863 г.; «Гродненская Коложская церковь» въ «Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи», 1866 г., кн. V, отд. II, стр. 57—64; «Матеріалы для исторіи Коложской церкви въ г. Гродно», *П. Дикова*, въ «Памятной книжкѣ Гродненской губерніи на 1887 годъ»; «О русской Гродненской старинѣ, въ память свят. равноапостольнаго князя Владиміра», *П. Меліоранскаго*, въ 41 № «Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» за 1888 годъ. Къ сожалѣнію въ этихъ статьяхъ смѣшиваются два одноименные города.

69) Башня эта воспроизведена въ альбомѣ VIII выпуска «Памятниковъ русск. стар. въ западн. губ.», изд. *П. Н. Батюшкова*, и въ «Холмской Руси», изд. *его же*.

70) «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андріяшева*, стр. 182—196.

71) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр. 229, 237 и 238. О Бѣльской церкви XIII в. см. «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Н. Чистовича*, ч. 1, С.-Петербургъ, 1882 г., стр. 163.

72) «Ревизія Кобринской экономіи 1563 года», Вильна, 1876 года, предисловіе, стр. 10.

73) «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андріяшева*, стр. 199 и 201.

74) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, стр. 262.

75) «Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи», *Антоновича*, т. I, Кіевъ, 1885 г. «Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до смерти в. к. Ольгерда», стр. 7—9; «Исторія Россіи», *Иловайскаго* т. I, ч. I, стр. 109 и 110.

76) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 16.

77) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. II, 402; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. I, стр. 116 и 117.

78) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 21 и 22; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, стр. 71, 117 и 118.

79) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2 стр. 118, 123, 124, 142—145; «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *К. Я. Гуковскаго*, Ковна, 1888 г., стр. 24 и 25.

80) «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго*, Ковна, 1888 г., стр. 26.

81) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 23—25; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 483; «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, кн. 1, Могилевъ, 1882 г., стр. 15.

82) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 25—30; «Литовско-русское государство, условія возникновенія его и причина упадка», *Н. Дашкевича*, въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, 1882, № 5, стр. 195; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. I, ч. 2, стр. 488, 490; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр. 127.

83) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 31 и 32; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр. 171; «Историко-статистическое описаніе Минской епархіи», *Николая*, 1864 г., стр. 129 и 136; «Литовскія епарх. вѣдом.», 1868 г., № 13, стр. 615.— Г. Барсовъ полагаетъ Полонинскій монастырь въ Полонкѣ, Новогрудскаго у., Минской губ. См. его «Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи», стр. 164.

84) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 563 и 564.

85) «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго*, стр. 27.

86) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 33 и 34; «Краткое описаніе Ковенской губ.», *Гуковскаго*, стр. 27 и 28; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 519 и 520; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1. стр. 128.

87) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 36—44; «Краткое описаніе Ковенской губ.», *Гуковскаго*, стр. 28.

88) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 45, 46 и 57; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр 57—59; «Очеркъ исторіи Волынской земли», *Андріяшева*, Кіевъ, 1887 г., стр. 182 и слѣд.

89) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 58.

90) Колоколъ нынѣ находится въ Виленскомъ музеѣ древностей. На немъ существуетъ слѣдующая надпись: «*Въ лѣто 6928 созданъ бысть колоколъ святей Троицы, повелѣніемъ раба Божія пана Шедибора Волимонтовича, а мастеръ Устякъ*».

91) «Монографіи», *Антоновича*, т. I. стр. 71.

92) «Очеркъ исторіи города Вильны», *В. Г. Васильевскаго* въ V-мъ выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», *П. Н. Батюшкова*, С.-Петербургъ, 1872 г. стр. 10, 11 и 85. См. «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, кн. IV, ч. 1, Москва, 1872 г, стр. 25 и 63.

93) «Очеркъ исторіи города Вильны», *Васильевскаго*, стр. 12 и 13; «Монографіи»,

Антоновича, т. I, стр. 60 — 61, 64 — 73; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 58—61. Экземпляръ каменнаго пушечнаго ядра, употреблявшагося первоначально по изобрѣтеніи огнестрѣльнаго оружія, есть въ церковно археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи.

94) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, 76 и 77; «Исторія русской церкви», *Макарія* т. IV, кн. 1, стр. 133; «Витебская Старина», *Сапунова*. т. I. стр. 564.

95) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 66—69; «Монографіи» *Антоновича*, т. I, стр. 81 и 82

96) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 107—109, 111—113; «Исторія Россіи» *Иловайскаго*, т. II, стр. 70—72.

97) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 79—82; «Очеркъ исторіи Волынской земли» *Андріяшева*, Кіевъ, 1887 г., стр. 206—223. Мы не соглашаемся съ мнѣніемъ, отождествляющимъ Болеслава Троиденовича съ Юріемъ II.

98) «Монографіи», *Антоновича* т. I, стр 84 и 85; «Витебская Старина» *Сапунова*, т. I, стр. 598; «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. III 1846 г. стр. 702 и 703.

99) «Очеркъ исторіи города Вильны», *Васильевскаго*, стр. 13, 15 и 85; «Виленскій Свято-Троицкій монастырь». *О. В. Щербицкаго*, Вильна, 1886 г., стр. 3—6.

100) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 45.

101) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 84 и 85.

102) «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», октябрь, 1862 г., отд I, стр. 13 и 14; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр. 171.

103) «Историко-юридическіе матеріалы», *Сазонова*, вып. II, Витебскъ, 1871 г., стр. 305.

104) «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», октябрь, 1862 г., отд. I, стр. 13 и 14; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр. 171 и 172.

105) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр 172; «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, кн. II, Могилевъ, 1884 г., стр. 84.

106) «Акты, издаваемые коммиссіею, высочайше утвержденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ», т. XI, Вильна, 1880 г., предисловіе, стр. X и XI; «Литовскія епарх. вѣдом.», 1868 г., № 10, стр. 66.

107) «Starożytna Polska», *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. III, стр. 304 и 305; «О западно-русскихъ архимандріяхъ», *Щербицкаго*, въ «Вилен. епарх. вѣд.», 1868 г., № 13, стр. 617; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, кн. IV, ч. 1, стр. 219; «Виленскій Свято-Троицкій монастырь», *Щербицкаго*, Вильна, 1886 г., стр. 134. Женѣ Витовта Іуліаніи приписываютъ построеніе въ Вильнѣ. 1384 г., Рождественскаго монастыря. См. «Исторію русск. церкви», *Макарія*, т. IV, ч. 1, стр. 171.

108) Запись князя Онуфрія этому монастырю на евангеліи, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ, издана въ «Актахъ Зап. Россіи», т. I, и перепечатана въ «Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи», 1869 г., кн 5, т. I, стр. 30 и 31; сн. «Исторію русской церкви», *Макарія*, т. IV кн. 1, стр. 172.

109) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т IV, кн. 1, стр. 42—46, 52, 59—61 и 133; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 273—286.

110) «Описаніе рукописей Виленской Публичной библіотеки, церковно славянскихъ и русскихъ», *Ф. Добрянскаго*, Вильна, 1882 г., стр. 6, 8—10, 29 и 30; «Памятники русск. стар. въ западн. губ.», вып. VI 1874 г., стр 12 и 13.

111) См. выше примѣчаніе 108.

112) См. описаніе Оршанскаго евангелія, хранящагося нынѣ въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи, въ «Трудахъ» сей академіи, декабрь, 1876 года. По словамъ прежняго владѣльца евангелія, оно выброшено было французами въ 1812 г. изъ одного изъ Оршанскихъ монастырей. Хотя извѣстные Ор-

шанскіе Кутеинскіе монастыри, мужской и женскій, основаны лишь въ первой половинѣ XVII вѣка, по евангеліе могло попасть сюда изъ древнѣйшихъ Оршанскихъ монастырей и церквей. Въ 1627 году уніатскій митрополитъ Антоній Селява жаловался, что въ мужской Оршанскій монастырь взята была православными утварь изъ другихъ оршанскихъ церквей. См. «Историко-юридическіе матеріалы», *Сазонова*, вып. VIII, Витебскъ, 1877 г., стр. 419. — О Лавришевскомъ см. «Акты Зап. Россіи», т. I. № 7 и «Русскій Филологическій Вѣстникъ», 1889 г., № 1, стр 132 и 133

113) «Древнѣйшая харатейная псалтирь Виленской Свято-николаевской церкви 1397 г», прот. *Пл. Янковскаго*, въ «Литовскихъ епарх. вѣдомостяхъ», 1866 г., №№ 20 и 21,—изъ «Варшавской Библіотеки за 1861 годъ»; «Русская псалтирь XIV столѣтія», *Скимборовича*, въ «Трудахъ III археологическаго съѣзда въ Россіи», Кіевъ, 1878 г., т. II. стр. 147—150. Въ послѣднее время она пріобрѣтена «Обществомъ древнерусской письменности».

114) Сообщено учителемъ I Виленской гимназіи, художникомъ *В. В. Грязновымъ*

115) «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго*, стр. 33.

116) «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, кн. IV, ч. I, стр 208 и 219.

117) «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго*, стр. 33. См. подробнѣе объ обрусеніи Литвы: «Православіе и русская народность въ Литвѣ» въ «Христіанскомъ чтеніи», 1851 г., т. I, стр. 430; «Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ» въ «Вѣстникѣ юго-зап. Россіи», 1862 г., іюль, августъ, сентябрь и октябрь.

118) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 156; «Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи», *Турчиновича*, стр. 92 и 93; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр. 132 Впрочемъ, нужно замѣтить, что имена сыновей Ольгерда, а равно и то, кто изъ нихъ отъ какой матери, показываются различно. Съ своей стороны, мы не рѣшаемся отождествить двухъ Димитріевъ Ольгердовичей и признать ихъ за одного.

119) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 98 157—163; «Витебская Старина» *Сапунова*, т. I, стр. 566—567.

120) «Чтенія». *Кояловича*, 1884 г., стр. 110, 111 и 112.

121) «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 1868 г., кн. 6, отд. 2, стр. 139; «Борьба культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ» и проч., *Дашкевича*, въ «Кіевск. университ. извѣстіяхъ», 1884 г., октябрь, т. I, стр. 278.

122) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 117—118.

123) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 33; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 171; «Чтенія», *Кояловича*, стр 118; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, кн. 1, стр 134—135.

124) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр 567; «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, кн. 1. стр. 17.

125) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 34 и 35; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 172—174; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, вып. IV, стр 253.

126) «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 253, 245—246.

127) «Directorium horarum canonicarum et missarum pro clero Romano-catholico dioecesis Vilnensis in annum 1887», Вильна, 1886 г., стр. 168. Подобные календари, подъ названіемъ «Directorium» или «Ordo», попросту называются рубрицеллами.

128) «Исторія города Вильны», *Васильевскаго*, стр. 12, 15 и 16; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 247—250; «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 259.

129) «Исторія города Вильны», *Васильевскаго*, стр. 17.

130) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 267, 237, 290; «Directorium» Тельшевской епархіи на 1887 годъ стр. 164 и 209.

131) «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 209, 205 и 340; «Directorium» Виленской епархіи на 1887 годъ, стр. 129 и 136.

132) «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 725, 814, 829 и 830; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *графа Д. А. Толстаго,* 1876 г, т. I, стр. 254.

133) «Ordo» Могилевской епархіи на 1885 годъ, стр. 155.

134) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 35.

135) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. II, стр. 173; «Монографіи», *Антоновича,* т. I, стр. 233. Впрочемъ, г. Барбашевъ доказываетъ, что назначенія Скиргайла великимъ княземъ литовскимъ никогда не было.

136) «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 1868 г., кн. 6, отд. 2, стр. 141 и 142.

137) «Монографіи», *Антоновича,* т. I, стр. 233.

138) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. II, стр. 177, 178 и 181; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II стр. 36 и 37; «Чтенія», *Кояловича,* стр. 124.

139) «Чтенія», *Кояловича,* стр. 125.

140) «Витебская Старина», *Сапунова,* т. I, стр. 567 и 568.

141) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. II, стр. 182.

142) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 37 и 38.

143) «Исторія Россіи», *Соловьева,* т. IV, стр. 25—29; «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. II, стр. 189, 190, 199 и 200.

144) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр 39 и 40.

145) «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго,* стр. 34.

146) «Исторія Россіи», *Соловьева,* т. IV, стр 29—35; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 40 и 41; «Памятная книжка Гродненской губ.» на 1887 г.; «Матеріалы для исторіи Коложской церкви въ г. Гродно», стр. 1.

147) «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго,* стр. 34; «Исторія Россіи», *Соловьева,* т. IV, стр. 39 и 40; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 41 и 42.

148) «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 549 и 563.

149) «Исторія Россіи», *Соловьева,* т. IV, стр. 40.

150) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. II, стр. 211 и 212; «Борьба культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ», *Дашкевича,* въ «Кіевск. университ. извѣстіяхъ», октябрь, 1884 г., стр. 293; «Краткое описаніе Ковенской губ », *Гуковскаго,* стр. 34.

151) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 43; «Борьба культуръ и народностей», *Дашкевича,* стр. 295. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что слѣдуетъ различать два городельскихъ акта, одинъ 2 октября, а другой 2 декабря. Собственно послѣдній изъ нихъ, или привиллегія на унію, составленный самими поляками, ведетъ дѣло далѣе и говоритъ о сліяніи Литвы съ Польшей, а не о союзѣ ихъ между собою, какъ бы слѣдовало. См. «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», вып. VIII, стр. 109, 110.

152) «Исторія Россіи», *Иловайскаго,* т. II, стр. 213; «Краткое описаніе Ковенской губерніи», *Гуковскаго,* стр. 34.

153) «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 213, 516 и 169, 551, 278, 257, 583, 245.

154) Тамъ же, 407, 535. 586, 562, 203; «Разсказы изъ Русской исторіи», *Бѣляева,* т. IV, стр. 255; «Directorium» Тельшевской епархіи на 1887 годъ, стр. 175, 219, 170, 157, 161, 163.

155) «Directorium» Тельшевской епархіи, стр 211—213.

156) «Краткое описаніе Ковенской губ.», *Гуковскаго,* стр. 35.

157) «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 287; «Directorium» Тельшевской епархіи, стр. 209.

158) «Directorium» Виленской епархіи, стр. 128 и 129.

159) «Исторія города Вильны», *Васильевскаго*, стр. 21.

160) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 347, 216, 285, 320, 304, 352, 209, 219, 726, 698; «Directorium» Виленской епархіи, стр. 134, 132, 142, 136, 141, 148; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. Толстаго*, т. II, прилож., стр. 78.

161) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 783, 620, 669; «Ordo» Могилевской епархіи, стр. 186; «Историко-статистическое описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 18.

162) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 602.

163) По крайней мѣрѣ, король Александръ въ 1503 году, подтверждая фундацію Троицкаго Витебскаго костела, писалъ о немъ: «*per olim majores nostros magnos duces Lithuaniae fundata* (*ecclesia*) *stipendiisque ac proventibus competenter dotata fuerit*». См. «Pisma tyczące się Kapituly Kat. Wilen.», рукопись въ библіотекѣ барона *Я. М. Шодуара*, л. 1.

164) См. предыдущія два примѣчанія.

165) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 286—287; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, ч. 1, стр. 185; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 261 и 258.

166) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 726.

167) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 228.

168) «Минск. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 2, стр. 36.

169) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 21 и 189.

170) Можетъ быть, при Свидригайлѣ, между 1393—1396 г. См. «Исторію гор. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 59. См. о древности ея въ статьѣ о грамотѣ митрополита Мисаила 1470 г., найденной въ этой церкви, въ «Литовскихъ епарх. вѣдом.», 1875 г., № 44.

171) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 287 и 305.

172) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 160 и 188; «Минскія епарх. вѣдом.», 1878 г., № 18.

173) «Виленскій археографическій сборникъ», т. I, стр. 1; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. IV, ч. 1, стр. 171; «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», сентябрь 1862 г.. отд. I, стр. 140.

174) «Памятники русск. старины въ западн. губерніяхъ», вып. VI, 1872 г., № 6; «Литовск. епарх. вѣдом.», 1873 г., № 33, стр. 297.

175) «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», февраль, 1865 г., отд. 4, стр. 484 и слѣд.

176) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 725; «Акты, изд. Виленскою коммиссіею», т. III, 1870 г., предисл., стр. VIII и IX, и №№ 97 и 185; объ иконѣ см. «Литовск. епарх. вѣдом.», 1885 г., № 16—17.

177) «Историко-статистическое описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 202.

178) «Минск. епарх. вѣдом.», 1876 г., № 5.

179) «Литовск. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 660.

180) «Starożyna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 713.

181) «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», іюль, 1864 г., отд. 4, стр. 98.

182) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, 1882 г., т. I, стр. 152, 158 и 159.

183) Тамъ же, стр. 116—118; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 287—291; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 20.

184) «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 199 и 200. См. «Историко-юридическіе матеріалы», *Сазонова*, Витебскъ, 1871 г., вып. 1, стр. 363 и 364.

185) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 291 и 292; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 20. Полагаемъ, что Витовтъ потому и обратилъ свое особенное вни-

маніе на гусситство, что видѣлъ въ немъ стремленіе къ образованію народной чешской католической церкви и слѣдовательно осуществленіе своихъ собственныхъ мыслей объ образованіи народнаго русскаго католичества въ Литвѣ.

186) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 218 и 219.

187) Тамъ же, стр. 221—224; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 100—104.

188) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1888 г. стр. 82; «Опытъ описанія Могилевской губ.», *Дембовецкаго*, кн. 1, стр. 18. Въ актѣ возведенія Свидригайла на великокняжескій престолъ перечисляются тогдашніе города Литовскаго государства.

189) «Островоротная или Остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ», священника *Н. Соколова* (нынѣ архим. *Іосифа*), Вильна, 1883 года.

190) «Акты, изд. Вилен. коммиссіею», т. II, стр. 1 и слѣд.

191) «Литовск. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 659.

192) «Акты, изд. Виленскою коммиссіею», т. XI, предисл., стр. VI и № 3.

193) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. IV, стр. 107—109; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 263—271; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 568 и 569.

194) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 118 и 119; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 266.

195) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 569 и 570; см. «Опытъ описанія Могилевской губ.», *Дембовецкаго*, кн. I, стр. 19.

196) «Акты, изд. Вил. ком.», т. I, №№ 18—21, 24, 25, 30, Спб. 1863 г.; «Виленскій археограф. сборникъ», т. VII, №№ 1 и 3, Вильна, 1870 г.

197) «Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи», 1868 г., кн. 6, отд. 2, стр. 147—148; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 273 и 274.

198) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 225, 219; «Directorium» Виленской епархіи, стр. 169, 140.

199) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. Толстаго*, т. I, стр. 254; См. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 273.

200) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 48 и 49; «Холмская Русь», историческія судьбы Юго-Западнаго края», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1887 г., стр. 47.

201) Портретъ удѣльнаго князя Александра-Олелька Владиміровича см. въ изд. *П. Н. Батюшкова* «Волынь, историческія судьбы юго-западнаго края», стр. 137.

202) «Исторія Россіи», *Соловьева*, IV, 110—112; «Борьба культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшею», *Н. Дашкевича*, въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», 1884 г., №№ 10 и 12, стр. 307; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, II, 276—279; «Монографіи», *В. Антоновича*, I, 237; «Витебская Старина», *А. Сапунова*, IV, 16.

203) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, I, 55; «Монографіи», *Антоновича*, I, 270.

204) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, стр. 113; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, II, 280, 282 и 283; «Монографіи», *Антоновича*, I, 238—241.

205) «Исторія Россіи», *Соловьева*, IV, 112; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 51.

206) «Разсказы изъ Русской Исторіи», *Бѣляева*, IV, 446—450; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 53—65; «Исторія Россіи», *Соловьева*, IV, 204, 205 и 338. Недавно появилось еще изслѣдованіе М. Ясинскаго: «Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, Кіевъ. 1889».

207) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 73—77, 83—87; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, 64 и 65, и т. V, ч. I, стр. XXXI; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 4, отд. 1, стр. 1—5.

208) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 98—107; «Starożytna Polska»,

Балинскаго, III, 308, 370, 404, 519, 600, 669 и 814; «Писцовая книга Гродненской экономіи», ч. 1, Вильна, 1881 г., предислов., стр. XXII.

209) «Исторія Россіи», *Соловьева*, IV, 293 и 294; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 122 и 123; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, II, 290; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, IV, 266—271; «Монографіи», *Антоновича*, I, 237.

210) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, II, 123; «Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси», Вильна, т. II, предислов., стр. II.

211) «Литовскія епарх. вѣдомости», 1869 г., № 10, стр. 660; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, I, 132.

212) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. V, предисл., стр. II; «Опытъ описанія Могилевской губ.», *Дембовецкаго*, I, 97.

213) Виленскій «Археографич. Сборникъ», II, № 1, стр. 1, и № 3, стр. 4; сн. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, III, 803, 717 и 718.

214) «Акты, издав. Виленской коммиссіей», т. III, Вильна, 1870 г., стр. 3 и 4; «Ревизія Кобринской экономіи 1563 года», Вильна, 1876 г., предислов., стр. VI и VIII; «Литов. епарх. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 660.

215) «Литов. епарх. вѣдом.», 1863 г., № 3; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1864 г., май, отд. 2, и 1866 г., кн. 7, отд. 1, стр. 1 и слѣд.

216) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, 1864 г., стр. 118 и 188; «Минск. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 2, стр. 54 и 55.

217) «Акты, изд. Виленской коммиссіей», т. III, стр. 4 и 5.

218) «Историко-статист. опис. Минск. епархіи», 80; «Вѣстникъ», *Говорскаго* 1864 г., іюль, отд. 4, стр. 102 и сл.

219) «Ревизія королевскихъ пущъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ 1559 г.», Вильна, 1867 г., стр. 358.

220) «Литовск. епарх. вѣдом.», 1866 г., № 3 и 1869 г, № 23; сн. «Вѣстникъ» *Говорскаго*, 1865 г., іюнь, отд. 2, стр. 170 и сл.

221) «Историко-статист. опис. Минск. епархіи», *Николая*, 216.

222) «Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки», *Ф. Добрянскаго*, Вильна, 1882 г., стр. 13.

223) Тамъ-же, стр. 198, 199 и 287; «Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ», *П. В. Владимірова*, С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 15, 18 и др.

224) «Русскій Филологическій Вѣстникъ», 1881 г., кн. III, стр. 54—57 и 1889 г. кн. I. О литовскихъ лѣтописяхъ см. «Русскую Исторію», *Бестужева-Рюмина*, т. I, введеніе, стр. 36; «Витебскую Старину» *Сапунова*, т. I, стр. 623 и 626.

225) «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 234—244. «Докторъ Францискъ Скорина, *Владимірова*, стр. 10.

226) Костелы эти слѣдующіе: въ Понатери или Каплицѣ, Ковенск. губ., Богородичный 1441 г.; въ Пинскѣ, Мин. губ., и въ Гедройцѣ, Вилен. губ., около 1445 г.; въ Заберезьи, Вилен. губ., Троицкій 1446 г., основанъ Заберезинскою; въ Радошковичахъ, Виленской губ., Троицкій 1447 г., осн. Гедыгелдовичемъ; въ Кронѣ, Вил. губ., половины XV в.; въ Клецкѣ, Мин. губ., Мостиловскимъ, и въ Острожаннѣ, Гродн. губ., Острожанскими въ 1450 г.; въ Свири, Вилен. губ., въ 1452 г.; въ Дубровнѣ, Могилев. губ., 1453 г.; въ Мядзіолѣ, Вилен. губ., 1454 г.; въ Шидловѣ, Ковен. губ., 1457 г.; въ Линтупахъ, Вилен. губ., Андреевскій 1459 г. Долгярдовичемъ; въ Пошвитыни, Ковен. губ., Троицкій 1459 г.; въ Крупахъ, Вилен. губ., Троицкій, основ. Довойною, и въ Домановѣ, Гродн. губ., во имя св. Дороты, основ. Кашицомъ, въ 1460 г.; въ Быстрицѣ, Вилен. губ., 1460 г.; въ Ворнянахъ, Вилен. губ., въ 1462 г.; въ Старомъ Мядзіолѣ или Кобыльникѣ, Вилен. губ., въ 1463 г.; въ Коварскѣ, Ков.

*

губ., Предтеченскій Огинскимъ, и въ Мѣдникахъ, Вилен. губ., въ 1464 г.; въ Долубовѣ, Гродн. губ., Петропавловскій Лычковыми въ 1465 г.; въ Ковнѣ семинарскій Георгіевскій Шандзивоевичемъ въ 1471 году; въ Ширвинтахъ, Виленск. губ., Михайловскій Юркевичевною въ 1475 г.; въ Олсядахъ, Ковен. губ., Богородичный бискупомъ Варѳоломеемъ, и въ Дзевалтовѣ, той-же губ., Троицкій Кезгайлами въ 1476 г.; въ Лебедевѣ, Вилен. губ., Рождество-Богородичный княземъ Гольшанскимъ въ 1476 г.; въ Крожахъ, Ковен. губ., Матѳеевскій 1478 года; въ Новомъ Дворѣ, Вилен. губ., Успенскій Чолгиномъ въ 1480 г.; въ Видзахъ, Ковен. г., Рождество-Богородичный Довгирдовичами въ 1481 году; въ Войстомѣ, Вилен. губ., въ 1491 г.; въ Шатахъ, Ковен. губ., Троицкій Петкевичемъ и Концевичемъ въ 1492 г., и въ Ожѣ (Гожѣ?), Гродн. г., самимъ Казиміромъ. См. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, по алфавитному указателю, и «рубрицеллы» католическихъ епархій Могилевской, Виленской и Тельшевской. Объ Ожскомъ костелѣ см. рукопись «Pisma tyczące się kapituly kath. Wilen», въ библіот. барона Шодуара, л., 97—100.

227) «Римскій католицизмъ въ Россіи», гр. *Толстаго*, т. II, прилож., стр. 93, и т. I, стр. 261; см. «Pisma», въ библіот. Шодуара, л. 78 и 79.

228) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 23; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 272.

229) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. I, стр. 3; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 2, отд. 1, стр. 35—38.

230) «Борьба культуръ», *Н. Дашкевича*, стр. 325, 329 и 330; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 273—275.

231) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 291; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 242.

232) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 56—58, 66-69, 74—79.

233) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 137; «Разсказы изъ русской исторіи», *Бѣляева*, т. IV, стр. 275.

234) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 487; «Archivium Książat Lubartowiczow Sanguszkow w Slawucie», т. II, (1284—1506 г.), Львовъ, 1888 г. № 200, стр. 247—249.

235) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 145 и др.; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 487 и 488.

236) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 24.

237) «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 489.

238) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 169; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 20; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 24.

239) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т III, стр. 600; «Римскій католицизмъ въ Россіи», гр. *Толстаго*, т. I, стр. 254, и т. II, прилож., стр. 82 и 93; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 354; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 26. Другіе костелы и кляшторы при Александрѣ построены слѣдующіе: въ г. Слонимѣ, Гродн. г., и въ Попелянахъ, Ковен. губ., 1493 г.; въ Гроднѣ, Честнаго креста 1493 г., въ Посволи, Ковен. губ., 1494—9 г.; въ Куртовянахъ и Окмянахъ, Ковен. губ., и въ Вильнѣ бернардинскій женскій кляшторъ, 1495 г.; въ Шавкянахъ, Ковен. губ., и въ Нѣстанишкахъ, Вилен. губ., 1497 г.; въ Лоскѣ, Вилен. г., и въ Лубикѣ, Гродн. г., 1498 г.; въ Трокахъ, Николаевскій доминиканскій въ концѣ XV в.; въ Дорсунишкахъ, Вилен. г., и въ Россіенахъ, Ковен. г., въ концѣ XV в.; въ Дзевенишкахъ, Вилен. г., въ Браславѣ и Ракишкахъ, Ковен. г., въ Трокеляхъ, Вилен. г., и въ Скемянахъ, Ковен. г., въ 1500 г.; въ Сумелишкахъ и Жижморахъ, Вилен. губ., въ 1502 г.; въ Витебскѣ Троицкій, возобновленный въ 1503 г.; въ Ковнѣ Гертрудинскій, въ Новомъ Дворѣ, Гродн. г., въ Пуняхъ, Вилен. г., и въ Линковѣ, Ковен. г., въ 1503 г., въ

Побикрахъ, Гродн. губ., 1504 г.; въ Будиславѣ или Будѣ, Вилен. г., послѣ 1504 г.; въ Старыхъ-Ошмянахъ, Вилен. г., францисканскій кляшторъ 1505 г.; въ Вильнѣ кармелитскій кляшторъ, 1506 г., и Георгіевскій семинарскій послѣ 1506 г.; въ Веліонѣ и въ Россіенахъ, Ковен. г., королемъ Александромъ. См. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, по алфавитному указателю; «рубрицеллы» католич. епархіи Виленской и Тельшевской; «Римскій католицизмъ въ Россіи», гр. *Толстаго*, т. I, стр. 261, и т. II, прилож., стр. 93 и 98. О Витебскомъ Троицкомъ костелѣ см. «Pisma tyczące się kapituły kath. Wilen.», въ библіотекѣ барона Шодуара, л. 1—5.

240) Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 24—26; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 263 и 264.

241) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 159, 160 и др.

242) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 20.

243) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 68 и 69; «Исторія Россіи», *Иловайскаго*, т. II, стр. 493.

244) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 161 и 167; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 21; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 27; «Могилев. епарх. вѣдом.», 1885 г., стр. 13.

245) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 25 и 26; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 172 и 174.

246) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 26; «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 817.

247) «Акты, изд. Виленской Коммиссіей», т. IX, стр. 135 и 136.

248) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. I, стр. 3; «Гродненская губернія», *П. Бобровскаго*, С.-Петербургъ, 1863 г., ч. 2, стр. 923.

249) Тамъ-же, т. IX, стр. 1 и 2; «Акты, изд. Вилен. Коммиссіей», т. VII, предисл. стр. IV и V; «Литовск. епарх. вѣдом.», 1864 г., №№ 3, 4 и слѣд; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. 4—6; «Гродненская губернія», *П. Бобровскаго*, С.-Петербургъ, 1863 г., ч. II, стр. 1022 и слѣд.; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. I, введеніе, стр. 25.

250) «Историко статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 62; см. «Минск. епарх. вѣдом.», 1873 г., № 16.

251) «Историко-статистич. описаніе Минск. епархіи», *Николая*, стр. 63.

252) Виленскій «Археограф. Сборникъ», т. II, № 3, стр. 5; «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 803; «Гродненская губернія», *Бобровскаго*, т. II, стр. 976.

253) «Литовск. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 660, и 1879 г., № 9; См. Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. VI, стр. 308 и слѣд.

254) «Ревизія пущъ Литовскаго княжества, 1559 г.», Вильна, 1867 г., стр. 219—221, 324 и 350; См. «Минск. епарх. вѣдом.», 1871 г., № 15.

255) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. II, №№ 5, 49 и 50, и стр. 6 и 8.

256) Тамъ-же, т. I, стр. 5 и 6; см. «Историко-статистич. описаніе Минск. епархіи», *Николая*, 229; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1869 г., кн. 6, отд. 1, стр. 47—50.

257) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 296.

258) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 26.

259) «Гродненская губернія», *Бобровскаго*, ч. II, стр. 905; Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. I, № 8, стр. 7; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1869 г., кн. 6, отд. 1, стр. 51.

260) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 312—314, 317 и 318; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 21 и 22.

261) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 314—316, 318—320, 322—325; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 177—179; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 241—244; «Борьба культуръ», *Н. Дашкевича*, стр. 324.

262) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. V, стр. 342, 345—352, 363—370; 373—375, 380 и 381, т. VI, стр. 15—23; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 182, 183—186, 188, 201—204; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 23—27; «Борьба культуръ», *Дашкевича*, стр. 321.

263) Костелы и кляшторы при Сигизмундѣ I являются слѣдующіе: въ Жижморахъ, Вилен. губ., 1508 г.; въ Швекшнѣ и въ Ботокахъ, Ковен. г., 1509 г.; въ Давгелишкахъ и въ Рудникахъ, Вилен. г., 1511 г.; въ Тургеляхъ, Вилен. губ., и въ Мстибовѣ, Гродн. г., 1512 г.; въ Жосляхъ, Вилен г., 1513 г.; въ Дрысвятахъ и Оникштахъ, Ковен. г., и въ Ищолнѣ, Вилен. г., 1514 г.; въ Тургелѣ, Вилен. г., и въ Дворцѣ, Гродн. г., 1516 г.; въ Линемянахъ, Ковен. г., 1517 г.; въ Добриневѣ, Гродн. г., 1519 г.; въ Кнышинѣ, Гродн. г., и въ Гегужинѣ, Вилен. г., 1520 г.; въ Кормяловѣ, Ковен. г., 1521 г., въ Поставахъ, Вилен. г., въ Камени, Минск. г., Юрборгѣ, Ковен. г.; въ Крынкахъ, Гродн. г., въ Скорули-Яновѣ и Лялѣ, Ковен. г., 1522 г.; въ Солечникахъ, Вилен. г., 1523 г.; въ Гнѣзнѣ, Гродн. г., въ Олитѣ, Вилен. г., 1524 г.; въ Янишкахъ и Гервятахъ, Вилен. г., и въ Косовѣ, Гродн. г., 1526 г.; въ Старыхъ-Загорахъ, Ковен. г., 1528 г.; въ Кормяловѣ и Дусятахъ, Ковен. г., и въ Геранонахъ, Вилен. г., 1529 г.; въ Езіоросахъ, Ковен. г. до 1530 г.; въ Овантѣ, Ковен. г., и Трабахъ, Вилен. г., 1534 г.; въ Ясеневкѣ, Гродн. г., 1535 г.; въ Коварскѣ, Ковен. г., 1538 г.; въ Сидрѣ и Мостахъ, Гродн. г., въ Куренцѣ, Вилен. г., въ Буткишкахъ и Бейсаголѣ, Ковен. г., 1539 г.; въ Деревнѣ, Вилен. г., 1540 г.; въ Городищѣ, Мин. г., бенедиктинскій кляшторъ около 1542 г.; въ Индурѣ, Гродн. г., въ Вилькіи и Шадовѣ, Ковен. г., 1542 г.; въ Вильнѣ костелъ Св. креста 1543 г.; въ Юхновцѣ, Гродн. г., 1547 г.; въ Пинскѣ, Мин. г., и въ Больникахъ, Ковен. г., Сигизмундомъ I; въ Ольковикахъ, Вилен. г., королевой Боной. См. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, по алфавитному указателю; «рубрицеллы» католическихъ епархій Виленской и Тельшевской; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, т. I, стр. 255. О Городищенскомъ кляшторѣ см. «Извѣстія Церковно-археологич. Общества при Кіев. дух. Академіи за 1883 г., стр. 26.

264) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 30.

265) «Опытъ описанія Могилев. губ.», *Дембовецкаго*, т. II, стр. 134; «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 162; «Мин. еп. вѣдом.», 1870 г., № 2, стр. 52 и 53.

266) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I. стр. 544.

267) «Сурдегскій Свято-Духовскій монастырь», С.-Петербургъ, 1875 г., стр. 14 и 17; см. «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1870 г., кн. 8.

268) «Акты, изд. Виленской Коммиссіей», т. XI, предислов., стр. XXX.

269) Тамъ же, стр. IX и № 5; Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. VI, стр. 354 и 355; «Литовск. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 14.

270) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 142; «Ревизія пущъ вел. княжества Литовскаго», стр. 252.

271) «Ревизія пущъ велик. княжества Литовскаго», стр. 289.

272) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 222; см. «Минск. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 2, стр. 38 и 39.

273) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. II, стр. 11.

274) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 90.

275) Тамъ же, стр. 100; Виленскій «Археограф. Сборникъ», т. I, № 29, стр. 44 и 45; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 2 отд. 1, стр. 44 и 45.

276) «Акты, изд. Виленской Коммиссіей», т. VII, 6 и слѣд.; см. «Литовск. епарх. вѣдом.», 1875 г., № 21, стр. 181—184. Изъ православныхъ церквей въ это время становятся извѣстными: въ Кейданахъ, Ковен. г., Георгіевская въ началѣ XVI в.

(Вилен. «Археогр. Сборн.», т. VIII, предисл., стр. IV и 124, 431 и 432); въ Ряснѣ, Гродн. г., Ѳеодора Тирона, 1508 г. (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. II, стр. 7); во Владимірцѣ на Мухавцѣ, Гродн. г., Пречистенская, около 1508 г., Ѳ. Янушевичемъ («Акты, изд. Вилен. Коммиссіей», т. II, стр. 3 и сл.); въ м. Свислочи, Минск. г., двѣ церкви, изъ коихъ одна основана до 1509 г. Варварою Забѣлло («Историко-стат. опис. Мин. епархіи», стр. 243); въ Гроднѣ Троицкая ц., 1511 года («Вѣстникъ», *Говорскаго*, іюнь, 1865 г., т. II, стр. 170 и сл.); въ Логойскѣ, Минск. г., Рождество-Богородичная, обогащенная въ 1514 г. кн. К. И. Острожскимъ («Историко-стат. опис. Мин. епархіи», стр. 223); въ Пинскѣ Аѳанасіево-Кирилловская, одаренная въ 1516 г. княземъ Ѳ. И. Ярославичемъ («Ревизія пущъ Литовск. Княж.», стр. 255); Шерешевская ц., Гродн. г., 1517 г. («Гродненская губ.» *Бобровскаго*, т. II, 1059; «Литов. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 660); Родивоновицкая и Шебринская церкви 1518 г. («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 659 и 661); въ Пинскѣ Рождество-Богородичная, Никольская, Ѳеодоровская и Онуфріевская и въ Отвержичахъ, Пинскаго у., Дмитріевская, одаренныя въ 1518 году княземъ Ѳ. И. Ярославичемъ («Ревизія пущъ Литовск. княж.», стр. 223, 316, 224 и 350, см. «Мин. епарх. вѣдом.», 1874 г., № 5); въ Мстиславлѣ Спасская ц., 1519—1520 гг. («Statrożytna Polska»), *Балинскаго*, т. III, стр. 803; «Опытъ описанія Могилев. губ.», т. II, стр. 94); въ Пинскѣ Георгіевская ц., упомин. 1520 г., и въ Новомъ-Сверженѣ, Мин. г., Успенская, 1520 г. («Историко-стат. опис. Мин. епарх.», стр. 102, 142 и 180; см. «Ревизію пущъ Литовск. княж.», стр. 252); въ Нобелѣ, Минск. г., Никольская, 1520 г. («Опис. рукоп. Вилен. Публ. Библ.», *Добрянскаго*, 1882 г., стр. 47); Ржецкая ц., Вилен. г., Ошмянск. у., 1520 г. («Литов. епарх. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 661); въ Брестѣ Спасская ц., упомин. 1521 г. («Акты, изд. Вилен. Коммис.», т. III, стр. 8); въ Лидѣ, Вилен. г., 1524 г. («Литов. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 660); въ Нобелѣ, Минск. губ., пять церквей, упомин. 1524 г. («Ревизія пущъ Литовск. княж.», стр. 289); въ Гроднѣ, Пречистенская ц., упомин. 1526 г. («Акты, изд. Вилен. Комм., т. VII, стр. 7); въ Логойскѣ, Минск. г., Замковая ц., до 1528 г. («Starożytna Polska» *Балинскаго*, т. III, стр. 830 и 831); въ Красномъ-Селѣ, Вилен. г., Воскресенская, упом. 1529 г. («Акты Вилен. Комм.», т. IX, стр. 136 и 137); въ Трокахъ, Вилен. г., Воскресенская до 1530 г., и въ Попортяхъ, Вилен. г., до 1530 г., построенная Н. А. Солтаномъ (Вилен. «Археограф. Сборн.», т. V, предисл. стр. IV и 4); въ Лидѣ, Вилен. г., церковь, 1533 г. («Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 253); Сморгоньская, Мысская, Кревская, Гольшанская, Михайловская и Трабская, Вилен. г. 1536 г.; Здѣпцельская и Щорсовская, Гродн. г., 1536 г. («Литов. епарх. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 660 и 661, и № 23, стр. 1382); Лепельская ц., Витеб. губ., упомин. 1536 г. («Pisma tyczące się do Kapituły Kath. Wilen.», въ библіотекѣ Шодуара, л. 57—59); въ Малешовѣ, Мин. г., Іоанновская ц., упом. 1536 г., и въ Дружиловичахъ, Мин. г., Никольская, одаренная княземъ Юріемъ Семеновичемъ Олельковичемъ («Ревизія пущъ Литовск. княж.», стр. 350 и др.; «Писцовая книга Пинскаго староства», Вильна, 1874 г., т. II, стр. 565; «Историко-статист. опис. Мин. епархіи», стр. 268); въ Новомъ Дворѣ, Гродн. г., Никольская ц., 1540 г. («Сборникъ палеографич. снимковъ», Вильна, 1884 г., стр. 25); въ Тростяницѣ, Гродн. г., 1541 г. («Литовск. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 661); въ Суражѣ, Гродн. г., Спасская и Петропавловская церкви, 1541 г. («Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ», Вильна, 1884 г., предислов , стр. XII и XIII); въ Гайнѣ, Минск. г., 1542 г. («Вѣстникъ», *Говорскаго*, май, 1865 г., отд. 4, стр. 201); Свѣтлянская и Долгиновская церкви, Вилен. г. 1542 г. («Литов. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 661 и № 23, стр. 1384); въ Слонимѣ, Гродн. г., до 1544 г. («Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 682); въ Ригѣ, Николаевская ц., принадлежавшая къ Полоцкой епархіи и упом. 1544 г. («Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 523); въ Пинскѣ Троицкая ц.,

упом. 1545 г. («Мин. еп. вѣдом.», 1874 г. № 6); Колчицкая ц., Гродн. г. 1545 г., («Литов. еп. вѣд.», 1869 г. № 10, стр. 660); въ с. Дубновицкомъ Параскевіинская и въ Порохонкѣ Пречистенская, Мин. г., упом. въ 1546 г. («Акты, изд. Вилен. Комм.», т. XI, предисл. стр. VII и № 9; см. «Историко-стат. опис. Минск. епархіи», стр. 290); Юрацисская ц., Вилен. г., 1547 г. («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 661); въ м. Мотолѣ или Мотылѣ, Гродн. г., Пречистенская, Спасская, Петровская и Воскресенская, въ первой половинѣ XVI вѣка («Писцовая книга Пинск. староства», т. I, предисл., стр. 9).

277) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго,* стр. 31; «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 373, 618 и 619.

278) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго,* стр. 28.

279) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* 1882 г., ч. I, стр. 206 и 207; «Исторія Россіи», *Соловьева,* т. V, стр. 387, 388, 404; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 127, 128, 133, 134, 125; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго,* стр. 28 и 29.

280) «Докторъ Франдискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ», *Владимірова.* Но авторъ несправедливо думаетъ, будто въ Полоцкѣ, въ концѣ XV и даже въ началѣ XVI вѣка, не было ни одного католическаго костела.

281) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* т. I, стр. 62.

282) «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. II, стр. 69, 72, 76, 77, 80—87.

283) «Борьба культуръ», *Дашкевича,* стр. 319.

284) «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ», Вильна, 1884 г., предисл., стр. V—VI; «Вѣстникъ», *Говорскаго,* 1868 г., кн. 8, отд. I, стр. 16 и 17.

285) «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», вып. VIII, стр. 111 и 112.

286) «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго,* стр. 32 и 33. О русскомъ характерѣ католичества даже въ XVI вѣкѣ свидѣтельствуютъ многочисленные документы этого времени, относящіеся къ католическимъ костеламъ и клятторамъ и писанные на государственномъ тогдашнемъ мѣстномъ языкѣ русскомъ См. «Историческій архивъ Виленской римско-католической духовной консисторіи» въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 230.

287) «Послѣдній Ягеллонъ и Люблинская унія», *Д. Иловайскаго,* въ «Русскомъ Вѣстникѣ», сент., 1888 г., стр. 4—6.

288) «Очеркъ Исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* т. I, стр. 203 и слѣд.; «Докторъ Франдискъ Скорина», *Владимірова,* глава I, стр. 3 и слѣд.

289) «Послѣдній Ягеллонъ», *Иловайскаго,* стр. 7.

290) «Исторія Россіи», *Соловьева,* т. V, стр. 354, 391—397; «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», в. VIII, стр. 111; «Чтенія по исторіи зап. Россіи», *Кояловича,* стр. 178 и 179; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина,* т. I, введеніе, стр. 98.

291) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова,* стр. 106; «Послѣдній Ягеллонъ», *Иловайскаго,* стр. 8.

292) «Послѣдній Ягеллонъ», *Иловайскаго,* стр. 6, 7, 13—16; «Исторія г. Вильны», *Васильевскаго,* стр. 34—36; «Вѣстникъ», *Говорскаго,* апрѣль, 1864 г., и 1871 г., кн. I, отд. 2; см. «Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, гдѣ насчитывается въ сѣверо-зап. Руси и въ Литвѣ, въ XVI и XVII вв., до 85 сборовъ и школъ; «Витебская Старина», *Сапунова,* т. V, ч. 1, 1888 г., стр. XLIV—XLIX.

293) «Чтенія», *Кояловича,* стр. 158 и 159; «Социніанство въ Польшѣ и юго-зап. Руси», *О. Левицкаго,* въ «Кіевской Старинѣ», апрѣль, 1882 г., стр. 29.

294) «Историко-стат. опис. Мин. епархіи», *Николая,* стр. 264.

295) «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ», предисл, стр. XXVIII.

296) «Могилевск. епарх. вѣдом.», 1885 г., стр. 14 и 15.

297) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 523, 524 и 544; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, окт., 1862 г., отд. I, стр. 13, 14 и др., и 1865 г., отд. I, стр. 28 и 29.

298) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. VI, стр. 27.

299) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 648.

300) «Акты, изд. Виленской Коммиссіей», т. XI, предисл. стр. VII и VIII и №№ 7 и 15; т. XIV, стр. 12; сн. Вилен. «Археографич. Сборникъ», т. V, стр 56; «Очеркъ исторіи западно-русской Церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 128. Изъ другихъ православныхъ церквей въ это время извѣстны слѣдующія: въ Гомелѣ, Могилев. губ., древняя Троицкая («Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, выпускъ XIV, Витебскъ, 1883 г., стр. 482); въ Пинскѣ 14 православныхъ церквей въ половинѣ XVI в. («Писцовая книга Пинскаго староства», ч. I, предисл., стр. 8; Писц .кн. Пинск. и Клец. кн., предисл., стр. XXV; «Историко-стат. опис. Минской епархіи», стр. 276); Озятская ц., Гродн. г., 1550 г. («Литов. епарх. вѣд.», 1880 г., № 28); въ Нобелѣ, Минск. г., Пречистенская, Никольская, Спасская, Воскресенская и Петровская, въ половинѣ XVI в. («Писцовая кн. Пинскаго староства», предислов., стр. IX); въ Кнышинѣ, Гродненск. г., Спасская 1551 г. (Вилен. «Археогр. Сбор.», т. I, № 34, стр. 129); въ Велятычахъ, Минск. г., до 1551 г. («Ревизія пущъ Литов. княж.», стр. 239—241); въ Любашковѣ, Витебск. г., Никольская 1552 г. («Витеб. Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 342 и 343); въ Ольшанахъ, Минск. г., Мозырск. у., Пятницкая, упом. 1552 г. («Ревизія пущъ Литовск. княж.», стр. 553); въ Клецкѣ, Минск. г., 5 церквей, упом. въ 1552 г. («Писцовая кн. Пинск. и Клецк. княж.», предисл., стр. XXVIII); въ Витебскѣ 7 церквей, упом. въ 1552 г. («Витебск. Старина», т. I, стр. 342 и 343); въ Могилевѣ Успенская ц., упом. 1553 г. («Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XV, стр. 320 и 321); въ Рогачевѣ, Могилев. г., Космо-Даміанская, 1553 г. («Акты Вилен. Комм.», т. XI, предисл. стр. X и № 14); въ Тучѣ, Минск. г., Никольская, 1553 г. («Писцовая кн. Пинск. и Клецк. княж.», стр. 487); Бѣницкая ц., Вилен. г., и Пужицкая, Гродн. г., 1554 г. («Литов. епарх. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 660 и 661); въ Купятичахъ, Ставкѣ, Стеховѣ, Жолкини, Волвичахъ, Староконяхъ, Вядѣ (двѣ), Машевѣ, Дружиловичахъ, Глинной и Лопатинѣ, Минск. г. и Гродн. г., упом. въ 1555 г. («Писцов. кн. Пинск. и Клецк. княж.», стр. 185 и 186; см. «Литов. епарх. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 660); въ Гроднѣ Воскресенская ц., упом. 1555 г. (Вилен. «Археограф. Сборн.», т. III, № 13, стр. 16); въ с. Озяты, Гродн. г., Никольская, 1555 г. («Акты Вилен. Комм.», т. II, стр. 5 и 6); въ Русотѣ церковь «полотняная подорожная», упом. 1556 г. (Тамъ же, т. XIV, предисл. стр. XXIV и № 18); въ Мстиславлѣ церкви Пречистенская и Аѳанасіевская и въ Радомли Михайловская, одаренная въ 1558 г. княземъ Мих. Ив. Мстиславскимъ («Вѣстникъ», *Говорскаго*, май, 1865 г., отд. I, стр. 27 и сл.); въ Некрасовичахъ Георгіевская, въ Передней Перѣ Георгіевская же и въ Волпѣ, Гродн. г., 1558 г. («Писцов. книга Гродненъ. экономіи», стр. 81, 83, 106 и 575); въ г. Слонимѣ, Гродн. г., 6 церквей и между ними Никольская, упом. 1559 г. («Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1864 г., декабрь, отд. 2, стр. 139 и слѣд.); въ Мяделѣ, Вилен. г., Троицкая, упом. 1559 г; въ Нарвѣ, Гродн. г., 1560 г. («Акты Вилен. Комм.», т. XI, предисл. стр., VIII и № 15, и т. XIV, стр. 64); въ Клещеляхъ, Гродн. г., 1560 г. («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 659); въ Малешахъ, Минск. г., упом. 1560—1563 г. («Писцов. книга Гродненъ. экономіи», т. II, стр. 372); въ Гроднѣ Воскресенская, Крестовоздвиженская, Никольская, Семеновская и Пречистенская, упом. въ 1561 г. (Тамъ же, т. II, стр. 87 и 88, сн. «Вѣстникъ», *Говорскаго*, іюнь, 1865 г., отд. 2, стр. 170 и слѣд.); Пасынковская ц., 1561 г., («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 659); въ Саражѣ, Гродн. г., Спасская, 1562 г. («Писцовая кн. Гродн. эконом.», т. II, стр. 446); въ Слонимцахъ, Гродн. губ., Рождественская, 1563 г. («Акты Вилен. Комм.», т. XIV, стр. 585; «Ревизія Кобринской экономіи», стр. 172); въ Заблудовѣ, Гродн. г., Успенская, основан-

ная въ 1563 г. Гр. Ходкевичемъ («Акты Вилен. Комм.», т. I, стр. 89—92, и т. XI, предисл. стр. VIII и № 16; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. IX, отд. I, стр. 13); въ Череватичахъ Пятницкая, въ с. Малечахъ Семеновская и въ с. Грушовѣ, Гродн. г., упом. 1563 г. («Ревизія Кобрин. экономіи», стр. 94, 211 и 284); Оранчицкая, 1564 г., въ Пещаткѣ Пятницкая и въ Сычахъ Свято-Духовская, 1566 г. («Акты Вилен. Комм.», т. II, стр. 17 и 18, и т. XIV, стр. 87 и 154); Волавельская ц., Гродн. г., 1570 г. («Литовск. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 660); въ Пружанахъ (Добучинѣ) Преображенская, 1570 г. (Тамъ же; сн. Вилен. «Археогр. Сборн.», т. IV, стр. 9); въ предмѣстьи Пружанъ, Гуркѣ, 1570 г. («Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 768); въ Росси, Гродн. г., Ильинская, 1571 г. (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. I, стр. 46); въ Слуцкѣ Варваринская ц., 1572 г., одаренная княземъ Семеномъ Олельковичемъ («Историко-стат. опис. Мин. губ.», *Николая*, стр. 189), и въ Бородиловичахъ Покровская при Сигизмундѣ II («Вѣстникъ», *Говорскаго*, окт., 1862 г., отд. I, стр. 27).

301) «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ», предислов., стр. XVI и XVII.

302) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 87.

303) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 107.

304) «Могилев. епарх. вѣдом.», 1888 г., стр. 47.

305) «Историко-стат. опис. Мин. епархіи», *Николая*, 170.

306) «Акты Вилен. Комм.», т. I, стр. 89—92, и т. XI, предисл., стр. VIII и № 16.

307) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 648.

308) «Акты Вилен. Комм.», т. I, стр. 13 и слѣд.

309) Образцы львовской первопечати и гербъ московскаго печатника Ивана Өедорова воспроизведены въ изданіи *П. Н. Батюшкова*, «Холмская Русь», стр. 92, 93 и 105, а образцы Острожской первопечати—въ книгѣ «Волынь», изд. *его же*, стр. 157, 161, 165 и 169.

310) «Докторъ Францискъ Скорина», *Владимірова*, стр. 31, 205 и 206; сн. «Діаконъ Ив. Өедоровъ», свящ. *І. Котовича*, въ «Вилен. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 3.

311) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 207, 213—217; сн. «Матеріалы для исторіи противулютеранской полемики XVI и XVII столѣтій», *А. Никольскаго*, въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акад.», іюнь, 1862 г.; «Литературная полемика православныхъ съ протестантами въ юго-зап. Руси въ XVI и XVII вв.», *Н. Бедрицкаго*, въ «Минск. епарх. вѣдом.», 1888 г., №№ 1, 2, 5 и др.; «Витеб. Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. XLVI.

312) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 108. При Сигизмундѣ II въ Литвѣ и Бѣлоруссіи являются слѣдующіе костелы и кляшторы: въ Волпѣ, Гродн. г., миссіонерскій около 1550 г., основ. князьями Гольшанскими; въ Масядахъ, Ковен. г. 1551 г., въ Вижунахъ, Ковен. г., отданный во второй половинѣ XVI в. Радивилами кальвинистамъ; въ Пошушвѣ, Ковен. г., 1553 г.; въ Ясеновцѣ, Гродн. г., 1553 г.; въ Бѣлицѣ, отданный около 1553 г. Н. Радивиломъ Рыжимъ кальвинистамъ; въ Несвижѣ, Мин. губ., Святодуховскій, отданный около 1553 г. Н. Радивиломъ Чернымъ кальвинистамъ; въ Брашевичахъ, Гродн. г., построенный С. Кезгайломъ до 1554 г., въ Интуркахъ, Вилен. губ., 1555 г., королевой Боной; въ Масядахъ, Ковен. г., 1560 г., жмудскимъ бискупомъ Доманевскимъ; въ Виштунцѣ, Ковен. г., и въ Одельскѣ, Гродн. г., 1560 г.; въ Корицинѣ, той же губ., 1561 г., въ Кундзинѣ, той же губ., 1562 г., и въ Кузницѣ, той же губ., 1563 г.,—всѣ послѣдніе пять королемъ Сигизмундомъ II; въ Ушполѣ, Ковен. губ., 1563 г., ксендзомъ Леговичемъ; въ Островнѣ, Могилевской губ., при Сигизмундѣ II; въ Соколкѣ, Гродн. г., 1565 г. Сигизмундомъ II; въ Буткишкахъ, Ковен. губ., 1566 г.; въ Васильковѣ, Гродн. г., около 1567 г. Григоріемъ Волловичемъ, основателемъ этого мѣстечка; въ Акляхъ, Ковен. г., каплица

1568 г.; въ Жмуйдкахъ, той же губ., 1568 г., іезуитами; въ Ганушишкахъ, Вилен. г., 1568 г. Нарушевичемъ; въ Поюрьѣ, Ковен. г., княземъ Радивиломъ; въ Крожѣ, Ковен. губ., епархіальная католическая семинарія около 1570 г.; въ Ворсядахъ, Ковен. г., 1570 г. — См. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, по алфавитному указателю; рубрицеллы католич. епархій Виленской и Тельшевской; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, т. I, стр. 255, 294.

313) «Ustawa na ludzy pochoże tak woiewocztwie Poloczkiem iako y Witepskiem wsziskiey sliachty namową iest wieczno postanowiona pod seymem wilienskiem, ktory sie dzlial y stanowil okolo swiata Panni Oficrewanija 1551», 2 сентября, 1551 г., въ рукописной книгѣ «Pisma tyczące sę Kapituly Kath Wilen», въ библіотекѣ барона Шодуара, л. 80—82.

314) «Гродненская губернія», *Бобровскаго*, ч. 1, стр. 86 и 87.

315) «Борьба культуръ», *Дашкевича*, стр. 319; «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 108, 110 и 111.

316) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. VI, стр. 249; «Русская Исторія», *Бестужева-Рюмина*, т. II, стр. 233—251; «Чтенія», *Кояловича*, стр. 160; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 30—37.

317) «Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ», вып. VIII, стр. 112 и слѣд., 188, 189 и 191.

318) Тамъ же, стр. 192; «Люблинская унія и ея послѣдствія», *Н. Дашкевича*, въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», январь, 1885 г., стр. 17 и 18.

319) «Памятники рус. ст. въ зап. губ.», вып. VIII, стр. 196.

320) «Очеркъ исторіи г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 36—40.

321) «Римскій католицизмъ въ Россіи» *гр. Толстаго*, т. I, стр. 200.

322) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 152.

323) «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, въ разныхъ мѣстахъ.

324) Перечислимъ костелы и кляшторы за это время въ чисто русскихъ или со смѣшаннымъ населеніемъ губерніяхъ. *Въ Виленской губерніи*: въ Суботникахъ 1573 г., въ Диснѣ іезуитскій 1583 г., въ Деревнѣ 1590 г., въ Сурвилишкахъ 1591 г., въ Рудоминѣ 1592 г., въ Погостѣ 1593 г., въ Вильнѣ бернардинскій 1594 г., и бернардинскій женскій 1596 г., въ Стоклишкахъ 1596 г., въ Вильнѣ Стефановскій іезуитскій около 1600 г., въ Сморгони и Гольшанахъ въ концѣ XVI в., въ Задорожѣ 1601 г., въ Сурвилишкахъ 1603 г., въ Мусникахъ и Кукуцишкахъ 1604 г., въ Мservicio доминиканскій 1605 г., въ Камаяхъ и Вилькіи 1606 г., въ Годучишкахъ 1608 г., въ Бѣлогрудѣ и Черепахъ 1609 г., въ Козакишкахъ 1609 г., въ Рудникахъ 1611 г., въ Жодзишкахъ іезуитскій 1612 г., въ Трокахъ бернардинскій и въ Нарвалишкахъ францисканскій 1617 г., въ Поставахъ 1617 г., въ Ошмянахъ доминиканскій 1618 г., въ Виднишкахъ 1618 г., въ Вильнѣ Всесвятскій 1620 г., въ Задзевѣ 1620 г., въ Михалишкахъ 1622 г., въ Волколашѣ 1624 г., въ Дуниловичахъ 1624 г., въ Нѣмонайцахъ 1625 г., въ Вильнѣ Екатерининскій бенедиктинскій 1626 г., въ Диснѣ францисканскій 1630 г., въ Міорахъ 1631 г., въ Ивьѣ 1631 г., въ Колтынянахъ 1633 г., въ Малобокахъ и Беняконѣ 1634 г., въ Суботникахъ іезуитскій 1636 г., въ Ольченикахъ францисканскій 1636 г., въ Налибокахъ 1636 г., въ Бѣницѣ, Колтынянахъ и Константиновѣ 1638 г., въ Поставахъ францисканскій 1640 г., въ Міорахъ 1641 г., въ Вильнѣ Филиппо-Яковлевскій 1642 г., въ Бирштанахъ и Езнѣ 1643 г., въ Вильнѣ Варѳоломеевскій 1644 г., въ Лаваришкахъ 1644 г., въ Другѣ бернардинскій 1646 г., въ Вильнѣ Остробрамскій Терезинскій 1646 г., въ Вильнѣ бернардинскій св. Франциска 1649 г., въ Попортяхъ доминиканскій 1649 г., въ Кобыльникахъ 1651 г., въ Другѣ и Василишкахъ 1652 г., въ Михалишкахъ августіанскій до 1653 г., и въ Свирахъ 1653 года. *Въ Минской губерніи*: въ Несвижѣ іезуитскій 1586—1589 г., въ Мирѣ

и Свержени 1588 г., въ Минскѣ до 1590 г., въ Несвижѣ бенедиктинскій женскій 1590 г., въ Иказни 1593 г., въ Несвижѣ бернардинскій 1594 г., Покомунистовская филія 1595 г., въ Несвижѣ костелъ тѣла Господня 1600 г., въ Ляховичахъ 1602 г., въ Мирѣ 1604 г., въ Логойскѣ и Корени 1605 г., въ Ивенцѣ 1606 г., въ Докшицѣ 1608 г., въ Минскѣ доминиканскій 1615 г., въ Бобруйскѣ и Мозырѣ 1615 г., въ Бобруйскѣ фарный и іезуитскій 1620 г., въ Давидгородкѣ и Столпцахъ 1623 г., въ Новогрудкѣ Михайловскій 1625 г., въ Столпцахъ доминиканскій 1626 г., въ Остроглядовичахъ 1626 г., въ Минскѣ бернардинскій 1628 г., и бенедиктинскій 1633 г., въ Логишинѣ 1634 г., въ Рѣчицѣ доминиканскій 1634 г., въ Пинскѣ іезуитскій 1635 г., въ Петриковѣ 1638 г., въ Зембинѣ парафіальный и доминиканскій около 1640 г., въ Березинѣ 1641 г., въ Минскѣ бернардинскій женскій 1642 г., въ Вселюбѣ 1642 г., въ Мозырѣ бернардинскій 1645 г., въ Медвѣдицѣ 1645 г., въ Тимковичахъ 1647 г., въ Несвижѣ іезуитскій Михайловскій въ половинѣ XVII в., въ Клецкѣ 1652 г. *Въ Могилевской губерніи:* въ Сокольнѣ 1595 г., въ Оршѣ 1604 г., въ Могилевѣ, Череѣ и Толочинѣ 1604 г., въ Сѣннѣ 1609 г., въ Оршѣ іезуитскій 1612 г., въ Могилевѣ Казимірскій 1614 г., въ Мстиславлѣ 1614 г., въ Могилевѣ 1616 г., въ Шкловѣ доминиканскій 1619 г., въ Быховѣ 1619 г., въ Кричевѣ 1620 г., въ Бѣлыничахъ кармелитскій 1623 г., въ Климовичахъ доминиканскій 1626 г., въ Мстиславлѣ 1626 г., въ Кричевѣ 1628 г., въ Дубровнѣ бернардинскій около 1630 г., въ Любошанахъ 1633 г., въ Оршѣ бернардинскій 1636 г., въ Фащовкѣ іезуитскій 1637 г., въ Мстиславлѣ кармелитскій до 1638 г., въ Дубровнѣ 1641 г., въ Оршѣ доминиканскій 1650 г., въ Чаусахъ до 1653 г., въ Мстиславлѣ Успенскій около 1654 г. *Въ Гродненской губерніи:* въ Каменкѣ 1580 г., въ Бѣлостокѣ 1584 г., въ Понемунѣ 1589 г., въ Суховоли 1591 г., въ Гроднѣ и Дубровнѣ бернардинскіе 1595 г., въ Неводницѣ 1596 г., въ Шиловцахъ 1600 г., въ Высоко-Литовкѣ 1603 г., въ Брестѣ бернардинскій до 1609 г., въ Киватычахъ 1610 г., Росси 1616 г., Кремяницѣ, Рожаннѣ и Страблѣ 1617 г., Соколянахъ 1618 г., Гроднѣ бернардинскій 1620 г., Залѣсьѣ 1623 г., Деречинѣ доминиканскій 1629 г., Слонимѣ бернардинскій 1630 г., Гроднѣ доминиканскій и іезуитскій 1633 г. и францисканскій 1635 г., Семятичахъ 1637—1638 г., Гроднѣ бригитскій 1642 г., Ивановѣ 1642 г., Слонимѣ бернардинскій женскій 1645 г., Дятловѣ 1646 г., Березѣ 1648 г., Слонимѣ бенедиктинскій женскій въ половинѣ XVII в. *Въ Витебской губерніи:* въ Полоцкѣ іезуитскій 1580 г., Лепелѣ 1604 г., Островнѣ доминиканскій 1620 г., Вышкахъ 1621 г., Себежѣ 1625 г., Аулѣ 1625 г., Дубровѣ или Дубровнѣ бернардинскій 1625 г., Глубокомъ 1628 г., Динабургѣ іезуитскій 1629 г., Глубокомъ кармелитскій 1639 г., Витебскѣ іезуитскій 1640 г., Бѣшенковичахъ 1650 г. См. *Балинскаго,* т. III, рубрицеллы католич. епархій, по алфавиту, и «Памятную книжку Виленскаго генералъ губернаторства на 1868 г.», *А. М. Сементовскаго.*

325) «Витебская Старина», *Сапунова,* т. IV, стр. 38—58; «Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію *Д. Иловайскаго,* въ «Историческомъ Вѣстникѣ», февраль 1889 г.

326) «Акты, изд. Вилен. комм.», т. VIII, № 1, стр. 3.

327) «Pisma tuczące się kapituly Kath. Vilen.», въ библіотекѣ барона Шодуара, л. 19 и 20.

328) «Витебская Старина», *Сапунова,* т. V, ч. 1, стр. LV—LVI и XLIII—XLIV; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова,* вып. II, стр. 287—315.

329) Съ 1572 года, т. е. со смерти Сигизмунда II Августа и до начала XVII вѣка упоминаются слѣдующіе православные монастыри и церкви: Чернявская и Левковская церкви, Гродн. губ., 1574 г. («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 659 и 660); въ Наревѣ, Гродн. г., Вознесенскій монастырь, основанный до 1574 г., княземъ Ѳ. Массальскимъ (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. VI, стр. 48 и 49); въ Пинскѣ

церкви Дмитровская, Замковая и Спасская, упоминаемыя 1575 г. («Pisma», въ библіотекѣ барона Шодуара, л. 109); въ Минскѣ Троицкій монастырь, упоминаемый 1576 г. («Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, I, 132); въ Куренцѣ, Вилен. г., Спасская ц., упомин. 1576 г., («Акты Вилен.», XII, предисл. стр. X); въ предмѣстьи Несвижа, Мин. губ., Пречистенская ц. 1577 г. (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. VI, стр. 52 и 53; «Историко-стат. опис. Минск. епархіи», *Николая*, 197); въ Пружанахъ, Гродн. г., Свято-Духовская, и въ Непокойчицахъ 1577 г. («Акты Вилен.» т. III, стр. 10, 11); въ Мстиславлѣ Нагорный монастырь, упом. 1578 г. («Витеб. Стар.» т. I, стр. 526); въ Могилевѣ церковь Входа Господня въ Іерусалимъ, съ училищемъ и братствомъ, 1578 г. (Вилен. «Археогр. Сборн.» т. V, стр. 127); въ Слуцкѣ Рождественская ц., наданная въ 1578 г. кн. Ю. Ю. Олельковичемъ («Историко-стат. опис. Мин. епар.», стр. 188); въ Малой Берестовицѣ, Гродн. г., 1579 г. («Литов. еп. вѣд.», 1864 г., № 23, стр. 882–884); въ Еремичахъ, Минск. г., Георгіевская до 1582 и Рождество-Богородичная 1582 г. кн. Александромъ Олельковичемъ («Историко-стат. опис. Минск. еп.», стр. 236); въ Мирѣ, Минск. г., Троицкая 1582 г., (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. III, стр. 57); въ Пинскѣ Свято-Духовская ц., построенная въ 1582 г. Кирилломъ Терлецкимъ («Акты Вилен.», т. III, стр. 14 и сл.); въ Пештовянахъ въ 1583 г. (тамъ же, т. XIV, предисл. стр. XXV и 25); въ Липскѣ, Сувалкской губ., Пречистенская Хрептовичами и въ Олексицахъ, Гродн. г., кн. Массальскими до 1585 г. («Акты Виленск.» т. I, 1 и сл., стр. 9—72; т. II, стр. 41 и сл.; «Вѣстникъ». *Говорскаго,* 1867 г., кн. 2, отд. I, стр. 51 и сл.); въ Волчинѣ, Гродн. г., церковь свв. Николая и Юрія, построенная въ 1586 г., Ярославомъ Солтаномъ («Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 161; «Акты Вилен.», т. III, стр. 18 и 19); въ Новомъ Дворѣ, Гродн. г., 1587 г. (Литов. еп. вѣд.» 1869 г., № 10, стр. 659); въ Слуцкѣ Георгіевская ц. 1587 г. («Историко-стат. опис. Мин. еп.», стр. 188); въ Кленикѣ, Гродн. г, 1588 г., («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 659); въ предмѣстьи Витебска Марковская ц. 1588 г. («Витеб. Старина», т. I, стр. 525); въ Половцахъ, Гродн. г., Михайловская, упом. 1589 г. («Акты Вилен.» т. II, стр. 14 и сл.; Вилен. «Археогр. Сборн.» т. IV, стр. 89 и 90); Гродзиловская, Вилен. губ., 1589 г. (Литов. еп. вѣдом.», 1869 г., № 10, стр. 662); въ Могилевѣ Троицкая ц. за Днѣпромъ («Историко-юридич. матеріалы» *Сазонова*, т. VII, стр. 496—498); въ Уздахъ, Минск. г., Петропавловская ц., упом. 1590 г. («Историко-стат. опис. Минск. епарх.», стр. 259); въ Крайскѣ, Вилен. г., 1590 г., въ Касынѣ, Минск. г., 1590 г., («Акты Вилен.», т. XIV, стр. 375, 371); въ Чещевлянахъ, Гродн. г., упом. 1591 г.; въ Вишневѣ, Вилен. г., ветхая, упом. 1591 г. (тамъ же, т. XIV, стр. 392, 396); въ Токаряхъ, Гродн. г., древняя, упом. 1592 г. (тамъ же, т. II, стр. 18 и 19); Войская (въ Войшкѣ?) Пречистенская, построенная въ 1592 г. Александрой Капустянкой Вишневецкой (тамъ же, т. III, стр. 23 и 24; «Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 660); въ Смольянахъ, Могилев. губ., Спасская и Никольская 1593 г. (Вилен. «Археогр. Сборн.» т. IV, стр. 293 и 295; «Акты Вилен.», т. XIV, 463); въ Могилевѣ Никольская, упом. 1593 г. («Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова,* т. VIII, 208—210); въ Пильковичахъ, Могилев. г., и въ Прихабахъ, Витеб. г., 1593 г. (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. IV, стр. 301 и 303 «Акты Вилен.» т. XIV, стр. 463); въ Пинскѣ Ѳеодоровская ц., упом. 1593 г. («Минск. епарх. вѣд.», 1871, г., № 2); въ Вилейкѣ, Вилен. губ., 1594 г. («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 10, стр. 661); въ Могилевѣ упом. въ 1595—1596 гг. церкви Спасская, Вознесенская, Успенская, Ильинская, Космо-Даміанская, Троицкая, Рождество-Богородичная и Воздвиженская («Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 806; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XIV, стр. 418—420); въ Сельцѣ, Минск. г., Покровская, 1596 г.; въ г. Кобринѣ, Гродн. губ., Никольская, Петровская и Пречистенская, упом. 1597 г.; въ Косовѣ, Гродн. г., Симеоновская ветхая, упом. 1597 г.

(«Акты Вилен.» т. XIV, стр. 546, 557—559 и 609; «Ревиз. Кобрин. экономіи», 1563 г., предисл. стр. IV); въ Витебскѣ Успенская и Михайловская, упом. 1597 г. («Витеб. Стар.» т. I, стр. 90); въ Горбанкѣ, Гродн. г., до 1590 г. Верещаками («Вилен. Археогр. Сборн.» т. VI. стр. 324—325; «Литов. еп. вѣд.», 1868 г., № 12, стр. 809—811); въ Пружанахъ (Добучинѣ), Гродн. г., Рождественская, Пятницкая и Спасская, 1599 г. («Акты Вилен.», т. XIV, стр. 579, 580 и 587; Ревиз. Кобрин. экон., предисл., стр. VII и сл.); въ Бѣлоцерковкѣ, Могилев. губ., 1599 г. («Извѣстія Кіевскаго церковно-археологич. Общества», 1882 г., стр. 79); въ Минскѣ, въ 1600 г., Петропавловская, Воскресенская, Рождество-Богородичная, Троицкая, Борисоглѣбская и два госпитальныхъ братства («Очеркъ исторіи запад. рус. церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 133) въ Слуцкѣ, Преображенскій монастырь, 1599 г., и въ Грозовѣ, Минск. г., монастырь, 1600 г. («Историко-стат. опис. Мин. еп.», стр. 120 и 122); въ Берестовицѣ, Гродн. губ., до 1600 г. («Акты Вилен.» т. I, стр. 17 и сл.). Кромѣ того, безъ точнаго указанія года, въ XVI вѣкѣ упоминаются слѣдующіе православные монастыри и церкви: въ Веселовѣ, Ковен. г., древняя церковь («Вѣстникъ», *Говорскаго,* іюль, 1864 года, отд. 4, стр. 98); въ Браславѣ, Ковен. г., два монастыря и нѣсколько церквей (тамъ же, 1867 г., кн. 9, отд. 1, стр. 83; «Сурдегскій Свято-Духовскій монастырь», Спб., 1875 г., стр. 14); въ Трокахъ, Вилен. г., церкви Рождественская, Никольская, Рождество-Богородичная, Георгіевская (основанная Сапѣгами), Троицкая, Благовѣщенская и придѣльныя къ Пречистенской—Воскресенская и Вознесенская («Вилен. Археогр. Сборн.», т. II, предисл. стр. XII; «Литов. еп. вѣдом.», 1868 г., № 13, стр. 616—631 и 1884 г., № 9); въ Кревѣ, Вилен. г., по преданію, были 4 церкви и между ними Воскресенская, Пречистенская и Георгіевская («Литов. еп. вѣд.», 1869 г., № 23, стр. 1385); въ Лейпунахъ, Вилен. г., Сапѣгами, и въ Тетеровкѣ, Гродненскаго повѣта, Тышкевичами («Акты Вилен.», т. I, стр. 22 и 27); въ Лашѣ, Хомутовѣ и Бѣлавичахъ, Гродн. г. («Писцов. кн. Гродн. экономіи», т. I, стр. 64, 66, 234 и 449); въ Слонимѣ, Гродн. г., Преображенская съ братствомъ, Троицкая, Воскресенская, Ильинская, Никольская и Аѳанасьевская; въ Девятковичахъ, Гродн. г., Пятницкая («Литов. еп. вѣд.», 1864 г., № 16, 1868 г., стр. 723 и сл., и 1871 г., №№ 8 и 9; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1864 г., декабрь, отд. 2, стр. 139 и сл.); въ м. Городцѣ, Гродн. г., церковь, и близъ Бреста монастырь св. Симеона («Акты Вилен.» т. II, стр. 20 и 21; т. XIV, стр. 592); въ Нарвѣ, Гродн. г., монастыри Троицкій и Свято-Духовскій и 4 церкви и въ числѣ ихъ Крестовоздвиженская («Вѣстникъ», *Говорскаго*, ноябрь, 1864 г., отд. 4, стр. 32 и 33); въ Васильковѣ, Гродн. г., церковь съ почитаемой иконою Богоматери («Литов. еп. вѣд.», 1867 г., № 18); въ Бѣльскѣ, Гродн. г., церкви Богоявленская, Никольская, Воскресенская, Троицкая, и Пречистенская (Вилен. «Археогр. Сборн.», т. II, предисл. стр. XIII); въ Пинскѣ, Минск. г., 14 православныхъ церквей: Спасская, Троицкая, Никольская, Ильинская, Ѳеодоровская, Аѳанасьевская, Семеновская, Воскресенская, Дмитріевская, Михайловская, Онуфріевская, Стефановская, Юрьевская и Варваринскій монастырь, («Писцов. книга Пинск. староства», ч. 1, предисл., стр. VIII; «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ», предисл., стр. XV; «Историко-стат. опис. Минск. епарх.», стр. 276); въ Туровѣ, въ разное время, было до 40 церквей; въ Мозырѣ, Мин. г., мужской Петропавловскій, Ясногорскій и женскій Параскевіинскій монастыри и 5 церквей («Историко-стат. опис. Мин. еп.», стр. 262 и 275; «Минск. епарх. вѣдом.», 1886 г., № 19, и 1887 г., № 21); въ Клецкѣ, Минск. г., Пятницкій монастырь и 5 церквей: соборная, Рождество-Богородичная, Воскресенская, Спасская и Никольская (Писцовая кн. Пинск. и Клецк. княж., предисл., стр. XXVIII); въ Борисовѣ, Минск. г., Троицкая Спасская, Никольская и Георгіевская; въ Бобруйскѣ, Минск. г., Успенская и Ильинская («Историко-стат. опис. Мин. епарх.», стр. 213 и 232); въ Городищѣ (Городкѣ),

церкви Георгіевская и Троицкая Ходкевичами, и въ Цепрѣ, Минск. г., Георгіевская («Минск. еп. вѣд.», 1870 г., № 11, стр. 283, и 1876 г., № 23); въ Мстижѣ, Минск. г., Георгіевская ц. («Описаніе рукоп. Вилен. Публ. Библ.», *Добрянскаго*, стр. 7); въ Гакнѣ, Минскаго воеводства, Михайловская ц. («Вѣстникъ», *Говорскаго*, декабрь, 1864 г., отд. 2, стр. 65 и сл.); въ Полоцкѣ монастыри Спасо-Евфросиніевскій, Іоанновскій, Городецкій, Михайловскій, Петровскій, Мошоноцкій Воскресенскій, Космо-Даміанскій, Георгіевскій, Борисоглѣбскій, Никольскій Лученскій, Троицкій, Пятницкій, Софійскій соборъ и церкви—двѣ Никольскихъ, Срѣтенская, Христорождественская, Дмитріевская, Вознесенская, Благовѣщенская, Васильевская, Пятницкая («Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. II, стр. 287—315; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, стр. 421—450 и 544; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, октябрь, 1862 г., отд. I, стр. 13, 14 и др.); въ Мстиславлѣ, Могилев. г., монастыри Пустынскій и Онуфрейскій, соборы Троицкій, Спасскій и Нагорный и церкви Преображенская, Никольская, Ильинская, Богословская и Аѳанасьевская («Опытъ описанія Могилев. губ.», т. I, стр. 33, и т. II, стр. 89; «Витебская Старина», т. I, стр. 526); въ Копыси, Могилев. губ., церкви Михайловская и Духовская («Описан. рукоп.», *Добрянскаго*, стр. 289); Волчасская Успенская ц., Могилевской губ., («Акты Виленск.», т. XI, предисл., стр. XI.

330) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 195; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. LXVII—LXIX.

331) «Очерки уніатской церкви», *Ю. Ѳ. Крачковскаго*, въ «Чтеніяхъ въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ», 1871 г., кн. 1, отд. 1, стр. 41, 42 и др.

332) Тамъ же, стр. 41—43 и 45; «Памятники рус. ст. въ зап. губ.», т. VIII, стр. 370, 371, 374; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. LXXII—LXXIII.

333) «Виленскій Свято-Троицкій монастырь», *О. В. Щербицкаго*, Вильна, 1886 г., стр. 38, 39, 42 и 59; «Виленскій Свято-Духовскій монастырь», *Фл. Смирнова*, Вильна, 1888 г., стр. 16—19.

334) Виленскій «Археографич. Сборн.», т. VI, № 74.

335) «Очеркъ исторіи г. Вильны», *Васильевскаго*, гл. 5; «Виленскій Свято-Троицкій монастырь», *Щербицкаго*, стр. 60 и 61.

336) «Очерки уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 74 и 75.

337) «Виленскій Свято-Троицкій монастырь», *Щербицкаго*, стр. 65, 66, 71 и 74.

338) «Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ», *Н. И. Петрова*, въ «Трудахъ Кіевской Дух. Академіи», 1870 г., май, стр. 176 и сл., и августъ, стр. 347—352, 355 и 356.

339) Тамъ же, за май, стр. 474—476; «Очерки уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 80, 124 и сл.

340) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. XI, отд. 1, стр. 34—36; «Литовск. епарх. вѣдом.», 1868 г., № 7.

341) Виленск. «Археографич. Сборн.», т. VI; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 5, отд. 1, стр. 29, 36 и сл.; «Минск. епарх. вѣдом.», 1874 г., № 5.

342) «Очеркъ исторіи г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 100.

343) «Историко-юридическіе матеріалы», *Сазонова*, вып. I, стр. 363 и сл.

344) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. LXXIV—LXXXII.

345) «Богданъ Хмельницкій», *Н. И. Костомарова*, С.-Петербургъ, 1884 г., т. I, стр. 74—76.

346) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. VIII, стр. 419 и 420; «Витебск. Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. XCVIII и № 82.

347) См. выше примѣч. 329.

348) «Starożytyna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 648.

349) «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», *Николая*, стр. 170.

350) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 211.

351) «Историко-статистич. опис. Минской епарх.», стр. 170. Евангеліе хранится въ Слуцкомъ монастырѣ, а окладъ—въ Минскомъ Свято-Духовскомъ, гдѣ есть и другіе древніе предметы изъ Слуцкаго монастыря.

352) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1888 г., стр. 126 и 128.

353) «Очерки уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 25; «Очеркъ исторіи г. Вильны» *Васильевскаго*, стр. 53 и сл.; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, апрѣль, 1863 года.

354) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. XCVI.

355) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 17 и 18.

356) «Потомки великаго князя литовскаго Ольгерда, князья Олельковичи», въ «Вѣстникѣ» *Говорскаго*, 1868 г., кн. 6, отд. 2, стр. 137 и сл.; «Минск. епарх. вѣдом.», 1869 г., № 9, и 1878 г. №№ 18 и 19.

357) «Собраніе сочиненій *М. А. Максимовича*», т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 190—192

358) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 211 и 212.

359) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 178; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. XCVI—XCIX. Объ остальныхъ сказано будетъ впослѣдствіи.

360) «Историко-статистич. опис. Минской епархіи», стр. 68 и 122. Нынѣ Новодворская икона находится въ заштатномъ Суражицкомъ монастырѣ, Черниговской епархіи.

361) Тамъ же, стр. 163 и 164.

362) «Акты Виленск.», т. XI, предисл., стр. XXVIII; «Вѣстникъ», *Говорскаго* августъ, 1862 г., отд. I, стр. 34—36; «Литов. еп. вѣд.», 1868 г., № 7.

363) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1866 г., кн. 5, стр. 33 и сл.; «Минск. епарх. вѣд.», 1870 г., № 11.

364) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 183.

365) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XIV, стр. 338—341; «Могилев. епарх. вѣдом.», 1885 г., стр. 48 и 49.

366) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1866 г., кн. 6, отд. I, стр. 55 и сл.

367) «Историко-статистич. опис. Минск. епархіи», стр. 153.

368) Виленск. «Археографич. Сборн.» т. II, № 31; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XIV, стр. 40 и 505—511; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр 221; «Могилев. епарх. вѣдом.», 1885 г., стр. 17 и 18.

369) «Акты Виленск.», т. XI, предисл., стр. XVI, XVII; «Вѣстникъ», *Говорскаго*. 1866 г., кн. 8, отд. I, стр. 6; «Виленскій Свято-Духовскій монастырь», *Смирнова*, стр. 67.

370) Виленск. «Археографич. Сборн.», т. II, № 47; «Могилев. епарх. вѣдом.», 1884 г., № 16, и 1885 г., № 18—19.

371) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. VIII, стр. 417—420; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр 221. Мѣстные историки относятъ начало этого монастыря даже къ 1623 году.

372) «Акты Виленск.», т. II, № 26, и т. III, № 25; «Историко-стат. опис. Мин. епархіи», стр. 150; «Минск. епарх. вѣдом., 1873 г., № 7, и 1874 г., № 9.

373) Виленск. «Археограф. Сбор.», т. II, стр. 40 и сл.

374) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 221. «Могилев. еп. вѣдом.», 1885 г., № 17.

375) «Историко-стат. опис. Минской епархіи», стр. 158; «Минск. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 2, стр. 40.

376) «Очеркъ исторіи г. Вильны», *Васильевскаго*, стр. 46.

377) «Очеркъ уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 29; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 10; «Виленскій Свято-Духовъ монастырь», *Смирнова*, стр. 11—48.

378) «Памятники русск. стар. въ западн. губерн.», вып. VIII, стр. 303—305.

379) Виленск. «Археогр. Сборн.», т. II, стр. 58; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XIII, стр. 230—234.

380) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. 3, отд. I, стр. 34 и слѣд.

381) «Могилевск. епарх. вѣд.», 1885 г., стр. 47; «Витебск. Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. CIV. О посѣщеніи Орши патріархомъ Іереміей см. «Труды Кіевск. дух. акад.», декабрь, 1885 г., стр. 659—661.

382) «Могилевск. епарх. вѣдом.», 1888 г., стр. 47.

383) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, декабрь, 1864 г., отд. 2, стр. 143; «Литовск. епарх. вѣдом.», 1864 г., № 16, и 1870 г., №№ 22 и 23, стр. 945.

384) «Памятники русск. стар. въ западн. губерн.», вып. VIII, стр. 356.

385) «Очеркъ исторіи западно-русск. церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 185; «Историко-статистич. описаніе Минской епархіи», стр. 120 и 122.

386) «Могилевск. епарх. вѣдом.», 1885 г., стр. 47.

387) «Акты Виленск.», т. XI, предисл., стр. 28; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, августъ, 1862 г., отд. 1, стр. 21; «Минск. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 23, и 1871 г., № 2.

388) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V ч. 1, стр. CV и друг.

389) «Полоцкія епарх. вѣдом.», 1874 г., № 24.

390) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XV, стр. 145—147.

391) Виленск. «Археогр. Сборн.», т. V, стр. 127.

392) Тамъ же, т. II, стр. 58; «Историко-юридическіе матеріалы», *Сазонова*, т. VII, стр. 501, и т. XIII, стр. 230—234; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, № 53, стр. 83.

393) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», т. I, стр. 39—41.

394) «Описаніе славяно-русскихъ книгъ», *И. Каратаева*, т. I, С.-Петербургъ, 1883г, №№ 227 и 236, стр. 333 и 342.

395) «Виленскій Свято-Духовскій монастырь», *Смирнова*, стр. 38 и 39.

396) «Исторія Кіевск. духовн. академіи», *С. Т. Голубева*, вып. 1, Кіевъ, 1886 г., прилож., стр. 74 и слѣд.

397) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. VIII, стр. 417—420.

398) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. I, стр. 133.

399) «Акты Виленскіе», т. XI, предисловіе, стр. XXVIII и № 36; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, августъ, 1863 г., отд. 1; «Историко-статист. описан. Минск. епарх.», стр. 84.

400) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр, 185—187.

401) «Очерки уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 30, 31 и 51.

402) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 285 и 286.

403) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 41—43, 45, 52, 54 и 55; о Дубинѣ, см. «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 704.

404) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», т. I, стр. 43 и 45.

405) «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», *Голубева*, т. I, стр. 300—303, 306—309, 109, 129—131; «Виленскій Свято-Духовскій монастырь», *Смирнова*, стр. 54—59; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. LXXV—LXXXII.

406) «Историко-юридическіе матеріалы», *Сазонова*, т. VIII, стр. 419 и 420; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. XCVIII и № 82.

407) «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», *С. Голубева*, т. I, стр. 137 и слѣд.

408) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 74—76 и друг.; «Исторія Русской церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 314—315.

409) Портреты митрополита Петра Могилы помѣщены въ изданіяхъ *П. Н. Батюшкова:* «Холмская Русь», стр. 145, и «Волынь», стр. 185.

410) «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила», *Голубева,* т. I, Кіевъ, 1883 г., стр. 449—541.

411) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 460—463.

412) Виленск. «Археографич. Сборн.», т. I, стр. 393, 240, 246, 247.

413) «Акты, изд. Виленск. коммис.», т. VI, предисл., стр. XXX—XXXI.

414) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова,* т. XV, стр. 322—324.

415) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 537, 463—469; «Могилевск. епарх. вѣдом.», 1885 г., № 3, стр. 48, 49 и 73.

416) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова,* т. VIII, стр. 509 и 510, и т. XIV, стр. 137 и слѣд.

417) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 523.

418) «Могилевск. епарх. вѣдом.», 1885 г., № 3, стр. 55.

419) Виленскій «Археографич. Сборникъ», т. II, стр. 66—69.

420) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго,* т. I, стр. 65; «Могилевскія епархіальн. вѣдом.», 1885 г., № 3, стр. 73 и 74, и № 6; 1887 г., №№ 32—35.

421) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», т. II, стр. 101.

422) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 409, 410, 516, 517, 532, 533, 550; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* т. II., стр. 195, 221, 249; «Витебская Старина», *Сапунова,* т. V, ч. 1, предисл., стр. XCVIII и CV.

423) «Акты, изд. Виленской коммис.», т. I, стр. 14 и слѣд; т. II, стр. 69 и слѣд.; т. XI, предисл., стр. XXI; «Вѣстникъ», *Говорскаго,* августъ, 1863 г., отд. 1, стр. 11. Нынѣ въ Тыкоцинѣ, составляющемъ заштатный городъ Ломжинской губерніи, Мазовецкаго уѣзда, нѣтъ ни одного православнаго изъ мѣстныхъ жителей и ни малѣйшихъ слѣдовъ давняго нахожденія здѣсь православной церкви. См. «Памятники древняго православія въ Мазовецкомъ уѣздѣ», *М. И. Городецкаго,* въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1887 г., т. XXIX, стр. 130.

424) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 517 и 536.

425) Виленскій «Археографич. Сборн.», т. II, стр. 69—71.

426) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* т. II, стр. 151 и слѣд., 219 и слѣд.

427) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова,* т. X, стр. 496 и слѣд.

428) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 474, 562 и 563.

429) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* т. II, стр. 178, 196, 197, 208—210; «Акты, изд. Виленск. коммис.» т. III, стр. 39 и слѣд.

430) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова,* т. XIV, стр. 498 и слѣд.

431) «Исторія Кіевской духовной академіи», *Голубева,* Кіевъ, 1886 г., вып. I, прилож., стр. 77.

432) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 528, 563 и 564.

433) Тамъ же, стр. 475—476; «Витебская Старина», *Сапунова,* т. I, стр. 115.

434) «Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ», *Н. И. Петрова,* въ «Трудахъ Кіевск. духовной академіи», августъ, 1870 г., стр. 391—396.

435) «Акты, изд. Виленской Коммис.», т. VI, предисл., стр. XXXII—XXXVI.

436) «Исторія русской церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 556—558, 525.

437) «Витебская Старина», *Сапунова,* т. V, ч. 1, предисл., стр. XCVIII—CIV.

438) «Описаніе славяно-русскихъ книгъ», *Каратаева,* т. I, №№ 353, 425, 437, 445 и др.; см. «Сильвестръ Косовъ, митрополитъ кіевскій», *Н. Бѣлявскаго,* въ «Литовск. епарх. вѣдом.», 1872 г., №№ 7—10.

439) «Витебская Старина», *Сапунова,* т. V, ч. 1, предисл., стр. LXXXIV, CIII, и стр. 148, 150, 154, 156 и 157; «Исторія русск. церкви», *Макарія,* т. XI, стр. 537 и 538.

440) «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 552; «Памятники русской старины въ западн. губерн.», вып. VIII, стр. 406.

441) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, издан. 4-е, С.-Петербургъ, 1884 г., т. I, стр. 242.

442) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 293.

443) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. I, стр. 341, 345 и 346; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 246; «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 785, 798, 841, 845, 850 и друг.

444) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 185—190; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т X, стр. 246.

445) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 15, 16, 93, 94, 170—172; «Собраніе сочиненій *М. А. Максимовича*», т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 703.

446) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, стр. 215; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XIII, стр. 357—361.

447) «Исторія русск. церкви», *Макарія*, т. XI, стр. 565 и 566; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. X, стр. 482 и слѣд., и т. XIII, стр. 333—339; «Могилевскія епарх. вѣдом.», 1887 г., № 23.

448) «Очерки уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 20.

449) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XV, стр. 216—218.

450) «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 177 и 187; «Starożytna Polska», *Балинскаго*, т. III, стр. 573 и 574.

451) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, предисловіе, стр. LXXXVI, и стр. 212—220, 230.

452) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 245, 268—270; «Исторія русской церкви», *Макарія*, т. XII, стр. 36.

453) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 387, 388, 435—438.

454) «Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіевской духовн. акад.», августъ, 1870 г., стр. 402 и слѣд.

455) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 242; «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. II, стр. 2—7 и 80; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, предисл., стр. 58 и 59, и т. V, ч. 1, предислов., стр. LXXXVI—LXXXVII.

456) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 243 и 244. Уже по составленіи сей книги вышелъ въ свѣтъ XIV томъ актовъ южной и западной Россіи о войнѣ Алексѣя Михайловича съ Польшей, которымъ мы не могли воспользоваться.

457) «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. III, стр. 154.

458) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, т. I, стр. 52 и 53 «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 426 и 427.

459) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, отд. 2, стр. 10—15, 60—62; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 360—367, 382; «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. III, стр. 154—156; «Опытъ описанія Могилевской губерніи», т. I, стр. 49 и 50.

460) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. IV, стр. 62—63; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 386—389.

461) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, т. I, стр. 51.

462) «Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена, *Петрова*, въ «Трудахъ Кіевской духовн. акад.», августъ, 1870 г., стр. 404 и 405.

463) «Памятники русской старины въ западн. губерн.», вып. VIII, стр. 386.

464) «Виленскій Свято-Духовъ монастырь», *Смирнова*, Вильна, 1888 г., стр. 104.

465) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, предисл., стр. LXXXVIII и CLI.

466) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, т. II, стр. 22 и слѣд.

467) Объ Оршанской иконѣ см. тамъ же, т. II, стр. 102; о Полоцкой и Витебской Марковской иконахъ см. статью *А. Сапунова*, «Древнія иконы Божіей Матери

въ предѣлахъ Полоцкой епархіи», въ «Виленскомъ календарѣ на 1888 годъ» и особой брошюрой; о Гродненской иконѣ — нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія въ статьѣ *П. Дикова* «Матеріалы для исторіи Коложской церкви въ г. Гродно», въ «Памятной книжкѣ Гродненской губерніи на 1887 годъ». По нашему мнѣнію, Гродненская икона представляетъ изъ себя не совсѣмъ точную копію съ Виленской иконы Богоматери въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, принесенной въ Вильну, въ концѣ XV в., великой княгиней Еленой Ивановной изъ Москвы. См. изображеніе Виленской иконы до ея реставраціи, въ книгѣ «Изображеніе иконъ пресв. Богородицы», Москва, 1848 года, стр. 8. Казанская икона Богоматери явилась лишь въ концѣ XVI вѣка, а чествованіе Иверской иконы Богоматери оживилось въ Московскомъ государствѣ лишь при патріархѣ Никонѣ, въ 1648 году.

468) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 245; «Витебская Старина», т. IV, предисловіе, стр. 63 и 64; «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 394, 399, 409; «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. III, стр. 198—200, 234.

469) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 409 и 410, и т. XI, стр. 38, 39, 44; «Витебская Старина», т. IV, предисл., стр. 67 и 68.

470) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 245 и 246; «Богданъ Хмельницкій», *Костомарова*, т. III, стр. 200 «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. X, стр. 379.

471) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. XI, стр. 56, 57, 109, 112, 113, 160—162, 168, 169, 249—251; «Витебская Старина», т. IV, предисл., стр. 69 и 70; «Опытъ описанія Могилевск. губерн.», т. I, стр. 54, 55. Невель, Себежъ и Велижъ уступлены Польшѣ уже въ 1678 году; см. «Исторію объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, Москва, 1805 года, стр. 136.

472) «Обзоръ русской духовной литературы», *Филарета*, С.-Петербургъ, 1884 г., § 176, стр. 200; «Краткое свѣдѣніе объ Оршанскомъ Богоявленскомъ монастырѣ», С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 5.

473) «Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность», *I. Татарскаго*, Москва, 1886 года; «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій», *Л. Н. Майкова*, С.-Петербургъ, 1889 г.

474) См. «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ», *А. Пыпина*, въ IV томѣ «Ученыхъ Записокъ Академіи наукъ»; см. «Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв.», *А. С. Архангельскаго*, начатые въ 144-й книжкѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ», 1888 года.

475) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, I, 328.

476) Вотъ перечень извѣстныхъ намъ костеловъ и кляштторовъ: *по Виленской губерніи:* въ Василишкахъ доминиканскій 1658 г., Костеневичахъ 1662 г., Кукуцишкахъ 1664 г., Оссовѣ 1666 г., Ошмянахъ и Ельнѣ доминиканскіе и въ Гелванахъ въ 1667 г., въ Вильнѣ Остробрамская каплица въ 1671 г., Лидѣ кармелитскій 1672 г., Дубинкахъ 1672—1678 г., Жолудкѣ 1673 г., Беняконѣ и Рожанкѣ 1674 г., Лидѣ піарскій до 1675 г., Вильнѣ Антокольскій и въ Парафіяновѣ 1675 г., Меречи іезуитскій и Кетовишкахъ 1676 г., Трокахъ доминиканскій 1678 г., Воложинѣ бернардинскій и Жолудкѣ кармелитскій 1681 г., Дуниловичахъ доминиканскій 1683 г., Вильнѣ миссіонерскій Горы Спасителя 1685—1695 г., Германишкахъ 1686 г., Евьѣ 1688 г., Вильнѣ Петропавловскій и Рыконтахъ 1688 г., Вильнѣ Филиппо-Яковлевскій доминиканскій, Городкѣ и Свиранкахъ 1690 г., Глубокахъ 1692 г., Мурованой-Ошмянкѣ 1694 г., Вильнѣ кармелитскій женскій 1695 г., Друѣ и Шумскѣ доминиканскіе 1697 г., Прозорокахъ 1698 г., Беницѣ бернардинскій, Щучинѣ, Марцинканцахъ, Малятахъ и Пржегродзѣ около 1700 г., Вильнѣ Рафаиловскій на Снипишкахъ 1703 г., Долгиновѣ 1704 г., Вереновѣ 1705 г., Друѣ доминиканскій 1706 г., Нетечи 1715 г., Лингмянахъ 1720 г., Вильнѣ піарскій и Ольквичахъ 1722 г., Скидуцишкахъ 1724 г.,

Илѣ 1728 г., Трокахъ доминиканскій 1733 г., Вереновѣ піарскій 1738 г., Керновѣ 1739 г., Лужкахъ піарскій, Войстомѣ и Лаздунахъ 1744 г., Ужугосцѣ 1745 г., Полушѣ 1750 г., Коваляхъ 1753 г., Старомъ-Мядзелѣ кармелитскій 1754 г., Начѣ 1756 г., Молодечнѣ тринитарскій 1758 г., Задзевѣ и Глубокомъ 1760 г., Шешолахъ 1761 г., Проселковичахъ и Ротницѣ 1762 г., Вашкевичахъ и Кевляхъ 1763 г., Лучаѣ іезуитскій 1766 г., Нѣмонюнахъ, Лабонарахъ и Константиновѣ 1768 г., Ворнянахъ 1769 г., Лидѣ, Дворжицѣ, Марцинконцахъ, Таборишкахъ и тринитарскій въ Кривичахъ 1770 г., Веркахъ доминиканскій, Мелегянахъ и Дудахъ 1772 г., Диснѣ францисканскій, Груздовѣ-Оборокѣ, Цейкиняхъ и Задорожѣ 1773 г., Зыбилахъ и Войстомѣ 1774 г., Сорокполѣ 1775 г., Стоклишкахъ, Синишкахъ и Тавюнахъ 1776 г., Удѣлахъ францисканскій и Кривичахъ 1777 г., Меляганахъ и Бутриманцахъ 1779 г., Качергишкахъ и Оранахъ 1780 г., Камелишкахъ 1781 г., Будславѣ 1783—1788 г., Буйвидахъ 1785 г., Клющанахъ 1786 г., Бирштанахъ, Богуславичахъ и Германовичахъ 1787 г., Жирмунахъ 1788 г., Василишкахъ 1789 г., Рудникахъ 1790 г., Бидишкахъ 1791 г., Мысьновщинѣ и Мосарѣ 1792 г., Константиновѣ и Косценевичахъ 1793 г. *По Гродненской губерніи:* въ Брестѣ женскіе францисканскій и бернардинскій до 1659 г., Дрогичинѣ іезуитскій и Слонимѣ францисканскій женскій 1660 г., Рожаномъ Стокѣ доминиканскій 1661 г., Гроднѣ 1663 г., Свислочи 1666 г., Гроднѣ кармелитскій женскій 1673 г., Буховичахъ доминиканскій 1674 г., Гроднѣ кармелитскій 1676 г., Вистычахъ цистерскій до 1678 г., Езерахъ 1679 г., Брестѣ и Слонимѣ доминиканскіе 1680 г., Купчинцахъ кармелитскій 1683 г., Климовскій доминиканскій 1686 г., Долистовѣ 1691 г., Виннѣ 1696 г., Перлеевѣ 1707 г., Слонимѣ іезуитскій 1717 г., Боцькахъ 1720 г., Каменцѣ-Литовскомъ 1723 г., Яновѣ 1725 г., Наревѣ 1728 г., Реплѣ 1732 г., Волковыскѣ доминиканскій 1735 г., Цехановцѣ 1737 г., Струбницѣ 1740 г., Уговѣ 1753 г., Брестѣ кармелитскій и Рудкѣ 1754 г., Хорощѣ 1756 г., Суражѣ 1764 г., Волпѣ 1773 г., Калиновкѣ 1776 г., Гелчинѣ 1777 г., Туроснѣ 1778 г., Гоніондзѣ 1779 г., Бѣльскѣ 1780 г., Высоко-Литовскѣ бонифратрскій, Луннѣ и Сигневичахъ 1785 г., Ускарѣ 1795 г. *По Минской губерніи:* въ Яновѣ до 1657 г., Минскѣ іезуитскій и Стволовичахъ 1657 г., Мыши іезуитскій 1660 г., Городищѣ бенедиктинскій 1662 г., Пинскѣ доминиканскій 1666 г., Глускѣ бернардинскій 1667 г., Свержени 1667 г., Слуцкѣ бернардинскій 1671 г., Несвижѣ доминиканскій и Серафинѣ 1672 г., Несвижѣ бенедиктинскій 1673 г., Кемешевѣ 1675 г., Минскѣ францисканскій 1676 г., и кармелитскій 1677 г., Глускѣ 1677 г., Пинскѣ и Заславѣ доминиканскіе 1678 г., Камени 1679 г, Раковѣ доминиканскій 1679—1686 г., Полонкѣ доминиканскій 1680 г., Хотаевичахъ доминиканскій 1681 г., Клецкѣ доминиканскій 1683 г., Уздѣ 1684 г., Валувкѣ доминиканскій 1685 г., Березинѣ 1692 г., Любашевѣ или Новодольскѣ піарскій 1693 г., Лунинѣ 1694 г., Пинскѣ комунистскій 1695 г., Минскѣ бенедиктинскій и бонифратрскій около 1700 г, Ивенцѣ францисканскій 1702 г., Холоневичахъ до 1703 г., Минскѣ кармелитскій 1703 г., Слуцкѣ іезуитскій 1704 г., Пинскѣ бернардинскій 1705 г., Минскѣ іезуитскій 1710 г., Кимбаровкѣ цистерскій 1711 г., Пинскѣ бернардинскій 1717 г., Березинѣ бернардинскій 1727 г., Пинскѣ кармелитскій 1734 г., Несвижѣ іезуитскій 1736 г., Слуцкѣ бернардинскій 1739 г., Долинѣ Ангельской цистерскій женскій 1744 г., Лахвѣ 1746 г., Смиловичахъ миссіонарскій 1747 г., Оссовѣ 1748 г., Полонечкѣ 1751 г., Мозыри маріавитскій и Минскѣ Рохитскій 1752 г., Минскѣ маріавитскій 1756—1771 г., Любошевѣ капуцинскій 1761 г., Рѣчицѣ 1766 г., Ворончѣ 1781 г., Королищевичахъ 1785 г., Свислочи 1786 г. *По Витебской губерніи:* въ Придруйскѣ 1662 г., Улѣ 1669 г., Полоцкѣ доминиканскій 1671 г., Чашникахъ доминиканскій до 1674 г., Витебскѣ бернардинскій 1675 г., Малятичахъ доминиканскій и Креславлѣ 1676 г., Улѣ доминиканскій 1678 г., Андзельмуйжѣ 1679 г., Креславлѣ іезуитскій 1680 г., Витебскѣ піарскій и Рѣжицѣ 1682 г., Витебскѣ, Динабургѣ и Оссуни 1685 г., Станьковѣ кармелитскій 1686 г., Люцинѣ 1687 г., Балтыновѣ 1696 г.,

Индрицѣ 1698 г., Аглонѣ доминиканскій 1700 г., Ужвальдѣ и Еленорвилѣ 1701 г., Вышкахъ 1705 г., Камено-Губинѣ 1714 г., Забялахъ и Ушачѣ доминиканскіе 1716 г. Селищѣ 1725—1728 г., Ляндскоронѣ 1728 г., Витебскѣ Антоніевскій и доминиканскій Михайловскій 1731 г., Юстиніановѣ 1736 г., Люцинѣ 1738 г., Ушачѣ 1740 г., Малковѣ 1741 г., Дагдѣ 1742 г., Пушанскій 1743 г., Непоротахъ 1745—1775 г., Нидермуйжѣ 1748—1780 г., Маріенгаузѣ 1748 г., Витебскѣ маріавитскій и въ Рѣчицѣ и Себежѣ 1749 г., Тискадахъ и Биржаголѣ 1751 г., Прельскій 1753 г., Велижѣ 1754 г., Биржѣ 1755 г., Волынцахъ Забяльскій доминиканскій 1756 г., Голяндскій 1757 г., въ Фейманахъ 1759 г., Придруйскѣ 1760 г., Посинѣ доминиканскій 1761 г., Малновѣ 1762 г., Дукштыгалѣ-Слободзскомъ 1764 г., Пылдѣ 1765 г., Рушонѣ доминиканскій 1766 г., Стернянахъ 1767 г., Стыгловѣ 1769 г., Болтиновѣ 1769 г., Дворжицѣ и Бержигалѣ 1770 г., Столяровскій и Замшанскій 1770 г., въ Ликснѣ около 1770 г., Прелѣ и Эверсмуйжнѣ 1771 г., Велёнѣ 1772—1777 г., Загачѣ іезуитскій до 1773 г., Дукштыгалѣ-Шадурскомъ и Креславлѣ 1775 г., Рейпольскій 1777 г., въ Росицѣ 1777—1792 г., Скайстенскій 1778 г., въ Чашникахъ и Замошѣ 1779 г., Граверскій и въ Аглонѣ 1780 г., Рыбинишкахъ 1781 г., Іозефовѣ, Андзельмуйжѣ, Освеѣ и Розентовѣ 1782 г., Витебскѣ Варваринскій, Бѣшенковичахъ, Невлѣ и Колупи 1785 г., Лименмуйжѣ 1788 г., Заскоркахъ 1792 г., Загацкій 1792 г., Борховскій 1795 года. *По Могилевской губерніи:* Бѣлицѣ доминиканскій и Бородьковѣ кармелитскій 1669 г., Мстиславлѣ доминиканскій до 1676 г., Могилевѣ іезуитскій 1675—1680 г., Оршѣ францисканскій и Смолянахъ доминиканскій 1680 г., Княжицкій доминиканскій 1681 г., Могилевѣ бернардинскій 1687 г., Дудаковицкій доминиканскій 1701 г., Оршѣ тринитарскій и Мазыкинѣ кармелитскій 1714 г., Микулѣ бернардинскій и Шуровицахъ 1720 г., Мстиславлѣ бернардинскій 1727 г., Ряснѣ 1751 г., Могилевѣ каѳедральный кармелитскій и въ Лозовицѣ 1752 г., Бобрѣ 1760 г., Чаусахъ 1771 г., Чечерскѣ 1775—1784 г., графомъ Чернышевымъ, Бабиновичахъ тринитарскій 1782 г., Рогачевѣ бернардинскій 1783 г., Чериковѣ 1790 г., Вядцѣ 1793 г. См. ««Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, по алфавиту. «Памятную книжку Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ», *А. М. Сементовскаго,* С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 391 и сл.; «Римскій католицизмъ въ Россіи» *гр. Толстаго,* т. II, приложен., стр. 78 и сл.; «рубрицеллы» католическихъ епархій Могилевской, Виленской и Тельшевской.

477) «Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ», *Сементовскаго,* стр. 426 и 427.

478) «Холмская Русь», изд. *П. Н. Батюшкова,* С. Петербургъ, 1887 г., стр. 109—111.

479) «Литовская церковная унія», *М. О. Кояловича,* т. II, стр. 223 и 224.

480) «Очеркъ Исторіи базиліанскаго ордена», *Петрова,* въ «Трудахъ Кіевской дух. академіи», ноябрь, 1870 г., стр. 400, февраль, 1871 г., стр. 297 и сл., и февраль 1872 г., стр. 195 и 196. Сн. «Римскій католицизмъ въ Россіи» *гр. Толстаго,* т. I, стр. 246—248; «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова,* 1888 г., стр. 208 и 209.

481) Для уніатовъ основаны были слѣдующіе монастыри: Полоцкій Софійскій при каѳедральномъ соборѣ, въ самомъ началѣ уніи; Логойскій въ Логойскомъ замкѣ, въ началѣ уніи; Бытенскій въ м. Бытенѣ, Слонимскаго уѣзда, Григоріемъ Тризною въ началѣ XVII в.; Минскій Свято-Духовскій, основанный Аѳанасіемъ Пакостою около 1616 года («Starożytna Polska», *Балинскаго,* т. III, стр. 691; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича,* т. II, стр. 373 и 374); Черленскій въ м. Черленахъ, Гродненск. у. въ 1617 г. («Акты, изд. Виленск. Коммисс.», т. XI, предисл., стр. XXI); Лысковскій въ м. Лысковѣ, Волковыск. у., въ 1628 году; Брестскій Петропавловскій Іосифомъ Рутскимъ въ 1629 г.; Вольнянскій въ с. Вольнѣ, Новогрудск. у., въ 1632 г. Каменскимъ и его женою Друцкою-Горскою; въ Новогрудкѣ мужской и женскій Борисоглѣбскіе, основ. въ 1632—1636 гг. Адамомъ Хреп-

товичемъ при отнятой у православныхъ Борисоглѣбской церкви (*Балинскій*, т. III, стр. 733, 621; *Чистовичъ*, т. II, стр. 373, 374 и 376); Березвечскій въ Березвечи, Дисненск. у., въ 1638 году Іосифомъ Корсакомъ («Акты Виленск. Коммисс.», т. IX, стр. 29 и сл.; *Балинскій*, т. III, стр. 604); Оршанскій женскій въ 1642 г.; Гродненскій женскій Рождество-Богородичный, основанный въ первой половинѣ XVII вѣка при отнятой у православныхъ Преображенской церкви (*Балинскій*, т. III, стр. 613; *Чистовичъ*, II, 376); Рожанскій въ м. Рожанѣ, Слонимск. у., упоминаемый около 1655 года («Очеркъ Исторіи базил. ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. акад.», августъ, 1870 г., стр. 404 и 405); Минскій женскій Свято-Духовскій, основанный митрополитомъ А. Селявой; Дрогичинскій Николаевскій, основ. въ XVII в. при отнятой у православныхъ Николаевской церкви (*Чистовичъ*, т. II, стр. 373 и 376) Кассутскій, въ Ошмянскомъ повѣтѣ, около 1686 г. («Очеркъ Истор. базил. орд.», *Петрова*, въ «Трудахъ», ноябрь, 1870 г, стр. 406; «Акты Вилен. Комм.», т. IX, стр. 375—377); Витебскій, устроенный въ 1690 г. Адамомъ Киселемъ на мѣстѣ убіенія Кунцевича; Борунскій, Ошмянск. у., въ 1692 г. Николаемъ Песлякомъ; Витебскій женскій Свято-Духовскій въ 1697 г. (*Чистовичъ*, т. II, стр. 372—376); Сиротинскій или Старосельскій въ слободѣ Сиротинѣ, Полоцкаго у., въ 1698 г. Гребницкими («Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. VI, стр. 366); Иллукштскій въ Курляндіи, основ. въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. Тороканскій въ м. Тороканахъ, Кобринск. у., основ. въ началѣ XVIII в. Львомъ Кишкою; Раковскій въ м. Раковѣ, Минскаго у., въ 1702 г. Казиміромъ Сангушко; Мирскій въ с. Мирѣ, Новогрудск. у., въ 1705 г. княземъ Радивиломъ (*Чистовичъ*, т. II, стр. 372—376; о Мирскомъ сн. Минск. епарх. вѣдомост., 1869 г., № 19); Ятвѣжскій въ с. Ятвѣгахъ, волковыск. у., въ 1711 г. Тризною; Казиміровскій, въ м. Казиміровѣ, Бобруйск, у, въ 1713 г. Юдицкимъ (тамъ же); Ушачскій въ м. Ушачѣ, Лепельск. у., упомин. въ 1717 году («Акты Вилен. Коммисс.», т. XI, предисл., стр. XXVI); Суховицкій въ м. Суховицахъ, Рѣчицк. у., основ. въ 1720 г. базиліанами Мозырскаго Ясногорскаго монастыря (*Чистов.* т II, 373 и 374); Кузницкій въ м. Кузницѣ, Сокольск. у., въ 1721 г.; Добрыгорскій, Лепельск. у., упомин. въ 1722 г. («Акты Вилен. Комм.», т. VII, стр. 31 и сл., и т. XI, предисл., стр. XXXIII); Якобштадтскій около 1723 г. (*Чистовичъ*, т. II, стр. 253); Антопольскій въ м. Антополѣ, Кобринск. у., до 1719 г., (тамъ же, стр. 409; («Труды Кіев. Дух. Акад.», авг., 1870 г., стр 436); Борейковскій женскій въ с. Борейкахъ, Чериковск. у., въ 1728 г. Свадковскими («Историко-юридич. матеріалы», т. XVII, стр. 269 и 270); Суцковскій въ с. Суцковѣ, Ошмянскаго у., въ 1731 г. Владиславомъ Марковскимъ (*Чистовичъ*, т. II, стр. 372); Лядапскій въ с. Лядахъ, Игуменск. у., около 1732 г. Терессой Завишей (Минск. епарх. вѣдом., 1870 г., № 9); Махировскій въ с. Махировѣ, Полоцк. у., упомин. въ 1741 г. («Акты Вилен. Комм.», т. XI, предисл., стр. XXVII); Тадулинскій, Суражск. у., въ 1742 г. Ѳаддеемъ Огинскимъ («Памятн. книжка Виленскаго генералъ-губернаторства», *Сементовскаго*, стр. 376); Новосверженскій въ м. Новомъ Свержнѣ, Минск. у., въ 1743 г., кн. Радивиломъ; Геліановскій, названный такъ по имени основателей Елены и Яна Бутлеровъ, или Казачизненскій, Новоалександрійск. у., Ковен. г., въ 1745 г. (*Чистовичъ*, т. II, стр. 373 и 374); Даревскій въ с. Даревѣ, Новогрудск. у., упомин. въ 1746 г. («Историко-статистич. опис. Минской епархіи», *Николая*, стр. 134); Верховскій мон. и Мозырская миссія до 1747 г. («Труды Кіев. дух. акад.», февр. 1871 г., стр. 356); Маривильскій въ с. Маривилѣ, Климовичск у., основ. около 1749 г. («Историко-юридич. матеріалы», т. XVII, стр. 303 и 304); Любавицкій въ Любавичахъ, Оршанск. у., основ. въ 1750 г. («Акты Вилен. комм.», т. XII стр. 3); Подубисскій въ м. Подубисѣ, Шавельск. у., въ половинѣ XVIII в. (*Балинскій*, т. III, стр. 585; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Толстаго*, т. I, стр. 301); Оршанскій Покровскій въ 1758 г. (*Балинскій*, т. III, стр. 713; «Акты Вилен. комм.», т. XII, стр. 118); Фуровицкій въ

урочищѣ Фуровичахъ, Новогрудскаго у., упом. 1780 г. («Историко-стат. опис. Минск. епархіи», *Николая*, стр. 135); Поставскій въ м. Поставахъ, Дреснен. у., упомин. 1784 г. («Извѣстія церковно-археологич. общества при Кіев. дух. акад.», 1883 г., стр. 33; «Акты Вилен. Комм.», т. IX, стр. 106 и сл.); Вербиловскій въ имѣніи Березвечскаго монастыря Вербиловѣ, Себежскаго у.; Глушнянскій въ с Глушновѣ, Лидскаго у.; Новоселецкій въ м. Новоселкахъ, Кобрин у.; Хомскій близъ Хомска, Кобринскаго у.; Крожскій въ м. Крожахъ, Россіенск. у.; Безводицкій въ м. Безводичахъ, Чериковск. у.; Толочинскій въ м. Толочинѣ, Сѣннинскаго у.; Сирицкій въ м. Сиричахъ, Оршанскаго у.; Милашковскій при с. Милашковичахъ, Климовичскаго у.; Бѣлоцерковскій въ с. Бѣлоцерковкѣ, Сѣннинск. у. (*Чистов.*, т. II, стр. 372—374).

482) «Историко-статистич. опис. Минской епархіи», *Николая*, стр. 160.

483) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1866 г., кн. 5, стр 43, 46 и др.

484) «Ревизія Кобринской экономіи», предисл., стр XI.

485) «Минскія епарх. вѣдом.» 1870 г., № 11.

486) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 1805 г., стр. 167, 182, 183, 302 и 436.

487) «Очеркъ исторіи западно-русск. ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 246, 247, 301, 302 и 448.

488) «Труды Кіев. дух. акад.», февр., 1871 г., стр. 356.

489) «Очеркъ истор. западно-русск. ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 175.

490) «Историко-стат. опис. Минской епархіи», *Николая*, стр. 162.

491) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 326 и 334; *Чистовичъ*, т. II, стр. 268; «Литов. епарх. вѣдом.», 1870 г., стр. 41.

492) «Труды Кіев. дух. акад.», 1871 г., февраль, стр. 356, и іюль, стр. 120, 151, 153—157.

493) «Очеркъ исторіи базиліан. ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», августъ, 1870 г., стр. 410, 415, 416; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 287—289.

494) «Акты Виленск. коммиссіи», т. XI, предисл., стр. V.

495) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 272—274, 299, 331; «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 163—165, 315 и 316; «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», *Чистовича*, т. II, стр. 52 и 53.

496) «Очеркъ западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 250.

497) Тамъ же, стр. 214—218, 166, 170, 171, 181 и 182; *Бантышъ-Каменскій*, стр. 217, 281—283, 299, 300; 246, 262, 284, 335, 336, 426, 430; 347 и 348.

498) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 311, 433, 243, 244; 216, 217; сн. *Чистовичъ*, т. II, стр. 191.

499) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 200.

500) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. 1, предисл., стр. XC; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова* т. VI, стр. 264—269.

501) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 195, 285, 175, 185, 242, 243, 146, 357—359, 145, 258, 259, 364, 360, 361; *Чистовичъ*, II, 58, 59, 200, 179, 167, 191, 109, 110, 269; «Опытъ описанія Могилев. губ.», *Дембовецкаго*, I, 102 и 103.

502) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 10, отд. I, стр. 5, и сл.

503) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, 83 и 94; сн. *Бантышъ-Каменскій*, 430.

504) «Монографіи», *Антоновича*, I, 327.

505) «Очеркъ исторій западно-русской ц.», *Чистовича*, II, 215.

506) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 334, 300, 301, 452, 453, 265—267, 284; *Чистовичъ*, II, 163 и 164.

507) «Монографіи», *Антоновича*, I, 328 и 329.

508) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 452, 365—368, 453, 454; *Чистовичъ*, II, 110, 111.

509) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каминскаго*, 355, 245, 423, 300, 311, 359, 367, 368, 248, 426, 246; сн. *Чистовичъ*, II, 190, 192 и др.

510) «Монографіи», *Антоновича*, I, 326 и 327.

511) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 268—270, 273, 274; *Чистовичъ*, II, 56, 57, 220, 163, 164.

512) «Монографіи», *Антоновича*, I, 278.

513) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 285, 328, 423; *Чистовичъ*, II, 359.

514) «Монографіи», *Антоновича*, I, 278, 302, 303 и 307.

515) «Исторія объ уніи», *Баншышъ-Каменскаго*, 249, 327, 451, 247, 248, 275, 215, 216, 421, 422, 278, 330, 334, 335, 452; *Чистовичъ*, II, 56 и 57; «Монографіи», *Антоновича*, I, 305.

516) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, II, 68 и 69; сн. стр. 105.

517) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 193, 194, 253, 367 и др.

518) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, II, 268, 382—385; «Монографіи», *Антоновича*, I, 338 и слѣд.

519) «Монографіи», *Антоновича*, I, 332; «Очерки уніатской церкви», *Крачковскаго*, стр. 69—73

520) «Виленскій Свято-Духовъ монастырь», *Смирнова*, 106 и 107.

521) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. 3, отд. I, стр. 34—38.

522) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, 532; *Бантышъ-Каменскій*, 129—131; *Чистовичъ*, II, 109.

523) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XI, стр. 387, 384, 517—519, т. XV, стр. 318; т. XII, стр. 496—499, 519 и 520; и «Θеодосій Василевичъ, епископъ могилевскій», *Н. Петропавловскаго*, въ «Могилев. епарх. вѣдом.», 1887 г., №№ 32—34.

524) «Виленск. Археографич. Сборникъ», II, 92 и 93.

525) Тамъ же, III, 189; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. X, стр. 523, 524; т. XIV, 247—249, 486 и 487; т. XV, стр 222—224

526) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. 2, отд. I, стр. 17—19.

527) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, II, 246.

528) «Историко-статистич. опис. Минской епархіи», *Николая*, 121 и 122.

529) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. 243.

530) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1865 г., февраль, отд. 2, стр 219 и слѣд.

531) «Виленскій Свято-Духовъ монастырь», *Смирнова*, 112—117; *Чистовича*, т. II, стр. 257.

532) «Очеркъ ист. зап.-рус. ц.», *Чистовича*, т II, стр. 257.

533) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 276.

534) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 257; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, предисл., стр. LXXXIX.

535) «Литовская церковная унія», *М. Кояловича*, т. II, стр. 230—234.

536) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 315

537) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 142, 143; «Очеркъ», *Чистовича*, т. II, стр. 147.

538) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 257, 258; «Витебская Старина», т. I, стр. 264; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. X, стр. 419 и сл., т. XIV, стр. 145—147.

539) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 150, 162, 257, 258, 158 и др.; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 324, 325 и др.

540) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 267 и сл.

541) «Опытъ описанія Могилевской губ.», т. II, стр. 143; «Очеркъ исторіи западно-

русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 262—264; «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, 309 и 310; «Историко-юридич. матеріалы», т. XVII, стр. 275—297.

542) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 146, 185.

543) «Витебская Старина», т. V, ч. I, предисл., стр. CVIII; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XIV, 325—327.

544) «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 315, 316, 332.

545) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 258—269.

546) «Литовская церковная унія», *Кояловича*, т. II, стр. 242, 243.

547) «Памятники», изд. *П. Н. Батюшкова*, т. VIII, стр. 388

548) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 51, 160, 161; сн. «Минск. епарх. вѣдом.», 1870 г., № 11.

549) Видъ Яблочинскаго монастыря и краткое описаніе его помѣщены въ «Холмской Руси», изд. *П. Н. Батюшкова*.

550) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 165, 166, 190 и 191; «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XII, стр. 362—365; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. 341 и 342; «Архивъ юго-запад. Россіи», ч. I, т. IV, стр. 403, 404 и др.— Изъ нихъ Охорскій упоминается еще въ 1669 г. («Историко-юридич. матеріалы», т. XVII, стр. 225), Невельскій до 1677 года (*Чистовича*, т. II, стр. 248), Старчицкій упом. 1678 г. («Историко-статистич. опис. Минской епархіи», *Николая*, стр. 70), Шкловскій женскій, основ. 1682 г. (*Чистовича*, т. II, стр. 248), Лысковскій, упом. 1689 г. («Акты Вилен. Комис.», т. XI, предисл., стр. XXII—XXV), Якобштадтскій, основ. около 1670 г. («Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 357, *Чистовича*, т. II, стр. 252 и 253). Кромѣ того, упоминаются, въ разное время, православные монастыри: Тройчанскій близъ Слуцка въ 1672 году («Витебская Старина», т. V, ч. I, стр. 243), Брянскій монастырь, Гродненской губерніи, въ 1700 году, («Волын. епарх. вѣдом.», 1868 г., № 21, стр. 648). Также существовали еще въ это время монастыри Брестскій Симеоновскій, Бѣльскій, два Дрогичинскихъ и др. («Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 281, 283, 284).

551) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 195 и сл., 229, 230, *Чистовичъ*, т. II, 200, 201.

552) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XV, стр. 250, 251, 356, 357.

553) Тамъ же, т. XIII, 316—318; *Чистовичъ*, т. II, 62, 63 и 260.

554) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 189—192; *Чистовичъ*, т. II, стр. 66; «Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ временъ», *М. О. Кояловича*, С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 3.

555) «Очеркъ исторіи западно-русской ц.», *Чистовича*, т. II, стр. 71, 75 и сл.

556) «Историко-юридич. матеріалы», *Сазонова*, т. XV, стр. 452—454.

557) «Исторія объ уніи», *Бантышъ-Каменскаго*, стр. 335, 336, 349, 353, 363; *Чистовичъ*, т. II, стр. 73 и 268.

558) «Опытъ описанія Могилев. губерніи», т. I, стр. 101; *Чистовичъ*, т. II, 269.

559) «Послѣдніе годы Речи Посполитой Польской», *Н. И. Костомарова*, въ «Вѣстникѣ Европы», мартъ, 1869 г., стр. 175—177; «Монографіи», *Антоновича*. т. I, стр. 274 и 334; «Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 19, 22, 23, 71—74, 83, 84.

560) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 287; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, стр. 274 и 334; «Историко-юридич. матеріалы», т XVII, стр. 131—134.

561) «Послѣдніе годы Речи Посполитой Польской», *Костомарова*, въ «Вѣстникѣ Европы», мартъ, 1869 г., стр. 198; «Монографіи», *Антоновича*, т. I, 274, 275, 334, 335.

562) «Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», іюль, 1871 г., стр. 151, 153—157; февраль, 1872 г., стр. 210—213, 221, 234. 241 и сл.

563) «Послѣдніе годы Речи Посполитой Польской», *Костомарова*, въ «Вѣстникѣ

Европы», апрѣль, 1869 г., стр. 670—694; «Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ временъ», *Кояловича*, стр. 282, 284, 285, 328, 329, 332, 342; «Чтенія», *его же*, 291, 294—296; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1865 г., февр., отд. 2, стр. 219 и сл.

564) Портретъ Тимоѳея Ивановича Тутолмина помѣщенъ въ книгѣ «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 243.

565) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 298, 299; «Труды Кіев. дух. академіи», іюль, 1868 г., стр. 154. Медаль въ память присоединенія къ Россіи южно-русскихъ областей воспроизведена въ книгѣ «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 236 и 237.

566) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 300, 301; «Вильна и окрестности», Вильна, 1883 г., стр. 95—103.

567) «Странникъ», за январь, 1889 г., стр. 112; сн. «Пруссаки въ бывшихъ польскихъ областяхъ», *В. Ратча*, въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. 8, отд. 2; «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, т. II, стр. 368.

568) «Исторія Россіи», *Соловьева*, т. VI, стр. 249.

569) Съ 1796 г. и до новѣйшаго времени въ Сѣверо-Западномъ краѣ вновь построено или возобновлено свыше 200 костеловъ, филій и каплицъ. См. рубрицеллы католич. епархій и «Памятную книжку Виленскаго генералъ-губернаторства», *Сементовскаго*.

570) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», *Дембовецкаго*, т. I, стр. 120.

571) Портретъ могилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго помѣщенъ въ книгѣ «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 223.

572) «Опытъ описанія Могилевской губ.», *Дембовецкаго*, т. I, стр. 120; «Витебск. Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. CLIX.

573) «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», *М. О. Кояловича*, С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 114, 119 и 120.

574) «Римскій католицизмъ въ Россіи», *гр. Д. А. Толстаго*, т. II, стр. 3, 4 и 8.

575) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 8, отд. 4, стр. 196.

576) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 8, 17—19, 44 и 45. По отношенію къ католичеству Екатерина II сдѣлала лишь одно существенное ограниченіе, имѣвшее впрочемъ видъ общей законодательной мѣры по отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, это—воспрещеніе монастырямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества и закрытіе тѣхъ изъ нихъ, кои не занимаются богоугодными дѣлами, остаются въ праздности и безполезны обществу. Тамъ же, стр. 43 и 45.

577) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1864 г., февраль, отд. 2, стр. 90 и 91.

578) «Исторія возсоединенія уніатовъ», *Кояловича*, стр. 116, 117, 180, 182, 191, 203, 276 и 277.

579) «Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена», *Н. Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. академіи», февраль, 1872 г., стр. 259—261. Портретъ Ираклія Лисовскаго воспроизведенъ въ книгѣ «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 253.

580) «Исторія возсоединенія уніатовъ», *Кояловича*, 121, 131—134, 204, 210, 211, 213, 355, 359, 360, 363, 364, 370—374; сн. «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 91, 92.

581) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. CXIX.

582) «Исторія возсоединенія уніатовъ», *Кояловича*, стр. 380, 392 и 393; «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 92.

583) «Опытъ описанія Могилевской губерніи», т. I, стр. 122.

584) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 102, 103, 112, 113, 115—117, 123, 138—145.

585) Тамъ же, стр. 146, 246—249.

586) «Очеркъ исторіи базиліан. ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», 1872 г., февраль, стр. 269.

587) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго,* т. II, стр. 119, 354, 355—357; «Исторія возсоединенія уніатовъ», *Кояловича*, стр. 396, 397.

588) «Краткія свѣдѣнія о положеніи базиліан. ордена», *Сульжинскаго*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», окт., 1868 г., стр. 132.

589) «Исторія возсоединенія уніатовъ», *Кояловича*, стр. 382, 383, 386 и 397.

590) «Краткія свѣдѣнія о положеніи базиліан. ордена», *Сульжинскаго*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», окт., 1868 г., стр. 133; «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 360.

591) «Очеркъ исторіи базиліан. ордена», *Петрова*, въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», февр., 1872 г., 270—272.

592) «Краткія свѣдѣнія о положеніи базиліан. ордена», въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», окт., 1868 г., стр. 106 и 107.

593) «Исторія возсоединенія уніатовъ», *Кояловича,* стр. 381, 389 и 390.

594) «Чтенія», *Кояловича,* стр. 319 и 320.

595) «Первая эпоха преобразованій Александра I», въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., т. II, стр. 139 и сл.

596) «Старческія воспоминанія», *Авдія Востокова,* въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго,* февр., 1864 г., отд. 2, стр. 65

597) «О греко-уніатской церкви въ зап. краѣ», *архіеп. Антонія Зубко*, въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго*, окт., 1864 г., отд. 2, стр. 222.

598) «Историч. замѣтки о Сѣверо-Зап. краѣ Россіи», *П. Кукольника*, тамъ же, 1867 г., кн. I, отд. 2, стр. 5 и 6; сн. 1868 г., кн. 8, отд. 4, стр. 162—166.

599) «Первая эпоха преобразованій Александра I», въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., т. II, стр. 139 и сл.

600) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 287—289, 372, 384 и 385.

601) Тамъ же, т. II, стр. 288 и приложен. 1 и 12; «Іезуиты въ Россіи», *свящ. М. Морошкина*, С.-Петербургъ, ч. II, 1870 г., стр. 480 и слѣд.; «Записки *Василія Лужинскаго*», въ «Православномъ Собесѣдникѣ», іюнь 1884 г., стр. 107; «Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I», *П. Знаменскаго*, тамъ же, августъ, 1885 г., стр. 452 и 453.

602) «Послѣднее 50-лѣтіе Польши съ 1764 по 1814 годъ», *И. Кульжинскаго*, въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго,* январь, 1863 г., отд. 2, стр. 17—19.

603) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 199, 200 и 430; «Записки *Василія Лужинскаго*», въ «Православномъ Собесѣдникѣ», іюль, 1884 г., стр. 254—255. Подробности о состояніи Бѣлоруссіи и Литвы въ 1812 г. см. въ «Витебской Старинѣ», Сапунова, т. I, стр. 581—594, и въ «Опытѣ описанія Могилевской губерніи», т. I, стр. 130—152.

604) «Чтенія», *Кояловича,* стр. 317; «Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ», *П. Д. Брянцева*, Вильна, 1889 г., стр. 593.

605) «Историч. замѣтки о Сѣверо-Зап. краѣ Россіи», *П. Кукольника*, въ «Вѣстникѣ» *Говорскаго,* 1867 г., кн. I, отд. 2, стр. 9—35; «Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ зап. Россіи», *С. Шолковича,* вып. I, Вильна, 1885 г., стр. 242—290.

606) «Римскій католицизмъ», *гр. Д. А. Толстаго*, т. II, стр. 199, 200—229, 359—365, 369, 370, 376, 377, 380—384, 392—394, 428, 429 и прилож. стр. 14 и 15; «Записки *Василія Лужинскаго»,* въ «Православномъ Собесѣдникѣ», іюнь, 1884 г., 192—196, 199, 200; «О греко-уніатской церкви въ Зап. краѣ», въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго*, окт. 1864 г., отд. 2, стр. 216—218.

607) «Противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви», *П. І. Б.*, Вильна, 1889 г., стр. 5 и 8.

608) «Римскій католицизмъ», *гр. Толстаго*, т. II, стр. 380 и 381; «Записки *Василія Лужинскаго*», въ «Православномъ Собесѣдникѣ», іюль, 1884 г., стр. 259—270.

609) «Противодѣйствіе базиліанскаго ордена», *П. I. Б.*, стр. 13, 16, 26, 33—36, 38 и 77; «Записки *Іосифа*, митрополита Литовскаго», С.-Петербургъ, 1883 г., т. I, стр. 27. Подробнѣе см. въ изслѣдованіи *П. О. Бобровскаго:* «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I», въ «Журн. мин. народн. просв.» за іюнь и слѣд. мѣсяцы, 1889 года.

610) «Къ предстоящему 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 году», *М. О. Кояловича,* въ «Церковномъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 13.

611) «Противодѣйствіе базиліанскаго ордена», *П. I. Б.*, стр. 28 и 45.

612) «О греко-уніатской церкви въ Зап. краѣ», *А. Зубко*, въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго*, окт. 1864 г., отд. 2, стр 224—226, ноябрь, отд. 2, стр. 24—26; сн. «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 250; «О профессорахъ богословскаго факультета Виленскаго университета въ настоящемъ столѣтіи», *П. Жуковича*, въ «Христіанскомъ Чтеніи», мартъ-апрѣль и май—іюнь, 1888 года.

613) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр 31, 39, 52; «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1888 г., стр. 273 и 274.

614) «Чтенія», *Кояловича*, стр. 322 и 323.

615) «О греко-уніатской церкви въ Зап. краѣ», *А. Зубко*, въ «Вѣстникѣ», Говорскаго, ноябрь, 1864 г., отд. 2, стр. 62.

616) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1888 г., стр. 278.

617) «Сборникъ», *С. Шолковича*, вып. I, стр. 291 и 293.

618) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 70 и 77; «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 7, отд. 4, стр. 110.

619) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 70.

620) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 10, отд. 4, стр. 84 и 85.

621) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 76 и 608.

622) «Витебская Старина», *Сапунова*, т. V, ч. I, стр. CXXV—CXXVI; сн. «Полоцкія епарх. вѣдом.», 1874 г., №№ 3 и 4.

623) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 75, 79, 119, 658, 659 и 662; «Записки *В. Лужинскаго*», въ «Православн. Собесѣдникѣ», окт., 1884 г., стр. 109 и сл.; «О греко-уніатской церкви въ Зап. краѣ», *А. Зубко*, въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго*, ноябрь, 1864 г., отд. 2, стр. 45, 51—53, 58 и 60.

624) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 80, 81, 83, 84, 113, 131; «Витебская Старина», *Сапунова*, т. I, 438 и сл; т. V, ч. I, стр. CXXVI — CXXXVIII; «Пятидесятилѣтіе (1839—1889) возсоединенія съ православною церковью западно-русскихъ уніатовъ», *И. Чистовича*, С.-Петербургъ, 1889 г.

625) «Шестидесятилѣтіе должностной дѣятельности Платона, митрополита кіевскаго и галицкаго», Кіевъ, 1887 г., стр. 30—35; «Виленскій Свято-Духовъ монастырь», *Смирнова*, стр. 292.

626) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 126, 128 и 129.

627) «Записки *В. Лужинскаго*», въ «Православн. Собесѣдн.», іюнь, 1884 г., стр. 197.

628) «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1888 г., стр. 280.

629) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 8, отд. 4, стр. 194.

630) «Записки *В. Лужинскаго*», въ «Православн. Собесѣдн.», іюнь, 1885 г., стр. 249, 253 и 254, и августъ, стр. 428, 429, 436, 437 и 440.

631) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 185, 187, 235 и 244; «О греко-уніатской церкви въ Зап. краѣ», *А. Зубко*, въ «Вѣстникѣ», *Говорскаго*, нояб., 1884 г., отд. 2, стр. 37—41.

632) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 10, отд. 4, стр. 46, и кн. 8, отд. 4, стр. 190.

633) «Записки *В. Лужинскаго*», въ «Православн. Собесѣдн.», 1885 г., авг., стр. 428, 429 и 440.

634) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 234.

635) «Сборникъ», *С. Шолковича*, т. I, стр. 28, 29, 301 и 302.

636) Тамъ же, стр. 30.

637) «П. Н. Батюшковъ, его труды и общественная дѣятельность», *М. И. Городецкаго*, въ «Русской Старинѣ», за 1887 годъ, стр. 552, 556 и 557; сн. «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 10, отд. 4, стр. 47. Изложеніе хода церковно-строительнаго дѣла помѣщено въ книгѣ «Волынь», изд. *П. Н. Батюшкова*, въ объясненіяхъ къ рисункамъ стр. 99—102.

638) «Минскія епарх. вѣдом.», 1869 г., № 17.

639) «Сборникъ», *Шолковича*, т. I, стр. 30 и 85.

640) «Записки *м. Іосифа*», т. I, стр. 239 и 246; «Холмская Русь», изд. *П. Н. Батюшкова*, 1887 г., стр. 173.

641) «Исторія Литовскаго государства», *Брянцева*, стр. 633—657.

642) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 8, отд. 4, стр. 191, и кн. 10, отд. 4, стр. 48, 49 и 81. «Вильна и окрестности, путеводитель и историческая справочная книжка», Вильна, 1883 г., стр. 169—173.

643) «Сборникъ», *Шолковича*, т. I, стр. 310.

644) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1867 г., кн. 5, отд. 4, стр. 213, и 1868 г., кн. 10, отд. 4, стр. 79—81.

645) «Исторія Литовскаго государства», *Брянцева*, стр. 659.

646) «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 3, отд. 4, стр. 284—286.

647) «Сборникъ», *Шолковича*, т. I, стр. 227—232; «П. Н. Батюшковъ», *М. И. Городецкаго*, въ «Русской Старинѣ» за 1887 г., стр. 552—555; «Виленскій музей древностей», *М. И. Городецкаго*, въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1886 г., стр. 600—620; сн. «Вѣстникъ», *Говорскаго*, 1868 г., кн. 8, отд. 4, стр. 202—213 и 246.

648) «Виленскій календарь» на 1888 годъ, Вильна, 1887 г., стр. 145; сн. «Статистическіе очерки Сѣверо-Западнаго края» въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ, № 158 и слѣд.

649) По поводу исполнившагося въ 1889 году пятидесятилѣтія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью, появился рядъ статей и замѣтокъ съ историческимъ описаніемъ возникновенія предположенія объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной академіи. См. «Полувѣковой юбилей возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью», *М. И. Городецкаго*, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», мартъ 1889 г., стр. 693—700, а также «Новое Время» отъ 22 мая 1889 г. № 4751, 9 іюня № 4768, 15 іюля № 4804 и 19 іюля № 4808, «Гражданинъ» 25 октября 1889 г. № 296 и «Виленскій Вѣстникъ отъ 25 ноября 1889 г. № 255.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ,

помѣщеннымъ въ книгѣ «Бѣлоруссія и Литва».

А. Священныя изображенія.

I. Крестъ преподобной Евфросиніи, княжны полоцкой.

(Стр. 24).

Крестъ преподобной Евфросиніи воспроизведенъ хромолитографически съ фотографіи и акварельнаго рисунка, исполненнаго художникомъ Бруксомъ.

Членъ совѣта Полоцкаго церковнаго братства, священникъ Михаилъ Дубровскій, составилъ слѣдующее описаніе креста.

«Драгоцѣнный крестъ устроенъ пр. Евфросиніей, какъ видно изъ находящейся на немъ надписи, въ 1161 году. Крестъ этотъ сдѣланъ вмѣсто ковчега для храненія драгоцѣнныхъ памятниковъ страданій Христовыхъ, мощей св. угодниковъ Божіихъ и другихъ предметовъ христіанскаго благоговѣнія, которые пр. Евфросинія выписывала для своей обители изъ Константинополя и Іерусалима. Онъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его $11\frac{3}{8}$ верш., верхній поперечникъ (титло) 3 верш., нижн.—$4\frac{5}{8}$ вершк. Содержащаяся въ немъ святыня обозначена слѣдующими надписями:

Съ правой стороны: 1) кровь х҃ва (кровь Христова), т. е. капли безцѣнной крови Христа, оставшіяся на Древѣ Крестномъ, которое, какъ извѣстно, обагрено было ею во многихъ мѣстахъ. Сію святыню покрываетъ маленькій четвероконечный крестъ и осѣняютъ четыре круга, изъ коихъ на первомъ изображено І҃С, — на второмъ Х҃С, на третьемъ НИ҃, на четвертомъ КА҃, но послѣднія истерлись; 2) † дрѣво животьное, т. е. часть древа животворящаго креста Господня. Она покрыта снаружи также небольшимъ, шестиконечнымъ крестомъ.

Съ лѣвой стороны: 1) † ѿ гроба пресвѧтыѧ богородицѧ, т. е., часть камня отъ гроба пресвятой Богородицы, на коей изображенъ былъ ликъ Ея съ предвѣчнымъ Младенцемъ; 2) † гробъ господьнь, т. е. часть камня отъ гроба Господня; 3) † мощѣ ст҃го стефана; 4) † кровь ст҃го дьмитриѧ; 5) † мощѣ ст҃го пантелѣимона.

Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ находится множество весьма искусно сдѣланныхъ украшенiй и двадцать маленькихъ образковъ, (исполненныхъ византiйскою перегородчатою эмалью), изъ коихъ одинъ утраченъ. Надъ каждымъ изъ образковъ вырѣзана надпись частiю греческими, частiю славянскими буквами.

Съ правой стороны: 1) І҃С, ХС. Образъ сей во всѣхъ частяхъ своихъ, даже персты благословляющей руки, составленъ изъ самыхъ мелкихъ камней, 2) МР. ѲУ. Божiя Матерь изображена съ простертыми дланями; 3) ІѠ К҃ — Іоаннъ Креститель изображенъ также съ простертыми дланями; 4) АР МИ — Архистратигъ Михаилъ; 5) АР ГА — Архангелъ Гаврiилъ. Каждый изъ Архангеловъ изображенъ держащимъ въ одной рукѣ шаръ; 6) (А) ІѠ; 7) (А) МАТѲЕОС; 8) (А) ЛУКАС; 9) (А) МАРКОС. Каждый изъ евангелистовъ представленъ съ евангелiемъ въ рукахъ. Знакъ (А) означаетъ греч. слово *о агiос* — что значитъ святый; 10) И АГІА ЕФРОСІН, — пр. Евфросинiя александрiйская, имя которой при постриженiи своемъ приняла пр. Евфросинiя полоцкая. Отъ этого образа уцѣлѣла часть руки съ крестомъ и часть одежды; 11) (А) ГЕОРГІОС — св. великомученикъ Георгiй, въ воинской одеждѣ, съ повязкою на челѣ и четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; 12) (А) И АГІА СОФИА — св. великомученица Софiя, съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ.

Съ лѣвой стороны: 13) (А) ІѠ О ЖСТОМ — св. Іоаннъ Златоустъ, въ святительской одеждѣ, съ шестиконечнымъ крестомъ и евангелiемъ въ рукахъ; 14) (А) ВАСИЛИИ — св. Василiй Великiй, также съ евангелiемъ въ рукахъ; 15) пустое мѣсто, на которомъ находился утраченный образъ св. Григорiя Богослова; 16) (А) ПЕТРОС — Ап. Петръ. Образъ этотъ совершенно истерся, такъ что остались одни слѣды его; 17) (А) ПАВЬЛОС — св. Ап. Павелъ. На этомъ образѣ уцѣлѣли одежда и рука, изображенная съ книгою, а ликъ стерся; 18) (А) СТЕФН — св. первомученикъ Стефанъ. Ликъ истерся, а обѣ руки, изъ коихъ лѣвая держитъ свитокъ, и одежда вся въ цѣлости; 19) (А) ДЬМІТРИО — св. великомученикъ Димитрiй съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. Образъ сохранившiйся, за исключенiемъ вѣнца вокругъ главы; 20) (А) ПАНТЕЛЕИМОН — св. великомученикъ Пантелеимонъ, держащiй въ рукѣ ковчежецъ.

Нельзя не замѣтить здѣсь, въ какомъ строгомъ порядкѣ, примѣняясь къ мѣстному удобству, расположены всѣ эти образа, совокупность которыхъ представляетъ почти всю исторiю новаго завѣта и первобытной церкви среди обуревавшихъ ее гоненiй.

Въ боковой подписи, начертанной вокругъ всего креста на серебряныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, изображена воля пр. Евфросинiи, чтобы крестъ сей, положенный ею въ монастырѣ — въ церковь Св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отъ оной отчуждаемъ подъ опасенiемъ подвергнуться строгой клятвѣ.

Надпись эту сообщаемъ буквально:

† въ лѣ ҂ѕ҃ · и · х҃ѯ҃а покладаеть ѡфросинья чьстьныи кр҃стъ. въ манастыри своемь · въ ц҃ркви · с҃тго сп҃са · чьстьное др҃ѣво бесцѣньно есть · акованье его · злото · и серебро · и каменье · и жьнчюгъ · въ · р҃ гривнъ · а др. ... м҃ · гривнъ. да нѣизнесѣтьсѧ из манастырѧ · никогдаже ꙗко ни продати · ни ѿдати · аще се кто прѣслоушаеть · изнесѣть и ѿ манастырѧ да не боуди емоу помощникъ · чьстьныи кр҃стъ ни въ сь вѣкъ ни въ боуд. щии · и да боудеть проклѧтъ с҃тою животворѧщею троицею · и с҃тыми ѿтци · т҃ · и · ні · семию съборъ с҃тыхъ о҃тць · и боуди емоу часть съ июдою: иже прѣда Х҃са · кто же дрьзнеть сътвори с... властелинъ · или кнѧзь · или пискоупъ · или игоумѣнья · или инъ которыи любо ч҃лвкъ а боуди емоу клѧтва си · ѿфросинья же раба Х҃ва · сътѧжавъши кр҃стъ сии · прииметь вѣчнѹю жизнь съ вс҃ѣ.. и с҃.

Изъ этой же надписи можно видѣть, что употребленное на крестъ золото, серебро, дорогіе камни и жемчугъ стоили 100 гривенъ и сверхъ того 40 гривенъ на *др*..., по всей вѣроятности на мозаику, составляющую значительную часть дорогихъ украшеній креста. Обѣ суммы вмѣстѣ равняются 1,400 р. Весь крестъ по краямъ унизанъ былъ жемчугомъ, который въ теченіе вѣковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпался. Остатки его изображены на рисункѣ. Кромѣ того, изъ рисунка можно усмотрѣть, что съ правой стороны креста находится 8 большихъ дорогихъ камней и столько же меньшихъ, расположенныхъ по угламъ маленькихъ крестовъ, лежащихъ надъ частями Честнаго Древа.

На лѣвой сторонѣ креста, въ самомъ низу, подъ образомъ св. Пантелеймона и вокругъ части его мощей, вырѣзана еще слѣдующая надпись мелкими буквами:

† Г҃и помози рабоу своемѹ лазорю нареченомоу богъши сдѣлавшемоу крьстъ сии црькви с҃таго спаса и ѡфросиньи.

Буквы находящихся на крестѣ надписей отличаются всѣми признаками времени, къ которому принадлежатъ, — древнимъ очертаніемъ и особенною правильностью, какую можно видѣть въ рукописныхъ памятникахъ того времени.

Крестъ сей въ теченіе четырехъ столѣтій находился въ Спасской обители. Предъ завоеваніемъ Полоцка царемъ Іоанномъ Грознымъ, монахини перенесли его въ Софійскій соборъ, въ г. Полоцкъ. Въ 1596 г. Софійскій соборъ обращенъ былъ въ уніатскую церковь; вмѣстѣ съ соборомъ и крестъ перешелъ въ руки уніатовъ и оставался у нихъ во все время существованія въ Полоцкѣ уніи, т. е., до 1839 года. Впрочемъ уніаты дорожили этимъ крестомъ и уберегли его отъ рукъ іезуитовъ, которые, владѣя Спасскимъ мона-

стыремъ, и зная, что крестъ этотъ, согласно волѣ пр. Евфросиніи, долженъ находиться въ Спасской церкви, неоднократно домогались завладѣть имъ. Съ этою цѣлію они неразъ вели съ уніатами судебные процессы о возвращеніи креста въ Спасскую церковь, обращенную ими въ латинскій костелъ и, не успѣвъ достигнуть этого путемъ судебныхъ процессовъ, прибѣгали къ насилію и хитрости. Такъ, однажды въ праздникъ Воздвиженія, когда крестъ вынесенъ былъ для поклоненія на средину церкви, они успѣли похитить его, подложивъ на его мѣсто другой, по наружности совершенно похожій, крестъ. Но подлогъ тотчасъ былъ замѣченъ; уніаты догнали похитителя на полпути къ іезуитскому коллегіуму и отняли у него крестъ. Во время отечественной войны 1812 года, крестъ, для большей безопасности, хранился въ стѣнѣ Софійскаго собора—въ нишѣ, наглухо задѣланной кирпичемъ. Въ 1841 г., по возстановленіи Спасской обители, онъ торжественно перенесенъ былъ изъ Софійскаго собора въ Спасскую церковь и положенъ на хорахъ, въ той самой кельѣ, гдѣ нѣкогда подвизалась пр. Евфросинія. Торжество перенесенія креста совершено 23 мая, въ день празднованія памяти пр. Евфросиніи, преосвященнымъ Василіемъ, архіепископомъ полоцкимъ, при многочисленномъ стеченіи народа. Въ воспоминаніе сего событія ежегодно совершается 23 мая изъ всѣхъ полоцкихъ церквей крестный ходъ въ Спасскую обитель».

(*Упоминается на стр. 29 и 30*).

2. Крестъ, которымъ преподобный Сергій благословилъ Димитрія Донскаго на борьбу съ Мамаемъ.

(Стр. 119).

Куликовская битва, на которой великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ былъ пораженъ грозный ханъ Мамай, имѣла на судьбы Литовскаго государства то вліяніе, что гордые ханы Золотой Орды, лишившись главенства надъ Москвою и ведя между собою споры за Ордынскій престолъ, начали обращать свои надежды къ литовскому князю. Такъ ханъ Тохтамышъ, свергнувшій съ престола Мамая уже послѣ куликовскаго пораженія, а потомъ самъ лишившійся престола, обратился за помощію къ князю Витовту, который выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ въ защиту правъ Тохтамыша. Пораженіе, понесенное литовскимъ княземъ при р. Ворсклѣ, послужило тому, что Литва въ отношеніи Московскаго государства утратила свое угрожающее значеніе. Измѣнившееся такимъ образомъ взаимное направленіе политики Московскаго и Литовскаго княжествъ поставило эти сосѣднія государства въ лучшія между собою отношенія.

Таковы были для Литвы послѣдствія куликовскаго сраженія.

Считаемъ поэтому соотвѣтственнымъ удѣлить на страницахъ настоящаго изданія мѣсто священному памятнику торжества Руси надъ Мамаевымъ нашествіемъ.

Къ числу богатыхъ коллекцій церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи въ 1888 году присоединилось собраніе иконъ, складней, крестовъ и медальоновъ, принадлежавшихъ Е. П. Демидовой, княгинѣ Санъ-Донато. Въ числѣ этихъ предметовъ оказался крестъ съ слѣдующею надписью:

«Симъ крестомъ благословилъ преподобный игуменъ Сергій князя Димитрія на погана царя Мамая и рекъ: симъ побѣждай врага; в лето 1380 августа 27 дня».

Крестъ имѣетъ восьмиконечную форму и составляетъ 7½ вершковъ длины. Онъ сдѣланъ изъ дерева и обложенъ тонкими изъ позолоченнаго серебра пластинками. Съ лѣвой стороны его окладъ сильно пострадалъ отъ времени; утраченныя части оклада замѣнены желтою масляною краскою. На лицевой его сторонѣ, поверхъ оклада, на отдѣльныхъ бляхахъ, выбиты: въ срединѣ—распятіе, справа Богоматерь и Марія Магдалина, слѣва Іоаннъ Богословъ и сотникъ Логгинъ, вверху два ангела съ одеждою въ рукахъ. Эти изображенія штампованы грубо и по своему типу напоминаютъ чеканку древнѣйшихъ складней и металлическихъ крестовъ.

Подробное изслѣдованіе креста св. Сергія исполнено кіевскимъ ученымъ В. З. Завитневичемъ, который, обозрѣвъ эту рѣдкую святыню съ точекъ зрѣнія: исторической, археологической, палеографической, филологической и хронологической («Труды Кіевской дух. академіи» 1889 г., № 1), доказалъ несомнѣнными выводами подлинность креста. Но, помимо научно-археологическаго воззрѣнія, изслѣдователь придаетъ еще слѣдующее значеніе описываемому кресту: «Какъ преподобный Сергій долженъ быть признанъ живымъ выразителемъ религіозной вѣры, подкрѣплявшей русскаго человѣка въ минуты тяжкихъ историческихъ испытаній, такъ великій князь Димитрій Ивановичъ Донской можетъ быть признанъ выразителемъ для своего времени вѣры русскаго народа въ свое великое историческое призваніе, вѣры, вызывавшей его на самоотверженный подвигъ. Благословляя великаго князя на битву съ Мамаемъ, святой старецъ какъ бы вдохнулъ въ него и его сподвижниковъ свою живую вѣру въ помощь Божественнаго Промысла, которая, соединившись съ глубокой вѣрой въ русскаго человѣка, создала могучую силу, сокрушившую несокрушимыя полчища поработителей нашей свободы. Ясно, что памятникъ, послужившій внѣшнимъ знакомъ внутренняго соединенія для подвига этихъ двухъ великихъ силъ—вѣры и народности, заслуживаетъ того, чтобы стать предметомъ высокаго почитанія, чтобы сдѣлаться народной святыней. Подобнаго рода памятникъ всегда будетъ служить напоминаніемъ русскому человѣку той исторически выработанной истины, что неизсякаемый источникъ нашего внутренняго и внѣшняго могущества покоится въ тѣсномъ союзѣ вѣры съ народностью: тутъ наша сила, наша слава, вѣрный и надежный залогъ нашей самобытности».

Нашъ рисунокъ креста воспроизведенъ по фотографіи и предвари-

тельно разсмотрѣнъ и признанъ вѣрнымъ оригиналу кіевскими учеными. Не удалось лишь воспроизвести съ полною точностію транскрипціи надписей вслѣдствіе крайней дробности буквъ.

(*О куликовской битвѣ упоминается на стр. 83*).

3. Корсунская или Ефесская икона Божіей Матери.

(Стр. 31).

Евангелисту Лукѣ преданіе приписываетъ очень много иконъ Богоматери, чтимыхъ нынѣ въ православномъ мірѣ. По нѣкоторымъ даннымъ, съ достовѣрностью однако полагаютъ, что кисти апостола принадлежали три иконы Божіей Матери, писанныя при жизни Пречистой, изъ которыхъ одна находилась въ Константинополѣ, другая въ Іерусалимѣ, а третья въ Ефесѣ.

Икона, бывшая въ Ефесѣ, нынѣ находится въ Воскресенскомъ соборѣ города Торопца, Псковской губерніи.

По историческимъ извѣстіямъ, преподобная Евфросинія, княжна полоцкая, по принятіи иночества, подвизалась при Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ, но вскорѣ избрала новое для себя мѣсто подвижничества, называвшееся «Сельцо», гдѣ находилась деревянная церковь Спаса. Основавъ здѣсь обитель, преподобная выстроила каменный храмъ Всемилостиваго Спаса; когда же обитель расширилась, Евфросинія соорудила другую церковь въ честь пресвятой Богородицы и пожелала украсить новый храмъ одною изъ иконъ, писанныхъ евангелистомъ Лукою, о существованіи кототорыхъ она знала изъ разсказовъ путешественниковъ и изъ чтенія книгъ. Царствовавшій въ то время въ Греціи домъ Комниныхъ находился въ родствѣ съ владѣтельными князьями полоцкими (чрезъ супружество родной тетки Евфросиніи съ сыномъ императора, Алексѣя Комнина). Преподобная Евфросинія воспользовалась этимъ родствомъ и для осуществленія своего желанія отправила къ императору Мануилу и патріарху Лукѣ Хрисовергу монастырскаго слугу, по имени Михаила, съ богатыми дарами и просьбою одарить ея обитель иконой Божіей Матери, писанной евангелистомъ Лукой. Императоръ и патріархъ исполнили эту просьбу и вручили послу икону Богоматери изъ Ефеса. Украсивъ икону золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, Евфросинія поставила ее въ храмѣ пресвятой Богородицы. Это было въ 1173 году.

Корсунская икона Божіей Матери, вмѣстѣ съ другими священными предметами, пріобрѣтенными Евфросиніею съ Востока, какъ-то: частицею древа животворящаго креста Господня съ кровію Спасителя, частицами камней отъ гробовъ Христа и Богоматери, частями мощей нѣкоторыхъ святыхъ,—привлекала въ Спасскую обитель множество богомольцевъ, которые находили здѣсь утѣшеніе и удовлетвореніе своимъ религіознымъ чувствамъ.

Въ 1239 году, по случаю бракосочетанія благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава Параскевою, Корсунская

икона была отдана Брячиславомъ въ благословеніе своей дочери, которая увезла ее въ г. Торопецъ и пожертвовала соборной Воскресенской церкви, въ память совершившагося въ ней бракосочетанія своего. Достовѣрное извѣстіе объ этомъ сохранилось въ письменномъ актѣ Торопецкаго собора.

Нынѣ икона помѣщается въ иконостасѣ Воскресенскаго собора, въ особомъ высокомъ рѣзномъ кіотѣ. Длина иконы 1 арш. 2 верш., а ширина 14 вершковъ. Отъ времени живопись очень потемнѣла, но цвѣта красокъ легко различаются. Цвѣтъ верхней одежды Богоматери красный, а нижней—темносиній. Одежда у Богомладенца темнозеленая. На другой сторонѣ иконы, на клеенкѣ, изображенъ святитель Николай.

По преданію, иконѣ дано названіе Корсунской потому, что «везомой сущей иконѣ въ Полоцкъ, жителями города Корсуна изъ благоговѣнія удержана была въономъ до года».

(*Упоминается на стр. 29*).

4. Минская икона Божіей Матери.

(Стр. 31).

Въ Минскѣ, въ каѳедральномъ православномъ соборѣ Петра и Павла, находится древнѣйшая чудотворная икона Божіей Матери.

Историческія данныя утверждаютъ, что икона эта вывезена св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ изъ греческаго города Корсуня или Херсонеса, вмѣстѣ съ другими иконами и разными священными предметами, и была установлена въ сооруженной имъ въ Кіевѣ церкви Рождества пресвятыя Богородицы или Десятинной. Храмъ этотъ неоднократно подвергался ограбленію и разоренію: въ 1169 году—при взятіи приступомъ Кіева одиннадцатью князьями подъ главенствомъ Андрея Суздальскаго; въ 1204 году—при завладѣніи Кіева Рюрикомъ съ Ольговичами; въ 1240 году—при нападеніи полчищъ Батыя, приведшихъ Десятинную церковь въ развалины, какими она оставалась послѣ того около 400 лѣтъ. Гдѣ именно помѣщалась описываемая икона послѣ Батыева нашествія, слѣдовъ не осталось; извѣстно лишь, что когда Кіевъ подвергся послѣ того новому нападенію татарскихъ полчищъ подъ предводительствомъ хана Магметъ-Гирея, то одинъ татаринъ, содравъ съ этой иконы драгоцѣнныя украшенія, бросилъ ее въ Днѣпръ, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, икона, неизвѣстно какимъ образомъ, оказалась на рѣкѣ Свислочи, у города Минска, противъ замка минскихъ удѣльныхъ князей. Это было 13 августа 1500 года. Увидѣвшіе чудесно приставшую икону замѣтили необыкновенное сіяніе, которымъ она была озарена, благоговѣйно сняли ее съ рѣки и торжественно внесли въ замковую церковь Рождества пресвятыя Богородицы, гдѣ она оставалась въ теченіи 116 лѣтъ.

Съ возникновеніемъ въ русскихъ земляхъ бывшей Польши гоненія на православіе, когда уніаты насильно присвоивали себѣ православные храмы

и принадлежавшие имъ священные предметы, чудотворная икона Божіей Матери, по распоряженію уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго, была взята изъ замковой Рождественской церкви и поставлена въ церкви Минскаго базиліанскаго монастыря Св. Духа. Церковь эта, послѣ возсоединенія въ 1839 году западно-русскихъ уніатовъ съ православіемъ, обращена въ Петропавловскій каѳедральный соборъ, въ которомъ древняя икона Божіей Матери и находится по настоящее время, пользуясь большимъ почетомъ со стороны окрестнаго православнаго населенія.

Икона украшена богатою серебряною ризою, изготовленною въ недавнее время православными жителями г. Минска.

(*Упоминается на стр. 146*).

5. Жировицкая икона Божіей Матери.

(Стр. 31).

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Жировицкій Успенскій православный монастырь, которому посвящены на страницахъ этого изданія особые рисунокъ и описаніе, въ древности былъ дремучій лѣсъ, принадлежавшій православному литовскому вельможѣ, подскарбію Александру Солтану. Болѣе 400 лѣтъ тому назадъ мѣсто это прославилось явленіемъ иконы Божіей Матери. По этому поводу сохранилось слѣдующее преданіе.

Лѣтомъ 1470 года мѣстные православные поселяне, пасшіе въ лѣсу скотъ, замѣтили однажды необычайный свѣтъ, проникавшій сквозь вѣтви лѣсной груши, стоявшей подъ горой, надъ ручьемъ. Пастухи подошли къ дереву и на немъ обрѣли сіявшій свѣтомъ небольшой образъ Божіей Матери овальной формы. Снявъ съ дерева, пастухи отнесли его къ своему господину Александру Солтану; но тотъ не обратилъ однако особаго вниманія на икону и спряталъ ее въ ларецъ. На слѣдующій день, когда Солтанъ, разсказывая своимъ гостямъ о вчерашнемъ событіи, потребовалъ къ себѣ ларецъ, оказалось, что иконы въ немъ нѣтъ. Чрезъ нѣсколько времени тѣ же пастухи снова нашли икону на томъ же деревѣ и опять сняли ее и принесли Солтану. Тогда Солтанъ поспѣшилъ къ мѣсту явленія иконы и тамъ далъ обѣтъ построить на мѣстѣ явленія церковь. Послѣ сооруженія деревяннаго храма, здѣсь возникло селеніе и образовался приходъ. Въ 1560 году въ Жировицахъ случился пожаръ и церковь сгорѣла. Предполагали, что огонь не пощадилъ и явленной иконы, но это предположеніе не оправдалось. Крестьянскіе мальчики, расходясь послѣ ученія по домамъ, замѣтили у пепелища, подъ горой, сидѣвшую на камнѣ дѣву необычайной красоты и сіявшую лучами. Извѣщенный объ этомъ видѣніи священникъ, подойдя къ указанному мальчиками мѣсту, увидѣлъ здѣсь ту самую икону, которая считалась истребленною пожаромъ, и предъ нею горящую свѣчу. Священникъ собралъ народъ

и въ торжественномъ шествіи перенесъ икону, за неимѣніемъ церкви, въ свой домъ.

Событіе это еще болѣе прославило икону и привлекло къ ней массы богомольцевъ; тогда, вмѣсто деревянной небольшой церкви, былъ выстроенъ каменный болѣе помѣстительный храмъ.

Въ половинѣ XVI вѣка въ Жировицахъ уже существовалъ мужской православный монастырь, прославившійся строгимъ подвижничествомъ иноковъ, дѣятельностію состоявшаго при немъ братства и защитою православія отъ латинства и уніи. Въ 1613 году монастырь былъ однако захваченъ уніатскими монахами-базиліанами, которые владѣли обителью до времени возсоединенія уніатовъ въ 1839 году съ православною церковью.

Въ 1730 году, по обычаю западной церкви, происходило торжество коронаціи Жировицкой иконы. Корона, украшенная драгоцѣнными камнями, была пожертвована кн. Анною Радивилъ, рожденною княжною Сангушко, и сыномъ ея Іеронимомъ. Коронацію совершалъ уніатскій митрополитъ Аѳанасій Шептицкій.

Во все время нахожденія православной святыни въ рукахъ уніатовъ святый образъ пользовался должнымъ чествованіемъ со стороны уніатовъ и католиковъ. Иконѣ оказывали высокое почитаніе и польскіе короли, изъ которыхъ Янъ-Казиміръ выдалъ грамоту (сохранившуюся до настоящаго времени) о воспрещеніи евреямъ не только жить, но и имѣть ночлегъ въ Жировицахъ, а при проѣздѣ проходить мѣстечко пѣшкомъ съ открытой головой и безъ обуви.

При посѣщеніи обители, паломники, по установившемуся издревле обычаю, запасаются водой изъ того источника, у котораго совершилось первое явленіе иконы, считая воду чудодѣйственною; источникъ этотъ находится въ склепѣ, подъ церковью Успенія. Кромѣ того, богомольцы берутъ кусочки камня, на которомъ было третье явленіе иконы и который теперь находится подъ алтаремъ другой церкви, въ монастырскомъ саду. Камень этотъ вышиною два, длиною три и шириною полтора аршина. Его называютъ Стопою Богородицы, усматривая на его плоскости слѣды руки.

Жировицкая икона изображена рельефомъ на яшмовомъ камнѣ небольшихъ размѣровъ, овальной формы. Помѣщается она въ иконостасѣ главнаго монастырскаго храма во имя Успенія пресвятой Богородицы, по лѣвой сторонѣ царскихъ вратъ, въ большомъ образѣ, изображающемъ пресвятую Троицу и нѣкоторыхъ святыхъ.

(*Упоминается на стр. 134*).

6. Виленская икона Одигитріи (Путеводительницы).

(Стр. 95).

Въ иконостасѣ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря помѣщается чудотоврная икона Божіей Матери, извѣстная подъ названіемъ Одигитріи или Путеводительницы. По преданію, икона эта писана евангелистомъ Лукой съ пречистаго лика Богородицы Сначала она находилась у визайтійскихъ императоровъ, какъ семейная святыня, а потомъ принесена въ Москву греческою царевною Софіею, послѣднею отраслью константинопольскаго императорскаго дома. Московскій князь, впослѣдствіи царь, Іоаннъ III Васильевичъ, выдавая дочь свою Елену въ замужество за литовскаго князя Александра, благословилъ ее иконою Одигитріи, съ которою она и пріѣхала въ 1495 году въ Вильну. Въ то время въ столицѣ Литовскаго княжества пользовалась большой славой чудотворная икона Божіей Матери, называемая Корсунской, а впослѣдствіи Островратской или Остробрамской, и находившаяся въ особой православной часовнѣ при монастырѣ Св. Троицы. Но вновь явившаяся въ Вильнѣ икона Одигитріи, установленная послѣ смерти княгини Елены въ Пречистенскомъ соборѣ, надъ гробницею княгини, привлекла къ себѣ богомольцевъ, которые начали дорожить ею, какъ древнѣйшею христіанскою святынею, болѣе, нежели Корсунско-Островратною иконой. Почитаніе иконы со стороны виленцевъ было такъ велико, что когда московскій царь Іоаннъ IV Васильевичъ, послѣ пресѣченія родства между государями московскимъ и литовскимъ предложилъ королю Сигизмунду-Августу за нее 50 именитыхъ плѣнныхъ литовцевъ, то король-фанатикъ не рѣшился выпустить изъ Вильны православную святыню.

Послѣ перехода Пречистенскаго собора въ руки уніатовъ, икона Одигитріи была перенесена въ 1750 году въ Св. Троицкій монастырь, бывшій уже тогда въ распоряженіи базиліанъ, и съ тѣхъ поръ святыня остается въ этой обители, возвращенной православію въ 1839 году.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго означенныя двѣ иконы виленскія къ настоящему времени представляютъ собою положеніе одно другому противуположное: въ то время, когда Островратская икона, затѣненная нѣкогда въ своей славѣ иконой Одигитріи, пользуется почетомъ со стороны католиковъ и православныхъ и, выставленная въ открытомъ для всѣхъ мѣстѣ, привлекаетъ къ себѣ десятки тысячъ богомольцевъ, — икона Одигитріи почитается лишь православными, занимая скромное мѣсто въ иконостасѣ монастырской церкви.

Икона Одигитріи изображена на четырехъ, вмѣстѣ соединенныхъ доскахъ, изъ которыхъ двѣ среднія кипарисовыя, а остальныя березовыя. О почитаніи иконы и о проявленныхъ отъ нея чудесахъ свидѣтельствуетъ множество серебряныхъ привѣсокъ, изображающихъ различныя части тѣла. Къ крайнему прискорбію, древняя живопись скрывается подъ новѣйшими слоями красокъ: въ 1864 году она сильно подновлена академикомъ Васильевымъ.

Въ то же время, къ сожалѣнію, подверглась передѣлкѣ и бывшая на иконѣ серебряная риза старинной ажурной работы. Древность послѣдней не возстановима; но объ очищеніи иконы отъ позднѣйшихъ красокъ слѣдовало бы позаботиться любителямъ и почитателямъ древней иконописи.

(*Упоминается на стр. 152*).

7. Виленская Островратская или Остробрамская икона Божіей Матери.

(Стр. 145).

Существуетъ преданіе, что Виленская икона Богородицы чудесно явилась на городскихъ воротахъ 14 апѣрля 1431 г.; нѣкоторыя же письменныя указанія свидѣтельствуютъ, что икона эта привезена въ Вильну великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ Гедиминовичемъ изъ Корсуня или Херсонеса послѣ 1363 года, когда взятъ былъ княземъ этотъ городъ и изъ него вывозились священные предметы и церковная утварь, почему икона называлась первоначально Корсунскою. Икону эту Ольгердъ передалъ своей благочестивой супругѣ, которая помѣстила греческую святыню въ новосооруженный монастырь Св. Троицы. Впослѣдствіи иноки перенесли икону въ часовню у Остраго или Русскаго конца города, близъ самаго монастыря. Неизвѣстно, когда совершилось перенесеніе иконы, но имѣются свѣдѣнія, что въ 1431 году святыня эта была уже въ часовнѣ.

Въ концѣ XV вѣка Вильнѣ угрожало нашествіе татаръ, которые находились уже въ 70 верстахъ отъ литовской столицы. По просьбѣ городскихъ властей и жителей, великій князь Александръ Казиміровичъ приказалъ обнести городъ новою каменною стѣною. 23 апрѣля 1498 г. совершилась закладка главныхъ пунктовъ городской стѣны, а при этомъ въ мѣстѣ, называвшемся Острымъ или Русскимъ концомъ, положено основаніе главнымъ городскимъ воротамъ, которымъ дано названіе Мѣдницкія или Мѣдникскія, а также Жмудскія или Русскія. Ворота состояли изъ большой башни, вверху которой была устроена часовня. Въ эту-то часовню иноки монастыря св. Троицы перенесли икону, ликомъ къ южной сторонѣ, такъ-что въѣзжающіе въ городъ прежде всего обращали свой взоръ къ иконѣ. Къ часовнѣ былъ устроенъ ходъ съ наружной стороны башни, въ видѣ лѣстницы. Здѣсь православное духовенство совершало молебныя священнослуженія, а литургіи для богомольцевъ часовни отправлялись въ монастырской церкви св. Петра, находившейся не вдалекѣ отъ башенныхъ воротъ. Съ тѣхъ поръ прежнее названіе иконы Корсунскою начало забываться, и она стала постепенно называться Островратской, Островоротной, а съ усиленіемъ польскаго элемента въ краѣ русское названіе «Острыя ворота» обратилось въ польское «Остра Брама», а отсюда и къ иконѣ перешло именованіе «Остробрамская».

Незадолго предъ сооруженіемъ Островоротной башни и помѣщеніемъ въ ея часовнѣ Корсунской иконы произошло событіе, имѣвшее огромное

значеніе въ судьбѣ этой иконы. Прибывшая въ 1495 году въ Вильну невѣста литовскаго князя Александра, дочь великаго князя московскаго Іоанна III Васильевича, Елена, привезла съ собою цареградскую икону Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), писанную, по преданію, св. евангелистомъ Лукой съ пречистаго лика Богородицы. Икона эта, установленная послѣ смерти Елены въ Успенскомъ Пречистенскомъ соборѣ, начала привлекать къ себѣ богомольцевъ, и виленцы начали дорожить ею, какъ древнѣйшею христіанскою святынею, предпочтительно предъ иконою Корсунскою-Островратною, а почитаніе послѣдней постепенно начало ослабѣвать. Чествованіе иконы Одигитріи было такъ велико, что польское фанатичное правительство не рѣшалось отпустить изъ Вильны эту православную святыню, за которую московскій царь Іоаннъ Грозный предлагалъ въ 1570 году 50 именитыхъ плѣнныхъ литовцевъ.

Но настали тяжелыя времена для православныхъ. Появилась унія, сопровождавшаяся, какъ извѣстно, жестокимъ гоненіемъ на православіе и захватомъ церквей. Въ числѣ послѣднихъ былъ отнятъ уніатами и Троицкій монастырь, въ вѣдѣніи котораго состояла ослабившая свою славу Островоротная часовня. Уступивъ натиску фанатиковъ, православные иноки, оставляя Троицкую обитель, вынесли икону Божіей Матери изъ Островоротной часовни и помѣстили ее въ одной изъ приходскихъ церквей, — въ какую именно—слѣдовъ не осталось; извѣстно лишь, что въ 1609 году икона находилась въ церкви въ честь перенесенія мощей св. Николая. Въ этомъ году, 29 іюля, королевскіе приближенные, Сенковскій и Краевскій, въ отсутствіи настоятеля Николаевской церкви, протоіерея Варѳоломея Жашковскаго, разломавъ двери, ворвались съ гайдуками въ церковь, переписали церковное имущество, забравъ часть его съ собой, и объявили церковь взятою «въ распоряженіе короля, какъ наивысшаго подавцы и оборонцы церквей Божіихъ». Отселѣ икона Богоматери поступаетъ въ вѣдѣніе уніатовъ, которые переносятъ ее въ часовню Островоротной башни.

Въ 1621 году одинъ изъ ревностныхъ католиковъ, вице-канцлеръ Литовскаго княжества, Стафанъ Пацъ, вмѣстѣ съ двумя уніатами, виленскими бургомистрами, Игнатіемъ и Стефаномъ Дубовичами, заняли пустопорожнее мѣсто, отъ острыхъ воротъ по направленію къ православному монастырю св. Духа, и начали воздвигать каменныя сооруженія для будущаго монастыря. Это совпало съ ревностною дѣятельностію уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго, который, стремясь сблизить унію съ латинствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовать монашество по образцу латинскихъ орденовъ, испросилъ, въ 1624 году, у папы Урбана VIII помощниковъ для себя. Командированные вслѣдствіи сего изъ Рима четыре патера ордена кармелитовъ-босыхъ, знающіе русскій и польскій языки, прибыли въ Вильну съ приказаніемъ временно носить одежду уніатскихъ монаховъ и отправлять богослуженіе по восточному обряду. Исполнивъ свою миссію, т. е. обративъ мона-

ховъ въ иноковъ базиліанскаго ордена и установивъ весь строй ихъ на латинскій ладъ, переряженные кармелиты получили въ свое вѣдѣніе монастырь, сооруженный Пацомъ и Дубовичами, вмѣстѣ съ величественнымъ костеломъ, освященнымъ въ честь Терезіи, и, воспользовавшись близостію къ нему Островоротной часовни, мало по малу присвоили ее себѣ вмѣстѣ съ иконою Богоматери.

Въ теченіи времени съ 1655 по 1661 гг. Вильна, взятая войсками царя Алексѣя Михайловича, находилась въ рукахъ русской власти Опасаясь возвращенія русскими Островратской иконы православію, кармелиты тайно вывезли икону и скрыли ее въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ) и уже тогда привезли ее обратно въ Вильну, когда окончилось русское господство.

Переходъ русской иконы къ латинскимъ монахамъ-кармелитамъ нѣсколько усилилъ почитаніе святыни. Въ Островоротную часовню начали притекать и православные, и уніаты, и католики. Смотря по тому, кого изъ нихъ въ данное время было больше, латинскіе патеры облекались или въ восточныя или латинскія священныя одѣянія и служили или по уніатскому или по латинскому ритуалу. Обычаи и порядки римскаго исповѣданія оправдывали такой маскарадъ.

По случаю ветхости, Островоротная часовня въ 1671 году была разобрана и вмѣсто нея кармелиты устроили новую. На время постройки икона была перенесена въ Терезинскій костелъ. Устанавливая въ новой часовнѣ образъ, кармелиты обратили его ликомъ къ городу, и съ тѣхъ поръ въ узкой уличкѣ появились колѣнопреклоненные богомольцы, послышались открыто распѣваемые гимны, кантаты и проч.

Послѣ пожара, бывшаго въ Вильнѣ 26 мая 1714 г. и уничтожившаго часовню въ Острыхъ Воротахъ, спасенная икона снова была перенесена въ Терезинскій костелъ, гдѣ и оставалась болѣе 25 лѣтъ. Латинскіе патеры какъ-бы нарочно задерживали у себя икону, привлекавшую на поклоненіе ей массы богомольцевъ въ костелъ. Въ 1744 году икона торжественно была перенесена въ новоустроенную надъ Острыми Воротами башню, причемъ входъ въ нее былъ сдѣланъ изъ Терезинскаго костела. Впослѣдствіи ходъ въ часовню продѣланъ и съ улицы.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія базиліане Троицкаго монастыря завели споръ съ кармелитами о принадлежности Островратской иконы. Процессъ тянулся долго и, пройдя всѣ инстанціи, дошелъ до Рима. Папа Пій VII придумалъ оригинальный, но совсѣмъ неосновательный способъ окончанія спора. Онъ рѣшилъ, что икона должна принадлежать тому монастырю, къ которому стоитъ ближе Островоротная часовня. Костелъ Терезіи оказался ближайшимъ, и обладаніе латинскими патерами русскою святынею получило окончательную санкцію.

Присвоивъ себѣ икону Божіей Матери, поляки возвеличили ее, какъ «польскую королеву», назвавъ Острыя Ворота «престоломъ королевы», «опло-

томъ ойчизны». Заблужденіе тѣмъ болѣе печальное, что слова неразумныхъ патріотовъ переходили въ дѣло. При каждомъ революціонномъ движеніи, характерно называемомъ самими поляками «рухавками», священныя Острыя Ворота обращались въ мѣсто скопища повстанцевъ. Такъ, 31 іюля 1794 г., въ воротахъ было выставлено ими нѣсколько орудій, направленныхъ противъ русскихъ, причемъ изъ башни сыпался въ нихъ цѣлый градъ пуль, а одинъ кармелитъ, ксендзъ Целица, взобравшись въ башню, сразилъ пулей русскаго полковника Дѣева; въ 1830 и 1831 годахъ здѣсь распѣвались революціонные гимны, произносились разжигающія проповѣди, собирались «офяры на будованье ойчизны»; то же происходило и во время возстанія 1861 года, только съ большею смѣлостью и въ бо̀льшемъ числѣ участниковъ.

При проходѣ французовъ черезъ Вильну въ 1812 году, ими былъ захваченъ Терезинскій кляшторъ и обращенъ въ казармы. Пришельцы, уничтоживъ въ костелѣ престолы и надругавшись надъ иконами и фигурами, не пощадили и Островратскую икону, которая оказалась нѣсколько поврежденной.

Въ 1826 году былъ объявленъ «юбилей» установленія сорокачасоваго богослуженія въ костелѣ Терезіи, или «годовая миссія»,—римское празднество, продолжающееся въ теченіи цѣлаго года. Черезъ три года послѣ того часовня роскошно была реставрирована, причемъ ликъ Пречистой Дѣвы былъ прочищенъ, промытъ и нѣсколько подновленъ. Когда, во время этихъ работъ, сняли съ образа ризу, то на немъ оказалась извѣстная хвалебная пѣснь, написанная по-славянски: «Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаемъ»,—пѣснь, которая могла служить единственнымъ справедливымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса, кому должна принадлежать икона,—кармелитамъ, или русскимъ уніатамъ.

Преступное участіе латинскаго духовенства въ польскомъ мятежѣ 1830 и 1831 гг. вызвало высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ 1832 году, о закрытіи многихъ костеловъ и кляшторовъ, а въ томъ числѣ и Терезинскаго монастыря, который приказано было передать въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Въ дѣйствительности произошло нѣчто странное: передавъ православнымъ жилыя помѣщенія кармелитовъ-босыхъ, изворотливые латиняне, желая во что бы то ни стало удержать за собой костелъ у Острыхъ Воротъ, предложили православному духовенству маленькій Терезинскій костелъ въ другомъ мѣстѣ, внѣ города, за р. Виліей; но духовенство наше справедливо отказалось принять ни на что непригодное ему зданіе. Такимъ образомъ большой при-Островоротный костелъ находится до сихъ поръ въ рукахъ католиковъ и изъ Терезинскаго переименованъ уже въ Островрамскій, состоящій въ вѣдѣніи бѣлаго духовенства. Позже, именно по усмиреніи мятежа 1863 года, виленскій генералъ-губернаторъ, гр. М. Н. Муравьевъ, предполагалъ возбудить дѣло о возстановленіи всей силы высочайшаго пове-

лѣнія 1832 г., но изъ опасенія народнаго волненія, могущаго возникнуть вслѣдствіе перехода костела и Островратной часовни къ православнымъ, предположеніе это небыло осуществлено.

Святая икона написана на дубовой доскѣ болѣе $2^1/_2$ аршинъ вышины и 2 аршина ширины. Изображеніе поясное, въ натуральную величину. Пречистая Дѣва представлена въ моментъ великаго, міроваго событія—ангельскаго благовѣщенія о воплощеніи Бога Слова. Икона покрыта вызолоченой ризой съ двуярусной короной и лучистымъ сіяніемъ. Она вставлена въ большой кіотъ и вся покрыта безчисленнымъ множествомъ металлическихъ приношеній въ видѣ изображеній святыхъ и разныхъ частей тѣла. Подъ иконой устроенъ латинскій престолъ, на которомъ ежедневно совершается не менѣе двухъ литургій.

Всѣ проходящіе и проѣзжающіе Острыми Воротами, не исключая и евреевъ, во всякое время дня и ночи, обязаны снимать шапки. Обычай этотъ укрѣпленъ въ 1795 году распоряженіемъ генералъ-губернатора, князя Н. В. Репнина, по просьбѣ латинянъ. Есть основаніе полагать, что добродушіе русской власти допустило такую мѣру въ то время, когда въ ней скрывалось желаніе латинянъ выказать всеобщее, всенародное почитаніе иконы, какъ святыни польской; по крайней мѣрѣ послѣ такого распоряженія недоумѣвающимъ разъяснялось, что сама русская власть чтитъ святыню, изъ за стѣнъ которой были между тѣмъ поражены, въ іюльскій приступъ 1794 г., русскія войска.

(*Упоминается на стр. 116*).

8. Супрасльская икона Божіей Матери.

(Стр. 173).

Мѣстно-чтимая икона Божіей Матери, находящаяся въ Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ мужскомъ монастырѣ (Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи), почитается чудотворною не только мѣстнымъ православнымъ населеніемъ, но и католиками. Писана икона въ византійскомъ стилѣ и составляетъ копію съ чудотворной Смоленской иконы Божіей Матери. Происхожденіе иконы неизвѣстно; предпологаютъ, что она привезена изъ Смоленска, или же написана по распоряженію смоленскаго епископа, Іосифа Солтана, который былъ фундаторомъ Супрасльской обители.

Икона украшена серебряной вызолоченой ризой съ драгоцѣнными камнями, устроенной въ 1557 году при архимандритѣ Сергіѣ Кимбарѣ, съ участіемъ супруги основателя монастыря, великаго маршала литовскаго, А. И. Ходкевича.

Въ древности икона помѣщалась въ иконостасѣ; при замѣнѣ же, въ первой половинѣ XVII столѣтія, иконостаса новымъ, икона установлена на

колоннѣ, поддерживающей куполъ церкви съ лѣвой стороны, гдѣ находится и въ настоящее время.

(*Упоминается на стр. 146*).

9. Коложская икона Божiей Матери.

(Стр. 173).

Въ г. Гроднѣ, въ мужскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, находится мѣстно-чтимая икона Божiей Матери, называемая Коложскою.

Такое названiе икона получила потому, что она прежде была въ Коложской церкви во имя Бориса и Глѣба, построенной въ первой половинѣ XII вѣка на предмѣстьѣ Гродны, называющемся Коложею. Въ 1853 году Коложская церковь наполовину обрушилась въ р. Нѣманъ и съ того времени икона Божiей Матери находится въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Коложская икона почитается всѣмъ окрестнымъ населенiемъ. Историческое происхожденiе ея однако не извѣстно. Написана она на полотнѣ, наклеенномъ на доску, и можетъ быть отнесена къ XVII вѣку. По характеру живописи предполагаютъ, что икона представляетъ собою не вполнѣ точную копiю съ Виленской иконы Одигитрiи, принесенной въ Вильну великою княгинею Еленою Ивановной изъ Москвы и находящейся нынѣ въ храмѣ Виленскаго Троицкаго монастыря.

(*Упоминается на стр. 258*).

10. Сурдегская икона Божiей Матери.

(Стр. 173).

Въ Ковенской губернiи, Вилкомiрскаго уѣзда, въ центрѣ Жмуди, въ глубинѣ лѣсовъ, стоитъ уединенно Сурдегскiй мужской православный монастырь. Первыя историческiя свѣдѣнiя объ этомъ святомъ мѣстѣ начинаются со времени постройки здѣсь въ 1510 году церкви православнымъ помѣщикомъ Богданомъ Шишъ-Ставецкимъ.

Спустя лѣтъ 20 послѣ сооруженiя церкви, не вдалекѣ отъ нея, надъ источникомъ, явилась икона Божiей Матери. Мѣстный помѣщикъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Владыка, занимавшiй должность биржанскаго старосты, тогда же построилъ на мѣстѣ явленiя иконы другой храмъ, деревянный, при которомъ владѣлица имѣнiя Сурдегъ Анна Ставецкая, по мужу Городецкая-Билевичъ, основала здѣсь монастырь, выстроивъ въ 1636 г. каменную церковь и надѣливъ обитель поселенными имѣнiями; подчинивъ затѣмъ обитель Виленскому Свято-Духову монастырю, она повелѣла быть покровительствуемой ею обители подъ началомъ константинопольскаго патрiарха и кiевскаго православнаго митрополита.

Завѣтъ патронессы православной обители, не смотря на страшныя го-

ненія на православіе со стороны уніатовъ и латинянъ, былъ въ точности соблюденъ: въ то время, когда церкви и монастыри православные одни за другими забирались уніатами, Сурдегскій монастырь, также какъ и Виленскій Свято-Духовскій, пребылъ неизмѣнно православнымъ. Были впрочемъ попытки враговъ православія завладѣть и этою святынею, но безуспѣшно. По этому поводу разсказываютъ, что когда бернардины Трашкунскаго католическаго монастыря, похитивъ Сурдегскую икону, поставили ее въ костелѣ, то ликъ Пречистой какъ бы исчезъ, а у похитителей перекосились челюсти, вслѣдствіе чего бернардины съ крестнымъ ходомъ возвратили икону въ Сурдегскую обитель; но во время процессій совершилось новое чудо. Одинъ изъ изувѣровъ, съ досады на неудачу, кощунственно дерзнулъ воскликнуть: «А, чародѣйка! не захотѣла быть у насъ!» Дерзкій богохульникъ былъ наказанъ лишеніемъ разсудка, а одна изъ почитательницъ святыни, слѣпая нищая, подойдя къ иконѣ, чтобы пройти подъ нею на колѣнахъ, чудесно прозрѣла.

Съ тѣхъ поръ значеніе иконы и самаго монастыря возвысилось не только въ глазахъ православныхъ, но и среди католиковъ. Особенное благоволеніе къ иконѣ оказываютъ русскіе купцы изъ Риги, стекающіеся обыкновенно въ Сурдегскій монастырь къ празднику Успенія. Заказывая здѣсь богослуженія, они сами несутъ различныя въ церкви послуги: убираютъ ее, поютъ и читаютъ, ходятъ съ кружками и т. п.

(*Упоминается на стр. 152*).

11. Рака преподобной Евфросиніи, княжны полоцкой.

(Стр. 27).

Нетлѣнныя мощи преподобной Евфросиніи, княжны полоцкой, почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ дальнихъ пещерахъ, при церкви Благовѣщенія, въ серебряной ракѣ, копія съ которой представлена въ настоящемъ изданіи съ фотографическаго снимка.

Преподобная Евфросинія, по народному наименованію Предислава, была дочерью князя Георгія, младшаго сына полоцкаго владѣтельнаго князя Всеслава Брячиславича, и такимъ образомъ приходилась праправнукой первому полоцкому князю, Изяславу, сыну равноапостольнаго князя Владиміра. Отличаясь красотой и умомъ, Предислава не пожелала выйти замужъ и тайно отъ родителей скрылась въ иноческую обитель, находившуюся подъ управленіемъ игуменьи Романіи, вдовы князя Романа Всеславича, роднаго дяди Предиславы. Игуменья сосласилась принять къ себѣ юную племянницу только послѣ того, когда убѣдилась въ искреннемъ ея желаніи посвятить себя Богу, и постригла ее въ иноческій чинъ съ христіанскимъ именемъ Евфросиніи.

Не ограничиваясь иноческими подвигами, исполняемыми наравнѣ съ

старѣйшими инокинями, Евфросинія стремилась достичь болѣе высшихъ подвиговъ. Ея желаніемъ было послѣдовать примѣру іерусалимскихъ подвижницъ, проводившихъ жизнь при храмѣ; съ этою цѣлью, съ разрѣшенія полоцкаго епископа Иліи, она поселилась въ пристроенной къ Софійской церкви келліи или такъ называемомъ голубцѣ. Здѣсь она день и ночь славословила Бога, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ списываніемъ священныхъ книгъ на продажу для того, чтобы вырученныя за нихъ деньги раздавать нищимъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Полоцка, въ мѣстности, называвшейся Сельце, находился загородный архіерейскій домъ съ небольшою деревянною церковью Христа Спасителя. По видѣнію, одновременно представившемуся во снѣ епископу и Евфросиніи, мѣстность эта назначена для дальнѣйшаго пребыванія преподобной и для основанія женской обители. Устроивъ обитель и сдѣлавшись въ ней начальницей, Евфросинія приняла въ число инокинь младшую свою сетру Градиславу и двоюродную сестру Звениславу, дочь князя Бориса Всеславича, давъ имъ имена: первой—Евдокіи, а послѣдней—Евпраксіи.

Когда обитель упрочилась, преп. Евфросинія соорудила каменный храмъ, освященный епископомъ Діонисіемъ во имя Всемилостиваго Спаса и сохранившійся до нашего времени. Здѣсь, на хорахъ, преподобная устроила для себя келлію. Кромѣ того, преподобная выстроила церковь въ честь пресвятыя Богородицы и украсила новый храмъ иконою Божіей Матери, писанною евангелистомъ Лукой и присланною ей изъ Греціи. Икона эта, извѣстная подъ названіемъ Корсунской, находится нынѣ въ г. Торопцѣ, въ соборной Воскресенской церкви. (См. особый рисунокъ и описаніе къ нему). Независимо отъ этого, Евфросинія пріобрѣла съ Востока частицу древа животворящаго креста Господня, обагренную святѣйшею кровію Христа, частицы камней отъ гроба Господня и гроба Богородицы и части мощей многихъ угодниковъ и помѣстила эти святыни въ крестѣ, украшенномъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Крестъ этотъ сохраняется въ Полоцкой Спасо-Евфросиніевской обители. (См. отдѣльный рисунокъ съ описаніемъ къ нему).

Находясь уже въ преклонныхъ лѣтахъ и считая свою обитель достаточно устроенною, Евфросинія пожелала осуществить давнишній свой обѣтъ—поклониться мѣстамъ, освященнымъ страданіями и крестною смертію Спасителя. Со слезами разставаясь съ Евфросиніей, всѣ окружавшіе ея духовныя и мірскія лица и родственники услышали предсказаніе преподобной, что дочери брата ея, князя Вячеслава Георгіевича, Киринія и Ольга будутъ сосудами, избранными на служеніе Господу. Предсказаніе сбылось: княжны были пострижены, первая съ именемъ Агаѳіи, а послѣдняя съ именемъ Евѳиміи.

Передавъ управленіе обителью сестрѣ своей Евдокіи, Евфросинія отправилась въ Іерусалимъ въ сопровожденіи брата своего Давида и родственницы своей Евпраксіи. На пути они пользовались привѣтствіемъ греческаго императора Мануила, отправлявшагося на войну противъ венгровъ. Покло-

нившись въ Константинополѣ греческимъ святынямъ, преподобная благополучно достигла Іерусалима, гдѣ съ ласкою была принята царемъ Альмарихомъ, зятемъ Мануила. Къ гробу Господню она пожертвовала золотое кадило и затѣмъ, обойдя священныя мѣста Палестины, поселилась въ находившемся при Іерусалимѣ русскомъ монастырѣ пресвятой Богородицы. Вскорѣ она опять пожелала поклониться гробу Господню и здѣсь молилась объ упокоеніи ея въ святомъ градѣ. Услышана была молитва преподобной: окропивъ себя Іорданской водой за невозможностію быть еще разъ у священной рѣки и принявъ святыхъ Таинъ, Евфросинія, послѣ 24 дневной тяжкой болѣзни, почила 23 мая 1873 г. Священное тѣло преподобной было погребено въ Ѳеодосіевой обители, на паперти церкви пресвятой Богородицы. Впослѣдствіи мощи ея были перенесены въ Кіево-Печерскую лавру, въ дальнія пещеры.

Память преподобной Евфросиніи съиздавна, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, благоговѣйно чтится въ Бѣлоруссіи преимущественно полочанами. Но мѣстное населеніе лишено утѣшенія имѣть у себя святыя мощи ея. Вопросъ о перенесеніи мощей Евфросиніи въ Полоцкъ возбуждался однако не однократно, но, не смотря на ходатайства о томъ полоцкихъ епископовъ и высокопоставленныхъ лицъ, не смотря на сочувствіе этой мысли святителя московскаго, митрополита Филарета, мощи остались въ Кіевѣ, и лишь въ 1870 году, съ благословенія св. синода, въ Полоцко-Спасскую обитель доставлена изъ Кіева часть мощей—средній перстъ десныя руки, хранящійся въ маленькой ракѣ, у царскихъ вратъ.

12. Пещерная церковь и рака св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія въ Виленскомъ монастырѣ Св. Духа.

(Стр. 77).

Въ темную, глухую пору язычества на Литвѣ прославились мученическою кончиною три литовскихъ христіанина.

Придворные бояре великаго князя Ольгерда, родные братья Нежила и Круглецъ, были обращены въ христіанство пресвитеромъ Несторомъ, духовникомъ первой супруги Ольгерда, Маріи Ярославны, княжны витебской. Во святомъ крещеніи первый получилъ имя Антонія, а послѣдній Іоанна. Изъ нихъ Іоаннъ былъ старшій, но Антоній воспріялъ старшинство, предупредивъ брата мученичествомъ и показавъ ему примѣръ твердости исповѣданія Христовой вѣры. Не слѣдуя обычаю язычниковъ литовскихъ, остригавшихъ себѣ волосы на головѣ и бородѣ, и соблюдая посты, братья-христіане скоро обратили на себя вниманіе окружавшихъ и, спрошенные о вѣрѣ, открыто исповѣдали Христа. По требованію язычниковъ, подстрекаемыхъ жрецами, и боясь народнаго возмущенія, Ольгердъ приказалъ заключить исповѣдниковъ въ темницу, гдѣ они пробыли цѣлый годъ. Послѣ того Іоаннъ, стра-

шась ожидаемыхъ мукъ, тайно отъ брата согласился возвратиться къ язычеству, но, получивъ свободу, скрытно сохранилъ христіанство. По его просьбѣ князь освободилъ отъ заключенія и Антонія, который однако и наружно остался твердымъ христіаниномъ, и за эту непреклонность снова былъ вверженъ въ темницу. Тогда раскаявшійся въ своемъ малодушіи Іоаннъ, открыто объявилъ себя христіаниномъ, за что былъ наказанъ палицами и подвергнутъ заключенію. Годъ спустя, Антоній былъ присужденъ къ смерти. Когда ему объявили приговоръ, исповѣдникъ провелъ всю ночь въ молитвѣ и затѣмъ предсказалъ своему брату скорую, одинаковую съ нимъ кончину. Въ ту же ночь братья пріобщились св. Таинъ, а на разсвѣтѣ, 14 апрѣля 1347 г., Антоній испустилъ духъ, будучи удавленъ. Девять дней спустя той же казни былъ преданъ и братъ его Іоаннъ.

Родственникъ мучениковъ братьевъ, въ язычествѣ Кумецъ, принявшій отъ того же Нестора крещеніе, съ именемъ Евстафія, по тѣмъ же признакамъ былъ заподозрѣнъ въ принадлежности христіанству и, по повелѣнію Ольгерда, былъ подвергнутъ мученіямъ. Сначала его били палицами, а потомъ начали лить въ уста холодную воду, ломать кости въ ногахъ, вырѣзывать кожу съ головы; но святой исповѣдникъ цѣлыхъ три дня терпѣлъ мученія; наконецъ язычники привели его въ густую рощу, гдѣ совершались идольскія жертвоприношенія, и тутъ повѣсили его на высокомъ деревѣ. Это было въ 14 день декабря.

Гора, освященная мученическою кончиною исповѣдника Христова, сдѣлалась мѣстомъ для молитвы христіанъ, а затѣмъ и мѣстомъ для сооруженія храма св. Троицы, за исповѣданіе которой пострадали «Троицѣ равночисленные» мученики виленскіе.

Мощи страсторпцевъ сначала были погребены въ первомъ, по времени, христіанскомъ храмѣ г. Вильны, въ церкви св. Николая, а потомъ были перенесены въ Троицкую церковь, гдѣ находились до половины XVII столѣтія. Въ то время церковь св. Троицы была уже въ рукахъ уніатовъ. Когда войска московскаго царя Алексѣя Михайловича, въ битвѣ съ Польшей (1655—1661 г.), взяли Вильну, то мѣстные жители, пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ царскаго воеводы князя Шаховскаго, возвратили въ свое владѣніе нѣкоторыя изъ отнятыхъ у нихъ уніатами церквей, а въ томъ числѣ и Троицкій монастырь, вынесли изъ него мощи св. мучениковъ виленскихъ и положили ихъ въ Свято-Духовскій храмъ, въ подъалтарную пещеру, бывшую тогда простымъ, тѣснымъ склепомъ. Долго послѣ того св. мощи хранились подъ спудомъ, въ деревянномъ гробѣ, сдѣланномъ, по преданію, изъ того дуба, на которомъ былъ замученъ св. Евстаѳій. Изъ житія святителя Алексѣя видно, что онъ учредилъ празднованіе въ Вильнѣ памяти трехъ литовскихъ мучениковъ; но открытіе мощей послѣдовало въ 1826 году, съ разрѣшенія св. синода.

Входъ въ пещеру былъ прежде весьма неудобенъ, и богомольцамъ

приходилось спускаться туда по очень крутымъ и узкимъ ступенямъ. Заботливостью митрополита литовскаго Іосифа (Сѣмашко), собравшаго по подпискѣ значительную сумму, сдѣланъ въ 1851 году удобный широкій входъ въ пещеру, а самая пещера увеличена и обращена въ церковь, которая торжественно была освящена 14 апрѣля того же года, въ день мученической кончины Антонія и Іоанна; на другой годъ послѣдовало переложеніе св. мощей въ новую общую раку, богато устроенную изъ бронзы.

Благолѣпно украсивъ пещеру виленскихъ мучениковъ, митрополитъ Іосифъ устроилъ подъ ракой каменную гробницу для себя съ чугунной плитой, на которой сдѣлалъ подпись:

«Помяни, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего святителя Іосифа. Святые виленскіе мученики Антоніе, Іоанне и Евстафіе, молите Бога о мнѣ».

Почившій 23 ноября 1868 г. маститый іерархъ русской церкви Іосифъ похороненъ въ приготовленномъ имъ самимъ гробѣ. По его завѣщанію, ежегодно въ субботу первой недѣли великаго поста совершается у мощей заупокойная литургія съ панихидою о всѣхъ почившихъ сподвижникахъ въ спасительномъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.

Пещера виленскихъ мучениковъ, входъ въ которую идетъ прямо изъ средины Свято-Духовской церкви, открыта во всѣ часы дня и постоянно наполняется богомольцами, въ числѣ которыхъ часто замѣчаются римско-католики, преклоняющіеся предъ мощами съ молитвою на устахъ.

13. Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій и ярославскій.

(Стр. 267).

Гравюра, изображающая святителя ростовскаго Димитрія, составляетъ точную копію съ живописнаго портрета, находящагося въ Витебскѣ, у В. С. Сафонова, къ которому онъ перешелъ въ наслѣдство отъ родственниковъ Лопухиныхъ. Святитель, не любившій снимать съ себя потретовъ, сдѣлалъ исключеніе по дружбѣ къ одному изъ Лопухиныхъ. Мѣстный фотографъ-художникъ, любитель старины, г. Юрковскій, снимая для настоящаго изданія фотографію съ портрета, тщательно его изслѣдовалъ и нашелъ, что, при шаблонности письма рукъ и облаченія, ликъ святителя носитъ всѣ признаки портрета, рисованнаго не иконописно, а съ натуры. Все это, вмѣстѣ съ фамильными преданіями Сафоновыхъ и Лопухиныхъ, не оставляетъ сомнѣнія въ подлинности и современности описываемаго портрета, который нынѣ издается впервые. Размѣръ оригинала—1з/₄ арш. длины и $1\frac{1}{4}$ арш. ширины. Митра святителя составляетъ точную копію съ подлинной его митры. Послѣ 1752 г., т. е. когда уже мощи святителя были открыты, почитатели его придѣлали къ портрету металлическій вѣнецъ (не воспроизведенный въ нашей гравюрѣ), обративъ такимъ образомъ портретъ въ икону. Вѣроятно къ тому

*

же времени относится надпись на верхней части портрета: «Персона преосвященна Димитріа митрополита ростовска и ярославска». Слѣдуетъ замѣтить, что въ старину словамъ «персона» замѣнялось слово «портретъ».

Святой Димитрій, въ мірѣ Даніилъ, родился въ декабрѣ 1651 г. въ городѣ Макаровѣ, близъ Кіева, гдѣ его отецъ, Савва Туптало, былъ полковымъ сотникомъ. По окончаніи наукъ въ Кіевскомъ училищномъ Богоявленскомъ монастырѣ, св. Димитрій поступилъ въ Кіевскій Кирилловскій монастырь и въ немъ прянялъ 9 іюля 1668 г. иноческій чинъ. 25 марта 1669 г. онъ былъ посвященъ въ іеродіаконы, а въ 1675 году, посвященный въ іеромонахи, назначенъ проповѣдникомъ при Черниговскомъ каѳедральномъ соборѣ. Послѣ двухлѣтняго успѣшнаго исполненія этой обязанности, св. Димитрій, отправился въ Литву и сначала поступилъ въ Виленскій Свято-Духовскій монастырь, а потомъ, по приглашенію слуцкаго духовенства, переселился въ Слуцкій Преображенскій монастырь и здѣсь, въ теченіи года, трудился въ проповѣданіи Слова Божія. Талантливый проповѣдникъ вскорѣ получилъ извѣстность среди заднѣпровскаго духовенства, которое начало приглашать его къ себѣ; но основатель Слуцкаго монастыря Іоаннъ Сточкевичъ удержалъ его въ Слуцкѣ. Впрочемъ, какъ только послѣдній скончался, Димитрій возвратился на родину, въ Малороссію, и поступилъ въ Николаевскій Крупицкій монастырь въ г. Батуринѣ. Прославившись и здѣсь проповѣдями, онъ былъ посвященъ 4 сентября 1681 г. игуменомъ Преображенскаго Максаковскаго монастыря, а 1 марта 1682 г. перемѣщенъ игуменомъ Батуринскаго Крупицкаго монастыря; но, по истеченіи года и 8 мѣсяцевъ, отказался отъ игуменства и остался на уединенное житіе въ той же обители. Года черезъ два кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій вызвалъ св. Димитрія къ себѣ и упросилъ его составить собраніе житій святыхъ или четіихъ миней, которыхъ тогда въ западно-русской церкви еще не было. Около четырехъ лѣтъ святитель трудился надъ житіями святыхъ, празднуемыхъ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, руководствуясь главнымъ образомъ четьями греческими и славянскими и дѣлая сличенія съ историческими сочиненіями восточныхъ и западныхъ писателей. Трудъ этотъ не былъ еще оконченъ, какъ гетманъ Мазепа и батуринское духовенство начали просить его снова принять настоятельство въ Батуринскомъ монастырѣ. Димитрій согласился и въ этой обители окончилъ первую четверть своего труда, который затѣмъ, по одобреніи архимандритомъ Ясинскимъ, напечатанъ въ 1669 году въ Кіево-Печерской типографіи и посвященъ государямъ, царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и царевнѣ Софьи Алексѣевнѣ. Экземпляры изданія были лично представлены въ Москвѣ гетманомъ и св. Димитріемъ государямъ и патріарху Іоакиму. Продолжая свой трудъ въ томъ же монастырѣ и снова отказавшись, въ видахъ успѣшности въ работѣ, отъ настоятельства, св. Димитрій, окончилъ мѣсяцы декабрь, январь и февраль, былъ

назначенъ въ 1694 году игуменомъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря; но едва началъ онъ здѣсь третью часть миней, какъ былъ переведенъ въ 1697 году настоятелемъ Кіевскаго Кирилловскаго монастыря; въ томъ же году, посвященный въ архимандриты, онъ перемѣщенъ въ Черниговскій Успенскій монастырь, называемый Елецкимъ. Черезъ 2 года Димитрій переведенъ въ Новгородсѣверскій Спасовъ монастырь. Здѣсь онъ окончилъ третью четверть миней, отпечатанную въ Кіевѣ въ 1700 году.

Своими трудами Димитрій обратилъ на себя вниманіе государя Петра I, который, вызвавъ его въ Москву, назначилъ его въ мартѣ 1701 г. митрополитомъ тобольскимъ и сибирскимъ; но такъ какъ климатъ Сибири угрожалъ здоровью святителя, то, оставленный въ Москвѣ, Димитрій получилъ 4 января 1702 г. назначеніе на вакансію митрополита ростовскаго и ярославскаго.

Въ новомъ санѣ святителю пришлось предпринять новые труды. Недостатокъ просвѣщенія въ духовенствѣ и народѣ и обилье раскольниковъ, укрывавшихся въ такъ называемыхъ Брынскихъ лѣсахъ, озабочивали просвѣщеннаго и трудолюбиваго іерарха. Открывъ семинарію въ Ростовѣ, онъ написалъ опроверженіе злоученій раскольниковъ надъ названіемъ «Розыскъ о роскольнической Брынской вѣрѣ». Одновременно съ тѣмъ святитель трудился надъ составленіемъ послѣдней части миней, которая была затѣмъ напечатана въ Кіевѣ въ 1705 году, писалъ народныя поученія, наставленія, размышленія, составлялъ историческія записки и лѣтописи, религіозныя драмы и т. п. Заботясь о народномъ образованіи и объ устройствѣ церквей и монастырей, святитель помогалъ бѣднымъ и оказывалъ всякую помощь всѣмъ обращающимся къ нему. Благотворительность его была столь обширна, что, послѣ его блаженной кончины, кромѣ книгъ и рукописей, никакого имущества не осталось.

Митрополитъ Димитрій скончался въ Ростовѣ 28 октября 1709 г. Обширная библіотека его, состоящая изъ греческихъ, латинскихъ, польскихъ и славянскихъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, была отослана въ Москву и нынѣ хранится въ Патріаршей библіотекѣ; черновыя же его рукописи положены, по завѣщанію святителя, въ гробъ вмѣсто возглавія и подстилки.

За благочестивый образъ жизни и неуклонное исполненіе долга христіанскаго святитель Димитрій сподобился особенной милости Божіей. 21 сентября 1752 г. мощи его были обрѣтены нетлѣнными; послѣ ихъ освидѣтельствованія и удостовѣренія въ чудотвореніяхъ, митрополитъ Димитрій, 22 апрѣля 1757 г., причтенъ къ лику святыхъ. Мощи его положены въ серебряную раку, на которой вырѣзана слѣдующая надпись, составленная Ломоносовымъ:

«Всемогущій и Непостижимый
Богъ
Чудными изкони дѣлами явилъ
Святую свою и великолѣпную славу

и во дни наши,
Въ Благословенное Государствованіе
Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія,
Великія Государыни
Императрицы
Елизаветы Петровны,
Самодержицы Всероссійскія,
новыми чудотвореніями въ Россіи просіявшаго
здѣсь
почивающаго святаго мужа,
Преосвященнаго
Митрополита Димитрія
Ростовскаго и Ярославскаго,
Отдавшаго Божія Богови:
Вѣрою, кротостію, воздержаніемъ,
ученіемъ, трудолюбіемъ,
Кесарево Кесареви:
Ревностію и терпѣніемъ,
поборствуя
Петру Великому
противъ суемудраго раскола.
Въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ
родился сей житель небеснаго Іерусалима
около 1761 года [1])
Ангельскій образъ принялъ около 18 лѣтъ,
На Святительскій Престолъ
возведенъ
Генваря 4 дня 1702 года,
Пасъ церковь Божію
7 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 26 дней,
жилъ 38 лѣтъ, [2])
Въ вѣчный покой переселился 1709 года.
Написавъ житія святыхъ,
самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ быть
удостоился
въ лѣто 1754 г., Апрѣля 9 дня.

О вы! что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
Подобіе его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ!
Вперите въ мысль, чему Святитель сей училъ,
Что нынѣ вамъ гласитъ отъ лика горныхъ силъ:

[1]) Здѣсь ошибка: св. Димитрій родился въ 1651 году.
[2]) Ошибка. Слѣдуетъ: 58 лѣтъ.

На милость Вышняго, на истину склонитесь,
И къ матери своей вы Церкви примиритесь».

14. Икона преподобномученика Аѳанасія (Филипповича).

(Стр. 241).

Въ изданіи «Холмская Русь, историческія судьбы Русскаго Забужья», былъ помѣщенъ рисунокъ раки св. Аѳанасія, находящейся, въ Брестскомъ соборѣ. На страницахъ настоящаго изданія воспроизводится, съ рисунка художника В. В. Грязнова, копія съ иконы этого преподобномученика, изъ того же собора.

Какъ по происхожденію, такъ и по дѣятельности своей на пользу православія, Аѳанасій Филипповичъ принадлежитъ Бѣлоруссіи. Изучивъ науки и главнымъ образомъ священное писаніе и твореніе св. отцевъ, Аѳанасій провелъ свою молодость у канцлера литовскаго Льва Сапѣги, въ качествѣ инспектора какого-то самозванца, лже-царевича московскаго «Дмитровича»; затѣмъ онъ принялъ иночество и былъ возведенъ въ санъ намѣстника Добойскаго монастыря, близъ Пинска. Когда же эта обитель поступила во владѣніе уніатовъ, Аѳанасій перешелъ въ Купятицкій монастырь, Пинскаго уѣзда. Здѣсь онъ составилъ «жалобный листъ», посвятивъ его чудотворной иконѣ Божіей Матери на крестѣ, находившейся тогда въ Купятицкой обители, а теперь въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (рисунокъ креста съ краткимъ его описаніемъ помѣщенъ въ книгѣ «Холмская Русь»). Эта икона, признаваемая явленною и чудотворною, неоднократно источала чудеса предъ Аѳанасіемъ. Такъ, молясь предъ иконой предъ отъѣздомъ своимъ въ Москву для сбора пожертвованій на постройку церкви, Аѳанасій услышалъ гласъ отъ иконы: «Иду и Я съ тобой». Въ 1640 году Аѳанасій былъ избранъ настоятелемъ Брестскаго Симеоновскаго монастыря. Съ тѣхъ поръ, выступивъ въ защиту православія, онъ подвергался гоненію со стороны польско-католиковъ: сначала онъ былъ арестованъ съ лишеніемъ настоятельства и даже священства, а потомъ высланъ въ Кіевъ. Возстановленный однако стараніемъ Петра Могилы въ духовномъ санѣ, Аѳанасій, скорбѣвшій за святое православіе, намѣревался выступить защитникомъ его предъ польскимъ королемъ; но поляки схватили его, привезли въ Варшаву и подвергли заточенію, возведя на него обвиненія въ политической неблагонадежности и прикосновенности къ дѣлу его воспитанника Яна Лубы, выдачи котораго требовало московское правительство, какъ самозваннаго царевича, будто бы сына Марины Мнишекъ. Обвиненіе въ содѣйствіи Аѳанасія Москвѣ въ этомъ дѣлѣ впрочемъ устранилось; но, не смотря на это, поляки держали его въ тюрьмѣ, откуда ревнитель православія не переставалъ порицать угнетателей вѣры. Въ ноябрѣ 1645 г. его отправили въ Кіевъ, а вскорѣ послѣ того онъ снова былъ возведенъ въ санъ игумена Брестскаго монастыря. Когда возгорѣлась война

Богдана Хмельницкаго съ поляками, послѣдніе неосновательно заподозрили Аѳанасія въ содѣйствіи казакамъ, снова посадили его въ тюрьму и въ теченіи двухмѣсячнаго заточенія старались совратить исповѣдника православія въ унію. Эти усилія оказались безуспѣшными, и въ ночь на 5 сентября 1648 г. преподобномученикъ былъ подвергнутъ казни — по однимъ сказаніямъ — выстрѣлами изъ «мушкета», по другимъ—«усѣченіемъ въ главу». Предъ кончиной своею, св. Аѳанасій изрекъ предсказаніе: «Церковь правовѣрная будетъ въ великомъ гоненіи отъ несправедливыхъ гордыхъ учителей церковныхъ, отъ святыя вѣры отступившихъ, но потомъ процвѣтетъ она яко кринъ посреди тернія и яко искра въ пеплѣ зарытая явится, возсіяетъ и повсюду здѣсь освѣтитъ... и гдѣ мое тѣло сіе израненное и острупленнее за имя Божіе положено будетъ, тамо въ окрестныхъ мѣстахъ никогда собраніе злоумышленныхъ супостатовъ, отступниковъ отъ святыя вѣры, вредить не можетъ, даже до послѣдняго изреченія праведнаго судіи Христа».

Исполнилось предсказаніе преподобномученика: въ Брестѣ, гдѣ была провозглашена злосчастная унія 1596 года, и во всѣхъ его окрестностяхъ, покончено существованіе іезуитами созданнаго переходнаго положенія отъ православія къ латинству, и правая вѣра православная возсіяла и свѣтитъ нынѣ лучами истины евангельской.

Б. Портреты и изображенія историческихъ лицъ.

15. Великій князь литовскій Ольгердъ (Александръ) Гедиминовичъ.

(Стр. 55).

Портретъ князя Ольгерда заимствованъ изъ «Витебской Старины» (т. I), гдѣ онъ былъ воспроизведенъ изъ изданія: Sarmatiae Europeae descriptio Ac. Alexandri Gwagnini Veronensii. Typis Matthiae Wirzbistae» (Cracoviae, 1578). Достовѣрность этого портрета не можетъ быть однако безусловною, какъ потому, что въ современной Ольгерду Литвѣ едва ли могли быть портретисты, такъ и потому, что въ сочиненіи Гваньини одни и тѣ же изображенія считаются портретами разныхъ лицъ. Но и при такомъ сомнѣніи издаваемый портретъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, характеризуя костюмъ литовскаго кназя. Стрыйковскій (р. 1547 † послѣ 1580 г.) сообщаетъ, что онъ *лично* видѣлъ портретъ Ольгерда въ замковой Витебской церкви, построенной его женою. Современникъ крестоносецъ, бывшій при Ольгердѣ въ Вильнѣ, въ составѣ посольства отъ ордена, описываетъ Ольгерда такъ: «Князь имѣетъ величественный видъ; лицо его румяно, продолговато, носъ выдающійся, глаза голубые, очень выразительные, брови густыя, свѣтлыя,

волосы и брови свѣтлорусые съ просѣдью, лобъ высокій, чело лысое; онъ росту выше средняго, ни толстъ, ни худощавъ, говоритъ голосомъ громкимъ, внятнымъ, пріятнымъ; онъ ѣздитъ прекрасно верхомъ, но ходитъ прихрамывая на правую ногу, потому обыкновенно опирается на трость или на отрока; по-нѣмецки понимаетъ отлично и можетъ свободно объясняться, однако же всегда говоритъ съ нами черезъ переводчика». (Записки современника, заключающія это описаніе, извлечены Нарбутомъ изъ одной рукописи, о которой впрочемъ онъ не даетъ обстоятельныхъ свѣдѣній). О томъ, что Ольгердъ могъ объясняться на нѣсколькихъ языкахъ, говорятъ и наши русскія лѣтописи: «сей же Ольгердъ премудръ бѣ зѣло и многими языки глаголаше».

Ольгердъ Гедиминовичъ, женившись (въ 1318 году) въ ранней молодости на дочери и единственной наслѣдницѣ витебскаго удѣльнаго князя Ярослава Васильевича, Марьѣ Ярославнѣ, послѣ смерти своего тестя, занялъ въ 1320 году Витебскій удѣлъ. Въ 1342 году, когда скончался дядя его, братъ Гедимина, полоцкій князь Воинъ, Ольгердъ вступилъ во владѣніе и Полоцкимъ удѣломъ, передавъ его впрочемъ вскорѣ сыну своему Вингольду (Андрею). Полагаютъ, что, владѣя Витебскомъ, Ольгердъ именно здѣсь принялъ, съ именемъ Александра, православную вѣру, которую долго исповѣдывалъ не гласно. Въ томъ же городѣ онъ соорудилъ, точнѣе сказать, помогъ женѣ своей Маріи соорудить двѣ каменныя церкви: Благовѣщенскую, существующую въ главныхъ основаніяхъ и понынѣ, и Свято-Духовскую.

Послѣ смерти великаго князя Гедимина, стольный городъ великаго княжества Литовскаго Вильна съ нѣкоторыми изъ ближайшихъ городовъ достался младшему сыну Гедимина, Явнутію, который впрочемъ не пользовался значеніемъ великаго князя среди старшихъ братьевъ. Остальныя части княжества разбились на другія семьи удѣловъ между братьями, изъ коихъ Ольгерду-Александру достались княжества Кревское, Витебскъ и Могилевъ, а Кейстутъ получилъ Жмудь, Троки, Гродну и Берестье. Единоутробные братья, связанные неразрывною дружбою и наиболѣе даровитые, Ольгердъ и Кейстутъ, имѣли и наибольшую силу между князьями, а Ольгердъ удержалъ за собою и великокняжеское достоинство, окончательно утвердившееся за нимъ, когда онъ, въ согласіи съ Кейстутомъ, въ 1345 году смѣстилъ изъ Вильны Явнутія, которому далъ въ княженіе Заславль Литовскій, но который бѣжалъ въ Москву, гдѣ принялъ крещеніе съ именемъ Александра.

Ольгердъ принималъ широкое участіе въ дѣлахъ русскихъ областей, какъ входившихъ въ составъ Литовскаго княжества, такъ и сосѣднихъ. По просьбѣ псковичей, онъ еще въ 1342 году явился союзникомъ ихъ въ войнѣ съ нѣмецкими рыцарями. Псковичи приглашали его въ 1342 году даже на княженіе къ себѣ, требуя однако, чтобы онъ крестился. Ольгердъ отвѣтилъ: «уже крещенъ есмь и христіанинъ есмь, второе креститися не хощу». Онъ далъ имъ на княженіе своего сына Вингольта-Андрея, который впрочемъ скоро оставилъ Псковъ. Вмѣстѣ съ Кейстутомъ, Ольгердъ былъ сильнѣйшимъ

противникомъ нѣмецкихъ рыцарей, которые въ свою очередь выступали противъ нихъ крестовыми походами. Походы эти усилились съ 1347 года. Рыцари дѣлали почти ежегодныя нападенія на Литву. Въ отмщеніе за это, Ольгердъ опустошалъ нѣмецкіе города и вынудилъ противниковъ еще дважды объявлять крестовый походъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ литовскій князь воевалъ и съ татарами, отнявъ у нихъ земли Кіевскую, Черниговскую и Сѣверскую, а также Подолію. Не оставлялъ онъ въ покоѣ и Польшу и воевалъ съ Москвой. Въ годъ окончанія битвы своей съ королемъ польскимъ и венгерскимъ Людовикомъ (1377 г.), Ольгердъ скончался на 81 году отъ рожденія, принявъ предъ смертію схиму съ именемъ Алексѣя.

Отличаясь обширнымъ умомъ, твердою волею и особою дальновидностью, князь Ольгердъ-Александръ держался направленія русскаго и православнаго. Онъ былъ женатъ вторично на русской княжнѣ Іуліаніи тверской. Ольгердъ оставилъ двѣнадцать сыновей: Андрея, Дмитрія, Константина, Владиміра, Ѳеодора, Ягайлу (Якова-Владислава), Скиргайлу (Ивана), Корибута (Дмитрія), Лингвеня (Симона), Коригайлу (Казиміра), Вигунта (Александра) и Свидригайлу (Льва-Болеслава).

Послѣ кончины Ольгерда, литовско-княжескій престолъ достался сыну его Ягайлу, измѣннику православія и виновнику вторженія въ Литву польской гражданственности и римско-католическаго прозелитизма. За вдовствующею княгинею Іуліаніею было оставлено пожизненно Витебское княжество, но она уступила его меньшому сыну своему Свидригайлу, а сама поступила въ монастырь и въ 1393 году скончалась въ схимѣ съ именемъ Маріи.

16. Великій князь литовскій Свидригайло Ольгердовичъ.

(Стр. 115).

Портретъ князя Свидригайлы воспроизведенъ изъ того же изданія, откуда позаимствовано изображеніе князя Ольгерда.

Великій князь литовскій Свидригайло, младшій сынъ Ольгерда Гедиминовича, родился въ 1355 году. Послѣ смерти Ольгерда, вдова его, княгиня Іуліанія, передала свой Витебскій удѣлъ сыну своему Свидригайлѣ. Братъ его Ягайло считалъ однако этотъ удѣлъ, за смертію Іуліаніи, выморочнымъ и, желая присвоить его себѣ, послалъ туда своего намѣстника Ѳеодора Весну. Запасшись войскомъ отъ нѣмецкихъ рыцарей, Свидригайло занялъ Витебскъ, а Весну сбросилъ съ высокой замковой стѣны. Но Ягайло хотѣлъ настоять на своемъ. По его распоряженію Витовтъ, въ соединеніи съ войсками Скиргайла, Юрія Святославича смоленскаго и др., напалъ на Витебскъ и, послѣ упорной защиты Свидригайла, захватилъ нижній замокъ, а вслѣдъ за этимъ устрашенные витебляне сдали Витовту городъ. Вѣроятно, получивъ прощеніе отъ Ольгерда въ своемъ упорствѣ, Свидригайло является вскорѣ владѣтелемъ Кревскаго княжества. Но онъ не оставилъ мысли овладѣть Витеб-

скомъ. Въ 1396 году, заручившись снова отъ рыцарей помощью, онъ занялъ Витебскъ. Тогда Витовтъ, послѣ 30-дневной осады, взялъ Витебскъ, заковалъ Свидригайла и отправилъ его къ Ягайлу. Въ то время литовскій престолъ принадлежалъ уже Витовту. Освобожденный Ягайломъ, Свидригайло въ 1402 году подступилъ къ Вильнѣ, но, не смотря на сочувствіе къ нему русскаго населенія, былъ отбитъ и въ 1408 году отправился въ Москву. Великій князь Василій Дмитріевичъ далъ ему въ удѣлъ Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, Волокъ и Ржевъ. Не долго Свидригайлу пришлось пользоваться этимъ даромъ: нашествіе татаръ вынудило его покинуть московскіе предѣлы и перейти въ Пруссію, гдѣ Витовтъ захватилъ его и подвергнулъ заточенію, въ которомъ онъ пробылъ 8 лѣтъ.

Послѣ смерти Витовта († 1430 г.) Свидригайло былъ избранъ на виленскомъ сеймѣ великимъ княземъ литовскимъ. Гордый и самостоятельный князь возбудилъ противъ себя недовольство брата своего короля Ягайлы и нѣсколькихъ вельможъ. Въ захватѣ поляками литовскихъ крѣпостей на Подоліи явился поводъ къ войнѣ которая не имѣла впрочемъ рѣшительныхъ результатовъ, вслѣдствіе чего поляки подговорили Сигизмунда Кейстутьевича къ нападенію на Литву. Когда Сигизмундъ явился въ Литву, Вильна, Гродна и Троки сдались ему, и онъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ литовскимъ. Изгнанный изъ своихъ владѣній, Свидригайло покушался съ многочисленнымъ войскомъ ливонскихъ рыцарей отбить непріятеля, но потерпѣлъ пораженіе и, едва спасшись отъ плѣна, явился въ Витебскѣ, гдѣ былъ принятъ витеблянами. Не теряя надежды возвратить себѣ литовскій престолъ, Свидригайло, твердый въ православіи, обратился, подъ видомъ соединенія церквей, за помощью къ римскому папѣ, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти среди католическихъ государей содѣйствіе къ покоренію противника. Этотъ пріемъ однако не удался: начало переговоровъ объ уніи было положено, а помощи къ возврату княжескаго престола ни откуда не приходило. Къ тому же личныя свойства Свидригайла — его неукротимый нравъ и жестокости возбудили недовольство имъ среди преданной ему дотолѣ русской части литовскаго населенія. Въ 1435 году произошла битва съ войсками Сигизмунда у Вилькомира, и Свидригайло вынужденъ былъ бѣжать въ Полоцкъ. Когда же полочане, вмѣстѣ съ витеблянами, сдались Сигизмунду Кейстутьевичу, Свидригайло отправился въ Кіевъ и потомъ поселился въ Луцкѣ, оставивъ всякую надежду на возвращеніе себѣ литовскаго престола.

Свидригайло Ольгердовичъ былъ искренно преданъ православію и русской народности, и борьба его съ братомъ его Ягайло, измѣнникомъ православію, обусловливалась отчасти вѣроисповѣдною ихъ рознью и противоположнымъ отношеніемъ къ русской гражданственности, лежавшей тогда въ основѣ строя Литовскаго княжества.

Скончался Свидригайло Ольгердовичъ въ Луцкѣ въ 1452 году.

17. Гетманъ литовскій Григорій Александровичъ Ходкевичъ.

(Стр. 187).

Портретъ Ходкевича воспроизведенъ съ фотографіи, снятой съ хранящагося въ Несвижскомъ замкѣ живописнаго портрета и обязательно доставленной издателю минскимъ губернаторомъ, княземъ Н. Н. Трубецкимъ.

Г. А. Ходкевичъ принадлежитъ къ числу выдающихся людей русско-литовскихъ. Отличаясь умомъ и военными способностями, онъ былъ истиннымъ представителемъ русской гражданственности и православія на Литвѣ. Имъ было основано нѣсколько монастырей и церквей православныхъ. Въ его имѣніи Заблудовѣ была открыта русская типографія, въ которой печатникомъ Петромъ Мстиславцемъ, сотрудникомъ знаменитаго первопечатника Ивана Ѳедорова, изготовлялись русскія богослужебныя книги. Во время ливонской войны 1577 и 1578 гг., командуя польско-литовскими войсками, Ходкевичъ взялъ Венденъ, Эрль и Динабургъ.

Позднѣйшіе представители фамиліи Ходкевичей измѣнили православію. Такъ Иванъ-Іеронимъ Ходкевичъ, бывши протестантомъ, принялъ римскій католицизмъ, который исповѣдывало уже все его потомство.

18. Литовскій православный митрополитъ Іосифъ Солтанъ.

(Стр. 191).

Портретъ Іосифа Солтана воспроизведенъ съ живописнаго портрета, хранящагося при Виленскомъ архіерейскомъ домѣ.

Іосифъ Солтанъ происходилъ изъ литовскихъ дворянъ. Въ 1494 году онъ былъ посвященъ въ епископа смоленскаго изъ архимандритовъ слуцкихъ, а въ 1499 году возведенъ въ санъ митрополита кіевскаго или литовскаго. Строгій ревнитель православія и оберегатель правъ церковныхъ, Солтанъ составилъ на церковномъ соборѣ, состоявшемся въ 1509 г. въ Вильнѣ, правила духовной дисциплины, ограждающія православную церковь отъ вліянія мірской власти, а въ 1511 г. онъ испросилъ отъ польскаго короля Сигизмунда I грамоту, обезпечивающую православное духовенство отъ всѣхъ свѣтскихъ властей и дающую духовенству право судить и рядить въ дѣлахъ духовныхъ по старымъ обычаямъ, на основаніи церковнаго устава Ярослава.

Текстъ соборнаго постановленія 1509 года былъ напечатанъ въ отдѣльной брошюрѣ, воспроизведенной впослѣдствіи въ приложеніи къ «Памятникамъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ, выпускъ VI, и въ «Русской исторической библіотекѣ», издаваемой Археографическою коммисіею, т. IV, книга первая.

Митрополитъ Іосифъ скончался въ 1519 году въ Смоленскѣ.

19. Московскій царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

(Стр. 207).

Портретъ царя Іоанна Грознаго воспроизведенъ съ акварельнаго рисунка, находящагося въ рукописи XVII вѣка, называемый Титулярникомъ. Этотъ манускриптъ, заключающій въ себѣ полные титулы всѣхъ иностранныхъ государей, современниковъ царя Алексѣя Михайловича, ихъ портреты и гербы, изображенія россійскихъ государственныхъ печатей и гербовъ, портреты русскихъ князей, царей и патріарховъ, принадлежалъ прежде посольскому приказу, а теперь хранится въ государственномъ древлехранилищѣ, въ Москвѣ.

Іоаннъ Васильевичъ родился 25-го августа 1530 года. Послѣ смерти князя Василія III, Іоаннъ былъ объявленъ въ 1533 году великимъ княземъ московскимъ, но за малолѣтствомъ его назначена правительницею мать его, Елена Васильевна, послѣ кончины которой (1538 г.) правленіе перешло въ руки бояръ. Достигнувъ 17-лѣтняго возраста, Іоаннъ, одаренный выдающимися способностями, сдѣлался самостоятельнымъ государемъ, короновавшись въ 1547 году самодержавнымъ царемъ, и вступилъ въ бракъ съ Анастасіей Романовной Захарьиной. Внутреннее управленіе его царствомъ, возмущенное сначала неурядицами, вскорѣ получило лучшій строй. Главными совѣтниками молодаго царя были протопопъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и окольничій Алексѣй Адашевъ. Стремясь къ уничтоженію насилія и всякой неправды, царь Іоаннъ созвалъ соборы земскій въ 1550 году, установившій уложеніе подъ названіемъ Судебника, и духовный, въ 1551 году, составившій церковныя постановленія, сборникъ которыхъ, по числу находившихся въ немъ главъ или статей, названъ Стоглавомъ. Внѣшняя политика Іоанна выразилась въ защитѣ государства отъ сосѣднихъ враговъ и въ расширеніи его предѣловъ. Покоривъ въ 1552 году Казанское царство съ составлявшими его инородцами разныхъ наименованій, Іоаннъ присоединилъ въ 1557 году къ своимъ владѣніямъ другое царство—Астраханское. Въ 1554 году съ успѣхомъ для русскаго оружія происходила война съ Швеціей; въ 1558 году была разорена Ливонія, уступившая царю Нарву, Юрьевъ (Дерптъ) и др. города; а въ 1559 году были усмирены крымскіе татары, дѣлавшіе набѣги на южныя границы Московскаго царства. Вскорѣ возгорѣлась война съ Польшей и, послѣ жаркой битвы, Іоаннъ завладѣлъ въ 1563 году Полоцкомъ. Едва было заключено съ поляками перемиріе, какъ въ предѣлы Московскаго царства вторгнулся ханъ Девлетъ-Гирей, сдѣлавшій большія опустошенія даже въ самой Москвѣ. Но вторичное нападеніе хана въ 1572 году блистательно было отбито. Оградивъ государство отъ набѣговъ татарскихъ полчищъ сооруженіемъ по южной границѣ нѣсколькихъ городовъ, Іоаннъ приступилъ къ добыванію Ливоніи въ видахъ обладанія балтійскимъ побережьемъ. Это привело Іоанна къ войнѣ съ шведами, а затѣмъ и съ поляками, кончив-

шейся уступкою послѣднимъ Полоцка и завоеванныхъ частей Ливоніи, а также шведамъ нѣсколькихъ городовъ.

Огорченія отъ многолѣтней неудачной войны были однако заглажены новымъ обширнымъ пріобрѣтеніемъ царя Іоанна. Волжскій удалой атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ, собравъ рать, овладѣлъ Сибирью и поклонился московскому царю обширною азіатскою областью.

Іоаннъ Грозный скончался 17 марта 1584 г., назначивъ сына своего Ѳедора наслѣдникомъ престола.

20. Уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ-Рутскій.

(Стр. 209).

Гравюра исполнена по фотографіи съ живописнаго портрета, находящагося при архіерейскомъ домѣ въ г. Холмѣ.

Іосифъ Вельяминъ-Рутскій происходилъ изъ великорусской, православной фамиліи Вельяминовыхъ, вышедшихъ въ Польшу изъ Московскаго государства около 1568 года. Фамилія «Рутскій» усвоена имъ по названію помѣстья, принадлежавшаго его отцу въ предѣлахъ тогдашней Польши (въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Минской губерніи).

Въ молодости Рутскій отличался распущенностію и шаткостію религіозныхъ воззрѣній, измѣнилъ православію и сдѣлался кальвинистомъ. Іезуиты, съ которыми онъ познакомился въ Вильнѣ, совратили его въ латинство. По ихъ совѣту, отправился онъ для довершенія богословскаго образованія въ Римъ, гдѣ пробылъ до 1606 года, и проникся ревностію къ папизму. Ревность эта сосредоточилась на дѣлѣ уніи, которымъ тогда сильно заняты были въ Римѣ. Рутскаго, какъ знающаго русскій языкъ и славянскій обрядъ, убѣдили перейти въ унію, чтобы содѣйствовать успѣхамъ ея въ западной Россіи. Напутствуемый рекомендаціями отъ папы, Рутскій возвратился въ Вильну, гдѣ принятъ Ипатіемъ Поцѣемъ съ большимъ вниманіемъ, постригся въ монашество, посвященъ въ іеромонахи (въ 1608 году), сдѣланъ намѣстникомъ Троицкаго монастыря и главнымъ пособникомъ Поцѣя въ дѣлѣ уніи.

Если творецъ и ревнитель уніи, Ипатій Поцѣй, открыто совращалъ православныхъ въ измышленную имъ вѣру, то Іосифъ Рутскій дѣйствовалъ скрытно, путемъ интриги и хитростей, не гнушаясь при этомъ средствами самыми безнравственными, какъ и слѣдовало ожидать отъ воспитанника сыновъ Лойолы. Прикрывая свои поступки благовидными пріемами, не прибѣгая къ мѣрамъ насилія и дѣйствуя въ дѣлѣ совращенія православныхъ осторожно, Рутскій допускалъ диспуты послѣдователей уніи и православія, учреждалъ братства, школы и т. п. Со стороны казалось, что это мирный іерархъ, не насилующій чужой совѣсти и дѣйствующій силою убѣжденій. Внутренняя сторона дѣла показывала однако, что каждый шагъ былъ обдуманъ и съ іезуитскою тонкостію разсчитанъ. Видя успѣхи уніи и желая по-

ложить прочную связь своей вѣры съ латинствомъ, Рутскій съ единомышленникомъ своимъ Поцѣемъ рѣшилъ преобразовать уніатскіе монастыри, ничѣмъ тогда не отличавшіеся отъ православныхъ и часто считавшіеся только номинально уніатскими. Подъ видомъ установленія чина (устава) св. Василія Великаго, Рутскій устроилъ уніатское монашество по образцу римско-католическихъ монашескихъ обществъ или орденовъ и, главнымъ образомъ, кармелитскаго и іезуитскаго. Преобразованіе это онъ совершилъ съ разрѣшенія папы посредствомъ прибывшихъ изъ Рима четырехъ кармелитовъ, которые впослѣдствіи были замѣнены іезуитами. Первая община переряженыхъ такимъ образомъ латинскихъ монаховъ въ уніатскихъ была основана при Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, а затѣмъ образовались такія же обители въ другихъ мѣстахъ, и этимъ было положено начало базиліанскому ордену, завѣдываніе коимъ было ввѣрено протоархимандриту. Сдѣлавшись сильнымъ орудіемъ въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ унію и укрѣпленія самой уніи, орденъ впослѣдствіи испросилъ привиллегію поставленія изъ состава своихъ членовъ епископовъ и митрополитовъ на уніатскія каѳедры.

Въ 1611 году Рутскій, уже архимандритъ, поставленъ Поцѣемъ въ епископы, въ званіи коадъютора Кіевской митрополіи, а по смерти Поцѣя (въ 1613 году) получилъ королевскую грамоту на митрополію, на которую и возведенъ въ 1614 году. Въ санѣ митрополита Рутскій не одинъ разъ пытался пробраться въ Кіевъ, но побаивался отпора со стороны православныхъ, особенно казаковъ. Тѣмъ не менѣе онъ причинилъ много огорченій и Кіевской лаврѣ и кіевскимъ православнымъ митрополитамъ Іову Борецкому и Петру Могилѣ своими судебными позвами, тяжбами, захватами ихъ имѣній и т. п. За то и самъ имѣлъ заслуженное огорченіе потерять Кіево-Софійскій соборъ и другіе храмы въ Кіевѣ и вообще видѣть успѣхи Петра Могилы въ огражденіи правъ церкви православной въ южной и западной Руси. Новое огорченіе причиняли ему самые союзники его, польскіе латиняне, дозволявшіе себѣ совращенія и захваты изъ уніи въ латинство. Изъ Рима утѣшали Рутскаго, прославляли успѣхи уніи, достигнутые въ его управленіе, а папа Урбанъ VIII назвалъ его «атлантомъ уніи».

Скончался Рутскій въ 1637 году въ Дерманскомъ монастырѣ, на Волыни, а погребенъ въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ. По польскимъ росказнямъ, когда русскіе взяли въ 1654 году Вильну и поднимали, для перенесенія въ Москву, погребенное въ томъ же монастырѣ тѣло почившаго въ Вильнѣ патріарха Игнатія то вмѣстѣ съ тѣмъ обрѣли будто бы нетлѣнное тѣло Іосифа Рутскаго и увезли его съ собою въ Москву.

21. Слуцкій князь Юрій Юрьевичъ Олельковичъ.

(Стр. 213).

Въ изданіи «Волынь, историческія судьбы Юго-Западнаго края», былъ помѣщенъ портретъ кіевскаго удѣльнаго князя Александра (Олелька) Владиміровича, родоначальника князей Слуцкихъ Олельковичей. На страницахъ настоящаго изданія воспроизведенъ портретъ послѣдняго представителя православнаго рода князей Слуцкихъ, Юрія Юрьевича, по фотографическому снимку съ древняго портрета, находящагося въ Слуцкомъ Троицкомъ монастырѣ.

Родъ князей Слуцкихъ Олельковичей, въ лицѣ лучшихъ его представителей, исповѣдывавшихъ православную вѣру, отличался преданностію русской вѣрѣ и благотворительностію. Одинъ изъ представителей этого рода Юрій Юрьевичъ, сынъ слуцко-копыльскаго князя Юрія Симеоновича († 1542 г.), выдѣлялся особымъ благочестіемъ. По духовному завѣщанію отъ 6 октября 1578 г., онъ раздѣлилъ Слуцкое княжество между тремя своими сыновьями Юріемъ, Иваномъ-Симеономъ и Александромъ, сдѣлавъ опекуншею надъ ними жену свою Екатерину, урожденную Тенчинскую; при этомъ онъ завѣщалъ своимъ сыновьямъ, чтобы они были общими строителями и покровителями Слуцкаго монастыря св. Троицы; чтобы не присвоивали принадлежащихъ обители имѣній; чтобы архимандритъ монастыря былъ избираемъ всѣми сословіями княжества изъ людей достойныхъ, ученыхъ и хорошо знающихъ догматы православной греческой вѣры; чтобы наконецъ сами они всегда крѣпко держались вѣры своихъ отцевъ и не отступали отъ нея. Этотъ достойный князь скончался въ 1578 г. и погребенъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры, въ склепѣ своихъ предковъ.

Князья Иванъ-Симеонъ и Александръ Юрьевичи не послѣдовали благочестивому завѣщанію своего отца и, измѣнивъ православію, по наущенію іезуитовъ, перешли въ латинство. Оба они скончались безпотомственно: Александръ въ 1591, а Иванъ-Симеонъ—въ 1593 г.; первый погребенъ въ Краковѣ, а послѣдній въ Люблинѣ, въ іезуитскомъ костелѣ. Одинъ только старшій братъ ихъ Юрій Юрьевичъ, изображенный на нашемъ портретѣ, свято выполнилъ завѣтъ отца; оставшись православнымъ, онъ покровительствовалъ церквамъ и монастырямъ, а въ томъ числѣ и Слуцкому Троицкому монастырю. Онъ женился на Екатеринѣ Кишчанкѣ и скончался въ молодыхъ годахъ. Отъ этого брака осталась дочь Софія, вышедшая потомъ замужъ за князя Януша Радивила. Она была послѣднею отраслью Олельковичей.

Князь Юрій Юрьевичъ погребенъ въ Слуцкѣ, въ древней соборной церкви, называвшейся замковою и сгорѣвшей въ XVIII вѣкѣ.

22. Богданъ-Өеодоръ Вильгельмовичъ Стеткевичъ-Заверскій.

(Стр. 221).

Гравюра воспроизведена по фотографіи съ древняго живописнаго портрета, находящагося въ Оршанскомъ Кутеинскомъ монастырѣ.

Старорусская православная фамилія Стеткевичей въ XVI и XVII вѣкѣ владѣла обширными помѣстьями въ Оршанскомъ повѣтѣ, извѣстна по своимъ представителямъ на разныхъ служебныхъ постахъ, преимущественно въ Бѣлоруссіи, по своимъ родственнымъ связямъ съ княжескими фамиліями Друцкихъ-Горскихъ, Огинскихъ и Соломерецкихъ, особенно по своей преданности православію и благотвореніямъ на пользу православной церкви, чѣмъ отличались также разные представители сейчасъ названныхъ княжескихъ фамилій, нерѣдко дѣйствовавшихъ въ этомъ отношеніи совмѣстно съ Стеткевичами.

Фамилія Стеткевичей становится извѣстнѣе намъ съ XVII в. Извѣстны дѣдъ Богдана Стеткевича—Богданъ Стеткевичъ, маршалокъ королевскій и бабушка Авдотья Григорьевна, урожденная княжна Друцкая-Горская. Послѣдняя, будучи уже вдовою по смерти мужа, извѣстна какъ ктиторка Минскаго Петропавловскаго монастыря и церкви которымъ она дала въ 1616 г. фундушъ, съ тѣмъ, чтобы въ монастырѣ учреждено было общежитіе по правиламъ св. Василія Великаго, и чтобы монастырь пребывалъ вѣрнымъ православію, признавая высшую власть константинопольскаго патріарха. Сынъ Богдана и Авдотьи Вильгельмъ Стеткевичъ, подкоморій браславскій, женатый на дочери князя Богдана Огинскаго Аннѣ Богдановнѣ, по фундушевой записи отъ матери 1613 года, 29 ноября, вмѣстѣ съ дядею, княземъ Өеодоромъ Друцкимъ-Горскимъ и др. дворянами, принималъ въ свою опеку Петропавловскій монастырь. Сынъ Вильгельма и Анны Богданъ-Өеодоръ Стеткевичъ-Заверскій женатъ былъ на Еленѣ Богдановнѣ, дочери князя Богдана Соломерецкаго, старосты кричевскаго и олучецкаго (въ Могилевской губерніи), а по служебному положенію извѣстенъ, какъ подкоморій мстиславскій, державецъ полоницкій, наконецъ каштелянъ новогродскій. Раздѣляя усердіе къ православію и благочестію своихъ отцовъ, матерей и родственниковъ съ обѣихъ сторонъ, Богданъ и Елена Стеткевичи оказывали услуги православной церкви. Въ своемъ помѣстьѣ Кутейно, близъ Орши, они, въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка, основали Кутеинскій мужской монастырь, строителемъ и первымъ игуменомъ котораго былъ преосвященный Іоиль Труцевичъ. Храмъ освященъ былъ самимъ митрополитомъ Петромъ Могилою 29 іюня 1635 г., въ память чего сдѣлана въ церкви стѣнная надпись, съ занесеніемъ въ нее именъ ктиторовъ. Въ монастырѣ заведена была типографія, предполагалась и школа. Былъ учрежденъ по близости и женскій монастырь. По примѣру Богдана и Елены, младшій братъ Янъ Вильгельмовичъ Стеткевичъ, вмѣстѣ съ матерью Анною, пожертвовали еще въ 1631 г. Кутеинскому монастырю слободу Бѣлковщину для основанія здѣсь

другой обители, подъ завѣдываніемъ того же Кутеинскаго монастыря. Въ фундушевой записи объ этомъ предполагается учрежденіе въ монастырѣ школы языка эллино-славянскаго, латинскаго, польскаго и русскаго, также и типографіи. Усердіемъ Стеткевичей и ихъ родственниковъ даны по близости новые фундуши въ селахъ Буйницы и Борколабово для основанія двухъ новыхъ монастырей—Буйницкаго мужскаго и женскаго Борколабовскаго; въ послѣдній переведена часть монахинь изъ женскаго монастыря Кутеинскаго. Оба монастыря оставлены въ главномъ завѣдываніи Кутеинскаго. Слѣдуетъ прибавить, что во всѣхъ фундушевыхъ записяхъ на эти монастыри съ особенной настойчивостью завѣщается, чтобы они всегда пребыли въ православіи, не впадая въ отступленіе или въ унію, признавали верховную власть кіевскаго православнаго митрополита и константинопольскаго патріарха. Въ одной изъ фундушевыхъ записей (а именно въ записи Анны Богдановны и Яна Вильгельмовича Стеткевичей) внушается монастырю поддерживать общеніе съ монастырями Кіево-Печерскимъ и Виленскимъ братскимъ, имѣющее выражаться въ томъ, что избранный братіей игуменъ будетъ получать утвержденіе отъ того или другаго изъ этихъ монастырей чрезъ поданіе ему патерицы (жезла) отъ архимандрита того или другаго монастыря. Ограждая внутреннее самоуправленіе и благочиніе монастырей своихъ, съ правомъ свободнаго выбора игуменовъ не иначе, какъ только православныхъ и достойныхъ, фундаторы заповѣдуютъ своимъ дѣтямъ и потомкамъ имѣть опеку и оказывать защиту монастырямъ, приглашая къ сему и мѣстныхъ дворянъ. Богданъ Стеткевичъ, подобно своимъ родственникамъ Огинскимъ и Соломерецкимъ, оказывалъ помощь братствамъ въ Вильнѣ, Могилевѣ и Минскѣ. Пользуясь дворянскимъ правомъ пріобрѣтать и жертвовать земельныя усадьбы, каковое право стѣснено было для православныхъ мѣщанъ-членовъ братствъ, они пріобрѣтали усадьбы на свое имя и потомъ жертвовали братствамъ. Особенно Могилевское Спасское братство обязано пособіями Огинскимъ и Стеткевичамъ, въ томъ числѣ Богдану Стеткевичу. Богданъ Стеткевичъ, вмѣстѣ съ другими дворянами, поддерживалъ Петра Могилу на варшавскомъ сеймѣ 1632 г., когда, благодаря такой поддержкѣ, Могила успѣлъ достигнуть возстановленія правъ православной церкви. Участвовалъ Стеткевичъ здѣсь и въ избраніи Петра Могилы на митрополію. Богданъ и его жена внесли свои доли на предпринятое Петромъ Могилою возобновленіе Кіево-Софійскаго собора, возвращеннаго отъ уніатовъ. Наконецъ въ своемъ завѣщаніи 1646 г., декабря 26, Петръ Могила приглашаетъ, впереди другихъ, Александра Огинскаго, воеводу минскаго, и Богдана Стеткевича имѣть опеку и надъ его Кіево-Братскою коллегіею. Въ фундушевой записи родича Богданова Михаила-Владиміра Стеткевича Борколабовскому монастырю отъ 12 апрѣля 1652 г. Богданъ Стеткевичъ называется уже «небощикомъ», чѣмъ приблизительно и опредѣляется время кончины этого достопамятнаго ревнителя православія.

23. Полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій.

(Стр. 229).

Портретъ Мелетія Смотрицкаго гравированъ по фотографіи съ живописнаго портрета, находящагося въ библіотекѣ архіепископа литовскаго.

Мелетій, въ мірѣ Максимъ, сынъ Герасима Даниловича Смотрицкаго, ректора Острожскаго училища, родился въ 1578 или 1579 году и первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ ученаго грека Кирилла Лукариса (впослѣдствіи патріарха константинопольскаго). Отличаясь блестящими способностями, Смотрицкій былъ посланъ княземъ К. К. Острожскимъ въ 1601 г. въ Виленскую іезуитскую академію, откуда отправился, въ качествѣ руководителя молодаго князя Соломерецкаго, заграницу, гдѣ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ, Виртембергскомъ и другихъ университетахъ. Возвратясь на родину, Смотрицкій былъ пораженъ бѣдственнымъ состояніемъ православной церкви, угнетаемой латинствомъ и уніей, и съ свойственнымъ ему жаромъ выразилъ въ своемъ сочиненіи «Фриносѣ» (плачѣ), появившемся въ 1610 г. подъ псевдонимомъ Θеофила Ортолога, какъ бы отъ лица церкви, все негодованіе на угнетателей русской вѣры и отступниковъ отъ нея и совѣтъ отступникамъ возвратиться въ лоно православной церкви. Склонный къ иночеству, Смотрицкій поселился въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ и здѣсь въ братской типографіи напечаталъ въ 1611—1613 гг. псалтирь, новый завѣтъ и часословъ. Не довольствуясь скромной бесѣдой съ иноками обители св. Духа, Смотрицкій, съ разрѣшенія настоятеля, велъ частыя бесѣды съ базиліанами Троицкаго монастыря въ видахъ защиты православія. Пытливый умъ увлекающагося русскаго ученаго не довольствовался однако дозволенными ему собесѣдованіями, и онъ вошелъ въ тайныя сношенія, и притомъ не только съ монахами уніатскими, но и съ латинскими. Это было замѣчено иноками Св. Духовскаго монастыря и Смотрицкому было предложено: или оставить обитель или принять постригъ. Избравъ послѣдній и принявъ въ 1617 году монашество съ именемъ Мелетія, Смотрицкій ревностно предался исполненію иноческихъ подвиговъ: строго придерживался поста, подвергалъ себя нощнымъ бдѣніямъ, носилъ убогую одежду и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ занимался преподаваніемъ въ братской школѣ монастыря, для которой составилъ лексиконъ и грамматику. Въ 1620 году Мелетій былъ избранъ въ архимандриты Свято-Духовскаго братства и въ томъ же году былъ посвященъ іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ въ архіепископы на Полоцкую каθедру. Нѣсколько лѣтъ живой дѣятельности его на пользу церкви, въ видѣ проповѣдей, посланій и изданія такихъ сочиненій, какъ «Оправданіе невинности», «Обличеніе писемъ язвительныхъ» и т. п., укрѣпили духъ православія среди его паствы, восторженно слушавшей проповѣди и читавшей посланія своего владыки. Религіозное возбужденіе православныхъ было такъ настроено, что когда фанатизмъ яраго приверженца уніи Іосафата Кунцевича дошелъ до послѣднихъ предѣловъ, народъ не задумался покончить

съ изувѣромъ. Смотрицкій былъ заподозрѣнъ польскимъ правительствомъ и уніатами въ смерти Кунцевича и былъ проклятъ уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ Рутскимъ. Встревоженный такимъ подозрѣніемъ, Смотрицкій отправился, въ 1623 или 1624 г., на Востокъ, и здѣсь, съ свойственною ему впечатлительностію и неусточивостію ума, задумалъ установить пункты соглашенія православныхъ и уніатовъ. Но эти уніонныя стремленія не удались, и Смотрицкій возвратился на родину, принявъ въ управленіе Дерманскій монастырь, Дубенскаго уѣзда. Здѣсь недавній проповѣдникъ и защитникъ православія впалъ въ малодушіе и, послѣ бесѣдъ прибывшаго на Волынь митрополита Рутскаго, принялъ унію, но принялъ тайно и наружно остался православнымъ, въ видахъ привлеченія въ унію возможно бóльшаго числа православныхъ. Коварный обманъ обнаружился только тогда, когда появилось сочиненіе Смотрицкаго въ видѣ апологіи его путешествія на Востокъ. Въ этомъ трудѣ Мелетій ужъ прямо склонялся на сторону западной церкви, яко бы сохранившей чистоту вѣры, и порицалъ восточную церковь, а слѣдовательно и западно-русскую, въ ереси и заблужденіяхъ. Въ то время (1627 г.) западно-русскіе іерархи съѣхались въ Кіевѣ на соборъ для разсужденій о благоустройствѣ православной церкви. Прибылъ сюда и Смотрицкій; но сначала онъ не былъ допущенъ къ единенію съ іерархами за свое сочиненіе; когда же Мелетій отказался отъ своихъ заблужденій и подписалъ отреченіе, то былъ введенъ въ церковь Печерской лавры и здѣсь, вмѣстѣ съ іерархами и народомъ, рвалъ листы своей апологіи. Такое отреченіе, не смотря на всю его обстановку и торжественность, было однако наружное, ибо, спустя нѣсколько дней послѣ собора, Смотрицкій бѣжалъ изъ Кіева въ Дерманскій монастырь и окончательно присоединился къ уніи, выпустивъ описаніе кіевскаго собора съ своей точки зрѣнія подъ названіемъ «Protestatia».

Въ декабрѣ 1633 г. Мелетій умеръ не примиренный съ православною церковью и едва ли убѣжденный въ истинности уніи и латинства. Смерть его іезуиты приписали его врагамъ.

Мелетій Смотрицкій долженъ быть признанъ знатокомъ русскаго языка. Его грамматика, перепечатанная въ Москвѣ въ 1648 г., служила руководствомъ во всѣхъ русскихъ школахъ до появленія, въ половинѣ XVIII вѣка, грамматики Ломоносова.

24. Богданъ Хмельницкій.

(Стр. 245).

Портретъ Хмельницкаго воспроизведенъ съ фототипическаго портрета, изданнаго А. С. Суворинымъ въ его «Русской исторической портретной галлереѣ», по гравюрѣ Гондіуса, 1651 года. Этотъ портретъ считается наиболѣе схожимъ.

Знаменитый гетманъ запорожскихъ казаковъ, сынъ чигиринскаго сот-

ника Михаила Хмельницкаго, первоначальное образованіе получилъ вѣроятно на родинѣ, въ какой либо церковной школѣ, и докончилъ его въ Галиціи, въ Ярославѣ, у іезуитовъ. Поступивъ на службу въ ряды казацкаго войска, Хмельницкій участвовалъ въ польско-турецкой войнѣ 1620—1621 гг., въ которой, въ битвѣ подъ Цецорою, былъ убитъ отецъ его, а самъ Богданъ взятъ былъ турками въ плѣнъ и пробылъ въ неволѣ два года. Когда онъ возвратился въ запорожье, то на его долю выпала организація морскихъ силъ запорожцевъ для нападенія на турецкіе города. Здѣсь молодой Хмельницкій отличился уничтоженіемъ 12 турецкихъ галеръ въ 1621 году и разгромомъ Константинопольскаго предмѣстья въ 1629 году.

Послѣ многихъ лѣтъ службы въ запорожскомъ войскѣ, Хмельницкій возвратился въ Чигиринъ, женился на Аннѣ Сомковнѣ и получилъ званіе сотника чигиринскаго.

Малороссія переживала тогда тяжелое время. Мѣстное сельское населеніе, пользовавшееся до этого свободой, все болѣе закрѣпощалось помѣщиками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря польско іезуитскому вліянію и подъ давленіемъ польскаго правительства, измѣняли православію и обращались въ поляковъ; народъ съ одной стороны насильно обращался въ унію, а съ другой стороны находился подъ тяжелымъ гнетомъ жидовъ-арендаторовъ, которые облагали крестьянъ непосильными сборами и допускали совершеніе религіозныхъ требъ не иначе, какъ за особую плату. Все это вызывало народныя возбужденія, усмирявшіяся жестокими мѣрами польскихъ властей. Извѣстны возстанія подъ предводительствомъ Тараса Трясилы — 1630 г. Павлюка—1637 г., Остряницы и Гуни—1638 г. Въ этомъ послѣднемъ году польское правительство, уничтоживъ званіе казацкаго гетмана, подчинило казаковъ власти чиновниковъ изъ польской шляхты и наполнило Малороссію жолнерами. Пользуясь своею властію, поляки начали угнетать мѣстное населеніе и своевольно распоряжаться его имуществомъ. Въ 1646 году чигиринскій подстароста, шляхтичъ Чаплинскій, насильно отнялъ у Хмельницкаго его родовой хуторъ Суботово и до смерти избилъ десятилѣтняго сына его. Хмельницкій жаловался и въ судъ, и къ королю, но всесильный шляхтичъ оставался безнаказаннымъ; причемъ король Владиславъ на жалобу Богдана далъ будто бы такой ему отвѣтъ: «Вы воины и носите сабли,—кто вамъ за себя стать запрещаетъ?» Послѣдовавъ этому совѣту, Хмельницкій собралъ войско и въ декабрѣ 1647 г. перешелъ съ нимъ въ Запорожье, гдѣ созванная имъ рада провозгласила его гетманомъ. Пока запорожцы подготовляли народъ къ возстанію, Богданъ побывалъ въ Крыму и убѣдилъ татарскаго хана оказать казакамъ помощь. Между тѣмъ для усмиренія возстанія выступили польскіе гетманы Потоцкій и Калиновскій съ отрядами, состоящіе изъ такъ называемыхъ реестровыхъ казаковъ и польской конницы; но казаки эти тотчасъ же перешли на сторону возставшихъ, а польская конница была разбита на голову. Это произошло 8 мая 1648 г. при урочищѣ «Желтыя-Воды».

Потоцкій и Калиновскій выступили противъ запорожцевъ вторично, но и на сей разъ потерпѣли пораженіе 16 мая у Корсуня и сами попали въ плѣнъ къ казакамъ.

Пораженіе поляковъ запорожцами произвело сильное впечатлѣніе на украинцевъ. Крестьяне, бросая свои занятія, объявляли себя казаками и спѣшили стать подъ знамена Хмельницкаго, и по всей Украйнѣ, по обѣ стороны Днѣпра, вспыхнуло народное возстаніе, ознаменовавшееся жестокой расправой раздраженнаго народа съ его угнетателями: панскія усадьбы опустошались, паны и ихъ арендаторы лишались жизни, костелы подвергались раззоренію и сожженію, жиды и ксендзы истреблялись чуть не поголовно. Спасаясь отъ этихъ жестокостей, паны съ своею челядью начали высѣляться въ Польшу, и такимъ образомъ Украйна разомъ была очищена отъ своихъ угнетателей. Поляки не хотѣли однако разстаться съ Малороссіей и, собравъ ополченіе изъ 36.000 шляхты, выступили противъ Хмельницкаго, съ которымъ встрѣтились въ сентябрѣ 1648 г. подъ м. Пилявою; но послѣ незначительныхъ стычекъ, польское ополченіе разбѣжалось, устрашенное извѣстіемъ, что на помощь казакамъ выступили татары. Тогда Хмельницкій двинулся черезъ Львовъ въ Польшу и осадилъ крѣпость Замостье. Вещественнымъ памятникомъ пребыванія здѣсь гетмана запорожскихъ казаковъ сохранился желѣзный бердышъ съ изображеніемъ архистратига Михаила на одной сторонѣ и съ надписью на другой: «Подъ Замосцемъ я Богданъ Хмельницкій съ 80 тисячъ козаковъ, а ляхамъ, жедамъ и попамъ супостатамъ симъ бердышемъ заграю на ихъ толстыхъ шияхъ козака року 1648 месяца лѣстопада (ноября) 11 дня». Бердышъ этотъ, хранящійся въ Краковскомъ академическомъ музеѣ, воспроизведенъ хромолитографически въ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», вып. VII, изд. П. Н. Батюшкова, и ксилографически въ «Холмской Руси», изд. его же.

Когда слухи о побѣдахъ Хмельницкаго получили широкое распространеніе, то къ гетману малороссійскому стали прибывать въ Переяславль посольства отъ сосѣднихъ государствъ: Турціи, Молдавіи, Валахіи и Седмиградіи съ предложеніемъ дружбы и союза противъ поляковъ. Пріѣзжалъ посланникъ и отъ царя Алексѣя Михайловича съ подарками гетману. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились и коммиссары новаго польскаго короля Яна-Казиміра, приславшаго Хмельницкому грамоту на гетманство, булаву и знамя. Коммиссары завели при этомъ рѣчь о мирѣ; но переговоры не имѣли успѣха, не смотря на умѣренныя желанія запорожцевъ, и оставили вожможность возникновенія новой войны. Организовавъ правильное войско, Хмельницкій выступилъ, весною 1649 года, съ своимъ союзникомъ, ханомъ Исламъ-Гиреемъ, и осадилъ поляковъ подъ Збаражемъ. Въ помощь осажденныхъ двинулся самъ король Янъ-Казиміръ съ 20-тысячнымъ войскомъ и остановился въ м. Зборовѣ. Здѣсь, 5 августа, при переправѣ поляковъ черезъ рѣку, Хмельницкій истребилъ всѣхъ, успѣвшихъ переправиться на берегъ; но когда на другой

день казаки кинулись на непріятельскій лагерь, гетманъ остановилъ казаковъ и тѣмъ избавилъ польскаго короля отъ неизбѣжнаго плѣна. Послѣдствіемъ этого было заключеніе мира, обезпечивавшаго свободу православной вѣры, ограждавшаго народъ отъ евреевъ и польскихъ жолнеровъ и увеличившаго число постояннаго казацкаго войска. Но этотъ договоръ не вполнѣ удовлетворялъ желаніямъ малороссійскаго народа, стремившагося къ полному разрыву съ Польшей, и не уничтожалъ зависимости крестьянъ отъ пановъ-помѣщиковъ. Поэтому, какъ только Хмельницкій установилъ внутренній строй военнаго быта Малороссіи по зборовскому договору, паны-помѣщики стали возвращаться на Украйну и начали требовать отъ крестьянъ возстановленія прежнихъ обязательныхъ отношеній. Отсюда возникли новыя обоюдныя жестокости, обусловливаемыя возмущеніемъ крестьянъ противъ пановъ и стремленіемъ послѣднихъ усмирить непослушныхъ. Между тѣмъ зборовскій договоръ былъ отвергнутъ сеймомъ, и поляки выразили желаніе продолжать войну съ казаками. Польскій король получилъ отъ папы мантію и освященный мечъ вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ всѣмъ, кто будетъ воевать съ «схизматиками». Подобно тому и Хмельницкій былъ препоясанъ прибывшимъ на Украйну коринѳскимъ митрополитомъ Іоасафомъ мечемъ, освященнымъ на гробѣ Господнемъ. Вооруженные такими доспѣхами, непріятели сошлись на обширномъ полѣ подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ; но въ самый разгаръ сраженія, 19 іюня 1651 г., союзникъ Хмельницкаго, крымскій ханъ, неизвѣстно почему, покинулъ со своей ордой поле битвы и обратился въ бѣгство. Хмельницкій бросился за нимъ, чтобы задержать бѣгство, но былъ захваченъ ханомъ въ плѣнъ. Поляки воспользовались отсутствіемъ храбраго гетмана и, разбивъ казаковъ, двинулись на Украйну. Украинцы, воодушевленные убѣжденіями Хмельницкаго, вооружились поголовно и твердо стояли за себя. Впрочемъ казаки не въ состояніи были удержать сильнаго наплыва польскаго войска, которому удалось завладѣть Черниговомъ и Кіевомъ. Когда же непріятели сошлись подъ Бѣлою-Церковью, то, по предложенію Хмельницкаго, было приступлено къ заключенію мира, который, послѣ долгихъ договоровъ, и состоялся 17 сентября 1651 г., но уже съ меньшими выгодами для украинцевъ сравнительно съ зборовскимъ договоромъ. Это обстоятельство вызвало недовольство со стороны народа къ его знаменитому гетману и повлекло за собою движеніе массъ народныхъ въ предѣлы Московскаго государства. Переселенцы образовали въ новомъ своемъ отечествѣ поселенія, изъ коихъ затѣмъ возникли города: Острогожскъ, Сумы, Короча, Бѣлополье, Ахтырка, Лебединъ, Харьковъ и др.

Положеніе Украины оставалось все же въ крайне разстроенномъ видѣ. Угнетеніе поляками оставшагося на мѣстѣ народа продождалось своимъ чередомъ, какъ не прерывались отдѣльныя вспышки и обоюдные жестокости. Продолжались и сраженія казацкихъ войскъ съ польскими, какъ напр. при урочищѣ Батогѣ 22 мая 1652 г. и подъ Жванцемъ осенью 1653 г. Озабочи-

ваясь окончательнымъ устройствомъ Украины, Хмельницкій убѣдился, что спасеніе его родины—въ единеніи съ Московскимъ государствомъ. Послѣ берестецкаго сраженія, онъ началъ высказываться въ этомъ смыслѣ предъ пріѣзжавшими на Украйну московскими людьми и наконецъ обратился къ царю съ просьбою о принятіи Украины въ русское подданство. Алексѣй Михайловичъ, обсудивъ вопросъ на земскомъ соборѣ 1 октября 1653 г., по единодушному совѣту бояръ, склонился на просьбу гетмана и послалъ боярина Бутурлина принять Украину подъ высокую царскую руку.

Когда московскій посолъ прибылъ на Украину, Хмельницкій созвалъ 8 января 1654 г. въ Переяславлѣ генеральную раду и въ рѣчи своей предложилъ народу, желаетъ ли онъ быть подъ вліяніемъ Польши и снова терпѣть всякія притѣсненія, или перейти подъ власть бусурмановъ—крымскаго Хана или турецкаго султана,—или наконецъ возсоединиться съ единовѣрнымъ русскимъ народомъ; при этомъ онъ совѣтовалъ признать власть православнаго царя московскаго и добавилъ: «а буде кто съ нами не согласенъ, тотъ куда хочетъ: вольная дорога». Народъ единогласно рѣшилъ: «Волимъ подъ царя восточнаго! Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобы мы на вѣки были едино»!

Такъ совершилось знаменательное событіе возсоединенія Малороссіи съ Великороссіей.

Богданъ Хмельницкій, оставленный гетманомъ и послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи, помогалъ царю въ войнѣ его съ Польшей; но значеніе его, какъ самостоятельнаго вождя, уже умалилось подъ вліяніемъ русскаго общегосударственнаго управленія. Огорченный этимъ и не видя расположенія русскихъ выслушивать его совѣты, Хмельницкій заключилъ въ 1656 году съ шведскимъ королемъ Карломъ X и седмиградскимъ княземъ Юріемъ Ракочи тайный договоръ о раздѣлѣ Польши, съ отдѣленіемъ отъ нея всѣхъ южно-русскихъ земель. Впрочемъ договоръ этотъ остался безъ исполненія, и Хмельницкому пришлось выслушать за него строгій выговоръ отъ московскаго царя.

Старый гетманъ, на смертномъ одрѣ, въ прощальной рѣчи просилъ казаковъ стараться объ укрѣпленіи независимости Украины, объ освобожденіи отъ польскаго ига Волыни, Покутья, Подоли и Полѣсья и о подчиненіи ихъ власти московскаго царя.

Скончался Богданъ Хмельницкій въ 1657 году и погребенъ въ Суботовѣ, въ построенной имъ самимъ каменной церкви. Храмъ этотъ сохранился до нашего времени, но прахъ знаменитаго гетмана, при опустошеніи польскимъ воеводой Чарнецкимъ, въ 1664 году, Суботова, былъ выброшенъ по его распоряженію изъ гроба и преданъ поруганію.

25. Іеромонахъ Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ.

(Стр. 249).

Портретъ Игнатія Оксеновича-Старушича воспроизведенъ по фотографіи съ стариннаго живописнаго изображенія, находящагося въ Церковно археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи.

Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, занимая мѣсто профессора и ректора Кіевской коллегіи (нынѣ духовная академія), былъ назначенъ игуменомъ Кіевскаго Выдубицкаго монастыря. Какъ человѣкъ просвѣщенный, отличавшійся преданностію православію и даромъ проповѣдничества, онъ былъ назначенъ 12 іюня 1650 г. въ епископы бѣлорусскіе, но въ томъ же году скончался. Не успѣвъ такимъ образомъ примѣнить своихъ дарованій къ Бѣлорусскому краю, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, оставилъ по себѣ добрую память дѣятельностію по юго-западной Руси. На ясскомъ соборѣ православнаго духовенства 1643 года онъ явилъ себя «человѣкомъ изумительнымъ со свѣдѣніями всякаго рода». Его «Казаніе погребовое», произнесенное при погребеніи князя Иліи Четвертинскаго, было издано въ Кіевѣ въ 1641 году; оно содержитъ въ себѣ въ непрерывной линіи происхожденіе князей Четвертинскихъ, описаніе воинскихъ подвиговъ князя Иліи и христіанскихъ его добродѣтелей.

Игнатій погребенъ въ древнѣйшей Михайловской церкви Выдубицкаго монастыря. Надъ его могилой сохранилась слѣдующая эпитафія, сочиненная, быть можетъ, имъ самимъ или его роднымъ братомъ, игуменомъ того же монастыря, іеромонахомъ Климентомъ:

«Живъ сый, создахъ себѣ гробъ, дабы мое тѣло,
Отдавши духа Богу. покой въ немъ имѣло.
Ты же не хощи мене мертва обидѣти,
Не обыкша живуща кого оскорбити.
Хощеши ли знати, кто быхъ живый въ мірѣ?
Игнатій монахъ священъ, православный въ вѣрѣ,
Славы Божія въ церкви бѣхъ азъ проповѣдникъ
И на судахъ духовныхъ судьямъ собесѣдникъ.
Ректоръ бѣхъ братства, иже Кіевѣ градѣ,
Те жъ въ Выдубицкой игуменъ оградѣ.
Идѣже безплотныхъ силъ церковь Воеводы,
Погружающа въ каменѣ при Архипѣ воды.
На его же душею крылѣ возложихся,
А тѣломъ въ семъ его храмѣ положихся.
Се уже о мнѣ всякъ знати возможе.
Бѣхъ иногда, еже бѣхъ, нынѣ же — ничтоже.
Но азъ тя знать не могу, обаче молюся:
Моли о мнѣ, да правый на судъ явлюся».

26. Московскій царь Алексѣй Михайловичъ.

(Стр. 253).

Портретъ Алексѣя Михайловича воспроизведенъ съ акварели, находящейся въ рукописи XVII вѣка, называемой Титулярникомъ.

Алексѣй Михайловичъ, сынъ царя Михаила Ѳедоровича и его супруги Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой, родился въ 1629 году и вступилъ на престолъ въ 1645 году. Заслуживъ за мягкій характеръ свой, снисходительность и добросердечіе названіе «тишайшаго», Алексѣй Михайловичъ силою вещей былъ поставленъ однако въ необходимость прибѣгать къ оружію для уничтоженія внутреннихъ смутъ и охраны внѣшнихъ границъ государства. Едва запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій присоединилъ Малороссію къ Россіи, какъ царь Алексѣй вынужденъ бызъ вести войну съ Польшей. Вступивъ весною 1654 года въ предѣлы Литвы, онъ былъ встрѣченъ русскимъ православнымъ населеніемъ съ большою радостью, какъ единовѣрный монархъ, защитникъ правъ русскаго народа и православной церкви. Смоленскъ, Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ и другіе города сдѣлались достояніемъ русскаго царя. При дальнѣйшемъ шествіи русскіе взяли, въ 1655 году, Минскъ, Ковну, Гродну и Вильну. Алексѣй Михайловичъ торжественно въѣхалъ въ древнюю литовскую столицу и принялъ титулъ «вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, литовскій, волынскій и подольскій». Потерявъ литовско-русскія земли и будучи тѣснимы съ сѣверо-запада шведами, овладѣвшими Познанью и Варшавой, и съ юга—войсками Богдана Хмельницкаго, занявшаго Червоную Русь, поляки склонили Алексѣя Михайловича къ міру обѣщаніемъ выбрать его на польскій престолъ, какъ только скончается хилый и бездѣтный Янъ-Казиміръ. Добродушный царь согласился, и 17 октября 1656 г. былъ заключенъ въ Вильнѣ мирный договоръ. Но поляки вовсе не думали исполнять своихъ обѣщаній, которыя разсыпали лишь только для того. чтобы выйти изъ крайне затруднительнаго положенія и спасти отечество, и сеймъ сдѣлалъ возраженіе противъ договора.

Второй походъ русскихъ противъ поляковъ не былъ успѣшенъ. Послѣ продолжительныхъ битвъ, перевѣсъ остался за Польшей, и по заключенному въ 1667 г. въ Андрусовѣ перемирію. Россія возвратила ей воеводства Полоцкое, Витебское и Инфлянтское, оставивъ за собой Смоленскъ, Невель, Себежъ, Велижъ, Черниговъ, часть Украины и на два года Кіевъ.

Обративъ андрусовское перемиріе въ вѣчный миръ, оградившій Московское государство отъ польскихъ притязаній и захватовъ, царь Алексѣй Михайловичъ занялся внутреннимъ устройствомъ своихъ владѣній. Отецъ великаго преобразователя и перваго императора Россіи, царь Алексѣй положилъ начало народному просвѣщенію посредствомъ устройства школъ, началъ преобразовывать войска по европейскому образцу, сдѣлалъ первыя попытки основанію флота, установилъ почту и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей заботливости о западно-русскихъ единовѣрцахъ своихъ царь Алексѣй ока-

зывалъ помощь щедрыми пожертвованіями на православные храмы и монастыри русско-литовскихъ областей, какъ перешедшихъ подъ его корону, такъ и оставшихся за Польшей. Изъ числа такихъ даровъ сохранилась до настоящаго времени въ Оршанскомъ Кутеинскомъ женскомъ монастырѣ золотая гривна въ видѣ полулунія, привѣшенная къ иконѣ Спасителя самимъ царемъ при посѣщеніи имъ обители

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ дважды: на Марьѣ Ильинишнѣ Милославской (р. 1625 г † 1669 г.) и на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной (р. 1651 г. † 1694 г.). Скончался онъ въ 1676 году.

27. Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситняновичъ (Полоцкій).

(Стр. 257).

Портретъ Симеона составляетъ копію съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ книгѣ «Портреты именитыхъ мужей россійской церкви», изд. П. Бекетова, 1843 г.

Симеонъ Петровскій-Ситняновичъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Симеона Полоцкаго, родился въ апрѣлѣ 1629 г. въ Бѣлоруссіи и получилъ образованіе въ Кіевской коллегіи (нынѣ духовная академія). Въ молодыхъ годахъ, - всего 27 лѣтъ отъ роду,—онъ принялъ иночество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ братскомъ монастырѣ и одновременно съ тѣмъ былъ назначенъ наставникомъ въ мѣстномъ братскомъ училищѣ При проѣздѣ царя Алексѣя Михайловича черезъ Полоцкъ, молодой наставникъ представилъ царю и поднесъ ему свое сочиненіе — «Метры на пришествіе великаго государя царя Алексѣя Михайловича всея Россіи въ градѣ Полоцкѣ въ 164 году». Обласканный царемъ, онъ покинулъ родину и въ 1664 г. прибылъ въ Москву, чтобы съ большею пользою примѣнить тамъ свои познанія и способности. Здѣсь своими переводами сочиненій съ латинскаго на русскій языкъ, составленіемъ піитическихъ привѣтствій и ученостію онъ приблизился къ царю и съ его разрѣшенія открылъ при Иконоспасскомъ монастырѣ лекціи латинскаго языка для чиновъ царскаго тайнаго приказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при появленіи въ россійской церкви раскола по поводу исправленія патріархомъ Никономъ богослужебныхъ книгъ, Симеонъ принималъ дѣятельное участіе въ обличеніи заблуждающихся и сочинилъ противъ нихъ книгу «Жезлъ правленія на правительство мысленнаго стада православно-россійскія церкви». Онъ написалъ множество проповѣдей, составилъ изъ нихъ два сборника: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная»; издалъ сборники своихъ стихотвореній «Риѳмологіонъ» и «Вертоградъ многоцвѣтный»; сочинялъ религіозныя драмы и комедіи; а послѣ смерти покровителя своего, царя Алексѣя Михайловича, написалъ «Драматическую елегію», въ которой представилъ царя предъ смертію говорящимъ къ Богу, къ наслѣднику престола съ наставленіемъ какъ слѣдуетъ царствовать, ко всѣмъ особамъ царской фамиліи, къ духовенству,

властямъ, воинству и ко всѣмъ подданнымъ, съ присовокупленіемъ и ихъ отвѣтовъ царю. Вообще Симеонъ пользовался въ Москвѣ славою ученаго, хотя одновременно съ тѣмъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ неправославныхъ взглядахъ. Въ 1670 году Симеонъ устроилъ при царскомъ дворѣ типографію и въ ней печаталъ свои сочиненія, какъ напр. «Букварь», «Псалтирь риѳмованную» и др.

Избранный въ наставники къ царевичу Ѳедору Алексѣевичу, Симеонъ пользовался большимъ его расположеніемъ по вступленіи царевича на престолъ. Когда Симеонъ скончался (25 августа 1680 г.), царственный ученикъ приказалъ Сильвестру Медвѣдеву написать эпитафію своему любимому наставнику и вырѣзалъ ее золотыми буквами на двухъ каменныхъ доскахъ, поставленныхъ на могилѣ Симеона, въ трапезѣ Заиконоспасскаго монастыря. Въ этой эпитафіи полоцкій ученый восхвалялся за ученость, краснорѣчіе и кротость характера.

28. Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка.

(Стр. 261).

Гравюра исполнена по фотографіи съ живописнаго портрета, находящагося въ архіерейскомъ домѣ г. Холма.

Митрополитъ Левъ Кишка родился въ 1668 году. Онъ происходилъ изъ знатной и богатой русско-литовской фамиліи Кишковъ, православнаго исповѣданія, впослѣдствіи ополячившейся и перешедшей сначала въ унію, а потомъ въ латинство. Родители Льва были однако уніатами и при нашествіи на Литву казаковъ, оставивъ на родинѣ свои богатства, переселились на Волынь, гдѣ и родился у нихъ сынъ, названный при крещеніи двумя именами: Львомъ и Лукой. Въ юныхъ годахъ вступивъ въ базиліанскій орденъ, Левъ Кишка былъ помѣщенъ сначала въ Бытенскій новиціатъ, а затѣмъ въ семинарію при Бытенскомъ базиліанскомъ монастырѣ, по окончаніи которой былъ отправленъ въ Римъ въ коллегію распространенія вѣры, гдѣ въ 1693 году былъ удостоенъ степени доктора богословія. Возвратившись на родину, Левъ Кишка занялъ мѣсто профессора Владиміро-Волынской базиліанской семинаріи, устроенной на подобіе іезуитскихъ коллегій, но вскорѣ, именно въ 1696 году, былъ переведенъ въ Вильну въ качествѣ проповѣдника Свято-Троицкаго монастыря, гдѣ былъ сдѣланъ викаріемъ монастыря, а потомъ настоятелемъ или суперіоромъ. Затѣмъ онъ перешелъ игуменомъ Полоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастыря, которымъ завѣдывалъ до 1708 года. Управляя базиліанскими монастырями, Кишка выказалъ свою преданность базиліанскому ордену защитой и охраной правъ его передъ бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ и іезуитами. Еще бо́льшую пользу принесъ Кишка ордену, когда былъ возведенъ въ протоархимандриты. Онъ заботился о внутреннемъ благоустройствѣ базиліанскихъ монастырей, объ увеличеніи числа ихъ, объ усиле-

нія средствъ ордена и т. п. Въ 1708 году Левъ Кишка былъ назначенъ епископомъ владимірскимъ и брестскимъ, но посвященіе получилъ только въ 1711 году, и, по просьбѣ базиліанъ, былъ оставленъ вмѣстѣ съ тѣмъ протоархимандритомъ ордена; кромѣ того, онъ получилъ Супрасльскую архимандрію, которою управлялъ и позже до конца жизни своей.

Ставъ во главѣ бѣлаго уніатскаго духовенства, Левъ Кишка въ отношеніяхъ своихъ къ базиліанамъ совершенно переродился. Недавній ревнитель объ интересахъ базиліанскаго ордена, его защитникъ и попечитель, вступивъ на каѳедру епископскую, онъ убѣдился, какъ далеко уніатская церковь отступила отъ своего первообраза, отъ тѣхъ условій, на которыхъ она получила свое начало при Поцѣѣ и Терлецкомъ, и, признавая главнымъ виновникомъ такого искаженія базиліанскій орденъ, сложилъ съ себя званіе протоархимандрита и обратился въ ненавистника и врага базиліанъ. Избранный 16 февраля 1714 г. въ санъ уніатскаго митрополита, Левъ Кишка задумалъ произвести коренныя измѣненія въ уніатской церкви посредствомъ возстановленія восточныхъ обрядовъ, таинствъ и проч., искаженныхъ насиліями базиліанъ и іезуитовъ, и возвышенія власти и значенія униженнаго и забитаго бѣлаго уніатскаго клира. Съ этою цѣлью митрополитъ Кишка созвалъ въ Замостьѣ провинціальный уніатскій соборъ, состоявшійся въ 1720 году; но благія намѣренія митрополита были парализованы базиліанами. Послѣдніе, дѣйствуя за одно съ іезуитами, взяли перевѣсъ на замостьскомъ соборѣ и устроили такъ, что всѣ его опредѣленія клонились не къ очищенію уніатской церкви отъ чуждыхъ ей латинскихъ наносовъ, но къ узаконенію оныхъ и введенію новыхъ искаженій съ цѣлью возможно большаго сближенія уніи съ латинствомъ. Митрополитъ подчинился всѣмъ опредѣленіямъ собора, такъ какъ онѣ все же вводили однообразіе въ уніатской церкви и подчиняли ее извѣстному режиму, хотя въ ущербъ восточнымъ обрядамъ и канонамъ. Мало того, митрополитъ возбудилъ ходатайство предъ Римомъ объ утвержденіи постановленій собора и началъ съ обычною для него энергіей проводить ихъ въ церковный строй, въ противность желаніямъ бѣлаго духовенства, дорожившаго чистыми обрядами восточной церкви. Въ числѣ мѣръ этого рода можно указать на изданую Кишкою «Животную книги» или «Собраніе припадковъ», составляюшее весь кругъ богословскихъ, теоретическихъ и практическихъ правилъ, преподанныхъ священникамъ въ руководство. Въ этой книгѣ были удержаны многіе православные обычаи и даже нарушены нѣкоторыя догматическія положенія римской церкви, и она была допущена Римомъ, не смотря на протестъ базиліанъ.

Замостьскій соборъ, кромѣ сближенія уніи съ литинствомъ, имѣлъ еще тѣ печальныя послѣдствія, что вслѣдъ затѣмъ началось совершенное искореніе православныхъ, остававшихся еще кое-гдѣ въ Польскомъ королевствѣ, путемъ обращенія ихъ въ унію. Митрополитъ Кишка, любившій восточно-православный обрядъ и ненавидѣвшій искоренителей этого обряда—базиліанъ,

считавшихся только по названію уніатами, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ярымъ папистомъ и считалъ православіе «схизмою». Объѣзжая свою митрополію, Кишка всюду обращалъ православныхъ въ унію, а въ бытность свою въ Варшавѣ, узнавъ, что и тамъ есть православные, насильно сдѣлалъ ихъ уніатами и устроилъ для нихъ монастырь (на Медовой улицѣ, нынѣ православная Успенская церковь).

Послѣдніе дни своей жизни Левъ Кишка провелъ въ м. Купечовѣ, близъ г. Владиміра-Волынскаго. Избравъ себѣ предмѣстникомъ своего единомышленника, львовскаго епископа Аѳанасія Шептицкаго, Кишка умеръ 19 ноября 1728 г. Тѣло его было перенесено въ г. Владиміръ-Волынскій и здѣсь погребено въ каѳедральной церкви, въ гробницѣ епископовъ.

29. Императоръ Петръ I Алексѣевичъ.

(Стр. 273).

Портретъ Петра Великаго составляетъ точную копію съ гравюры, исполненной граверами Виллемъ и Субейраномъ съ живописнаго портрета, писаннаго въ 1722 году знаменитымъ портретистомъ Каравакомъ. Работы этого художника, приглашеннаго Петромъ въ 1716 году на русскую службу, императоръ такъ цѣнилъ, что за портреты подарилъ ему домъ на Васильевскомъ островѣ.

Первый императоръ всероссійскій былъ вторымъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича и второй супруги его, Натальи Кирилловны Нарышкиной. Родившись 30 мая 1672 г., Петръ 10-ти лѣтъ отъ роду вступилъ на престолъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іоанномъ, а вскорѣ сдѣлался самостоятельнымъ царемъ. Богато одаренный умомъ, пытливымъ характеромъ, необычайною энергіей и трудолюбіемъ, Петръ отправился за границу и тамъ изучилъ кораблестроеніе и военное дѣло, ознакомившись вмѣстѣ съ тѣмъ съ европейскимъ строемъ государственной жизни. Пріобрѣтенный тамъ обильный запасъ знаній далъ русскому царю возможность сдѣлать въ Россіи такія преобразованія, которыя поставили наше отечество въ рядъ европейскихъ государствъ. Тѣ же стремленія Петра требовали обезпеченія границъ Россіи и нѣкотораго ихъ расширенія. Послѣ безплодныхъ требованій Петра объ уступкѣ ему хотя одного пункта на Балтійскомъ морѣ, дабы, по выраженію нашего поэта, «прорубить въ Европу окно», изъ всего, что было отдано Швеціи царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, возгорѣлась въ 1700 году сѣверная война, которая, послѣ потери при Нарвѣ арміи и артиллеріи, увѣнчалась въ 1702 г. взятіемъ русскими Шлиссельбурга (Орѣшка), а весною слѣдующаго года пріобрѣтеніемъ Ніеншанца, давшимъ возможность положить на берегахъ Невы основаніе крѣпости, а потомъ города Санктпетербурга. Затѣмъ послѣдовали побѣды въ Лифляндіи и Финляндіи. Воинствующій король шведскій Карлъ XII, надѣясь на помощь Мазепы, прослѣдовалъ черезъ Польшу въ

Малороссію, но въ знаменитой битвѣ съ русскими подъ Полтавой, 27 іюня 1709 г., потерпѣлъ полное пораженіе и вынужденъ былъ бѣжать въ Турцію. Войдя затѣмъ въ союзъ съ королями польскимъ, прусскимъ и датскимъ, Петръ перенесъ военныя дѣйствія въ Померанію, принадлежавшую тогда шведамъ, и опустошивъ шведскія владѣнія, заключилъ въ 1721 году миръ въ Ништадтѣ. Празднуя побѣду, русскій сенатъ поднесъ царю титулъ Великаго, отца отечества и императора всероссійскаго.

Во время шведской войны, Петръ Великій довольно продолжительное время пробылъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Въ бытность его въ Полоцкѣ, онъ хотѣлъ присмотрѣться къ обрядамъ уніатскаго богослуженія и съ этою цѣлью зашелъ въ церковь базиліанскаго монастыря, но фанатики-уніаты продерзостно обозвали его схизматикомъ и не допустили русскаго царя въ алтарь русской же церкви. Петръ казнилъ дерзкихъ оскорбителей и съ тѣхъ поръ всей душей возненавидѣлъ уніатовъ. Но въ то же время императоръ оказывалъ всякую помощь православнымъ литовско русскимъ храмамъ и монастырямъ, какъ щедрыми пожертвованіями, такъ и предстательствомъ за нихъ предъ польскимъ королемъ.

По окончаніи шведской войны, Петръ Великій снова посѣтилъ, въ августѣ 1709 г., Польшу и былъ встрѣченъ поляками съ привѣтствіемъ по поводу побѣды надъ шведами и съ благодарностію за дарованіе имъ законнаго короля (Августа II).

И въ позднѣйшее время Петръ Великій оказывалъ помощь и содѣйствіе православнымъ обитателямъ Польши. По ихъ жалобамъ на захватъ православныхъ церквей и монастырей и другія притѣсненія русской вѣрѣ, Петръ неоднократно обращался къ Августу II, который, во вниманіе къ русскому царю, издалъ въ 1720 году грамоту о свободѣ православной вѣры въ Польшѣ. Хотя эта грамота, равно какъ и обращеніе Петра къ папѣ и не прекратили угнетенія православія въ Польшѣ, тѣмъ не менѣе въ дѣлахъ общей политики Польское королевство, служившее въ теченіи 10 лѣтъ ареной военныхъ дѣйствій въ русско-шведскую войну, подчинялось вліянію Россіи и ея мудраго императора.

Петръ Великій скончался 28 января 1725 г.

30. Полоцкій уніатскій архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Флоріанъ Гребницкій.

(Стр. 277).

Гравированный портретъ составляетъ копію съ живописнаго портрета, хранящагося въ библіотекѣ архіепископа литовскаго.

Флоріанъ или Флоръ Гребницкій родился въ Полоцкомъ воеводствѣ и происходилъ отъ благородной бѣлорусской семьи римско-католическаго исповѣданія. Окончивъ курсъ наукъ въ Виленской академіи со сте-

пенью доктора богословія, онъ преподавалъ философію въ находившейся при Жировицкомъ уніатскомъ монастырѣ гимназіи; вѣроятно здѣсь онъ принялъ уніатскій обрядъ и дошелъ до степени оффиціала базиліанскаго ордена. Въ 1716 году Гребницкій былъ назначенъ на полоцкую архіепископію, а въ 1742 году, за ревностное служеніе уніи, польскій король Августъ II далъ ему дипломъ на преемство митрополичьей каѳедры, которая была еще занята Аѳанасіемъ Шептицкимъ, но въ санъ митрополита былъ возведенъ только въ 1747 году. Ревность свою на пользу уніи Гребницкій проявилъ въ такой степени, что заслужилъ высокое о себѣ мнѣніе въ глазахъ папы Бенедикта XIV, который выразилъ это въ бреве, данномъ Гребницкому 8 августа 1753 года по случаю обращенія имъ православныхъ жителей города Борисова въ унію. Какъ фанатическій дѣятель уніи, онъ долженъ считаться послѣднимъ изъ числа архіепископовъ полоцкихъ. Какъ сторонникъ латинства, онъ проявилъ свою заботливость и ревность въ дѣлѣ примѣненія къ базиліанскому ордену всѣхъ тѣхъ латинскихъ порядковъ и обычаевъ, которые установлены на замостьскомъ соборѣ 1720 года, состоявшемся при участіи Гребницкаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился объ украшеніи и благосостояніи базиліанскихъ монастырей; такъ, онъ на свои средства устроилъ капитальныя сооруженія для монастыря при Полоцкомъ Софійскомъ храмѣ и выстроилъ для того же монастыря каменную церковь, а съ іезуитами завелъ даже исковое дѣло о неправильномъ владѣніи обширными церковными и монастырскими имѣніями и выигралъ дѣло во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, хотя не имѣлъ никакой отъ сего пользы, такъ какъ папа, по жалобѣ іезуитовъ, обязалъ обѣ тяжущіяся стороны къ вѣчному молчанію.

Флоріанъ Гребницкій скончался въ 1762 году въ Струни, близъ Полоцка.

31. Императрица Елизавета Петровна.

(Стр. 283).

Портретъ императрицы воспроизведенъ съ гравюры, исполненной въ 1761 году знаменитымъ германскимъ граверомъ Георгомъ-Фридрихомъ Шмидтъ.

Дочь великаго преобразователя Россіи, императора Петра I, Елизавета Петровна, родилась 18 декабря 1709 г. и вступила на престолъ 25 ноября 1741 г. Пользуясь большою любовью со стороны народа и войска, императрица Елизавета въ теченіи двадцатилѣтняго своего царствованія продолжала преобразовательныя реформы своего мудраго отца. Въ ея царствованіе смягчена строгость уголовныхъ законовъ, преобразована система казенныхъ сборовъ, учреждены заемные для дворянъ банки, открытъ въ Москвѣ императорскій университетъ, а въ Петербургѣ—академія художествъ и проч.

Въ отношеніи Бѣлоруссіи и Литвы Елизавета Петровна также шла по стопамъ своего отца. Послѣ смерти Петра I, вліяніе Россіи на Польшу уже

измѣнилось и положеніе православныхъ въ польскихъ областяхъ ухудшилось. Но императрица Елизавета, по вступленіи на всероссійскій престолъ, обратила вниманіе на своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и потребовала отъ польскаго короля облегченія участи ихъ и возвращенія имъ отнятыхъ уніатами православныхъ церквей и монастырей. Король сдѣлалъ распоряженіе, дабы всѣ претензіи православныхъ были разсмотрѣны въ особой коммисіи, а когда коммисія эта, по вліянію польскихъ пановъ и духовенства, не состоялась, король приказалъ возвратить православнымъ нѣкоторыя церкви. Такое вліяніе императрицы на отношеніе Польши къ православнымъ ея подданнымъ дало нравственную поддержку знаменитому ревнителю православія, бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому, выказавшему особенную дѣятельность на пользу православной церкви въ послѣдующее царствованіе.

Елизавета Петровна, будучи религіозной, въ часы досуга, собственноручно трудилась надъ изготовленіемъ церковныхъ шитыхъ принадлежностей, сохранившихся до сего времени въ храмахъ Петербурга. Она удѣляла эти предметы и церквамъ Бѣлоруссіи и Литвы, которымъ она оказывала, кромѣ нравственной, и матеріальную помощь. Извѣстны, напримѣръ, сохранившіеся до сихъ поръ въ Кутеинскомъ Оршанскомъ женскомъ монастырѣ дары Елизаветы Петровны: двѣ парчевыя ризы и діаконскій стихарь.

Императрица Елизавета скончалась 24 декабря 1761 г., оставивъ по себѣ память, какъ достойная дочь и послѣдовательница Великаго Петра.

32. Литовскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

(Стр. 295).

Портретъ кн. Репнина исполненъ по фотографіи съ портрета, писаннаго въ 1766 году Крафтомъ и принадлежащаго князю А. Б. Куракину.

Князь Н. В. Репнинъ родился въ 1734 году и началъ службу 15 лѣтъ сержантомъ. Участвуя въ нѣсколькихъ войнахъ, а въ томъ числѣ и въ походѣ на Рейнъ, онъ во время царствованія Павла I достигъ высокаго званія генералъ-фельдмаршала.

Императрица Екатерина II, подчинивъ Польшу своему вліянію, назначила князя Репнина резидентомъ въ Польшѣ, обязаннымъ наблюдать за сохраніемъ тамъ государственнаго строя и за возстановленіемъ правъ православнаго народа. Русскій резидентъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ Польшѣ и былъ твердымъ исполнителемъ инструкціи императрицы, смѣло возвышавшимъ свой голосъ предъ поляками. Когда одинъ панъ замѣтилъ ему, что поляки скорѣе рѣшатся на изгнаніе изъ своихъ предѣловъ всѣхъ диссидентовъ, чѣмъ на уступку имъ политическихъ правъ, Репнинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Россія усилитъ свои войска въ Польшѣ и дойдетъ до крайнихъ мѣръ въ осуществленіи своихъ желаній, а на сеймѣ ярымъ

фанатикамъ-крикунамъ онъ далъ такой отвѣтъ: «Перестаньте кричать! а будете продолжать шумѣть, то и я, съ своей стороны, шумъ заведу, а мой шумъ будетъ сильнѣе вашего». Тѣмъ не менѣе, при существовавшей въ Польшѣ враждѣ къ Россіи, русскіе дипломаты чувствовали себя въ крайне затруднительномъ положеніи. По крайней мѣрѣ Репнинъ называлъ проведенное имъ среди поляковъ время каторгою. Но ему удалось добиться нѣкоторыхъ правъ для православныхъ по договору, заключенному имъ въ 1768 году съ особою коммиссіею, образованною для сего сеймомъ.

Улучшеніе положенія православныхъ продолжалось однако не долго и вскорѣ Польша пришла къ такому положенію, которое было предвѣстникомъ скораго ея паденія. При этихъ условіяхъ, роль резидента оказалась исчерпанною, и кн. Репнинъ удалился изъ предѣловъ разлагавшагося государства. Послѣ 3-го раздѣла Польши, Репнинъ былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Въ 1798 году кн. Репнинъ былъ отправленъ посломъ въ Берлинъ и Вѣну, но вскорѣ совершенно оставилъ службу и поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1801 году.

33. Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ.

(Стр. 301).

Портретъ гр. З. Г. Чернышева исполненъ съ живописнаго миніатюрнаго портрета, принадлежащаго его правнучкѣ С. Н. Батюшковой, рожденной Кривцовой.

Графъ З. Г. Чернышевъ родился въ 1772 году. Вступивъ въ военную службу въ 1735 году, онъ сначала исполнялъ дипломатическія порученія, а потомъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ. Въ 1761 году онъ получилъ начальство надъ русскими войсками и затѣмъ въ 1763 году ему ввѣрено управленіе военною коллегіею. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи въ 1772 году, графъ Чернышевъ въ 1774 году былъ сдѣланъ въ этой области первымъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ могилевскимъ и псковскимъ.

Графъ Чернышевъ привелъ ввѣренную ему область въ цвѣтущее состояніе. Сдѣлавшись истиннымъ представителемъ твердой русской власти, императорскій намѣстникъ вмѣстѣ съ тѣмъ явилъ себя способнымъ администраторомъ и рачительнымъ и умѣлымъ хозяиномъ. До его вступленія въ управленіе краемъ въ немъ царила полная анархія: польскіе паны поступали съ крестьянами съ необузданнымъ произволомъ и свободно распоряжались ихъ жизнію; православныя церкви были въ крайнемъ запущеніи; дорогъ почти не существовало. Графъ Чернышевъ на все это обратилъ вниманіе. Поставивъ въ законные предѣлы власть пановъ, онъ устроилъ превосходныя дороги, склонилъ помѣщиковъ къ наблюденію за почтовымъ сообщеніемъ,

возстановилъ нѣсколько запущенныхъ церквей, устроилъ превосходныя зданія для присутственныхъ мѣстъ. Наблюдая за всѣмъ до самыхъ мелкихъ подробностей, гр. Чернышевъ съумѣлъ подобрать въ сотрудники и исполнители людей свѣдущихъ и отличной нравственности. «Словомъ,—говоритъ Д. Н. Энгельгардтъ въ своихъ Запискахъ,—сіи губерніи могли быть образцомъ для всей Россіи». Такое состояніе области, ввѣренной гр. Чернышеву, было замѣчено и императрицей. Екатерина II, при въѣздѣ въ край для свиданія съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, сказала своему намѣстнику: «Если бы я сама не видѣла такого устойства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила; а дороги ваши какъ сады».

Въ 1782 году гр. Чернышевъ былъ назначенъ московскимъ градоначальникомъ и, занимая этотъ постъ, скончался въ 1784 году.

34. Викторъ Садковскій, архіепископъ минскій, а потомъ черниговскій.

(Стр. 305).

Гравированный портретъ архіепископа Виктора исполненъ по фотографіи съ живописнаго портрета, находящагося въ портретной залѣ Кіевской духовной академіи.

Викторъ Садковскій образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи. Вступивъ въ монашество, онъ былъ посвященъ въ архимандриты и сначала находился въ Курскѣ, а потомъ при архіепископѣ бѣлорусскомъ, Георгіѣ Конисскомъ, занимая, между прочимъ, должность префекта семинаріи. По собственному желанію, Викторъ послѣ того былъ назначенъ игуменомъ Слуцкаго монастыря. Здѣсь онъ пользовался расположеніемъ русскаго посла въ Польшѣ, Штакельберга, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждалъ собою различныя опасенія въ латинскомъ и уніатскомъ духовенствѣ. Когда русскимъ правительствомъ признано было необходимымъ учредить въ Польшѣ православную епископскую каѳедру, то, по желанію Конисскаго и Штакельберга, выборъ остановился на Викторѣ, который, 27 іюля 1785 г., былъ посвященъ въ санъ епископа переяславскаго и бориспольскаго, коадъютора Кіевской митрополіи, съ пребываніемъ въ Слуцкомъ монастырѣ.

Учрежденіе въ Польшѣ православной епископіи вызвало большое недовольство среди латинскаго и уніатскаго духовенства, а папскій нунцій подалъ даже протестъ королю, но не имѣлъ успѣха, и власть Виктора была утверждена польскимъ правительствомъ, которое настояло впрочемъ на томъ, чтобы православный епископъ, русскій подданный, принялъ присягу на вѣрность польскому королю. Но уніаты не хотѣли помириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ и для наблюденія за Викторомъ окружили его шпіонами. Ни уніаты, ни поляки никакъ не могли допустить, чтобы русскій православный епископъ не былъ агентомъ своего правительства, чтобы онъ не возбуждалъ народъ противъ Польши и ея короля. Очевидно, враги Виктора измѣряли его дѣятель-

ность на свой аршинъ. И вотъ, когда польская либеральная партія усилилась и приступила къ составленію новой конституціи, на епископа Виктора было взведено обвиненіе въ измѣнѣ присягѣ, и 18 апрѣля 1789 г. онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Несвижскую крѣпость. Здѣсь его принудили издать посланіе къ духовенству и паствѣ о совершеніи молебствій за польскаго короля и сеймъ, о внушеніи народу быть въ послушаніи пановъ, о преданіи анаѳемѣ всякаго, кто бы началъ подговаривать народъ къ бунту, о вѣрности духовенства и народа Рѣчи Посполитой и ея панамъ. Подобное признаніе Викторомъ своей подчиненности Польшѣ не спасло его однако отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Вызванный въ маѣ 1789 г. въ Варшаву, онъ былъ подвергнутъ одиночному заключенію и лишенъ всякой возможности отправлять богослуженіе и видѣться съ кѣмъ либо. Считая его государствннымъ преступникомъ, чины сейма потребовали преданія его суду. Назначенная по этому случаю особая коммиссія, не смотря на убѣжденіе свое въ невинности Виктора, высказалась противъ него, и въ іюнѣ 1792 г. онъ былъ подвергнутъ еще болѣе тяжкому заточенію въ Ченстоховской крѣпости, но не надолго. Когда, при помощи Россіи, поборники старопольскихъ формъ правленія взяли перевѣсъ надъ либеральной партіей, Викторъ, по ходатайству русскаго посла Булгакова, былъ освобожденъ 22 іюля отъ заточенія, а 4 сентября польскимъ правительствомъ признанъ оправданнымъ и затѣмъ, въ мартѣ 1793 г. прибылъ въ свою резиденцію, въ г. Слуцкъ, находившійся въ то время уже въ предѣлахъ Русскаго государства. Въ томъ же году онъ назначенъ епископомъ минскимъ.

Освободившись такимъ образомъ отъ польской зависимости, Викторъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ 1794 году онъ обнародовалъ грамоту, приглашавшую уніатовъ присоединенныхъ къ Россіи областей принимать православіе. Духовенство и народъ какъ бы ждали только этого, и дружнымъ движеніемъ началось возсоединеніе уніатовъ. Въ теченіи около полугода возсоединилась почти $1\frac{1}{2}$ милліона вѣрующихъ.

Возведенный въ 1795 году въ санъ архіепископа, Викторъ былъ перемѣщенъ въ 1796 году на черниговскую каѳедру и здѣсь скончался 11 ноября 1803 года.

Въ Черниговѣ сохранился портретъ архіепископа Виктора съ слѣдующею подъ нимъ надписью:

«Архіерея зришь, который взятъ въ полонъ,
Премного пострадалъ за правду—свой законъ.
Но мудрость, кроткій духъ и Викторова сила
Всю силу супостатъ подъ ноги покорила.
Съ варшавскихъ узъ во Минскъ, чтó въ Польшѣ, а оттоль
Сѣлъ на Черниговскій онъ пастырскій престолъ.
Премудро паствою и свято управляетъ,
За что отъ Вышняго себѣ награды чаетъ».

35. Митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, Станиславъ Богушъ-Сестренцевичъ.

(Стр. 311).

Богушъ-Сестренцевичъ родился 3 сентября 1731 г. По происхожденію онъ былъ литвинъ, реформатскаго вѣроисповѣданія. По окончаніи курса въ Слуцкомъ реформатскомъ училищѣ, онъ дальнѣйшее образованіе получилъ въ Фракфуртскомъ университетѣ. Сначала онъ готовился въ духовное званіе, но скромное положеніе реформатскаго пастора не могло удовлетворять умъ пылкаго юноши, и онъ поступилъ въ офицеры прусскихъ гусаръ, а потомъ перешелъ въ литовскую гвардію, гдѣ пробылъ около 10 лѣтъ. Въ 1761 году Сестренцевичъ вышелъ въ отставку капитаномъ и поступилъ вь домъ князя Радивила воспитателемъ его дѣтей. Познакомившись здѣсь съ часто посѣщавшими Радивила духовными лицами римско-католическаго исповѣданія, онъ началъ изучать догматы этого исповѣданія и для сего посѣщалъ главную коллегію піаровъ въ Варшавѣ. Въ 1763 году, надлежащимъ образомъ подготовленный, онъ былъ посвященъ въ ксендзы. Искренно религіозный, Сестренцевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимался литературою, исторіею, агрономіею и медициною. Свободно владѣя знаніемъ нѣсколькихъ языковъ, онъ дѣлалъ переводы и за переводъ съ англійскаго на польскій языкъ сочиненія о здоровьѣ Макензи получилъ мѣсто настоятеля въ Гомелѣ. Впослѣдствіи онъ былъ переведенъ въ Бобруйскъ и затѣмъ назначенъ виленскимъ каноникомъ. Пользуясь расположеніемъ виленскаго епископа, князя Массальскаго, Сестренцевичъ, по отъѣздѣ въ 1771 году епископа за границу, управлялъ временно Виленскою епархіею и выказалъ здѣсь свои выдающіяся административныя способности. По случаю покушенія въ Варшавѣ на жизнь короля Станислава-Августа, онъ произнесъ 13 ноября 1771 года въ Виленскомъ каѳедральномъ костелѣ столь замѣчательную проповѣдь, что король велѣлъ перевести ее на нѣсколько языковъ и отправилъ переводы къ царственнымъ особамъ Европы. Бывшій прусскій гусаръ и литовскій гвардеецъ положилъ этимъ начало своей карьеры. Возведенный въ санъ епископа-суффрагана и живя въ Обольцахъ, Сестренцевичъ, при переходѣ Бѣлоруссіи къ Россіи, поступилъ въ подданство Екатерины II. Императрица не могла не оцѣнить достоинствъ просвѣщеннаго епископа, не зараженнаго латинско-іезуитской рутиной, и указомъ 22 ноября 1773 г. назначила его епископомъ бѣлорусскимъ, съ полнымъ подчиненіемъ ему бѣлорусскихъ католическихъ монастырей, находившихся предъ тѣмъ въ вѣдѣніи провинціаловъ, подданныхъ Польши. Обозрѣвая епархію, епископъ обратилъ вниманіе на упадокъ монашеской жизни, на невѣжество и безнравственность иноковъ, и принялъ мѣры къ устраненію вопіющаго зла. Обязавъ монаховъ учиться проповѣдничеству и разнымъ наукамъ и облегчивъ образъ иноческой жизни и монастырскія обрядности, онъ учредилъ въ 1778 году въ Могилевѣ семинарію на 20 клириковъ на началахъ

истиннаго просвѣщенія, противоположныхъ умственному порабощенію, царившему въ латинскихъ школахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наставлялъ духовенство, что оно должно сдѣлаться полезными и вѣрными подданными Россіи. «За хлѣбъ, коимъ питается духовный,—поучалъ архипастырь,—и за доставляемую ему въ имперіи безопасность, онъ долженъ быть преданъ и вѣренъ государю, не воображая, что особенность одѣянія его отъ того освобождаетъ». Затѣмъ онъ установилъ, чтобы каноническое право преподавалось въ семинаріи «въ томъ видѣ, какъ оно будетъ утверждено государемъ для католической церкви, пользующейся въ имперіи его покровительствомъ». Во всѣхъ своихъ просвѣщенныхъ начинаніяхъ Сестренцевичъ встрѣчалъ однако большія преграды со стороны іезуитовъ. Орденъ Игнатія Лойолы, упраздненный папой Климентомъ XIV, какъ вредный и противухристіанскій, былъ сохраненъ Екатериною II въ предѣлахъ ея государства и оставался свободнымъ отъ вліянія епархіальной власти. Императрица смотрѣла на іезуитовъ какъ на консервативный элементъ, способный противудѣйствовать развивавшемуся тогда свободомыслію, притомъ Екатерина стремилась устроить въ своихъ предѣлахъ римско-католическую церковь помимо воли и желаній папы. Но Сестренцевичъ ненавидѣлъ іезуитовъ и ихъ фанатизмъ, вслѣдствіе чего не пользовался и ихъ расположеніемъ,—по своему просвѣщенію и уму онъ даже былъ для нихъ опасенъ; и вотъ, дабы ослабить дѣйствія Сестренцевича, они помѣстили къ нему коадъюторомъ своего приверженца, каноника Іоанна Бениславскаго. Одновременно съ тѣмъ Сестренцевичъ навлекъ на себя неудовольствіе и папы за то, что, по повелѣнію Екатерины, открылъ новиціатъ для іезуитскаго ордена, когда онъ былъ упраздненъ папой; но императрица оправдала предъ римскимъ дворомъ Сестренцевича, возвела его въ санъ архіепископа (17 января 1782 г.) и заставила папу согласиться на каноническое его утвержденіе въ этомъ санѣ.

Со вступленіемъ на престолъ Павла I, значеніе Сестренцевича въ глазахъ императорской власти не было поколеблено. Павелъ пожаловалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго, присвоилъ титулъ митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, выхлопоталъ для него у папы кардинальскую одежду и возвелъ его въ званіе командора большаго креста св. Іоанна іерусалимскаго. Сестренцевичъ воспользовался всѣмъ этимъ и сдѣлался при Павлѣ самостоятельнымъ устроителемъ дѣлъ католической церкви въ Россіи. Оставаясь добрымъ католикомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ истиннымъ подданнымъ Россіи и не допускалъ развитія духовно-политическаго самовластія папы въ Русскомъ государствѣ. Великая и рѣдкая по своимъ проявленіямъ заслуга со стороны католическаго іерарха! Онъ поставилъ римско-католическую церковь въ Россіи въ такое положеніе, что не далеко уже было отъ отдѣленія ея отъ Рима. Іезуиты однако положили предѣлъ благонамѣреннымъ его дѣйствіямъ. По проискамъ Грубера, Сестренцевичъ лишился расположенія Павла и 14 ноября 1800 г. былъ высланъ въ свое помѣстье, но въ концѣ

1801 г. былъ возвращенъ въ Петербургъ и сдѣланъ былъ даже папскимъ примасомъ.

Сестренцевичъ занимался изслѣдованіемъ о происхожденіи русскаго языка. Онъ былъ членомъ Россійской академіи и, пользуясь расположеніемъ ея предсѣдателя А. С. Шишкова, великаго русскаго патріота, предсѣдательствовалъ, за отсутствіемъ послѣдняго, въ академіи.

Митрополитъ Сестренцевичъ скончался въ 1826 году.

36. Іасонъ Юнȣша - Смогоржевскій, полоцкій греко-уніатскій архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ.

(Стр. 317).

Портретъ Юнȣши - Смогоржевскаго воспроизведенъ съ живописнаго портрета, находящагося въ библіотекѣ архіепископа литовскаго.

Іасонъ Юнȣша-Смогоржевскій родился въ 1714 г., въ семьѣ римско-католической, въ Великой Польшѣ, въ Мазурской части ея или Мазовіи. Поступивъ въ базиліанскій орденъ, былъ онъ отправленъ въ Римъ въ греко-славянскую коллегію для богословскаго образованія. Возвратясь изъ Рима, Смогоржевскій вошелъ повидимому въ составъ уніатской братіи Супрасльскаго монастыря и потомъ сблизился съ Флоріаномъ Гребницкимъ, полоцкимъ архіепископомъ до 1748 г., а съ этого года по 1762 г.—уніатскимъ митрополитомъ. При Гребницкомъ Смогоржевскій былъ генеральнымъ митрополичьимъ викаріемъ. Войдя въ виды митрополитовъ, боровшихся тогда съ базиліанскимъ орденомъ, Смогоржевскій принялъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, какъ противникъ эгоистическихъ притязаній ордена и его генераловъ или протоархимандритовъ. Особенно поддерживалъ онъ стремленіе Супрасльскаго монастыря выйти изъ подъ зависимости ордена и протоархимандритовъ и удержать свое старинное общежительное самоуправленіе подъ покровительствомъ мѣстной іерархической власти. Нѣсколько лѣтъ прожилъ Смогоржевскій въ Римѣ (приблизительно въ 1753—1758 гг.), отстаивая дѣло Супрасльскаго монастыря предъ Римскою куріею и ведя дѣятельную переписку по этому дѣлу съ монастыремъ. Замѣчательно, что Смогоржевскій ревновалъ о сохраненіи славянскаго обряда и *русской* старины въ Супрасльскомъ монастырѣ, вытѣсняемыхъ въ другихъ базиліанскихъ монастыряхъ латинскими нововведеніями. Въ 1758 г. онъ писалъ въ Супрасль изъ Рима: «Пусть хоть одинъ монастырь на всей Руси будетъ свидѣтелемъ *прежней русской славы и нашей старины*, которою мы, при Божіей помощи и нашемъ стараніи, можемъ привлечь къ себѣ и схизматиковъ, разсѣянныхъ въ Польшѣ». Въ томъ-же году Смогоржевскій поставленъ былъ въ Римѣ въ коадъютора полоцкаго архіепископа; а съ 1762 г. былъ полоцкимъ архіепи-

скопомъ. Послѣ перваго раздѣла Польши и присоединенія Бѣлоруссіи къ Россійской имперіи, Смогоржевскій принесъ присягу на подданство Россіи. Стоя въ главѣ уніатовъ, находившихся въ предѣлахъ Россійской имперіи, онъ велъ борьбу съ римско-католическимъ архіепископомъ Бѣлоруссіи Богушемъ-Сестренцевичемъ, ограждая свою уніатскую паству отъ латинской пропаганды. Но когда по смерти уніатскаго митрополита Льва Шептицкаго, въ 1779 г., король Станиславъ-Августъ пригласилъ Смогоржевскаго занять уніатскую митрополію, остававшуюся въ предѣлахъ Польши, то онъ согласился, уѣхалъ въ Варшаву и проживалъ то здѣсь (на подворьѣ Супрасльскаго монастыря), то въ Радомыслѣ, гдѣ была и консисторія его. Въ качествѣ митрополита, Смогоржевскій усиливался то пропагандировать унію особенно въ Кіево-Волынской части своей митрополичьей епархіи (въ имѣніяхъ князя Любомірскаго и др.), то охранять уніатскую паству отъ латинской пропаганды. Но эти усилія были вообще безплодны. Слабымъ утѣшеніемъ ему были королевская милость и надежда получить сенаторское мѣсто, обѣщанное уніатскимъ владыкою еще при началѣ уніи. Но и эта надежда не сбылась. Не дождавшись сенаторскаго мѣста (оно было дано уже преемнику его, Ростоцкому; но то былъ послѣдній уніатскій митрополитъ въ Польшѣ!), Смогоржевскій скончался 1 ноября 1788 г., въ г. Радомыслѣ, Кіевской губерніи.

37. Іосафатъ Булгакъ, греко-уніатскій митрополитъ.

(Стр. 321).

Гравюра исполнена по фотографіи съ живописнаго портрета, хранящагося въ библіотекѣ архіепископа литовскаго.

Іосафатъ Булгакъ—сынъ польскаго помѣщика Гродненской губерніи, римско-католическаго исповѣданія. Получивъ высшее образованіе въ Римѣ въ коллегіи распространенія вѣры, онъ вступилъ въ базиліанскій орденъ и сдѣлался дѣятельнымъ его членомъ и защитникомъ. Орденъ этотъ, имѣвшій цѣлью сближеніе уніатской церкви съ латинскою, велъ постоянную борьбу съ бѣлымъ греко-уніатскимъ духовенствомъ изъ-за преобладающаго вліянія. Въ этомъ направленіи дѣйствовалъ и Булгакъ. Достигнувъ сана епископа брестскаго, онъ всѣми силами старался расширить свою власть. Когда скончался уніатскій митрополитъ Кохановичъ († 14 марта 1814 г.), управлявшій и Луцкою епархіею, Булгакъ достигъ того, что получилъ въ свое управленіе эту епархію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прямо отъ себя началъ просить государя пожаловать его саномъ митрополита. Бѣлое уніатское духовенство воспротивилось однако этому, и Александръ I, среди такихъ интригъ, впродолженіи трехъ лѣтъ не замѣщалъ митрополичьей каѳедры; но Булгакъ восторжествовалъ и въ 1817 году былъ назначенъ митрополитомъ. Достигнувъ своего, онъ усилилъ стремленія къ возвышенію базиліанскаго ордена. Прежде всего онъ ввелъ въ уніатскій департаментъ базиліанина вмѣсто члена изъ бѣлаго

духовенства; принималъ мѣры къ замѣщенію епископовъ только изъ базиліанъ, а изъ бѣлаго духовенства—только тѣхъ, кто въ теченіи извѣстнаго времени пробудетъ на искусѣ по правиламъ базиліанскаго ордена; оставлялъ безъ послѣдствій всѣ жалобы на базиліанъ, безцеремонно обращавшихся съ имуществомъ приходскихъ церквей, и т. п. Митрополитъ дѣйствовалъ въ этомъ духѣ вслѣдствіе своеобразнаго пониманія имъ пользъ и нуждъ греко-уніатской церкви. Въ сущности онъ былъ не злой человѣкъ, обладалъ спокойнымъ, сосредоточеннымъ характеромъ и отличался высокою набожностію.

Послѣдніе годы жизни митрополита Булгака совпадаютъ съ подготовительными работами Іосифа Сѣмашки и его сотрудниковъ къ возсоединенію западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью; при этомъ Сѣмашко дѣйствовалъ съ такимъ тактомъ и осторожностію, что Булгакъ не служилъ препятствіемъ въ его дѣятельности.

Іосафатъ Булгакъ скончался въ 1838 году, наканунѣ возсоединенія уніатовъ. Погребенъ онъ въ Сергіевской пустыни, близъ Петербурга.

38. Министръ народнаго просвѣщенія и президентъ Россійской академіи Александръ Семеновичъ Шишковъ.

(Стр. 327).

Портретъ воспроизведенъ съ гравюры Т. Рейта.

А. С. Шишковъ родился въ 1754 году. По окончаніи курса наукъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведскаго флота въ 1788—1790 гг. По окончаніи компаніи, Шишковъ написалъ сочиненіе «Морское искусство» и вскорѣ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи начальника черноморскаго флота, князя Зубова. Въ царствованіе Павла I Шишковъ состоялъ при особѣ императора и былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Вскорѣ онъ получилъ новое назначеніе—состоять членомъ адмиралтейской коллегіи и съ этой должности былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, Шишковъ, состоявшій съ 1796 года членомъ Россійской академіи, занялся изученіемъ славянскаго и русскаго языковъ и написалъ «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Сочиненіе это лишено филологическихъ достоинствъ и возбудило противъ него не безъосновательныя порицанія, хотя Шишкову удалось занять видное положеніе въ академіи. Съ 1805 года онъ начинаетъ издавать свои оригинальныя и переводныя литературныя произведенія; но при этомъ, обладая тонкимъ юморомъ и способностію сочинять эпиграммы, онъ своими рѣзкими стихами возбудилъ многихъ противъ себя и вызвалъ даже недовольство императора. Появились у Шишкова и литературные противники въ лицѣ Дашкова, профессора Каченовскаго и даже исторіографа Карамзина.

Подобное недовольство Шишковымъ, какъ дѣятелемъ на поприщѣ науки

и литературы, не препятствовало однако служебному его движенію. Сначала онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ ученаго департамента при адмиралтейской коллегіи, а послѣ паденія Сперанскаго былъ возведенъ въ 1812 году на постъ государственнаго секретаря. Назначеніе это удивило всѣхъ и даже самаго Шишкова, бывшаго предметомъ зависти, злобы и ненависти почти всего чиновнаго міра. Въ пору сильнаго патріотическаго настроенія выборъ императора на важный постъ государственнаго секретаря естественно могъ остановиться на авторѣ «Разсужденія о любви къ отечеству». Предварительно была сдѣлана «проба пера» порученіемъ составить, по случаю предстоящей войны съ французами, манифестъ о рекрутскомъ наборѣ. Ожиданія оправдались, и царскій манифестъ читался русскимъ народомъ со слезами радости. Когда началась война и императоръ отправился въ Западный край, Шишковъ слѣдовалъ за нимъ и на пути составилъ приказъ арміи и рескриптъ фельдмаршалу Салтыкову. Патріотическія, краснорѣчивыя слова этихъ бумагъ съ одушевленіемъ читала вся Россія. Отъ другихъ, написанныхъ имъ патріотическихъ произведеній Россія встрепенулась и пришла въ движеніе. Это были воззваніе императора къ Москвѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи, составленные 6 іюля въ главной квартирѣ близъ Полоцка. Манифестъ былъ торжественно прочитанъ самимъ Шишковымъ въ Москвѣ, куда онъ былъ посланъ императоромъ въ его предшествіе, и авторъ сдѣлался очевидцемъ магическаго дѣйствія своихъ словъ. Неотразимое вліяніе на русскій народъ производили и дальнѣйшіе составленные имъ манифесты, рескрипты, приказы и т. п. Непоколебимо вѣруя въ силы Россіи, воодушевленный самъ, онъ воодушевлялъ другихъ и подкрѣплялъ унывающихъ. Шишковъ, можно сказать, безъ оружія совершалъ подвиги въ отечественную войну.

По изгнаніи французовъ изъ Россіи, императоръ Александръ пожаловалъ своего государственнаго секретаря, въ Вильнѣ, орденомъ св. Александра Невскаго «за примѣрную, — какъ сказано въ рескриптѣ, — любовь къ отечеству».

Въ бытность императора въ Германіи, при заключеніи перемирія, при немъ находился и Шишковъ. Здѣсь получено было извѣстіе о смерти президента Россійской академіи Нартова, и государь тотчасъ же назначилъ на его мѣсто Шишкова, сказавъ при этомъ, что и «со свѣчкою не сыщетъ лучшаго человѣка». Пробывъ нѣкоторое время за границей для укрѣпленія своего разстроеннаго здоровья, Шишковъ возвратился въ Петербургъ, но уже не пользовался прежнимъ довѣріемъ государя и сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта.

15 мая 1824 г. Шишковъ получилъ назначеніе на постъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ неправославнаго исповѣданія. Занимая этотъ постъ, Шишковъ дѣйствовалъ въ отношеніи Сѣверо-Западнаго края вполнѣ согласно съ интересами русскаго дѣла и православной церкви. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, Шишковъ подалъ въ 1828 году прошеніе

объ отставкѣ; но государь, уволивъ отъ должности министра, оставилъ его членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи. Въ этихъ званіяхъ Шишковъ и скончался въ началѣ 1841 года.

39—44. Дѣятели возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью: Іосифъ Сѣмашко, Антоній Зубко, Игнатій Желѣзовскій, Василій Лужинскій, Михаилъ Голубовичъ и Антоній Тупальскій.

(Шесть портретовъ на стр. 333).

Портреты воспроизведены: Іосифа Сѣмашко — съ фототипическаго портрета, приложеннаго къ 3-му тому его Записокъ; Антонія Зубко, Игнатія Желѣзовскаго, Василія Лужинскаго и Михаила Голубовича — съ фотографическихъ снимковъ и Антонія Тупальскаго — съ живописнаго портрета академика Хруцкаго.

Историческій ходъ событій, приведшій западно-русскую уніатскую церковь къ возсоединенію съ православіемъ, изложенъ въ главѣ IX настоящей книги. Въ объясненіе портретовъ главнѣйшихъ дѣятелей возсоединенія считаемъ нужнымъ представить здѣсь нѣкоторыя біографическія о нихъ свѣдѣнія.

Іосифъ Сѣмашко родился 25 декабря 1798 г. въ с. Павловкѣ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, отъ уніатскаго священника Іосифа Сѣмашко и супруги его Маѳы. Первоначальное образованіе Іосифъ получилъ дома, подъ руководствомъ православнаго учителя Бочковскаго. Въ 1809 г. онъ былъ отданъ въ Немировскую гимназію, а по окончаніи въ ней курса поступилъ въ 1816 г. въ главную семинарію, составлявшую богословскій факультетъ при Виленскомъ университетѣ, которую окончилъ въ 1820 году со степенью магистра. Сначала Сѣмашко былъ посвященъ въ діаконы, безъ вступленія въ бракъ по равнодушію, какъ онъ объясняетъ въ своихъ запискахъ, къ женитьбѣ, съ назначеніемъ засѣдателемъ Луцкой греко-уніатской консисторіи, а потомъ, 28 декабря 1821 г., въ священники. Въ 1822 году назначенъ членомъ Петербургской римско-католической коллегіи по уніатскому отдѣленію, которое въ 1828 году было выдѣлено въ самостоятельное управленіе уніатскими дѣлами. Произведенный въ 1828 году въ протоіереи, Іосифъ принялъ въ слѣдующемъ году иночество и 8 августа 1829 г. былъ хиротонисанъ въ епископа мстиславскаго, викарія Бѣлорусской греко-уніатской епархіи, съ оставленіемъ членомъ уніатской коллегіи. 2 апрѣля 1833 года назначенъ литовскимъ епархіальнымъ епископомъ. Ко времени вступленія Іосифа въ санъ уніатскаго епископа относится главнѣйшая его дѣятельность по возсоединенію уніатовъ; но наиболѣе она развилась послѣ подчиненія, въ 1837 году, уніатской церкви вѣдѣнію оберъ-прокурора Св. Синода. 12 февраля 1839 г. Іосифъ возсоединился съ православною церковью, подписавъ въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ другими іерархами, актъ воз-

соединенія. 25 марта 1839 г. возведенъ въ санъ архіепископа, а 30 марта 1852 г. — въ санъ митрополита литовскаго. Скончался Іосифъ 23 ноября 1868 г. и погребенъ въ Вильнѣ, въ пещерной церкви Свято-Духовскаго монастыря, въ устроенномъ имъ самимъ каменномъ гробѣ подъ ракою виленскихъ первомучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія.

Антоній Зубко, — товарищъ по ученію, другъ и ближайшій сотрудникъ Іосифа Сѣмашко, по происхожденію бѣлоруссъ, родился 2 іюля 1797 г. въ с. Бѣломъ, Лепельскаго уѣзда, Витебской губерніи. Родителями его были: уніатскій священникъ Григорій и супруга его Марія. Лишившись отца въ 6-лѣтнемъ возрастѣ, Антоній Зубко первоначально учился у органиста, а потомъ въ Полоцкой уніатской семинаріи и іезуитской академіи и наконецъ окончилъ образованіе въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ со степенью магистра. Назначенный профессоромъ философіи въ Полоцкую семинарію, Зубко былъ затѣмъ посвященъ въ священники Полоцкаго каѳедральнаго уніатскаго собора, безъ вступленія въ бракъ, и назначенъ членомъ Полоцкой консисторіи. Возведенный въ санъ протоіерея, онъ былъ посланъ въ 1825 г. въ Петербургъ для засѣданія въ римско-католической коллегіи по уніатскому отдѣленію. Въ 1827 году онъ былъ командированъ въ Жировицы для открытія тамъ Литовской семинаріи, съ назначеніемъ ректоромъ ея. 4 февраля 1834 г. состоялась хиротонія Антонія во епископа брестскаго, викарія Литовской уніатской епархіи. Единомышленникъ Іосифа Сѣмашка и главнѣйшій его сотрудникъ по преобразованію западно-русской церкви, Антоній, участвовалъ въ подписаніи соборнаго акта 12 февраля 1839 г. о возсоединеніи съ православіемъ. Въ 1840 году назначенъ минскимъ епископомъ. Въ 1848 году Антоній, будучи уже въ санѣ архіепископа, удалился на покой и сначала жилъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ близъ Минска и потомъ въ собственномъ небольшомъ имѣніи — Солодыловичахъ, Борисовскаго уѣзда, а съ 1865 года — въ Пожайскомъ монастырѣ, близъ г. Ковны, гдѣ скончался 15 февраля 1884 г., имѣвъ утѣшеніе передъ самой смертію получить отъ петербургскаго общества адресъ по случаю пятидесятилѣтняго своего юбилея. Антоній погребенъ въ заранѣе изготовленномъ по его заказу дубовомъ гробѣ и въ избранномъ имъ самимъ мѣстѣ, подъ поломъ монастырской церкви.

Игнатій Желѣзовскій (или Желязовскій), сотрудникъ и ревностный помощникъ митрополита Іосифа Сѣмашка, былъ уроженцемъ Гродненской губерніи. Принявъ иночество въ 1824 году, въ молодыхъ годахъ, онъ въ 1829 году окончилъ курсъ наукъ въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ со степенью кандидата и затѣмъ занималъ мѣста преподавателя и инспектора Жировицкой духовной семинаріи, смотрителя духовныхъ училищъ, настоятеля Гродненскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря и инспектора Литовской духовной семинаріи. 20 мая 1848 г. Игнатій былъ посвященъ въ санъ епископа брестскаго, викарія Литовской епархіи. Управляя Гродненскою

епархіей въ теченіи 22 лѣтъ, Игнатій возродилъ и укрѣпилъ среди своего духовенства и паствы русско-православныя начала. Съ свойственнымъ ему терпѣніемъ, спокойно, но твердо онъ поучалъ крестьянъ, сельскихъ учителей и священниковъ, возсоединившихся изъ уніи, объ искорененіи польско-уніатскихъ привычекъ и обрядовъ и замѣнѣ ихъ русско-православными. Его трудамъ слѣдуетъ приписать то, что въ смутное время 1862—1863 годовъ вся сплошная масса православнаго населенія Гродненской губерніи оставалась вѣрною своему вѣрноподданническому долгу, а нѣкоторые пастыри погибли отъ руки мятежниковъ, не измѣнивъ православію и русскимъ началамъ. Ревностный поклонникъ и дѣятель русскаго направленія, съ немалыми для себя лишеніями, онъ служилъ примѣромъ своему духовенству. Дѣлая частые объѣзды епархіи, онъ всегда предпочиталъ скромную хату сельскаго священника передъ удобнымъ и роскошнымъ палацомъ пана. Скромный до аскетизма въ своей жизни, Игнатій всѣ свои средства полагалъ на устройство православныхъ церквей и въ помощь бѣдному духовенству.

Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, Игнатій 27 іюня 1870 г. удалился на покой и скончался въ 1872 году въ Гродненскомъ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ.

Василій Лужинскій, сынъ уніатскаго священника с. Старой Рудни, Рогачевскаго уѣзда, Могилевской губерніи, родился въ 1788 или 1789 гг. Первоначальное образованіе получилъ въ свѣтской школѣ, а потомъ продолжалъ ученіе въ Полоцкой уніатской семинаріи и окончилъ курсъ въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ со степенью доктора богословія. Рукоположенный въ священники въ 1819 году, онъ былъ назначенъ коммисаріемъ ad latus при уніатскомъ архіепископѣ и инспекторомъ Полоцкой семинаріи съ правами ректора, и въ этой должности состоялъ до 1822 года. Въ 1824 году Виленскій университетъ избралъ его въ префекты главной семинаріи, удостоивъ его степени доктора богословіи. Будучи уже затѣмъ соборнымъ протоіереемъ, Лужинскій былъ вызванъ въ 1828 году въ Петербургъ и назначенъ ассессоромъ греко-уніатской коллегіи. Когда на постъ митрополита греко-уніатскихъ церквей въ Россіи былъ возведенъ брестскій епископъ Іосафатъ Булгакъ, то Лужинскій былъ посланъ имъ, въ качествѣ довѣреннаго лица, въ Полоцкую епархію. Къ этому времени относится начало подготовительной дѣятельности Лужинскаго по возсоединенію уніатовъ. Въ 1833 году ему ввѣрено предсѣдательствованіе въ Полоцкой консисторіи, съ оставленіемъ въ должности ассессора коллегіи. 28 января 1834 г. совершилась хиротонія Василія въ викарные епископы Полоцкой или Бѣлорусской епархіи, съ наименованіемъ епископомъ оршанскимъ. Въ 1839 году принятъ въ общеніе съ православною церковью, 7 іюля 1840 г. назначенъ епископомъ полоцкимъ, а 5 апрѣля возведенъ въ санъ архіепископа. 27 марта 1866 года назначенъ членомъ св. синода, съ увольненіемъ отъ управленія епархіей, и въ этомъ санѣ скончался 26 января 1879 года въ Петербургѣ и погребенъ въ своемъ имѣніи, въ Витебской губерніи.

Михаилъ Голубовичъ былъ посвященъ въ санъ греко-уніатскаго священника въ 1828 году, по вступленіи въ бракъ съ дочерью оффиціала Антонія Тупальскаго. Въ 1829 году онъ получилъ степень доктора богословія и проходилъ должности профессора семинаріи и члена духовной консисторіи. Въ 1835 году произведенъ въ протоіерея съ назначеніемъ вице-предсѣдателемъ Литовской консисторіи. Лишившись жены, Голубовичъ принялъ въ 1839 году монашество и возведенъ въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Бытенскаго монастыря. Въ томъ же году, 8 сентября, Михаилъ былъ рукоположенъ въ епископа пинскаго, викарія Литовской епархіи, 28 января 1840 г. былъ переведенъ въ Брестъ и 1 марта 1848 г. назначенъ на самостоятельную каѳедру въ Минскъ. Въ ряду іерарховъ-сотрудниковъ Іосифа Сѣмашка, Михаилъ Голубовичъ много трудился какъ по возсоединенію западно-русскихъ уніатовъ, такъ и по укрѣпленію русско-православныхъ началъ среди возсоединенной паствы. Отличаясь выдающимся умомъ, высшимъ взглядомъ на жизнь и любовію къ искусству, Михаилъ съумѣлъ выполнить долгъ православнаго іерарха и въ то же время привлечь къ себѣ расположеніе образованныхъ людей, безъ различія въ исповѣданіи и національности. Плодами такого отношенія къ людямъ, кромѣ пріобрѣтенія всеобщей любви, было то, что многіе изъ польскихъ помѣщиковъ Минской губерніи жертвовали на православные храмы деньги и строительные матеріалы.

Въ 1853 году, 19 апрѣля, Михаилъ возведенъ въ санъ архіепископа, а 23 января 1868 г. уволенъ на покой и, пребывая въ Жировицкомъ монастырѣ, скончался въ немъ 6 марта 1881 года и погребенъ тамъ же въ Богородицкой церкви.

Антоній Тупальскій родился въ 1769 году въ Великой Бжостовицѣ отъ родителей духовнаго званія. Образованіе онъ получилъ сначала въ Волковыскомъ училищѣ, которое окончилъ съ золотою медалью, а потомъ въ Виленской семинаріи (папскій алумнатъ), гдѣ окончилъ курсъ въ 1796 году. Вступивъ въ томъ же году въ бракъ съ дочерью Щарскаго уніатскаго священника, Захаревича, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ рукоположенъ въ священники Деречинской церкви, съ назначеніемъ писаремъ Гродненской митрополичьей консисторіи и волковыскимъ благочиннымъ. Обративъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства, Тупальскій быстро началъ подвигаться въ духовной іерархіи; такъ, вскорѣ посвященія въ іереи, онъ былъ назначенъ членомъ Брестской консисторіи, въ 1800 году—протоіереемъ и епархіальнымъ ревизоромъ, въ 1804 году—вице-президентомъ консисторіи, въ 1807 году—оффиціаломъ и генеральнымъ викаріемъ Брестской епархіи, самой обширной изъ существовавшихъ тогда уніатскихъ епархій. Выказавъ особенную дѣятельность по обращенію базиліанскихъ имѣній на учрежденіе епархіальныхъ семинарій, Тупальскій въ 1828 году былъ опредѣленъ членомъ Жировицкой администраціонной коммиссіи для управленія этими имѣніями. Съ 1834 по 1845 г. онъ состоялъ членомъ семинарскаго правленія и въ это время ока-

залъ важныя услуги дѣлу образованія дѣтей духовенства. Когда было приступлено къ преобразованію уніатства на началахъ, принятыхъ восточною церковью, онъ съ пользою трудился въ дѣлѣ возстановленія церковной обрядности.

Надѣленный характеромъ энергичнымъ и стойкимъ и обладая убѣдительнымъ даромъ слова, Тупальскій сдѣлался однимъ изъ усердныхъ сотрудниковъ Іосифа Сѣмашки и заслужилъ общее уваженіе. До конца жизни Тупальскій занималъ постъ предсѣдателя Литовской консисторіи и былъ отличенъ многими наградами, а въ томъ числѣ и митрой. Въ 1844 году онъ былъ наименованъ протопресвитеромъ Виленскаго каѳедральнаго собора и въ этомъ санѣ скончался въ 1848 году.

Митрополитъ Іосифъ, оказывая любовь и полное довѣріе Тупальскому, выразилъ къ памяти заслуженнаго старца вниманіе въ трогательной почести: въ своей домашней церкви онъ приказалъ художнику сохранить черты покойнаго протопресвитера въ лицѣ ветхозавѣтнаго первосвященника Аарона.

45. Императоръ Николай I Павловичъ.

(Стр. 337).

Въ изданіяхъ «Холмская Русь» и «Волынь» были помѣщены гравированные портреты Императора Николая I, воспроизведенные по живописнымъ портретамъ художника Крюгера. Въ настоящемъ изданіи помѣщается третья гравюра съ портрета того же талантливаго художника.

Императоръ Николай I, третій сынъ императора Павла, родился 6 іюня 1796 г. и послѣ кончины своего брата Александра I вступилъ на престолъ въ 1825 году. Высокій покровитель церкви православной, равно наукъ и искусствъ, и твердый правитель своего народа, императоръ Николай расширилъ предѣлы своего государства и усилилъ его могущество. Въ его царствованіе Россія пріобрѣла ханства Эриванское и Нахичеванское, города Анапу, Поти, Ахалкалаки и Ахалцыхъ и проч. Ему обязана свободой Греція, получившая независимость 22 января 1830 г. Имъ усмирены мятежи: въ 1848 г. въ Венгріи и въ 1830 и 1846 году въ русской Польшѣ. Во всѣхъ войнахъ, за исключеніемъ Крымской кампаніи, когда почти вся Европа двинула противъ Россіи свои силы, войска императора Николая торжествовали побѣду. При Николаѣ I произведена кодификація законовъ и открыты высшія учебныя заведенія: Педагогическій институтъ, Кіевскій университетъ, Военная академія, училище Правовѣдѣнія и Технологическій институтъ, равнымъ образомъ кадетскіе корпуса въ нѣсколькихъ губерніяхъ (въ томъ числѣ и въ Полоцкѣ), институты для дѣвицъ, сельскія школы, пріюты и др. учебныя и благотворительныя заведенія.

Особенное попеченіе императоръ Николай оказывалъ въ отношеніи юго-западныхъ и сѣверо - западныхъ окраинъ Россіи. Здѣсь онъ являлся

ревностнымъ покровителемъ православія и русской народности. (Подробности по этому предмету см. въ описаніяхъ къ портретамъ Николая I, помѣщеннымъ въ «Холмской Руси» и «Волыни»). Дѣятельность же Николая Павловича въ дѣлѣ возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1839 году составляетъ одну изъ важнѣйшихъ страницъ исторіи его царствованія. Своими распоряженіями, выборомъ исполнителей и заботливостію императоръ Николай явилъ себя главнѣйшимъ дѣятелемъ по возстановленію православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, произведенному при посредствѣ іерарховъ Іосифа Сѣмашки, Антонія Зубко, Игнатія Желѣзовскаго и др., и завершителемъ дѣла, начатаго Екатериною Великой.

Императоръ Николай скончался 18 февраля 1855 года.

46. Митрополитъ кіевскій и галицкій Платонъ.

(Стр. 341).

Портретъ митрополита Платона воспроизведенъ съ современной фотографіи.

Одинъ изъ старѣйшихъ современныхъ іерарховъ русской церкви, высокопреосвященный Платонъ принадлежитъ къ числу дѣятелей Сѣверо-Западнаго края за время возстановленія въ немъ православія.

Нынѣшній архипастырь матери городовъ русскихъ, въ мірѣ Николай, родился въ 1803 году въ посадѣ Погорѣломъ-Городищѣ, Тверской губерніи. Отецъ его, священникъ (впослѣдствіи протоіерей) Іоаннъ Андреевичъ, носилъ фамилію Шалюхинъ. Сынъ не пожелалъ, однако, имѣть такую фамилію и при поступленіи въ духовное училище, названъ былъ Городецкимъ, по мѣсту рожденія его—въ посадѣ Погорѣломъ-Городищѣ.

По окончаніи курса въ Тверской духовной семинаріи, Николай Ивановичъ Городецкій поступилъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ образованіе въ 1827 году со степенью магистра; затѣмъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Орловскую духовную семинарію, откуда черезъ два года переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академію баккалавромъ греческаго языка. Здѣсь онъ принялъ 17 мая 1830 г. монашество съ именемъ Платона, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ инспекторомъ Петербургской духовной академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности очереднаго проповѣдника, онъ произносилъ краснорѣчивыя и убѣдительныя поученія. Его проповѣдь, сказанная по случаю холеры, произвела сильное впечатлѣніе на петербургское общество и на нее обратилъ вниманіе государь Николай Павловичъ. Въ 1837 г. Платонъ былъ опредѣленъ ректоромъ Костромской духовной семинаріи, а въ 1839 г. перемѣщенъ въ Вильну настоятелемъ первокласснаго Свято-Духовскаго монастыря и былъ сдѣланъ благочиннымъ всѣхъ церквей Виленской и нынѣшней Ковенской губерніи. Съ этого времени начинается дѣятельность Платона по возстановленію

и укрѣпленію православія въ Литовской епархіи. Въ качествѣ ревностнаго и усерднаго помощника главнаго дѣятеля по возсоединенію съ православіемъ западно-русскихъ уніатовъ, Іосифа Сѣмашка, Платонъ исполнялъ многочисленныя его порученія по возстановленію православной обрядности, устройству церквей, монастырей, школъ и т. п. Живая и плодотворная дѣятельность этого рода продолжалась и въ санѣ епископа ковенскаго, втораго викарія Литовской епархіи, въ каковой санъ онъ возведенъ былъ 8 сентября 1843 г. Въ ноябрѣ 1848 г. Платонъ былъ назначенъ викаріемъ Псковской епархіи, причемъ былъ наименованъ епископомъ рижскимъ, съ особыми правами по управленію викаріатствомъ. Когда же рижское викаріатство было обращено, въ 1850 году, въ самостоятельную епархію, Платонъ получилъ наименованіе епископа рижскаго и литовскаго, съ оставленіемъ въ его завѣдываніи Псковской епархіи, которою онъ управлялъ такимъ образомъ въ теченіи семи лѣтъ. Управленіе Платономъ Рижскою епархіею памятно въ исторіи присоединеніемъ къ православію значительнаго числа эстовъ и латышей, учрежденіемъ Рижской духовной семинаріи, улучшеніемъ быта духовенства и т. п. Возведенный 21 апрѣля 1850 г. въ санъ архіепископа, Платонъ пробылъ на Рижской каѳедрѣ до 9 марта 1867 г., когда ему была ввѣрена Донская епархія; послѣ десятилѣтняго управленія ею, онъ былъ переведенъ на Херсонскую каѳедру, на которой, по случаю совершившагося 50-тилѣтія служенія его, удостоенъ пожалованія орденомъ св. Владиміра 1 степени. 4 февраля 1882 г. высокопреосвященный Платонъ возведенъ въ санъ митрополита кіевскаго и галицкаго.

Съ честью занимая до настоящаго времени важнѣйшую изъ русскихъ каѳедръ, маститый іерархъ русской церкви отличенъ многими высшими наградами и пользуется необычайною любовью не только среди своей паствы, но и далеко за предѣлами митрополичьей епархіи,—можно даже сказать по всей Россіи. Выдающимися административными способностями, заботливостію о нуждахъ церквей, духовенства и паствы, глубокосодержательными и краснорѣчивыми проповѣдями, отзывчивостію ко всѣмъ выдающимся государственнымъ и общественнымъ явленіямъ современной жизни, наконецъ доступностію и мягкосердечіемъ высокопреосвященный Платонъ снискалъ себѣ царскія милости трехъ всероссійскихъ императоровъ, вниманіе членовъ Августѣйшаго Дома и расположеніе всѣхъ слоевъ русскаго общества.

47. Виленскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

(Стр. 365).

Гравюра исполнена съ современной фотографіи.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, родившійся въ 1795 году, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Въ службу вступилъ онъ въ

1811 году колонновожатымъ и участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. Перейдя въ гражданскую службу, Муравьевъ былъ назначенъ въ 1827 году витебскимъ вице-губернаторомъ. Затѣмъ онъ занималъ постъ губернатора: въ Могилевѣ—съ 1828 г., въ Гроднѣ - съ 1831 г. и въ Курскѣ—съ 1835 по 1839 годъ. Въ 1842 году онъ получилъ назначеніе управляющимъ межевымъ корпусомъ, а въ 1856 г. ему ввѣрено вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе департаментомъ удѣловъ. Въ 1857 году Муравьевъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ и въ первыхъ двухъ должностяхъ. Въ 1861 году, по болѣзни, онъ оставилъ министерство государственныхъ имуществъ, а въ слѣдующемъ году та же причина заставила его покинуть удѣлы и межевой корпусъ.

Когда возгорѣлся польскій мятежъ, императоръ Александръ II избралъ Муравьева для умиротворенія края, какъ человѣка, вполнѣ знакомаго съ мѣстными условіями, притомъ обладающаго энергіей и твердою волею и истиннаго патріота. Назначенный 1 мая 1863 года виленскимъ, ковенскимъ гродненскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерній, Муравьевъ вполнѣ оправдалъ довѣріе императора.

О дѣятельности М. Н. Муравьева по Сѣверо-Западному краю писалось очень много. Облеченный широкими полномочіями и вынужденный дѣйствовать при исключительныхъ обстоятельствахъ, онъ вызывалъ своимъ образомъ управленія краемъ съ одной стороны одобренія истинно русскихъ людей, а съ другой—порицанія лже-либераловъ. Сочувственное къ нему отношеніе высказывалось какъ государемъ, такъ и іерархами русской церкви и русскимъ обществомъ, дружнымъ откликомъ привѣтствовавшимъ умиротворителя края письмами, адресами, поднесеніемъ иконъ и т. п. Порицателями явились прежде всего поляки и тѣ изъ русскихъ, которые, въ силу псевдо-либеральныхъ идей, сочувствовали польскому дѣлу, забывая о чести отечества и его интересахъ. Эта партія,—къ счастію не особенно многочисленная,—имѣла даже свой органъ—газету «Вѣсть», проповѣдывавшую мнимую свободу въ разрѣзъ съ здравыми и трезвыми взглядами «Московскихъ Вѣдомостей». И позднѣе, когда обострившіяся противоположности въ мнѣніяхъ и взглядахъ на дѣятельность Муравьева должны бы, казалось, сгладиться и умолкнуть надъ могилой усмирителя польскаго мятежа, прахъ его былъ встревоженъ однимъ изъ русскихъ профессоровъ-писателей крайне рѣзкимъ и невѣрнымъ отзывомъ о личности Муравьева и его управленіи Виленскимъ краемъ,—отзывомъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Всѣ эти порицатели русскаго государственнаго человѣка, не дерзая возражать противъ необходимости подавленія польской крамолы, трактовали о безчеловѣчной жестокости и безсердечіи Муравьева; но они закрывали глаза передъ тѣмъ фактомъ, что по Сѣверо-Западному краю было казнено и сослано въ Сибирь повстанцевъ значительно менѣе, чѣмъ въ Привислинскомъ краѣ, на-

ходившемся въ управленіи либеральнаго графа Берга, и въ англійскихъ колоніяхъ во время ихъ возмущенія.

Но мы не имѣемъ въ виду излагать критико-біографическаго изслѣдованія о Муравьевѣ, находя это на страницахъ настоящаго изданія даже неумѣстнымъ, и ограничиваемся лишь возможно краткимъ обзоромъ тѣхъ фактовъ, которые сдѣлали имя графа Муравьева историческимъ.

За время управленія Могилевскою губерніей Муравьевъ положилъ въ этой части Бѣлоруссіи прочныя основы правительственной власти и русскому дѣлу. Дѣйствуя въ защиту православныхъ крестьянъ, угнетаемыхъ польскими помѣщиками, онъ переформировалъ полицію и учредилъ строгій надзоръ за подпольными наущеніями латинскаго духовенства и этимъ удержалъ губернію отъ мятежа, возникшаго въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Благотворный результатъ подобныхъ мѣръ далъ Муравьеву возможность, въ бытность уже гродненскимъ губернаторомъ, составить «Записку объ учрежденіяхъ приличнаго гражданскаго управленія въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи». Опытный администраторъ, со вниманіемъ слѣдившій за всѣми связями тайной крамолы мятежниковъ, онъ предлагалъ въ запискѣ мѣропріятія наблюдательно-предупредительнаго харалтера, въ видѣ учрежденія намѣстниковъ, возложенія отвѣтственности за спокойствіе на самихъ поляковъ—ксендзовъ и предводителей дворянства, предоставленія главнѣйшихъ мѣстъ русскимъ, установленія постоянныхъ военныхъ командъ и т. п. Въ слѣдующей затѣмъ запискѣ «О политическомъ преобразованіи губерній, отъ Польши возвращенныхъ, и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи», Муравьевъ настаиваетъ, главнымъ образомъ, на закрытіи Виленскаго университета, какъ разсадника мятежнаго духа, на лишеніи римскаго духовенства права владѣть обширными имѣніями и воспитывать юношество, на разселеніи бродячей шляхты польской и т. д. Предложенныя въ этихъ запискахъ мѣры, въ существенныхъ частяхъ, получили примѣненіе, но въ большей части уже тогда, когда польскій мятежъ, противъ котораго онѣ были направлены, разразился во всей силѣ.

Въѣхавъ въ Виленскій край въ самый разгаръ мятежа, Муравьевъ засталъ въ немъ полное отсутствіе правительственной власти, цѣлую организацію повстанскаго жонда, задорное, вызывающее отношеніе поляковъ и придавленность всего русскаго, православнаго. Немедленно объявивъ край на военномъ положеніи и учредивъ военно-полицейское управленіе, Муравьевъ образовалъ въ каждомъ уѣздѣ жандармскую команду и вооруженную сельскую стражу изъ крестьянъ, а одновременно съ тѣмъ, убѣдившись, что крестьянское положеніе 19 февраля 1861 г. мировые посредники изъ поляковъ вовсе не вводили въ дѣйствіе, организовалъ институтъ посредниковъ изъ русскихъ дѣятелей, которые и положили предѣлъ крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Эти мѣры, вмѣстѣ съ привлеченіемъ главныхъ руководите-

лей повстанія къ строгой карѣ по закону, дали блистательные результаты: въ ноябрѣ 1863 г. всѣ военныя дѣйствія прекратились, и явилась возможность возвратить въ Петербургъ 1-ю гвардейскую дивизію, а жандармскія команды и крестьянская стража очистили край отъ остатковъ мятежныхъ шаекъ, и уже къ концу 1864 года свободно можно было разъѣзжать по дорогамъ. Крамола была подавлена, и всѣ нити повстанія были порваны. Католическое духовенство было лишено возможности проявленія мятежнаго духа. Закрыты были всѣ общества, организованныя поляками будто бы въ видахъ развитія нравственности и благотворительности, но въ дѣйствительности имѣвшія однѣ только мятежныя цѣли, какъ напр. общества Трезвости, Византинокъ и Благотворительное. Поляки пали духомъ и, убѣдившись въ безсиліи своемъ противъ твердой русской власти, свели свою подпольную дѣятельность къ тому, что начали посылать ненавистному имъ правителю края анонимныя письма на разныхъ языкахъ и изъ разныхъ мѣстъ то съ угрозами, то съ мольбами; многіе изъ этихъ анонимовъ украшались висѣлицей, кинжаломъ и т. п. орудіями польскаго жонда.

Покончивъ съ мятежемъ и водворивъ совершенное спокойствіе и порядокъ въ краѣ, Муравьевъ отправился, въ апрѣлѣ 1864 г., въ Петербургъ, чтобы дать отчетъ во всемъ государю и просить увольненія по разстроенному здоровью. Умиротворитель Виленскаго края встрѣтилъ въ Петербургѣ съ одной стороны выраженіе сочувствія русскихъ людей, а съ другой—противодѣйствіе нѣкоторыхъ власть имѣющихъ, горячо стоявшихъ за поляковъ. Послѣднее явленіе еще болѣе убѣдило Муравьева въ необходимости удалиться на покой. Но государь не согласился на это и склонилъ Муравьева возвратиться въ Вильну и продолжать управленіе краемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ государю, 14 мая 1864 г., «Записку о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо Западнаго края», съ предложеніемъ мѣръ въ отношеніи устройства быта крестьянъ, развитія народнаго образованія, обезпеченія православнаго духовенства, устройства римско-католической церкви и наконецъ въ отношеніи общей администраціи въ краѣ. Переданная по волѣ государя въ комитетъ министровъ и разсмотрѣнная тамъ въ теченіи семи дней, записка встрѣтила оппозицію, но въ главнѣйшихъ частяхъ была утверждена государемъ. Возвратившись, на радость всѣхъ русскихъ людей, въ Вильну, Муравьевъ въ теченіи 1864 года, выполнилъ почти всѣ утвержденныя предположенія свои, именно: упразднилъ болѣе 30 ненужныхъ и вредныхъ латинскихъ монастырей, равно филіальные костелы и излишніе приходы, произвольно открытые среди православнаго населенія; усилилъ жалованье православнаго духовенства на общую прибавочную сумму 400,000 рублей; отпустилъ изъ контрибуціонныхъ сборовъ значительныя суммы на возстановленіе православныхъ церквей; прекратилъ употребленіе польскаго языка во всѣхъ офиціальныхъ сношеніяхъ, въ школахъ и общественныхъ учрежденіяхъ; устроилъ церковные совѣты въ православныхъ приходахъ; подчинилъ латинское духо-

венство строгому контролю правительственной власти; уничтожилъ наружные признаки польскаго элемента и воспретилъ всякое его проявленіе на будущее время.

Но если съ проведеніемъ подобныхъ мѣропріятій Сѣверо-Западный край возвращался къ прежней исторической жизни своей и обновлялся на началахъ русской гражданственности, то въ это же самое время польщизна, уступившая поневолѣ мѣстной прочной и твердой власти русской, перенесла свои враждебныя дѣйствія въ столицу и здѣсь нашла себѣ защиту и покровительство,—грустно сказать,—среди нѣкоторыхъ русскихъ, занимавшихъ видныя правительственныя мѣста... Одинъ только государь съ небольшимъ числомъ истинно русскихъ лицъ поддерживалъ русское направленіе; но и государь, такъ недавно оказавшій вниманіе и довѣріе Муравьеву, салютовавшій ему на смотру въ Вильнѣ 8 іюля 1864 г. и назначившій его шефомъ Пермскаго полка, вскорѣ былъ поколебленъ во взглядахъ на то направленіе, которое было установлено въ краѣ Муравьевымъ. Этому содѣйствовалъ, между прочимъ, назначенный въ Вильну помощникомъ генералъ-губернатора генералъ Потаповъ, представившій всѣ дѣйствія Муравьева съ невыгодной стороны.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и удрученный болѣзнями, Муравьевъ рѣшился покинуть Вильну навсегда. Пріѣхавъ въ Петербургъ весною 1865 г., онъ испросилъ себѣ увольненіе и при этомъ представилъ государю записку о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для дальнѣйшаго устройства Сѣверо-Западнаго края. Записка была принята государемъ, и Муравьевъ, удостоившійся милостиваго рескрипта и пожалованный въ графы, удалился отъ дѣлъ.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, обладая положительнымъ умомъ, твердымъ характеромъ, замѣчательною энергіею, опытностью и всестороннимъ знаніемъ Сѣверо-Западнаго края, сослужилъ великую службу царю и отечеству, усмиривъ польскій мятежъ, обезсиливъ польскій элементъ въ краѣ, на который поляки предъявляли свои неосновательныя претензіи, водворивъ въ немъ русскія начала и возстановивъ тамъ православіе. По своей дальновидности и опытности, этотъ истинно русскій государственный человѣкъ, — можно безъ преувеличенія сказать,—не оставилъ ни одной отрасли управленія и жизни въ Бѣлоруссіи и Литвѣ безъ преобразованія въ духѣ, отвѣчающемъ интересамъ русскаго государства и православной церкви. И все, что имъ сдѣлано, начиная съ проведенія крестьянской реформы,— этого краеугольнаго камня по водворенію русской народности,—сдѣлано прочно, и прочно на столько, что послѣдовавшія затѣмъ нѣкоторыя измѣненія въ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ (собственно при генералъ-губернаторѣ Потаповѣ), не могли поколебать ни общаго направленія дѣлъ, ни частностей его, и затѣмъ поляки лишены уже возможности стремиться къ «посполитому рушенію» и къ возстановленію преобладающаго своего вліянія въ краѣ.

Графъ М. Н. Муравьевъ скончался въ 1866 году.

Вмѣстѣ съ Ѳ. И. Тютчевымъ скажемъ:

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Немного было бъ у него враговъ,
Когда бы не твои, Россія!

В. Виды мѣстностей и зданій.

48. Развалины Трокскаго замка.

(Стр. 9).

Городъ Троки раздѣляется на двѣ части. Первая изъ нихъ, называемая Старые Троки или Гургани, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ литовскихъ поселеній. Другую часть города составляютъ Новые Троки, историческая извѣстность которыхъ начинается съ 1320 года, когда князь Гедиминъ, построивъ здѣсь замокъ, перенесъ сюда изъ Кернова свою столицу. Новые Троки расположены на полуостровѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ водами озеръ Гальва или Гальвія и Спайсце или Бражольское.

Построенный Гедиминомъ на берегу озера, замокъ сохранился до нашего времени въ развалинахъ двухъ башенъ и части стѣны; близъ башенъ высится сторожевой курганъ, окруженный глубокимъ рвомъ.

Другой замокъ Гедимина сооруженъ на островѣ, среди озера Гальва, въ 300 саженяхъ отъ перваго. Выстроенъ онъ въ готическомъ стилѣ, въ огромныхъ размѣрахъ, такъ-что занималъ собою весь островъ,—около 2 десятинъ земли. Онъ имѣлъ двойную стѣну съ тремя башнями по оконечностямъ и высокою сторожевою башнею. По формѣ онъ представлялъ собою параллелограммъ и раздѣлялся на два этажа. Остатки этого замка величественны и въ своихъ развалинахъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ.

Съ большимъ Трокскимъ замкомъ тѣсно связаны нѣкоторыя воспоминанія изъ жизни Литвы и Польши. Въ замкѣ этомъ жилъ храбрый Кейстутъ съ своей прекрасной Бирутой; здѣсь скончался литовско-русскій князь Витовтъ (30 октября 1430 г.); здѣсь княземъ Чарторыйскимъ, Довгирдомъ и Лелюшемъ умерщвленъ братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ (20 марта 1440 г.); здѣсь окружалъ себя царственнымъ блескомъ и величіемъ король Казиміръ Ягеллонъ; здѣсь наконецъ пребывалъ нѣкоторое время ханъ Кипчакской орды Шахъ-Ахметъ.

Оба Трокскіе замки истреблены пожаромъ во время разоренія города Трокъ въ войну 1655 года.

Въ городѣ Трокахъ православіе нѣкогда занимало высокое положеніе. Сохранились свѣдѣнія о существованіи здѣсь семи церквей: Рождества Христова, Никольской, Георгіевской, Рождества Богородицы, Троицкой, Воскресенской и Вознесенской. Церкви эти хорошо были обеспечены, но впослѣдствіи церковное достояніе стало расхищаться, а самыя церкви подверглись одной же участи съ остальными православными храмами западной Руси. Въ большемъ замкѣ также была церковь, какъ можно полагать по сохранившимся остаткамъ фресковыхъ изображеній святыхъ на стѣнахъ.

Старая часть Трокъ составляетъ нынѣ мѣстечко, едва насчитывающее 200 жителей. Новая часть города занимаетъ положеніе уѣзднаго города, но тоже немногочисленная,—съ небольшимъ 2000 жителей.

Троки заселены преимущественно караимами, главный заработокъ которыхъ составляетъ разведеніе огурцовъ и ловля въ озерахъ прославленной селявы.

49. Полоцкій женскій Спасо-Евфросиніевскій монастырь.

(Стр. 20).

Спасо-Евфросиніевскій монастырь основанъ въ началѣ XI вѣка преподобною Евфросиніею (въ мірѣ Предислава), дочерью князя Георгія Всеславича, бывшаго здѣсь первою игуменіею. Въ этой мѣстности, находящейся въ двухъ верстахъ отъ Полоцка и называвшейся «Сельце», въ древности стоялъ загородный архіерейскій домъ съ небольшою деревянною церковью. Когда преподобная Евфросинія подвизалась въ Софійской обители, состоявшей подъ начальствомъ тетки ея, игуменьи Романіи, епископъ полоцкій Илія и Евфросинія увидѣли во-снѣ одновременное указаніе о сооруженіи въ Сельцѣ женской обители. Согласно этому видѣнію, здѣсь былъ устроенъ монастырь, съ расширеніемъ котораго первая его настоятельница, Евфросинія, соорудила каменный храмъ, освященный во имя Всемилостиваго Спаса епископомъ Діонисіемъ, и устроила въ немъ двѣ келіи на хорахъ: одну для себя, а другую для своей сестры, Евдокіи. Украсивъ благолѣпно храмъ, Евфросинія оставила въ немъ драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, камнями отъ гробовъ Спасителя и Богоматери и мощами святыхъ, находящійся нынѣ въ томъ же храмѣ, въ келіи преподобной. Вскорѣ преподобная выстроила въ честь пресвятой Богородицы новую церковь, которую украсила полученною изъ Греціи Корсунскою иконою Божіей Матери, которая находится нынѣ въ г. Торопцѣ. (См. особый рисунокъ и описаніе).

Спасская обитель считалась однимъ изъ богатѣйшихъ полоцкихъ монастырей. Кромѣ заботливости о ея средствахъ со стороны Евфросиніи и ближайшихъ ея родственниковъ, въ даръ обители приносили обильныя жертвы деньгами, вещами и имѣніями посторонніе благотворители, такъ-что одно время обитель владѣла около 20 населенныхъ деревень.

Въ половинѣ XIII вѣка монахини, устрашенныя приближеніемъ татаръ къ Полоцкому княжеству, покинули свою обитель и разсѣялись въ безопасныя мѣста, но, услышавъ, что татары не дошли до Полоцка, возвратились въ обитель. Другой результатъ получился для монастыря отъ тревоги, овладѣвшей монахинями въ 1563 году. Въ этомъ году московскій царь Іоаннъ IV Васильевичъ покорилъ Полоцкъ, жители котораго наслышались еще раньше о жестокомъ обращеніи Грознаго съ плѣнными. Находясь подъ вліяніемъ всеобщаго ужаса, монахини снова оставили обитель, которую затѣмъ занялъ Іоаннъ Грозный на все время двухъ-недѣльной осады города. Монахини не возвратились въ монастырь ни впродолженіи господства московскаго царя надъ Полоцкомъ (1563—1579 гг.), ни послѣ того, такъ какъ Стефанъ Баторій, завладѣвъ этимъ городомъ, учредилъ въ немъ въ 1580 году іезуитскій коллегіумъ и отдалъ сынамъ Лойолы всѣ полоцкіе монастыри, а въ томъ числѣ и Спасо-Евфросиніевскую обитель съ принадлежащими ей угодьями.

Въ 1654 году русскіе снова овладѣли Полоцкомъ. Черезъ два года царь Алексѣй Михайловичъ посѣтилъ Полоцкъ и при немъ, 9 іюля 1656 года, была освящена Спасская церковь. Когда же по андрусовскому договору 1667 года Полоцкъ перешелъ къ Польшѣ, Спасская обитель снова досталась іезуитамъ, которые владѣли ею до 1820 года.

Фанатическая ненависть іезуитовъ къ православію привела святую обитель въ полное разрушеніе, сдѣлавъ изъ нея центръ главныхъ пружинъ, направленныхъ противъ русской церкви. Древній храмъ Всемилостиваго Спаса, по уничтоженіи въ немъ всѣхъ признаковъ православной церкви, а въ томъ числѣ и стѣнной иконописи, былъ обращенъ въ латинскій костелъ; монастырскій домъ былъ разрушенъ и взамѣнъ его возведено зданіе для лѣтней резиденціи іезуитскихъ властей; мѣсто покоя усопшихъ архіепископовъ полоцкихъ обращено въ склепъ для погребенія іезуитовъ, и т. п.

Послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи въ 1820 году, Спасская обитель оставалась еще нѣкоторое время въ запустѣніи. Іезуитскій коллегіумъ, со всѣми принадлежащими ему имѣніями, церквами и зданіями былъ переданъ піарамъ, которые сдали монастырскую землю въ аренду поляку; церковь же Спаса, оставленная на произволъ судьбы, подверглась полному разоренію: наполненная мусоромъ и всякими нечистотами, она стояла безъ крыши, безъ оконъ и дверей, а древняя стѣнная иконопись оказалась кощунственно поруганною подписями разныхъ фамилій и надписями: «кривоустъ, «косоглазъ» и т. п.; на многихъ иконахъ были выколоты глаза, а въ иконахъ Спасителя въ главномъ куполѣ и Знаменія въ келліи преп. Евфросиніи найдены слѣды пуль.

Въ 1830 году поіезуитскія зданія въ Полоцкѣ отданы подъ помѣщеніе новоучрежденнаго кадетскаго корпуса, а имѣнія были сданы въ казну; Спасская же церковь, по ходатайству могилевскаго архіепископа Гавріила и витебскаго генералъ-губернатора, князя Хованскаго, передана въ 1832 году

въ вѣдѣніе православнаго духовенства, съ обращеніемъ расходовъ по возстановленію ея на счетъ казны. Но до начатія капитальнаго ремонта православное духовенство привело древнюю церковь въ нѣкоторый порядокъ и освятило во имя Преображенія Господня, возстановивъ такимъ образомъ православное богослуженіе, не совершавшееся въ ней около 250 лѣтъ. Замѣчательно, что едва разнеслась вѣсть объ освященіи церкви Спаса, какъ болѣе 700 душъ крестьянъ уніатовъ добровольно возвратились въ лоно православной вѣры. Въ 1835 г. церковь приведена въ тотъ видъ, въ какомъ она была до вторженія іезуитовъ, при чемъ, по ходатайству полоцкаго епископа Смарагда (Крыжановскаго), она была причислена къ архіерейскому дому, въ видѣ храма загородной архіерейской дачи.

Въ 1839 году совершилось возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью. Принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ великомъ событіи, архіепископъ полоцкій и витебскій Василій (Лужинскій), желая обратить вниманіе русскихъ благотворителей на бѣдственное положеніе возвращенныхъ изъ уніи церквей, въ сопутствіи драгоцѣннаго креста преп. Евфросиніи, предпринялъ въ 1840 году поѣздку въ Петербургъ и Москву. Это имѣло весьма важное значеніе для запустѣлой обители преподобной княжны полоцкой. Императоръ Николай I, узнавъ изъ надписи на крестѣ, что онъ, по завѣщанію преподобной, долженъ находиться въ ея обители, а между тѣмъ обители не существуетъ, повелѣлъ возстановить ее. Въ то же время нѣкоторыми благотворителями была пожертвована сумма, необходимая для возведенія построекъ и другихъ приспособленій.

Возстановленная обитель причислена къ разряду первоклассныхъ монастырей. Къ сожалѣнію, обитель не могла уже возвратить себѣ прежнихъ своихъ богатыхъ средствъ, такъ какъ ей не были возвращены земли, перешедшія отъ іезуитовъ въ казенное вѣдомство, а притомъ окружающее населеніе, возсоединенное изъ уніи, не обладаетъ достаткомъ. Тѣмъ не менѣе обители удалось устроить нѣкоторыя улучшенія, какъ напр. въ 1842 году одинъ жилой домъ передѣланъ въ теплую церковь; въ 1844 году открыто женское училище, состоящее изъ 3 классовъ при 6-лѣтнемъ курсѣ ученія; выстроена наконецъ каменная колокольня. Въ будущемъ однако предстоитъ много заботъ для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей обители. Прежде всего ощущается необходимость въ сооруженіи новаго храма, такъ какъ древняя церковь Спаса не вмѣщаетъ въ себя молящихся; затѣмъ приходящія въ ветхость деревянныя келліи слѣдуетъ замѣнить удобнымъ и помѣстительнымъ зданіемъ; необходимо устроить пріютъ для богомольцевъ, которые проводятъ ночь подъ открытымъ небомъ или въ холодномъ сараѣ; наконецъ монастырь не имѣетъ ограды.

Удовлетвореніемъ всѣхъ этихъ потребностей и полнымъ возстановленіемъ благолѣпія обители будетъ отдана должная дань какъ преподобной основательницѣ ея, такъ и самой обители, пережившей въ теченіи 8 вѣковъ

многострадальную судьбу во время іезуитскаго нашествія и жесточайшаго гоненія на православную вѣру.

(*Упоминается на стр. 17, 28, 29 и 259*).

50—52. Развалины Коложской Борисоглѣбской церкви въ г. Гроднѣ.

(Три рисунка на стр. 40, 41 и 45).

Въ г. Гроднѣ, на высокомъ берегу р. Нѣмана, величественно красуются развалины древнѣйшаго памятника православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, изображенныя на нашихъ рисункахъ въ трехъ видахъ. Это Коложская или Коложенская церковь во имя Бориса и Глѣба.

Названіе мѣстности Коложею произошло по слѣдующему случаю. Литовскій князь Витовтъ, напавъ на Псковъ, захватилъ въ плѣнъ жителей псковскаго пригорода Коложи въ числѣ одиннадцати тысячъ человѣкъ и, приведя ихъ въ Гродну, отвелъ имъ подъ поселеніе мѣстность при церкви во имя св. Бориса и Глѣба. Поселенцы, въ память своего роднаго пригорода, и назвали это мѣсто Коложею.

Коложская церковь основана, по всей вѣроятности, въ XII столѣтіи, но неизвѣстно кѣмъ. Въ древности здѣсь былъ православный монастырь, исторія котораго становится извѣстною съ конца XV и начала XVI вѣка, когда монастырь этотъ, находившійся предъ тѣмъ въ упадкѣ, пріобрѣтаетъ благотворителей изъ мѣстныхъ русскихъ православныхъ дворянъ. Особенно важнымъ благотворителемъ его былъ, въ самомъ началѣ XVI вѣка королевскій писарь и троцкій городничій, благочестивый Богушъ-Боговитиновичъ. Онъ возобновилъ Борисоглѣбскую церковь, остававшуюся въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ запустѣніи, а записью 1506 г., 20 іюля, пожертвовалъ монастырю сельцо Чащевичи (нынѣ Чащевляны). Запись утверждена королевскою грамотою, которою вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено Боговитиновичу надъ монастыремъ право «подаванія», съ согласія кіевскаго митрополита, которому дотолѣ принадлежало это право. Скончавшійся въ 1513 г. Боговитиновичъ погребенъ въ Коложской церкви «возлѣ перваго отъ алтаря столба, по правую руку». Послѣ Боговитиновича являлись другіе претенденты на право ктиторства и подаванья въ отношеніи къ монастырю и церкви, но часто злоупотребляли этимъ правомъ, заботясь болѣе о своихъ выгодахъ, чѣмъ о монастырѣ и церкви, въ чемъ повинны были иногда и самые игумены монастыря. Во времена уніи монастырь оказывается уже въ рукахъ уніатскихъ монаховъ-базиліанъ, и базиліанскіе архимандриты не всегда достаточно заботились о монастырѣ и церкви, а иногда и разоряли ихъ, обращая принадлежавшія имъ средства на свою роскошную жизнь. Не одинъ разъ монастырь подпадалъ разореніямъ во время войнъ, какъ напр. во время шведской войны (при Петрѣ Великомъ), когда обрушился каменный со сводами потолокъ Коложской церкви. Не смотря на все это, крѣпкая своими

древними толстыми стѣнами и столбами, церковь держалась, и стараніемъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ архимандритовъ монастыря исправлялась, такъ что богослуженіе въ ней, временно прерванное, возобновлялось и продолжалось до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ эту пору монастырь и церковь, со времени возсоединенія уніи, уже возвращены были православію.

Съ 1842 года настоятелемъ монастыря обращено было вниманіе высшаго начальства на опасность, грозящую Коложской церкви вслѣдствіе того, что песчаная гора подъ нею отъ дождей и ключей обваливается, стѣны церкви осѣдаютъ и даютъ трещины. Начались проэкты о поддержаніи церкви, но, вслѣдствіе подмывовъ поднимавшеюся въ Нѣманѣ водою, песчаная гора продолжала обваливаться въ 1844 и 1845 гг., такъ что найдено необходимымъ прекратить въ ней богослуженіе. 1 апрѣля 1853 г. южная стѣна церкви до праваго клироса и половина западной съ потолкомъ рухнули въ р. Нѣманъ и увлекли за собой и крышу. Послѣ этого монастырь и церковь Борисоглѣбскіе перенесены въ зданіе по-бернардинскаго монастыря въ Гроднѣ. Мысль о возстановленіи Коложской церкви, какъ памятника православнаго и древняго русскаго церковнаго зодчества, на который обращено было вниманіе и покойнаго государя императора Николая I, возникала неоднократно, но доселѣ не осуществлена. Церковь Коложская остается въ развалинахъ, и только въ уцѣлѣвшей части ея устроена часовня на мѣстѣ алтаря.

Коложская церковь представляетъ собою замѣчательное произведеніе церковнаго зодчества. По сохранившимся развалинамъ ея можно судить, сколько было положено здѣсь заботливости, труда и стараній. Построенная въ византійскомъ стилѣ, алтаремъ на востокъ, она сложена изъ прочнаго кирпича; въ стѣнахъ ея, для лучшаго резонанса, вставлены голосники въ видѣ кувшиновъ, обращенныхъ отверстіемъ внутрь храма; голосники эти лежатъ одинъ подъ другимъ, различной величины, доходящей до 10 вершковъ, и сохраняютъ доселѣ чрезвычайную свою прочность. Голосники эти представляютъ одинъ изъ признаковъ древности постройки: голосники есть въ Кіево-Софійскомъ, Новгородо-Софійскомъ, Черниговскомъ, Овручскомъ соборахъ и другихъ древнихъ церквахъ. Но нигдѣ нѣтъ ихъ въ такомъ множествѣ, какъ въ Коложской церкви. Наружныя стѣны Коложскаго храма были украшены снизу разноцвѣтными большими камнями, а выше обложены крестами изъ желтыхъ и зеленыхъ изразцовъ. И голосники, и изразцовыя украшенія сохранились въ развалинахъ, хотя много ихъ было повынуто своеобразными любителями древностей. (Болѣе подробное описаніе какъ голосниковъ, такъ и вообще остатковъ Коложской церкви помѣщено въ «Виленскомъ Археографическомъ Сборникѣ», т. IX, стр. VIII и IX).

Во время польскаго мятежа 1861—1863 гг. священныя развалины древнѣйшаго гродненскаго православнаго храма кощунственно подвергались оскверненію непристойными надписями на стѣнахъ и нечистотами; нашелся однако достойный цѣнитель остатковъ русской святыни въ лицѣ отставнаго

суворовскаго солдатика, который, поселившись у развалинъ, присматривалъ за ними и терпѣливо каждый разъ уничтожалъ слѣды оскверненія ихъ. Этотъ правдивый фактъ занесенъ на страницы нашей литературы въ характерномъ описаніи извѣстнаго романиста В. В. Крестовскаго (См. «Двѣ силы, хроника новаго смутнаго времени государства Россійскаго». Часть I, глава IV «На Коложѣ»). И въ настоящее время, какъ лично передавалъ автору сихъ строкъ виленскій художникъ, В. В. Грязновъ, драгоцѣнныя развалины не остаются безъ призора: русскій человѣкъ, полуслѣпой нищій, избралъ ихъ жилищемъ для себя и, отговаривая посѣтителей развалинъ отъ намѣренія взять «на память» голосникъ или кусокъ изразца, гостепріимственно угощаетъ ихъ ключевой водицей, увѣряя, что она будто бы имѣетъ цѣлебныя свойства.

Желательно однако, чтобы за драгоцѣнными остатками древняго русскаго храма былъ установленъ болѣе основательный и правильный надзоръ, чѣмъ охрана хотя почтенныхъ, но случайныхъ цѣнителей священныхъ церковныхъ развалинъ.

Историческій храмъ Коложскій на страницахъ настоящаго изданія представленъ въ трехъ видахъ: *а*) съ сѣверо-восточной стороны, съ которой на уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія стѣнахъ видны изразцовые кресты; *б*) съ внутренней стороны, юго-западная часть, съ сохранившимися каменнымъ поломъ и съ обнаженными, мѣстами, голосниками, и *в*) со стороны Нѣмана. Первые два вида воспроизведены по фотографическимъ снимкамъ, обязательно доставленнымъ гродненскимъ протоіереемъ о. Опоцкимъ, а послѣдній— по акварельному рисунку художника В. В. Грязнова.

(*Упоминается на стр. 43*).

53 и 54. Виленская церковь въ честь перенесенія мощей св. Николая чудотворца.

(Два рисунка на стр. 51).

Однимъ изъ красивѣйшихъ сооруженій города Вильны представляется церковь въ честь перенесенія мощей мирликійскаго чудотворца, святителя Николая. Это первый, по времени, христіанскій храмъ и первая православная церковь въ Вильнѣ, основаніе которой съ достовѣрностью можно отнести къ княженію Гедимина (1315—1340 гг.), такъ какъ извѣстно, что въ ней были погребены первые литовскіе мученики Антоній, Іоаннъ и Евстаѳій, пострадавшіе за Христа въ 1347 году.

При основаніи своемъ церковь св. Николая была деревянною, а потомъ усердіемъ великой княгини литовской Іуліаніи Александровны (въ иночествѣ Марина, † 1392 г.) замѣнена каменною. Когда и эта церковь пришла въ ветхость, гетманъ, князь К. И. Острожскій, на основаніи разрѣшенія польскаго короля Сигизмунда I, въ грамотѣ отъ 30 ноября 1514 г., со-

орудилъ новый храмъ изъ кирпича на каменномъ фундаментѣ. По введеніи уніи, когда въ Св.-Троицкій монастырь вторглись базиліане, православные перенесли изъ принадлежавшей этому монастырю часовни Островратскую или Остробрамскую икону Божіей Матери въ церковь св. Николая, гдѣ икона и оставалась до насильственнаго захвата этой церкви—31 іюля 1609 г.—уніатами. До 1840 года Николаевскій храмъ былъ единственною приходскою уніатскою церковью въ городѣ. Во время бывшаго въ 1748 году въ Вильнѣ пожара церковь сильно пострадала. Впослѣдствіи, когда она была возобновлена, ее загромоздили со всѣхъ сторонъ частными домами, изъ-за которыхъ виднѣлась одна только колокольня, красиво возвышавшаяся надъ постройками. Въ стремленіяхъ своихъ къ уничиженію русскаго храма враги русской вѣры пошли дальше: на сосѣднихъ дворахъ, при боковыхъ церковныхъ стѣнахъ и алтарной части, они не постыдились устроить мѣста для всевозможныхъ нечистотъ... По возсоединеніи въ 1839 г. западно-русскихъ уніатовъ, сдѣланы были нѣкоторыя распоряженія къ приведенію въ порядокъ древнѣйшей русской святыни, но, за недостаткомъ средствъ, она оставалась безъ существенныхъ измѣненій до 1863 года. Въ концѣ этого года русское населеніе Вильны предположило, въ благодарность графу М. Н. Муравьеву за умиротвореніе края и водвореніе въ немъ русскихъ началъ, соорудить храмъ во имя св. Михаила архангела; но достойный усмиритель польскаго мятежа отклонилъ ходатайство по этому предмету и выразилъ желаніе, дабы жертвуемыя на сооруженіе храма суммы были обращены на возстановленіе и обновленіе церкви св. Николая. Открытая затѣмъ съ разрѣшенія высшаго правительства подписка доставила сборъ въ 82.431 рубль; но при этомъ жертвователи пожелали, одновременно съ реставрированіемъ церкви, устроить при ней часовню во имя архистратига Михаила. Послѣ расчистки мѣста сломкою выкупленныхъ домовъ, заслонявшихъ церковь, древнѣйшая русская святыня возстановлена по проэкту извѣстнаго профессора архитектуры А. И. Резанова. Работы были окончены и церковь освящена въ 1865 году. Тому же зодчему принадлежитъ и проэктъ сооруженія при церкви часовни, которая была освящена 8 ноября 1869 года.

Часовня, не смотря на позднѣйшее ея сооруженіе, вполнѣ гармонируетъ съ общей архитектурой церкви и какъ бы дополняетъ ее. Надъ входною дверью часовни, въ полукружіи, воспроизведенъ 13 стихъ X главы пророка Даніила:

«И се Михаилъ, одинъ отъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи намъ».

По лѣвой сторонѣ входной двери, на мраморной доскѣ, помѣщена надпись:

«Часовня сія во имя св. архистратига Михаила воздвигнута въ 1865 г. во время возобновленія церкви св. Николая, въ благодарность начальнику Сѣверо-Западнаго

края Михаилу Николаевичу Муравьеву, за водвореніе въ краѣ спокойствія и гражданскаго порядка».

На нашемъ рисункѣ историческій храмъ св. Николая въ Вильнѣ изображенъ въ двухъ видахъ: до 1864 года съ домами, закрывающими фасадъ церкви, и послѣ реставраціи 1865 года, какъ она красуется и по настоящее время.

(*Упоминается на стр. 66, 78, 152 и 370*).

55. Развалины литовскаго замка въ г. Ковнѣ.

(Стр. 59).

Въ г. Ковнѣ, на берегу р. Виліи, находятся развалины древняго укрѣпленія въ видѣ башни съ остатками крѣпостной стѣны.

Основаніе этого укрѣпленія относится къ глубокой старинѣ. Въ 1384 году князь литовскій Витовтъ уступилъ нѣмецкимъ рыцарямъ Ковну и ея окрестности. Крестоносцы поспѣшили соорудить здѣсь крѣпость. Посредствомъ 60,000 рабочихъ и съ помощью 80,000 лошадей они, въ теченіи шести недѣль, построили укрѣпленіе и, отдѣливъ его отъ материка каналомъ, соединявшимъ Нѣманъ съ Виліей, назвали это мѣсто Ritters Werdez, т. е. рыцарскій островъ. Великій князь литовскій Ягайло взялъ однако, въ томъ же году, крѣпость, побѣдоносно отразивъ магистра рыцарскаго ордена Конрада Валленрода. Хотя Ковна впослѣдствіи переходила изъ рукъ въ руки, но литовцы крѣпко стояли за нее и удержали наконецъ эту мѣстность за собой. Въ ихъ рукахъ крѣпость эта служила важнѣйшимъ оплотомъ для огражденія сѣверо-западной Руси отъ вторженій крестоносцевъ.

56. Церковь Благовѣщенія въ г. Витебскѣ.

(Стр. 65).

Благовѣщенская церковь въ Витебскѣ построена Ольгердомъ Гедиминовичемъ и первой женой его Маріей Ярославной въ первой половинѣ XIV вѣка. Въ главнѣйшихъ частяхъ своихъ она сохранилась до настоящаго времени.

Эта церковь, какъ и всѣ витебскіе православные храмы, была захвачена уніатами. По зборовскому договору, она, въ числѣ другихъ церквей, подлежала возвращенію православнымъ; но извѣстно, какъ уніаты исполняли опредѣленія трактата 1650 года. Возвращенная православію уже въ позднѣйшее время, Благовѣщенская церковь служитъ памятникомъ русско-православнаго направленія Ольгерда-Александра, сначала витебскаго удѣльнаго князя, а потомъ великаго литовскаго князя, продолжительное время негласно исповѣдывавшаго православную вѣру и почившаго схимникомъ съ именемъ Алексѣя въ 1377 году.

Въ Витебской Благовѣщенской церкви хранится рукописное евангеліе 1508 года. Оно начертано на сѣрой плотной бумагѣ и въ 1842 году было переплетено въ зеленый бархатъ, но мѣдные наугольники лицевой стороны относятся къ болѣе древнему времени.

(*Упоминается на стр. 76 и 250*).

57—59. Церковь св. Параскевы въ Вильнѣ (Пятницкая).

(Три рисунка на стр. 71).

Если первою православною церковью въ Вильнѣ считается церковь св. Николая, построенная первоначально изъ дерева, то первою каменною виленскою церковью признается церковь во имя св. великомученицы Параскевы, именуемой Пятницей.

Въ грамотѣ польскаго короля Сигизмунда III 1611 года объ этой церкви говорится: «На улицѣ Великой, которая идетъ отъ ратуши до замку, лежитъ мурованная церковь, прозываемая Пятницкою». Сооруженная въ 1345 году супругою князя Ольгерда (Александра), Маріею Ярославною, княжною витебскою, церковь именовалась въ народѣ Пятенской или Петенской; названіе это выводятъ изъ того, что она воздвигнута на мѣстѣ капища Рагутиса (литовскій Бахусъ), жрецы котораго назывались Петениками. Внутреннее устройство Пятницкой церкви было сдѣлано по образцу древнѣйшихъ кіевскихъ, новгородскихъ и другихъ русскихъ церквей и въ ней, по обычаю того времени, были устроены хоры (палати) для женщинъ, закрывавшіяся зеленью, прозрачною занавѣсью.

Пятницкая церковь первоначально была придворною, а потомъ принадлежала соборному духовенству или такъ называвшемуся «крылосу». Около 1511 года церковь присвоили себѣ монахи Виленскаго Троицкаго монастыря, но по ходатайству «крылошанъ» митрополитъ Іосифъ Солтанъ возвратилъ имъ церковь. Въ 1557 году въ Вильнѣ былъ огромный пожаръ, уничтожившій и Пятницкую церковь. Черезъ три года послѣ того, по просьбѣ священника Протасія, король разрѣшилъ построить на мѣстѣ сгорѣвшей церкви другую церковь, въ честь Богоявленія; съ этого времени по документамъ она начинаетъ называться Богоявленскою или церковью Богоявленія, именуемою Пятницкою. Возстановленная церковь находилась въ завѣдываніи приходскаго духовенства. На погостѣ ея было возведено нѣсколько домовъ частію съ благотворительною цѣлью, частію же для извлеченія дохода; было при ней устроено и кладбище.

Когда начала распространяться унія, священникъ Пятницкой церкви Александръ Львовъ сначала былъ на сторонѣ духовенства и мѣщанъ, протестовавшихъ противъ уніи, а потомъ перешелъ на сторону послѣдней. Протестъ противъ измѣнника православію выразился въ томъ, что, когда онъ совершалъ богослуженіе въ Пятницкой церкви, патронъ ея, виленскій радца

(совѣтникъ) Иванъ Тупека, собравъ членовъ ратуши и мѣщанъ, вошелъ въ храмъ, отобралъ всѣ священные сосуды, затѣмъ направился къ дому священника и выгналъ семейство измѣнника изъ церковнаго дома, а въ заключеніе заперъ на замокъ церковь. Не смотря на это, уніатамъ удалось присвоить Пятницкую церковь, хотя пользоваться ею пришлось имъ недолго, такъ какъ вскорѣ послѣ того, именно въ 1610 году, во время бывшаго въ городѣ сильнаго пожара, церковь снова сгорѣла. Въ слѣдующемъ году церковная площадь, съ кладбищемъ и домами, королевскою грамотою была отдана Виленскому Троицкому монастырю, бывшему тогда уже уніатскимъ, и настоятелю его Іосифу Вельямину-Рутскому съ тѣмъ, чтобы были возстановлены церковь и существовавшая прежде больница; но уніатскіе монахи этого условія не исполнили. Въ 1633 году король Владиславъ IV, исполняя обѣщаніе объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій своихъ подданныхъ православнаго исповѣданія, между прочимъ, выдалъ грамоту о возвратѣ православнымъ площади Пятницкой церкви; но, когда виленскій городничій прибылъ на мѣсто съ вводнымъ актомъ, уніатскій священникъ Котлубай, по порученію митрополита Рутскаго, отказалъ въ передачѣ площади и церковныхъ зданій православнымъ, а спустя два года тотъ же король, въ угоду латинянамъ и уніатамъ, выдалъ новую грамоту, по которой площадь и дома Пятницкой церкви окончательно укрѣплялись за уніатскими монахами. Какъ пользовались уніаты древнѣйшею русскою святынею - это видно изъ печатнаго, никѣмъ не опровергнутаго обличенія митрополита Петра Могилы, который порицалъ уніатовъ въ томъ, что на мѣстѣ церкви св. Параскевы-Пятницы въ Вильнѣ они построили кабакъ, а церковныя строенія, воздвигнутыя усердіемъ прихожанъ для благотворительныхъ цѣлей, отдали подъ домъ терпимости... Вотъ до какого позорнаго положенія была доведена русская святыня ненавистью и злобою латинянъ и уніатовъ! Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ продолжалась до начала XVIII вѣка. Въ 1702 — 1705 годахъ Пятницкая церковь была возстановлена. Въ этой церкви, по преданію, Петръ Великій слушалъ литургію и совершалъ благодарственное молебствіе по случаю одержанія побѣды надъ шведами и при этомъ пожертвовалъ на церковь отбитое у шведовъ знамя. Здѣсь же Петръ крестилъ Ганнибала, дѣда поэта Пушкина.

Не долго просуществовала церковь и послѣ своего возстановленія. Въ 1748 году случился пожаръ и церковь въ третій разъ сгорѣла. Въ настоящемъ столѣтіи мы видимъ одни только развалины ея: застроенныя со всѣхъ сторонъ частными домами полуразвалившіяся стѣны безъ крыши, служившія мѣстомъ для нечистотъ. Послѣ возсоединенія уніатовъ 1839 года, было предположено возстановить Пятницкую церковь, но для этого не оказалось не только необходимыхъ суммъ, но и сочувственнаго отношенія со стороны мѣстной власти, именно генералъ-губернатора, И. Г. Бибикова, который старался парализировать всѣ добрыя начинанія Іосифа Сѣмашки. Такимъ обра-

зомъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ царила до 1863 года, когда было положено начало возобновленію древнѣйшей русской святыни въ томъ видѣ, какъ она красуется въ настоящее время.

На нашемъ рисункѣ Пятницкая церковь изображена въ трехъ видахъ: въ 1807 году въ видѣ жилаго дома съ черепичной на два ската крышей, мѣстами обнажающей стропилы, и остатками колокольни на крышѣ (верхній рисунокъ); до 1865 года — развалины безъ крыши, ровно ни чѣмъ не напоминающія храма (нижній рисунокъ), и наконецъ—послѣ возобновленія въ 1865 году (средній рисунокъ). На наружныхъ стѣнахъ церкви вставлены доски съ слѣдующими надписями, сдѣланными рельефными бронзовыми буквами:

На 1-й доскѣ: «Православная церковь сія есть первая каменная христіанская святыня въ Вильнѣ. Она сооружена на мѣстѣ языческаго капища идола Рагутиса, въ 1345 году, супругою великаго князя литовско-русскаго Ольгерда, Маріею Ярославною, княжною витебскою, и посвящена св. великомученицѣ Параскевѣ, нареченной Пятницѣ».

На 2-й доскѣ: «Церковь сія, Божіею милостію, возстановлена изъ развалинъ и возобновлена въ настоящемъ видѣ въ 1865 г., въ царствованіе императора Александра II, самодержца всероссійскаго, по благословенію высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, тщаніемъ бывшаго главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, графа М. Н. Муравьева, при преемникѣ его, генералъ-адъютантѣ К. П. фонъ Кауфманѣ и виленскомъ губернаторѣ С. Ѳ. Панютинѣ».

На 3-й доскѣ: «Въ сей церкви императоръ Петръ Великій, въ 1705 году, слушалъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду надъ войсками Карла XII, подарилъ ей знамя, отнятое въ той побѣдѣ у шведовъ, и крестилъ въ ней африканца Ганнибала, дѣда знаменитаго поэта нашего А. С. Пушкина».

(*Упоминается на стр. 196, 238 и 372*).

60. Развалины дворца и замка великихъ князей литовскихъ въ Вильнѣ.

(Стр. 85).

На нашемъ рисункѣ изображены верхній замокъ и нижній дворецъ великихъ князей литовскихъ. Сооруженіе этихъ зданій относится къ 1323 году, когда князь Гедиминъ, охраняя себя отъ нападеній крестоносцевъ, покинулъ Старыя Троки и избралъ для своей резиденціи возвышенность, изслѣдованную имъ раньше во время охотъ за турами и называвшуюся Турьей горой. Мѣстность была избрана весьма удачно: съ востока, юга и запада она окружена цѣпью горъ и живописныхъ холмовъ, и только съ сѣвера, за рѣкою Виліею, открывается равнина, обрамленная пригорками и лѣсами.

Сооруженіе на горѣ называлось верхнимъ замкомъ, а дворецъ—ниж-

нимъ замкомъ; послѣднiй былъ окруженъ домами приближенныхъ бояръ литовскихъ и въ немъ сосредоточивалась языческая святыня литовцевъ.

Историкъ Вильны, польскiй писатель Крашевскiй, описываетъ замокъ въ 1599 году слѣдующими словами: «На правой сторонѣ шумѣли и стучали королевскiя мельницы, на лѣвой же сидѣли торговцы, продававшiе съѣстные припасы подъ самыми замковыми воротами, вопреки запрещенiю. Пройдя ихъ, можно было видѣть обширныя стѣны нижняго замка. Это было большое зданiе, но рѣшительно безобразное; замѣтно было, что оно построено не однѣми руками и не въ одинъ годъ, изъ камней временъ Сигизмунда-Августа и шведскихъ мраморныхъ плитъ Сигизмунда III. Замокъ былъ раздѣленъ на три обширные двора, окруженные со всѣхъ сторонъ каменными строенiями, въ которыхъ съ лѣвой стороны прилегалъ каѳедральный замковый костелъ св. Станислава, съ огромною высокою крышею и башнями. Съ ними смеженъ былъ литейный дворъ и маленькiе домики литейщиковъ (пушкарей). Здѣсь находились тюрьмы, здѣсь было присутствiе подвоеводы».

Первыми строителями виленскихъ замка и дворца были русскiе мастера, изъ числа тѣхъ нашихъ предковъ, которые были приглашены княземъ Гедиминомъ въ качествѣ цивилизаторовъ Литовскаго княжества.

(*Упоминается на стр. 94, 96 и 262*).

61. Свято-Троицкiй монастырь въ Вильнѣ.

(Стр. 89).

Точныхъ свѣдѣнiй о времени основанiя Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря нѣтъ; только приблизительно, на основанiи унiатскихъ источниковъ, можно сказать, что обитель была основана одною изъ православныхъ женъ великаго князя литовскаго Ольгерда (Александра).

Монастырская церковь св. Троицы была сооружена на возвышенной плоскости, называемой въ монастырской хроникѣ горою. Въ древности здѣсь была дубовая роща, куда язычники собирались для жертвоприношенiй и гдѣ въ первой половинѣ XIV столѣтiя (1342—1347 гг.) почили мученическою смертiю три христiанина, придворные бояре Антонiй, Iоаннъ и Евстаѳiй. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того виленскiе христiане выпросили у Ольгерда священную гору и начали собираться туда для молитвы; а когда вырубили рощу, то христiане, при содѣйствiи супруги великаго князя, выстроили около 1347 года изъ срубленныхъ дубовъ церковь во имя св. Троицы, за исповѣданiе которой пострадали «Троицѣ равночисленные» литовскiе мученики. Съ того времени вся окрестная мѣстность, доселѣ пустынная, начала заселяться исключительно православными христiанами и вслѣдствiе этого получила названiе «Русскаго конца». Къ 1514 году Троицкая деревянная церковь представляла собою однѣ развалины; но въ этомъ году польскiй король Сигизмундъ I, не смотря на существовавшее воспрещенiе Казимiра IV возводить

новыя и починять старыя православныя церкви, выдалъ князю К. И. Острожскому, во вниманіе къ его заслугамъ на пользу отечества, разрѣшеніе на постройку въ Вильнѣ двухъ каменныхъ церквей: въ честь перенесенія мощей св. Николая и св. Троицы, взамѣнъ разрушившейся Троицкой церкви.

Въ концѣ XV столѣтія монастырь существовалъ уже несомнѣнно. Изъ него вышли многіе прославившіеся дѣятельностію іерархи церкви православной, какъ напр. священномученикъ Макарій, митрополитъ кіевскій, пострадавшій отъ перекопскихъ татаръ 1 мая 1497 г. на рѣкѣ Припети, въ селѣ Стриголовѣ, Іона II, Сильвестръ Бѣлькевичъ и др. Въ древности монастырь былъ деревянный и имѣлъ всего трехъ иноковъ. При монастырѣ существовало Свято-Троицкое братство, имѣвшее училище, богадѣльню, типографію и особыхъ своихъ священниковъ. Въ 1590 году монастырь былъ отданъ въ завѣдываніе виленскихъ бурмистровъ, которые также имѣли своихъ священниковъ. Объявленная въ 1596 году унія встрѣтила сильный отпоръ въ Свято-Троицкомъ братствѣ, проповѣдникъ котораго, Стефанъ Зизаній, порицалъ унію съ каѳедры. Но, по настоянію Михаила Рагозы, король запретилъ православнымъ избирать для себя особыхъ священниковъ и велѣлъ отнять у нихъ одинъ алтарь въ Троицкой церкви. Братчики рѣшились выстроить для себя отдѣльную церковь, и такимъ образомъ въ 1609 году Троицкій монастырь мы видимъ уже въ рукахъ уніатовъ. Водворившись въ монастырѣ, уніаты замѣнили деревянныя постройки каменными. Часто опустошавшіе городъ пожары не щадили и святынь его. Такъ, огромный пожаръ 1706 г. истребилъ и Троицкую обитель, оставивъ однѣ лишь стѣны; но настоятель того времени, Яковъ Суликовскій, тотчасъ же послѣ пожара, приступилъ къ возобновленію церкви. По обычаю уніатско-латинскому въ церкви были устроены боковые престолы, числомъ 9, и одинъ изъ нихъ въ честь извѣстнаго фанатика Іосафата Кунцевича, который нѣкогда былъ здѣсь настоятелемъ, а потомъ возведенъ на Полоцкую уніатскую каѳедру. По бокамъ храма были пристроены двѣ часовни. Одна изъ нихъ, на правой сторонѣ, выстроенная въ первыхъ годахъ XVII столѣтія, была освящена въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, но называлась Скуминовской каплицей по имени строителя ея, Януша Скумина Тышкевича, воеводы виленскаго, погребеннаго въ той же часовнѣ вмѣстѣ съ женою его Варварою, рожденною Нарушевичъ. Теперь эта часовня составляетъ семинарскую церковь во имя св. Іоанна Богослова. Другая часовня, на лѣвой сторонѣ отъ входа, принадлежала инокинямъ женскаго, первоначально православнаго, потомъ уніатскаго монастыря, помѣщавшагося въ смежномъ каменномъ домѣ, который нынѣ принадлежитъ каѳедральному собору. Женскій монастырь не имѣлъ своей церкви и монахини ходили къ богослуженію въ Троицкую церковь, къ часовнѣ которой былъ устроенъ особый ходъ на хоры. Ходъ этотъ уничтоженъ, а часовня обращена въ монастырскій архивъ.

По возсоединеніи уніатовъ въ 1839 году съ православіемъ, Троицкій

*

монастырь поступилъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства, а въ 1845 году онъ причисленъ къ третьему классу монастырей. Съ того же времени въ немъ помѣщается Литовская духовная семинарія, ректоръ которой состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ обители. Въ 1864 году произведена капитальная передѣлка помѣщенія семинаріи; въ то же время черепичная крыша церкви замѣнена желѣзною, а въ 1873 году, съ преобразованіемъ семинаріи, занимаемое ею зданіе снова было передѣлано.

Драгоцѣннѣйшею святынею Свято-Троицкаго монастыря считается чудотворная икона Пресвятой Богородицы Одигитріи, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою. Этой иконѣ посвящено особое описаніе (стр. 48). Въ ризницѣ монастыря хранятся двѣ картины работы художника Смуглевича, висѣвшія прежде въ церкви. Одна изъ нихъ изображаетъ св. Онуфрія, а другая апостоловъ Петра и Павла. Въ южной стѣнѣ храма вдѣлана плита съ слѣдующею надписью:

«Ту лежитъ рабъ Божій Оѳанасій Ѳедоровичъ Брага, бурмистръ мѣста Виленскаго. Преставися въ лѣто отъ воплощенія Спаса нашего 15.. мѣсяца октября въ 5 день, а жилъ на свѣтѣ лѣтъ 57. Тутъ лежитъ і сынъ его Антоній, оже преставился въ лѣто 1580 мѣсяца октября 3 дня».

На сѣверной стѣнѣ храма находится другая плита съ польскою надписью, изъ которой видно, что здѣсь погребены двѣ сестры изъ фамиліи Еленскихъ, умершіе въ 1757 и 1758 годахъ.

Храмъ Троицкаго монастыря составляетъ одинъ изъ знаменательныхъ историческихъ памятниковъ. Въ теченіи 2½ вѣковъ онъ былъ свѣточемъ св. православія на Литвѣ, а потомъ, захваченный насильно уніатами, почти столько же вѣковъ служилъ уніи и латинству. Возрожденный въ древнемъ своемъ значеніи, монастырь служитъ теперь разсадникомъ православной вѣры въ краѣ.

(*Упоминается на стр. 78, 194, 196, 214, 238, 272, 291 и 349*).

62—65. Виленскій Успенскій соборъ, называемый Пречистенскимъ и Митрополитальнымъ.

(Четыре рисунка на стр. 100 и 101).

Подобно большинству виленскихъ православныхъ храмовъ, Успенскій соборъ, въ теченіи слишкомъ пятивѣковаго своего существованія, пережилъ свою первоначальную славу и послѣдующій упадокъ и разореніе и наконецъ дождался величественнаго своего возрожденія.

По преданію, Пречистенскій соборъ основанъ въ 1346 году великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ, который, возвратясь изъ похода на Новгородъ Великій, вызвалъ изъ Кіева мастеровъ строительнаго дѣла, самъ выбралъ мѣсто близъ своего дворца и соорудилъ здѣсь храмъ на подобіе Кіево-Софій-

скаго собора, а когда онъ былъ оконченъ, пригласилъ въ Вильну митрополичьяго намѣстника, святителя Алексія, бывшаго тогда въ санѣ епископа владимірскаго, который въ 1348 году освятилъ соборъ во имя Успенія Пречистой Дѣвы Маріи. Съ тѣхъ поръ храмъ усвоилъ два названія—Успенскій и Пречистенскій. Названіе «Митрополитальный» усвоилось позднѣе по слѣдующему поводу. Въ 1416 году, при великомъ князѣ Витовтѣ, русская митрополія раздѣлилась на восточную и западную митрополіи, при чемъ послѣднюю занялъ Григорій Цамблакъ, который и обратилъ Пречистенскій храмъ въ каѳедральный соборъ для всей Литвы. Планъ храма образуетъ четыреугольникъ въ 16 саж. 1 арш. длины и ширины, кромѣ алтаря, который выступаетъ изъ квадрата къ востоку тремя полукружіями на 4 сажени. Внутри корпуса поставлены четыре громадные многогранные столба, соединяющіеся вверху арками въ видѣ основанія главному куполу, который первоначально былъ сдѣланъ изъ кирпича, а теперь изъ желѣза. Свѣдѣній о высотѣ храма въ прежнее время не сохранилось; теперь онъ имѣетъ отъ помоста до основанія креста на куполѣ 20 саж. 2 арш., а съ шаромъ и крестомъ—23 саж. 1 аршинъ. Въ юго-восточномъ углу храма сохранилась древняя башня съ ходомъ на чердакъ, а на наружной ея сторонѣ уцѣлѣли старинные архитектурные узоры, украшавшіе храмъ Ольгерда. Отъ остальныхъ трехъ угловыхъ башенъ остались лишь основанія, на которыхъ впослѣдствіи воздвигнуты новыя башни на подобіе сохранившейся.

Изъ документальныхъ свѣдѣній о прежней славѣ Пречистенскаго собора до насъ дошло извѣстіе о посѣщеніи его, въ 1495 году, невѣстою великаго князя Александра, Еленою, дочерью царя московскаго Іоанна III Васильевича. Царственная невѣста вступила въ храмъ 15 февраля съ своимъ свадебнымъ поѣздомъ и слушала здѣсь благодарственный молебенъ, отслуженный соборне митрополичьимъ намѣстникомъ, архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря, Макаріемъ. (Святитель этотъ въ томъ же году былъ рукоположенъ въ храмѣ Пречистой въ санъ митрополита, а чрезъ два года, 1 мая 1497 г., на пути изъ Вильны въ Кіевъ, замученъ невинно въ селѣ Стриголовѣ, Минской губерніи, перекопскими татарами. Мощи его почиваютъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ). Княгиня Елена Іоанновна, покровительствуя въ теченіи 18-тилѣтняго своего княженія, православной церкви и благодѣтельствуя духовенству, была жертвовательницею и для Пречистенскаго собора, которому она подарила въ 1496 году имѣніе Жагоры, въ Трокскомъ воеводствѣ.

Болѣе $1^1/_2$ вѣка Пречистенскій соборъ стоялъ нерушимо. Исторія испытанныхъ имъ бѣдствій начинается съ 1506 года, когда зданіе подверглось нѣкоторому потрясенію. Для защиты Вильны отъ нападенія татаръ, только-что разгромившихъ города Минскъ, Слуцкъ и Новгородокъ и находившихся только въ 70-ти верстахъ отъ литовской столицы, начали поправлять городскія укрѣпленія, а въ томъ числѣ и городскую стѣну, проходившую по лѣ-

вому берегу рѣки Виленки, въ 11-ти саженяхъ отъ собора. И вотъ, когда стали забивать здѣсь сваи и палисады, произошло сотрясеніе, отъ котораго внезапно обрушился главный куполъ собора и повредились стѣны храма, въ особенности восточная и южная. Хотя въ то время уже существовало и ревностно исполнялось изданное въ 1480 году королемъ польскимъ Казиміромъ IV запрещеніе строить новыя и починять старыя церкви православныя, но извѣстному поборнику русской вѣры, князю К. И. Острожскому, удалось испросить у короля разрѣшеніе на возстановленіе Пречистенскаго собора. На основаніи грамоты Сигизмунда I отъ 19 іюня 1511 г., ревнитель православія отстроилъ храмъ Ольгерда въ прежнемъ его видѣ, въ стилѣ готическо-византійскомъ, съ большимъ куполомъ по срединѣ и четырьмя башнями по угламъ. Свое усердіе къ русской святынѣ ревностный князь съ супругою своею Татьяною, рожденною княжною Гольшанскою, выразилъ пожертвованіемъ Пречистенскому собору, въ 1522 году, двухъ имѣній своихъ— Шешолы и Свираны, Виленскаго уѣзда.

Въ 1588 году въ стѣнахъ каѳедры литовскихъ православныхъ митрополитовъ совершилось небывалое торжество. Прибывшій въ то время въ предѣлы Россіи для сбора пожертвованій первосвятитель вселенской церкви, константинопольскій патріархъ Іеремія II, по фамиліи Траносъ (свѣтлый), въ сослуженіи съ сопровождавшими его—митрополитомъ монемвасійскимъ Іероѳеемъ и архіепископомъ элассонскимъ Арсеніемъ и южно-русскими епископами — Гедеономъ львовскимъ, Мелетіемъ владимірскимъ и другими, совершилъ въ соборѣ божественную литургію и при этомъ рукоположилъ минскаго архимандрита Михаила Рагозу въ митрополиты. Сначала патріархъ не соглашался на посвященіе Рагозы въ первосвятители литовской церкви, какъ бы предвидя его измѣну православію; но потомъ уступилъ увѣреніямъ знатныхъ лицъ въ благонадежности Михаила. Впослѣдствіи, когда недостойные южно-русскіе іерархи объявили въ 1596 году на брестскомъ соборѣ унію съ римскою церковью, Рагоза присоединился къ нимъ.

Преемникъ Рагозы Ипатій Поцѣй, совершивъ въ 1609 году въ Пречистенскомъ соборѣ литургію, отслужилъ молебенъ о соединеніи церквей, и въ это время имя римскаго папы, какъ главы церкви, впервые огласило храмъ Пречистыя, остававшійся въ теченіи трехъ столѣтій хранилищемъ православія въ землѣ Литовской. Дерзость измѣнника едва не стоила ему жизни: возмущенный объявленіемъ уніи, православный народъ напалъ на Поцѣя въ то время, когда онъ выходилъ изъ поруганнаго имъ храма, а одинъ изъ мѣщанъ Иванъ Тупека взмахомъ сабли отрубилъ отступнику два пальца лѣвой руки, которою онъ защищался. Отрубленные пальцы уніатами признаны были реликвіями и были возложены на алтарь Троицкаго монастыря, находившагося уже тогда въ рукахъ базиліанъ.

Не смотря однако на выказанное народомъ сопротивленіе, Пречистенскій соборъ перешелъ къ уніатамъ. Съ тѣхъ поръ бывшая каѳедра православ-

ныхъ митрополитовъ начала клониться къ паденію и постепенному запустѣнію, а бывшій въ 1748 году огромный пожаръ, уничтожившій палаты митрополита, сильно повредилъ соборъ внутри и снаружи, такъ-что въ теченіи 37 лѣтъ послѣ того духовенство совершало богослуженіе въ находившейся у правой стороны собора небольшой Спасской церкви, отъ которой названіе Спасскій перешло и къ запустѣлому храму Пречистой.

Въ 1785 году уніатскій митрополитъ Іасонъ Юнòша-Смогоржевскій возобновилъ Пречистенскій храмъ, но уже съ латинско-уніатской архитектурой, безъ купола и башенъ, съ крышею въ два ската и съ стрѣльчатымъ аттикомъ поверхъ фронтона. Вслѣдъ за тѣмъ стоявшая близъ собора Спасская церковь была обращена подъ госпиталь, а потомъ въ частный жилый домъ.

Съ упраздненіемъ въ 1795 году уніатской митрополіи въ Россіи, закрылась и митрополичья каѳедра; имѣнія ея перешли къ Троицкому монастырю, а причтъ былъ распущенъ; но богослуженіе въ Пречистенскомъ соборѣ совершалось еще до 1810 года базиліанами Троицкой обители. Въ 1808 году, по ходатайству польскаго магната, князя Адама-Георга Чарторыйскаго, впослѣдствіи попечителя Виленскаго учебнаго округа, соборъ съ митрополичьимъ подворьемъ былъ отданъ Виленскому университету, который обратилъ русскую святыню въ анатомическій театръ и ветеринарную клинику. Для сего древній православный храмъ внутри былъ перегороженъ каменными толстыми стѣнами, вдоль и поперегъ, на шесть частей, въ два этажа, а изъ алтаря было сдѣлано особое помѣщеніе, съ отдѣльнымъ входомъ на горнемъ мѣстѣ и съ закладкою на глухо царскихъ, южныхъ и сѣверныхъ дверей; это помѣщеніе сперва служило лабораторіей для изслѣдованія, мертвыхъ тѣлъ и выварки костей, а потомъ кузницей. Съ тѣмъ вмѣстѣ подвергся измѣненію и наружный видъ храма: угловыя башни, за исключеніемъ одной, были уничтожены; окна были продѣланы на другихъ мѣстахъ и другой формы и размѣра; наличники и другія внѣшнія украшенія обтесаны; стоявшая на лѣвой сторонѣ храма колокольня срыта. Словомъ, если не считать одной башни и алтарной выпуклости, отъ православнаго храма и признаковъ не осталось.

Но та же эпоха, которая возродила древнѣйшіе виленскіе храмы — св. Николая и великомуч. Параскевы, вывела изъ постыднаго уничиженія и каѳедральный Пречистенскій соборъ. Ревнитель православія и русской народности, графъ М. Н. Муравьевъ, обративъ вниманіе на древнее православное святилище, по соглашенію съ митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ Іосифомъ (Сѣмашко), испросилъ въ 1864 году разрѣшеніе на открытіе по всей Россіи подписки на возстановленіе историческаго храма, а 12 іюня 1867 г. государь императоръ Александръ Николаевичъ, обозрѣвая работы по возобновленію собора, повелѣлъ отпустить 57.000 р. изъ казны на окончаніе работъ. Впослѣдствіи къ этой суммѣ были добавлены деньги, собранныя на

сооруженіе памятника въ память лицъ, павшихъ во время польскаго мятежа на полѣ брани, а для увѣковѣченія памяти ихъ въ соборѣ начертаны на четырехъ каменныхъ доскахъ имена ихъ.

Кромѣ главнаго престола во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, устроено два боковыхъ престола: одинъ во имя священномученика Макарія, принявшаго посвященіе въ санъ кіевскаго митрополита въ томъ же храмѣ († 1497 г.), а другой—въ честь митрополита московскаго Алексія, первоначально освятившаго Пречистенскій храмъ. Иконы же иконостаса представляютъ собою мѣстную лѣтопись въ ликахъ святыхъ, которые имѣли какое либо историческое или поучительное отношеніе къ западно-русскому краю.

Въ стѣнахъ Пречистенскаго храма была погребена покровительница православія, вдовствующая королева польская и великая княгиня литовская, Елена Ивановна, почившая 24 января 1513 г. 39 лѣтъ. Надъ гробницею ея до 1810 года сохранялась массивная плита съ тремя гербами московскимъ, литовскимъ и польскимъ и славянскою надписью; при кощунственномъ обращеніи собора въ анатомическій театръ, гробница княгини была уничтожена, а надгробная доска, ректоромъ Виленскаго университета Майлевскимъ, варварски была перелита въ его домашнюю посуду.

Соотвѣственно историческимъ переходамъ храма Ольгерда въ разныя эпохи, изготовлены и рисунки для настоящаго изданія: 1) видъ собора въ 1601 году съ рисунка, начертаннаго на заглавномъ листѣ рукописнаго инвентаря, хранящагося въ Виленскомъ св. Троицкомъ монастырѣ; 2) видъ собора до 1810 года съ рисунка, приложеннаго къ сочиненію «Pomnieysze pisma historyczne», Нарбута, 1856 года; 3) видъ храма во время нахожденія въ немъ анатомическаго театра Виленскаго университета съ рисунка, снятаго съ натуры въ 1864 году; 4) настоящій видъ собора, возобновленнаго въ 1868 году по проекту профессора архитектуры А. И. Резанова.

(*Упоминается на стр. 78, 152, 167, 335 и 372*).

66. Развалины Лидскаго замка.

(Стр. 125).

Уѣздный городъ Лида, Виленской губерніи, нѣкогда столица удѣльнаго княжества, составляетъ древнѣйшее литовское поселеніе, возникшее на рубежѣ Литвы и Дейновскаго княжества, прекратившаго свое существованіе въ XII вѣкѣ. Укрѣпляя свои границы, Гедиминъ соорудилъ въ 1323 году въ Лидѣ большой замокъ, развалины котораго изображены на нашемъ рисункѣ.

Замокъ воздвигнутъ на горѣ до 4 сажень вышины, окруженный съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой глубокимъ рвомъ. Онъ имѣетъ квадратную форму; каждая стѣна доходитъ до 32 сажень длины, 2 сажень толщины и фундамента и болѣе 5 сажень высоты. Благодаря тому, что замокъ поддерживался до 1794 года, стѣны его хорошо сохранились; уцѣлѣли также

развалины двухъ башенъ, въ одной изъ которыхъ въ древности находилась церковь. Замокъ былъ выстроенъ плѣнными волынянами, подъ наблюденіемъ выписанныхъ изъ Кіева мастеровъ строительнаго дѣла.

Въ 1380 году Ягайло подарилъ Лиду своему любимцу и родственнику Войдылѣ, но въ слѣдующемъ году Кейстутъ взялъ Лиду, а Войдылу повѣсилъ. Черезъ три года послѣ того, замокъ подвергся разграбленію со стороны крестоносцевъ.

Въ княженіе Витовта въ Лидѣ имѣлъ пребываніе бѣжавшій изъ своей родины ханъ Кипчакской орды, Тохтамышъ, жившій въ особомъ домѣ, долго называвшемся Тохтамышевымъ дворомъ. Другой ханъ той же орды, Хаджи-Гирей вь 1434 году былъ назначенъ въ Лиду старостой и занималъ это мѣсто до 1443 года, когда, по просьбѣ крымскихъ татаръ, ему было возвращено ханство. Во время войны 1655 года, когда князь Хованскій взялъ замокъ, городъ былъ раззоренъ и сожженъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, во время войны со шведами, Лида и замокъ подверглись новому разоренію, при чемъ древній архивъ былъ взятъ изъ замка и перевезенъ въ Смоленскъ, гдѣ и сгорѣлъ въ 1812 году.

Цвѣтущее состояніе города относится къ временамъ Казиміра, когда населеніе Лиды доходило до 15.000 человѣкъ. Теперь въ немъ менѣе 4.000 жителей.

(*Упоминается на стр. 99*).

67. Маломожейковская церковь, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи.

(Стр. 129).

Маломожейковская церковь сооружена въ 1407 году подконюшимъ виленскимъ, державцею ушпольскимъ, пенянскимъ и радунскимъ, паномъ Шимкомъ Мацкевичемъ-Шкленскимъ. Характерная архитектура ея, напоминающая средневѣковыя замковыя сооруженія, наводитъ на мысль, что храмъ этотъ былъ не только домомъ молитвы, но и защитой и хранилищемъ людскаго скарба въ былое время опустошительныхъ войнъ и грабежей. Стѣны церкви, сложенной изъ крѣпкаго, какъ желѣзо, кирпича,—въ сажень толщины; по угламъ ея устроены стрѣльчатыя башни, въ которыя были проведены изъ церкви спиральными каменными лѣстницами особые ходы, уничтоженные въ 1817 году вмѣстѣ съ потайнымъ ходомъ и такими же отверстіями въ стѣнахъ; подъ церковью было устроено два склепа; входъ въ церковь защищался тяжеловѣсною желѣзною дверью, опускавшеюся на цѣпяхъ изъ ниши, сдѣланной въ стѣнѣ; къ сожалѣнію, эта дверь не сохранилась, будучи самовольно присвоена «патрономъ» церкви, мѣстнымъ помѣщикомъ Казиміромъ Костровицкимъ. По разсказамъ сторожиловъ, шведы бомбардировали церковь во время стоянки Карла XII лагеремъ въ м. Желудкѣ.

Историческія судьбы Маломожейковской церкви мало извѣстны. Древ-

ніе объ ней документы были сожжены помѣщикомъ Костровицкимъ въ XVIII вѣкѣ; остались только позднѣйшіе документы и мѣстное преданіе. По этимъ даннымъ оказывается, что съ обнародованіемъ уніи, Маломожейковская церковь была захвачена уніатами и съ того времени подверглась искаженію латинскими нововведеніями, лишилась большинства прихожанъ, перешедшихъ въ католицизмъ, и пришла въ разореніе и нищенское состояніе. Какъ церковь уніатская, она не избавилась отъ нападенія и разоренія со стороны казаковъ. Паны патроны и сами базиліане, вмѣсто охраненія святыни и увеличенія ея благосостоянія, ограбили церковь въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Особенно возмутительны были поступки упомянутаго выше «патрона», помѣщика Костровицкаго. Услыхавъ, что настоятель Петръ Аѳанасевичъ нашелъ въ гробу основателя церкви Шимки Мацкевича много золота, Костровицкій съ ярост͏ью приступилъ къ священнику, желая присвоить себѣ мнимый кладъ; но встрѣтивъ отказъ, онъ началъ истязать жену священника, которая, по однимъ свѣдѣніямъ, умерла отъ пытки, по другимъ была задушена слугою пана; когда же мужъ умершей отправился къ пану просить пощады себѣ и своимъ дѣтямъ, то Костровицкій, подъ видомъ угощенія, напоилъ священника до пьяна, отвелъ на конюшню и, посадивъ его на цѣпь, велѣлъ ему учить козла пѣть такъ, какъ поютъ въ церкви. Возмутительная сцена продолжалась цѣлую ночь. Тѣмъ временемъ хозяйство священника подверглось грабежу панской челяди. Несчастный о. Петръ не выдержалъ и, проболѣвъ нѣкоторое время, скончался 19 апрѣля 1794 года, томимый голодомъ и холодомъ.

Послѣ смерти священника Аѳанасевича, «патронъ» Маломожейковской церкви, Костровицкій, началъ относиться къ опекуемому имъ храму по своему. Поставивъ въ церкви органъ, онъ пригласилъ кармелитовъ и заставилъ ихъ проповѣдывать, что вѣры православной нѣтъ во всемъ свѣтѣ, что унія поглощена латинствомъ, что только римская церковь и глава ея, папа, могутъ открыть двери въ царство небесное. Потомъ онъ выстроилъ противъ церкви величественный костелъ для приманки въ него крестьянъ, но послѣдніе не рѣшались оставить свой храмъ и славянскую обрядность богослуженія.

Во время проѣзда императора Александра Павловича изъ Вильны въ Гродну, государь замѣтилъ въ сторонѣ церковь и пожелалъ осмотрѣть ее. Это была Маломожейковская церковь, глубоко поразившая царя своимъ печальнымъ и убогимъ состояніемъ. Государь приказалъ немедленно ремонтировать церковь и надзоръ за этимъ поручилъ слонимскому помѣщику Юндзилу. Повелѣніе это осталось однако не исполненнымъ и пока собирались и надумывались приготовить матеріалы, церковная крыша обрушилась отъ удара молніи въ алтарную часть. Это было въ 1805 году; только пять лѣтъ спустя починили крышу, но внутренность церкви осталась безъ всякихъ исправленій и даже рамы въ окна не были вставлены.

Полное возстановленіе древняго Маломожейковскаго храма и устройство его по обычаю православной церкви принадлежитъ уже ближайшему къ намъ времени. Ремонтированная съ внѣшней стороны и внутри, она освящена 21 января 1873 года. Въ иконостасѣ ея въ числѣ иконъ находится древній образъ Божіей Матери, исторія котораго характеризуетъ отношенія поляковъ къ русскимъ святынямъ.

Въ селѣ Волчинкахъ находилась деревянная церковь съ принадлежащими къ ней тремя уволоками земли. Самаго прихода уже не существуетъ, а земля присвоена мѣстнымъ помѣщикомъ. Настоятель Маломожейковской церкви, о. Левъ Савицкій, изъ документовъ узналъ, что въ Волчинской церкви находилась, между прочимъ, икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ, съ изображеніемъ луннаго полукруга у подножія, а одна женщина ему сказала, что икона находится у мѣстнаго помѣщика, «въ темномъ и смрадномъ мѣстѣ». Желая извлечь православную святыню изъ позорнаго положенія, священникъ отправился къ помѣщику, но тотъ отвѣчалъ, что иконы у него нѣтъ. Когда же имѣніе было сдано въ аренду шляхтичу и послѣдній задумалъ продать нѣкоторыя строенія, то священникъ послалъ двухъ своихъ прихожанъ съ тою цѣлью, чтобы они, подъ видомъ покупки строеній, поискали икону. Результатъ получился самый благопріятный: икона нашлась въ амбарѣ. Съ честью она была взята и перенесена въ Маломожейковскую церковь. Это происходило въ 1868 году.

Не лишне добавить, что церковь въ Волчинкахъ продана за ничтожную сумму евреямъ на баню и перевезена ими въ м. Василишки, а погостъ церковный обращенъ подъ католическое кладбище.

(*Упоминается на стр. 110*).

68. Сынковичская церковь, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

(Стр. 135).

Сынковичская церковь основана въ началѣ XV столѣтія. Подобно Маломожейковской церкви, Сынковичскій храмъ имѣетъ всѣ признаки замковаго сооруженія. Толстыя стѣны его сложены изъ крѣпчайшаго кирпича, а по угламъ ея находятся высокія башни. Церковь сохранилась довольно хорошо и, за исключеніемъ крыши на два ската позднѣйшей эпохи, сохранила внѣшній видъ первоначальной своей постройки. Вмѣстѣ съ Маломожейковскою, Сынковичская церковь служитъ памятникомъ цвѣтущаго состоянія православія на Литвѣ въ началѣ XV вѣка, даже въ такихъ незначительныхъ поселеніяхъ, какъ Моломожейки и Сынковичи, а по стилю обѣ церкви отличаются отъ древнѣйшихъ храмовъ великокняжской эпохи — Коложской въ Гроднѣ, Спасо-Евфросиніевской въ Полоцкѣ и даже Благовѣщенской въ Витебскѣ, и носятъ слѣды уже западнаго вліянія, приближаясь къ стилю готическому.

Документальныхъ историческихъ данныхъ о судьбахъ Сынковичской церкви не сохранилось, и этотъ храмъ уже по своему внѣшнему виду служитъ вещественнымъ доказательствомъ присущей ему старины.

(*Упоминается на стр. 110*).

69. Древняя церковь св. Николая въ Брестѣ-Литовскомъ, Гродненской губерніи (заглавный листъ визитаціонной книги XVIII вѣка).

(Стр. 141).

Послѣ принятія западно-русскими православными епископами Ипатіемъ Поцѣемъ и Кирилломъ Терлецкимъ уніи въ Римѣ, польскій король Сигизмундъ, уступая требованіямъ папы объ утвержденіи уніи и желанію съ одной стороны приверженцевъ ея, а съ другой поборниковъ православія, издалъ 14 іюня 1596 г. универсалъ о созваніи собора въ г. Брестѣ. Цѣль собора выражена въ универсалѣ прямо и точно. «И какъ не мало знатныхъ людей греческой вѣры,—писалъ король,—желающихъ святой уніи, просили насъ, чтобы мы, для окончанія этого дѣла, велѣли созвать соборъ, то мы позволили вашему митрополиту, киръ Михаилу Рагозѣ, созвать соборъ въ Брестѣ, когда признаетъ то съ другими вашими старшими духовными наиболѣе удобнымъ, будучи увѣрены, что вы, когда хорошо поразсудите, ничего полезнѣе, важнѣе и утѣшительнѣе для себя не найдете, какъ святое соединеніе съ католическою церковію, которое умножаетъ между народами согласіе и взаимную любовь, охраняетъ цѣлость Рѣчи-Посполитой и другія блага небесныя и земныя». Въ силу этого универсала, митрополитъ Рагоза издалъ окружную грамоту, приглашающую на соборъ. По важности предстоявшаго событія, въ Брестѣ съѣхалось множество православныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Здѣсь были и поборники уніи и ревнители православія. Но, не смотря на численное превосходство послѣднихъ, они оказались въ затрудненіи, гдѣ собраться, чтобы обсудить вопросъ о противодѣйствіи уніи, такъ какъ митрополитъ, открывъ 6 октября соборъ въ церкви св. Николая, заперъ всѣ остальныя братскія церкви. Образовались такимъ образомъ двѣ партіи, имѣвшія діаметрально противоположныя стремленія. Извѣстно, какая изъ нихъ взяла верхъ. Въ то время, когда доблестные ревнители чистоты православія совѣщались въ предложенномъ для ихъ собора частномъ домѣ, принадлежавшемъ протестанту, пану Райскому, на соборѣ противниковъ была объявлена унія западно-русской православной церкви съ римскою.

«Что сдѣлано, то уже сдѣлано; иначе теперь быть не можетъ; хорошо или дурно мы поступили, только мы отдались западной церкви», — таковъ былъ отвѣтъ отступника-митрополита депутатамъ отъ православнаго собора.

Превозглашеніе уніи совершилось 9 октября 1596 г. въ церкви св. Николая.

Отъ этой церкви не осталось теперь и слѣда, самое же мѣсто, на кото-

ромъ находился такой историческій храмъ, отошло подъ одинъ изъ бастіоновъ крѣпости. Тѣмъ драгоцѣннѣе становится сохранившійся до нашего времени рисунокъ Николаевской церкви, изображенный на заглавномъ листѣ рукописи: «Liber visitationum Ecclesiae Cathedralis et Ecclesiarum Brestensium», не смотря на то, что рисунокъ страдаетъ въ художественномъ отношеніи.

Визитаціонная книга составляетъ рукопись XVIII вѣка, содержащую въ себѣ 83 листа (166 страницъ), писанныхъ попольски, а отчасти полатыни. Относительно Николаевской каѳедральной церкви въ ней сказано: «построена въ видѣ креста, мурована, не тынкована, крыша гонтовая (черепичная); на серединѣ крыши деревянный куполъ, верхушка котораго обита бѣлою жестію; на куполѣ желѣзный кованный крестъ; двери дубовыя, окованныя желѣзомъ. По обѣимъ сторонамъ церкви два крыльца, съ деревянными ступенями. Кто былъ фундаторомъ этой церкви, по древности, неизвѣстно, равно какъ неизвѣстно когда возведена въ каѳедру». Но эта церковь упоминается уже въ 1412 году.

(*Упоминается на стр. 110*).

70. Развалина Новогрудскаго замка Минской губерніи.

(Стр. 149).

Новогрудокъ (въ древне-русскихъ лѣтописяхъ-Новогродекъ), уѣздный городъ Минской губерніи, существовалъ уже въ XII вѣкѣ, хотя время основанія его не можетъ быть опредѣлено съ точностью. По всей вѣроятности, онъ построенъ однимъ изъ кіевскихъ князей, можетъ быть Ярославомъ Мудрымъ, какъ укрѣпленный городокъ для защиты пограничной Русской земли отъ сосѣднихъ ятвяговъ, извѣстныхъ тогда своими разбойническими набѣгами. Извѣстнѣе становится исторія его со времени галицко-волынскаго князя Даніила Романовича и Мендовга, князя литовскаго. Захватывая сосѣднія русскія земли и города, Мендовгъ владѣлъ и Новогродкомъ, въ которомъ крестился и который отдалъ въ княженіе сыну своему Войшелку. Но сильный галицко-волынскій князь, простиравшій свою власть до Берестья и ведшій упорную борьбу съ Литвою, стремился возвратить своей русской власти и Новогродокъ. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ походы въ Новогродскую область въ 1253 и 1255 гг. Въ послѣднемъ году, княжившій въ Новогродкѣ Войшелкъ заключилъ съ Даніиломъ миръ, по которому выдалъ сестру свою за сына Даніилова Шварна, княжившаго въ Холмѣ, а свой княжескій удѣлъ съ Новогрудкомъ, Слонимомъ и Волковыскомъ уступилъ другому сыну Даніила, Роману, самъ-же, крещенный въ Новогрудкѣ, задумалъ принять монашество, что потомъ и исполнилъ. Въ слѣдующемъ 1256 году Романъ Даниловичъ со своими новогродцами уже участвовалъ въ походѣ отца и братьевъ на ятвя-

говъ. Смуты, возникшія по убіеніи Мендовга и Войшелка, смерть Даніила и Романа и ослабленіе галицко-волынскихъ князей имѣли послѣдствіемъ переходъ Новогрудка подъ власть литовскихъ князей язычниковъ. Въ 1277 году галицко-волынскіе князья съ помощію татаръ пытались отнять Новогрудскую землю отъ Литвы, но дѣло кончилось разореніемъ земли татарами. Со времени Гедимина Новогрудекъ окончательно и надолго утверждается за Литвою, и въ немъ княжили сыновья и внуки Гедимина, впрочемъ уже православные и обрусѣвшіе. Испытавъ и въ XIV вѣкѣ нападеніе отъ татаръ и тевтонскихъ рыцарей, Новогрудекъ достигаетъ лучшаго состоянія при Витовтѣ. При Ольгердѣ и Витовтѣ выступаетъ значеніе Новогрудка, какъ мѣстопребыванія митрополитовъ. Первымъ проживавшимъ здѣсь митрополитомъ былъ Романъ († 1462 г.), по желанію Ольгерда, поставленный патріархомъ въ санъ отдѣльнаго литовскаго православнаго митрополита. Въ 1415 году въ Новогрудкѣ былъ соборъ православныхъ западно-русскихъ епископовъ, на которомъ поставленъ на каѳедру отдѣльной Кіевской литовской митрополіи Григорій Цамвлакъ. Послѣ окончательнаго раздѣленія русской митрополіи на Кіевскую и Московскую (въ 1459 г.) кіевскіе митрополиты по преимуществу жили въ Новогрудкѣ, отсюда издавали свои грамоты и т. п. Бывали здѣсь и соборы, какъ напр. соборъ 1541 г., бывшій при митрополитѣ Макаріѣ II, по дѣлу новоучрежденной Галицкой епископіи. Въ Новогрудкѣ существовало нѣсколько православныхъ церквей, въ числѣ ихъ каѳедральный Борисоглѣбскій соборъ, построеніе котораго восходитъ къ глубокой древности, и однимъ изъ благотворителей котораго былъ знаменитый князь Константинъ Острожскій. Въ гражданскомъ отношеніи Новогрудекъ съ 1444 г. является въ значеніи главнаго города въ воеводствѣ Новогрудскомъ, къ которому принадлежали Слуцкъ, Слонимъ и Волковыскъ. Въ 1448 году здѣсь, въ присутствіи Казимира IV, собирался литовскій сеймъ для защиты правъ Литовскаго княжества отъ прязаній Польши. Въ 1511 году Новогрудекъ получилъ Магдебурское право. Въ 1581 году Новогрудекъ назначенъ былъ мѣстомъ собраній трибунальнаго суда, какое значеніе удерживалъ до 1775 г., когда трибуналъ нереведенъ въ Гродну. Послѣднее обстоятельство было отчасти послѣдствіемъ упадка самаго города послѣ страшнаго пожара 1751 года. Присоединенный къ Россіи съ западною частію Бѣлоруссіи въ 1795 г., Новогрудекъ былъ обращенъ въ уѣздный городъ сначала Слонимскаго намѣстничества, а потомъ въ 1797 г. Литовской губерніи, въ 1801 г. Гродненской, а съ 1842 г. Минской, и въ этомъ скромномъ положеніи остается доселѣ.

Замокъ Новогрудскій, по начальной постройкѣ, относится, по всей вѣроятности, ко времени начальнаго владычества въ немъ литовскихъ или литовско-русскихъ князей и построенъ былъ именно для защиты города и мѣстности отъ внѣшнихъ враговъ, каковы: ятвяги, татары, тевтонскіе рыцари. Башни этого замка въ мѣстномъ преданіи носятъ названіе Мендовговыхъ. Еще во второй половинѣ XIII вѣка упоминается въ ближайшихъ городахъ (напр. въ

Троднѣ подъ 1277 г. въ Ипат. лѣт.) столбы или башни, имѣвшіе значеніе военныхъ укрѣпленій. Со временемъ онъ могъ заново укрѣпляться. Укрѣпленность замка сказалась напр. на такомъ случаѣ, что въ 1505 г. татары, сдѣлавшіе опустошительный набѣгъ на область Новогрудскую и городъ, не могли взять замка и только разграбили городъ.

Существуетъ и древняя Борисоглѣбская церковь, какъ памятникъ начальнаго православія въ Новогрудкѣ. Но соборнымъ считается теперь Николаевскій храмъ, отданный православію въ 1846 году, послѣ упраздненнаго францисканскаго монастыря. Въ числѣ святынь этого храма есть двѣ, особенно цѣнныя. Это: 1) икона св. Николая съ слѣдующею вычеканенною на металической рамѣ ея надпись: «Въ соборную церковь во имя св. Николая чудотворца мурликійскаго отъ его императорскаго высочества, государя наслѣдника цесаревича и великаго князя Николая Александровича, въ 6 день декабря 1863 года»; 2) серебряная дарохранительница съ надписью: «Вкладъ благовѣрнаго государя наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Александровича, въ соборный храмъ г. Новогрудка, на вѣчное поминовеніе за упокой души государя цесаревича и великаго князя Николая Александровича, 12 апрѣля 1865 года.» Эти святыни служатъ глубокимъ утѣшеніемъ православнымъ русскихъ людямъ города и всей мѣстности и вѣчно будутъ напоминать о сердечной молитвѣ за Высокихъ Жертвователей.

71. Ильинская церковь въ г. Витебскѣ.

(Стр. 153).

Древнѣйшая Витебская церковь во имя пророка Иліи, воспроизведенная въ настоящемъ изданіи по фотографіи, сохранилась до нашего времени. По своей архитектурѣ она можетъ служить образцомъ древнихъ церковныхъ сооруженій западной Руси.

По преданію, Ильинская церковь основана въ 1447 г. польскимъ королемъ Казиміромъ въ числѣ другихъ пяти церквей во имя пророка Иліи (въ Бѣшенковичахъ, Могилевѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Чериковѣ) въ благодарность Богу за спасеніе жены его, въ Ильинъ день, отъ утопленія. Но настоящая деревянная церковь построена, вмѣсто древней, уже въ 1643 году, какъ гласитъ надпись надъ входными ея дверями. Существуетъ также преданіе, что въ годину бѣдствій для православія въ Польско-Литовскомъ государствѣ, Ильинская церковь находилась въ арендѣ жидовъ. До 1788 года церковь принадлежала уніатамъ, но въ этомъ году возвращена православнымъ; затѣмъ уніаты снова присвоили ее себѣ. По возсоединеніи въ 1839 г. западно-русскихъ уніатовъ, Ильинская церковь обращена въ православную.

(*Упоминается на стр. 133*).

72. Журовицкій мужской Успенскій монастырь, Слонимскаго уѣзда, Минской губерніи.

(Стр. 157).

Близъ города Слонима, въ разстояніи около 10 верстъ, при мѣстечкѣ Жировицы, находится мужская православная обитель,—Жировицкій Успенскій монастырь.

Жировицкій монастырь учрежденъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже находилась православная церковь, сооруженная по случаю чудеснаго явленія здѣсь въ 1470 году иконы Божіей Матери (см. рисунокъ иконы и описаніе къ нему). Точныхъ свѣдѣній о времени основанія православнаго монастыря не сохранилось, но въ половинѣ XVI вѣка онъ уже существовалъ и пользовался извѣстностью въ Бѣлоруссіи и Литвѣ какъ по строгому подвижничеству иноковъ, такъ и по дѣятельности состоявшаго при немъ братства, отстаивавшаго православную вѣру отъ латинства и уніи. Борьба однако оказалась непосильной, и въ 1613 году мы видимъ Жировицкій монастырь уже въ рукахъ уніатовъ, съ настоятелемъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, извѣстнымъ изувѣромъ, убитымъ въ 1623 году, въ Витебскѣ. Въ то же время монастырь обстраивается и получаетъ богатыя пожертвованія и вклады сначала отъ каштеляна Ивана Мелешки, а позже отъ канцлера Льва Сапѣги и др.; король же Сигизмундъ III, грамотой отъ 14 марта 1613 г., возводитъ Жировицы въ мѣстечко, съ дозволеніемъ устраивать ярмарки. Впослѣдствіи здѣсь была учреждена гимназія, пользовавшаяся извѣстностью по всему краю.

Хотя Жировицкій уніатскій монастырь возросъ на почвѣ православія и обладалъ православною чудотворною иконою, но, какъ измѣнившій исконной русской вѣрѣ, не уберегся отъ нападенія казаковъ, этихъ смѣлыхъ борцовъ за православіе. При нападеніи въ 1656 году на Жировицы, казаки Богдана Хмельницкаго сожгли монастырь и цѣлое мѣстечко. Базиліане скоро однако оправились и наново отстроили обитель.

Въ 1810 году въ Жировицы было переведено управленіе брестскаго епископа, а въ 1828 году, вмѣсто гимназіи, здѣсь была учреждена Литовская уніатская семинарія. Въ то время уніатская церковь Сѣверо-Западнаго края уже очищалась отъ латино-польскихъ наслоеній и, по мысли главнаго дѣятеля по ея преобразованію Іосифа Сѣмашко, тогда еще протоіерея, Жировицы были избраны мѣстомъ воспитанія и образованія будущихъ пастырей церкви; при чемъ ректоромъ семинаріи былъ назначенъ протоіерей Антоній Зубко, впослѣдствіи православный архіепископъ. Какое значеніе имѣла Жировицкая семинарія, можно видѣть изъ словъ нашего историческаго писателя, отца Морошкина, который назвалъ ее «главною мастерскою, главнымъ центромъ развитія духа православно-русскаго». Когда западно-русскіе уніаты возсоединились, въ 1839 году, съ православною церковью, въ Жировицахъ было сосредоточено управленіе обновленной литовской церкви, съ возведеніемъ Жировицкаго храма въ каѳедральный соборъ. Впослѣдствіи, въ 1845 г.,

каѳедра и семинарія были переведены въ Вильну, а Жировицкій монастырь отошелъ ко второму классу съ устройствомъ въ немъ духовнаго уѣзднаго училища.

Въ Жировицкомъ монастырѣ находится четыре церкви: 1) главный соборный храмъ въ честь Успенія пресвятыя Богородицы съ придѣлами въ честь Покрова, рождества Іоанна Предтечи и святителя Николая; этотъ храмъ сооруженъ на томъ источникѣ, гдѣ явилась въ 1470 году, на грушевомъ деревѣ, икона Божіей Матери; въ немъ находится въ иконостасѣ и явленная икона; 2) храмъ, устроенный на мѣстѣ третьяго явленія иконы; камень, на которомъ была обрѣтена святыня, служитъ основаніемъ престолу и почитается богомольцами наравнѣ съ источникомъ Успенскаго собора; 3) церковь Воздвиженія креста Господня, и 4) деревянная кладбищенская церковь св. Георгія, построенная болѣе 200 лѣтъ тому назадъ.

Древность обители, святость мѣста, прославившагося явленіемъ иконы и чудотвореніями отъ нея, защита со стороны иноковъ и братства православной вѣры, вѣковой гнетъ уніи и наконецъ средоточіе здѣсь подготовительныхъ мѣропріятій къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковью,— все это открываетъ Жировицкому монастырю почетное мѣсто въ исторіи нашей сѣверо-западной окраины.

(*Упоминается на стр. 134, 198, 256, 272, 348 и 349*).

73—76. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, и образцы супральской фресковой живописи.

(Четыре рисунка на стр. 165, 168 и 169).

Въ 16-ти верстахъ отъ г. Бѣлостока, на берегу рѣки Супрасль, стоитъ древнѣйшій памятникъ православія въ Западномъ краѣ,—Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.

Монастырь основанъ въ концѣ XV вѣка иждивеніемъ великаго маршала литовскаго, Александра Ивановича Ходкевича, который, въ видахъ защиты православія отъ начинавшейся латинской пропаганды, пригласилъ иноковъ Кіево-Печерской лавры (по другимъ указаніямъ—аѳонскихъ монаховъ) и первоначально устроилъ обитель въ мѣстности Городокъ, въ своемъ имѣніи, гдѣ была уже церковь во имя Іоанна Богослова. Иноки вели здѣсь жизнь совершенно пустынную, по образцу древнихъ обителей, въ отдѣльно расположенныхъ въ лѣсу келліяхъ. Около 1497 года, для огражденія монастыря и своихъ владѣній отъ случайностей войны, которая велась тогда между княжествами литовскимъ и московскимъ, Ходкевичъ возвелъ въ Городкѣ обширное укрѣпленіе въ видѣ замка. Съ того времени здѣсь начало увеличиваться населеніе и пустынножительство оказалось неудобнымъ, вслѣдствіе чего иноки упросили Ходкевича перенести обитель въ другое, болѣе уединенное мѣсто. Для избранія мѣстности былъ принятъ способъ, съиздавна

практиковавшійся въ подобныхъ случаяхъ: на рѣку Супрасль было спущено деревянное распятіе съ частицею древа изъ животворящаго креста Господня; за теченіемъ креста слѣдили иноки въ ожиданіи, куда онъ пристанетъ, дабы это мѣсто считать избраннымъ Богомъ для основанія обители. Крестъ прибило къ берегу въ урочищѣ Сухой Грудъ, и здѣсь была построена небольшая деревянная церковь, освященная 22 мая 1505 г. кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ. Церковь эта впослѣдствіи сгорѣла и уже не возобновлялась.

Существованіе монастыря упрочено благословенною грамотою, данною въ 1505 году константинопольскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ снабдилъ обитель строгимъ уставомъ иноческаго общежитія.

Находящаяся нынѣ въ монастырѣ каменная церковь заложена въ 1509 г. Кромѣ главнаго престола въ честь Благовѣщенія, въ храмѣ были придѣлы: одинъ во имя Бориса и Глѣба, а другой въ честь Антонія и Ѳеодосія печерскихъ. Оба эти придѣлы упразднены во время нахожденія монастыря во владѣніи уніатовъ. Въ позднѣйшее время съ южной стороны храма пристроена придѣльная церковь во имя апостола Іоанна Богослова. Подобно многимъ церквамъ Литвы, Благовѣщенскій храмъ имѣетъ четыре круглыя угловыя башни, что̀ вмѣстѣ съ общимъ характеромъ архитектуры представляетъ храмъ чрезвычайно красивымъ сооруженіемъ. Со всѣхъ его сторонъ, выше стѣнъ, выведены каменные фронтоны съ амбразурами. Кромѣ фронтоновъ и карнизовъ, наружныя стѣны храма не штукатурены.

Въ бытность въ Литвѣ и на Руси константинопольскаго патріарха Іереміи II, въ 1589 году, первосвятитель обличилъ супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобу въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и, лишивъ его сана, поставилъ на его мѣсто Иларіона Массальскаго, ревностнаго защитника православія отъ зарождавшихся тогда стремленій къ уніи. Когда же унія появилась, Благовѣщенскій монастырь, послѣ упорной борьбы архимандрита Иларіона съ Ипатіемъ Поцѣемъ, насильно былъ присвоенъ уніатами, причемъ архимандритъ Иларіонъ, за открытое провозглашеніе анаѳемы отступнику Поцѣю, былъ изгнанъ съ нѣсколькими иноками, оставшимися вѣрными православію, не только изъ монастыря, но и изъ предѣловъ Литовско-Польскаго королевства.

Введенію церковной уніи предшествовало, какъ извѣстно, совращеніе въ латинство почти всѣхъ литовско-русскихъ дворянъ и вельможъ. Исконно-православный родъ Ходкевичей не имѣлъ для себя въ этомъ отношеніи исключенія. Послѣдствіемъ этого было то, что Супрасльскій монастырь, не смотря на большія средства и названіе лавры, началъ приходить въ упадокъ сначала въ нравственномъ, а потомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Потомки основателя и фундатора обители отнимали у нея имущества, врывались въ монастырь съ компаніей окружающихъ ихъ, изгоняли монаховъ изъ келлій и по долгу живали въ монастырѣ. Жалобы иноковъ доходили до короля и

папы и только при участіи папскаго нунція монастырю были возвращены его права.

Лучшей характеристикой Супрасльскаго монастыря во времена уніи служитъ письмо кіевскаго митрополита Петра Могилы къ извѣстному отступнику отъ православія, бывшему ректору Кіевской академіи, Кассіану Саковичу.

«Посмотри,—пишетъ ревнитель православія,—на славный въ Литвѣ монастырь Супральскій! А нынѣ до чего онъ доведенъ? Гдѣ прежде, подъ управленіемъ православныхъ, было до ста или по крайней мѣрѣ до семидесяти человѣкъ братіи, тамъ нынѣ живетъ едва нѣсколько монаховъ, и что еще хуже, мірской господинъ обладаетъ церковнымъ богатствомъ и селами и чрезъ своихъ рабовъ выдаетъ инокамъ жалованье, какое захочетъ. Спроси только кого-нибудь въ томъ же монастырѣ, гдѣ тѣ дренія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами, и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, итальянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное».

Упрекъ, сдѣланный Петромъ Могилой въ отношеніи серебряныхъ ризъ, не можетъ быть однако отнесенъ всецѣло къ алчности уніатовъ. Въ 1794 г., базиліане отправили въ казну польскаго правительства, на военныя надобности, 2.000 золотыхъ деньгами и 82 фунта серебра, а въ томъ числѣ кресты, сосуды, подсвѣчники и оклады съ иконъ.

Значеніе Супрасльскаго монастыря нѣсколько возвысилось вслѣдствіе устройства въ немъ, въ концѣ XVII столѣтія, типографіи и бумажной при ней фабрики. Типографія печатала, главнымъ образомъ, уніатскія богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, расходившіяся въ огромномъ числѣ экземпляровъ, причемъ изъ станковъ ея выходили также и другія книги на латинскомъ и польскомъ языкахъ. По присоединеніи въ 1796 году Бѣлостокской области къ Пруссіи, Супрасльскую типографію начали притѣснять Бѣлостокскіе королевскіе типографы. Не выдержавъ конкурренціи съ послѣдними, Супрасльскіе базиліане вынуждены были продать типографскія принадлежности своимъ конкуррентамъ. Въ этомъ монастырѣ была резиденція супрасльскаго уніатскаго епископа, назначеннаго для отошедшихъ отъ Пруссіи уніатовъ.

Обладаніе Пруссіей Бѣлостокскою областію принесло Супрасльскому монастырю еще большія потери. Конфисковавъ монастырскія имѣнія въ казну, прусское правительство оказывало монастырю пособіе деньгами и дровами; но, по присоединеніи области къ Россіи, монастырю не удалось возвратить своихъ имѣній. При раздѣлѣ же Польши, Супрасльскій монастырь лишился двухъ приписныхъ монастырей: въ Варшавѣ, на Подвальной улицѣ, основаннаго въ 1781 году, и въ м. Кузницѣ, въ 23 верстахъ отъ Гродны, съ двумя при послѣднемъ имѣніями: Войновицы и Стерпѣйки.

*

При общемъ возсоединеніи въ 1839 году западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью, присоединенъ къ оной и Супрасльскій монастырь, которымъ тогда управлялъ архимандритъ Никодимъ Марциновскій. Въ 1842 году монастырь причисленъ ко второму классу. До 1853 года при немъ находилось 4-хъ классное училище, перенесенное въ этомъ году въ Гродну. Съ 1865 года при монастырѣ устроено на собственныя его средства народное училище.

Въ спискѣ супрасльскихъ архимандритовъ значатся имена митрополитовъ кіевскихъ, архіепископовъ и епископовъ владиміро-волынскихъ, брестскихъ и пинскихъ. Изъ нихъ многіе проживали въ Супрасли и, оканчивая свою жизнь, погребались въ монастырской усыпальницѣ—каменномъ склепѣ. Послѣдній архимандритъ изъ епископовъ Левъ Яворовскій, суффраганъ брестскій, скончался въ 1833 году. Въ Супраслѣ же скончался и погребенъ въ церковномъ склепѣ основатель обители А. И. Ходкевичъ. Въ стѣнахъ монастырской церкви нашелъ себѣ вѣчный покой также сенаторъ, тайный совѣтникъ, Игнатій Антоновичъ Тейсъ, принимавшій въ 1807 году жителей Бѣлостокской области въ русское подданство.

Въ Супрасльскомъ монастырѣ находятся слѣдующія святыни и достопримѣчательности:

1) Мѣстно-чтимая Супрасльская икона Божіей Матери Одигитріи, украшенная серебряной вызолоченной ризой, устроенной въ 1557 году; только эта риза, а также серебряный окладъ на образѣ Спасителя, уцѣлѣли отъ уніатскихъ временъ. (См. особый рисунокъ и описаніе).

2) Небольшая икона Божіей Матери, присланная въ монастырь чрезъ Іосифа Солтана княгинею Еленою Іоанновною, супругою великаго князя литовскаго Александра.

3) Крестъ съ частицею древа животворящаго креста Господня, сдѣланный въ 1510 году, при первомъ игуменѣ, Пафнутіи Сѣчень; вокругъ креста помѣщена славянская надпись: «Господней крестъ принесеся въ честь и славу Христу Богу архіепископомъ Іоною, епископами Іосифомъ, Вассіаномъ, Александромъ, княземъ Василіемъ и рабы Божіими: Стефаномъ, Сидоромъ, Симеономъ, Григоріемъ, Михаиломъ, Иваномъ, Іоною, Иваномъ, Тимоѳеемъ, Филиппомъ, Андреемъ, Акинѳомъ, Сисоемъ, Иконикомъ, Василіемъ, Пафнутіемъ игуменомъ. Общій крестъ Киновіи».

4) Кости св. мученика Іустина и иже съ нимъ, данныя въ 1750 г. монастырю папою при особой грамотѣ. Реликвіи эти хранятся скрытно между стѣной и кіотомъ Супрасльской иконы Божіей Матери.

5) Массивный иконостасъ въ 3 яруса съ гербами Ходкевичей и Солтановъ, высоко-художественной работы данцигскихъ мастеровъ.

Въ ризницѣ монастырской хранился посохъ, принадлежавшій св. Стефану, епископу пермскому. По распоряженію св. синода, посохъ этотъ переданъ въ 1849 году въ Пермскій каѳедральный соборъ.

Въ церковно-археологическомъ отношеніи особенною рѣдкостью Супрасльскаго Благовѣщенскаго собора должна быть признана фресковая живопись. Благодаря сообщенію художника В. В. Грязнова, обязательно доставившаго намъ замѣтку о своихъ изслѣдованіяхъ древнѣйшаго храма въ Супраслѣ, произведенныхъ въ 1866, 1886 и 1889 годахъ, мы имѣемъ возможность изложить судьбы драгоцѣнной иконописи этого храма.

За исключеніемъ купола и одного свода, вся внутренность собора была закрашена уніатами известью, а мѣстами заштукатурена. При развѣдкѣ купола и по снятіи со стѣнъ известковыхъ наслоеній, открылись фрески, несомнѣнно современныя постройкѣ храма, что доказывается и самымъ способомъ приготовленія штукатурки, нижній слой которой оказался смѣшаннымъ съ волокнистыми растеніями и соломой. Относясь къ первой половинѣ XVI вѣка, супрасльская фресковая живопись представляетъ собою образецъ лучшаго періода православной иконописи. Сводъ купола занимаетъ восьмиконечная звѣзда, въ срединѣ которой, на голубомъ фонѣ, усѣянномъ золотыми звѣздами, изображенъ благословляющій Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, а въ оконечностяхъ звѣзды помѣщены огненные херувимы; подъ этимъ изображеніемъ слѣдуетъ рядъ архангеловъ и серафимовъ, а подъ ними орнаменты; во второмъ ряду идутъ ветхозавѣтные цари и пророки, подъ ними орнаменты и славянскія надписи. Подъ куполомъ, въ парусахъ, изображены эмблемы евангелистовъ: ангелъ, телецъ, левъ и орелъ. Въ шестомъ ряду открыто три картины изъ жизни Спасителя, а въ седьмомъ—изъ жизни Божіей Матери и чудотворныя иконы (около хоръ и подъ ними). Въ восьмомъ и девятомъ рядахъ — святые, чтимые православною церковью. Внутренніе столбы храма также расписаны въ четыре яруса. Варварскія руки уніатовъ и латинянъ оставили слѣды кощунственнаго отношенія своего къ русской иконописи: вездѣ, гдѣ только можно достать рукой, фрески изцарапаны, сдѣланы на нихъ непозволительныя надписи на польскомъ и латинскомъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ картинахъ выколоты глаза или выковыренъ ротъ...

Въ 1887 году фрески, закрытые известью, отчищены сухимъ способомъ и варварскія поврежденія исправлены. Но при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленія сдѣланы не согласно со стилемъ древняго писанія. Къ возстановленію фресковой живописи, совершенно въ стилѣ первоначальнаго письма, приняты архіепископомъ литовскимъ, высокопреосвященнымъ Алексіемъ, надлежащія мѣры.

(*Упоминается на стр. 146, 194, 198, 272*).

77. Сурдегскій Свято-Духовскій монастырь, Вилькомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи.

(Стр. 183).

Среди сплошнаго католическаго населенія Жмуди, въ сѣверо-западной сторонѣ Вилькомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ 35 верстахъ отъ г. Поневѣжа, въ уединенной полянѣ, существуетъ древній православный монастырь, называемый Сурдегскимъ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ православія въ Литовскомъ краѣ, не поддавшійся уніи, не смотря на всѣ происки папистовъ.

Первый храмъ Сурдегскій былъ сооруженъ въ 1510 году православнымъ помѣщикомъ Богданомъ Шишъ-Ставецкимъ, а вслѣдъ затѣмъ другимъ помѣщикомъ, Александромъ Владыкой, была выстроена вторая церковь на мѣстѣ явленія иконы Божіей Матери (см. рисунокъ иконы и описаніе къ нему). Въ первой половинѣ XVII вѣка монастырь заново отстроенъ владѣлицею имѣнія Сурдегъ Анною Ставецкою, по мужу Городецкою-Билевичъ, которая выстроила здѣсь въ 1636 году каменную церковь и подчинила обитель Виленскому Свято-Духовскому монастырю. Основательница монастыря пожертвовала ему населенныя имѣнія. Попеченію ея и многимъ изъ членовъ фамиліи Ставецкихъ обитель обязана своимъ существованіемъ. Память о жертвователяхъ до сихъ поръ сохраняется въ народѣ, а портретъ основательницы обители и теперь помѣщается въ келліи настоятеля.

Святыня монастыря—чудотворная икона Божіей Матери—привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ паломниковъ и особенно въ день Успенія Богородицы. Главнѣйшими посѣтителями Сурдега являются рижскіе купцы, благотворящіе св. обители. На ихъ пожертвованія въ 1889 году обновленъ и украшенъ монастырскій храмъ. За всѣмъ тѣмъ древняя русская святыня, окруженная иновѣрнымъ населеніемъ, во многомъ еще нуждается для своего благоустройства и, не обладая никакими рѣшительно средствами, вынуждена обращаться съ воззваніями къ благотворителямъ.

(*Упоминается на стр. 152, 234 и 302*).

78. Виленскій Свято-Духовскій монастырь.

(Стр. 225).

Церковь св. Духа въ Вильнѣ, по преданію, основана великою княгинею Еленою Ивановною, супругою великаго князя литовскаго Александра. Представляется однако вѣроятнѣе отнести основаніе церкви къ болѣе позднему времени, именно къ концу XVI столѣтія, когда знаменитое Виленское Свято-Троицкое братство, тѣснимое уніатами въ пользованіи своею церковью, получило въ 1592 году разрѣшеніе отъ короля на постройку для себя новаго храма. Съ положительною достовѣрностью извѣстно, что въ 1597 году Свято-Духовская церковь уже строилась. Первоначально она была сооружена изъ

дерева и въ такомъ видѣ существовала до 1633 года. Но когда уніаты захватили всѣ православныя виленскія церкви, деревянная церковь св. Духа уже не могла вмѣщать въ себѣ множества православныхъ богомольцевъ, и граждане, общими силами, воздвигли въ 1640 году каменный храмъ. Въ 1749 году монастырь сгорѣлъ, и отъ каменнаго храма остались однѣ только стѣны. Впослѣдствіи онъ возстановленъ въ томъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ представляется нынѣ.

Когда уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй отнялъ въ 1609 году у православныхъ Свято-Троицкій монастырь, назначивъ его настоятелемъ Іосифа Вельямина-Рутскаго на мѣсто изгнаннаго архимандрита Самуила Сенчилы, братство окончательно присоединилось къ Свято-Духовской церкви съ своими училищемъ, богадѣльней и типографіей. Въ то же ли время или позднѣе образовался при этомъ храмѣ монастырь—свѣдѣній о томъ не имѣется; полагаютъ, что обитель учреждалась и организовалась постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Взамѣнъ того до насъ дошли извѣстія о неустанной дѣятельности братства. Это почтенное учрежденіе и съ переходомъ въ новое мѣсто вынуждено было вести сильную борьбу за свое существованіе съ митрополитомъ Поцѣемъ, который стремился лишить его всѣхъ правъ и перенести ихъ на уніатское братство, учрежденное при Троицкой церкви архимандритомъ Рутскимъ. То было время самаго сильнаго разгара уніатскаго фанатизма, не знавшаго въ своемъ проявленіи никакихъ предѣловъ. Церкви православныя отбирались уніатами одна за другой; непреклонные къ уніи подвергались разнымъ мученіямъ и заключенію въ тюрьмѣ; наносились оскорбленія даже тѣламъ усопшихъ православныхъ. Свято-Духовское братство въ эту пору жестокаго гоненія на православіе стояло на высотѣ своего призванія. Не ограничиваясь защитой православныхъ жителей г. Вильны, оно разсылало по всей Литвѣ грамоты съ оповѣщеніемъ о томъ, что происходило въ Вильнѣ, и съ призывомъ на помощь, и тѣмъ укрѣпляло и воодушевляло настроеніе людей, стоявшихъ за вѣру своихъ предковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены братства возбуждали вопросъ о претерпѣваемыхъ бѣдствіяхъ на сеймикахъ и перенесли его на сеймъ, гдѣ, по настоянію православныхъ, въ 1609 году состоялось постановленіе, дабы православные и уніаты жили мирно и не нарушали общественнаго спокойствія подъ опасеніемъ штрафа, и возникающія при этомъ дѣла разбиралъ и рѣшалъ уголовный судъ.

Затѣмъ братство устроило большое училище, для котораго настоятель монастыря Мелетій Смотрицкій составилъ первую славянскую грамматику. Вообще Свято-Духовское братство пользовалось среди православнаго міра огромною славою и служило средоточіемъ религіозной жизни всего края. Еще въ 1588 году Виленское Троицкое братство получило отъ константинопольскаго патріарха право ставропигіи, т. е. непосредственное подчиненіе патріарху и независимость отъ мѣстной іерархіи; право это было неоднократно утверждаемо польскими королями. Въ силу такого права, Свято-Духовскому

монастырю, основанному Троицкимъ братствомъ, подчинены были всѣ православныя обители въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, мужскія и женскія.

Удовлетворяя такимъ образомъ духовно-нравственнымъ потребностямъ гонимаго уніатами православнаго народа, Свято-Духовское братство озабочивалось также и возстановленіемъ высшей православной іерархіи въ краѣ. Воспользовавшись прибытіемъ въ 1620 году въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, братство избрало и отправило въ Кіевъ своего настоятеля Мелетія, который и былъ посвященъ на Полоцкую каѳедру. Происшедшія затѣмъ оживленіе въ средѣ православныхъ, ихъ радость, чаянія и ожиданія возродили въ уніатско-іезуитской партіи преслѣдованія твердыхъ въ русской вѣрѣ, а въ томъ числѣ и братчиковъ церкви св. Духа. Посыпались жестокія гоненія: братчики, занимавшіе городскія должности, были лишены своихъ мѣстъ и подверглись тюремному заключенію; на улицахъ хватали всѣхъ, кто только подозрѣвался въ приверженности православію; въ монастырскія зданія бросались камни и горящія полѣнья. И все это безуміе не прекращалось даже въ такіе дни, какъ страстная недѣля (1821 года), когда вспоминались страданія Христа Спасителя...

Года черезъ два гоненіе на Свято-Духовское братство снова возникло. На этотъ разъ братчики были заподозрѣны въ подстрекательствѣ будто-бы жителей г. Витебска къ убійству уніатскаго епископа Іосафата Кунцевича. Но братство не унывало и все болѣе и болѣе усиливало свою дѣятельность и въ протестаціи къ сейму отъ имени всѣхъ православныхъ съ твердостью заявило, что тогда только будетъ истреблена русская вѣра, когда не останется ни одного русскаго человѣка.

Послѣднюю свою дѣятельность на пользу православія братство выразило сочиненіями: «Synopis» или обозрѣніе правъ западно-русскаго православія и «Supplementum» или дополненіе къ «Sinopis-у». Сочиненія эти, приготовленныя для сейма по случаю избранія короля Владислава, послужили руководствомъ для присутствовавшихъ на сеймѣ православныхъ. О дальнѣйшей дѣятельности Свято-Духовскаго братства и самомъ его существованіи теряется всякій слѣдъ. На смѣну его являются новыя силы, средоточіемъ коихъ дѣлается Кіевъ. Въ Вильнѣ же замѣчается обратное теченіе дѣлъ, съ преобладающимъ латино-польскимъ вліяніемъ. Одна лишь Свято-Духовская обитель уцѣлѣла отъ захвата уніатовъ и сдѣлалась единственнымъ убѣжищемъ для незначительнаго числа православныхъ.

Одинъ изъ настоятелей Свято-Духовскаго монастыря, Ѳеофанъ Леонтовичъ, оставилъ память о себѣ, между прочимъ, тѣмъ, что когда въ польской республикѣ возникли гоненія на диссидентовъ и протестанты, тѣснимые поляками наравнѣ съ православными, призывали послѣднихъ къ покровительству польскаго короля, то Леонтовичъ стремился вселить въ умы своей паствы единую надежду, надежду на помощь Русскаго государства, а въ донесеніи св. синоду, ходатайствуя о защитѣ православныхъ, высказывалъ

мысль о своевременности присоединенія къ Русской имперіи Западнаго края, неправильно владѣемаго Польскою республикой. Изъ другихъ настоятелей знаменитой обители извѣстны: Мелетій Смотрицкій, краснорѣчивый апологетъ православія, увлекшійся впослѣдствіи льстивыми предложеніями перехода въ унію; Амвросій Юшкевичъ, извѣстный проповѣдникъ, занявшій потомъ архіепископскую каѳедру въ Новгородѣ, и др. Съ церковной каѳедры Св. Духовскаго монастыря проповѣдывалъ боговдохновенный витія Димитрій, прославившійся впослѣдствіи святитель ростовскій. Здѣсь же, въ стѣнахъ обители, имѣлъ временный пріютъ мужественный поборникъ обуреваемой церкви, архіепископъ могилевскій, Георгій Конисскій, когда отправлялся на сеймъ для того, чтобы поднять свой одинокій, но мощный голосъ въ защиту православія. Наконецъ обитель Св. Духа открыла врата свои для принятія мощей трехъ мучениковъ виленскихъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, возлегшихъ здѣсь сначала въ скромной пещерѣ, подъ спудомъ, въ простомъ дубовомъ гробѣ, а потомъ открыто, въ богатой ракѣ, установленной предъ царскими вратами пещерной церкви.

Высочайшимъ указомъ 19 мая 1796 г. Свято-Духовскій монастырь назначенъ второклассным; въ то же время, по распоряженію св. синода, игуменъ Даніилъ произведенъ въ санъ архимандрита. 19 мая 1833 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о возведеніи монастыря въ первоклассный, съ предоставленіемъ архимандриту его нѣкоторыхъ отличій при богослуженіи. Въ 1845 гому преосвященному литовскому и виленскому предоставлено быть священноархимандритомъ Виленскаго Св. Духова монастыря.

Съ возрожденіемъ въ краѣ русскихъ началъ, историческое братство Св. Духа, оказавшее незабвенныя услуги русской вѣрѣ и народности въ краѣ, возстановлено 6 августа 1865 г. и съ тѣхъ поръ благотворно продолжаетъ свою дѣятельность въ поддержаніи и украшеніи православныхъ церквей и развитіи духовнаго просвѣщенія среди мѣстнаго населенія. Въ 1868 году братство было осчастливлено высокимъ вниманіемъ Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора: въ этомъ году, 6 августа, въ общемъ собраніи братства, бывшій тогда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, П. Н. Батюшковъ предъявилъ собранію о милостивомъ соизволеніи Государя Александра Александровича на принятіе званія почетнаго члена Свято-Духовскаго братства; въ память этого событія братство установило при Молодечненской учительской семинаріи стипендію имени августѣйшаго своего члена и ассигновало изъ своихъ средствъ 1500 р. на обновленіе Троицкаго собора въ Вильнѣ, при коемъ въ XVI вѣкѣ возникло братство.

Къ монастырю Св. Духа причисленъ Борунскій монастырь, Ошмянскаго уѣзда, основанный уніатами въ 1692 году, но, по случаю ветхости зданій и уменьшенія монашествующихъ, закрытый въ 1874 году; въ видѣ отдѣленія монастыря Св. Духа, Борунская обитель возстановлена 2 января 1886 г. Въ

церкви ея находится мѣстно-чтимая Борунская икона Божіей Матери, византійской живописи.

(*Упоминается на стр. 194, 214—216, 232, 281, 287, 291, 301, 302 и 349*).

79. Древняя церковь Кутеинскаго мужскаго монастыря въ г. Оршѣ, Могилевской губерніи.

(Стр. 233).

Въ то время, когда въ русско-литовскихъ земляхъ поляки, въ видахъ подавленія православія и распространенія латинства, возводили костелы,—мѣстные ревнители православія, въ свою очередь, строили церкви и учреждали монастыри. Къ числу такихъ достойныхъ людей принадлежитъ Богданъ Стеткевичъ и жена его, рожденная Соломерецкая. Въ 1623 году они основали при г. Оршѣ, на р. Кутеинкѣ, мужской Богоявленскій монастырь.

Монастырь этотъ вначалѣ именовался ставропигіальною лаврою и имѣлъ многочисленное братство, школу и типографію. Служа разсадникомъ иноческаго общежитія въ Бѣлоруссіи, Кутеинскій монастырь былъ оплотомъ православія. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи онъ пріобрѣлъ въ бытность въ немъ игуменомъ Іоиля Труцевича. Этотъ ревнитель православія претерпѣвалъ гоненія отъ поляковъ за приверженность свою Москвѣ, вынудившія его, по предложенію патріарха Никона, оставить родину и поселиться въ Новгородскомъ Иверскомъ монастырѣ. Іоиль, покинувъ Кутеинскую обитель, взялъ съ собою монаховъ, все монастырское имущество и даже иконостасъ.

Древній деревянный храмъ Кутеинскаго монастыря, изображенный на нашемъ рисункѣ, освященъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою въ 1635 году. На стѣнахъ его притвора, устроеннаго шатромъ внутри церкви, хорошо сохранилась древняя живопись; заслуживаетъ вниманія и галлерея снаружи, возлѣ притвора, при входныхъ дверяхъ, называемая бабинцемъ; въ ней въ старину стояли роженицы и оглашенные.

Въ 1842 году Кутеинскій монастырь причисленъ къ Оршанскому Покровскому монастырю.

Основателю описываемой обители, Богдану Стеткевичу, вмѣстѣ съ матерью его, Анною, рожденною княжною Огинскою, принадлежитъ также сооруженіе въ 1631 году Оршанскаго женскаго монастыря въ честь Успенія пресвятой Богородицы. Эта обитель пользовалась вниманіемъ царя Алексѣя Михайловича, который, посѣтивъ ее въ 1656 году, отпускалъ на ея содержаніе ежегодно по 300 руб. и по 330 четвертей хлѣба; присылали также въ обитель дары императрица Елизавета Петровна, Александръ I и царевна Наталья Алексѣевна. Въ 1658 году, по повелѣнію Алексѣя Михайловича, Кутеинскія инокини были переведены въ Смоленскій Воскресенскій монастырь, а ихъ мѣсто заняли монахини изъ другихъ обителей.

Въ Кутеинскомъ женскомъ монастырѣ провела послѣдніе дни своей

жизни вдова генералъ-губернатора бѣлорусскаго, графа З. Г. Чернышева, графиня Анна Родіоновна, урожденная Вейдль, любимая фрейлина императрицы Екатерина II.

(*Упоминается на стр. 212, 216, 232—234, 236, 243 и 302*).

80. Витебскій Марковъ Свято-Троицкій монастырь.

(Стр. 237).

Въ двухъ верстахъ отъ г. Витебска, на правомъ берегу Двины, расположенъ мужской первоклассный монастырь во имя Св. Троицы. Съ самаго основанія своего онъ называется «Марковымъ» или «Марковскимъ» по имени основателя своего Марка. Когда былъ учрежденъ монастырь—свѣдѣній о томъ не сохранилось. Извѣстно лишь, что существованіе обители было нѣкогда прервано и вмѣсто нея здѣсь образовался приходъ, удержавшій за собою названіе Маркова. Когда появилась унія, а съ нею жестокія гоненія на православіе, ревнители восточнаго благочестія, князь Левъ-Самуилъ Богдановичъ Огинскій, съ своею супругою Софіею и панъ Севастіанъ Мирскій, возстановивъ Марковъ монастырь, построили въ немъ въ 1633 году деревянную церковь и монастырскія строенія, а въ 1638 году надѣлили его друмя населенными имѣніями. Первымъ настоятелемъ возстановленной обители былъ Елисѣй, присланный съ братіею кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой по просьбѣ возстановителей, которыми было поставлено для иноковъ условіе держать порядокъ общежитія по правиламъ св. Василія Великаго, избирать изъ своей среды игумена сообща съ основателями монастыря или ихъ потомками и съ шляхтою воеводства Витебскаго, а также и съ другими добрыми людьми древней религіи греческой, представляя избраннаго на утвержденіе митрополита, а если игуменъ измѣнитъ этой вѣрѣ и перейдетъ въ унію, то такой отступникъ будетъ отлученъ. Это условіе имѣло благотворныя послѣдствія. Въ 1751 и слѣдующемъ годахъ уніаты старались насильно завладѣть монастыремъ, но безуспѣшно: обитель до нашихъ временъ осталась вѣрною святому православію, сдѣлавшись рѣдкимъ въ краѣ хранилищемъ истинной вѣры, подобно Виленскому Свято-Духову монастырю и Яблочинскому Онуфріевскому монастырю (Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи). Твердость Маркова монастыря въ православіи была столь внушительна, что сынъ Льва-Самуила Огинскаго, князь Симеонъ-Карлъ, будучи уже совращенъ въ латинство, оказывалъ покровительство православной обители, именно: подтвердивъ въ 1687 году всѣ дарственныя записи своего отца, онъ на собственныя средства возвелъ монастырскія постройки взамѣнъ сгорѣвшихъ и построилъ храмъ св. Троицы, освященный въ 1691 году и сохранившійся по настоящее время.

Въ Марковомъ монастырѣ особеннымъ почитаніемъ пользуется икона Казанской Божіей Матери. По однимъ свѣдѣніямъ, икона эта пожертвована царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, а по другимъ появленіе иконы въ Мар-

ковомъ монастырѣ приписывается слѣдующему случаю. Московскій патріархъ Никонъ, возстановляя древнюю Полоцкую епархію послѣ занятія, въ 1654 году, русскими войсками Бѣлоруссіи, вызвалъ для сего въ 1656 году въ Москву игумена Маркова монастыря Каллиста Дороѳеевича Риторайскаго и сперва назначилъ его намѣстникомъ своимъ въ Полоцкой епархіи, а потомъ, въ 1657 году, посвятилъ въ санъ полоцкаго епископа. При этомъ случаѣ Никонъ, въ знакъ своего благоволенія къ Маркову монастырю, какъ оплоту православія въ Витебскомъ воеводствѣ, благословилъ обитель иконою Казанской Божіей Матери.

(*Упоминается на стр. 234, 235, 258, 280, 287 и 302*).

81 и 82. Виленская публичная библіотека и состоящій при ней музей древностей.

(Два рисунка на стр. 353 и 359).

Виленская публичная библіотека учреждена въ 1865 году. Основаніемъ ея послужили частныя книгохранилища, а именно библіотеки, принадлежавшія упраздненнымъ римско-католическимъ монастырямъ Сѣверо-Западнаго края, политическимъ преступникамъ, имущество которыхъ подверглось конфискаціи, и наконецъ бывшему Виленскому польскому музею древностей.

Публичная библіотека помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ Виленскому учебному округу, и расположена въ шестнадцати залахъ, названныхъ по буквамъ русскаго алфавита (отъ А до Р). Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе залъ А. Прежде онъ назывался «Aula» и служилъ мѣстомъ для торжественныхъ засѣданій бывшаго Виленскаго университета; послѣ въ немъ были размѣщены предметы древностей бывшаго музея; съ открытіемъ же публичной библіотеки залъ этотъ обращенъ въ читальную комнату, для чего въ немъ сдѣланы были необходимыя приспособленія и изящная обстановка съ фресковою живописью на потолкѣ въ древне-русскомъ вкусѣ, съ мебелью по художественнымъ рисункамъ, съ установкою портретовъ и бюстовъ русскихъ императоровъ, писателей, ученыхъ и т. п. Залъ этотъ воспроизведенъ на нашемъ рисункѣ.

Библіотека содержитъ въ себѣ въ настоящее время около 100.000 названій, состоящихъ приблизительно въ 200.000 томахъ.

Послѣ закрытія Виленскаго университета, отличавшагося польско-латинскимъ направленіемъ, Виленскій край лишился умственнаго центра. По инціативѣ митрополита литовскаго Іосифа, возникала мысль учрежденія въ Вильнѣ духовной академіи, былъ даже составленъ особою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя П. Н. Батюшкова, проэктъ основанія академіи; но предположеніе это остается до настоящаго времени не осуществленнымъ. При такихъ условіяхъ, Виленская публичная библіотека

является единственнымъ въ краѣ учрежденіемъ, способствующимъ самостоятельному умственному развитію.

При Виленской публичной библіотекѣ состоитъ музей древностей, одна изъ залъ котораго воспроизведена на страницахъ настоящаго изданія. Музей этотъ нѣкогда составлялъ самостоятельное учрежденіе, возникшее ранѣе публичной библіотеки, и, кромѣ древностей, совмѣщалъ въ себѣ небольшое собраніе книгъ. Образованный изъ предметовъ древностей и рѣдкостей, принадлежавшихъ графу Е. П. Тышкевичу, музей получилъ оффиціальное утвержденіе, въ смыслѣ общественнаго научнаго учрежденія, 25 апрѣля 1855 г. и, удостоившись одновременно съ тѣмъ быть принятымъ подъ покровительство государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича, былъ открытъ для публики 1-го января 1856 года. По уставу, утвержденному высочайшею властью, учрежденіе музея имѣло цѣлью сохраненіе памятниковъ древности, предоставленіе возможности пользоваться ими для изученія края и содѣйствіе объединенію послѣдняго съ остальными частями имперіи. Въ дѣйствительности же музей получилъ иной характеръ. Находясь въ управленіи лицъ польскаго происхожденія, музей обратился въ польскій демонстративный пантеонъ, подъ нейтральной кровлей котораго мѣстные патріоты стремились укрѣпить въ собраніи различныхъ памятниковъ за русской окраиной значеніе польскаго края. Съ этою цѣлью все, что напоминало польское владычество, было въ музеѣ тщательно подобрано и выставлено на-показъ. На видныхъ мѣстахъ были выставлены грамоты римскихъ папъ, портреты польскихъ королей, магнатовъ, бискуповъ, ксендзовъ, поэтовъ, эмигрантовъ и т. п., автографы и вещи нѣкоторыхъ изъ нихъ, часто сомнительной достовѣрности. Въ этомъ ряду польско-латинскихъ реликвій отсутствовали однако предметы, напоминющіе о русской старинѣ въ краѣ и мѣстныхъ русскихъ дѣятеляхъ, а если что-либо въ этомъ родѣ находилось въ музеѣ, то все это было размѣщено на заднемъ планѣ или совершенно скрыто. Такая польско-латинская преднамѣренная окраска Виленскаго музея обратила на себя вниманіе М. Н. Муравьева. По распоряженію главнаго начальника края, особо назначенная для того коммиссія сдѣлала строгій разборъ всѣхъ предметовъ, хранившихся въ музеѣ, и составила опись тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли польско-демонстративное значеніе. Коммисія встрѣчала немалыя противодѣйствія исполненію своихъ обязанностей со стороны польскихъ консерваторовъ музея, а подъ конецъ своей дѣятельности—даже со стороны новаго начальника края генерала Потапова; но тогдашній попечитель Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшковъ, стремясь къ завершенію преобразованія музея по мысли графа Муравьева, настоялъ, не смотря на противодѣйствія мѣстной администраціи, на исключеніи изъ музея предметовъ, признанныхъ коммиссіею неподлежащими храненію въ немъ, и сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ ихъ въ Московскій Румянцевскій музей, гдѣ они хранятся въ настоящее время.

Дальнѣйшее устройство музея на началахъ, отвѣчающихъ историческому значенію края, совершалось путемъ установленія завѣдыванія музеемъ на новыхъ условіяхъ и распредѣленія предметовъ его по отдѣламъ, при чемъ коллекціи были размѣщены въ новыхъ изящныхъ шкафахъ и витринахъ, исполненныхъ по рисункамъ художника В. В. Грязнова.

Общее количество предметовъ, хранящихся въ музеѣ древностей при Виленской публичной библіотекѣ, доходитъ до 12.000 экземпляровъ.

83. Александроневская часовня на Георгіевской площади въ г. Вильнѣ.

(Стр. 371).

Александроневская часовня сооружена въ 1865 году на добровольныя пожертвованія городскихъ обществъ Сѣверо-Западнаго края въ воспоминаніе доблестныхъ подвиговъ русскихъ воиновъ и для поминовенія тѣхъ изъ нихъ, которые пали на полѣ брани, защищая права Россіи и законнаго правительства противъ мятежа и крамолы.

Часовня представляетъ собою выдающееся архитектурное произведеніе русско-византійскаго стиля. Стѣны террасы, ступени и полъ сдѣланы изъ краснаго финляндскаго гранита, а рѣшетка на террасѣ отлита изъ цемента; цоколь же часовни вытесанъ изъ одного цѣльнаго камня мѣстнаго гранита и отполированъ. Колонны, карнизы и всѣ рельефные орнаменты какъ снаружи, такъ и внутри, вылиты изъ цемента. Стѣны нижняго яруса закрыты семью огромными изъ бѣлаго мрамора досками, съ вырѣзанными на нихъ именами русскихъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи мятежа. Надъ входомъ въ полукругѣ изображена барельефомъ изъ бѣлаго мрамора Казанская икона Божіей Матери. Во второмъ ярусѣ установлено восемь иконъ, писанныхъ и эмальированныхъ на лавѣ, взятой изъ Везувія. Въ маленькихъ верхнихъ аркахъ вставлены терракотты съ рельефными цвѣтными херувимами, попеременно съ крестами.

Шпилеобразная крыша облицована по желѣзнымъ стропиламъ мѣдными листами, а плоскость ея вычеканена шашками, изъ которыхъ одни вызолочены, другія оксидированы по серебру.

Входная створчатая дверь ажурная, на желѣзномъ основаніи, вычеканена изъ бронзы,—каждая половина изъ одного цѣльнаго листа, и оксидирована по серебру съ позолоченными крестиками и розетами.

Мраморный полъ часовни составленъ изъ георгіевскихъ цвѣтовъ, по рисунку византійскаго стиля, а панель изъ разноцвѣтнаго мрамора.

Наружность часовни покрашена въ два тона. Внутренность ея расписана восковыми красками подъ мозаику съ золотомъ и серебромъ, на подобіе средневѣковыхъ греческихъ храмовъ. Стекла въ окнахъ зеркальныя, во весь просвѣтъ окна, съ узорчатой шлифовкой по матовому полю. Внутри, въ нижнемъ ярусѣ, установлено семь иконъ, писанныхъ на цинкѣ; предъ ними

увѣшаны бронзовыя лампады, изображающія зданія старинныхъ церквей и башень.

Надъ входомъ, внутри часовни, помѣщена надпись:

«Извѣстихомся, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая возможетъ насъ разлучити отъ любве, яже о Христѣ Іисусѣ и Царѣ нашемъ» (Рим. VIII, 37—39).

Поверхъ арокъ, подъ карнизомъ, изображена рельефная надпись:

«Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго, Царя Польскаго, Великаго князя Финляндскаго и проч., и проч., и проч., по ходатайству его высокопревосходительства, Г. Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго, Минскаго Генералъ-Губернатора, Главнаго Начальника Витебской и Могилевской губерній Михаила Николаевича Муравьева, при Высокопреосвященномъ Іосифѣ, Митрополитѣ Литовскомъ и Виленскомъ, заложена часовня сія 22 октября 1863 года».

Подъ образомъ Спасителя, на бронзовой доскѣ, начертано:

«Сія часовня во имя св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго освящена августа 30 дня 1865 г., при Главномъ Начальникѣ Сѣверо-Западнаго края, Генералъ-Адъютантѣ Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ».

(*Упоминается на стр. 372*)

84. Георгіевская часовня на Виленскомъ кладбищѣ.

(Стр. 371).

При погребеніи на православномъ Виленскомъ кладбищѣ русскихъ воиновъ, павшихъ въ окрестностяхъ Вильны въ битвахъ съ польскими мятежниками, возникла мысль увѣковѣчить память погибшихъ устройствомъ на ихъ могилахъ часовни-памятника. На суммы, пожертвованныя государыней императрицей Маріей Александровной и ея августѣйшими дѣтьми, а также собранныя по подпискѣ, была устроена часовня, освященная 25 августа 1865 г. во имя св. Георгія.

Часовня сооружена академикомъ Чагинымъ, подъ руководствомъ профессора А. И. Рязанова. Она устроена на гранитномъ пьедесталѣ, въ византійскомъ стилѣ. На трехъ наружныхъ сторонахъ ея, среди колоннъ, вдѣланы большія мраморныя доски, на которыхъ увѣковѣчены имена павшихъ и здѣсь погребенныхъ русскихъ воиновъ. Внутри часовни помѣщена икона св. Георгія, писанная академикомъ Тихобразовымъ.

(*Упоминается на стр. 372*).

Г. Разныя гравюры.

85. Туровское рукописное евангеліе XI вѣка.

(Стр. 11).

Страница Туровскаго евангелія, какъ и остальные помѣщенные въ этомъ изданіи образцы древнихъ рукописей и старопечати, воспроизведена посредствомъ фотоцинкографіи.

Туровское евангеліе XI вѣка, хранящееся нынѣ въ Виленской публичной библіотекѣ, названо Туровскимъ по мѣсту открытія его въ Туровѣ, Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда. Найдено оно виленскимъ художникомъ В. В. Грязновымъ при слѣдующихъ условіяхъ. Осматривая Туровскую Преображенскую церковь вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ и чиновникомъ учебнаго вѣдомства, Соколовымъ, художникъ Грязновъ замѣтилъ среди церковнаго хлама большой деревянный ящикъ, наполненный угольями; заинтересовавшись имъ, Грязновъ высыпалъ уголья и нашелъ среди древнихъ рукописей старинную книгу, которая и оказалась евангеліемъ XI вѣка.

Какъ видно изъ двухъ записей князя К. И. Острожскаго, помѣщенныхъ на поляхъ евангелія, оно принадлежало въ началѣ XVI вѣка Туровской Преображенской церкви. Форматъ евангелія составляетъ 4 вершка въ ширину и менѣе 5 въ длину. Писано оно на плотномъ, лощеномъ пергаментѣ во всю страницу, по 18 строкъ на каждой. Цвѣтъ чернилъ—каштановый, а заголовки и прописныя начальныя буквы писаны киноварью съ синею и темно-зеленою раскраскою. Евангеліе это недѣльное (апракосъ) и сохранилось лишь въ отрывкѣ, состоящемъ изъ 10 листовъ или 20 страницъ. Отрывокъ начинается концемъ 89-й главы отъ Іоанна.

Научныя свѣдѣнія объ этой рукописи помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Туровское евангеліе одиннадцатаго вѣка. Редакція текста и объясненія П. Гильтебрандта», «Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ», записка Н. И. Соколова, и «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшкова, вып. VI.

Изъ Туровскаго евангелія позаимствована заставка для III главы настоящаго изданія.

(*Упоминается на стр. 22*).

86. Двинскіе камни князя Бориса Всеславича.

(Стр. 15).

Рисунки двинскихъ камней, воспроизведенныхъ въ нашей гравюрѣ, заимствованы: первый и третій—изъ «Памятниковъ старины Витебской губерніи», А. Сементовскаго, а второй—изъ «Живописной Россіи», М. Вольфа, т. III.

Съ древнѣйшихъ временъ установка камней въ видѣ памятниковъ производится въ честь какихъ либо выдающихся событій или въ память знаме-

нитыхъ людей. Несомнѣнно, что подобное значенiе имѣютъ и двинскiе камни, но какое именно каждый изъ нихъ—остается неизвѣстнымъ.

Камень, изображенный въ срединѣ рисунка, находится на р. Двинѣ, около 5 верстъ отъ г. Дисны, противъ деревень: по правую сторону Наковниковъ, а по лѣвую—Березовой. Гранитный валунъ сѣраго цвѣта имѣетъ длины $5^1/_2$ аршинъ, высоты $2^3/_4$ арш. и въ окружности около 6 сажень. На поверхности его высѣченъ крестъ, а по сторонамъ креста надпись: «Господи, помози рабу своему Борису». При очищенiи въ 1818 году фарватера отъ камней, посредствомъ разрыва ихъ порохомъ, борисовъ камень подвергся повреженiю, но, къ счастью, только въ верхней своей части.

Камень, изображенный внизу рисунка, находится въ двухъ верстахъ отъ предыдущаго, на разстоянiи 7 верстъ отъ г. Дисны, противъ дер. Болотки, почти на срединѣ русла рѣки. Онъ имѣетъ $3^1/_2$ аршина высоты, $5^1/_4$ арш. длины и около 8 сажень въ окружности. На плоской поверхности его изсѣченъ шестиконечный крестъ, по обѣимъ сторонамъ котораго сдѣлана надпись: «Господи, помози рабу своему Борису».

Представленный на верху рисунка камень лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лѣваго берега р. Двины, при впаденiи въ нее рѣчки Повянушки. Онъ имѣетъ красноватый цвѣтъ, а въ поперечникѣ составляетъ два аршина. На немъ высѣченъ четырехконечный крестъ. Надпись по бокамъ креста трудно поддается чтенiю и явственно видны лишь начало: «Госпо».. и конецъ надписи: «помо»...

Постановка всѣхъ этихъ камней приписывается полоцкому удѣльному князю Борису Всеславичу.

Въ окрестностяхъ города Дисны находится еще нѣсколько подобныхъ камней, одинъ изъ которыхъ хранится нынѣ въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ.

(Упоминается на стр. 27).

87. Камень князя Василiя (Рогвольда) Борисовича, въ Могилевской губ.

(Стр. 35).

Изображенiе камня воспроизведено съ литографированнаго рисунка Кеппена, приложеннаго къ «Ученымъ запискамъ Императорской академiи наукъ по первому и третьему отдѣленiямъ», т. III, вып. 1, изд. 1855 г. Изъ того же изданiя заимствуемъ и описанiе камня, пополняя его свѣдѣнiями изъ «Археологическаго Вѣстника» 1867 г. (iюль и августъ).

Полоцкiй князь Рогвольдъ Борисовичъ, въ св. крещенiи Василiй, въ 1151 году былъ свергнутъ полочанами съ престола и на мѣсто его былъ посаженъ минскiй князь Ростиславъ Глѣбовичъ, но въ 1158 году вновь овладѣлъ Полоцкомъ при содѣйствiи преданныхъ ему полочанъ и вспомогательной дружины, данной ему Святославомъ черниговскимъ. Неудачный походъ

на Минскъ въ 1159—1160 гг. снова лишилъ Рогвольда Полоцкаго удѣла, который былъ затѣмъ занятъ двоюроднымъ племянникомъ послѣдняго, Всеславомъ Васильковичемъ, и мѣстопребываніемъ Рогвольда сдѣлался городъ Друтскъ.

Сопоставляя эти свѣдѣнія съ надписью на камнѣ, оказывается, что онъ устроенъ въ то время, когда Рогвольдъ уже лишился Полоцкаго княжества.

Славянская надпись на камнѣ прочитана Карамзинымъ такъ:

«Въ лѣто 6679 (1171) маія въ 7 день доспѣнъ крстъ сій: Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи именемъ Рогвольду Борисову».

Камень находится въ 20 верстахъ отъ г. Орши, Могилевской губерніи, вправо отъ дороги, ведущей чрезъ мѣстечко Коханово въ Минскъ, въ полуверстѣ отъ дер. Дятловки. Камень имѣетъ видъ плиты черноватаго или бураго цвѣта. Крестъ и надпись на немъ изсѣчены широкими, глубоко выдолбленными чертами.

Въ 1805 году мѣстный ландвойтъ (староста), вмѣстѣ съ священникомъ Голошевской церкви, съ благословенія архіепископа могилевскаго и витебскаго Анастасія, построили надъ камнемъ небольшую деревянную церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба; но эта церковь, при нашествіи Наполеона въ 1812 году, подверглась разоренію. Впослѣдствіи подъ камнемъ образовалось пустое мѣсто, сдѣлавшееся пріютомъ для пастуховъ во время дождя; но съ теченіемъ времени пустота начала засыпаться, а камень углубляться въ землю; тогда подъ него подложили камни меньшей величины. Длина плиты четыре шага, а ширина три; темя его подымается на четыре вершка надъ поверхностью земли.

Мѣстное населеніе создало слѣдующую легенду о Рогвольдовомъ камнѣ.

Камень въ древности былъ на четырехъ ногахъ и имѣлъ голову, что въ совокупности дѣлало изъ него животнаго. Мельникъ, отрубивъ ему голову, обратилъ его въ жерновъ, который не только самъ перемолол ся въ песокъ, но также измололъ все состояніе и все семейство мельника.

Описываемый камень носитъ названіе Рогвольдова, Борисоглѣбскаго или Оршанскаго камня.

(Упоминается на стр. 32).

88. Мстижское рукописное евангеліе XIV вѣка.

(Стр. 107).

Мстижское евангеліе-апракосъ, открытое въ Минскѣ П. Н. Батюшковымъ и пожертвованное имъ въ Виленскую публичную библіотеку, писано уставомъ XIV вѣка на лощеномъ пергаментѣ, въ два столбца, по 24 строки въ каждомъ. Оно имѣетъ 179 листовъ или 358 страницъ. На лицевой сторонѣ есть нѣсколько записей, относящихся по почерку къ XVI вѣку; изъ нихъ можно прочесть только слѣдующее: «сие евангеліе наданье церкви великою

Юрья... пану Михайлу съ прiятельми на вѣчность... и нихто его не маеть ничимъ турбовати. Василей, панъ Менскiй, рукою властною, написалъ. Передо мною Курилою и передо мною пономаремъ, ему пану Михайлу Адамовичу ижъ ему подалъ на вѣки и дѣтемъ его властнымъ». На оборотѣ послѣдняго листа находится еще слѣдующая запись: «Зъ Менска Василiй Микитичъ Лахъ, бурмистръ мѣста Менскаго, до Мстижи до Юрья светого отдалъ до храма божьяго отдалъ». На поляхъ рукописи отмѣчены, позднѣйшимъ почеркомъ, зачала и имена святыхъ, съ показанiемъ евангелiй, читаемыхъ въ дни празднованiя ихъ

Рукопись сохранилась хорошо. Обращаютъ на себя внаманiе начальныя буквы, составленныя въ причудливыхъ и разнообразныхъ формахъ, изображаюшихъ птицъ, чудовищныхъ звѣрей, змѣиныхъ хвостовъ и т. п.

Изъ этого евангелiя воспроизведенъ въ VIII главѣ настоящаго изданiя иницiалъ Б.

(Упоминается на стр. 80).

89. Оршанское рукописное евангелiе XIV века.

(Стр. 111).

Оршанское рукописное евангелiе хранится въ музеѣ Церковно-археологическаго общества при Кiевской духовной академiи. въ который оно было пожертвовано протоiереемъ Кiево-Софiйскаго собора П. Г. Лебединцевымъ. По объясненiю жертвователя, эта древняя рукопись принадлежала одному изъ православныхъ монастырей г. Орши и въ числѣ другихъ церковныхъ вещей и бумагъ была выброшена французами въ отечественную войну 1812 года.

Евангелiе имѣетъ форматъ большой четвертки въ 6 верш. длины и около $4^1/_2$ ширины. Изъ древняго переплета сохранилась только одна задняя дубовая доска съ тремя круглыми подставками по угламъ, показывающими, что евангелiе употреблялось въ церкви при богослуженiи. Евангелiе писано на пергаментѣ, разлинованномъ чѣмъ-то острымъ. Письмо рукописи уставное, въ два столбца, по 28 строкъ въ каждомъ. Структура буквъ правильная и только частiю въ срединѣ и предъ концемъ рукописи замѣчается небрежность письма. Чернила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранили свой цвѣтъ, а въ другихъ отъ древности пожелтѣли. Рукопись составлена изъ тетрадей, по 8 четвертокъ въ каждой. Но ни счета этимъ тетрадямъ, ни номерацiи страницъ нѣтъ. Листы переномерованы уже съ поступленiемъ рукописи въ музей. Рукопись украшена двумя заставками: большой—предъ чтенiемъ евангелiй отъ Матѳея и малой—предъ евангелiями отъ Марка. Обѣ заставки писаны киноварью и въ орнаментацiи имѣютъ различiе между собою. Заглавныя буквы. писанныя также киноварью, иногда разрисованы изображенiемъ различныхъ животныхъ, птицъ, звѣрей и змѣй, а въ двухъ мѣстахъ фигурою человѣка.

 *

Киноварью же обозначены дни, недѣли и названіе евангелія предъ каждымъ евангельскимъ чтеніемъ. Предъ нѣкоторыми евангельскими чтеніями указанъ гласъ, въ большинствѣ случаевъ синими чернилами, отъ времени поистершимися; въ другихъ мѣстахъ — красными и черными, тоже нѣсколько пожелтѣвшими.

При евангеліяхъ отъ Матөея и Луки въ книгѣ уцѣлѣли изображенія евангелистовъ, писанныя красками, мѣстами покрытыми золотомъ. Оба изображенія написаны почти одинаково. Евангелисты сидятъ на стулѣ, похожемъ на табуретъ, и пишутъ на пергаментѣ; предъ ними столъ съ письменными принадлежностями; отъ стола идетъ кверху подставка съ лежащимъ на немъ раскрытымъ евангеліемъ.

Рукопись—не полная: въ ней нѣтъ ни начала, ни конца. Начинается она словами евангелія, чатаемаго въ субботу 7 недѣли по пасхѣ, а оканчивается словами 8-го утренняго воскреснаго. Поэтому рукопись составляетъ такъ называемое недѣльное евангеліе, апракосъ. За недѣльными евангеліями въ рукописи помѣщенъ мѣсяцесловъ. Здѣсь встрѣчаемъ евангельскія чтенія на нѣкоторые праздники Господни, Богородичны и дни нѣкоторыхъ святыхъ. За мѣсяцесловомъ слѣдуютъ утреннія евангельскія чтенія.

Подробное описаніе рукописнаго евангелія Оршанскаго сдѣлано П. Пылаевымъ. (См. «Труды Кіевской духовной академіи», декабрь, 1876 г.).

Кромѣ точнаго воспроизведенія, посредствомъ фотоцинкографіи, одной страницы Оршанскаго евангелія, въ настояшемъ изданіи воспроизведенъ изъ этой рукописи иниціалъ В въ началѣ главы І-й.

(Упоминается на стр. 80).

90. Западно-русская рукописная четья 1489 года.

(Стр. 161).

Страница рукописной четьи 1489 года воспроизведена съ оригинала посредствомъ фотоцинкографіи.

Рукопись эта найдена въ Сѣдлецкой губерніи и въ настоящее время находится въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи.

Книга раздѣляется на двѣ части: собственно четью, занимающую 287 листовъ, и поученія Іоанна Златоуста, которыя обрываются на 375 листѣ. Наша гравюра изображаетъ страницу 286 листа, писанную киноварью и составляющую какъ бы введеніе переписчика. Изъ этого введенія узнаемъ, что рукопись писана въ 1489 году въ г. Каменцѣ, при королѣ Андреѣ, поповичемъ Берескою изъ Новгородка-Литовскаго, сыномъ попа литовоцкаго. О какомъ королѣ Андреѣ говоритъ писецъ — неизвѣстно, такъ какъ съ этимъ именемъ не было въ Литвѣ короля. Подъ названіемъ же Каменца

очевидно слѣдуетъ разумѣть бывшій городъ Каменецъ, находящійся нынѣ въ Гродненской губерніи.

Рукопись писана уставомъ въ два столбца. Въ бумагѣ замѣчаются водяные знаки бычачьей головы съ крестомъ между рогами, вокругъ которыхъ обвивается змѣя; въ другихъ листахъ между рогами вмѣсто креста черта, оканчивающаяся цвѣткомъ. Переплетъ книги позднѣйшаго времени, приблизительно конца XVII вѣка.

Значеніе рукописи состоитъ не столько въ содержаніи ея, сколько въ языкѣ, въ которомъ замѣчаются мѣстныя особенности того времени. Среди значительнаго количества словъ древне-русскихъ находятся исключительно мѣстныя, большая часть которыхъ еще до сихъ поръ сохранилась въ юго-западной Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются и слова изъ бѣлорусскаго нарѣчія.

Первая половина рукописи написана гораздо тщательнѣе сравнительно со второй, въ которой встрѣчается больше описокъ, поправокъ и помарокъ.

Интересующіеся древне-русскою письменностію встрѣтятъ подробное описаніе четьи 1489 г. и свѣдѣнія объ ней въ статьяхъ Н. И. Петрова и М. Карпинскаго, помѣщенныхъ въ «Филологическомъ Вѣстникѣ» 1881 г., кн. III, и 1889 г., т. XXI.

(Упоминается на стр. 134).

91. Супрасльскій помянникъ или синодикъ.

(Стр. 179).

Супрасльскій помянникъ или синодикъ, страница котораго воспроизведена въ настоящемъ изданіи посредствомъ фотоцинкографіи, составляетъ копію съ подлиннаго пергаменнаго помянника, хранящагося въ Супрасльскомъ монастырѣ. Копія эта имѣетъ извѣстное научное значеніе и въ особенности для изысканій генеологическихъ, такъ какъ она писана въ 1631 году, и въ ней при именахъ поминаемыхъ лицъ выставлены фамиліи и годы. Копія эта, въ которую записываніе поминаемыхъ продолжалось до половины настоящаго столѣтія, оказывается даже полнѣе своего оригинала, въ которомъ записываніе окончилось 1630 годомъ.

Рукопись имѣетъ слѣдующее пространное заглавіе:

«Суботнікъ или поминникъ. Въ нем же оуписшася и уписуются дⷲя бл҃говѣрныхъ хрстіян, хотящем спснія дⷲам своимъ, и помощи въ страшны и великій ден грознаго и трепетнаго суда Христова. Съчиненоже бысть и оузаконено поминаніе сіе въ ст҃ей обители сей чрезъ бл҃аговѣрнаг мужа, и прпдбнаго отца сщ҃нно игоумена Пафноутия. перваго строителя, и предстателя сея ст҃ыя обители Супряслъскія. под лѣты еже отъ начал бытіа миру ҂з҃ѝго (1500). индикта, г҃ го: Нн҃ѣшнимж времены за ветхость лѣтъ поновлено бысть сие поминание. за стараньемъ пречснаго гⷣна отца Герасима Великонтія архимандрита, и всѣхъ еже о Христе отецъ и братіи общіи промышлениемъ,

прилѣжнымъ же тщаніем в'художствѣ рукописания, недостойным въ сщ҃нно иноцехъ многогрѣшным Стефаномъ Кохеневичъ изобразися. въ пресловуще ст҃ѣй обители Супраслстѣй. в лѣто отъ начла миру ҂ЗРЛѲ (7139) отъ воплощеніяж Бг҃а Слова, ҂АХЛА (1631) индикта ДІ мсца августа, въ четверты дн҃ь».

Это заглавіе помѣщено на 6 листѣ; первые 3 листа заняты наклеенными вырѣзками изъ печатной уніатской панихидной службы, а на листахъ 4 и 5 написана заупокойная ектенія.

Съ 8-го листа начинается предисловіе, въ которомъ изложены историческія свѣдѣнія объ основаніи Супрасльскаго монастыря и сооруженіи въ немъ церквей.

Листы 10 и 11 содержатъ въ себѣ предисловіе настоятеля Пафнотія къ помяннику «братства нашего сея честныя новоцвѣтущія лавры» съ наставленіемъ поминать во здравіи и за упокой ежедневно «мольбою и просфурою», въ субботы «мольбою и кутіею и просфурою» и въ понафидѣ трижды годъ до года», и здѣсь добавлено: «Кто сій оуставъ разроушитъ или тайно кто кого оупишетъ, да буди тому часть съ Іюдою и съ подобными ег».

Слѣдующіе листы заключаютъ въ себѣ стихиры, наставленіе когда служить литію, общее поминаніе царей, князей, патріарховъ, архіепископовъ, епископовъ, священниковъ, иноковъ, діаконовъ и всѣхъ христіанъ. Самый текстъ помянника начинается съ 17-го листа, именно съ кіевскихъ митрополитовъ и пастырей всея Руси. Первымъ записанъ Михаилъ 1000 року, а послѣднимъ Іосафатъ Булгакъ 1838 г. Затѣмъ слѣдуютъ списковы смоленскіе и волынскіе, архимандриты, иноки и вся братія Супрасльскаго монастыря. На 29 листѣ вписаны Ходкевичи, ктиторы монастыря, и изъ нихъ послѣднею показана графиня Людовика Ходкевичевая изъ Ржевускихъ († въ 1816 г.); за ними идутъ «Панны законныя монастыря Виленскаго св. Троицы и Пинскаго св. Варвары», потомъ—«Роды христіанскіе отъ различныхъ странъ вписавшіеся въ книги сія общія». Между 38 и 39 листами вклеенъ клочекъ бумаги съ слѣдующею надписью: «Род з Торопца мѣста з Москъвы благороднаг Матѳея Іоановича написавшаго и надавшаго въ монастыр Супрасльскій книгу великую рекомую Десятоглав. В лѣтъ отъ (озданія миру ҂ЗЕІ 7015) року Гдн҃я ҂АФЗ (1507) г». Наконецъ, съ 46 л. записываются слуги и челядь монастырская, съ обозначеніемъ при каждомъ имени должности или рода занятій. Далѣе слѣдуютъ дарственныя записи и пожертвованія, ектенія о усопшихъ и стихиры. Заканчивается помянникъ 150-мъ листомъ, на которомъ, равно на внутренней сторонѣ нижней доски, наклеены вырѣзки изъ печатнаго уніатскаго служебника.

Въ исторической литературѣ давно уже сознается недостатокъ возможно полнаго перечня именъ западно-русскихъ дворянъ, измѣнившихъ православію, потомки которыхъ считаютъ теперь себя коренными поляками и римско-католиками. Супрасльскій синодикъ можетъ служить однимъ изъ

важныхъ матеріаловъ для составленія такого перечня, по крайней мѣрѣ въ той части своей, которая доходитъ до времени перехода Супрасльскаго монастыря къ уніатамъ, когда въ рукопись начинаютъ вноситься имена, употребляемыя въ латинской церкви.

92. Виленское изданіе апостольскихъ посланій 1525 года. Выходной листъ.

(Стр. 195).

Уроженецъ г. Полоцка, докторъ медицины Францискъ Скорина, усердно занимался переводами священныхъ книгъ православной церкви на литовско-русскій языкъ. Въ 1517—1519 г. онъ напечаталъ въ Прагѣ ветхій завѣтъ, а въ 1525 году издалъ въ Вильнѣ апостольскія посланія съ собственными предисловіями и послѣсловіями. Затѣмъ онъ перевелъ и издалъ въ Вильнѣ въ томъ же году часословъ, 7 каноновъ, 8 акаѳистовъ, святцы и пасхалію.

Образцомъ этихъ изданій служитъ приведенный нами выходной листъ апостольскихъ посланій, на первой страницѣ которыхъ помѣщены сдѣдующія строки: «Починается книга деяния и посълания апостольская зовемая апостолъ, з Божию помочью справълена докторомъ Франъцискомъ Скориною с Полоцька».

(Упоминается на стр. 156).

93 и 94. Виленское евангеліе 1575 г.

(Два рисунка на стр. 200 и 201).

Полвѣка спустя послѣ появленія въ свѣтъ виленскихъ церковныхъ изданій доктора Франциска Скорины, въ Вильнѣ была открыта, по порученію братьевъ Кузьмы и Луки Мамоничей, Петромъ Тимоѳеевичемъ Мстиславцемъ русская типографія. Мстиславецъ былъ сотрудникомъ московскаго знаменитаго первопечатника, діакона Ивана Ѳедорова, и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ ими была открыта типографія въ имѣніи гетмана Григорія Александровича Ходкевича, Заблудовѣ. Отпечатавъ здѣсь евангеліе учительное и псалтирь, русскіе типографы, по случаю болѣзни и старости своего покровителя Ходкевича, вынуждены быки искать новыхъ мѣстъ для продолженія своихъ трудовъ. Ѳедоровъ отправился во Львовъ, а Мстиславецъ прибылъ въ Вильну и, открывъ типографію, тотчасъ же приступилъ къ печатанію евангелія. Тисненіе начато 14 мая 1574 г. и окончено 30 марта 1575 г.

Евангеліе расположено по евангелистамъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ свое изображеніе. Въ концѣ книги помѣщено обширное послѣсловіе, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующія строки:

«И начахъ сію святую книгу, 4 благовѣстіе, Матѳеа, Марка, Луку, Іоана, печатати въ лѣто 7082 въ преславущемъ градѣ Вилнѣ, мѣсяца Маія въ 14, на память святаго мученика Исидора, при державѣ господаря нашего милостиваго, Гендрика, Божіею милостію короля польскаго и великаго князя литовскаго, и при преосвященномъ архіепископѣ нашемъ Іонѣ, митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ и всеа Русіи; умышленіемъ и промышленіемъ его милости пана скарбнаго, старосты упицкаго, Ивана Семеновича Зарецкаго, и брата его пана Зенова бурмистра мѣста Виленскаго»...

(Упоминается на стр. 169).

95. Литовскій статутъ.

(Стр. 203).

Литовскимъ Статутомъ называется сборникъ западно-русскихъ законовъ и привиллегій. Составленіе его относятъ къ 1526 году, но обязательную силу онъ получилъ съ 1 января 1530 г. По распоряженію Сигизмунда-Августа, Статутъ былъ дополненъ особо назначенною для того коммисіею и въ такомъ видѣ былъ утвержденъ королемъ въ 1564 году. Ни первая, ни вторая редакція Статута не были напечатаны. По приказанію короля Стефана Баторія, въ Статутѣ было введено 10 статей. Послѣ новаго дополненія, при учрежденіи Литовскаго трибунала, Статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ III 23 января 1588 г. и впервые напечатанъ на русскомъ языкѣ въ виленской типографіи Мамоничей. Это законоположеніе имѣло въ Бѣлоруссіи и Литвѣ обязательную силу до 2 сентября 1840 г.

Статутъ былъ переведенъ на польскій языкъ. Онъ издавался неоднократно: въ Варшавѣ—въ 1648 году, въ Вильнѣ—въ 1698 и 1744 г. и въ Петербургѣ (на русскомъ и польскомъ языкахъ)—въ 1811 году.

Приведенныя нами строки Статута заимствованы изъ экземпляра изданія 1588 года; въ нихъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: «А писаръ земъскій маеть порускy литерами и словы рускими вси листы выписы и позы писати, а не иншимъ езыкомъ и словы». Замѣчательно, что эти слова сохранены и въ польскомъ переводѣ безъ измѣненія.

Экземпляръ, изъ котораго взяты эти строки, пожертвованъ Виленскому музею древностей литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ при слѣдующемъ замѣчательномъ письмѣ на имя бывшаго президента музея, графа Е. П. Тышкевича, отъ 19 апрѣля 1856 года.

«Узнавъ, что въ новооткрытомъ музеумѣ литовскихъ древностей нѣтъ Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, пріятнымъ долгомъ считаю препроводить при семъ для библіотеки музеума древній печатный экземпляръ сего Статута, оказавшійся ненужнымъ къ библіотекѣ Березвецкаго монастыря, въ такомъ видѣ, какъ мною полученъ, то-есть безъ заглавнаго листа и оканчивающійся на 439-ой страницѣ. Ученымъ сотрудникамъ вашего сіятельства

извѣстно, что Литовскій Статутъ составленъ первоначально и былъ въ употребленіи на языкѣ русскомъ, пока въ послѣдствіи не сдѣлано перевода на польскій языкъ,—и препровождаемое мною изданіе есть драгоцѣнный памятникъ во многихъ отношеніяхъ. Оно напоминаетъ дѣлателямъ музеума, что государство Литовское въ періодъ самаго сильнаго своего могущества состояло изъ девяти десятыхъ частей русскаго народа и по числу и по пространству населенія; что русскій языкъ былъ въ семъ государствѣ языкомъ правительственнымъ до новѣйшихъ временъ, и что образованность русскихъ и исповѣдуемая ими вѣра христіанская—первая подѣйствовала на просвѣщеніе и смягченіе нравовъ литовскаго народа. Послѣ сего дѣлатели музеума не удивятся, если въ собраніи драгоцѣнныхъ памятниковъ онаго найдутъ столько соприкосновенности съ русскими памятниками, если памятники сіи будутъ для нихъ отражаться и въ нынѣшнемъ бытѣ здѣшняго народа, и если увидятъ, что народъ этотъ чувствуетъ еще и теперь въ жилахъ своихъ русскую кровь и помнитъ завѣтъ отцовъ своихъ».

Польскіе консерваторы музея отнеслись однако и къ письму знаменитаго іерарха и къ его дару съ свойственными имъ неблагоразуміемъ и недоброжелательствомъ. Сдѣлавъ изъ Виленскаго музея хранилище польскихъ древностей и размѣстивъ на первомъ планѣ предметы, напоминающіе временное владычество Польши въ краѣ, консерваторы запрятали все то, что относилось къ русской старинѣ и русскимъ дѣятелямъ. Когда, по распоряженію начальника края М. Н. Муравьева, была назначена коммиссія изъ русскихъ ученыхъ для разбора древностей музея и преобразованія его на русскихъ началахъ, то коммиссія нашла даръ митрополита Іосифа скрытымъ, а знаменитое письмо его, также запрятанное, вовсе не отмѣченнымъ въ протоколахъ, гдѣ записывалось каждое приношеніе музею.

(Упоминается на стр. 160, 162, 174, 176).

96. Гробница Софіи Юрьевны Олельковны, по мужу Радивилъ.

(Стр. 217).

Въ тяжелое для западно-русской православной церкви время гоненія со стороны папизма почти всѣ литовско-русскіе князья и дворяне іезуитскими происками и лестью и стѣснительными мѣрами фанатическаго польскаго правительства были совращены въ римско-католическую вѣру. Въ числѣ отступившихъ такимъ образомъ отъ православія мы встрѣчаемъ и Олельковичей изъ рода князей Слуцкихъ, ревностныхъ защитниковъ и оберегателей православной церкви. Совращенію въ латинство этотъ знаменитый родъ подвергся въ лицѣ Ивана-Симеона и Александра, сыновей Юрія Юрьевича Олельковича. Третій его сынъ, Юрій, остался вѣрнымъ православію до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1578 году. Твердости его въ

вѣрѣ предковъ послѣдовала и дочь его, Софія Юрьевна, родившаяся отъ брака съ Екатериною Кишчанкою.

Оставшись послѣднею наслѣдницею князей Слуцкихъ, Софія Юрьевна, обладательница двухъ княжествъ—Слуцкаго и Копыльскаго, находилась въ домѣ своего дяди Іеронима Ходкевича. Какъ выгодная невѣста, она была сосватана виленскимъ воеводою Христофоромъ Радивиломъ за сына его Януша; но, до наступленія дня бракосочетанія, произошла ссора между Ходкевичемъ и Радивилами. Дѣло доходило до суда и грозило открытой войной между представителями этихъ двухъ знаменитыхъ родовъ. Всѣ военныя приготовленія были на-готовѣ у обѣихъ сторонъ. Благодаря однако друзьямъ и внушеніямъ литовскихъ сенаторовъ, враги примирились, и, на радость Януша Радивила, бракъ состоялся.

Софія Юрьевна осталась вѣрною православію. Она скончалась при рожденіи ея дочери, умершей вмѣстѣ съ матерью въ 1612 году. Какъ бы за твердость въ вѣрѣ и въ назиданіе ея сородичамъ, измѣнившимъ вѣрѣ предковъ, тѣло Софіи остается до настоящаго времени нетлѣннымъ, находясь въ Слуцкомъ Троицкомъ монастырѣ. Для снятія фотографіи съ цѣлью воспроизведенія рисунка въ настоящемъ изданіи, гробница была вынута изъ саркофага и открыта. Содѣйствіемъ въ этомъ издатель обязанъ любезному вниманію минскаго губернатора, князя Н. Н. Трубецкаго.

Надъ гробницей Софіи Юрьевны находится слѣдующая надпись:

«1612 г., марта 19, представися благовѣрная Софія, княжна Слуцкая Олельковна Юревичевна, Ольгердово племя, положена бысть въ Слуцку, въ монастыру святое живоначальное Троицы».

97. Письмо св. Димитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, къ М. Г. Грохольскому.

(Стр. 269).

Подлинникъ письма св. Димитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, адресованнаго на имя Михаила Григорьевича Грохольскаго, хранится въ ризницѣ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря.

Этотъ замѣчательный автографъ, воспроизведенный въ нашей гравюрѣ съ полною точностію, содержитъ въ себѣ слѣдующія строки:

«Его милости пану Михаилу Григорьевичу Божіе благословеніе! Во знаменіе моего благодарствія за книжицу, отъ милости твоей дарствованную мнѣ, послахъ труда нашего худоумнаго часть первую, яже противу раскольщиковъ. Благоволи милость твоя мало сіе отъ насъ приняти и, егда случится лишнее время, читать вмѣсто рекреаціи. Милости твоей всего добра желающій смиренный ар-

хиерей Димитрий». На письмѣ сдѣлана помѣта «8 — bris 20. Anno 1709».

Письмо это было хромолитографически воспроизведено въ VI выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ».

98. Современное аллегорическое изображеніе раздѣла Польши.

(Стр. 289).

Аллегорическое изображеніе раздѣла Польши воспроизведено съ гравюры того времени.

Передъ царственно возсѣдающей Екатериной Великой стоитъ король польскій Станиславъ-Августъ, снимающій съ себя корону для того, чтобы вручить ее русской императрицѣ, а лѣвой рукой указывающій на карту Польши. Рядомъ съ развѣнчивающимъ себя королемъ стоитъ Іосифъ II, императоръ австрійскій, съ лицомъ, обращеннымъ къ стоящему рядомъ съ нимъ прусскому королю Фридриху II. Іосифъ и Фридрихъ, также указывая на карту, очевидно заняты разговоромъ о границахъ раздѣляемаго государства. Раздѣлъ по картинѣ несомнѣнно уже произошелъ, такъ какъ у ногъ императрицы лежатъ лавровые вѣнки и фактъ раздѣла провозглашается трубнымъ звукомъ.

По вступленіи на престолъ Екатерины II, вліяніе Россіи на Польшу усилилось до такой степени, что польскій престолъ находился въ распоряженіи русской императрицы. Такое положеніе было естественнымъ послѣдствіемъ неурядицъ, царившихъ въ Польшѣ, и нетерпимаго отношенія польскаго духовенства и правительства къ диссидентамъ. Существовавшіе въ Польшѣ порядки оказывались вредными для нея самой и для сосѣднихъ державъ. Единственнымъ средствомъ улучшенія положенія вещей оставался раздѣлъ неспокойнаго и фанатичнаго государства. Сначала Екатерина, въ союзѣ съ прусскимъ королемъ, потребовала отъ Польши уравненія правъ диссидентовъ съ католиками; требованіе это вызвало возраженіе со стороны сейма и латинскаго духовенства; но вскорѣ была назначена особая коммиссія для исполненія желанія русской императрицы, а въ 1768 г. состоялся между Россіею и Польшею такъ называемый трактатъ или договоръ о диссидентахъ, по которому Польша обязалась уважать права послѣднихъ и не преслѣдовать православныхъ. Не смотря однако на это обязательство, въ Польшѣ образовалась барская конфедерація въ защиту будто бы вѣры и свободы. Участниковъ конфедераціи варшавскій сенатъ призналъ нарушителями порядка и обратился къ русской императрицѣ съ просьбою объ умиротвореніи государства. Екатерина послала свои войска въ Польшу, но король и дворянство оказались на сторонѣ конфедератовъ. Тогда Россія, по соглашенію съ Пруссіей, произвела, 18 сентября 1773 г., первый раздѣлъ Польши и при этомъ присоединила къ себѣ Бѣлоруссію съ 1.800,000

населенія, именно воеводства Мстиславское, Могилевское, часть Полоцкаго съ Инфлянтами и часть Минскаго. Это отразилось удручающимъ образомъ на полякахъ, которые, усиливаясь спасти свое государство, задумали произвести въ немъ переворотъ введеніемъ, 3 мая 1791 г., конституціи съ наслѣдственной монархіей. Сосѣднія государства—Россія, Пруссія и Австрія отказались признать этотъ образъ правленія и, въ видахъ сохраненія общей безопасности, вынуждены были ограничить предѣлы Польской республики. 11 іюля 1793 г. сеймъ подписалъ актъ втораго раздѣла Польши, доставившаго Россіи Волынь, Подолію и часть Литвы съ 3 милліонами населенія. Тогда остальная часть Польши выступила, въ 1794 году, съ оружіемъ противъ Россіи подъ предводительствомъ Костюшки, но русскія войска, съ знаменитымъ Суворовымъ-Рымникскимъ, разбили поляковъ, и Польша окончательно утратила свою самостоятельность: въ октябрѣ 1795 года былъ произведенъ третій и послѣдній раздѣлъ, по которому Россіи достались остальная часть Литвы, часть Великопольши и Курляндія. Этотъ раздѣлъ сопровождался отреченіемъ отъ престола послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго, который потомъ, спустя три года, скончался въ Петербургѣ.

Пріобрѣтеніе Россіей Бѣлоруссіи и Литвы имѣло столь же важное значеніе, какъ и предшествовавшее тому присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. Въ тѣхъ и другихъ областяхъ нетерпимая аристократическая Польша въ одинаковой степени угнетала православіе и русскую народность. Поэтому, какъ ни рѣзки были сужденія о дѣйствіяхъ Россіи, Пруссіи и Австріи относительно раздѣла Польши, отвѣтственность за печальную судьбу этого государства должна лежать всецѣло на немъ самомъ.

99 и 100. Медаль въ память возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

(Стр. 344 и 345).

Возсоединеніе болѣе полуторамилліона западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью, исполнившееся 25 марта 1839 г., увѣковѣчено, по волѣ императора Николая Павловича, между прочимъ, изготовленіемъ медали.

Исполненная изъ бронзы нашимъ знаменитымъ граверомъ Уткинымъ, медаль на лицевой сторонѣ имѣетъ изображеніе Нерукотвореннаго Спаса, вокругъ котораго сдѣлана надпись: «Такова имамы первосвященника. Евр. VIII, 1.» Внизу иконы вычеканено. «Отторгнутые насиліемъ (1596) возсоединены любовію (1839)» На оборотной сторонѣ помѣщенъ восьмиконечный крестъ съ исходящими отъ него лучами, а вокругъ него надпись: «Торжество православія»; подъ крестомъ поставленъ день возсоединенія—«25 марта 1839».

Гравированный рисунокъ воспроизведенъ на страницахъ настоящаго изданія съ подлинной медали, съ соблюденіемъ точнаго размѣра оригинала.

Карта губерніи Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Минской, съ показаніемъ границъ Бѣлоруссіи и Литвы.

Границы Бѣлоруссіи и Литвы и прилегающихъ къ нимъ земель показаны по картѣ, приложенной къ географіи Бляу (Geographia Blaviana). Карта эта была составлена по порученію Николая-Христофора Радивила Сиротки, современника люблинской политической уніи 1569 года, умершаго въ началѣ XVII вѣка (†1616 г.). Владѣніе великаго князя или «часть княжества Сѣверскаго» составляетъ часть Сѣверской земли въ нынѣшней Черниговской губерніи. Часть этой земли въ данное время принадлежала великому князю московскому; но Польско-Литовское государство еще не отказалось тогда отъ притязаній на эту землю.

Для сопоставленія историческихъ границъ Бѣлоруссіи и Литвы съ настоящимъ положеніемъ этихъ земель, на картѣ нанесены современныя границы губерній, составляющихъ нынѣшній Сѣверо-Западный край. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что городскія и сельскія поселенія показаны на картѣ согласно современному ихъ положенію и что нѣкоторыя изъ нихъ, при составленіи карты Бляу, не существовали, другія же измѣнили свое названіе.

Географія Бляу составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Наша карта изготовлена по экземпляру географіи, принадлежащему Кіевской духовной академіи.

Заставки и инициалы.

(20 гравюръ).

Помѣщенные въ началѣ каждой главы сей книги заставки и инициалы заимствованы изъ древнихъ рукописныхъ книгъ западной Руси, а именно:

Введеніе. Стр. 1. Заставка—изъ евангелія Крешовской церкви, Люблинской губерніи, 1552 года, хранящагося въ музеѣ Холмскаго Свято-Богородицкаго братства. Страница этой рукописи возпроизведена хромолитографически въ VII выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ. Буква В—изъ Оршанскаго евангелія XIV вѣка, страница котораго впервые появляется въ печати въ настоящей книгѣ (См. стр. 111).

Глава I. Стр. 6. Заставка и буква Є—изъ евангелія XVI вѣка, найденнаго въ с. Николаевѣ, близъ г. Дисны, и хранящагося въ Виленской публичной библіотекѣ. Страница этого евангелія воспроизведена хромолитографически въ VI выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ.

Глава III. Стр. 47.	Заставка и буква П—изъ евангелія, принадлежавшаго нѣкогда церкви Долженской, или села Долгаго, состоявшаго прежде въ Владиміро-Брестской епархіи, Мельницкаго благочинія, а нынѣ — въ Сѣдлецкой губерніи, Бѣльскаго уѣзда. Рукопись писана нѣкіимъ Петромъ въ 1571 году и нынѣ хранится въ музеѣ Холмскаго Свято-Богородицкаго братства. Страница ея воспроизведена посредствомъ хромолитографіи въ VII вып. «Памят. рус. стар. въ зап губ.»
Глава III. Стр. 82.	Заставка—изъ втораго Туровскаго евангелія XV вѣка, хранящагося въ Виленской публичной библіотекѣ. Слогъ Отъ—изъ Волковыскаго евангелія XV вѣка. Орнаменты и буквы обѣихъ рукописей воспроизведены въ VI вып. «Памяти рус. стар. въ запад. губ.»
Глава IV. Стр. 121.	Заставка—изъ евангелія 1550 г., хранящагося въ музеѣ Холмскаго Свято-Богородицкаго Братства и воспроизведеннаго въ VII вып. «Памят. рус. стар. въ зап. губ.» Буква П—изъ той же рукописи, что буква В въ «Введеніи».
Глава V. Стр. 177.	Заставка — изъ той же рукописи, что заставка IV главы. Буква С—изъ той рукописи, изъ которой позаимствованъ слогъ «Отъ» для главы III.
Глава VI. Стр. 228.	Заставка—изъ устава XV вѣка отца нашего Саввы, воспроизведеннаго въ VII выпускѣ «Памят. рус. стар. въ зап. губ.» Буква К. — изъ той же рукописи, что заставки IV и V главъ.
Глава VII. Стр. 265.	Заставка—изъ той же рукописи, что заставка и иниціалъ главы I. Буква Т—изъ той рукописи, изъ которой позаимствованы слогъ «Отъ» для главы III и иниціалъ для главы V.
Глава VIII. Стр. 314.	Заставка—изъ той же рукописи, что заставка главы III. Буква Б—изъ Мстижскаго евангелія XIV вѣка.
Глава IX. Стр. 351.	Заставка — изъ Волковыскаго рукописнаго евангелія XV вѣка. Буква Г—изъ той же рукописи, что заставка и иниціалъ главы I.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
упоминаемыхъ въ книгѣ
«Бѣлоруссія и Литва».

А.

Абрамовичи, дворянскій родъ, 211.

Августъ-Фридрихъ:

— II, электоръ саксонскій и король польскій, 292, 296, 303.

— III, электоръ саксонскій и король польскій 303.

Авраамій:

— Кіево,-печерскій архимандритъ, 118.

— Стагонскій, а потомъ турово-пинскій епископъ, 222.

Александръ VI, папа римскій, 143.

Александръ I Павловичъ, императоръ, 332, 339, 340, 342, 343, 349

Александръ II Николаевичъ, императоръ, 364, 369.

Александръ (Олелько) Владиміровичъ, кіевскій князь,родоначальникъ князей Слуцкихъ, 110, 120, 123, 127.

Александръ Гедиминовичъ, великій князь литовскій. См. **Ольгердъ Гедиминовичъ**.

Александръ Глѣбовичъ, князь смоленскій, 73.

Александръ Казиміровичъ Ягеллонъ, вел. князь литовскій, а потомъ король польскій, 137—139, 142—144, 146, 147.

Александръ Кейстутьевичъ, великій князь литовскій. См. **Витовтъ (Витольдъ)**.

Александръ Юрьевичъ Олельковичъ Слуцкій, кн., измѣнникъ православія, 210.

Александръ Ярославичъ Невскій, святой, кн. владимірскій, 36.

Алексій, митрополитъ московскій и кіевскій, 78—80.

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій, 251, 252, 254—260, 263, 313.

Альбертъ, рижскій латинскій епископъ, 34.

Альдона, супруга польск. короля Казиміра Великаго. См. **Анна Гедиминовна**.

Амвросій (Юшкевичъ), настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, впослѣдств. новгородскій архіепископъ, 297, 303.

Амфитеатровъ, кіевскій митрополитъ. См. **Филаретъ**.

Анастасія, супруга св. вел. князя Владиміра. См. **Рогнѣда**.

Анастасія Васильевна, супруга кіев. князя Александра (Олелька) Владиміровича, 132, 148.

Анастасія Олельковна, княгиня,строительница Слуцкаго Успенскаго собора, 110.

Антоній:

— (Винницкій), перемышльскій епископъ, впослѣд. митрополитъ, 293.

— (Зубко), архіепископъ минскій, 346, 352, 354, 358, 360.

— Св. виленскій мученикъ, въ язычествѣ **Нежило**, 76, 78.

— Туровскій епископъ, 109, 112.

Андрей Ольгердовичъ, въ язычествѣ **Вингольдъ**, князь полоцкій, 74, 75, 78, 82, 83, 86—88, 99.

Андрей Юрьевичъ, князь волынскій, 74.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, удѣльный кн. пересопницкій, а потомъ суздальскій, 38, 46.

Анна, супруга литов. князя Свидригайла-Болеслава Ольгердовича, 134.

Анна Гедиминовна, въ язычествѣ **Альдона**, супруга польск. короля Казиміра Великаго, 68, 75.

Анна Святославна, супруга литов. князя Витовта, 84, 108, 110.

Аркудій, Петръ, докторъ богословія, грекоуніатъ XVI вѣка, 193.

Арсеній, (Берло), бѣлоруссскій епископъ, 297, 300, 303.

Артемій, игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря, эмигрантъ, 170.

Аѳанасій:
— (Вольховскій), епископъ могилевскій, 324.
— (Въ мірѣ Александръ Пузына), луцкій епископъ, 231, 232, 239.
— (Филипповичъ), настоятель Брестскаго Симеоновскаго монастыря, священномученикъ, 235.
Аѳанасовичъ, Стефанъ, дѣятель православія, 240.
Аѳиногенъ (Крижановскій), игуменъ Полоцкаго Воскресенскаго монастыря, 251.

Б.

Балабаны:
— Кіевскій митрополитъ. См. **Діонисій.**
— Львовскій епископъ. См. **Гедеонъ.**
Барановичъ, черниговскій архіепископъ. См. **Лазарь.**
Барановъ, Эдуардъ Трофимов., генералъ-адъютантъ, виленскій генералъ-губернаторъ, 372.
Батюшковъ, Помпей Никол., попечитель Виленскаго учебнаго округа, нынѣ дѣйств. тайный совѣтникъ почетный опекунъ, 367, 370, 372, 373.
Белнингъ, польскій помѣщикъ, принявшій православіе, 372.
Белькевичъ, литовскій митрополитъ. См. **Сильвестръ.**
Бениславскій, коадъюторъ могилевскаго латинскаго епископа, 318, 326.
Бергъ, гр. Ѳедоръ Ѳедор., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, 369.
Березка, поповичъ, переписчикъ четьи 1489 года, 134.
Берло, бѣлорусскій епископъ. См. **Арсеній.**
Бландрата, кальвинскій пасторъ, 164.
Бобриковичъ, настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря. См. **Іосифъ.**
Бобровскій, Михаилъ, уніатскій протоіерей, профессоръ, славистъ-богословъ, 340, 349, 350, 352.
Боговитины, дворянскій родъ, 211.
Богушъ-Сестренцевичъ, Станиславъ, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, 318, 319, 325—327, 343.
Бокѣи, дворянскій родъ, 211.
Болгариновичъ, митрополитъ. См. **Іосифъ.**
Болеславъ I Храбрый или Смѣлый, польскій король, 14, 19, 25.
Болеславъ III Тройденовичъ, князь мазовецкій, 68, 74, 124.
Бона, жена польскаго короля Сигизмунда I, 158, 159.
Борецкій, кіевскій митрополитъ. См. **Іовъ.**
Борисковичъ, Исаакій, епископъ луцкій и острожскій, 222.
Борисъ, князь друтскій, 34.
Борисъ Владиміровичъ, св. мученикъ, удѣльный князь ростовскій, 19.
Борисъ Всеволодовичъ, князь гродненскій, 39.
Борисъ Всеславичъ, князь полоцкій 25, 27.
Борисъ Ольгердовичъ, въ язычествѣ **Буттава,** князь, 82.
Борисъ Юрьевичъ, князь туровскій, 38.
Боркулабъ Корсакъ, полоцкій подвоевода, 208.
Борятинскіе, русско-литовскіе князья, 136.
Брольницкій, Гедеонъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, 190.
Брячиславъ Изяславичъ, князь полоцкій, 24.
Брячиславъ Васильковичъ, князь витебскій, 33, 52.
Брячиславъ Святополковичъ, князь, 38.
Будный, Симеонъ, протестантскій пасторъ, 164.
Буксгведенъ, Альбертъ нѣмецкій латинскій епископъ, основатель г. Риги, 53.
Булгакъ, Іосафатъ, уніатскій епископъ, впослѣд. митрополитъ, 347, 348, 358, 360.
Буркивидъ, литовскій князь, 61.
Бутегайде, жмудскій князь, 62.
Бутримовичъ, ксендзъ Могилевской епархіи, 285.
Буттава, князь. См. **Борисъ Ольгердовичъ.**
Бутурлинъ, московскій бояринъ, 252, 254.
Бѣлевскіе, русско-литовскіе князья, 136, 139.
Бѣлинскій, польскій помѣщикъ, принявшій православіе, 372.
Бѣлозоръ, Мартіанъ, пинскій епископъ, потомъ полоцкій уніатскій архіепископъ, 280, 296.
Бѣльскій, князь Семенъ Ив., литовскій выходецъ, 142.

В.

Варвара, супруга Святополка Изяславича, 38.
Варлаамъ (Шишацкій), настоятель Виленскаго Св.-Духова монастыря, впослѣд. архіепископъ могилевскій, 310.
Василевичъ, могилевскій епископъ. См. **Ѳеодосій.**
Василій:
— Князь полоцкій, 63.
— (Лужинскій), архіепископъ полоцкій, впослѣд. членъ св. синода, 346, 352, 358, 360, 361.
Василій Васильевичъ Темный, великій князь московскій, 114, 115.
Василій Димитріевичъ, великій князь московскій, 94, 98, 102.
Василій III Ивановичъ, князь московскій, 142, 146—148, 150.
Василій Михайловичъ Скирмунтъ, князь пинскій, 79.
Василій Ольгердовичъ, въ язычествѣ **Мингайло,** князь пинскій, 82, 87.
Василій Симеоновичъ, князь, 127.
Васило, Андрей, виленскій латинскій епископъ, 90.

Василько, князь полоцкій, 26, 33, 34.
Василько Романовичъ, князь волынскій, 42, 50, 57.
Василько Ярополковичъ, кн. берестейскій, 41.
Васса, супруга Михаила Семеновича, князя городенскаго, бѣльскаго и кобринскаго, 146.
Вассіанъ, троицкій игуменъ, 132.
Вельяминъ-Рутскій, Іосифъ, уніатскій епископъ, впослѣд. митрополитъ, основатель базиліанскаго ордена, 192, 194, 196—199, 204, 216, 222, 230, 236.
Вендраговскій, протестантскій пасторъ, 164.
Верещаки, покровители православія, 206.
Весна, Ѳеодоръ, литовскій намѣстникъ въ Витебскѣ, 96.
Викторъ (Садковскій), архіепископъ минскій, впослѣд. черниговскій, 308, 309, 323, 324.
Вильгельмъ, австрійскій принцъ (XIV в.) 86, 87, 98.
Вингольдъ, князь полоцкій. См. **Андрей Ольгердовичъ**.
Винницкій:
— Перемышльскій епископъ, потомъ митрополитъ. См. **Антоній**.
— Иннокентій, перемышльскій епископъ, совратившійся въ унію, 294.
Витень, великій князь литовскій, 62, 63.
Витовтъ или **Витольдъ Кейстутьевичъ**, во св. крещеніи **Александръ**, великій князь литовскій, 79, 84, 86, 87, 93, 94, 96—99, 102—106, 108—110, 112—116, 128.
Вишневецкіе, князья:
— Княжескій родъ, 146, 164, 206, 210, 220.
— Канцлеръ литовскій, 280.
— Польскій король. См. **Михаилъ**.
Владиміръ, князь полоцкій, 34, 35.
Владиміръ Андреевичъ:
— Берестейскій князь, 41.
— Серпуховской князь, 83.
Владиміръ Васильковичъ, князь волынскій, 43, 44, 50.
Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кіевскій, 25, 37, 38.
Владиміръ Ольгердовичъ, князь кіевскій, а потомъ копыльско-слуцкій, 82, 96, 97.
Владиміръ Святославичъ, въ св. крещеніи **Василій**, св. равноапостольный великій князь русскій, 13, 14, 16—18, 49.
Владиміръ Ярославичъ:
— Новгородскій князь, 22.
— Пинскій князь, 39.
Владиславъ:
— Король чешскій, а потомъ венгерскій, 137, 138.
— II (или V), король польскій. См. **Ягайло (Ягелло)**.
— III (или VI) Ягайловичъ Варненьчикъ, король польскій, 123, 124.
— IV (или VII), король польскій, 228, 232, 234—236, 238, 248.
Владиславъ I (IV) Локотокъ, король польскій, 68.
Владиславъ Мстиславичъ, князь берестейскій, 40, 41.
Война-Оранскій, Пахомій, ревнитель уніи, 230.
Воинъ, полоцкій князь, 63, 68.
Войны:
— Дворянскій родъ, 211.
— Аполлонія Воловичевна, ревнительница православія, 212.
Воишелкъ, инокъ, сынъ литовскаго князя Мендовга, 57, 60, 61.
Волконскій, кн., московскій бояринъ, 255.
Воловичи:
— Русско-литовскій родъ, 164, 211.
— Польный писарь литовскій, 246, 247.
Володарь Глѣбовичъ, князь городецкій, 30, 32, 33, 50.
Володковичи:
— Дворянскій родъ, 211.
— Григорій, основатель Новодворскаго монастыря, 211.
— Мартынъ, основатель Грозовскаго монастыря, 211, 234.
Волчанскіе:
— Администраторъ Бѣлорусской епархіи. См. **Сильвестръ**.
— Бѣлорусскій епископъ. См. **Іосифъ**.
— Могилевскій епископъ. См. **Іеронимъ**.
Волчекъ, могилевскій плебанъ, 281, 287.
Вольховскій, могилевскій епископъ. См. **Аѳанасій**.
Воротынскіе:
— Русско-литовскіе князья, 136, 139.
— Князь, полководецъ, 263.
Всеволодъ, князь, владѣтель удѣла Герсике, 35, 36, 50.
Всеволодъ-Андрей Ярославичъ, князь переяславскій, а потомъ кіевскій, 22, 37.
Всеволодъ Васильковичъ, князь, 52.
Всеволодъ Владиміровичъ, князь черниговскій, 26.
Всеволодъ Глѣбовичъ, князь минскій, 30.
Всеволодъ Давидовичъ, князь, основатель Городенскаго удѣла, 39.
Всеславъ, князь друтскій, 34.
Всеславъ Брячиславичъ, князь полоцкій, 24, 25.
Всеславъ Васильковичъ, князь полоцкій, 33, 50, 52.
Выговскій, Иванъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 259, 275, 293.
Выкинтъ, жмудскій вождь, 57.
Вылежинскіе, шляхетское семейство, убійство котораго принято было поляками за рѣзню, 309.
Вячеславъ Владиміровичъ, князь кіевскій, 38.
Вячеславъ Ярославичъ, князь смоленскій, 22.
Вячко (Вячеславъ), князь, державца городка Кукейноса (Кокенгаузена), 35.

Г.

Галаховскій, слуцкій архимандритъ. См. **Досиѳей.**
Гарабурда:
— Дворянскій родъ, 211.
— Строитель Полозовскаго монастыря въ Пинскѣ, 199.
Гастольды:
— Великокняжескій намѣстникъ въ Каменцѣ-Подольскомъ и Вильнѣ, потомъ францисканскій монахъ, 91, 92.
— Іоаннъ, виленскій воевода, 123, 124, 126.
— Мартинъ, кіевскій воевода, 127.
Гедеонъ:
— (Балабанъ), экзархъ константинопольскій, епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій, 189, 205, 215.
— (Григорій Захарьевичъ, князь Святополкъ-Четвертинскій), луцкій епископъ, впослѣд. кіевскій митрополитъ, 293, 296, 297.
Гедиминъ, великій князь литовскій, 44, 62—68, 73, 91.
Гедройцъ:
— Игнатій, самогитскій коадъюторъ, 338.
— Князь, строитель костела въ Гедройцахъ, 108.
Генрихъ, принцъ Анжуйскій, кратковременный король польскій, 184.
Георгій:
— (Кониссвій), могилевскій архіепископъ, 282, 290, 297, 300, 304—306, 316, 319—322, 324.
— Туровскій епископъ, 37.
Герасимъ, епископъ смоленскій, а потомъ митрополитъ литовскій, 117, 118.
Гинтофтъ, іезуитъ, 282.
Глинскіе:
— Василій Васильев., 148.
— Михаилъ Васильев., маршалъ литовскій, 147, 148, 150.
Глѣбовичи, дворянскій родъ, 211.
Глѣбъ, князь пинскій и туровскій. См. **Наримунтъ.**
Глѣбъ Владиміровичъ, во св. крещеніи **Романъ**, св. мученикъ, удѣльный князь муромскій, 19.
Глѣбъ Всеволодовичъ, князъ городенскій, 39.
Глѣбъ Всеславичъ, князь, 25, 26.
Глѣбъ Рогвольдовичъ, князь друтскій, 33.
Глѣбъ Ростиславичъ, князь друтскій, 32.
Глѣбъ Святославичъ, князь смоленскій, 88, 96, 99.
Глѣбъ Юрьевичъ, князь дубровицкій, 39.
Гоголь, Іона, пинскій уніатскій епископъ, 190.
Годебскій, пинскій уніатскій епископъ, 281.
Голембовскій, русскій резидентъ въ Польшѣ, 290.
Голицынъ, кн. Александръ, совращенный іезуитами въ латинскую вѣру, 343.
Головацкій, шляхтичъ, начальникъ казацкаго отряда, 246.
Головня, виленскій латинскій епископъ, 338.
Головчицкіе, дворянскій родъ, 210.
Голота, Илья, предводитель украинскихъ крестьянъ, 247.
Голубовичъ, минскій архіепископъ. См. **Михаилъ.**
Голуховскій, профессоръ Виленскаго университета, 340.
Гольшанская, княжна. См **Іуліанія.**
Гомолицкій, Ипполитъ, виленскій протоіерей, 354.
Гонсѣвскій, Винцентій, литовскій полководецъ, 247, 254, 255, 260.
Горислава Святославна. См. **Евдокія.**
Горкуша, начальникъ казацкаго загона, 246.
Горностаи, дворянскій родъ, 211.
Городецкая-Биллевичева, Анна, урожд. Ставецкая, ревнительница православія, 234.
Городецкій, Никол. Ив., митрополитъ кіевскій. См. **Платонъ.**
Горскіе, русско-литовскій родъ, 164, 210.
Горчаковъ, свѣтлѣйшій князь Александ. Мих., государственный канцлеръ, 369.
Гребницкіе:
— Флоріанъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, впослѣд. митрополитъ, 303.
— Шляхтичъ, управляющій Петриковскимъ имѣніемъ, 285.
Григорій:
— Западно-русскій уніатскій митрополитъ, 132, 133.
— Пинскій уніатскій епископъ, 199.
— Полонинскій игуменъ, 60.
— (Цамблакъ), митрополитъ всей Руси, 112—114.
— IV, Мамма, константинопольскій уніатскій лже патріархъ, 132.
— XIII, папа римскій, 185.
Гриневичъ, могилевскій плебанъ, 281.
Гулевичи, дворянскій родъ, 211.
Гурины, основатели Никитской церкви въ м. Здитовѣ, 146.
Гурко, дворянскій родъ, 211.
Гусъ, Янъ, ректоръ Пражскаго университета, проповѣдникъ, реформаторъ католической церкви въ Богеміи, 113.

Д.

Давидъ (Нащинскій), архимандритъ Слуцкаго монастыря, 297.
Давидъ Всеславичъ, князь, 25, 26.
Давидъ Ростиславичъ, князь вышгородскій, 33, 34.

Дангеруте, литовскій вождь, 50.
Данило Дмитріевичъ, князь, владѣлецъ Острога на Волыни, 39.
Даниловичъ, профессоръ Виленскаго университета, 340.
Даніилъ Романовичъ, князь галицкій, 40—43, 50, 57, 60.
Дашкевичъ, Остафій, староста черкасскій и каневскій, 148.
Дедерко, минскій латинскій епископъ, 338.
Демидъ Владиміровичъ, князь пинскій, 39.
Деспотъ-Зеновичъ, польскій помѣщикъ, принявшій православіе, 372.
Димитрій:
— (Даніилъ Саввичъ Туптало), святой, митрополитъ ростовскій и ярославскій, 297.
— Друтскій князь, 56.
Димитрій Гедиминовичъ, литовскій князь. См. **Любартъ Гедиминовичъ.**
Димитрій Ивановичъ Донской, князь московскій, 83.
Димитрій Ивановичъ (Жилка), третій сынъ Іоанна III Васильевича, 143.
Димитрій Михайловичъ, князь волынскій, 83.
Димитрій Ольгердовичъ:
— Въ язычествѣ **Корибутъ**, князь сѣверскій, 82—84. 88, 96, 99, 120.
— Князь трубчевскій, 82, 83
Димитрій Юрьевичъ, туровско-пинскій князь, родоначальникъ князей Острожскихъ, 39, 64.
Діонисій:
— (Балабанъ), холмскій епископъ, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ, 293.
— Полоцкій епископъ, 29.
Дмитріевъ, Михаилъ, московскій воевода, 255.
Добрыня, настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря. См. **Сильвестръ.**
Довгердъ, виленскій воевода, 120.
Довмонтъ, князь нальщанскій, святой, 58, 61.
Долгорукій, кн. Петръ, воевода, 260.
Долгоруковъ, князь, русскій посланникъ въ Варшавѣ, 301.
Долматы:
— Дворянскій родъ, 211.
—К. Б., основатель Цеперскаго и Дятловицкаго монастырей. 211, 212.
Дорогостайскіе, дворянскій родъ, 211.
Доровеевичъ, Даніилъ, намѣстникъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, 256.
Досиөей, (Галаховскій), архимандритъ Слуцкаго монастыря, 297.
Древинскій, Лаврентій, чашникъ Волынской земли, 222.
Дроздовъ, Вас. Мих., митрополитъ московскій. См. **Филаретъ.**
Друцкіе-Горскіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Начальникъ отряда оршанской шляхты, 246, 247.
Друцкой-Соколинскій, смоленскій уніатскій архіепископъ, 281.
Дубина, предводитель казаковъ, 220.
Дѣевъ, полковникъ, убитый при взятіи Вильны, 312

Е.

Ева, супруга вел. кн. литовскаго Гедимина, 64.
Евдокія, инокиня Полоцкаго монастыря, въ мірѣ **Горислава Святославовна**, 28.
Евпраксія:
— Инокиня Полоцкаго монастыря, въ мірѣ **Звенислава Борисовна**, 28.
— Супруга литовскаго князя Ерденя, 61.
Евстаөій, въ язычествѣ **Круглецъ**, св. виленскій мученикъ, 77, 78.
Евфросинія, игуменія Полоцкаго монастыря, преподобная, въ мірѣ **Предслава**, 26, 28—30.
Евөимій (Окушковичъ), турово-пинскій епископъ, 112.
Едивидъ, жмудскій вождь, 57.
Ежовскій, польскій студентъ, основатель общества „лучезарныхъ", 340.
Екатерина, третья жена Сигизмунда II Августа, 170.
Екатерина II Алексѣевна (Софія-Августа-Фредерика, принцесса ангальтъ-цербстская), русская императрица, 304—306, 309, 311—313. 315—320, 322, 323,—325, 375.
Елена, супруга велик. князя Игоря. См. **Ольга.**
Елена Ивановна, супруга князя литовскаго Александра Казиміровича Ягеллона, 139, 140, 143, 144, 147, 150—152, 335.
Елизавета Петровна, императрица, 303.
Ердень, литовскій князь, 58, 61, 63.
Ердивилъ, владѣтельный князь жмудскій, 55.

Ж.

Жарскій, Іосафатъ, уніатскій епископъ, литовскій викарій, 358, 360
Жашковскій, протоіерей Виленскаго Пречистенскаго собора, 194.
Ждановичъ, Григорій, священникъ Львовскаго православнаго братства, 193.
Желѣзовскій (или Желязовскій), епископъ брестскій. См. **Игнатій.**
Живибундъ, литовскій посолъ къ вдовѣ кн. Романа Мстиславича, 52.
Жихмонтовъ, игуменъ Полоцкаго Богоявл. монастыря. См. **Игнатій.**
Жоховскій, Кипріанъ, уніатскій митрополитъ, 271, 279, 280.
Жукъ, полоцкій городничій, 186.

З.

Заберезинскій, Янъ, литовскій маршалокъ, 147, 148.
Заборовскіе, дворянскій родъ, 211, 220.
Забытневичъ, Прохоръ, священникъ села Лясковичъ, 285.
Забѣлло, Варвара, покровительница православія, 152.
Загорскій, Григорій, въ иночествѣ Германъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, 190.
Задзевитъ, князь подольскій. См. **Іоаннъ Ольгердовичъ**.
Залѣсскій, строитель костела въ Топчевѣ, 120.
Замойскіе, польскій графскій родъ, 280, 281.
Занъ, основатель польскаго общества «филоматовъ», 340.
Заславскіе, княжескій родъ, 210.
Збаражскіе, княжескій родъ, 210.
Збируйскій, Діонисій, холмскій епископъ, принившій унію, 189, 190.
Звенислава Борисовна. См. **Евпраксія**.
Зеновичи:
— Дворянскій родъ, 211.
— Аполлонія, владѣлица имѣнія Манкевичи, Ошмян. у., 293.
— Могилевскій плебанъ, 282.
Зизаній, Стефанъ, проповѣдникъ, ревнитель православія, 193, 214.
Золотаренко, наказной казацкій гетманъ, 254, 255, 260.
Зубко, архіепископъ минскій. См. **Антоній**.

И.

Игнатій:
— (Желѣзовскій или Желязовскій), епископъ брестскій, 354.
— (Жихмонтовъ), игуменъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря, 297.
— (Оксеновичъ-Старушичъ), ректоръ Кіевской академіи и настоятель Кіево-Выдубицкаго монастыря, 250.
— Туровскій епископъ, 37.
Иванъ, кобринскій князь, 144.
Иванъ Александровичъ, князь смоленскій, 74.
Иванъ Ивнаовичъ, князь московскій, 74.
Иванъ-Симеонъ Юрьевичъ Олельковичъ-Слуцкій, князь, измѣнникъ православія, 210.
Иванъ Юрьевичъ, князь, 39.
Игорь Рюриковичъ, князь кіевскій. 12.
Игорь (Георгій) Ярославичъ, князь владиміроволынскій, а потомъ смоленскій, 22.
Изяславъ:
— Витебскій князь, 61.
— Полоцкій князь, 61.
Изяславъ Васильковичъ, князь городецкій, 50, 52.
Изяславъ Владимiровичъ, удѣльный князь полоцкій, 14, 16, 18, 22.
Изяславъ Мстиславичъ, князь кіевскій, 62, 38, 39, 40.
Изяславъ Святополковичъ, князь, 38.
Изяславъ I Ярославичъ, великій князь кіевскій, 22, 25, 37.
Иларіонъ:
— (Массальскій), настоятель Супрасльскаго монастыря, 193.
— (Потельницкій), администраторъ Бѣлорусской епархіи, 296.
Илія, полоцкій епископъ, 16, 17, 28.
Илличъ, кричевскій плебанъ, 284.
Исидоръ:
— Московскій митрополитъ, принявшій флорентійскую унію, 131, 132.
— (Никольскій), епископъ полоцкій, нынѣ митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій и финляндскій, 357, 361.

I.

Іевно, литовскій воевода, 108.
Іезекіиль, (Княгининскій), западно-русскій подвижникъ. См. **Іовъ**.
Іеремія II (Траносъ), цареградскій патріархъ, 212.
Іеронимъ:
— (Волчанскій), могилевскій епископъ, 282.
— Пражскій священникъ, сподвижникъ и другъ Яна Гуса, 113.
Іоакимъ:
— Антіохійскій патріархъ, 212.
— Корсунянинъ, епископъ въ Великомъ Новгородѣ, 16.
— Московскій патріархъ, 296.
— Туровскій епископъ, 37.
Іоаннъ, въ язычествѣ **Кумецъ**, св. виленскій мученикъ, 76, 78.
Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь московскій, 136, 138—140, 142—144.
Іоаннъ IV Васильевичъ. **Грозный**, царь московскій, 150, 172, 184, 185, 188.
Іоаннъ Ольгердовичъ:
— Въ язычествѣ **Задзевитъ**, князь подольскій, 82.
— Князь литовскій. См. **Скиргайло Ольгердовичъ**.
Іоаннъ Палеологъ, византійскій императоръ, 131.
Іовъ:
— (Борецкій), кіевскій митрополитъ, 218, 222—224, 226.
— (Княгининскій), западно-русскій подвижникъ, схимникъ, въ иночествѣ Іезекіиль, 215.
— (Потемкинъ), архіепископъ минскій и волынскій, коадъюторъ митрополии

Кіевской, впослѣд. архіепископъ екатеринославскій, 332.
Іоиль (Труцевичъ), настоятель Оршанскаго Богоявленскаго монастыря, 234, 255, 263.
Іона:
— Московскій митрополитъ, 132
— II, (Глезна), полоцкій архіепископъ, впослѣд. литовскій митрополитъ, 136, 144
Іосифъ:
— (Бобриковичъ), настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, 215, 226, 232, 235, 243.
— (Болгариновичъ), смоленскій епископъ, впослѣд. кіевскій митрополитъ, 140.
— (Волчанскій), бѣлорусскій епископъ, 200
— (Кононовичъ-Горбацкій), могилевскій епископъ, 250.
— (Нелюбовичъ Тукальскій), бѣлорусскій епископъ, впослѣд. митрополитъ, 293, 294.
— (Оранскій), архимандритъ Слуцкаго монастыря, 297.
— (Солтанъ), кіевскій митрополитъ, 153, 154, 197, 250.
— (Сѣмашко), литовскій митрополитъ, приснопамятный дѣятель возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ, 349, 352, 354, 355, 358, 360, 361, 364, 368, 373.
Іуліанія, княжна Гольшанская, супруга литов. князя Витовта, 110.
Іуліанія Александровна, княжна тверская, супруга вел. кн. литовскаго Ольгерда (Александра) Гедиминовича, 78, 82, 83, 96.

К.

Казачинскій, слуцкій архимандритъ. См. **Михаилъ**.
Казиміръ, королевичъ, второй сынъ польскаго короля Казиміра IV, католическій святой, 136, 137.
Казиміръ III Великій, польскій король, 68, 75.
Казиміръ IV Ягайловичъ, литовскій князь, а потомъ польскій король, 122—124, 126—133, 135—137.
Калиновскіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Владѣлецъ мѣстечка Гусятина, 219.
Каллистъ (Дороѳеевичъ Риторайскій), игуменъ Витебскаго Маркова монастыря, а потомъ полоцкій епископъ, 257.
Кальвинъ, Іоганъ (Жанъ **Колвенъ** или **Шовенъ**), основатель реформатской церкви его имени, 162, 163.
Каменскіе, дворянскій родъ, 211.
Каминскій, уніатскій архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря, 338.
Капусты, покровители православія, 206.
Карлъ X Густавъ, шведскій король, 258.
Карлъ XII, шведскій король, 300.
Карлъ Смѣлый, герцогъ лотарингскій, 103.
Карнѣевъ, минскій губернаторъ, 331.
Карповичъ, настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря. См. **Леонтій**.
фонъ-**Кауфманъ**, Константинъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ. инженеръ-генералъ, виленскій, а потомъ туркестанскій генералъ губернаторъ, 372.
Каширскіе, дворянскій родъ, 210.
Кезгайло, жмудскій староста, 123, 124.
Кейстутъ Гедиминовичъ, князь литовскій, 64, 69, 70, 72, 83, 84, 86.
Кипріанъ, митрополитъ кіевскій и литовскій, 80, 109.
Кирдѣи, дворянскій родъ, 211.
Кириллъ:
— I, туровскій епископъ, 37.
— II, святой, туровскій епископъ, 37, 38.
— Учитель Кіевской братской школы, 213.
Киринія Вячеславовна, княжна, инокиня Полоцкаго монастыря, 30.
Кишки:
— Русско-литовскій родъ 164.
— Янъ, виленскій каштелянъ, 164.
— Левъ, уніатскій митрополитъ, 281.
Клементьевскій, епископъ минскій. впослѣд. митрополитъ петербургскій. См **Никаноръ**.
Климентъ (Тризна), настоятель Свято-Духовскаго монастыря, 296.
Кмита, староста оршанскій, 185.
Кмита Судимонтовичъ, строитель церкви въ Семятичахъ, 116.
фонъ-**Книпроде**, Винрихъ, магистръ Тевтонскаго ордена, 72.
Кноррингъ, Богданъ, генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій финляндскою арміею, 312.
Княгининскій, западно-русскій подвижникъ, въ иночествѣ Іезекіиль. См. **Іовъ**.
Кобринскіе, князья, покровители православія, 133.
Козьма, грекъ, епископъ полоцкій, 28.
Коленда, Гавріилъ, уніатскій митрополитъ, 271, 275, 280, 294.
Конисскій, могилевскій архіепископъ. См. **Георгій**.
Кононовичъ-Горбацкій, могилевскій епископъ. См. **Іосифъ**.
Конрадъ, князь мазовецкій, 42, 53, 84.
Константинъ Ольгердовичъ, въ язычествѣ **Коригайло**, князь черниговскій и чарторыйскій, 82, 87.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, намѣстникъ царства Польскаго, 339.
Константинъ Порфирородный, византійскій императоръ, 12.
Копинскій, Исаія, перемышльскій епископъ, 222.

Копти:
— Дворянскій родъ, 211.
— Василій, ревнитель православія, 212.
Копыстенскій, Михаилъ, перемышльскій епископъ, 189, 205.
Корибутъ, князь брянскій. См. **Дмитрій Ольгердовичъ**.
Корибутъ-Вишневецкіе, князья:
— Русскій княжескій родъ, 211.
— Адамъ, основатель монастырей въ Минской губ., 211.
— Александра, рожд. Ходкевичъ, 211.
Коригайло, князь черниговскій и чарторыйскій. См. **Константинъ Ольгердовичъ**.
Корниловъ, Ив. Петр., попечитель Виленскаго учебнаго округа, нынѣ дѣйств. тайный совѣтникъ, почетный опекунъ, 372
Короваевъ, полковникъ, убитый при взятіи Вильны, 312.
Корсаки:
— Дворянскій родъ, 211.
— Рафаилъ, епископъ пинскій протоархимандритъ базиліанскаго ордена, 197, 198.
Косовъ, кіевскій митрополитъ. См. **Сильвестръ**.
Косой, Θеодосій, еретикъ, 166.
Коссаковскій, курляндскій суффраганъ, 338.
Косцюшко, Тадеушъ, польскій полководецъ, 312.
Кохановичъ, Григорій, уніатскій митрополитъ, 338, 347, 348.
Красовскій, Іоаннъ, уніатскій полоцкій, впослѣдствіи луцкій архіепископъ, 338, 343, 346—349.
Креуза-Ржевусскій, Левъ, смоленскій уніатскій архіепископъ, 197, 198.
Кречовскій, казацкій полковникъ, другъ Хмельницкаго, 248.
Кривошапка, начальникъ казацкаго загона, 246, 247.
Крижановскій, игуменъ Полоцкаго монастыря. См. **Аθиногенъ**.
Круглецъ, знатный литвинъ. См. св. **Евстаθій**.
Крупецкій отступникъ православія, 205.
Крыжановскій, епископъ полоцкій. впослѣд. архіепископъ рязанскій. См. **Смарагдъ**.
Крыжковскій, протестантскій пасторъ, 164.
Кумецъ, знатный литвинъ. См. св. **Іоаннъ**.
Кунцевичъ, Іосафатъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, изувѣръ, лжемученикъ, 192, 196, 197, 199, 202, 204, 205, 216, 220, 222, 223, 226, 271, 300
Курбскій, Андрей Михайл., русскій эмигрантъ, 170, 172.
Курцевичъ-Каріатовичъ, Іезекіиль владиміробрестскій епископъ, 222.

Л.

Лаврентій, туровскій епископъ, 37.
Лавръ или **Лаврентій**, въ иночествѣ **Елисей**, сынъ кн. литов. Тройдена См. **Римундъ**.
Лазаревичъ, Карпъ, священникъ Львовскаго православ. братства, 193.
Лазарь (Барановичъ), черниговскій архіепископъ, 293.
Лахтыновичъ, Алексій, основатель Печерскаго монастыря близъ Могилева, 152.
Левъ I Даніиловичъ, князь галицкій, 43, 44, 61, 64.
Левъ Ольгердовичъ, князь литовскій. См. **Свидригайло Ольгердовичъ**.
Левъ Юрьевичъ, послѣдній князь волынскій, 64, 74.
Лелевель, польскій писатель, профессоръ Виленскаго университета 340, 357.
Лелюшъ, трокскій воевода, 120.
Ленартовичъ, троцкій уніатскій архимандритъ, 338.
Леоновичъ, могилевскій бургомистръ, 261.
Леонтій:
— (Карповичъ), настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, 214.
— Кіевскій митрополитъ X вѣка, 16.
Лешко Бѣлый. князь краковскій, 42.
Липпомани, папскій нунцій, 163
Лисманини, духовникъ королевы Боны, 163.
Лисовскій, Ираклій, полоцкій уніатскій архіепископъ, впослѣд. митрополитъ, 272, 320, 324, 328 330, 336, 343—347, 349, 350.
Лисянскій, Ираклій, полоцкій уніатскій оффиціалъ, 284.
Литта, графъ, папскій нунцій въ Петербургѣ, 326, 332.
Лобковичъ, смоленскій уніатскій архіепископъ, 320.
Лобода, предводитель казаковъ, 219.
Лопацинскій, польскій помѣщикъ, принявшій православіе, 372.
Лугвеній, князь мстиславскій. См. **Симеонъ Ольгердовичъ**.
Лужинскій, архіепископъ. См. **Василій**.
Лука (Хрисовергъ), цареградскій патріархъ, 29.
Лукасинскій, основатель „Патріотическаго общества“ въ Варшавѣ, 340.
Лукомскіе, дворянскій родъ, 210.
Любартъ Гедиминовичъ, во св. крещеніи **Димитрій**, литовскій и владиміро-волынскій князь, 64, 69, 74, 75.
Любецкій, польскій князь, принявшій православіе, 372.
Любко, полоцкій князь, 63.
Людовикъ I Великій, король венгерскій, а потомъ польскій, 75, 86, 87.
Лютеръ, Мартинъ, основатель лютеранства, 162, 163.
Лютуверъ, великій князь литовскій, 62.

Лѣсій, сынъ князя литовск. Тройдена, 62.
Ляскоронскій, настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря. См. **Сильвестръ**.

М.

Магнусъ, герцогъ, 184.
Макарій:
— Священномученикъ, кіевскій митрополитъ, 140, 155.
— (Токаревскій), игуменъ Гродненскаго монастыря, 235.
Малъ, князь древлянскій, 12.
Малишевскіе:
— Уніатскій священникъ XXVII вѣка, 240.
— Ѳома, уніатскій священникъ, потомъ православный протоіерей, 354.
Мамай, князь ордынскій, 83, 98.
Мамма, константинопольскій уніатскій лжепатріархъ. См. **Григорій IV**.
Мамоничи, Козма и Лука, виленскіе типографы, 169.
Мануилъ Комненъ, византійскій императоръ, 29.
Марія Александровна (Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, принцесса гессенъ-дармштадтская), русская императрица, 367.
Марія Юрьевна, супруга князя мазовецкаго Тройдена Болеславича, 74.
Марія Ярославна, княжна витебская, супруга велик. кн. литовскаго Ольгерда (Александра) Гедиминовича, 61, 64, 75, 76, 82.
Маркевичъ, Василій, членъ уніатской коллегіи. 349.
Мартусевичъ, Іаковъ, луцкій, а потомъ полоцкій уніатскій епископъ, 348, 358.
Маскевичъ, К. И., ревнитель православія 212.
Массальскіе:
— Настоятель Супрасльскаго монастыря См. **Иларіонъ**.
— Русскій княжескій родъ, 206, 210.
Мацкевичъ-Шкленскій, Шимко (Семенъ), подконюшій виленскій, державца ушпольскій, пенянскій и радунскій, 110.
Мейнгардъ, нѣмецкій проповѣдникъ въ Литвѣ, 53.
Меланхтонъ, Филиппъ, виттенбергскій профессоръ, одинъ изъ дѣятелей реформаціи, 163.
Мелешки, дворянскій родъ, 211.
Менглигирей, крымскій ханъ, 143, 148.
Мендовгъ, литовскій князь, впослѣдствіи король, 43, 56—58, 66, 91.
Меѳодій (Филимоновичъ), мстиславскій бѣлорусскій епископъ, 293.
Мина, полоцкій епископъ, 16, 17, 27.
Мингайло:
— Литовскій вождь, 55.
— Пинскій князь. См. **Василій Ольгердовичъ**.
Мировскій, польскій поручикъ, отбиравшій присягу бѣлоруссовъ на вѣрность Польшѣ, 310.
Мирскіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Начальникъ отряда противъ казаковъ, 246, 247, 254
— Севастіанъ, браславск. земск. судья, 234.
Мисаилъ, князь Пеструцкій, епископъ смоленскій, впослѣдствіи митрополитъ литовскій, 132, 133.
Михаилъ:
— (Голубовичъ), минскій архіепископъ, 354.
— Жеславско-мстиславскій князь, 138.
— (Казачинскій), архимандритъ Слуцкаго монастыря, 297.
Михаилъ Андреевичъ, князь полоцкій, 78.
Михаилъ (Вишневецкій), польск. король, 292.
Михаилъ Константиновичъ, князь витебск., 61.
Михаилъ Олельковичъ (Александровичъ), князь слуцкій, 120, 127.
Михаилъ Семеновичъ, князь городенскій, бѣльскій и кобринскій, 146.
Михаилъ Сигизмундовичъ, князь, 117, 120, 123, 124.
Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, царь московскій, 185.
Михненко, начальникъ казацкаго загона, 246.
Мицкевичъ, Адамъ, польскій поэтъ, 340.
Могила, кіевскій митрополитъ. См. **Петръ**.
Можайскій, Семенъ Ив.. литовскій выходецъ, 142.
Монвидъ, князь керновскій, 68.
Монивидъ, трокскій воевода, 120.
Мороховскій, сотрудникъ Ипатія Поцѣя по введенію уніи, 192.
Мстиславецъ, Петръ Тимоѳ., русскій первопечатникъ, 168, 169.
Мстиславскіе, князья, покровители православія, 133.
Мстиславъ, князь туровскій, 55, 56.
Мстиславъ Владиміровичъ:
— Великій князь кіевскій, 26, 38.
— Храбрый, 33.
— Чермный, князь тмутараканскій, 19.
Мстиславъ Давидовичъ, князь новгородскій, 34, 36.
Мстиславъ Даниловичъ, князь волынск., 43, 61.
Мстиславъ Изяславичъ:
— Волынскій, а потомъ кіевскій князь, 40, 46.
— Полоцкій князь, 25.
Мстиславъ Романовичъ, князь смоленскій, 34.
Мужиловскій, Андрей, слуцкій протоіерей, 208.
Муравьевъ, гр. Мих. Ник., генералъ-отъ-инфантеріи, виленскій генералъ-губернаторъ, 369, 370, 372.

Мышецкій, кн. Данило, русскій воевода, 262.
Мышковскіе, дворянскій родъ, 211.

Н.

Наливайко, Северинъ, храбрый предводитель казаковъ, 219, 220.
Напаличъ, начальникъ казацкаго загона, 246.
Наполеонъ I Бонапартъ, императоръ французовъ, 336, 338, 339.
Наримунтъ, во св. крещеніи **Глѣбъ**, князь пинскій и туровскій, 69.
Нащинскій, слуцкій архимандритъ. См. **Давидъ**.
Небаба, начальникъ казацкаго отряда, 246, 247.
Нежило, знатный литвинъ. См. св. **Антоній**.
Нелюбовичъ - Тукальскій, митрополитъ. См. **Іосифъ**.
Нелюбъ, Александръ, князь въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, 103.
Неофитъ, черниговскій епископъ, 16.
Несторъ, монахъ, духовникъ кн. Маріи Ярославны, 76.
Нечай, чаусскій наказной полковникъ, 254.
Никаѳоръ (Клементьевскій), епископъ минскій, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, 361.
Никифоръ I, кіевскій митрополитъ, 27.
Никодимъ (Ѳеодоровичъ), православн. іеромонахъ, 240.
Николай, грекъ, епископъ полоцкій, 28.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ (1843—1865), 367.
Николай I Павловичъ, императоръ, 350, 354, 361, 362, 364.
Никольскій, епископъ полоцкій, нынѣ митрополитъ с.-петербургскій. См. **Исидоръ**.
Никонъ, патріархъ всероссійскій, 257, 263.
Новосельскіе, русско литовскіе князья, 139.
Новосильцевъ, гр. Никол. Николаев., попечитель Виленскаго учебнаго округа, впослѣд. статсъ-секретарь, предсѣдатель госуд. совѣта, 340.
Ногай, татарскій ханъ. 44.
Носъ, Александръ, князь пинскій, 114.

О.

Овлочимскій, латинскій миссіонеръ, 285.
Огинскіе, князья:
— Княжескій родъ, 164, 206, 211, 234, 280.
— Анна. См. **Стеткевичъ-Заверскіе**.
— Богданъ, 214.
— Борисовскій староста, 290.
— Елена Богдановна. См. **Стеткевичъ-Заверскіе**.
— Иванъ Богданов., 211, 212, 216.
— Левъ Богданов., 234.
— Раина, ревнительница православія, 212.
Одоевскіе, русско-литовскіе князья, 136, 139.
Одынецъ, польскій поэтъ, 340.
Оксеновичъ - Старушичъ, ректоръ Кіевской академіи и настоятель Кіево-Выдубицкаго монастыря. См. **Игнатій**.
Окушковичъ, турово-пинскій епископъ. См. **Евѳимій**.
Олегъ-Вѣщій, князь кіевскій, 10.
Олегъ Ивановичъ, великій князь рязанскій, впослѣдствіи инокъ Солотчинскаго монастыря, 98, 102.
Олегъ Святославичъ, первый древлянскій князь, 13.
Олельковичи, княжескій родъ. См. **Слуцкіе-Олельковичи**.
Ольга:
— Равноапостальная, во св. крещеніи **Елена**, супруга великаго князя кіевскаго Игоря, 12.
— Супруга вел. князя литовскаго Гедимина, 64.
Ольга Вячеславовна, княжна, инокиня Полоцкаго монастыря, 30.
Ольгердъ Гедиминовичъ, во свят. крещеніи **Александръ**, великій князь литовскій, 61, 64, 69, 70, 73—80, 82.
Ольшанскіе, князья, сторонники Свидригайла, казненные въ Витебскѣ, 117.
Онуфрій, князь полоцкій, 79.
Оранскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря. См. **Іосифъ**.
Острожскіе, князья:
— Древне-русскій княжескій родъ, 39, 206, 210.
— Александръ Конст., 208, 210.
— Даніилъ или Дашко, 114.
— Конст. Ив., литовскій гетманъ, 142, 144, 146, 150—152, 158.
— Конст. Конст., кіевскій воевода, маршалъ волынскій и староста владимірскій, 166, 167, 185, 206, 208.
— Конст. Конст. 2-й († 1595 г.), 210.
— Янушъ Константиновичъ, отступникъ православія, 210.

П.

Павелъ I Петровичъ, императоръ, 325—328, 331.
Павелъ IV, папа римскій, 163.
Павловичи, дворянскій родъ, 211.
Паисій, пинскій уніатскій епископъ, 199.
Пакоста, Аѳанасій, холмскій уніатскій епископъ, 205.
Пацы:
— Русско-литовскій родъ, 164, 211.
— Нареченный кіевскій епископъ, 166.
— Гетманъ литовскій, 262, 263.

Пашкевичъ-Толоконскій, настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря. См. **Петръ**.
Пенскій, копыльскій ксендзъ, 284.
Пеструцкіе, князья:
— Смоленскій епископъ. См. **Мисаилъ**.
— Покровители православія, 133.
Петровскій-Ситняновичъ, Симеонъ Емельяновичъ. См. **Симеонъ**.
Петръ:
— (Могила), кіевскій митрополитъ, 194, 230—232, 235, 236, 276.
— Изъ Ганендза, распространитель аріанской ереси, 164.
— (Пашкевичъ-Толоконскій), настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, 296, 299.
Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, 300—302.
Петръ Димитріевичъ, князь новгородскій, 102.
Платонъ (Никол. Ив. Городецкій), настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, нынѣ митрополитъ кіевскій и галицкій, 361.
фонъ-**Плауенъ**, Генрихъ, начальникъ (комтуръ) Тевтонскаго ордена, 105.
Подобайло, начальникъ казацкаго отряда, 248, 254.
Познякъ, стольникъ ошмянскій, 287.
Поклонскій, литовскій шляхтичъ, полковникъ казацкаго полка, 255, 260.
Польховскій, витебскій и слуцкій архимандритъ. См. **Сильвестръ**.
Понятовскіе:
— Графъ, польскій король. См. **Станиславъ II Августъ**.
— Іосифъ, князь, племянникъ короля, 338.
Поссевинъ, Антоній, іезуитъ, 185, 188, 206.
Потаповъ, Александ. Львов., генералъ-адъютантъ, виленскій генералъ-губернаторъ, 372, 373.
Потельницкій, администраторъ Бѣлорусской епархіи. См. **Иларіонъ**.
Потемкинъ, архіепископъ минскій. См. **Іовъ**.
Поцѣй или Потѣй:
— Дворянскій родъ, 211.
— Ипатій, владиміро-волынскій епископъ, принявшій унію, впослѣд. митрополитъ, 189, 190, 192—194, 196, 199.
Предслава, игуменія Полоцкаго монастыря. См. преп. **Евфросинія**.
Пришихотскіе, основатели Лепесовскаго монастыря, 234.
Прозоровскій, князь, полководецъ, 263.
Пронскіе, княжескій родъ, 210.
Протасевичъ, виленскій латинскій епископъ, 181.
Протасовъ, графъ, А. П., оберъ-прокуроръ св. синода, 361.
Пузыны:
— Дворянскій родъ, 210.
— Аѳанасій, въ мірѣ Александръ, луцкій епископъ. См. **Аѳанасій**.
Пущина, основательница Паричскаго училища для дѣвицъ духовнаго званія, 367.
Пыпка, Юрій, строитель православной церкви въ Витебскѣ, 244.
Пясочинская, основательница Тороканскаго Троицкаго монастыря, 152.
Пяткевичъ, Янъ, епископъ жмудскій, 166.

Р.

Рагоза, Михаилъ, кіевскій митрополитъ, принявшій унію, 189, 190.
Радивилы, князья:
— Варвара, жена Сигизмунда II Августа, 162, 170.
— Марія (могилянка), 251.
— Николай Рыжій, родственникъ Сигизмунда II Августа, 162.
— Николай Черный, воевода виленскій и канцеляръ литовскій, 162—164, 181, 244, 251, 254, 255, 258.
— Софія Юрьевна (Олельковичъ Слуцкая), 210.
— Станиславъ, 182.
— Христофоръ, Николай Сиротка, 174.
— Христофоръ II Христофоровичъ, 218, 220.
— Янушъ, польный гетманъ, 246, 248.
— Янушъ VI Христофоровичъ, 218.
— Князь, принявшій православіе, 372.
Рамбольдъ, литовскій маршалъ, 120,
Рейнбергъ, латинскій епископъ, 14.
Репнинъ, кн. Никол. Вас., генералъ-фельдмаршалъ, русскій посолъ въ Варшавѣ, а потомъ въ Берлинѣ, 306, 312
Репнинъ-Оболенскій, московскій бояринъ, 252.
Римундъ, во св. крещеніи **Лавръ или Лаврентій**, въ иночествѣ **Елисей**, сынъ князя литов. Тройдена, 62.
Рингольдъ, литовскій князь, 56.
Риторайскій, Каллистъ Дороѳеевичъ, полоцкій епископъ. См. **Каллистъ**.
Рогвольдъ, норманскій, а потомъ полоцкій князь, 12.
Рогвольдъ Борисовичъ, князь полоцкій, 30, 32.
Рогвольдъ Всеславичъ, князь, 25.
Рогнѣда, супруга св. равноапостольнаго князя Владиміра въ иночествѣ **Анастасія**, 13, 17, 18.
Рожинскіе, дворянскій родъ, 210, 220,
Романъ:
— Литовскій митрополитъ, 79.
— Удѣльный князь брянскій, 58.
— Удѣльный князь муромскій. См. **Глѣбъ Владиміровичъ**.
Романъ Всеславичъ, князь, 25.
Романъ Даніиловичъ, галицкій князь, 43, 57, 60.
Романъ Мстиславичъ, князь владимірскій, волынскій и галицкій, 40, 41, 50, 52.

Романъ Ростиславичъ, князь смоленскій, 33.
Ростиславъ, князъ смоленскій, 32.
Ростиславъ Всеславичъ, князь, 25, 26.
Ростиславъ Глѣбовичъ, князь полоцкій, 30, 32.
Ростиславъ - Михаилъ, князь смоленскій и новгородскій, а потомъ кіевскій, 38.
Ростиславъ Ярославичъ, князь пинскій, 39.
Рупартовичъ, Симеонъ, базиліанскій монахъ, 256.
Рупіевскій, Стефанъ, луцкій латинскій епископъ, 281.
Рутскій, Іосифъ, уніат. епископъ, впослѣд. митрополитъ. См. **Вельяминъ-Рутскій**.
Рюрикъ Ростиславичъ, во св. крещеніи **Василій**, удѣльный князь овручскій, впослѣдствіи великій князь кіевскій, 34.
Ряполовская, княгиня, 139.

С.

Сагайдачный, гетманъ малороссійскихъ казаковъ, 221.
Садковскій, архіепископъ минскій. См. **Викторъ**.
Саковичъ, Андрей, литовскій воевода, 124.
Самуилъ (Сенчиловичъ или Сенчило), архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря, 193, 194.
Сангушки, княжескій родъ, 210.
Сапѣги:
— Русско-литовскій родъ, 164, 206, 211, 220.
— Левъ, канцлеръ литовскій, 181, 202, 204, 222, 242, 261.
Свелкеній, сынъ князя литов. Тройдена, 62.
Свидригайло Ольгердовичъ, во св. крещеніи **Левъ**, князь литовскій, 82, 87, 96, 97, 99, 102, 114, 116—118, 120, 123, 127.
Святополкъ I Владиміровичъ Окаянный, великій князь кіевскій, 14, 19.
Святополкъ Ивановичъ, смоленскій князь, 74, 88.
Святополкъ-Михаилъ Изяславичъ, князь кіевскій, 25, 37.
Святополкъ-Четвертинскіе, князья:
— Григорій Захарьевичъ, митрополитъ. См. **Гедеонъ**.
— Сергѣй-Вячеславъ, могилевскій епископъ. См. **Сильвестръ**.
Святополкъ Юрьевичъ, князь туровскій, 39.
Святославъ Владиміровичъ, князь древлянскій, 14, 19.
Святославъ Всеволодовичъ, великій князь кіевскій, 33.
Святолавъ Всеславичъ, князь, 25, 26.
Святославъ Игоревичъ, князь кіевскій, 12.
Святославъ Ольговичъ, князь черниговскій, 32.
Святославъ Ярославичъ, князь черниговскій, а потомъ кіевскій, 22, 37.
Свяцкій, шляхтичъ, ревнитель уніи, 288, 290.
Селецкій, Аѳанасій, полоцкій епископъ, 190
Селицкіе, дворянскій родъ, 211.
Селявы:
— дворянскій родъ, 211.
— Антоній, полоцкій уніатскій епископъ впослѣд. митрополитъ, 198, 205, 224, 240, 243, 244 251, 271.
Сенка, діаконъ. переписчикъ минеи, 134.
Сенчиловичъ, или **Сенчило**. архимандритъ Вилен. Троиц. монастыря. См. **Самуилъ**.
Сенявскіе:
— А. Н., гетманъ, 303.
— Іеронимъ, владѣлецъ Шклова, 293.
Сестренцевичъ, латинскій митрополитъ. См. **Богушъ-Сестренцевичъ**.
Сиверсъ, гр. Яковъ Ефимов., намѣстникъ тверской, новгородскій и псковскій и посолъ въ Польшѣ, 322.
Сигизмундъ:
— нѣмецкій императоръ и король венгерскій, богемскій и италіанскій, 114, 115.
— I, король польскій, 130, 137, 147, 150, 151, 154—156, 158, 159, 162, 163.
— III, король польскій и шведскій, 185. 188, 189, 194, 196, 199, 204, 220, 222, 228.
Сигизмундъ II Августъ, король польскій, 137, 156, 159, 160, 162, 163, 166, 167, 170—172, 175, 180, 181, 313, 375.
Сигизмундъ Кейстутьевичъ, литовскій князь, 108, 116—118, 120, 123, 124.
Сигизмундъ Корибутовичъ, князь, 116.
Сильвестръ:
— (Белькевичъ), литовскій митрополитъ, 170.
— (Волчанскій), администраторъ Бѣлорусской епархіи, 296.
— (Добрыня), настоятель Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, 297.
— (Князь Сергѣй Вячеславъ Святополкъ Четвертинскій), могилевскій епископъ, 281, 288, 290, 300, 303.
— (Косовъ), кіевскій митрополитъ, 240, 242—244, 250, 276.
— (Ляскоронскій), настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, 297.
— (Польховскій), витебскій и слуцкій архимандритъ, 296.
Симеонъ:
— Новгородскій, епископъ полоцкій (XIII в.), 28.
— (Петровскій-Ситняновичъ Полоцкій), іеромонахъ, 263, 264.
— Полоцкій епископъ, 61.
— Туровскій епископъ, 37.
Симеонъ Олельковичъ (Александровичъ), кіевскій князь, 120, 127.
Симеонъ Ольгердовичъ, въ язычествѣ **Лугвеній**, князь мстиславскій, 82, 88.
Скарга, Петръ, іезуитъ, ректоръ Виленской іезуитской академіи, 181, 186, 188.
Скиндеръ, строитель костела въ Ляцкѣ, 108.

Скиргайло Ольгердовичъ, во св. крещеніи **Іоаннъ**, князь литовскій, 82—84, 88, 93, 94, 96, 97.
Скирмунтъ, литовскій вождь, 55.
Скобейко, сообщникъ удѣльнаго князя Чарторыйскаго, 120.
Скорина, Георгій-Францискъ, докторъ, типографъ, 155, 156.
Скумины, дворянскій родъ, 211.
Слуцкіе Олельковичи, князья:
— Ревнители православія, 133, 206, 210.
— Юрій Семеновичъ, 152.
— См. **Александръ Юрьевичъ**, **Иванъ-Симеонъ Юрьевичъ**, **Софья Юрьевна Радивилъ**, **Юрій Олельковичъ** и **Юрій Юрьевичъ**.
Смарагдъ (Крыжановскій), полоцкій епископъ, впослѣдствіи архіепископъ рязанскій, 357, 361.
Смогоржевскій, уніатскій митрополитъ. См. **Юноша-Смогоржевскій**.
Смотрицкій, Мелетій, полоцкій архіепископъ, сначала ревнитель, а потомъ отступникъ православія, 202, 210, 214, 222—224.
Снядецкій, Иванъ, ректоръ Виленскаго университета, 338.
Соболь, Спиридонъ, западно-русскій типографъ, 243.
Соколинскіе, дворянскій родъ, 210.
Соломерецкіе:
— Дворянскій родъ, 152, 210, 211, 232, 233.
— Ревнительница православія. См. **Стеткевичи-Заверскіе**.
— Богданъ, основатель Борколабовскаго монастыря, 212, 224.
Солтанъ:
— Русско-литовскій родъ, 166, 206.
— Александръ, маршалокъ литовскій, основатель Жировицкаго монастыря, 134, 146.
— Ив. А., 152.
— Митрополитъ. См. **Іосифъ**.
Солтанъ Солтановичъ, намѣстникъ бѣльскій, 134.
Солтыкъ, краковскій латинскій епископъ, 279.
Сосновскіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Антоній, уніатскій каноникъ, 349, 350.
Софія Витовтовна (Александровна), княжна литовская, супруга вел. кн. московскаго Василія Димитріевича, 94.
Софія Юрьевна Олельковичъ-Слуцкая. См. **Радивилъ**.
Социны, Фавстъ и Лелій, основатели секты унитаріевъ или антитринитаріевъ, 164.
Стабровскіе, дворянскій родъ, 211.
Ставицкіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Анна. См. **Городецкая-Биллевичева**.
Станиславъ II Августъ (графъ Понятовскій), польскій король, 306, 312, 375.
Стеткевичи-Заверскіе:
— Дворянскій родъ, 211, 232, 233.
— Анна, урожд. княжна Огинская, 211, 212.
— Богданъ Оксеновичъ, ревнитель православія, 212, 216.
— Елена Богдановна, урожд. княжна Огинская, 212.
— Елена, урожд. Соломерецкая, 212, 216.
— Янъ, строитель Бѣлковскаго монастыря, 212.
Стефанъ, владимірскій епископъ, 16.
Стефанъ Баторій, король польскій, 184—186.
Стоцкіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Іосифъ, строитель Васильевской церкви въ Могилевѣ, 251.
Стройнатъ, князь жмудскій, 60, 61.
Суворовъ-Рымникскій, графъ, князь Италійскій, Александръ Вас., генералиссимусъ, 312.
Сумма, казацкій полковникъ, 220, 221.
Сурины, дворянскій родъ, 211.
Сурпуній, сынъ князя литов. Тройдена, 62.
Суходольскіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Маріанна, основательница Мазаловскаго женскаго монастыря, 293.
Суша, Яковъ, холмскій уніатскій епископъ, 199, 270.
Сѣмашко:
— Дворянскій родъ, 211.
— Литовскій митрополитъ. См. **Іосифъ**.

Т.

Таборъ, Войцехъ, литовскій латинскій епископъ, 136, 139, 140.
Тель, жмудскій богатырь, 103
Темиръ-Кутлуй, татарскій ханъ, 99.
Терлецкіе:
— Аѳанасій, полоцкій архіепископъ, 215.
— Кириллъ, епископъ луцкій и острожскій, принявшій унію, 189, 190.
— Меѳодій, холмскій уніатскій епископъ, 197.
— Ярошъ, 220.
Тимуръ или **Тамерланъ**, татарскій ханъ, 98.
Тиссаровскій, Іеремія, львовск. епиcк., 205.
Товтивилъ, князь полоцкій, 57, 58, 60.
Токаревскій, игуменъ Гродненскаго монастыря. См. **Макарій**.
Топчевскій, строитель костела въ Топчевѣ, 120.
Тохтамышъ, татарскій ханъ, 98, 99.
Тризна:
— Дворянскій родъ, 211.
— Александръ, основатель Голдовскаго монастыря, 234.
— Настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря. См. **Климентъ**.

Тройденъ, великій князь литовскій, 43, 62, 64.
Тройнатъ, одинъ изъ владѣтелей Жмуди, 58.
Трубецкой, князь, начальникъ русскаго отряда, 254.
Труцевичъ, настоятель Оршанскаго Богоявленскаго монастыря. См. **Іоиль**.
Тупальскій, Антоній, уніатскій оффиціалъ, потомъ православный протопресвитеръ, 349, 354.
Туптало, Даніилъ Саввичъ, митрополитъ. См. **Димитрій**.
Туръ, сподручникъ норманскаго князя Рогвольда, 12.
Тутолминъ, Тимоѳей Иван., генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ Подольскаго и Волынскаго намѣстничествъ, впослѣд. предсѣдатель государств. совѣта, 312, 323.
Тышкевичи:
— Дворянскій родъ, 211.
— Анна (Унѣховская), жена предыдущаго, 212.
— Василій, 152.
— Юрій, ревнитель православія, 212.

У.

Унѣховскіе:
— Дворянскій родъ, 211.
— Анна. См. **Тышкевичи**.
Урбанъ VIII, папа римскій, 204, 271.

Ф.

Филаретъ:
— (Амфитеатровъ), кіевскій митрополитъ, 361.
— (Вас. Мих. Дроздовъ), митрополитъ московскій и коломенскій, 367.
Филимоновичъ, мстиславскій бѣлорусскій епископъ. См. **Меѳодій**.
Филипповичъ, настоятель Брестскаго монастыря, священномученикъ. См. **Аѳанасій**.
Фіалковскій, Антоній, ксендзъ, профессоръ Виленскаго университета, 357.
Фіоль, Швайпольтъ, славянскій первопечатникъ, 155.
Фотій, митрополитъ всей Руси, 112, 114, 115.
Фридрихъ, шестой сынъ Казиміра IV, латинскій архіепископъ, а потомъ кардиналъ, 137, 139.

Х.

Халецкіе, дворянскій родъ, 211.
Хвеська, начальникъ казацкаго загона, 246.
Хворостининъ, князь, московскій бояринъ, 255.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 246—248, 251, 252, 254, 260.
Хованскій, князь, воевода, 260—262.
Ходкевичи:
— Русско-литовскій родъ, 164, 206, 211.
— Александра. См. **Корибутъ-Вишневецкіе**.
— Григ. Александр., литовскій гетманъ, 146, 152, 167.
— Иванъ-Іеронимъ, 181.
— Іеронимъ, владѣлецъ Слуцка, 220.
— Строитель Заблудовской церкви, 282.
— Янъ-Карлъ, 181.
Хребтовичъ, строитель костела въ Вишневѣ, 108.
Хрептовичи, покровители православія, 203, 211.
Христіанъ, латинскій епископъ въ Новгородкѣ-Литовскомъ, 91.

Ц.

Цамблакъ, митрополитъ. См. **Григорій**.
Цвингли, Ульрихъ, цюрихскій священникъ, первый реформаторъ въ Швейцаріи, 162, 163.
Цольнеръ, Конрадъ, магистръ Тевтонскаго ордена, 84.

Ч.

Чарнецкій, полководецъ, 261.
Чарнковскій, взявшій приступомъ Усвятъ, 262.
Чарторыйскіе, князья:
— Княжескій родъ, 210.
— Адамъ-Георгъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ попечитель Виленскаго учебнаго округа, 332, 334, 335, 339, 340, 352, 357.
— Удѣльный князь, 120.
Черкасскій, кн., начальникъ русскаго отряда, 254, 255, 263.
Черновскій или **Черкавскій**, Паисій Ипполитовичъ, холмскій епископъ, 222.
Чернышевъ, гр. Захарій Григ., генералъ-фельдмаршалъ, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, впослѣд. московскій градоначальникъ, 307, 316, 322.
Четвериковъ, И. И., московскій купецъ, жертвователь на церкви Западнаго края, 367.
Чеховичъ, протестантскій пасторъ, 164.
Чолненскіе, дворянскій родъ, 211.

Ш.

Шаховскій, отступникъ православія, 205.
Шаховской, князь, виленскій воевода, 256.
Шварнъ Даниловичъ, великій князь литовскій, князь холмскій и белзскій, 43, 57, 60, 61.
Шембелевна, Евгенія, основательница женскаго монастыря въ Минскѣ, 234.
Шемяка или **Шемячичъ**, Василій Ив., князь рыльскій, 142.
Шереметевы:
— Вас. Петр., бояринъ, 254, 255.
— Матв. Вас., 255.
Шестаковъ, Ив. Алексѣев., виленскій губернаторъ, впослѣдствіи управляющій морскимъ министерствомъ, адмиралъ, 373.

Шиманскій, Веніаминъ, ...новскій латинскій епископъ, 368.
Шипневскій, Богуславъ, стольникъ, 301.
Ширинскій-Шихматовъ, князь А. П., попечитель Виленскаго учебнаго округа, 372.
Шишацкій, настоятель Вилен. Св.-Дух. монастыря, впослѣд. архіепископъ могилевскій. См. **Варлаамъ**
Шишковъ, Александр. Семен., министръ народнаго просвѣщенія и президентъ Россійской академіи, 350.
Шишъ-Ставецкій, основатель Сурдегскаго монастыря, 152.
фонъ-**Штернбергъ**, кюхмейстеръ, начальникъ Жмуди, 103.
Шумлянскій, Іосифъ (Янъ), львовскій православный епископъ, совратившійся въ унію, 294.

Э.

Эдигей, татарскій военачальникъ, 99.

Ю.

Юлій II, папа римскій, 1..
фонъ-**Юнгингенъ**, Ульрихъ, великій магистръ Тевтонскаго ордена, 105.
Юнöша-Смогоржевскій, Іасонъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, впослѣд. митрополитъ, 319, 320, 3..
Юрага, основатель Троицкаго монастыря въ с. Даревѣ, 166.
Юревичъ, плебанъ, 281, 2..
Юрій Владиміровичъ, князь пинскій, 39.
Юрій Владиміровичъ Долгорукій, князь ростовскій и суздальскій, а потомъ кіевскій, 38.
Юрій Даниловичъ, князь московскій, 73.
Юрій Лугвеніевичъ, мстиславскій князь, 120, 124.
Юрій I Львовичъ, король русскій и князь владимірскій (царь Россіи и князь Лодомиріи), 44.
Юрій Олельковичъ, князь слуцкій, 170, 208.
Юрій Святославичъ, князь смоленскій, 88, 96, 102.
Юрій Юрьевичъ:
— Волынскій князь, 74
— Слуцкій князь († 15..), 210.
Юрій Ярославичъ, князь туровскій, 38.
Юшкевичъ, настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, впослѣд. архіепископъ. См. **Амвросій**.

Я.

Явнутъ Гедиминовичъ, во св. крещеніи **Іоаннъ**, князь литовскій, 70.
Ягайло (Ягелло), во св. крещеніи **Яковъ**, великій князь литовскій, а потомъ король польскій, подъ именемъ **Владислава II** или **V**, 81—84, 86—88, 90, 92-94, 96, 99, 104—106, 109, 110, 114, 117, 122, 128, 129.
Ядвига, королева польская, жена Ягайлы (Владислава II или V), 86—88, 98.
Яковъ Ольгердовичъ, великій князь литовскій, а потомъ король польскій, подъ именемъ **Владислава II** или **V**. См. **Ягайло (Ягелло)**.
Янковскій, Плакидъ, протоіерей, писатель, 354.
Янушевичъ, Ѳедька, основатель Рождество-Богородичной церкви въ Вильнѣ, 146.
Янъ-Альбрехтъ, польскій король, 137, 138, 142.
Янъ-Казиміръ, король польскій, 228, 248, 250, 258, 270, 275, 280, 292.
Янъ III (Собесскій), польскій король, 292.
Ярмолинскіе, дворянскій родъ, 211.
Ярополкъ II Владиміровичъ, князь кіевскій, 26, 38.
Ярополкъ Изяславичъ, князь туровскій, 37.
Ярополкъ Святославичъ, князь кіевскій, 13.
Ярополкъ Юрьевичъ, князь, 39.
Ярославъ Васильевичъ, князь витебскій, 61.
Ярославъ I (Юрій) Владиміровичъ Мудрый, великій князь кіевскій, 19, 21, 22, 24, 49, 50, 66.
Ярославъ Всеволодовичъ, князь черниговскій, 33, 34, 56.
Ярославъ Юрьевичъ, князь пинскій, 39.
Ярославъ Ярополковичъ, князь кіевскій, 39.
Яцкевичъ, Симеонъ, ревнитель уніи, 199.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Иванъ, дьяконъ Москов. кремлевской церкви Николы Гостунскаго, первый русскій печатникъ, 168.
Ѳедоръ Коріятовичъ, князь подольскій, 96, 97.
Ѳеодора, жена кобринскаго князя Ивана, 146.
Ѳеодоровичъ, іеромонахъ. См. **Никодимъ**.
Ѳеодоръ, ростовскій епископъ, 16.
Ѳеодоръ Владиміровичъ, князь пинскій, 39.
Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ, князь пинскій, 138, 146, 152.
Ѳеодоръ Ивановичъ, царь московскій, 185.
Ѳеодосій:
— (Василевичъ), могилевскій епископъ, 292, 294, 296.
— Луцкій епископъ, 118.
— Полоцкій епископъ, 112.
— Турово-пинскій епископъ, 112.
Ѳеофанъ, іерусалимскій патріархъ, 221, 224.
Ѳома:
— Священникъ, вѣнчавшій Елену Іоанновну и Александра Ягеллона, 139.
— Первый туровскій епископъ, 17.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
Въ текстѣ:			
3	4 снизу	этомъ	этотъ
4	17 сверху	1772 и 1793 годахъ	1772, 1793 и 1795 годахъ
29	14 »	Комнену	Комнену,
30	2 »	Богша	Богши
32	14 »	Ростиславла	Ростислав
33	1 »	Рогволода	Рогвольда
—	6 »	Василько	Василька
66	12 »	Вильнѣ	Вилейкѣ
97	18 »	Свидрагайла	Свидригала
104	11 »	увозиликъ	увозили въ
108	6 »	собственной	собственой Литвѣ
—	15 »	Кестутьевичемъ	Кейстутьвичемъ
110	13 снизу	Мещкевичемъ	Мацкевиемъ
116	13 сверху	знакъ православія	знакъ тожества православія
121	2 »	Сгремленіе	Стремленіе
130	9 снизу	(тамъ)», того	(тамъ), что
—	8 »	права.	права».
206	1 сверху	сам	само
234	12 снизу	гр.	Гр.
259	13 »	всупаетъ	вступаетъ
260	3 »	Долгорукова	Долгоруаго
264	1 сверху	времеи нусиливаются	времени усиливаются
265	13 »	1886	1686
—	— »	съ XVII	съ XVI
272	5 снизу	Виленскую 13	Виленсую, 13
320	5 »	унiи [579]):	унiи [57]
Въ приложеніяхъ:			
9	10 »	Starozyna	Starozna
16	24 »	кятторамъ	кляштрамъ
85	12 »	изданую	изданю
—	11 »	книги	книгу

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
Въ текстѣ:				
364	17	снизу	зинода	синода
368	16	»	Волковыискаго	Волковыскаго
Въ приложеніяхъ:				
41	16	сверху	мозаику	эмаль
54	9	снизу	Владыка	Владычка
57	3	сверху	Манула	Мануила
—	10	»	1873	1173
66	16	»	Симона	Симеона
73	8	снизу	преосвященный	просвѣщенный
74	5	сверху	Буйницы	Буйничи
77	4	снизу	состояціе	состоящими
78	11	сверху	высѣляться	выселяться
—	29	»	Переяславль	Переяславъ
—	36	»	вожможность	возможность
—	39	»	осажденныхъ	осажденнымъ
79	4	снизу	продождалось	продолжалось
80	10	сверху	Переяславлѣ	Переяславѣ
82	12	»	бызъ	былъ
—	23	»	міру	миру
86	8	»	предмѣстникомъ	преемникомъ
90	13	»	московскимъ	литовскимъ
—	24	»	1772	1712
92	14	снизу	соединилась	соединилось
104	39	сверху	церквей	монастырей
105	12	»	литовскаго	митавскаго
107	19	»	харалтера	характера
118	17	»	Werdez	Werder
119	22	»	зеленью	зеленою
133	17	»	Развалина	Развалины
135	11	»	надпись	надписью
136	1	»	Журовицкій	Жировицкій

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Batjuškov, Pompej N. [Herausgeber]

Bělorussīja i Litva istoričeskīja sudby Sěvero-zapadnago kraja

S.-Peterburg 1890

4 Russ. 60 z
urn:nbn:de:bvb:12-bsb00124661-7

Die PDF-Datei kann elektronisch durchsucht werden.